

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
★ БИБЛИОТЕКА ★**

З. В. АТЛАС

ДЕНЬГИ И КРЕДИТ
(ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ И В СССР)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1

9

3

0

З. В. АТЛАС

ДЕНЬГИ И КРЕДИТ

(ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ И В СССР)

ЧАСТЬ I

ТЕОРИЯ ДЕНЕГ. ДЕНЕЖНЫЕ
СИСТЕМЫ КАПИТАЛИЗМА.
ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА СССР

ЧАСТЬ II

ТЕОРИЯ КРЕДИТА И БАНКОВ.
БАНКОВЫЕ СИСТЕМЫ КАПИТАЛИЗМА.
БАНКОВАЯ СИСТЕМА СССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА ☆ 1930 ☆ ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии Госиздата

„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“.

Москва, Краснопролетарская, 16,

в количестве 5 000 экз.,

Главлит № А — 65714

Гиз С—10 № 38090.

Заказ № 467.

28 п. л.

☆

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа представляет собой *опыт* систематического, краткого и более или менее популярного изложения марксистского учения о деньгах, кредите и банках. Не приходится доказывать, сколь большое значение имеют трактуемые здесь проблемы и конкретный материал об организации денежных и банковых систем капитализма и СССР.

В настоящее время курс «Деньги и кредит» в порядке лекционных, семинарских и лабораторных занятий изучается в многочисленных экономических ВУЗ'ах, промышленно-экономических техникумах и на специальных банковских курсах. Кроме того в сокращенном объеме вопросы денег, кредита и банков изучаются в связи с прохождением курса политической экономии, обязательного не только для экономических, но и для технических ВУЗ'ов, а также для совпартшкол, рабфаков и т. д. Наконец, широкой массе практических работников, в особенности работникам нашего финансового и банкового аппарата, необходимо дать возможность усвоить теоретические основы учения о деньгах и банках и помочь в ознакомлении с организацией денежных и банковых систем капиталистических стран и в особенности с принципиальными вопросами организации этих систем в переходную эпоху.

Для столь широкого круга читателей необходимо дать *систематическое, краткое* и по возможности *популярное* изложение учения о деньгах и банках. Поэтому наша книга не могла исчерпать все теоретические и практические вопросы чрезвычайно обширного учения о деньгах и банках. Специально интересующиеся проблемами теории денег и кредита, а также желающие получить исчерпывающее представление о денежных и банковых системах отдельных капиталистических стран и СССР ни в коем случае не могут ограничиться настоящим руководством. Последнее дает лишь тот *минимум знаний по общим вопросам учения о деньгах, кредите и банках*, который необходим для всякого приступающего к изучению специальных вопросов в этой области, а также для банковских и вообще финансовых практических работников.

Недостаточная разработанность марксистской наукой некоторых специальных проблем учения о деньгах и банках, остро дискуссион-

ный характер ряда центральных проблем в этой области, а также полное отсутствие марксистских работ по конкретным вопросам организации денежных и банковых систем, чрезвычайно затруднили задачу составления настоящего популярного руководства. Но указанные объективные трудности не могли бы оправдать наш отказ от предложения Гиза составить предлагаемое руководство, поскольку крайне настоятельна потребность в таковом. Мы не считаем однако, что с выходом в свет настоящей книги завершена задача создания систематического и популярного марксистского руководства по деньгам, кредиту и банкам. Напротив того, мы полагаем, что эта работа только *начата*.

Вполне сознавая дефекты настоящей работы, мы все же надеемся, что при нынешнем положении с учебными руководствами в этой области наша книга хотя бы отчасти поможет учащимся при прохождении этой дисциплины, а также и пожалуй в особенности—при самообразовании, когда отсутствует помощь преподавателя-марксиста.

Ряд данных в этой книге более или менее новых или отличающихся от обычных положений и формулировок, по самому характеру и объему настоящей работы, не могли получить в ней достаточного научного обоснования. Частично (в отношении вопроса кредита) это сделано автором в ряде его статей, опубликованных в журналах «Под знаменем марксизма» и «Вестнике Коммунистической академии» за 1928—1930 гг.; результаты работы над другими вопросами денег и кредита автор надеется опубликовать в будущем.

Конкретный материал по истории денежных и банковых систем капиталистических стран заимствован нами из оригинальных монографий (главным образом иностранных авторов), посвященных отдельным странам (*Яффе, Вебер, Кауфман, Визер, Руссер, Гельвиц, Мультон, Фалькнер, Силли* и проч.), и отчасти из сводных русских работ (*Канценеленбаум, Силли*, сборники НКФ об иностранных денежных и банковых системах).

Новейший материал, доведенный в книге до 1929 г., извлечен нами из иностранных периодических изданий, а именно «Deutsche Oekonomist», «Die Bank» (Германия), «Federal Reserve Bulletin», «Annual Report Comptroller of the Currency» (САСШ), «Statist» (Англия), «Revue d'Economie Politique» (Франция) и других журналов и официальных отчетов.

В качестве материала по истории денежного обращения СССР мы воспользовались официальным сборником НКФ «Наше денежное обращение», а также работами *Л. Юровского* («Денежная политика Советской власти») и *Вайсберга* («Деньги и цены»). Статистические таблицы по банковской системе СССР составлены по нашим указаниям сотрудни-

ками статистической части ПЭУ НКФ СССР. «Капитал» Маркса цитируется по русскому переводу под ред. *Базарова и Степанова*, пересмотренному *И. Степановым*. Термины «стоимость» и «ценность» употребляются в тексте, как синонимы. Петитом напечатаны в теоретической части более трудные места, а в конкретной части—более подробные сведения о денежных и банковых системах.

Автор приносит благодарность гг. *С. Слуцкиной, А. Эйдельмант* и *Н. Цаголову* за просмотр книги в рукописи и ряд ценных указаний, и тов. *Я. Куперману*—за сотрудничество в работе над главами XXXIV—XXXVI.

3. АТЛАС (Г. АСОВ).

Москва, 28 апреля 1930 года.

ОТДЕЛ I. ТЕОРИЯ ДЕНЕГ.

ГЛАВА I.

СУЩНОСТЬ ДЕНЕГ.

§ 1. Первое поверхностное определение денег. — § 2. Государственная теория денег. — § 3. Второе поверхностное определение денег, противоречащее первому. — § 4. Металлистическая теория денег. — § 5. Как следует подходить к определению сущности денег. — § 6. Роль цены в товарном обществе. — § 7. Потребительская и меновая стоимость товара. — § 8. Прослая форма стоимости и ее два полюса. — § 9. Полная или развернутая форма стоимости. — § 10. Превращение развернутой формы стоимости во всеобщую форму стоимости. — § 11. Денежная форма стоимости. — § 12. Три особенности эквивалентной формы стоимости. — § 13. Определение денег. — § 14. Денежный фетишизм.

§ 1. Что такое деньги? На первый взгляд вопрос совсем праздный. Кто же из нас не знает, что такое деньги. Мы дня не можем прожить без того, чтобы не пользоваться деньгами. Государство составляет свой бюджет в деньгах, получает доходы (налоговые и неналоговые) и расходует их в тех же деньгах, на эти деньги мы приобретаем самые разнообразные товары. В деньгах же мы оцениваем стоимость товаров и услуг, производим калькуляции (коммерческие расчеты). Наконец деньгами мы уплачиваем налоги и погашаем частные долги. Словом, деньги прочно вошли в наш хозяйственный обиход.

Но попробуем определить деньги на основании нашего повседневного опыта. Мы, конечно, скажем, что деньги—это те знаки—бумажные, как десяти- и тридцатирублевые червонцы и пяти-, трех- и однорублевые казначейские билеты, и металлические—серебряные, медные и никелевые, которые служат средством уплаты за товары, долги и т. п.

Но почему мы можем за эти металлические кружочки и бумажные знаки получать самые разнообразные и необходимые для нас товары? Ведь бумажные деньги сами по себе ничего не стоят и не являются ценностью, а за серебряный гривенник мы можем получить гораздо больше серебра, чем заключается в этом гривеннике. Очевидно только потому, что эти бумажные знаки выпускает *государство*, которое, принимая эти знаки в платежи и обязывая принимать их в частном обороте, тем самым придает им *покупательскую и платежную силу*. Итак, повидимому, на основании повседневных наблюдений можно определить деньги, как государственные платежные знаки, являющиеся и для частных лиц средством покупок и платежей.

§ 2. Так именно определяет деньги так называемая государственная или юридическая теория денег. Эта теория очень древнего происхождения. Еще в средние века придворные юристы учили, что деньги—это создание правопорядка или что государь сам создает деньги.

В России при Петре Великом *Посошков* рассматривал создание денег как проявление «государевой воли». В новейшее время подробно это учение развито немецким ученым *Георгом Кнаппом* в его труде «Государственная теория денег». *Кнапп* имеет много сторонников как среди ученых, так и среди практиков¹.

§ 3. Правильно ли такое определение денег? Достаточно вспомнить довоенные условия нашей хозяйственной жизни или присмотреться к современной, например американской, действительности или, наконец, обратиться к хозяйственной истории разных стран и народов, чтобы убедиться в односторонности и, следовательно, неправильности такого определения денег. До войны у нас основными деньгами были пяти- и десятирублевые монеты; каждая пятирублевая монета заключает в себе 87,12 долей определенного товара высокой ценности — золота. Что же касается пяти- и трехрублевых «кредитных билетов» и серебряной и медной разменной монеты, то все они служили лишь дополнением к основным деньгам — *золотым*. В любой момент и в неограниченном размере их можно было обменять на золото. Золотые же монеты были не чем иным, как частицами золотого товара, и роль государства в отношении этих денег сводилась лишь к тому, что государство путем чеканки устанавливало фактический *вес* и *пробу* этих кусков золота. Каждый мог принести на монетный двор и получить обратно это же золото в форме денег той же ценности, за вычетом ничтожной суммы за чеканку. Следовательно в этом случае мы уже не можем говорить, что деньги — это государственные знаки. Этими знаками лишь удостоверяется качество товара, подобно тому как известные торговые фирмы ставят свою марку на товаре, и это освобождает публику от необходимости испытывать каждый раз качество этого товара. Но от того, что на чае было написано «Губкин-Кузнецов, сорт А», чай не переставал быть чаем; точно так же от того, что на золотых монетах был отчеканен двуглавый орел и на них было написано, что 10 рублей содержат в себе 1 зол. 78,24 долей чистого золота, эти деньги не переставали быть золотом, но лишь с *маркой государства*.

Итак наблюдение над хозяйственной практикой теперь приводит нас к совершенно противоположному выводу. Деньги — это не государственные знаки, но *товар-золото*, такой же товар, как и все прочие. И только потому, что деньги — это товар, мы можем этот товар обменять в соответственной стоимости на все прочие товары. Отсюда как будто бы покупка на деньги есть то же, что простая *товарная мена*. Роль же государства здесь сводится лишь к тому, что оно ставит свою «марку», т. е. удостоверяет качество этого товара-золота.

§ 4. Так учит металистическая теория денег, противоположная ранее названной — государственной или номиналистической теории. Металистическая теория так же стара, как и номиналистическая: ее развивали идеологи торгового капитализма еще в XVI и XVII вв. В новейшее время эта теория была развита немецким ученым Карлом

¹ Подробное изложение и критика его теории будут даны в VIII главе.

Дилем в ряде его трудов, один из которых «Золото и валюта» переведен на русский язык¹.

§ 5. Наша попытка определить деньги на основе поверхностных наблюдений завела нас в тупик. Сначала мы нашли, что деньги — это государственные знаки, а потом оказалось, что деньги — это просто товар-золото, такой же товар, как и пшеница, сукно, обувь, чай, алмазы и т. д. Какое же определение более правильно? Очевидно ни то, ни другое! Оказывается, мы были слишком самоуверенны, когда вначале заявили, что деньги такая простая вещь, которую нечего изучать. Мы *не знаем*, что такое деньги: мы пока не смогли даже дать им *общее определение*.

Покупки, продажи, уплаты долгов, налогов, и т. п. — все это действия, в которых проявляются экономические связи людей. Поскольку же все эти действия осуществляются при посредстве денег, постольку очевидно, что деньги *есть прежде всего «инструмент» этих общественных экономических связей*. Чтобы понять и правильно определить этот инструмент, мы не будем слепо следовать за нашими поверхностными представлениями о деньгах, но постараемся представить себе тот общественный хозяйственный «механизм», который не может действовать без денег. Мы, следовательно, должны понять *общественную роль денег*, их место в экономической системе. Вместе с тем мы поймем сущность денег и сможем дать такое определение денег, которое будет действительно научным.

§ 6. Отличие капиталистического и вообще товарного общества от первобытного натурального хозяйства и от социалистического общества заключается в отсутствии центрального органа или лица, который руководил бы всем процессом общественного производства и распределения продукции между потребителями. Никто не указывает капиталистам, в какие именно отрасли производства они должны вкладывать свои капиталы, сколько и каких именно товаров они должны производить и, наконец, какими способами производства (например машинным или ручным путем) нужно производить эти товары. Каждый отдельный капиталист решает все эти вопросы по своему собственному усмотрению. На основе стихийных регуляторов, «слепых» законов устанавливается известное «равновесие» между отдельными частями капиталистического целого. Однако, это «равновесие» является случайным моментом среди постоянных отклонений и колебаний системы. Так для того, чтобы общественная потребность в текстильных изделиях была удовлетворена, необходимо, во-первых, чтобы все капиталисты этой отрасли в целом произвели определенное количество разных сортов товаров, во-вторых, для этого необходимо, чтобы целый ряд других отраслей производства, как-то: производство сырья (хлопок, шерсть, лен), машиностроительное производство, угольная промышленность и т. д., и т. д. доставили для текстильной промышленности опять-таки вполне определенное количество нужного рода товаров.

Как же это «равновесие» устанавливается? Кто заставляет капи-

¹ См. изложение и критику металлистической теории денег в VIII главе.

таллистов производить как-раз определенные товары, в определенном количестве и определенными способами производства?

Общеизвестно, что рыночные *цены* товаров направляют действия каждого отдельного капиталиста. Последний будет производить только те товары, цены на которые сулят ему прибыль. Далее он будет расширять свое производство лишь до тех пор, пока количество товаров не превысит спрос, и цены товаров не упадут до такого уровня, который не даст ему никакой прибыли или даже принесет убыток. Наконец для производства этих товаров он должен применить лишь такие способы производства, которые оказываются, как говорят, рентабельными, т. е. прибыльными. Он не может производить ткань ручным способом, если другие производят машинным способом.

Цена товара—это единственный *барометр*, по которому капиталисты узнают о «рыночной погоде» и в соответствии с этим решают вопрос о том, что следует и чего не следует производить.

С этим барометром мы должны ближе познакомиться. Цены товаров от долей копеек до миллионов рублей аналогичны градуснику, деления которого от 0 могут подниматься вверх и вниз. Но чтобы понять, что такое цена товара, мы должны прежде всего определить природу самого товара и выяснить, каким образом стоимость товаров выражается в этом бесконечном «градуснике цен», т. е. мы раньше всего должны познакомиться с товаром и его стоимостью. Это самый трудный момент теории денег.

§ 7. В натуральном хозяйстве, где все работают сообща и где глава племени распределяет все произведенное или награбленное, нет места товару. Товар существует только там, где продают и покупают. Особенность товара в отличие от продукта состоит в том, что товар производится не для собственного потребления, но *для продажи*; для того, кто произвел товар, последний не имеет *потребительской стоимости*, т. е. не является средством потребления. Смешно было бы предполагать, что фабриканту, вырабатывающему в день 100 тыс. пуговиц, действительно нужны эти пуговицы. Для него этот *товар* не имеет никакой потребительской стоимости, но зато обладает *меновою стоимостью*, т. е. может быть продан.

Но, с другой стороны, этот товар обладает меновой стоимостью и может быть продан только потому, что в обществе действительно имеются люди, которым эти пуговицы нужны и для которых, следовательно, этот товар имеет *потребительскую стоимость*. Следовательно, меновая стоимость обязательно предполагает потребительскую стоимость, и эти две души заключены во всяком товаре. Для производителя товар имеет меновую стоимость только потому, что он не является для него потребительской стоимостью; наоборот, для покупателя этот товар имеет потребительскую стоимость как-раз потому, что он лишен для него значения как меновая стоимость, поскольку товар покупается не для перепродажи, но для потребления. В этом—*противоречие товара*. Он является одновременно и потребительской стоимостью и стоимостью.

Специфической (особенной, своеобразной) чертой товара является не потребительская стоимость, которая присуща продуктам труда во

всяком обществе, но его *меновая стоимость*. Последняя представляется как определенное количественное отношение одного товара к другим товарам, как *равенство товаров*. Стоимость товара выражается в равенстве его с другим товаром, и вне этого выражения она не может проявиться.

§ 8. Простой формой такого равенства или *простой формой стоимости* будет такое выражение:

1 метр сукна = 4 топорам.

Рассмотрим ближе это отношение.

Прежде всего почему возможно такое равенство? Очевидно ни физические, ни химические свойства этих товаров не могут служить основанием равенства. Таким основанием не могут служить их потребительские свойства, ибо таковые вообще не измеряются, и никто не может сказать, что потребность в 1 метре сукна в четыре раза важнее потребности в одном топоре, тем более что для продавцов потребительская стоимость товара вообще не играет никакой роли. Общее в них то, что они *продукты труда* или, выражаясь образно, в них *кристаллизован общественный труд*.

Следовательно количественное равенство этих товаров определяется тем, чем они обладают, — общей им общественной материей или общим *качеством*, — трудом. Такой общий всем товарам общественный труд, взятый как нечто отличное от отдельных видов *конкретного* (определенного) труда и выражающийся в равенстве товаров как меновых стоимостей, *следовательно труд социально-уравненный рыночным процессом* мы будем называть *абстрактным трудом*.

Если *меновая стоимость* является *формой стоимости*, т. е. необходимой формой проявления стоимости товара, то *абстрактный труд* есть *содержание* или *субстанция стоимости*. Форме стоимости (менной стоимости) присуще определенное содержание (абстрактный труд) — иначе эта форма будет бессодержательной формой. И наоборот содержанию стоимости (абстрактному труду) присуща определенная форма (меновая стоимость) — иначе это содержание будет бесформенным, что также невозможно, как невозможна и бессодержательная форма. Таким образом стоимость есть *единство формы (менной стоимости) и содержания (абстрактный труд)*.

Поскольку абстрактному труду, как содержанию стоимости, присуща определенная форма проявления (меновая стоимость), постольку ясно, что абстрактный труд есть историческая, свойственная определенной эпохе (товарному обществу), категория (понятие). Но если абстрактный труд есть историческая и социальная категория, то это не значит, что абстрактный труд не является материальной категорией. Абстрактный труд есть прежде всего «затрата человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д.» (Маркс), т. е. «*труд вообще*», но «*труд вообще*» еще не есть *абстрактный труд*. Абстрактным трудом является только тот «труд вообще», который проявляется в определенной общественной форме, а именно в товарной форме, т. е. как меновая стоимость. Абстрактный труд существует в *производстве* и проявляется в *обмене*. но он не существует в таком *производстве*, которое не имеет обмена. Поэтому при социализме будет, конечно, «труд вообще», т. е. затрата человеческой рабочей силы, но этот труд не будет абстрактным трудом, поскольку там не будет рыночного обмена и, следовательно, необходимой для абстрактного труда формы — *менной стоимости*¹.

¹ Последние два-три года в марксистской литературе шли ожесточенные споры по вопросу о том, как понимать стоимость и абстрактный труд. Одно направление, возглавлявшееся Н. И. Рубиным, считало, что абстрактный труд есть историческая и социальная категория, а именно «производственное отношение между частными

Этот абстрактный труд выражает собою *общественные отношения* товаропроизводителей, но эти общественные отношения, как мы видим, принимают *вещную, товарную форму* и, следовательно, отношения между людьми как бы скрыты в отношениях самих вещей друг к другу. Это и есть *товарный фетишизм* или господство вещей над людьми, которые при данных общественных условиях иначе не могут связаться друг с другом, как через обмен вещей, следовательно, вещи как бы стоят над людьми и господствуют над их судьбой.

Стоимость обязательно должна иметь выражение в другой стоимости. В нашем примере—1 метр сукна = 4 топорам, сукно выражает свою стоимость в топорах. Сукно—потребительская стоимость—относится к топору, как к стоимости, или мы скажем, сукно находится в *относительной форме стоимости*. Сукно играет *активную* роль, выражая свою стоимость в топорах; наоборот, топоры играют *пассивную* роль, ибо только служат средством выражения стоимости сукна. Топоры здесь являются как бы зеркалом стоимости. Созданная конкретным трудом потребительская стоимость сукна выражает в топорах свою стоимость, другими словами топоры играют роль *эквивалента* (выразителя стоимости) по отношению к сукну, или топоры обладают *эквивалентной формой* стоимости по отношению к сукну.

Мы видим таким образом, что относительная и эквивалентная формы стоимости суть два *полюса* (крайности) *простой формы стоимости*, т. е. простого равенства стоимостей. Эти полюсы взаимосвязаны,—без них нет самой формы стоимости. Но если товар находится в относительной форме, то он не может *в то же время* находиться в эквивалентной форме и наоборот. Если один товар играет активную роль, то другой товар *в этот момент* может играть только пассив-

товаропроизводителями, связанными через обмен» (*Рубин*). Отсюда абстрактный труд не включает в себе «ни атома материи». Они следовательно превратили абстрактный труд в нематериальную категорию и следовательно *лишили стоимость материального содержания*. Поэтому совершенно справедливо это направление было названо *идеалистическим*.

С точки зрения этого направления абстрактный труд существует не в производстве, но в обмене; отсюда, если быть последовательным, нужно сказать, что *стоимость создается в обмене*. Таким образом, *это направление подрывает самые основы трудовой теории стоимости*, поскольку абстрактный труд понимается таким образом, что он перестает быть «затратой мускулов, нервов и т. д.», т. е. трудом!

Другое направление, так называемое *механистическое*, возглавлялось у нас А. А. Богдановым, а в дискуссии последних лет — *Дашковским, Шабсом*, отчасти *Коновым и Бессоновым*. (Последние два экономиста лишь допустили отдельные механистические ошибки и в ходе дискуссии отмежевались от этого направления и признали свои ошибки.)

Это направление рассматривало абстрактный труд не как социальную и историческую категорию, но «просто», как «труд вообще», как затрату «мускулов, нервов и т. д.». С этой точки зрения абстрактный труд существует во всех общественных формациях, а так как стоимость создается абстрактным трудом, то следовательно и стоимость есть не историческая, но логическая, вечная категория. Они считают, что меняется только форма проявления стоимости, а сама стоимость была при первобытном коммунизме и остается при социализме. Они, следовательно, упрощенно (вульгарно) или *механистически* понимают соотношение между формой и содержанием стоимости, рассматривая форму стоимости, как некий колпачок, который можно пришивать и снимать с абстрактного труда, совершенно ничего не меняя в существовании последнего. Они не могут понять того, что содержание всякого явления имеет опре-

ную роль, являясь лишь средством выражения стоимости первого товара. Конечно поскольку мы имеем равенство, товары могут поменяться местами. В этом случае пассивную роль выражения стоимости будет играть 1 метр сукна, а активную роль — 4 топора.

Итак противоречие потребительской стоимости и стоимости, заключенное в каждом товаре, теперь в этой простой форме стоимости выражается как противоречие 1 метра сукна как потребительской стоимости и 4 топоров как стоимости. Следовательно это противоречие находит *внешнее выражение* в другой потребительской стоимости, которая по отношению к первой является выражением стоимости и абстрактного труда.

Поскольку это понятно, постольку нетрудно понять и *количественные пропорции* этой простой формы стоимости. Если стоимость, т. е. количество абстрактного общественно-необходимого труда, затраченного на производство 4 топоров как эквивалента неизменна, а стоимость сукна меняется, то изменяется и выражение стоимости сукна в топорах. Если ранее на производство 1 метра сукна и 4 топоров затрачивалось 4 часа общественного труда, а с изобретением усовершенствованной машины затрата труда на 1 метр сукна уменьшилась вдвое, то очевидно, что теперь

$$1 \text{ метр сукна} = 2 \text{ топорам.}$$

Если же, наоборот, стоимость сукна возросла вдвое, то

$$1 \text{ метр сукна} = 8 \text{ топорам.}$$

Таким образом при неизменной стоимости эквивалента относительная стоимость товара А (сукна), т. е. стоимость его, выра-

деленную, специфическую для него форму и что вне этой последней нет самого содержания. Короче говоря — они не могут понять стоимость, как единство формы и содержания и, выдвигая понимание стоимости, как внеисторической категории, они также совершают ревизию марксовской теории, как и их противники — идеалисты.

К механистическому направлению примыкает *Н. И. Бухарин*, который «пропорциональность трудовых затрат» в обществе рассматривает, как вечное, внеисторическое материальное содержание закона стоимости, которое может проявляться либо в товарной, либо в плано-организованной форме. Он рассматривает стоимость как *механическое соединение формы и содержания, а не как их диалектическое единство*. Эта механическая трактовка закона стоимости является одним из важнейших элементов идеологии *правого уклона* в ВКП (б), поскольку с точки зрения этой теории и в переходную эпоху сохраняет полную силу вечный «закон пропорциональности трудовых затрат». Отсюда планирование хозяйственной системы СССР должно равняться на «узкие места».

Оба направления одинаково ложны, ибо и *идеализм* и *вульгарный механистический материализм* равным образом являются враждебными марксизму, который стоит на точке зрения *диалектического материализма*. *Гегель* говорил, что ненаучным «рефлекторным рассудком» «содержание рассматривается как существенное и самостоятельное, а форма, напротив, как несущественное и несамостоятельное. Против такого представления следует, однако, заметить, что на самом деле оба они одинаково существенны и что нет бесформенного содержания, точно так же как нет бесформенного вещества»; «содержание, как таковое, есть то, что оно есть, лишь благодаря тому, что оно содержит в себе развитую форму» (*Гегель*, Энциклопедия философских наук, часть 1, Гиз, 1929). Кардинальная ошибка не только механистов, но также и идеалистов в непонимании диалектической связи формы и содержания, в игнорировании того, что «форма содержится в самом содержании и представляет собою нечто внешнее ему» и что «содержание есть не что иное, как переход формы в содержание, и форма есть не что иное, как переход содержания в форму» (*Гегель*).

женная в товаре В (топорах), повышается и падает в прямом отношении к стоимости товара А.

Предположим обратный случай, а именно сокращение вдвое количества необходимого для производства топоров труда.

В этом случае, очевидно, прежняя стоимость сукна будет выражаться в удвоенном количестве топоров, или

$$1 \text{ метр сукна} = 8 \text{ топорам.}$$

Если же стоимость топоров повышается вдвое, то

$$1 \text{ метр сукна} = 2 \text{ топорам.}$$

Следовательно при неизменной стоимости товара А (сукна) его относительная стоимость, выраженная в товаре В (топорах), повышается и падает в обратном отношении к стоимости В. Или, иными словами, чем выше стоимость эквивалента, тем ниже относительная стоимость товара А и наоборот. Это понятно: если например пшеница вздорожала, то ситец, сохранив прежнюю свою действительную стоимость, будет относительно меньше стоить, т. е. будет меньше стоить в пшенице как его эквиваленте. Один товар может выражаться в большем или меньшем количестве единиц другого товара. Это может произойти от двух причин: либо от изменения стоимости данного товара, либо от изменения стоимости того товара, к которому мы приравниваем или в котором выражаем стоимость первого товара. Этот момент очень важный для нас, что будет ясно из дальнейшего.

§ 9. В простой форме стоимости мы имели изолированное (отдельное) выражение стоимости единичного товара в другом единичном товаре. Но такое положение, когда обмен ограничивается только двумя товарами, возможно в самых примитивных (неразвитых) условиях, лишь при зарождении обмена, когда весь строй хозяйства был не товарным, но натуральным.

Здесь обмен не правило, но исключение, т. е. случайность, и в силу этого простую форму стоимости мы можем назвать также *случайной формой стоимости*. Но если эта «случайность» повторяется все чаще и чаще, если обменивается не один товар, но ряд товаров друг на друга, то, очевидно, что эта простая форма стоимости будет развиваться и усложняться. При наличии нескольких товаров в меновом процессе мы имеем уже не единичное равенство двух товаров, но более или менее длинный ряд равенств. Например:

1 метр сукна = 4 топорам или 15 килограммам сахара, или 12 парам чулок, или 3 грам. золота.

Следовательно здесь мы имеем развертывание ряда простых меновых отношений или *развернутую форму стоимости*. Если при простой форме стоимости определение величины стоимости товара А не представляло для нас затруднений, ибо величина этой стоимости имела выражение исключительно в одном единственном товаре (топорах), то теперь дело обстоит гораздо сложнее. Величина стоимости сукна выражается не в одном товаре, но в длинном ряде товаров, каждый из которых служит эквивалентом. Но при таком хаосе эквивалентов очень трудно судить о величине относительной стоимости товара.

§ 10. Но чем чаще совершаются меновые акты, чем больше товаров вовлекается в сферу обмена, чем больше развиваются меновые связи между производителями, тем все настоятельнее становится необходимость устранения множественности эквивалентов и приравнивания вновь вступающих в обмен товаров к стоимости одного определенного товара эквивалента. Прочные меновые связи производителей невозможны без этой определенности эквивалента. А наиболее определенной, общеизвестной для товаропроизводителей является стоимость тех товаров, которые чаще других вступают в меновой процесс и, следовательно, чаще других выражают величину своей стоимости в других товарах. Допустим, что среди упомянутых товаров развернутой формы стоимости сукно чаще других вступает в меновой процесс и, следовательно, его стоимость является общеизвестной, определенной. Если в нашей формуле 1 метр сукна выражал свою стоимость в топорах, сахаре, чулках и т. д., то, перевернув расположение членов этой формулы, мы получим следующее выражение, при котором стоимостью сукна становится на положение эквивалентной стоимости для всех прочих товаров:

$$\left. \begin{array}{l} 4 \text{ топора} \\ 15 \text{ кило сахара} \\ 12 \text{ пар чулок} \\ 3 \text{ грам. золота} \\ \text{и т. д.} \end{array} \right\} = 1 \text{ метру сукна.}$$

«Теперь, — говорит Маркс, — товары выражают свои стоимости: 1) просто, т. е. в одном единичном товаре, и 2) единообразно, в одном и том же товаре. Форма их стоимости проста и обща им всем, следовательно, всеобща».

Итак в нашем примере сукно является не просто эквивалентом, не единичным эквивалентом, но всеобщим эквивалентом. Тем самым развернутая форма стоимости превращается во всеобщую форму стоимости. Благодаря всеобщей форме стоимости меновые связи товаропроизводителей приобретают устойчивость, и эта устойчивость обеспечивает их дальнейшее развитие и усложнение. Равенство товаров как меновых стоимостей может быть установлено лишь в том случае, если все товары могут быть выражены в определенной, общеизвестной стоимости какого-либо одного товара: только в этом случае товаропроизводители могут сравнивать друг с другом стоимости многочисленных товаров, фигурирующих на рынке. Поэтому трудовая стоимость действует как закон при наличии всеобщей формы стоимости. Вот почему Маркс говорит, что «всеобщая эквивалентная форма есть форма стоимости вообще».

Эта форма стоимости может принадлежать любому товару. Как мы узнаем из II отдела, эта всеобщая форма стоимости в действительности принадлежала самым разнообразным товарам. Однако «данный товар находится во всеобщей эквивалентной форме лишь тогда и постольку, когда и по сколько он как эквивалент вытаскивается всеми другими товарами из их среды. И лишь с того момента, когда такое

выделение оказывается окончательным делом одного специфического, особенного товарного вида, — лишь с этого момента единая относительная форма стоимости товарного мира приобретает объективную прочность и всеобщее общественное значение» (Маркс). Этот специфический товар — всеобщий эквивалент — становится единым воплощением абстрактного, общественного труда, а вместе с тем и стоимости всех прочих товаров. Для последних этот товар играет специальную роль — эквивалента. Мы сказали, что эту роль всеобщего эквивалента может играть любой товар. Нужно только, чтобы один, определенный товар играл эту роль. Мы показали таким образом, что само развитие общественных отношений необходимо требует этого единства всеобщей формы стоимости и что это единство является необходимым условием для того, чтобы действовал закон трудовой стоимости.

§ 11. Поскольку роль всеобщего эквивалента прочно монополизирована за одним определенным товаром, этот товар становится деньгами. Следовательно деньги — это не просто товар, как считают металлисты, но товар особого рода, являющийся всеобщим эквивалентом или всеобщей формой стоимости всех прочих товаров. Как таковой он лишен потребительской стоимости, представляя собой лишь воплощение стоимости. Или — противоречие потребительской стоимости и стоимости теперь выражается как противоречие товара (его потребительской стоимости) и денег как воплощения его стоимости (меновый).

Поскольку закрепление эквивалентной формы за определенным товаром уже произошло, поскольку, следовательно, этот товар стал деньгами, мы можем эту форму стоимости назвать денежной формой стоимости. Именно в этой форме стоимость находит свое окончательное, всеобщее и единообразное выражение, и вне этой формы стоимости не может существовать развитое товарное хозяйство.

§ 12. Итак сущность денег в том, что они выполняют необходимую для товарного хозяйства роль всеобщей эквивалентной формы стоимости. Эквивалентная же форма обладает тремя особенностями.

«Первая особенность, бросающаяся в глаза при рассмотрении эквивалентной формы, — говорит Маркс, — состоит в том, что потребительская стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости. Натуральная форма становится формой стоимости». Это значит, что какой-либо товар — потребительская стоимость, становясь на положение эквивалента, является «в рамках этого отношения» между двумя товарами лишь формой проявления стоимости для первого товара, ибо роль эквивалента в этом именно и заключается. Когда товар А приравнивается к товару В, то здесь происходит приравнивание первого товара именно к стоимости второго товара, а не к его потребительской стоимости. Поскольку же потребительская стоимость противоположна стоимости, поскольку в этом смысле Маркс и говорит, что «потребительская стоимость становится формой проявления своей противоположности — стоимости».

Вторая и третья особенности эквивалентной формы прямо вытекают из первой особенности.

«Вторая особенность эквивалентной формы, — говорит Маркс, — состоит в том, что конкретный труд становится формой проявления своей противоположности, абстрактно-человеческого труда». Поскольку стоимость создается не конкретным, но абстрактным трудом, постольку товар, находящийся в эквивалентной форме и следовательно ставший формой проявления стоимости, выражает собою в рамках этого отношения не конкретный, но абстрактный труд. Последний же противоположен

конкретному труду, и в этом смысле Маркс говорит, что «конкретный труд становится формой проявления своей противоположности, абстрактно-человеческого труда».

«Третья особенность эквивалентной формы, — говорит Маркс, — состоит в том, что частный труд принимает форму своей противоположности, форму непосредственно общественного труда». Стоимость создается не частным, но абстрактно-общественным трудом. Понятие же частного труда противоположно понятию общественного труда. Поскольку товар Б, находящийся в эквивалентной форме, служит формой проявления стоимости, а не потребительской стоимости, постольку он выражает собою не тот частный труд, который на него затрачен, но противоположный последнему — общественный труд. Именно, эти три особенности эквивалентной формы придают товару — всеобщего эквиваленту, т. е. деньгам, характер особенного товара, противоположного всем другим товарам.

§ 13. Выяснив развитие денег из формы стоимости (отношения стоимостей), мы тем самым уже дали общее определение деньгам. Читателю теперь не представит труда понять следующее общее определение денег, данное Марксом: «*тот специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма, становится денежным товаром и функционирует в качестве денег*. Играть в товарном мире роль всеобщего эквивалента делается его специфической (т. е. особенной) общественной функцией, а следовательно его общественной монополией». Или иначе: «Особый товар, являющийся равнозначщей (адекватной) формой меновой стоимости всех прочих товаров, или меновая стоимость всех товаров, как особый выделенный товар, есть *деньги*» (Маркс).

Необходимо твердо запомнить тот вывод, к которому мы пришли: *деньги — это не просто товар, но особый товар — всеобщий эквивалент. Деньги являются всеобщей формой стоимости, воплощением абстрактно-общественного труда, а вместе с тем и формой меновой связи товаропроизводителей; формой соединения частного труда в систему общественного труда.*

§ 14. При понимании денег как формы общественной связи или формы производственных отношений раскрывается тайна денег и денежной власти или так называемый денежный фетишизм. При капитализме судьба людей зависит от денег. Безработица является результатом капиталистического накопления. Почему же безработные обречены на голодную смерть? Потому что у них нет денег. А почему у них нет денег? Потому что капиталисты не дают им работы. Но капиталисты в периоды кризисов сокращают рабочих, видимо, потому, что их товары не находят сбыта. Следовательно, опять-таки потому, что у покупателей нет денег! Таким образом кажется, что именно в деньгах заложены причины социальных бедствий и что, следовательно, деньги это такая таинственная сила, которая управляет судьбами человечества.

Буржуазия, конечно, заинтересована в том, чтобы этот денежный фетишизм всеми способами поддерживать, ибо если все зависит от высшей, находящейся вне власти человека силы — денег, то необходимо подчиниться этой силе. Если безработный не имеет гривенника на хлеб, а миллиардер Морган располагает таким денежным богатством, которого хватило бы на сотни тысяч трудящихся, то такова, мол, «природа вещей», рок человечества, всецело зависящий от «священного кумира» — «золотого тельца».

Вот почему и буржуазные экономические теории большей частью также являются фетишистическими. Они рассматривают стоимость, деньги, капитал и т. д., как вещи, но не как *вещную форму* социальных отношений. *Маркс* же, наоборот, прежде всего вскрывает за этими «вещами» социальные отношения. Тем самым исчезает и вся таинственность денег. Конечно деньги сами по себе пеповинны в социальных бедствиях, ибо они только служат формой общественной связи. Освободиться от «власти денег» (в действительности же от власти определенного класса — капиталистов) и тех несчастий, которые трудящимся приносит эта «власть», можно только путем коренного изменения самого строя общественных связей. Это изменение должно заключаться в превращении рыночной, денежной формы организации общественного труда, с присущими ей разделением общества на классы, анархией производства, кризисами и безработицей, в сознательно, планомерно и в интересах всего общества регулируемую систему организации труда. Но для этого необходимо прежде всего лишить капиталистов монополии на средства производства. *Таким образом, если мы в теории раскрываем сущность денежного фетишизма и срываем с денег маску таинственности и сверхъестественности, то от этого еще не исчезает денежный фетишизм на практике, т. е. господство человека над человеком, принявшее форму господства вещи над человеком.* Этот фетишизм может быть устранен только перестройкой общества на социалистических началах. При социализме производственная связь людей осуществляется *непосредственно*, но не через вещи как при капитализме. Вот почему при социализме не будет места ни для денежного, ни для товарного фетишизма.

Литература.

- 1) *К. Маркс*, Капитал, т. I, гл. I.
- 2) *К. Маркс*, К критике политической экономии, гл. I.
- 3) *И. А. Трахтенберг*, Бумажные деньги, изд. 3-е, гл. I.
- 4) Сборник «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма», изд. 2-е, НКФ. Статья *Каутского* «Деньги».
- 5) *Б. Берковский*, Очерки по марксистской теории денег. М. 1930.
- 6) *Dr. Herbert Block*, Die Marx'sche Geldtheorie, Iena 1926¹.
- 7) *K. Diehl*, Theoretische Nationalökonomie, Bd. III, Buch, II, Kap. 1, Iena 1927.

Вопросы для повторения.

- 1) В чем заключаются и почему несостоятельны поверхностные определения денег?
- 2) Каков научный подход к анализу сущности денег?
- 3) Что является регулятором товарного общества?
- 4) В чем заключается противоречие между потребительской стоимостью и меновой стоимостью?
- 5) Дайте анализ простой формы стоимости и ее двух полюсов.
- 6) Проанализируйте различные случаи изменения количественных пропорций простой формы стоимости и установите общую закономерность этих изменений.
- 7) Каково выражение развернутой формы стоимости и в чем ее недостатки?
- 8) Почему возникает всеобщая форма стоимости и в чем ее особенности?
- 9) Есть ли различие между всеобщей и денежной формами стоимости?
- 10) Дайте общее определение денег.
- 11) В чем заключается денежный фетишизм?

¹ Книга *Блока* представляет из себя единственную в экономической литературе попытку дать развернутую критику марксовой теории денег и иллюстрирует бесплодность буржуазной критики.

ГЛАВА II.

ДЕНЬГИ КАК МЕРИЛО СТОИМОСТИ И МАСШТАБ ЦЕН.

§ 1. Функции денег.—§ 2. Цена.—§ 3. Мерило стоимости должно само обладать стоимостью.—§ 4. Мерило стоимости—есть мерило общественного труда.—§ 5. Теория идеальной единицы денежной меры.—§ 6. Масштаб цен.—§ 7. Причины изменения товарных цен.—§ 8. Повышение товарных цен перед мировой войной.—§ 9. Революция цен.—§ 10. Деньги имеют стоимость, но не имеют цены.—§ 11. Индексы цен.—§ 12. Стоимость денег.

§ 1. Наша попытка определить деньги на основании поверхностных представлений о конкретных, т. е. в действительности обращающихся деньгах, как помнит читатель, привела к полнейшему тупику, а именно к двум взаимно исключаящим друг друга определениям (деньги—знаки и деньги—простой товар, такой же, как пшеница, ситец или гвозди). Затем отказавшись от этих поверхностных определений, мы вскрыли сущность денег на основе абстрактного (т. е. отвлеченного) анализа самой природы менового хозяйства и пришли к определению денег не как обычного, но как совершенно особенного товара. Теперь нам необходимо ознакомиться с той сложной «работой», которую выполняет в общественном «механизме» этот особенный товар, и тогда нам станет ясно, почему деньги, во-первых, не могут не быть товаром, почему, во-вторых, деньги ни в коем случае нельзя отождествлять с другими товарами, и почему, в-третьих, оказывается возможным существование простых денег-знаков, лишенных товарного содержания. Это нам позволит убедиться, что существование денег-знаков, будучи вполне закономерным, т. е. согласующимся с природой денег, в то же время ни в какой мере не противоречит нашему определению денег, как *товара особой природы*, как всеобщего эквивалента.

Как всеобщий эквивалент деньги в экономической системе выполняют ряд конкретных функций. Очевидно, что эти функции целиком и полностью суть *общественные функции*, ибо сами деньги без остатка — явление общественное.

Две основные и важнейшие функции денег — это функции—*мерила стоимости и орудия обращения* или, как говорит Маркс, «соединение мерила стоимости и орудия обращения—есть деньги». Следовательно вне этих функций нет самих денег.

Рассмотрим сначала функцию мерила стоимости и связанную с нею функцию масштаба цен.

§ 2. Прежде чем вы продаете или покупаете товар, вы должны договориться о той *цене*, по которой должна произойти покупка-продажа. Следовательно данной меновой сделке предшествует установление цены. Но что такое цена? Когда мы говорим: «пара ботинок стоит 5 рублей» или «эта книга стоит 3 рубля» и т. п., то что мы этим хотим сказать? Мы хотим сказать, что стоимость пары ботинок равна стоимости 5 рублей, а стоимость книги — стоимости 3 рублей. Но что такое 5 рублей? 5 рублей—это есть не что иное, как *87,12 долей чистого золота*. Следовательно при этой системе золото функционирует в качестве денег. Конечно, деньгами, т. е. всеобщим экви-

валентом может быть не только золото, но и какой-либо иной товар, в чем мы как раз будем иметь случай убедиться при изучении истории денег. Но сейчас мы допускаем, что деньгами является только золото. Это предположение как раз соответствует современным условиям капиталистической действительности.

Итак, определив цену ботинок в 5 рублей, мы тем самым устанавливаем равенство:

1 пара ботинок = 87,12 долей чистого золота. Здесь мы имеем дело не с *простой формой стоимости*, но со всеобщей или *денежной формой стоимости*, ибо золото является эквивалентом или равноценностью не только 1 пары ботинок, но также книги, пшеницы, ситца, гвоздей и т. д. Значит, деньги являются выражением стоимости всех товаров или их всеобщей *формой стоимости*. Путем установления цены товара последний может найти свое стоимостное отражение в одном определенном товаре—золоте. Следовательно, когда мы говорим, что 1 пара ботинок стоит 5 рублей, то мы тем самым выражаем стоимость ботинок в стоимости товара-денег, следовательно, в данном случае *цена—это есть не что иное, как денежное выражение стоимости товара, или, что то же самое, выражение стоимости данного товара в стоимости товара—всеобщего эквивалента*. Стоимостью золота мы измеряем стоимость ботинок и других товаров, следовательно, *золото-деньги являются мерилем стоимости*.

§ 3. Уже из этого определения цены совершенно ясно, что действительные деньги, поскольку они выполняют функцию мерил стоимости, не могут быть простыми знаками, но должны сами обладать внутренней, товарной стоимостью, ибо иначе невозможно было бы это измерение. В самом деле, могли бы мы, например, измерить тяжесть головы сахара куском железа, если бы последний не обладал *тем же свойством, что и сахар*, следовательно, тяжестью? Очевидно, что если бы мы на чашу весов положили бы не 10-фунтовую гирю, но *простой знак веса*, например, ярлык на 10 фун. сахара, то тяжесть головы сахара мы не могли бы измерить. Лишь после того как мы действительным измерением установили вес 10 фунтов сахара, мы можем выдать чек на эти 10 фун. сахара; сам же ярлычок на 10 фун. не является измерителем веса.

Из этого сравнения ясно, что, например, *бумажные деньги*, на которых только *написано* 5 руб., следовательно, 87,12 долей чистого золота, но которые в действительности не заключают в себе ни одной доли золота, следовательно, не обладают внутренней стоимостью (т. е. тем именно качеством, которое мы измеряем, говоря о цене товара) не могут быть мерилем стоимости, точно так же, как ярлык на 10 фун. сахара не может быть мерилем веса. А так как раньше мы установили, что только «соединение мерил стоимости и орудия обращения есть деньги», то ясно, что бумажные деньги на самом деле только *знак денег или представитель денег*, как ярлык на 10 фун. не есть мерило веса, но *только знак уже измеренного веса*. *Мерилом стоимости могут быть только действительные деньги, обладающие внутренней товарной стоимостью*.

§ 4. На этом и заканчивается наше сравнение: железной гири как мерила веса, и денег как мерила стоимости. Если свойство тяжести *от природы* присуще всем вещам, то свойство быть стоимостью не есть природное свойство вещи, но лишь ее *общественное свойство*, которым вещи обладают лишь при определенных исторических условиях, а именно при рыночной форме соединения частного труда в систему общественного труда.

Хлеб при всех условиях есть продукт труда и средство потребления. Это его естественные свойства. Но к этим свойствам не принадлежит свойство хлеба быть меновой стоимостью и обладать ценой. На самой пшенице не написано, что она стоит 5 рублей. Пшеница приобретает это новое свойство лишь в определенных исторических условиях, а именно, когда рыночный обмен является необходимой формой связи частных производителей. Благодаря существованию этого особого товара — денег — все товары оказываются соизмеренными друг с другом и притом в количественно-точных пропорциях. 1 пара сапог, 5 пудов пшеницы, 2 фун. чая, 3 арш. сукна оказываются равными друг другу, и это равенство выражается в том, что они имеют одну и ту же установленную в обществе цену — 5 рублей, т. е. все эти товары равны 87,12 долям золота.

Отсюда можно было бы сделать вывод, что именно деньги делают товары соизмеримыми. Но сказать так — это значит опять-таки остаться на поверхности явлений и не проникнуть в сущность вещей, ибо мы знаем, что в действительности равенство стоимостей товаров определяется равенством вложенного в них человеческого труда. Отсюда читателю ясно, что «не деньги делают товары соизмеримыми. Наоборот, потому, что товары как стоимости представляют овеществленный человеческий труд, и следовательно, *сами по себе соизмеримы*: именно поэтому и все они могут соизмерять свои стоимости одним и тем же специфическим (особенным) товаром, превращая таким образом этот последний в общую меру своих стоимостей, т. е. в деньги. Деньги как мера стоимости — лишь необходимая форма проявления имманентной (присущей) товарам меры стоимости, рабочего времени» (*Маркс*).

Итак, устанавливая цены товаров, т. е. сравнивая их стоимости со стоимостью золота, мы тем самым приравниваем друг к другу человеческий труд, овеществленный в товарах. Это приравнивание является чисто общественным актом. Для того, чтобы сравнить по весу, т. е. по естественному (а не общественному) качеству (свойству) голову сахара и ящик чая, мы должны поочередно взвесить на весах и то и другое, и только путем такого конкретного взвешивания, т. е. приравнивания их веса к тяжести третьего тела — железа, мы можем установить, что эта голова сахара весит, скажем, вдвое больше, чем ящик чая.

Но совершенно иначе происходит измерение стоимости той же головы сахара и ящика чая. Правда и в этом случае для того, чтобы сравнить их стоимости, мы должны установить их цену, т. е. сравнить стоимость каждого из них со стоимостью третьего товара — золота. Но такое приравнивание в отличие от физического взвешивания мы

производим *мысленно*, т. е. для того, чтобы установить, что голова сахара стоит 5 рублей, для этого отнюдь не надо положить рядом с головой сахара 87,12 долей золота, как это мы делали при измерении веса сахара железной гирей. «Следовательно,—говорит *Маркс*,—свою функцию меры стоимости деньги выполняют, как мысленно представляемые или идеальные деньги».

Оценка стоимости товаров в деньгах производится лишь мысленно, в идее, и эта мысль выражается в словах, когда, например, люди торгуются о цене товара. Однако эти идеальные представления и словесные названия «три с полтиной», «один червонец» и т. п. могли возникнуть только потому, что в действительности *конкретно* существует та стоимость, к которой все приравнивают товары, т. е. *золото*. Если бы золота, как товара с вполне определенной стоимостью не существовало, то не могло бы возникнуть и представление о том, что «голова сахара стоит 5 рублей», т. е. равна стоимости 87,12 долей чистого золота. Между тем, каждый раз торгуясь о цене товара, мы забываем об этом обстоятельстве, и нам кажется, что «копейки» и «рубль» — это чисто условные и отвлеченные обозначения, которым в действительности не соответствует никакая определенная стоимость. Конечно это чисто субъективное (т. е. личное) представление, которое возникает только потому, что мы не задумываемся о содержании денежных единиц, как напр. «доллара», «рубля», «копейки» и т. д.

§ 5. Такие субъективные представления о деньгах как чисто условной и мыслительной мере стоимости лежат в основе так называемой *номиналистической теории денег*, которую *Маркс* назвал теорией «идеальной единицы денежной меры».

Идеи вообще не падают с неба. «Вначале было дело», а лишь потом мысль, идея, т. е. представление об этом деле. Сначала должны были существовать деньги, как товар с определенной стоимостью, и лишь на этой основе могут возникнуть идеальные представления о «рублях» и «копейках», как единицах этой стоимости. В новейшее время самым главным представителем этой теории идеальной единицы денежной меры или абстрактно-номиналистической теории является немецкий ученый *Роберт Лифманн*, который даже считает своим достоинством чисто субъективное (а не объективное, социальное) построение теории цены и денег. Хотя *Лифманн* писал через 50 лет после *Маркса*, но, несмотря на это он повторяет все ошибки старых теоретиков, несостоятельность которых полностью была доказана *Марксом*.

Эти теории, как ясно из изложенного, не идут дальше поверхностных, субъективных рассуждений продавцов и покупателей.

§ 6. Когда мы говорим: эта вещь стоит 3 р. 73 к., а эта — 22 р. 86 к., то мы, очевидно, устанавливаем различные величины цен этих товаров, пользуясь при этом определенным *масштабом для сравнения* или *масштабом цен*. Но как мерило стоимости и масштаб цен деньги выполняют совершенно различные функции. Установление масштаба цен, если дана единица стоимости или единица для измерения цен, есть, очевидно, чисто *технически-счетная* операция, в то время как установление самой единицы измерения есть чисто общественный про-

цесс. Для того чтобы это понять, воспользуемся сравнением с физическими мерилami и масштабами. Приняв, например, за единицу линию определенной длины и назвав ее *метром*, мы можем построить масштаб длины с любым количеством делений. Тридцать тех отрезков, которые мы называем метром, во всех случаях будут тридцатью метрами; $1/10$ часть такого отрезка мы называем дециметром; 1 тыс. таких отрезков — километром и т. д. Следовательно раз дана единица измерения, установление масштаба измерения есть чисто *счетная операция*. Раз мы принимаем за единицу измерения стоимостей *рубль*, содержащий 17,424 долей чистого золота, то тем самым мы можем построить масштаб денежного выражения величин стоимости, следовательно, *масштаб цен* с любым количеством делений — 1 000 руб., 100 тыс. руб., 1 млн. руб., 1 млрд. руб. и т. д., пока в нашем запасе еще есть цифровые названия. Это чисто счетно-техническая операция. При измерении длины мы берем за единицу измерения то свойство, которое от природы присуще всем вещам и не связано ни с какими общественными условиями. За единицу измерения общественного труда, заключенного в различных товарах, мы берем то количество этого труда, которое заключено в слитке или монете, содержащей 17,424 долей чистого золота (1 рубль). Если в этом слитке заключается, например, 2 часа абстрактно-общественного труда, то очевидно, что в 5 руб., или 87,12 долях чистого золота, будет заключаться $2 \times 5 = 10$ часов общественного труда и т. д. *Масштаб весовых количеств золота есть таким образом масштаб общественного труда*. Если дана единица этого последнего, овеществленная в 17,424 долях чистого золота, то тем самым может быть построен масштаб цен с бесконечным количеством делений, и как бы мы с вами ни были бедны, мы сможем при помощи этого масштаба установить цену любого богатства. Таким образом, например, экономисты вычисляют, что национальный годовой доход России до войны был равен 16 млрд. руб., а Северо-американских соединенных штатов — 34,4 млрд. долл., Англии — 2,3 млрд. фун. ст. (свыше 20 млрд. руб.), Германии — 42 млрд. марок и т. д. (см. диаграмму № 1). Конечно это отнюдь не значит, что Россия за год производила целую гору золота. Мы в течение года получали совершенно ничтожное в сравнении с суммой национального дохода количество золота, но сколько имеется в наличии этого последнего и вообще какая масса денег находится в обращении — совершенно не играет никакой роли при установлении денежной стоимости национального богатства или национального дохода. Сказав, что национальный доход России был равен 16 млрд. зол. руб., мы тем самым хотели установить, что этот доход был равен массе товарных стоимостей, которая по количеству затраченного труда в 16 млрд. раз больше количества затраченного общественного труда на производство 17,424 долей чистого золота = 1 руб.

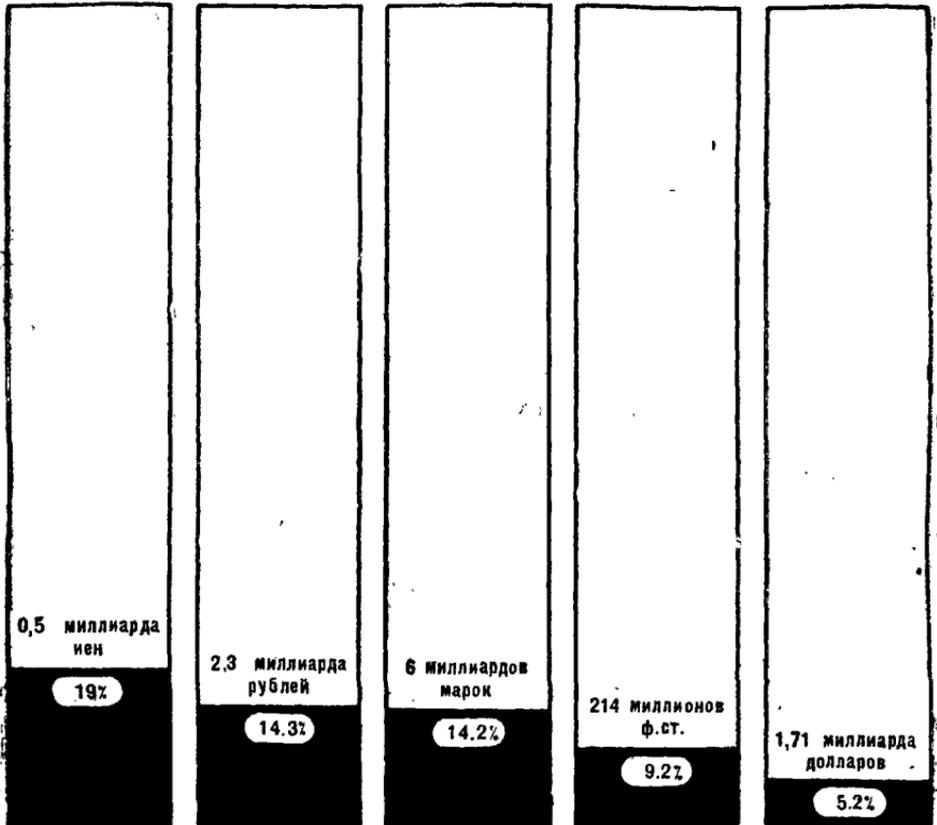
«Как мера стоимости, — говорит *Маркс*, — деньги служат для того, чтобы превращать стоимости бесконечно разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота; как масштаб цен они измеряют эти количества золота».

Следовательно только потому, что деньги выполняют чисто обще-

Диаграмма № 1.

Отношение массы наличных денег в обращении к национальному доходу разных стран в довоенное время

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД
 ЯПОНИЯ РОССИЯ ГЕРМАНИЯ АНГЛИЯ СЕВ.АМ.ШТАТЫ
 3.2 миллиарда иен 16 миллиардов руб. 42 миллиар. марок 2,3 миллиар. ф.ст. 34.4 миллиар. дол.

(Весь столбик—сумма национального дохода в туземной валюте; черной краской показано отношение массы денег к национальному доходу.)

ственную функцию — мерил стоимости — и обладают чисто общественной субстанцией (качеством) — абстрактно-общественным трудом, они могут выполнять функцию масштаба цен. *Последний есть счетное отношение весовых количества определенного товара — золота.*

Допустим, что в силу изменения техники производства количество абстрактно-общественного труда, заключенного в 1 рубле = 17,424 долей чистого золота упало на 50%, т. е. вместо 2 часов труда рубль будет равен 1 часу труда. Если же при этом стоимость сапог не изменилась, то очевидно, что мы уже не будем иметь прежнего равенства:

1 пара сапог = 5 руб.,

ибо у нас теперь 5 руб. содержат в себе не 10, но только 5 часов труда, а 10 не может быть равно пяти. Чтобы 10 часов труда, заключенных в сапогах, выразить в золоте, мы должны теперь взять удвоенное количество золота. 10 часов = 10 часам труда, как раз при цене 10 руб. за 1 пару сапог, т. е. при равенстве:

$$1 \text{ пара сапог} = 10 \text{ руб.}$$

§ 7. Таким образом деньги как мерило стоимости в отличие от физических мерил не неизменная, но *переменная величина*. В то время как 1 метр остается всегда одним метром, 1 рубль как мерило стоимости может заключать в себе и 1, и 2, и 3 часа труда, и следовательно, все прочие товары будут выражать свою стоимость то в большем, то в меньшем количестве золота, т. е. будут стоить то больше, то меньше. «Следовательно, масштаб цен выполняет свою функцию тем лучше, чем неизменнее одно и то же количество золота служит единицей измерения» (*Маркс*). Если вы говорите, что в этой комнате 20 кв. метров, то это измерение остается неизменным. Не то при измерении товарных стоимостей в деньгах.

Если эти сапоги стоят сейчас 5 руб., то это отнюдь не исключает того, что те же самые сапоги будут стоить в будущем году 3 руб., а через 2 года 10 руб. Это нам прекрасно известно из практики. Но отсюда нельзя еще сделать вывод, что цены товаров изменяются только потому, что изменяется количество труда, заключенное в одной денежной единице — рубле. Это так только в том случае, если стоимость самого товара, в данном случае сапог, находящихся в *относительной форме стоимости* (см. I главу), не изменяется. Между тем при анализе простой формы стоимости мы выяснили, что относительная стоимость, т. е. выражение стоимости товара в другом товаре — эквиваленте (у нас в золоте — деньгах), может изменяться как в силу изменения стоимости товара, находящегося в относительной форме, так и в силу изменения стоимости товара-эквивалента. Так как у нас теперь всеобщим эквивалентом служит золото, и так как мы относительную стоимость товара в золоте — эквиваленте — называем ценой, то очевидно, что *цены товаров могут изменяться в силу двух причин*: как от изменения стоимости товаров, так и от изменения стоимости этого особенного и всеобщего товара-золота.

«Если меновая стоимость товаров остается без изменения, то общее возрастание товарных цен, выраженных в золоте, возможно только в том случае, когда падает меновая стоимость золота. Если меновая стоимость золота остается без изменения, то общее возрастание цен, выраженных в золоте, возможно только тогда, когда меновая стоимость всех товаров понижается» (*Маркс*).

Если, например, сапоги сегодня стоят 5 руб., а через год они будут стоить 10 руб., то спрашивается — отчего же повысилась цена сапог? Повидимому определенного ответа мы дать не можем, ибо эта цена могла повыситься либо от того, что трудовая стоимость сапог повысилась вдвое, либо от того, что трудовая стоимость золота понизилась вдвое. Таким образом мы как будто оказываемся совершенно беспомощными при определении причин изменения товарных цен, ибо

можем только заниматься одними догадками. Но это не совсем так. Если, допустим, мы знаем, что повысилась только цена сапог, а цена ситца, гвоздей, хлеба и пр. осталась неизменной, то очевидно, что в этом случае мы должны искать причину изменения цены сапог не в золоте, а в самих сапогах. Почему это так? Дело в том, что если бы, например, трудовая стоимость золота упала вдвое, то очевидно, что не только сапоги, но и ситец, и гвозди, и хлеб должны были бы выражаться в удвоенном количестве золота, т. е. их цены должны были бы подняться вдвое. Если же не имеет места *всеобщее повышение или падение цен*, но лишь рост или падение цен определенных товаров, то очевидно, что само золото-деньги неповинно в этом изменении цен, причина которого заложена в нашем примере — в изменении трудовой стоимости сапог, но отнюдь не золота-эквивалента.

§ 8. Когда изменяются средние цены отдельных товаров, то причины этого изменения лежат только на стороне самих товаров, а не денег. Но когда происходит *общее изменение уровня товарных цен*, то в этом случае мы не можем определенно сказать, что причина этого обязательно заключается в изменении трудовой стоимости золота. Дело в том, что может произойти при неизменной трудовой стоимости золота более или менее равномерный подъем или падение трудовых стоимостей всех товаров. Вот почему когда перед мировой войной при наличии золотой валюты имело место общее повышение уровня товарных цен, то среди марксистов не было единодушия в оценке этого явления. Одни считали, что причину этого следует искать в изменении трудовой стоимости самих товаров, другие — в изменении трудовой стоимости золота-денег. Очевидно, что определенное решение этого вопроса может быть дано только путем конкретного исследования изменения условий производства золота, с одной стороны, и всех прочих товаров, — с другой.

§ 9. В истории имели место случаи общего и бурного подъема товарных цен. Так в XVII в. после открытия Америки с ее богатейшими в тот период золотыми приисками, резко повысилась добыча золота, сократились издержки по производству золота, и следовательно упала его трудовая стоимость. В связи с этим, естественно, должны были возрасти цены товаров. Так как в то время статистических исследований движения среднего уровня цен никем не производилось, то в оценке происшедшей «революции цен» мнения экономистов расходятся: одни считают, что средний уровень цен возрос в 4—5 раз, другие — в 2 раза.

Другую «революцию цен», в связи с изменением стоимости денег — мерила стоимости (золота), хотя и менее бурную, Европа пережила в 50—60-х годах XIX в. За этот период имеются точные статистические исследования, согласно которым повышение среднего уровня цен за 15—20 лет после 1849 г. выражается в 25—50%. То, что и это повышение цен было непосредственно обусловлено падением трудовой стоимости золота, ясно из того, что и здесь «революция цен» была прямым следствием открытия богатейших источников золота в Калифорнии и Австралии. Ежегодная мировая добыча золота в 50-х годах прошлого века, по сравнению с 40-ми годами, возросла в 3—4 раза,

и не подлежит никакому сомнению, что это было связано с значительным понижением трудовой стоимости золота, что и нашло свое отражение, с одной стороны, в росте товарных цен, а с другой — в росте количества золотых денег в обращении. Однако этот последний момент, а именно причины того, что при падении стоимости золота возрастает его количество в обращении, будет выяснен в III главе.

§ 10. Мы выяснили функцию денег как мерил стоимости, определили цену и вскрыли причины изменения цен. Но если все товары имеют определенные цены потому, что они выражают свою стоимость в стоимости определенного количества денег, то спрашивается, имеют ли цену сами деньги? *Сами деньги не имеют цены.* Понять это не представит труда. Какова, например, цена 87, 12 долей золота? Вы скажете — цена этого количества золота равна 5 руб. Но что такое 5 руб.? Это ведь 87,12 долей золота. Следовательно, говоря, что 87,12 долей золота стоят 5 руб., вы тем самым говорите, что 87,12 долей золота = 87,12 долей золота или 5 руб. = 5 руб. Очевидно, что выражение «цена денег» или «цена золота» есть чистейшая бессмыслица. Золото не может выражать свою стоимость в самом себе, ибо мы уже знаем, что стоимость вообще может быть измерена только через приравнивание ее к другой стоимости, находящейся в эквивалентной форме. Но золото само паходится в этой форме, и поэтому оно не может относиться к самому себе или иметь цену. Если все товары имеют единую и всеобщую форму своего выражения в одном товаре-золоте, то зато золото, в отличие от всех прочих товаров и в силу этого своего особого положения, не имеет единообразного выражения своей стоимости в каком-либо определенном товаре, т. е. не имеет денежной формы стоимости, а следовательно, и цены. Если цена 1 пары сапог равна 5 руб., т. е. 87,12 долей золота, то можно ли сказать обратное, что цена 87,12 долей золота равна 1 паре сапог? Ни в коем случае, ибо *сапоги не деньги, не всеобщий эквивалент; не имея цены, золото выражает свою относительную стоимость не в каком-либо определенном товаре, но во всем бесконечном разнообразии товаров.* Этой относительной стоимости денег можно дать какое-либо определенное название, например, *покупательской силы денег*, но ни в коем случае последнюю нельзя назвать «ценой», ибо ценой обладают все товары, как раз за исключением одного товара — золота-денег.

«Золото там, где оно служит элементом определения цен, а потому счетными деньгами, не имеет не только *постоянной*, но вообще *никакой* цены. Для того, чтобы оно приобрело цену, т. е. чтобы оно могло выразиться в каком-нибудь *специфическом* товаре, как *вообще* эквиваленте, этот другой товар должен играть такую же исключительную роль в процессе обращения, как и золото» (*Маркс*).

§ 10. Изменение относительной стоимости денег или покупательской силы выясняется при помощи определенного статистического метода — индексных чисел или индексов. *Индекс есть показатель изменения среднего уровня товарных цен. Единого индекса нет и не может быть:* индексы будут всегда различаться в зависимости от того, изменения цен каких именно товаров мы хотим исчислить, сколько единиц товаров мы берем, в какой пропорции каждый вид товаров входит

в сумму цен взятых товаров, и наконец, в зависимости от того, какими математическими приемами мы будем исчислять среднюю изменения всех цен. Главные виды индексов: 1) *оптовых цен*, 2) *розничных цен* и 3) *бюджетный индекс*, никогда не совпадают друг с другом и никогда одинаково не фиксируют изменения уровня цен. В бюджетный индекс входят цены только тех товаров, которые потребляются рабочими и служащими, и при том в пропорциях, соответствующих значению тех или иных товаров в потребительском бюджете. Поэтому, например, повышение цены какого-либо одного товара, например, мяса, играющего большую роль в потребительском бюджете, может совсем не отразиться на оптовом или розничном индексах, ибо одновременно могло произойти понижение цен ряда других товаров, не входящих в бюджетный индекс. В общем каждый вид индекса имеет свое значение, но ни один из индексов не может дать *точного представления* об изменении относительной стоимости денег.

§ 11. Если стоимость каждого отдельного товара проявляется в процессе рыночного приравнивания стоимости данного товара к стоимости денег, т. е. путем установления цен, то как же может быть установлена величина стоимости самих денег, если последние не обладают ценой? Конечно стоимость действительных денег-золота определяется общим законом трудовой стоимости, т. е. количеством абстрактно-общественного труда, кристаллизованного, например, в одной унции золота. Но ведь это количество, как мы выяснили, вне приравнивания к количеству труда, заключенного в товаре-эквиваленте, не может быть установлено. Для всех товаров само золото является таким всеобщим эквивалентом. Но другого *всеобщего эквивалента*, помимо золота-денег, нет. Что же является эквивалентом для золота и где устанавливается его стоимость? *Эквивалентом для золота являются те товары, на которые оно обменивается у истоков добычи золота.* Следовательно для золота существует не всеобщая, но *только развернутая форма стоимости.* Золотопроизводитель обменивает золото на нужные ему средства потребления и средства производства, и таким путем устанавливается относительная стоимость золота. «Его (золота) собственная стоимость определяется рабочим временем, требующимся для его производства и выражается в том количестве всякого иного товара, в каком кристаллизовалось столько же рабочего времени. Такое установление относительной величины стоимости золота фактически совершается на месте его производства, в непосредственной меновой торговле» (*Маркс*). Получив у самых истоков производства определенную величину стоимости, золото поступает в *обращение*, где оно выступает не только в своих функциях мерила стоимости и масштаба цен, но также и в функции *средства обращения.* «Золото функционирует лишь как идеальная мера стоимости только потому, что оно уже обращается как денежный товар в меновом процессе. В идеальной мере стоимостей скрывается таким образом звонкая монета» (*Маркс*).

Итак, идеальная функция меры стоимости неразрывно связана с другой основной функцией денег — *средства обращения*, где деньги уже выступают не только в идее, но и реально как монета.

Мы теперь должны перейти к изучению этой второй функции денег,

в которой наряду с мерилом стоимости раскрывается сущность денег как всеобщего эквивалента.

Литература.

- 1) *Маркс*, Капитал, т. I. гл. II и гл. III, § I.
- 2) *Маркс*, К критике политической экономии, гл. II, § I.
- 3) *И. А. Трахтенберг*, Бумажные деньги, гл. II.
- 4) *Л. Шанин*, Денежная система СССР в марксистском освещении, 1925, гл. II.
- 5) *Б. Берковский*, Очерки по марксистской теории денег, М. 1930.
- 6) *H. Block*, Die Marxsche Geldtheorie.
- 7) *K. Diehl*, Theoretische Nationalökonomie, Bd. III, Buch. II Kap. 2.

Вопросы для повторения.

- 1) Назовите две основные функции денег.
- 2) Что такое цена?
- 3) Могут ли бумажные деньги выполнять функцию мерил стоимости?
- 4) В чем сходство и в чем различие между гирей как мерилом веса и деньгами как мерилом стоимости?
- 5) Выполняют ли деньги функцию меры стоимости как реальные или как идеальные деньги, и были ли бы возможны идеальные представления о деньгах как мере стоимости, если бы действительные деньги вообще не существовали?
- 6) Что такое масштаб цен и в чем отличие этой функции от меры стоимости?
- 7) Являются ли деньги как мера стоимости неизменной величиной?
- 8) В силу каких причин может изменяться уровень цен товаров?
- 9) Что такое индекс цен и каковы основные виды индексов?
- 10) Почему деньги не имеют цены?
- 11) Чем определяется стоимость денег?

ГЛАВА III.

ФУНКЦИЯ СРЕДСТВА ОБРАЩЕНИЯ И БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ.

§ 1. Процесс обмена.—§ 2. Необходимость денег для товарного хозяйства.—§ 3. Связь между мерилом стоимости и средством обращения.—§ 4. Деньги как средство обращения, или денежное обращение.—§ 5. Отличие непосредственного обмена продуктами от товарного обращения.—§ 6. Основные ошибки металлистической теории.—§ 7. Ошибка экономистов в теории кризисов в связи с ложной трактовкой товарного обращения.—§ 8. Особенность функции средства обращения.—§ 9. Монета — знак стоимости. Превращение денег в знаки стоимости.—§ 10. Определение денег и деньги-знаки.—§ 11. Бумажные деньги не имеют стоимости.—§ 12. Ошибка Гильфердинга в теории денег.—§ 13. Виды денег и денежных знаков.—§ 14. Выводы: противоположность функций мерил стоимости и средства обращения.

§ 1. Мы уже знаем, что для самих производителей товары не имеют потребительской стоимости. Фабрикант, производящий в день 10 тыс. пуговиц, не хочет и не может потребить эти пуговицы. Они представляют для него меновую стоимость и только меновую стоимость. Но это возможно только потому, что для невладельцев этого товара последний как раз имеет потребительскую стоимость — иначе товар не будет продан, хотя в него и был вложен труд. Итак реализация (продажа) товаров как стоимости возможна только в том случае, если на них затрачен труд в форме, полезной для других. «Но лишь

обмен может фактически показать, оказывается ли труд действительно полезным для других, удовлетворяет ли его продукт какой-либо чужой потребности» (*Маркс*).

Обмен может быть совершен двояким путем — *непосредственно*, когда 1 метр сукна обменивается на 4 топора, и *посредственно*, когда тот же процесс совершается через посредство третьего товара — денег, всеобщего эквивалента. Только когда все *основные* потребности удовлетворяются собственным трудом данной семьи, рода, племени или коммуны, возможен непосредственный обмен продукта на продукт. Когда же с развитием меновых связей труд *дифференцируется*, т. е. распадается на отдельные узкие специальности, и каждый человек занимается лишь определенной работой в системе общественного труда, тогда уже оказывается невозможным непосредственный обмен продукта на продукт. В самом деле лишь *случайно* может так оказаться, что производителю сукна нужны будут как раз топоры, а производителю топоров — сукно. Общественная же система не может базироваться на такой случайности.

§ 2. Деньги как раз и служат *всеобщим средством обмена*, т. е. при посредстве денег владелец сукна может получить не только топоры, но и любой иной товар, имеющийся в обществе. *Тем самым деньги являются необходимой и единственно возможной формой (при отсутствии плановой организации общества) соединения дифференцированного в обществе труда.* Вы можете производить изо дня в день только одни фуражки потому, что, продавая эти фуражки за деньги, имеете возможность получить от общества все необходимое вам для жизни. Следовательно, если бы денег не было, то в этих условиях невозможно была бы и общественная дифференциация труда.

§ 3. Деньги могут служить всеобщим средством обмена или *средством обращения товаров* потому, что стоимость всех товаров уже выражена в деньгах, следовательно, потому, что деньги являются мерилom стоимости. Однако верно и обратное: деньги могут выражать стоимость всех прочих товаров и служить мерилom стоимости, потому, что на деньги фактически уже совершается обмен, и только благодаря этому последнему люди вообще могут пользоваться золотом-денегами в качестве мерилa стоимости. Итак эти две функции — мерилa стоимости и средства обращения взаимно связаны и друг друга обуславливают. *По мере того, как развитие обмена превращало один определенный товар в деньги — всеобщий эквивалент, этот товар становился одновременно и мерилom стоимости и средством обращения.* Это еще раз подтверждает правильность определения денег Марксом, как «единицы мерилa стоимости и средства обращения».

§ 4. Современный обмен является *денежным обменом*, представляя собой *противоположное движение товара и денег или переплетение товарного и денежного обращения.* Вы изготовили ботинки и хотите получить за них 2 фун. чая. Для этого вы продаете ботинки, например, за 5 руб. и покупаете на них 2 фун. чая. Фактически здесь только произошло перемещение товаров из одних рук в другие, а деньги явились лишь средством, при посредстве которого совершился этот процесс. Следовательно эта денежная форма обмена представляет

собой не что иное, как превращение товара в деньги и денег в товар, т. е. движение Товар-Деньги-Товар, или обозначим это еще короче:

$$T - D - T$$

Так как и деньги и товар суть стоимости, и так как все эти три стоимости — эквивалентны (т. е. равноценны), то следовательно, в этом движении не происходит изменения величины стоимости, но лишь меняется *форма существования стоимости*, а именно товарная форма превращается в денежную и наоборот. Очевидно, что весь этот процесс распадается на 2 части: $T - D$ (продажа) и $D - T$ (покупка). $T - D$ есть продажа только для владельцев данного товара, в нашем примере для владельца ботинок. Но эта же сделка является в то же время покупкой для владельца денег. Но почему этот последний имеет деньги? Потому что он раньше уже продал свой товар, например хлеб, третьему лицу, который в свою очередь получил деньги от продажи сукна и т. д. Таким образом «первый метаморфоз (метаморфоз — это смена формы) товара, его превращение из товарной формы в деньги всегда является в то же время противоположным метаморфозом какого-либо другого товара, обратным превращением последнего из денежной формы в товар» (*Маркс*).

Второй метаморфоз товара есть $D - T$ или купля. Опять-таки купля для бывшего владельца ботинок, ныне владельца денег, есть в то же время продажа для владельца, скажем, чая. Сапожник или капиталист — обувной фабрикант обычно продает сразу партиями свой товар — обувь. Допустим, что он продал обуви на 1 тыс. руб. На эти 1 тыс. руб. он покупает не какой-либо определенный товар, но массу разнообразных товаров как средств производства, так и средств потребления. Но покупка им этих товаров означает ведь в то же время продажу этих товаров разнообразными производителями, т. е. для них — это первый метаморфоз или $T - D$. Следовательно этот заключительный метаморфоз ботинок, т. е. $D - T$, есть сумма первых метаморфоз других товаров. В тот момент, когда один товар открывает ряд своих метаморфоз, другие товары заканчивают свои метаморфозы. «Таким образом, — говорит *Маркс*, — описываемый ряд метаморфоз каждого данного товара неразрывно сплетается с кругооборотом других товаров. Процесс в целом представляет *обращение товаров*». Но обращение товаров есть в то же время обращение денег, всегда движущихся в противоположном направлении.

§ 5. «Товарное обращение не только формально, но и по существу отлично от непосредственного обмена продуктами» (*Маркс*). Это отличие сводится к двум моментам. Во-первых, при товарно-денежном обращении разрываются узкие границы непосредственного обмена и возникает возможность обмена данного товара на бесконечное множество других товаров. Во-вторых, благодаря такой всеобщности обмена развивается сложный клубок общественных связей: один меновой акт переплетается со множеством других. Продажа какой-либо пары ботинок оказывается связанной со множеством покупок и продаж других товаров. Но мы ведь уже знаем, что в каждом товаре кристаллизован общественный труд. Следовательно в этой всеобщей денежной

форме обмена осуществляется не частная и случайная, но постоянная и всеобщая связь производителей друг с другом. Из этих различий вытекает одно очень важное следствие. В денежной форме обмена лежит возможность *кризиса*. В самом деле ведь каждый может продать товар и, не покупая другого товара, оставить деньги в кармане. Тем самым другие товаропроизводители будут лишены возможности продать свои товары, получить деньги, а на них — другие товары. Но этого положения не может быть при непосредственном обмене продуктами, ибо там продукты *одновременно* меняются своими местами. При денежной же форме обмена этой одновременности нет, ибо между $T - T$ еще вклиниваются D , которые и нарушают эту одновременность, и тем самым заключают в себе возможность кризиса. Отсюда ясно, что хотя товарно-денежное обращение и имеет своим конечным результатом $T - T$, т. е. замещение одного товара другим, но смешивать обращение с непосредственным обменом продуктов ни в коем случае нельзя.

§ 6. Эту ошибку как раз совершают буржуазные экономисты металлистической школы (см. гл. VIII). Рассматривая деньги как простой товар, такой же, как и хлеб, ситец или ботинки, они тем самым игнорируют особое общественное положение этого товара, которое делает его *противоположным* всем другим товарам. В результате буржуазные теоретики-металлисты не вскрывают сущности денег, проходят мимо самого главного — тех социальных отношений, которые за ними скрыты, и, наконец, беспомощно разводят руками, когда в функции денег как средств обращения фигурирует не товар, но простые знаки. Между тем возможность существования этих последних и притом вполне закономерного (нормального) существования, как будет показано в дальнейшем, легко объясняется марксовой теорией денег, которая построена на строгом разграничении товара и денег, а вместе с тем разграничении непосредственного обмена продуктами, с одной стороны, и товарно-денежного обращения, с другой.

§ 7. Следует также заметить, что отсутствие этого разграничения привело целый ряд буржуазных теоретиков (Рикардо, Сэй, Джемс Милль) к совершенно нелепому выводу о невозможности кризисов при капитализме, поскольку, с их точки зрения, товар всегда обменивается на товар, а деньги в этом процессе не играют существенной роли. Между тем мы показали, что уже в самом превращении формы $T - T$ в $T - D - T$ и распадении последней на самостоятельные акты $T - D$ и $D - T$, заложена возможность товарных избытков или кризисов сбыта. На практике как раз полностью подтверждается марксова теория и опровергается буржуазная теория денег — обмена — кризисов, ибо кризисы есть факт, а с фактами не спорят.

§ 8. Если товар вступает в обращение, т. е. продается, то ясно, что он ведь не вечно будет находиться в обращении. Он может быть как раз куплен тем лицом, которому этот товар нужен для потребления — тогда тут же вслед за продажей, т. е. вступлением в обращение, он выпадет из этого последнего, поскольку покупатель его потребит. Если же товар продается не действительному потребителю, но посреднику — торговцу, то это мало меняет дело по существу. Удлиняется лишь *срок* жизни этого товара как товара, его *нахождения в обра-*

ценны. Товар может перейти в процессе обращения несколько раз из рук в руки, например от фабриканта к оптовику, от оптовика к полуоптовику, от последнего — к розничнику, но в конце концов товар должен быть продан потребителю. Следовательно само рождение товара предполагает его смерть как товара.

Не то с деньгами. Деньги, раз родившись, продолжают вечную свою жизнь в качестве средств обращения. И этим они существенно отличаются от товаров: Для последних — обращение это только мимолетный процесс, так сказать, вынужденная необходимость для обратного превращения в продукт. Наоборот для денег — это вечный процесс. Обращение для них служит и началом и концом одновременно. Деньги не потребляются, но постоянно функционируют как средства обращения. Правда в обращении бывает денег то больше, то меньше, но известная их масса постоянно должна находиться в обращении.

Попробуем теперь подойти к деньгам как средствам обращения (в дальнейшем мы будем деньги в качестве средств обращения называть *монетой*), с точки зрения товаровладельцев. Для чего последние так настойчиво домогаются превращения своего товара в деньги? Для того, чтобы потребить последние? Ничего подобного: никто деньги как деньги не потребляет, ибо если вы, например, из золотой десятки сделаете зуб, то эта десятка уже не будет деньгами. Но если вы сохраните эту десятку как деньги, то это обязательно требует, так сказать, «неприкосновенности их личности». Кто хочет сохранить деньги как деньги, тот во всяком случае не может их потребить, уничтожить.

Деньги для товаровладельца служат средством получения других товаров, которые нужны как предметы потребления или производства. *Следовательно товаровладельцев не интересует потребительская стоимость денег как товара или их внутренняя товарная стоимость.* Отсюда ясно, что от изменения материала самих денег равным счетом ничего не изменяется в нашей формуле $T - D - T$.

§ 9. *Этот наш вывод очень важен, ибо отсюда вытекает возможность замещения действительных денег неполноценными металлическими деньгами, сделанными из другого материала, например серебра или меди, или даже чистыми знаками стоимости, — бумажными деньгами.*

История этого превращения денег в функции средств обращения из действительного товара-стоимости в простые знаки будет нами рассмотрена в X главе. Сейчас мы только скажем, что к этому результату общество приняло не сразу, но в итоге длительного исторического развития. Непосредственным толчком для введения в обращение неполноценных металлических денег послужил тот факт, что металлические деньги, находясь в обращении, постоянно стираются и, следовательно, уменьшаются в своей внутренней стоимости. Между тем эти деньги продолжают функционировать по прежней своей стоимости, ибо ведь продавец, как мы знаем, не интересуется деньгами как вещью, как предметом потребления. Еще феодальные государи из этого факта сделали выгодный для себя вывод: они стали пускать в обращение деньги с уменьшенным металлическим содержанием по сравнению с тем, которое на них значилось. Так металлическое со-

держание монет все уменьшалось, пока не дошло до нуля — монета заменилась простыми знаками — бумажными деньгами. «Как меновая стоимость кристаллизуется при обмене в золотые деньги, точно так же золотые деньги в процессе обращения поднимаются до своего собственного символа — сначала в виде изношенной золотой монеты, потом в форме вспомогательной металлической монеты, наконец в форме имеющих стоимости марок, бумаги, просто *знака стоимости*» (Маркс).

§ 10. В I главе мы определили деньги как товар, хотя и особенной природы. Между тем теперь мы пришли к признанию возможности существования денег — не товара, но простых бумажек: Нет ли здесь противоречия? Ни в коем случае, ибо определяя деньги как «соединение мерила стоимости и средства обращения», мы этим отнюдь не утверждали, что в своей монетной форме, т. е. как средство обращения, деньги должны фигурировать непосредственно в своей «материальной телесности», т. е. как товар определенного качества и формы. *Бумажные деньги — это знаки действительных денег — золота, их заместители или представители в функции средств обращения.* Нам необходимо лишь внести поправку в данную выше общую характеристику денег по их функциям. Эта поправка заключается в указании на то, что деньги в качестве средств обращения могут фигурировать не непосредственно, как реальный товар, но также в форме простых знаков — заместителей. Эту поправку как-раз вносит Маркс, уточняя определение основных функций денег: *«Товар, — говорит Маркс, — который функционирует как мера стоимости, а поэтому непосредственно своим телом или через посредство своих заместителей так же, как средство обращения, есть деньги».*

§ 11. Но если бумажные деньги — это только знаки денег, то ясно, что они по существу лишь как бы представляют от имени стоимости золота в процессе товарного обращения. Так всем известно, что луна сама по себе неспособна излучать свет, но в то же время таковой излучает; она отражает на землю чужой источник света, а именно — свет солнца. Так и бумажные деньги «светят» на товары не своей собственной стоимостью, но отраженной стоимостью золота. Так и чек, который вы получаете из кассы магазина, не имеет собственной стоимости, не является *ни деньгами, ни товаром, но представляет собой знак стоимости в одно и то же время как уплаченных в кассу денег, так и получаемых у приказчика товаров.* Конечно бумажные деньги — это не кассовый чек, ибо последний выполняет подсобную, техническую и частную функцию, а бумажные деньги важнейшую общественную функцию. Говоря о кассовом чеке, мы хотим только показать возможность существования знака стоимости, обособленного от самой стоимости. Бумажные деньги и являются как-раз формой такого обособленного существования знака стоимости.

Таким образом бумажные деньги не являются *ни деньгами, ни товаром, но непосредственно только знаком стоимости денег.* А так как сами деньги являются выражением стоимости всех товаров, то тем самым и бумажные деньги косвенно, через посредство золота, являются также и знаком стоимости всего бесконечного разнообразия товаров, находящихся в обществе.

§ 12. Мы уже знаем из главы I, что стоимость одного товара может быть выражена или приравнена только к стоимости другого товара. Бумажные же деньги не могут быть эквивалентом стоимости товаров, ибо сами они не имеют стоимости и, следовательно, не являются *мерилом стоимости*. Лишь после того как все товары соизмерены в единицах стоимости золота, следовательно, выражены в деньгах и получили цену, оказывается возможным совершать меновые сделки при посредстве знаков денег — простых бумажек. Таким образом *бумажные деньги ни в коем случае не устраняют, но, наоборот, обязательно предполагают наличие действительных денег в качестве мерил стоимости*. Это как-раз упускает из виду *Гильбердинг*, который, утверждая, что бумажные деньги непосредственно являются знаками стоимости товаров, а не золота, и поэтому совершенно независимы от стоимости действительных денег, тем самым подрывает в самой основе марксову теорию денег. Спрашивается, если при наличии бумажных денег устраняется необходимость в существовании действительных денег, то каким образом может быть измерена стоимость всех товаров? Очевидно, что в бумажках товары не могут измерять свою стоимость. А если стоимость товаров не измерена в стоимости всеобщего эквивалента, то, следовательно, товары не имеют цены. Таким образом по *Гильбердингу* товары вступают в обращение без цены, а деньги без стоимости (ибо бумажные деньги не имеют стоимости). Но ведь это полнейшая нелепица, ибо на самом деле и при бумажных деньгах все товары имеют цену, а деньги имеют стоимость, которая только обозначена в бумажных знаках. Иначе ведь вообще не могут совершаться ни продажа, ни купля. Мы видим таким образом сколь неудачной оказалась и эта попытка ревизовать учение *Маркса*.

§ 13. Мы выяснили таким образом функцию денег как средств обращения или вскрыли сущность монеты. В качестве монеты могут фигурировать как действительные деньги-золото, так и золото или какой-либо иной металл, номинальная стоимость которого (т. е. стоимость, обозначенная на нем) выше его реальной стоимости как металла, так, наконец, и бумажные деньги, лишенные всякой реальной стоимости.

Таким образом необходимо различать деньги и знаки денег. Действительными деньгами являются только так называемые полноценные металлические деньги, т. е. такие деньги, в которых заключено как раз столько металла, сколько на них обозначено. Такова довоенная русская золотая пятерка, содержащая 87,12 долей золота, не только по названию, но и по действительному весу. В отношении полноценных металлических денег, поскольку они фигурируют не только как мерило стоимости и сокровище, но также и непосредственно как *орудие обращения*, существуют определенные, более или менее однообразные в разных странах нормы их обращения:

1. *Свобода чеканки*. За принесенное на монетный двор золото выдается в соответственном весе золото в монете с удержанием ничтожной суммы за издержки по чекану (в довоенной России взималось 42 руб. 31½ коп. с пуда золота, что составляло 1/5‰).

2. *Предел отклонения* или *ремедиум*. Если золотая монета теряет в весе или пробе, то она лишается своей платёжной силы. Так

в России допускалось обращение только таких пятирублевых монет, вес которых был не ниже 1 золотника; предел отклонения был равен $\frac{1}{121}$.

3. *Свобода переплавки* монет в слитки хотя и запрещалась по закону, но фактически всегда и всюду практиковалась, ибо контроль установить невозможно, и поэтому запрещение переплавки монет всегда оставалось не больше, чем «буквой закона».

4. *Законную платежную силу* имеет в пределах страны только металлическая валюта данной страны.

5. *Монетная регалия*, т. е. право чеканки принадлежит только государству.

В качестве заместителей денег в функциях средства обращения и платежного средства фигурируют: 1) *билонная или разменная монета*, 2) *бумажные деньги*, 3) *кредитные деньги*.

1. Вполне естественно, что условия выпуска и обращения билонной, т. е. разменной монеты должны значительно отличаться от условий обращения действительных денег, т. е. полноценных металлических денег. Здесь конечно отсутствуют такие условия, как *свобода чеканки и ремедиум*. Но зато эти деньги *свободно размениваются правительством на полноценные металлические деньги и имеют законную платежную силу в частном обороте*. Однако при каждом частном платеже в интересах получателей денег государство освобождает последних от обязательства принимать билонную монету в неограниченной сумме, но зато берет на себя это обязательство. Так в Германии до войны можно было платить серебряными деньгами до 20 мар. при каждом платеже и медными до 1 марки; во Франции серебром — до 50 фр., бронзовой монетой — до 5 фр.; в Англии серебром до 40 шилл., бронзовыми монетами — до 1 шилл.; в России — высокопробной серебряной монетой (1 руб., 50 коп. и 25 коп.) до 25 руб., низкопробной серебряной и медной монетой — до 3 руб. Вместе с тем государство обычно ограничивает выпуск билонной монеты таким количеством, которое необходимо для мелкого оборота — в противном случае билонные монеты, затрудняя частный платежный оборот, возвращаются государству ввиду свободного их размена на полноценную металлическую монету или на бумажные деньги.

Если же государство отменяет свободу чеканки полноценных металлических денег, то и последние аналогично билонной монете из действительных денег превращаются в знаки денег.

2. *Бумажные деньги* выпускаются государством и имеют законную платежную силу. Обычно бумажные деньги выпускаются в целях покрытия государственных расходов и этим они отличаются от кредитных денег, которые также могут выпускаться государственным органом, например Государственным банком, но в иных целях и иным порядком, о чем будет речь в V главе. Бумажные деньги могут быть либо а) разменными на металл, либо б) неразменными. Обычно они неразменны. В этом случае и билонная монета разменивается не на металл, но на бумажные деньги.

3. *Кредитные деньги* будут рассмотрены в V главе.

Какова бы ни была форма средств обращения — будь то золотые

или медные, или бумажные деньги — природа всех этих форм остается одной и той же, поскольку все они выполняют одну и ту же функцию — средств обращения. Однако все же для сохранения равновесия товарного обращения далеко не безразлично, являются ли преимущественными средствами обращения полноценные золотые деньги, или таковых совсем нет в обращении и последнее целиком обслуживается бумажками. Это не безразлично потому, что *количество денег* в обращении по-разному регулируется при металлической и бумажно-денежной системах. Чтобы понять это различие и вскрыть причины неоднократно имевших место в истории фактов резкого падения покупательской силы бумажных денег, мы должны предварительно познакомиться с третьей функцией денег — сокровища или орудия накопления.

§ 14. Сейчас же в качестве вывода из всего сказанного в первых трех главах и в целях более отчетливого понимания функции средства обращения мы попробуем противопоставить эту функцию другой основной функции денег — мерилу стоимости.

Первая противоположность этих функций заключается в следующем.

Как мерило стоимости деньги фигурируют не реально, но лишь в идее, ибо при самой оценке стоимости товара в деньгах (т. е. при установлении цены) золото не должно находиться в наличии.

Иначе обстоит дело с функцией средств обращения. Здесь, наоборот, деньги выступают не как идеальные деньги, но как *конкретные деньги*. Для того чтобы купить товар, вы должны уплатить наличные деньги в соответствии с той ценой, о которой вы договорились с продавцом.

Вторая же противоположность заключается в том, что если в качестве мерил стоимости должны выступать действительные деньги — товар-золото, то в функции средств обращения эта внутренняя товарная стоимость денег не играет роли, и действительные деньги, как мы знаем, могут быть заменены простыми знаками денег — бумажками. Но освобождаются ли полностью эти деньги-знаки от действительных денег? Ни в коем случае, *ибо деньги могут быть заменены бумажными знаками лишь в таком объеме стоимости, в каком необходимо было бы функционирование действительных денег в процессе товарного обращения*.

Эту двоякую противоположность функций мерил стоимости и средства обращения установил Маркс.

«В качестве мерил стоимости, — говорит Маркс, — деньги служат только как счетные деньги, а золото — только как воображаемое золото, между тем все сводится к природному материалу. Выраженные в серебре меновые стоимости представляются совершенно иначе, чем выраженные в золоте. Обратное происходит с функцией орудия обращения: здесь деньги не только выступают в представлении, но должны существовать как вещественный предмет рядом с другими товарами; между тем материал их при этом не имеет значения и все зависит от их количества. Для единицы меры является решающим моментом, представляет ли она фунт серебра, золота или меди; но монета, каков бы ни был ее собственный материал, в зависимости только от ее количества, делается соответственным овеществлением каждой из этих единиц» (Маркс).

Таким образом мы видим, что хотя в функции мерил стоимости конкретно не фигурируют золотые деньги, и хотя в функции средства обращения деньги, фигурируя реально, могут быть заменены простыми бумажками, однако обе эти функции обязательно предполагают наличие действительных денег, например золота, если не в форме монет, то в форме слитков.

Литература к главе III.

- 1) *К. Маркс*, Капитал, т. I, гл. II и III, § 2.
- 2) *К. Маркс*, К критике политической экономии, гл. II, § 2.
- 3) *И. А. Трахтенберг*, Бумажные деньги, гл. II.
- 4) *Л. Шанин*, Денежная система СССР в марксистском освещении, гл. III.
- 5) *В. Берковский*, Очерки по марксистской теории денег, М. 1930.
- 6) *Гильфердинг*, Финансовый капитал, гл. II.
- 7) Сборник «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма», статья *Гильфердинга*, «Деньги и товар» и *Каутского*, «Золото, бумажные деньги и товар».
- 8) *H. Block*, Die Marx'sche Geldtheorie.
- 9) *K. Diehl*, Theoretische Nationalökonomie, Bd. III, Buch II, Kap. 2, Jena 1927.

Вопросы для повторения.

- 1) В чем необходимость денег для товарного общества?
- 2) В чем заключается функция денег как средства обращения, и в чем связь этой функции с функцией мерил стоимости?
- 3) В чем отличие непосредственного обмена продуктами от товарного обращения?
- 4) Почему возможна замена в обращении действительных денег неполноценными металлическими деньгами или бумажными знаками?
- 5) Какое уточнение вносит Маркс в определение денег в связи с функционированием заместителей денег?
- 6) Дайте определение бумажным деньгам.
- 7) В чем ошибка Гильфердинга в теории денег?
- 8) Назовите виды денег и денежных знаков и нормы, регулирующие их обращение.
- 9) Подведите итог анализу функций мерил стоимости и средства обращения и ответьте на вопрос: в чем противоположность проявления денег в этих функциях?

ГЛАВА IV.

ФУНКЦИЯ СОКРОВИЩА И МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛИЧЕСТВА ДЕНЕГ В ОБРАЩЕНИИ.

§ 1. Деньги как сокровище. — § 2. Регулирование количества денег в обращении. — § 3. Ошибка количественной теории денег. — § 4. Три фактора, определяющие количество денег в обращении. — § 5. Регулирование количества денег в обращении при «закрытой чеканке». — § 6. Билонная монета. — § 7. Австрийский и индийский опыты денежного обращения. — § 8. Покупательская сила бумажных денег.

§ 1. Деньги являются всеобщим эквивалентом и, следовательно, всеобщей формой богатства. Владея деньгами, вы тем самым в пределах данной суммы при капитализме можете приобрести любые товары. «Стремление к накоплению сокровищ по природе своей безмерно. Деньги являются всеобщим представителем вещественного богатства, потому что они непосредственно могут быть превращены во всякий

товар. Но в то же время каждая реальная денежная сумма количественно ограничена, является средством купли с ограниченной покупательской способностью. Это заставляет собирателя сокровищ все снова и снова предпринимать сизифов труд (до бесконечности возобновляемый труд) накопления. Он чувствует себя как великий завоеватель, который с каждой новой страной завоевывает лишь новую границу» (*Маркс*).

Именно потому, что деньги такой товар, который служит всеобщим эквивалентом и пользуется всеобщим почетом среди обычной товарной «черни», они являются *надежным средством накопления или сокровищем*.

Для собирателя сокровищ, говорит *Маркс*, «существует богатство только в его общественной форме, и поэтому он закапывает его от общества. Он жаждет товара в форме, постоянно-способной к обращению, и поэтому он извлекает его из обращения. Он грезит о меновой стоимости и поэтому ничего не выменивает».

Функцию сокровища выполняют только действительные деньги, например золотые, но отнюдь не бумажные знаки денег, ибо всякий раз еще требуется доказать, являются ли эти знаки заместителями действительных денег и имеют ли представительную стоимость именно того золотого номинала, который на них значится. То, что бумажные деньги не могут служить надежным орудием накопления, всем прекрасно известно из опыта годов войны и революции, когда те, кто скопили бумажные знаки, остались в конце концов со знаками, но... без денег!

На первых ступенях развития менового хозяйства, а также и в настоящее время в отсталых странах накопление денежных сокровищ является *частным делом* каждого. В развитых же капиталистических странах накопление в качестве сокровища золота является *общественной функцией банков*. В последних в настоящее время собраны колоссальные запасы золота. Кроме того значительные суммы денег скапливаются у капиталистов в качестве наличных *резервных фондов* для разного рода платежей (хотя и это накопление денег в значительной степени концентрируется у банков). Это вынужденное и текучее накопление, обусловленное ходом самого дела, следует отличать от накопления сокровищ.

«Не нужно смешивать сокровища с монетным резервом, который сам составляет слагаемую часть общей суммы денег, находящихся постоянно в обращении, предполагает упадок или возрастание этой общей суммы» (*Маркс*).

§ 2. Сокровище играет очень важную роль в отношении регулирования количества денег, необходимых для обращения. Очевидно, что денег в обращении должно быть как-раз столько, сколько необходимо для совершения товарных покупок и продаж по тем ценам, по которым фактически совершаются сделки. Если известно, например, что за данный период было продано товаров за наличные на 10 млн. руб., то ясно, что покупателями было уплачено как раз 10 млн. руб. Однако так как эти товары были проданы не сразу, но в каждый данный момент продавалась лишь часть этой массы, то ясно что в один и тот же момент не могло потребоваться всей массы денег — 10 млн. руб. Крестьянин, например, выехал на базар и продал свой хлеб за 100 руб. Тут же он заходит в магазин и покупает на эти деньги мануфактуру

и сельскохозяйственные машины. Таким образом эти же 100 руб. обслужили вторую продажу на ту же сумму. Далее кооператив, у которого крестьянин купил эти товары, закупает на эти 100 руб. хлеб уже у второго крестьянина. Этот последний опять-таки покупает в кооперативе нужные ему товары и т. д. *Таким образом те же самые 100 руб. могут обслужить длинный ряд покупок-продаж.* Затем эти 100 руб. останутся на ночь в кассе кооператива и с утра следующего дня снова начинают свою вечную «работу» в качестве средств обращения.

Этот пример нам наглядно показал, что для реализации (продажи) товаров на 10 млн. руб. в пределах всего общества и в течение, например, одного месяца, отнюдь не должна была находиться в обращении сумма денег в 10 млн. руб. Так как денежный знак может совершать ряд покупок и продаж, то необходимо сумму последних разделить на то количество сделок, которое обслуживает каждая монета, чтобы получить необходимое для обращения количество денег. Следовательно это последнее равно:

$$\frac{\text{сумме цен товаров}}{\text{число оборотов одноименных монет}}$$

Знаменатель этой дроби, т. е. число товарных оборотов, обслуживаемое в среднем всей массой монет, мы будем называть скоростью обращения денег. Обозначив эту последнюю через C , сумму цен реализуемых товаров через A , количество денег через K , получим следующую формулу необходимого для обращения количества денег: $K = \frac{A}{C}$.

Если A равно 100 млн. руб. а C равно 100, то в течение данного месяца для обращения было необходимо:

$$\frac{100.000.000}{100} = 1.000.000 \text{ руб.}$$

Но если в течение следующего месяца увеличилась или уменьшилась потребность обращения в деньгах (монете), то каким образом произойдет сокращение или расширение массы денег? Куда денутся избыточные деньги или откуда появятся новые деньги? Таким резервуаром, куда отливают избыточные деньги и откуда поступают новые суммы денег в обращение, как-раз и является *сокровище*. Допустим пока, что обращение обслуживается исключительно полноценными металлическими деньгами и существует, как например в довоенной России, *свободная чеканка*. Последняя означает следующее: всякий имеющий золото в слитках, может принести таковое на монетный двор и получить соответственное количество золота в монете с удержанием монетным двором ничтожной суммы за чеканку.

Так русский монетный устав гласил: «Золотая монета чеканится как из золота, принадлежащего казне, так и из золота, предоставляемого для сего частными лицами. Принесителям золота не может быть отказано в приеме оного для передела в монету, если количество предоставленного не менее четверти фунта».

Таким образом золото в слитках потенциально (т. е. скрыто) есть золотая монета, в каковую оно в любой момент может превратиться. Как мы

уже знаем, не имея цены, золото приобретает относительную стоимость в товарах при непосредственном обмене его на товары у самих истоков производства. С этой определенной стоимостью золото — будь то слитки или монета—фигурирует как деньги и *при выполнении своих денежных функций не изменяет своей стоимости*. И в слитках, и в монете золото имеет одну и ту же стоимость и одно и то же выражение своей стоимости в товарах, т. е. относительную стоимость. Правда эта последняя может изменяться, если меняется трудовая стоимость товаров или трудовая стоимость самого золота (в силу изменения условий его производства), но это изменение относительной стоимости золота не связано с выполнением золотом денежных функций. Золото не может иметь одну относительную стоимость при выполнении одной функции (например сокровища) и другую — при выполнении другой функции (например средства обращения). Стоимость золота и его относительная стоимость в товарах *едина во всех функциях*.

«Золото в слитках,—говорит Маркс,—отличается от золота в монете в такой же мере, в какой монетное название отличается от названия веса. То, что в последнем случае представляет разницу в наименовании, является в первом только различием фигуры. Золотомонета может быть брошена в тигль и превращено таким образом снова в слитковое золото, и обратно: достаточно послать слиток золота на монетный двор, чтобы он получил форму монеты. Превращение и обратное превращение из одной формы в другую является чисто технической операцией».

§ 3. Между тем сторонники так называемой количественной теории денег (о которой подробно мы будем говорить ниже) утверждают как раз противоположное сказанному. Они считают, что золото в монете может иметь одну относительную стоимость, а золото в слитках—другую, и будто бы только при посредстве такого совершенно неестественного раздвоения стоимости золота и возможно регулирование количества денег в обращении при свободной чеканке. Механизм этого регулирования они представляют себе следующим образом. Если в обращение поступило слишком много золотых монет, то золото в монете, как избыточное, начинает обесцениваться по отношению к прочим товарам и в том числе по отношению к золотым слиткам. Тогда становится выгодным перечеканивать золотую монету в слитки. Таким образом уменьшается количество золотых монет в обращении, и их относительная стоимость уравнивается со стоимостью золота. Обратное положение в том случае, если золотых монет недостаточно для обращения: в этом случае, наоборот, золотые монеты будут расцениваться выше слитков и станет выгодной переплавка их через монетный двор в золотые монеты, и в результате опять-таки происходит приспособление количества денег к потребностям обращения и выравнивается относительная стоимость золота в слитках и монете.

Эта теория неверна, ибо она покоится на том предположении, что стоимость золота в обращении определяется его количеством: чем больше золотых монет в обращении при данной потребности обращения в деньгах, тем ниже его относительная стоимость и наоборот. На самом же деле мы знаем, что стоимость золота определяется независимо от

обращения, а свою относительную стоимость золото получает не в обращении, но у истоков золотопроизводства при непосредственном обмене золота его производителями на различные товары.

Количественная же теория денег подрывает трудовую теорию стоимости, поскольку ею утверждается, что стоимость золота колеблется от изменения его количества. В действительности же правильно обратное: стоимость золота определяет то его количество, которое должно вступить в обращение. Эта количественная теория денег по явному недоразумению поддерживается также и некоторыми марксистами. Последние держатся за эту теорию, потому что полагают, будто бы иначе не может быть объяснен механизм регулирования количества денег в обращении. В действительности же правильное понимание действия этого механизма совершенно устраняет необходимость отказа от теории трудовой стоимости. Но отказываясь от этой последней, количественная теория оказывается в решительном противоречии с действительностью и вот почему. Допустим, что согласно количественной теории золотых монет оказалось слишком много в обращении и они обесцениваются. Но какие монеты обесцениваются? Очевидно только те, которые служат средствами обращения, т. е. которыми расплачиваются за товар. Монеты же, находящиеся в качестве сокровища, т. е. на положении слитков, не обесцениваются, ибо ведь слитки теперь выше по стоимости, чем монета.

Таким образом выходит, что 2 золотых десятки, одна из которых лежит в сундуке, а другая выходит из кассы магазина, имеют различную стоимость: монета в сундуке имеет большую стоимость, чем монета в кассе! Однако пятирублевая монета, заключающая в себе 87,12 долей чистого золота, где бы она ни находилась, всегда стоит одинаково, ибо 87,12 долей всегда равны 87,12 долям или 5 рублей — 5 рублям. То же самое получается, если мы предположим, что в обращении недостаточное количество золотых монет. Тогда, наоборот, монета в кассе магазина будет стоить больше, чем монета в сундуке. Это столь же нелепо, как и предыдущее. Эта теория упускает таким образом из виду то простое обстоятельство, что сокровищем могут быть также и монеты. Но точно так же не может расходиться стоимость монеты и стоимость слитков, коль скоро в монете заключено то же самое количество золота, сколько и в слитке. К этому нужно еще добавить, что количественная теория совершенно подрывает учение о деньгах, как мериле стоимости. В самом деле при наличии расхождения между стоимостью золота в монете и слитках какое же золото является мерилем стоимости — монетное или слитковое? Так как мерилем стоимости может быть только действительный товар-золото, то, очевидно, таким мерилем будет слитковое золото.

Однако, так как меновые сделки фактически совершаются при посредстве золотых монет, то выходит, что товары будут измеряться по одной цене, продаваться по другой, а это есть чистейшая нелепость, ибо цены для того как-раз и устанавливаются, чтобы по ним совершались торговые сделки. Фактически таким образом у количественников получается два мерила стоимости, слитковое и монетное, чего на самом деле нет, ибо все товары всегда имеют единое денеж-

ное выражение и единую цену, а не две цены—одну монетную, а другую слитковую. Таким образом отказ от теории трудовой стоимости не только не приводит количественников и их марксистских сторонников к удовлетворительному объяснению фактов, но, наоборот, эти факты как-раз целиком опрокидывают эту в корне неправильную количественную теорию денег. (Критику учений главнейших представителей количественной теории денег см. в главе IX.)

Но каким же образом происходит приспособление количества золотых монет к потребностям обращения? В банках и у отдельных капиталистов всегда имеются *золотые запасы* (сокровище). Если предположить, что расширяется производство, растет обращение и, следовательно, повышается потребность в золотых монетах для реализации товаров, то капиталисты, например, торговцы, для расширения своих покупок извлекают принадлежащие им запасы золота для расплаты с продавцами товаров. Если же в резерве находилось мало монет, а слитками платить неудобно, то они просто обменивают на монетном дворе слитки на золото, и таким образом дополнительные золотые монеты вступают в обращение. Наоборот сокращение торговых оборотов всегда приводит к оседанию ставших ненужными золотых монет в качестве сокровища, пока вновь не появится потребность в них. Поэтому не требует никакой ревизии (исправления) и остается совершенно правильным следующий закон, установленный Марксом: «Резервуары, в которых деньги накаплиются как сокровище, служат в то же время *отводными* и *приводными* каналами для находящихся в обращении денег; *благодаря этому последние никогда не переполняют каналов самого обращения*». Последняя фраза, подчеркнутая нами, имеет чрезвычайно важное значение. *Если «каналы обращения» никогда (при свободе чеканки) не переполняются деньгами, если не может быть избыточных в обращении денег, то, следовательно, деньги не могут ни обесцениваться, ни повышать свою относительную стоимость в процессе обращения.*

Относительная стоимость денег (золота) при неизменной трудовой стоимости всех прочих товаров может, конечно, изменяться при изменении условий производства золота, т. е. *при увеличении или сокращении количества труда, необходимого для его производства*. Обратимся к нашему примеру и предположим сначала, что трудовая стоимость золота понизилась на 50%, а трудовая стоимость товаров осталась неизменной. Предположим, далее, что в каждом золотом рубле=17,424 долей золота, заключено 3 часа обстрактно-общественного труда. Раньше 300 млн. часов общественного труда, затраченных на производство этой товарной массы, выражались в 100 млн. руб. (т. е. этому была равна сумма цен товаров), потому что каждый рубль или 17,424 долей золота стоил 3 часа общественного труда. Но теперь для производства 17,424 долей необходимо только 1½ часа труда. Следовательно, стоимость товаров будет выражаться теперь не в 17,424 дол. золота \times 100 млн., но в удвоенном количестве золота, т. е. 34,848 дол. золота \times 100 млн., а так как 34,848 долей золота это не 1, а 2 рубля, то, следовательно, цена этой товарной массы будет равна не 100 млн. руб., но 200 млн. руб.

Предполагая, что скорость обращения денег не изменилась, мы, согласно нашей формуле, получим следующее количество денег, необходимых для обращения:

$$\frac{200.000.000}{100} = 2.000.000 \text{ рубл.}$$

Таким образом в обращение должен будет вступить новый миллион золотых руб. и это оказывается вполне возможным потому, что золотопромышленность при прежней затрате труда производит удвоенное количество золота. У самих источников производства золота будет происходить обмен золота на товары в этой новой пропорции относительных стоимостей, и при дальнейшем движении дополнительная масса золота либо прямо через монетный двор, либо проходя через сокровище, в конце концов попадает в обращение.

Обратный процесс будет в том случае, если трудовая стоимость золота повысится: тогда, предполагая неизменными стоимость товаров и быстроту оборота денег, избыточное золото оседет в виде сокровища, и этот новый резерв будет компенсировать тот дефицит в производстве золота, который возникнет в связи с тем, что при прежней затрате труда будет производиться меньшее количество золота и, следовательно, сократится его приток в сокровище.

Итак мы видим, что если все остальные условия обращения неизменны, то количество золотых монет в обращении падает и повышается в зависимости от изменения их собственной трудовой стоимости.

Этот закон установлен *Марксом*. Он прямо противоположен количественной теории денег, согласно которой стоимость золотых денег определяется их количеством. После всего сказанного читателю нетрудно будет усвоить краткую формулировку этого закона (и критику противоположного закона количественников), данную *Марксом* в следующих словах: «При данной сумме стоимости товаров и данной средней скорости их метаморфоз количество обращающихся денег или денежного материала зависит от собственной стоимости последнего. *Иллюзия* (мнимое представление), будто бы дело происходит как-раз наоборот, будто товарные цены определяются массой средств обращения, а эта последняя определяется в свою очередь массой находящегося в данной стране денежного материала, коренится у ее первых представителей в той нелепой гипотезе (предположении), что товары вступают в обращение без цены, а деньги без стоимости и затем в этом процессе известная часть товарной мешанины обменивается на соответствующую часть металлической горы». В самом деле, если мы предположим, что стоимость золотых денег определяется их количеством, то должны будем прийти к выводу, что до обращения золото не имеет стоимости, а так как цена есть выражение стоимости товаров в золоте, то, следовательно, товары не имеют до обращения цен. Это, конечно нелепо, ибо всякой продаже товара предшествует установление его цены, а последнее невозможно в том случае, если стоимость золота неизвестна.

§ 4. Предположим теперь, что стоимость золота остается неизменной. Может ли, несмотря на это, изменяться масса денег в обраще-

нии? Конечно может, если изменяются прочие до сих пор предполагавшиеся неизменными условия. Этими условиями *три*: 1) масса реализуемых товаров; 2) их цены; 3) быстрота обращения денег. Изменение каждого из трех указанных факторов приводит в соответственной пропорции, либо к притоку золотых денег в обращение из сокровищ, либо при обратном изменении к их отливу из обращения в сокровище. Так, например, в России осенью, в период реализации урожая, всегда появлялась дополнительная товарная масса, и вместе с тем возрастало и денежное обращение для ее реализации. Однако возрастание денег в обращении никогда не бывает пропорциональным росту товарной массы, ибо в обратном направлении действуют другие факторы; понижаются товарные цены и с оживлением торговли растет скорость обращения товаров и денег. *Благодаря противодействующему действию этих двух факторов количество денег в обращении возрастает в меньшей пропорции, чем увеличивается товарная масса.* А так как наряду с этим может изменяться также и стоимость самого золота — мерила стоимости и средства обращения — *то никогда не может быть в точности заранее установлено то количество денег, которое потребуется обращению на данный период.* Трудность определения количества денег, необходимых для обращения, осложняется еще тем, что товары *могут продаваться не за наличные, но также и в кредит*, о чем ниже. Однако при свободной чеканке в каналах обращения никогда не застревают избыточные деньги.

§ 5. Другое дело при так называемой «закрытой чеканке». Последняя заключается в том, что государство прекращает свободную переплавку золота из слитков в монеты, так что в случае повышения потребностей обращения в монете эта последняя не может быть удовлетворена за счет сокровища. В этом случае неизбежно должен произойти разрыв между стоимостью металла в слитках и монете. Чтобы это понять, возвратимся к нашему примеру и предположим, что в силу роста производства и, следовательно, товарного обращения (и при неизменности прочих условий), сумма цен товаров, реализуемых в течение данного периода возросла на 50%, тогда масса необходимых для обращения золотых монет равна:

$$\frac{150.000.000}{100} = 1.500.000 \text{ руб.}$$

В обращение должны вступить из сокровища новые 500.000 руб. Но так как свободной чеканки нет, то эти дополнительные монеты не могут вступить в обращение. Что же тогда получится? Товарному обороту придется приспособиться к прежней массе монет, или *иными словами миллион руб. будут выполнять «работу» в обращении 1.500 тыс. руб.* Рубль, оставаясь фактически рублем, т. е. 17,424 долями золота, номинально в обращении будет представителем 1½ руб. или 17,424 долей золота $\times \frac{1}{2}$. *Следовательно теперь благодаря разрыву связи между денежным обращением и сокровищем средства обращения (золотые монеты) из действительных денег — товара-золота превратились в заместителей денег. Номинальная стоимость таких золотых монет может быть выше действительной стоимости содержа-*

щегося в них золота, если они замещают большее количество необходимого для обращения золота в сравнении с той суммой стоимости золота, которая в них заключена.

§ 6. В обращении всегда находятся такие монеты, которые как деньги стоят значительно больше, чем металл, из которого они вычеканены. Это—билонная, т. е. разменная монета. Так в царской России обращались высокопробные серебряные монеты—рубли, полтинники и четвертаки, металлическая стоимость которых была равна 66—68% их денежной стоимости. Это значит, что в 1 серебряном рубле было серебра всего на 68 коп. Наряду с этим в обращении находились мелкие, низкопробные серебряные монеты в 20, 15, 10 коп., металлическая стоимость которых была равна 33—34% их денежной стоимости. Наконец медная разменная монета по количеству заключенного в ней металла стоила всего $\frac{1}{3}$ их денежной стоимости, т. е. на серебряный пятак можно было купить по весу в пять раз больше меди. Так обстоит дело с билонной монетой во всех странах. Наряду с этим следует отметить и такие случаи, когда имело место превышение стоимости денег над стоимостью заключенного в них металла также и в отношении основных или валютных денег страны.

§ 7. Так в Австро-Венгрии в 1879 г. была прекращена свободная чеканка серебряных монет, и в результате внутренняя стоимость серебряных монет оторвалась от ее номинальной или курсовой стоимости. Наибольшее расхождение было в 1889 г., когда 100 флоринов (гульденов) в монете стоили 84 флорина и 33 крейцера в золоте, а содержащееся в этих флоринах серебро на рынке стоило всего 69 флоринов и 38 крейцеров (в золоте). Такой же случай был и в Индии, где рупия (индийская денежная единица, приблизительно равная нашему рублю) как монета стоила 16 пенсов в золоте, а заключавшееся в ней серебро только 8,5 пенсов в золоте. Мы говорим в обоих случаях о том, что серебро стоило столько-то в золоте, или такова была цена серебра в золоте. Между тем раньше (в главе III) мы выяснили, что сами деньги не имеют цены. Как же мы можем говорить о цене серебряных денег? Дело в том, что в указанные периоды и в Австро-Венгрии, и в Индии действительными деньгами, т. е. мерилом стоимости было уже не серебро, но золото и, следовательно, серебро из денег превратилось в обычный товар и приобрело цену, которая исчислялась в золоте (в Австрии в золотых флоринах, в Индии—в золотых английских фунтах стерлингов). Серебряные монеты приобрели сверх своей действительной стоимости еще дополнительную (представительную или номинальную) стоимость, поскольку серебряные монеты замещали в обращении золотые монеты на большую стоимость, чем стоимость заключавшегося в них товара-серебра. Аналогичное явление наблюдалось в практике нидерландского денежного обращения 1873—1875 гг.

Итак теоретически установленное нами положение о возможности отрыва действительной стоимости денежного товара от его представительной стоимости в обращении как монеты вполне подтверждается фактами, которые целиком согласуются с марксовой теорией денег: хотя Марксу эти случаи не были известны, но он в своей теории ге-

ниально учел возможность таких отклонений, вполне подтвержденную новейшей историей денежного обращения.

Но допустим обратный случай, а именно; в обращении попрежнему находится миллион руб. золота, а сумма цен товаров при неизменности прочих условий уменьшилась на 50%, тогда для обращения требуется:

$$\frac{50.000.000}{100} = 500.000 \text{ руб.}$$

В этом случае, таким образом, миллион руб. будет замещать собою 500 тыс. руб., и следовательно, каждый рубль будет замещать или явится знаком стоимости $\frac{1}{2}$ руб. Это значит, что 17,424 долей золота будут заместителями в обращении 8,712 долей золота. Но возможно ли такое положение, чтобы стоимость монет в обращении была меньше, чем вне обращения и вне монетной формы? Нетрудно сообразить, что такое положение нелепо, ибо, несмотря на то, что золотая монета есть монета, она не перестает быть *золотом*, и следовательно, не может лишиться своей стоимости от того, что оно из слитковой формы превращено в монетную. Ведь сама монета есть тот же слиток лишь иной формы. Очевидно, что от изменения этой формы золото ничего не потеряет в своей стоимости, если в нем находится то же количество золота, например 17,424 долей. По русскому закону золотыми монетами (на которых было изображение Николая), из почтения к монарху нельзя было пользоваться, как слитками, в технических целях или для украшений. Но этот закон так и остался буквой закона, и когда нужно было золото, а под рукой не было другого золота, кроме золотых десятков, то из последних ювелиры прекрасным образом выделяли обручальные кольца, а дантисты — золотые мосты и коронки.

Итак наш общий вывод из рассмотрения случая *закрытой чеканки* сводится к тому, что здесь металл, свободная чеканка которого прекращена, может иметь представительную стоимость в обращении или покупательскую силу большую, но никогда не меньшую, чем стоимость того металла, из которого чеканятся монеты.

§ 8. После рассмотрения случая закрытой чеканки нам нетрудно понять, почему бумажные деньги имеют колеблющуюся покупательскую силу и чем колебания этой последней определяются. Если в билонной монете или в австрийских флоринах и индийских рупиях мы имели дело с случаями *расхождения* номинальной, представительной стоимости денег (их покупательской силы) и их реальной стоимости, как товара, то в бумажных деньгах мы имеем дело с *совершенно обособленным существованием знаков стоимости от самой реальной стоимости*. «Символические бумажные деньги в сущности совершенно не отличаются от вспомогательной металлической монеты, — они только действуют в более обширной сфере обращения» (Маркс). В бумажных деньгах «функциональное существование денег поглощает так сказать их материальное существование» (Маркс). Следовательно бумажные деньги имеют только номинальную, представительную стоимость, которая целиком определяется стоимостью того золота, которое при от-

существом бумажных денег (например, если бы при свободной чеканке в обращении находились только одни золотые монеты) *фигурировала бы в форме золотых монет как средство обращения.*

Если же стоимость необходимого для обращения золота дана, то стоимость бумажных денег будет определяться их количеством: «в то время, — говорит Маркс, — как количество золота, находящегося в обращении зависит от цен товаров, *стоимость бумажек, находящихся в обращении, зависит исключительно от их собственного количества.*»

Литература.

- 1) Маркс, Капитал, т. I, гл. III, § 2 и § 3 «а».
- 2) Маркс, К критике политической экономии, гл. II, § 3 «а».
- 3) И. А. Трахтенберг, Бумажные деньги, гл. II, IV и V.
- 4) Л. Шанин, Денежная система СССР в марксистском освещении.
- 5) Гильфердинг, Финансовый капитал, гл. IV.
- 6) Б. Берковский, Очерки по марксистской теории денег, М., 1930.
- 7) Н. Block, Die Marxsche Geldtheorie.
- 8) К. Diehl, Theoretische Nationalökonomie, Bd. III, Buch II, Kap. 2—6

Вопросы для повторения.

- 1) Почему деньги являются сокровищем?
- 2) Как определяется количество денег в обращении и может ли быть избыток или недостаток денег в обращении при системе свободной чеканки золота?
- 3) В чем ошибка теории, утверждающей, что цены товаров и стоимость денег определяются количеством денег в обращении?
- 4) При каких условиях стоимость металлических денег как средств обращения может превышать стоимость заключенного в них денежного товара?
- 5) Может ли стоимость металлических денег при закрытой чеканке превышать их товарную стоимость?
- 6) Какую стоимость имеют бумажные деньги и чем она определяется?

ГЛАВА V.

ФУНКЦИЯ ПЛАТЕЖНОГО СРЕДСТВА. КРЕДИТНЫЙ БАЛАНС ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ. КРЕДИТНЫЕ ДЕНЬГИ.

§ 1. Продажа товара в кредит. — § 2. Кредитный баланс денежного обращения. — § 3. Зачет взаимных обязательств. — § 4. Кредитный баланс при кризисах. — § 5. Полная формула количества денег в обращении. — § 6. Можно ли точно учесть количество необходимых для обращения денег? — § 7. Кредитные деньги. — § 8. Различие банкнот и бумажных денег. — § 9. Регулирование количества денег в обращении. — § 10. Выводы из глав III—V.

§ 1. В главе IV мы дали такую формулу количества необходимых для обращения денег: $K = \frac{A}{C}$. Но действительно ли для оборота требуется именно такое количество денег? Если учесть, что не все ведь товары продаются за наличные, но часть товаров, особенно в оптово-торговом обороте, продается с *рассрочкой платежа* или в *кредит* на более или менее длительный срок, то ясно, что мы будем иметь ряд продаж, которым в *данный момент* не соответствует

движение денег в обратном направлении. Но какую вообще роль играют деньги при продаже товаров в кредит? Во-первых, здесь так же, как при продаже за наличные, заключению сделки предшествует идеальное функционирование денег как мерила стоимости, ибо ведь и в кредит товары продаются по определенным ценам, т. е. в определенном денежном выражении, так что в этом отношении нет никаких различий. Но зато при самой продаже в кредит деньги не выступают *реально* как средство обращения или как покупательское средство, но лишь идеально, а именно как будущие деньги или, например, как «перспективные деньги». Но если в данный момент происходит перемещение товара из рук в руки без конкретно существующих денег, то зато при наступлении срока платежа будет иметь место движение конкретных денег без обратного перемещения товара. Таким образом здесь первый метаморфоз из кругооборота $T-D-T$, т. е. $T-D$ или продажа распадается в свою очередь на 2 части: $T-O$ (обязательство платежа) и $D-O$, и таким образом первый метаморфоз теперь превращен в самостоятельный кругооборот $T-O...D$, т. е. продажа товара и платеж денег разорваны во времени на два обособленных акта. Так как в этом случае деньги фигурируют не как средство обращения или покупательское средство, ибо само обращение совершилось без денег, но исключительно как средство платежа, которому в этот момент не соответствует никакое передвижение товаров, то мы для ясности эту функцию будем рассматривать, как особую функцию и назовем ее *платежным средством*. *Итак, в функции платежного средства деньги выступают как средство погашения долговых обязательств*. Если промышленник *A* продал торговцу *B* товар в кредит с обязательством уплатить через 3 месяца, то очевидно, что *B* должен будет, по мере продажи этого товара, накапливать деньги для уплаты долга, т. е. в течение этого срока у него деньги будут оседать как сокровище (которое он может отнести в банк, но что произойдет с этими деньгами в банке, нас сейчас не интересует; это будет подробно рассмотрено во 2-й части книги). Если сама функция сокровища предполагает функционирование денег как мерила стоимости и средства обращения (непосредственно или через заместителей), то функция платежного средства предполагает функционирование денег и как мерила стоимости, и как средства обращения, и как сокровища. Это самая развитая форма денег; она относится, как говорит *Маркс*, к «высшей стадии производственного процесса».

§ 2. Если, с одной стороны, продажи могут совершаться без наличных денег, а с другой стороны, наличные деньги как платежные средства нужны и в тех случаях, когда фактически не совершается продажа, но только погашается долг по кредиту, то это делает необходимым внесение соответствующих поправок в нашу формулу количества денег. Из суммы цен реализуемых товаров нужно вычесть сумму цен тех товаров, которые продаются в кредит, и, с другой стороны, прибавить сумму тех платежей, которые должны быть произведены за товары, проданные в кредит в течение предшествующего периода. Количество наличных денег, которые действительно потребуются для обращения в течение данного периода, будет больше или меньше, чем

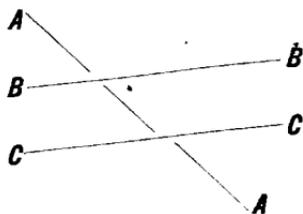
$\frac{A}{C}$ в зависимости от того, что больше: сумма продаж в кредит или платежи по прошлым долгам. Отношение этих двух величин мы будем называть *кредитным балансом денежного обращения*, а разницу между суммой продаж в кредит и наступившими платежами назовем *сальдо* (остатком) кредитного баланса. Это сальдо будет *положительным* в том случае, когда продажи в кредит больше суммы долговых платежей, и *отрицательным*, когда — обратное положение. Итак, если мы имеем отрицательное сальдо кредитного баланса, то это сальдо должно быть прибавлено к сумме $\frac{A}{C}$, а если положительное, то это сальдо нужно будет вычесть из $\frac{A}{C}$, чтобы получить необходимую денежную массу для торгового оборота.

§ 3. Однако это сальдо при нормальном положении торговых дел обычно бывает положительным и вот почему. Дело в том, что не все платежи должны быть погашены наличными. Допустим, что капиталист *A* должен уплатить за проданный ему капиталистом *B* товар 10 тыс. руб. В свою очередь капиталист *B* должен уплатить того же числа 10 тыс. руб. капиталисту *C* за проданный последним товар. Наконец, капиталист *C* должен уплатить *A* те же 10 тыс. руб. Получается у нас три пары платежей:

$$\left. \begin{array}{l} A \text{ платит } B \\ B \text{ платит } C \\ C \text{ платит } A \end{array} \right\} 10 \text{ тыс. руб.}$$

Расписка должника с обязательством платежа в определенной сумме и в определенный срок называется *векселем*. В нашем примере *B* имеет вексель от *A* на 10 тыс. руб., и сам в свою очередь должен уплатить *C* по своему векселю. Вместо уплаты наличными *B* передает *C* вексель *A*, и взамен получает свой вексель, который он уничтожает. Теперь *C* имеет вексель от *A* на 10 тыс. руб., а *A* имеет вексель *C* на ту же сумму. Им остается поменяться этими векселями, и таким

образом все обязательства будут взаимно погашены или взаимно компенсированы:

Таким образом уплата 30-тысячного долга не потребовала ни одного наличного рубля. Такой зачет взаимных требований производится не непосредственно отдельными капиталистами, но большей частью через банки и специальные *расчетные палаты* при центральных банках. Но, конечно, не всегда обязательства могут быть взаимно компенсированы. Так, если бы в нашем примере хотя бы один из векселей, например вексель

A, выданный *B*, был бы равен не 10 тыс. руб., но 15 тыс. руб.. То после взаимной компенсации долговых сумм *A* пришлось бы уплатить разницу в 5 тыс. руб. Но все же и в этом случае при общей сумме платежей в 35 тыс. руб. наличный платеж выразится только

в сумме 5 тыс. руб.: «Следовательно сумма денег, необходимых как платежное средство, определяется большей или меньшей концентрацией платежей и величиной баланса, который получается после взаимного погашения этих расплат как положительных и отрицательных величин»¹.

Теперь читателю должно быть ясно, почему мы так категорически утверждаем, что сумма продаж в кредит обычно больше, чем сумма платежей по торговому кредиту: ведь значительная часть этих платежей взаимно компенсируется, и таким образом наличные деньги требуются только для покрытия сальдо баланса денежного обращения. Самый этот кредитный баланс денежного обращения можно выразить в следующей формуле:

$B = a - (b - c)$ где B = сальдо кредитного баланса, a = сумме цен проданных в кредит товаров за данный период, b = сумме платежей за проданные в прошлый период товары и, наконец, c = взаимно погашающимся платежам.

Представим это в цифровых иллюстрациях:

1) Допустим, что $a = 1\,000\,000$, $b = 1\,200\,000$, $c = 800\,000$, тогда $B = 1\,000\,000 - (1\,200\,000 - 800\,000) = 600\,000$.

Таким образом, несмотря на то, что сумма поступивших платежей больше на 200 тыс. руб., чем сумма проданных в кредит товаров (и следовательно должно было быть отрицательное сальдо), в результате зачета взаимных требований ($b - c$) сальдо оказывается положительным: всего нужно заплатить наличными 400 тыс. руб., в то время как продажа в кредит равна 1 млн. руб., следовательно положительное сальдо равно 600 тыс. руб. Денежное обращение как раз на эту сумму будет меньше суммы цен всей реализуемой товарной массы в целом.

2) Если $a = 1\,000\,000$, $b = 1\,800\,000$, $c = 800\,000$, то $B = 1\,000\,000 - (1\,800\,000 - 800\,000) = 0$.

Здесь мы имеем равновесие кредитного баланса без сальдо, следовательно количество денег будет равно сумме реализованных товарных цен (A).

3) Если $a = 800\,000$, $b = 1\,900\,000$, $c = 900\,000$, то $B = 800\,000 - (1\,900\,000 - 900\,000) = -200\,000$.

§ 4. В последнем случае мы имеем отрицательное сальдо кредитного баланса: на эту сумму денежное обращение превысит сумму цен фактически реализованных товаров. Возможно ли на практике такое положение? При нормальном ходе дел это мало вероятно, ибо только случайно может оказаться, что товаров продается в кредит вдвое меньше, чем происходит погашение за прошлый период, и, кроме того, в этом примере взят очень незначительный процент взаимной компенсации платежей. Но будучи нереальным при нормальном ходе дел, при так называемом подъеме хозяйственной конъюнктуры это положение становится вполне реальным при кризисах, которые характеризуются тем, что 1) резко сокращаются продажи в кредит и все стремятся получить наличные деньги, 2) все требуют погашения прежней задолженности,

¹ Маркс, К критике, стр. 144.

и вместе с тем ввиду затруднений с реализацией растут банкротства и тем самым сокращаются возможности взаимной компенсации (вообще во время кризисов каждый старается у своих должников обязательно получить наличными и в то же время отсрочить собственные платежи своим кредиторам). Следовательно *отрицательное сальдо* кредитного баланса торговли вполне реальный факт, хотя он и имеет место лишь в периоды кризисов. Однако формула обращения должна быть всеобщей, т. е. подходить ко всем случаям — как к хозяйственному подъему, так и к кризису. Во-первых, потому что кризисы не случайное явление, но постоянный спутник капитализма и, во-вторых, потому что именно в периоды кризисов чрезвычайно обостряется проблема регулирования денежного обращения. Следовательно в общей формуле количества денег мы должны учесть возможность как отрицательного, так и положительного сальдо кредитного баланса денежного обращения.

§ 5. Следовательно наша формула примет такой вид:

$$K = \frac{A \pm B}{C}$$

Как раз в период кризиса количество необходимых для обращения денег значительно превышает сумму реализуемых в этот период товаров, и деньги в эти моменты нужны главным образом не как покупательное средство, но как платежное средство. Скорость обращения денег у нас не случайно является знаменателем не только A , но и B , ибо и в функции платежного средства деньги так же имеют определенную скорость оборота, как и в функции средства обращения.

Приведенная формула дает представление о сумме необходимых для товарообращения денежных знаков. Но здесь может возникнуть такой вопрос: разве деньги нужны только для обращения товаров и оплаты кредитных обязательств по торговому (коммерческому) кредиту? Ведь производится же ежедневно масса всевозможных платежей, как то: при уплате государству налогов, при выдаче денежных ссуд, оказываемых частными лицами и банками, наконец просто деньги могут переходить из рук в руки в порядке личных подарков, раздела наследства, благотворительности и т. п. Не нужно ли прибавить к нашей формуле и всю эту массу фактически совершаемых платежей, чтобы получить действительное представление об объеме денежного обращения?

Это, конечно, было бы так, если бы мы рассматривали денежное обращение как всякий переход денег из рук в руки. Но тогда понятие «денежное обращение» стало бы столь же широким, сколь и бессодержательным. Передачу денег в магазине одним дежурным кассиром другому или отцом сыну и т. п. нужно было бы так же рассматривать как денежное обращение, и тогда деньги находились бы вне обращения, лишь в состоянии абсолютного физического покоя: даже перевозка денег была бы их «обращением». Очевидно, что такое понимание «денежного обращения» совершенно бессмысленно. Мы понимаем денежное обращение как элемент товарного обращения или как цепь метаморфоз $T—D—T—D—T—D$ и т. д. Следовательно поскольку движение денег не связано с товарным обращением и не обу-

словлено этим последним, мы будем иметь не денежное обращение, но простое перемещение денег вне денежного обращения, следовательно, простое перераспределение денежных фондов вне денежно-товарного кругооборота. И именно поэтому такого рода перемещение денег, физическое или даже юридическое (т. е. когда меняются владельцы денег как лица), не может учитываться в нашей формуле количества необходимых для обращения денег. Лишь в том случае, если, скажем, государство, получив налоги, *тратит эти деньги*, т. е. покупает товары, если получивший деньги в ссуду на срок приобретает необходимое для себя оборудование, т. е. опять-таки *покупает товары* и т. п., деньги извлекаются из текущих резервов и сокровища и вступают в обращение. Коль скоро эти деньги так или иначе вошли в соприкосновение с товарами или выступили, как завершение товарной метаморфозы в случае $T - O \dots O - D$, мы имеем денежное обращение и это движение денег целиком учитывается нашей формулой. Всякое же движение денег, не связанное с товарным обращением, не есть денежное обращение.

§ 6. Мы уже указывали в главе III, что точный учет количества необходимых для обращения денежных знаков представляет очень трудную практическую задачу, ибо факторы обращения могут изменяться в различном направлении, причем вообще при анархичности капиталистического строя учет, например, таких элементов, как массы товаров, предназначенных для реализации в течение предстоящего периода, а также изменение стоимости самого золота и т. д. никем не ведется. В силу этого по поводу необходимой для обращения денежной массы экономисты могут лишь высказывать некоторые приблизительные предположения. Точных данных для предвидения объема денежного обращения нет. К указанным трудностям такого исчисления еще присоединяется учет кредитной части торгового оборота или кредитного баланса и его сальдирования. Но предположим на минуту, что все эти моменты можно в точности учесть, и что в результате этого мы, согласно нашей формуле, получим точную цифру обращения на предстоящие три месяца в сумме, например, одного миллиарда рублей. Можно ли сказать, что государство на этот миллиард рублей может выпустить бумажек и, извлекая из обращения все золото, все же сохранить полностью равновесие денежного и товарного обращения, показателем чего служило бы полное совпадение стоимости действительных денег — золота и их заместителей — бумажек по полному номиналу последних?

Даже и при этих нереальных предположениях наши расчеты не оправдались бы. Дело в том, что наша формула $K = \frac{A \pm B}{C}$ еще ничего не говорит о том, какими именно деньгами будет заполнена эта масса K . Мы до сих пор говорили о средствах обращения только как о монетах и выпускаемых государством бумажных деньгах. Но средствами обращения могут служить любые знаки денег, но отнюдь не обязательно государственные знаки, чего как раз не учитывает так называемая Государственная теория денег. Такими знаками могут быть как раз частные долговые обязательства, например *торговые векселя*.

§ 7. Допустим, что *A* продал *B* в кредит товары на 10 тыс. руб. сроком на 3 месяца. Если *B* является солидным капиталистом, кредитоспособность (так называется способность должника оплачивать долги) которого ни для кого не представляет сомнений, то для *A*, который тоже нуждается в оборотных средствах, нет *никакой* надобности держать этот вексель, выражаясь коммерческим языком, «в портфеле». В свою очередь *A* сможет, купив у *C* товар, предложить ему взамен своего собственного векселя имеющийся у него вексель *A*, для чего он сделает на векселе передаточную надпись, называемую «бланковой надписью» или «жиро». Далее *C* может поступить так же, как и *B*, и чем больше вексель передается из рук в руки, тем большую силу он приобретает, ибо каждый бланконадписатель отвечает за платеж, если должник почему-либо окажется не в состоянии оплатить вексель.

Что же у нас получилось? Частный вексель, возникший из торгового или коммерческого кредита, а следовательно, из превращения денег как средства обращения в платежное средство, сам стал функционировать как средство обращения товаров. Эти долговые обязательства, возникающие при коммерческом кредите и функционирующие как средства обращения, мы будем называть *кредитными деньгами*. «Кредитные деньги возникают непосредственно из функции денег как платежного средства, причем долговые расписки за проданные товары в свою очередь начинают обращаться, перенося долговые требования с одного лица на другое. С другой стороны, с расширением кредитного дела в той же степени расширяется и функция денег как платежного средства» (*Маркс*). Таким образом чем больше развиваются торгово-кредитные сделки, тем больше расширяется функционирование кредитных денег как средств обращения, а государственные денежные знаки все более оттесняются из функции средства обращения в функцию платежного средства. Таким образом в функции средства обращения один вид денег заменяется другим. Если выпускаемые государством бумажные деньги замещают действительные деньги — золото, то сами бумажные деньги замещаются частными кредитными деньгами. *Таким образом последние не просто заместители или знаки действительных денег, но знаки знаков или знаки в квадрате, ибо непосредственно при отсутствии свободной чеканки и размена бумажек на золото кредитные деньги замещают не золото, но бумажные деньги.* Однако поскольку долговые обязательства не могут полностью взаимно компенсироваться, постольку кредитные деньги не устраняют общественно-признанных и выпускаемых государством бумажных денег, которые служат всеобщим средством погашения долговых обязательств, и следовательно, покрытия долговой разницы. Но в свою очередь как кредитные, так и бумажные деньги, покоятся на действительных деньгах — золоте, заместителями которого они являются.

Частный коммерческий вексель может быть заменен банковским векселем, который носит название *банкноты*. Наряду с векселем и банкнотой существуют и другие формы кредитных денег, которые нами будут подробно рассмотрены во 2-й части книги.

Сейчас же нам достаточно установить то общее положение, что

металлические деньги и выпускаемые государством бумажные деньги не являются единственными формами средств обращения, но таковыми могут быть также и кредитные деньги, создаваемые в процессе торгового или коммерческого кредита.

Поскольку же центральный банк, выпускающий банкноты, всегда опирается на авторитет государства, постольку банкноты, развиваясь из частных кредитных денег, имеют фактически силу бумажных денег, т. е. могут функционировать так же, как и *платежные средства*. Вот почему Маркс говорит, что в функции платежного средства форма проявления денег безразлична. «Денежный голод (в момент кризиса) не изменяет своей напряженности от того, приходится ли платить золотом или кредитными деньгами, например, банкнотами». Но, конечно, здесь речь идет о таких кредитных деньгах, которые из частных орудий обращения уже превратились в общественно-признанные средства обращения и платежа, и именно таковыми являются *банкноты современных центральных банков*.

§ 8. Следовательно нужно различать частные кредитные деньги, которые имеют силу только в определенном узком кругу, и общественные кредитные деньги, имеющие всеобщее хождение в пределах данной страны, а именно *банкноты*. Но такое всеобщее хождение имеют также и бумажные деньги. Какое же различие между бумажными деньгами и банкнотами? Основное различие между ними определяется целями и способом выпуска тех и других. Банкноты выпускаются банками (государственными или частными) в порядке их краткосрочных ссудных операций, под залог товаров или векселей, и по истечении срока ссуды вновь возвращаются в банк. Бумажные деньги выпускаются правительством для покрытия своих государственных расходов, и следовательно, если не принимаются особые меры (налоги, займы), то деньги остаются в обращении. Во всяком случае в самом способе эмиссии бумажных денег, в отличие от банкнот, не заключена необходимость их обратного притока к эмитенту, в то время как банкноты, если соблюдается указанный принцип эмиссии, обязательно возвращаются к эмитенту. Если же этот принцип отменяется, и банкнотами пользуются для финансирования государственных расходов, что сплошь и рядом имеет место, то *банкноты фактически превращаются в бумажные деньги*. Побочным отличительным признаком банкнот является их разменность на металл, в отличие от неразменности бумажных денег. Однако этот момент не обязателен: банкноты могут быть и неразменными, а бумажные деньги — разменными на металл. Наконец банкноты всегда обеспечены либо золотом, либо теми товарными документами, под залог которых они выпускаются; бумажные же деньги могут быть ничем не обеспечены, поскольку так называемое «обеспечение всем достоянием государства» есть всегда фикция.

Какие же выводы следуют из всего сказанного в отношении нашей формулы количества необходимых денег для обращения? Какое место в этой формуле должны занять частные кредитные деньги, с одной стороны, и общественные кредитные деньги-банкноты — с другой? Наша формула дает представление лишь о сумме тех денег, которые бросают в обращение центральные эмиссионные органы, следовательно госу-

дарственное казначейство и центральный эмиссионный банк, но отнюдь не об обращении частных кредитных денег, например векселей. Всякая продажа товара за частные кредитные деньги (векселя) есть, с точки зрения нашей формулы, продажа не за наличные деньги, но в кредит. Если *A* продал *B* товар под вексель последнего, и сам в свою очередь покупает за этот вексель товар у *C*, то наличных денег фактически не потребовалось в обеих сделках, и следовательно, обе они будут в нашей формуле учтены, как продажи в кредит. Другое дело, если *A* учтет вексель *B* в центральном эмиссионном банке, т. е. получит взамен этого векселя банкноту (т. е. обязательство банкира уплатить обозначенную на банкноте сумму золота) — тогда вторая сделка — покупка *A* у *C* товара — будет продажей за наличные, ибо здесь функционируют средства обращения, выпущенные центральным эмиссионным банком. Эта сделка будет учтена в нашей формуле не под буквой *B*, но под буквой *A*. Итак, можно установить следующую общую закономерность: *поскольку расширяется обращение частных кредитных денег, постольку растет положительное сальдо кредитного баланса денежного обращения, и следовательно, при прочих равных условиях: сокращается потребность обращения в денежных знаках, выпускаемых как правительством, так и центральным эмиссионным банком. И наоборот, чем меньше частные кредитные деньги функционируют самостоятельно как средства обращения, и чем больше они превращаются в форму банкнот, тем при прочих равных условиях больше становится объем денежного обращения, закладываемый централизованной эмиссией, ибо сокращается положительное сальдо кредитного баланса денежного обращения.*

Из второй части курса читатель узнает, что, например, в Англии государство искусственно ограничивало расширение банкнотной эмиссии: это как раз вызывало рост обращения частных кредитных денег, и, следовательно, росло положительное сальдо кредитного баланса, и обращение обходилось меньшим количеством банкнот, бумажных денег и металлических монет.

§ 9. Итак, вмешательство кредита в денежное обращение еще более усложняет трудности исчисления необходимого объема эмиссии денежных знаков, ибо заранее невозможно учесть, какая часть торгового оборота будет обслуживаться кредитом, т. е. частными кредитными деньгами, а какая часть последних будет превращена при выполнении функции средств обращения в банкноты. *Несомненно только, что чем больше развивается капитализм и растет торговый оборот, а вместе с тем и коммерческий кредит, тем более возрастает роль кредитного баланса денежного обращения и тем больше сокращается удельный вес централизованной эмиссии в общем объеме обращения.* «С организацией капиталистического производства вообще функция денег как платежного средства расширяется насчет функции их как покупательского средства» (*Маркс*).

При капитализме нет никакой возможности наперед точно учесть необходимый объем денежного обращения и в соответствии с этим регулировать эмиссию. Поэтому хотя теоретически можно допустить возможность существования номинальных и в то же время вполне

устойчивых (т. е. обладающих полной покупательской силой замещенного им золота) знаков денег в функциях средства обращения и платежного средства, однако практически эта устойчивость не может быть достигнута, *если не действует автоматический механизм свободного размена бумажек на золото*. Этот последний является стихийно действующим коррективом при регулировании количества денег в обращении. Если, например, в обращение выпущено больше бумажных денег и банкнот, чем это требуется по формуле $K = \frac{A \pm B}{C}$, то благодаря

возможности их размена на металл, эти знаки как избыточные снова вернутся к эмитенту (тому органу, который их выпустил в обращение), а полученное в обмен на них золото уйдет в сокровище, и таким образом будет урезана денежная масса в обращении до необходимого уровня. *Таким образом при наличии свободного размена банкнот и бумажных денег на золото, точно так же, как и при чистом металлическом обращении не может быть избыточных денег, которые через размен будут уходить в сокровище. В силу этого также не может быть расхождения между номинальной стоимостью этих знаков и действительной стоимостью замещаемого ими металла, т. е. эти бумажные знаки всегда будут иметь полную покупательскую силу золотых денег.* Наоборот при отсутствии свободного размена всегда может возникнуть указанное расхождение, ибо при изменении какого-либо из элементов $K = \frac{A \pm B}{C}$, денежная эмиссия может оказаться избыточной, а путь отлива этого избытка в сокровище будет отрезан.

Впрочем как раз сама *банкнотная форма* денежной эмиссии, поскольку банкноты выпускаются в обращение взамен коммерческих векселей, а масса последних растет и падает с изменением товарного оборота, дает *до известной степени* возможность регулировать эмиссию в соответствии с потребностью товарного оборота в средствах обращения и платежных средствах. Однако и при этой форме, возможна избыточная эмиссия денежных знаков, что нами будет доказано во 2-й части курса. *В силу этого самым совершенным денежным механизмом при капитализме должен быть признан тот механизм, при котором полностью поддерживается связь между денежным обращением и сокровищем, а это имеет место лишь при наличии свободного размена бумажек на золото, т. е. свободном превращении знаков денег в действительные деньги.* При этой системе денежного обращения объем последнего всегда оказывается равным $K = \frac{A \pm B}{C}$, и это достигается не со-

знательными и преднамеренными действиями руководителей денежного обращения страны, но стихийно действующим механизмом свободного размена и прилива и отлива денег из обращения в сокровище.

§ 10. Теперь мы можем подвести некоторые итоги сказанному нами в главах III, IV и V о количестве денег в обращении и стоимости денежных знаков.

1. Представительная стоимость всей массы выпущенных денежных знаков, какое бы их количество ни находилось в обращении, не может

быть выше стоимости тех золотых денег, которые при отсутствии этих знаков выполняли бы функции орудия обращения и платежного средства.

2. Представительная стоимость денежных знаков может быть полностью равна стоимости замещающего ими золота, если количество этих знаков по своему номиналу не превышает необходимой для обращения суммы стоимости золотых денег. *При этом вовсе не требуется, чтобы эти бумажки были действительно обеспечены полностью золотом. Достаточно только, чтобы их количество в точности соответствовало по своему номиналу сумме стоимости необходимого для обращения золота.*

Таким образом при данной потребности обращения в золотой монете стоимость бумажных денег *зависит от их количества. Но это возможно только потому, что количество золота, необходимого для обращения, уже определено стоимостью последнего.*

Хотя возможны и вполне устойчивые номинальные денежные знаки при полном отсутствии золотой монеты в обращении, однако это ни в коей мере *не устраняет необходимости существования действительных денег-золота, и от этого последнего не может освободиться никакая денежная система.* Почему это так? *Во-первых*, потому, что бумажные деньги не выполняют функций *мерила стоимости и сокровища*, и, *во-вторых*, покупательская сила бумажных денег при данном их количестве целиком и полностью управляется стоимостью золота и стоимостью товарной массы, которая опять-таки находит в форме цены свое стоимостное выражение только в действительных деньгах-золоте. *Итак, золотая (или стоимостная вообще) основа является необходимым и неустрашимым фундаментом денежной системы при капитализме.*

Литература.

- 1) *К. Маркс*, Капитал, т. I, гл. III, §§ II и III (до «с»).
- 2) *К. Маркс*, К критике политической экономии, гл. II, § 3 «а».
- 3) *И. А. Траптенберг*, Бумажные деньги, гл. V'.
- 4) *Р. Гильфердинг*, Финансовый капитал, гл. III.
- 5) *Л. Шанин*, Денежная система СССР в марксистском освещении, гл. VI и VII.
- 6) *H. Block*, Die Marsche Geldtheorie.
- 7) *K. Diehl*, Theoretische Nationalökonomie, Bd. III, Buch. II, Kap. II—IV

Вопросы для повторения.

- 1) В чем заключается и каким образом возникает функция платежного средства?
- 2) Что такое кредитный баланс денежного обращения?
- 3) В каких случаях кредитный баланс увеличивает и в каких случаях уменьшает количество необходимых для обращения денег?
- 4) Дайте полную формулу количества необходимых для обращения денег.
- 5) Что такое кредитные деньги?
- 6) В чем различие между банкнотами и бумажными деньгами?
- 7) Можно ли заранее точно учесть количество необходимых для обращения денег?
- 8) Какой денежный механизм должен быть признан самым совершенным при капитализме и почему?
- 9) Сделайте выводы из анализа стоимости и функций денег (гл. III—V) и дайте исчерпывающий ответ на вопрос: могут ли быть устойчивыми чисто номинальные средства обращения и может ли денежная система освободиться от «золотого ядра»?

ГЛАВА VI.

МИРОВЫЕ ДЕНЬГИ И ИНТЕРВАЛЮТАРНЫЙ КУРС.

§ 1. Международный обмен и мировые деньги. — § 2. Связь внутренних средств обращения с мировыми деньгами. — § 3. Особенности функции денег как мировых денег. — § 4. Количество мировых денег, необходимых для международного обращения. — § 5. Интервалютарный или вексельный курс. — § 6. Монетный паритет. — § 7. Техника курсовых котировок. — § 8. «Золотые точки». — § 9. Расчетный баланс и его сальдо. — § 10. Международный валютный арбитраж. — § 11. Схема расчетного баланса. — § 12. Девизная политика. — § 13. Дисконтная политика. — § 14. Интервалютарный курс между странами различных валют.

§ 1. Общественная «работа» денег исчерпывается четырьмя функциями: *мерила стоимости, средства обращения, средства накопления и средства платежа*, с которыми мы познакомились в предыдущих главах. Эти свои важнейшие общественные функции деньги выполняют во внутреннем обращении, т. е. в пределах определенных государственных границ. Мы знаем, что именно государство выпускает общественно-признанные и в то же время номинальные (не имеющие внутренней товарной стоимости) средства обращения и платежа, а именно бумажные деньги. Но ясно, конечно, что хозяйственный оборот не ограничивается государственными границами. Наоборот отдельные государства находятся друг с другом в теснейшей экономической связи, и большинство стран без этой связи вообще не может существовать. Если бы, например, Англия внезапно совершенно порвала экономические связи с другими странами, то английское население было бы обречено на голодную смерть, ибо Англия — исключительно промышленная страна, которая не производит и не может по природным условиям производить достаточного количества хлеба для своего населения и сырья для своей промышленности. Производя промышленные изделия для других стран, сама Англия получает от последних необходимые для себя средства потребления и сырье. Таким образом без обмена товарами, без международной торговли не могут обойтись современные, как раз наиболее развитые промышленные страны.

Вообще, чем более развивается капитализм, тем более растет *международное разделение труда, а следовательно, и международный обмен продуктами труда — товарами*. Следовательно внутреннее товарное обращение находит необходимое свое дополнение в международном товарном обмене — значительная часть товаров прежде чем попасть во внутреннее товарное обращение проходит через *мировой рынок*. Очевидно, что мировой обмен также должен совершаться при посредстве денег, и чтобы не смешивать внутреннее товарное обращение с международным обменом, мы будем деньги, поскольку они обслуживают это последнее, называть в отличие от денег вообще *мировыми деньгами*. Какие же деньги являются мировыми деньгами, какие функции они выполняют и каким образом регулируется необходимое их количество? Действительные деньги внутреннего обращения — золото или серебро — являются в то же время и мировыми деньгами.

§ 2. *Специальной мировой монеты или международных средств обращения нет*, ибо каждая страна выпускает металлические полноценные и разменные монеты, а также бумажные деньги только для своей страны и только в пределах потребностей внутреннего обращения в средствах обращения. Но одно государство не может обязать другое государство принимать в уплату за товары и в погашение долгов свои средства обращения и платежа. Поэтому, «выходя за пределы внутреннего обращения, деньги стирают с себя приобретенные ими в этой сфере локальные (местные, ограниченные) формы монеты, разменной монеты, знаков стоимости (бумажных денег и банкнот) и опять выступают в своей первоначальной форме слитков благородных металлов» (Маркс).

Следовательно, если товарная природа денег в функции средства обращения затушевывается тем, что в качестве средств обращения фигурируют простые знаки стоимости, то стоит только деньгам выйти за пределы государственных границ, как эта товарная природа денег дает о себе знать. Если необходимость выполнения деньгами функций мерила стоимости и сокровища говорит о невозможности полной замены знаками стоимости действительных денег (золота), *то необходимость свободного превращения внутренних средств обращения в мировые деньги* окончательно должна нас убедить в весьма ограниченной способности бумажных денег заменять действительные деньги. В самом деле, если бы английские торговцы не имели возможности превращать бумажные деньги в мировые деньги (золото), то очевидно, что, продав импортированные (ввезенные) из-за границы товары местному населению, эти купцы не могли бы вновь закупить товары за границей. Следовательно они обанкротились бы, обмен с заграницей был бы нарушен, а вместе с тем произошло бы и расстройство всего английского хозяйства, которое, как мы сказали, без этого международного обмена существовать не может. *Итак, необходимым условием нормального функционирования внутренних средств обращения нужно признать возможность беспрепятственного их превращения по номиналу их стоимости* (т. е. по количеству того золота, которое значится на бумажных деньгах) *в мировые деньги, например в золото. А эта возможность налично лишь в том случае, если в обращении находится номинальных знаков стоимости как раз столько, сколько необходимо было бы действительного золота для выполнения этой функции.* Итак, знаки стоимости — бумажные деньги, вопреки мнению номиналистической теории, никак не могут освободиться от золота. И сама эта замена металла бумажками возможна лишь в объеме, строго ограниченном условиями товарного обращения.

§ 3. Какие деньги являются мировыми деньгами? В последнее время почти все страны перешли на золотую валюту, но в прошлом веке одни страны имели золотую, другие — серебряную валюту. Какой же металл при таких условиях является мерилом стоимости на мировом рынке? Очевидно оба металла: «в сфере внутреннего обращения только один какой-нибудь товар может служить мерой стоимости, а следовательно деньгами. На мировом рынке господствует двойная мера стоимости, в золоте и серебре» (Маркс). Такова существенная особенность мировых денег в функции мерила стоимости. Впрочем в настоящее

время в связи с всеобщим распространением золотой валюты эта особенность теряет свое значение.

Гораздо более важна другая особенность мировых денег. Ведь последние, как мы сказали, на мировом рынке сбрасывают свои национальные монетные мундиры и превращаются в слитки, которые принимаются в уплату иностранцами лишь по их действительному весу. Для английских купцов абсолютно никакого значения не имело то, что на царской пятирублевке на одной стороне был вычеканен двуглавый орел, а на другой — изображение Николая. Для них «пятерка» была не чем иным, как слитком, содержащим 87,12 долей золота, и как слиток эта «пятерка» ими принималась в уплату: царский герб не мог бы принудить английского купца принять монету, в которой заключалось бы, например, 50 долей золота, за слиток в 87,12 долей золота. Следовательно здесь деньги при покупке, или в качестве *покупательского средства*, фигурируют не как знаки действительных денег, но *только как действительные деньги в их натуральной форме товара-золота*. Если мы в главе III отмечали, что форму Т—Д (продажу) нельзя отождествлять (смешивать) с формой Т—Т, ибо в качестве Д может выступить не товар-золото, но представители этого всеобщего товара — бумажные деньги, то в мировом обращении это невозможно: здесь в форме Т—Д мы имеем *непосредственный обмен одного товара на другой*, который хотя и является *всеобщим и особенным* товаром, но в данном случае всеобщность и особенность этого товара не лишает его конкретной и осязательной товарной формы. Чтобы подчеркнуть различное проявление этой функции денег в процессе внутреннего обращения, с одной стороны, и международного обмена — с другой, мы будем говорить, что в этом последнем случае деньги выполняют функцию *всеобщего средства обмена* или *всеобщего покупательского средства*, в отличие от функции *средства обращения* внутри страны. Но сказанное относится в полной мере и к функции денег как *платежного средства*: таковым на мировом рынке также является действительный товар-золото, независимое от его национальных монетных форм. Что же касается функции сокровища, то здесь никаких особенностей нет, ибо ведь и внутри страны, как мы уже выяснили (глава IV), эту функцию выполняют также действительные деньги-золото. И в мировом обороте сокровище играет ту же роль, как и во внутреннем обороте: *«международное обращение, — говорит Маркс, — наравне с внутренним, требует постоянно изменяющегося количества золота и серебра. Поэтому некоторая часть накопленных сокровищ служит у каждого народа резервным фондом всемирных денег, который то пустеет, то снова наполняется соответственно колебаниям товарного обмена»*.

§ 4. Таким образом Маркс считает, что международное товарное обращение требует определенного количества мировых денег как всеобщих покупательских и платежных средств. При определении количества мировых денег следует иметь в виду следующие особенности международного товарного обмена.

Как бы широко внутри страны ни была развита продажа товаров в кредит, все же этот последний может более или менее полно охва-

тить только сферу *оптового торгового оборота*, в то время как в розничной торговле большая часть покупок и продаж совершается за наличные. Во внутреннем товарном обращении всегда требуется определенная и весьма значительная сумма денег как покупательских средств. Международный обмен есть по преимуществу *оптивно-торговый обмен*, где очень широко развит кредит, и поэтому здесь, в отличие от внутреннего обращения, решающее значение при определении общей массы мировых денег имеет именно *В, т. е. сальдо кредитного баланса*. Поэтому нам необходимо специально рассмотреть кредитный баланс применительно к условиям мирового торгового оборота. То, что мы говорили о взаимной компенсации долгов в отношении внутреннего обращения, полностью сохраняет свое значение и для мирового обращения с той лишь разницей, что если там мы говорили о взаимной компенсации долгов между *отдельными капиталистами*, то здесь речь идет о компенсации долгов между *странами*, где капиталисты каждой страны рассматриваются как один капиталист.

Допустим, что в течение данных 6 месяцев за проданные в течение предшествующего периода товары должно быть уплачено наличными 1 млрд. руб. (т. е. сумма золота, равная по весу 17,424 доли золота $\times 1\,000\,000\,000$). На каждый месяц приходится определенная часть этой суммы. Например в течение февраля наступают сроки платежей на 100 млн. руб. Платежи эти распределяются по странам следующим образом в млн. руб.

Какая страна уплачивает	Какой стране уплачивает					Итого
	Германия	Франция	Англия	Россия	Соединенные штаты Северной Америки	
Германия	—	2	10	—	13	25
Франция	10	—	5	2	3	20
Англия	3	10	—	10	2	25
Россия	—	5	3	—	2	10
С. штаты Северной Америки	2	10	5	3	—	20
Всего	15	27	23	15	20	100

Из этой таблицы видно, что

каждая страна является на определенную сумму плательщиком и получателем, следовательно, каждая страна имеет кредитное сальдо (разница между уплатой и получением), которое в результате зачета взаимных требований будет равно:

Германия	—	10	Россия	+	5
Франция		+	7	Соединенные штаты	0
Англия		—	2		

Следовательно в результате из общей суммы 100 млн. руб. должно быть уплачено наличными для сведения кредитного баланса всего 12 млн. руб., из которых Франции уплачивает Германия 7 млн., а России уплачивает Германия 3 млн. руб. и Англия 2 млн. руб., общее же мировое сальдо кредитного баланса торговли будет равно 12 млн. руб., которые и должны быть выплачены наличным золотом.

Покрытие кредитного сальдо представляет собою текучий, непрерывный процесс. Сегодня Германия может получить от Франции 5 млн. руб. и завтра же, быть может, ей придется отправить эти 5 млн. руб. другой стране, например России. Точно так же обстоит дело и с другими странами. За все шесть месяцев общая сумма упла-

чиваемого сальдо равняется, допустим, 80 млн. руб. Можно ли сказать, что за этот период для мирового оборота потребовалась именно эта сумма золота? Ни в коем случае, ибо, как мы видели, *одна и та же сумма золота* может обслужить ряд платежей, кочуя из одного государства в другое.

§ 5. Но движение золота между различными национальными сферами не исчерпывается его денежными функциями как покупательского и платежного средства в мировом торговом обороте. Золото вывозится в другие страны прежде всего всяким, кто покидает границы страны; золото ввозится и вывозится в порядке денежных займов, контрибуций и т. п. Такого рода движение золота не есть их движение *как платежного средства в мировом товарном обмене*, поэтому-то оно не учитывается в нашей формуле. Однако такого рода движение золота (означающее в конечном счете перераспределение золотых сокровищ отдельных стран) имеет первостепенное значение для денежной системы каждой страны, ибо ни одна страна не может обойтись без мировых денег. Сокращение резервов этих последних, а вместе с тем сокращение вообще сокровищных фондов у какой-либо страны или даже полное их исчерпание может привести, с одной стороны, к разрыву ее экономических связей с другими странами, и с другой стороны, к потрясению денежной системы, а вместе с тем и всего хозяйственного организма данной страны. Вот почему мы не можем ограничиться только данной выше характеристикой движения золота в мировом торговом обороте, но должны рассмотреть все основные каналы, по которым золото приливает и стливает в *отдельные страны*, и влияние этого непрерывного золотого потока на валюту отдельных стран.

Мы сказали в начале этой главы, что необходимым условием нормального функционирования средств обращения внутри страны является возможность беспрепятственного их превращения в мировые деньги, т. е. золото. Если вы хотите, например, перевести имеющиеся у вас 100 руб. в Англию своим родственникам, то очевидно, что вы эти 100 руб. каким-то образом должны превратить в английские деньги — *фунты стерлингов*, которыми только и могут воспользоваться ваши родственники. Допустим, что и рубли и фунты — бумажные деньги. Как же при этом условии совершится такое превращение? Это произойдет таким образом, что вы сначала свои русские средства обращения превратите в мировые деньги — золото, а эти последние в английские средства обращения — фунты стерлингов. Посредником в этом метаморфозе служат мировые деньги, т. е. золото. Если существует размен бумажек на золото, то вы поступите следующим образом: бумажные 100 руб. обменяете на 10 золотых десятков, каковые отправите почтой своим родственникам. Последние эти 10 десятков отнесут в казначейство или банк. Там будет установлено, что в этих 10 *елисточках* содержится 174,24 долей золота, и взамен этого золота вам выдадут соответствующую сумму золота в английских фунтах стерлингов, приблизительно 11 фунтов. Итак, превращение русских денег в английские закончилось. Каков же количественный результат этого превращения? За пересылку и страховку десяти десятков, предположим, вам пришлось заплатить 5 руб. Следовательно 11 английских фун. ст.

вам обошлись в 105 руб. или 1 фунт в 9 р. 60 к. Между тем по весовому содержанию золота 1 фунт равен 9,4576 руб., или с округлением 9, 46 руб. Итак, вы фактически заплатили 9 р. 60 к. за иностранную (английскую) валюту, которая по содержанию золота равна 9 р. 46 к.

Но есть еще другой способ превращения денег одной страны в деньги другой страны, пользование которым дает значительную экономию и который в современных условиях как раз и является господствующим. Этот способ заключается в следующем. Предположим, что те же 100 руб. = 11 фун. ст., английский купец должен уплатить русскому за проданный первому товар месяц тому назад. Русский купец выставляет так называемую *тратту* или *девизу* (переводный вексель), т. е. дает письменный приказ своему английскому должнику уплатить предъявителю этого векселя 11 английских фунтов. Русскому купцу, экспортирующему товар, нужна только русская валюта. Поэтому ему необходимо вместо фунтов получить рубли. Вы же, наоборот, вместо рублей хотите получить фунты. Для вас прямой смысл вместо хлопот по пересылке и страховке золота купить тратту купца А; последний же согласится с вас взять за эту тратту не 105 руб., но меньше, и если он возьмет с вас даже 102 руб., то он останется в выигрыше, ибо как металл эти фунты равны 100 руб. Таким образом сделка между вами и купцом совершается к обоюдной выгоде: вы отсылаете эту тратту своим родственникам обыкновенным ценным письмом, что вам стоит, примерно 1 рубль. Ваши родственники предъявляют эту тратту так называемому трассату, т. е. тому лицу, на которое она выписана, и получают наличными 11 фун. Вся операция совершилась гораздо проще и дешевле, так как теперь 11 фун. вам обошлись вместе с пересылкой в 103 руб. вместо 105 руб.

§ 6. Сколько же вообще можно уплатить в России за тратту в 11 фун. ст.? Очевидно не больше 105 руб., ибо если русский экспортер потребует с вас за тратту в 11 фун. ст. 106 руб., то вам будет выгодно отправить золото за границу. Сумма же иностранных денег, которая уплачивается за денежную единицу данной страны или наоборот (т. е. сумма туземных денег, уплачиваемая за иностранную денежную единицу, например доллар или марку), называется *валютным* или *вексельным курсом данной страны*.

§ 7. Обозначение вексельного курса в биржевых бюллетенях (информационных листках) называется котировкой. Эта котировка обычно имеет двоякую форму: либо в курсе отмечается, какую сумму инвалюты платят за денежную единицу данной страны, либо какую сумму денег данной страны платят за денежную единицу других стран. Первая система котировки принята в Англии, вторая — на континенте. Котировка Лондонской биржи выглядит так: «Париж — 26,35, Берлин — 21,62». Это значит, что в этот день в Лондоне платили за девизы на Париж по расчету 26,35 фр. за 1 фун. ст. и 21,62 марки за 1 фун. ст. Континентальная котировка, например немецкая, имеет противоположенный вид: «Лондон — 20,5, Париж — 82». Это значит, что на Берлинской бирже в этот день платили за девизы на Лондон из расчета 21,62 марки за 1 фун. ст., за девизы на Париж — 82 марки за 100 фр. В связи с этим выражение «повышение» или «падение» курса имеет

противоположный смысл в английской и континентальной котировках. В последней повышение курса, например, «на Лондон» с 20,5 до 21 означает понижение курса марки и повышение курса фунтов стерлингов, за каковой теперь платят больше марок, чем раньше. Наоборот повышение курса в английской котировке, например, «на Париж» с 26,35 до 27 означает повышение курса фунта стерлингов и понижение курса франка, ибо за 1 фунт теперь платят больше франков, чем раньше.

Пределы, выше которых вексельный курс не может подняться или упасть, поскольку становится выгодной вместо покупки векселей в иностранной валюте пересылка золота в другую страну, называются «золотыми точками». Очевидно, что всегда имеются для валюты данной страны 2 «золотых точки»: нижняя, за пределами которой начинается отлив золота из данной страны, и верхняя, когда золото приливает в страну. В нашем примере нижняя золотая точка была равна 9 р. 60 к. за 1 фун. ст.

Чем же определяется колебание вексельных или интервалютарных курсов? Очевидно спросом и предложением иностранной валюты на денежном рынке данной страны. Если в нашем примере сумма предлагаемых девиз на Англию меньше, чем спрос на них, то курс фунта стерлингов поднимается выше равенства фунта и рублей по весовому содержанию золота или *металлическому паритету* (так называется равенство монетных единиц различных стран по весовому содержанию золота), т. е. за фунт стерлингов будут платить не 9,4576 руб., но больше; если этот спрос упадет ниже предложения английских девиз, то курс фунта стерлингов упадет ниже паритета, вплоть до высшей «золотой точки» рубля или низшей «золотой точки» фунта. При совпадении же спроса и предложения вексельный курс должен быть равен металлическому паритету этих стран.

Паритеты золотых монет России, Франции, Англии и Северо-американских соединенных штатов выражаются в следующих равенствах, точно соответствующих весовому содержанию чистого золота в монетах этих стран:

1 рубль = 0,945 английским фун. = 2,6668 франкам = 2,1601 маркам = 0,5146 американским долларам.

1 английский фунт стерлингов = 9,4576 рублям = 25,225 франкам = 20,4294 маркам = 4,8666 долларам.

1 франк = 0,3750 руб. = 0,8100 марок = 0,1930 долларам и т. д.¹

Зная, что монетный паритет 1 рубля = 2,5395 австрийских крон = 1,2801 голландских гульденов = 1,9201 датским, шведским, норвежским кронам, нетрудно высчитать, на основе приведенных выше данных, паритеты фунта стерлингов и австрийской кроны, датского гульдена и немецкой марки и т. д. и т. д.

В новейшее время обычно посредниками в интервалютарных отношениях стран выступают банки, которые предлагают на денежном рынке чеки (т. е. приказы об уплате определенной денежной суммы) в инвалюте на заграничные банки или на свои собственные отделения

¹ В настоящее время паритет франка значительно ниже указанного, см. гл. XIV.

за границей, а также денежные переводы (почтовые или телеграфные) в инвалюте. Сами же банки покупают дивизы коммерсантов в инвалюте, которые они отсылают за границу банкам-корреспондентам (т. е. банкам, с которыми они находятся в постоянных деловых связях) или своим отделениям. Но, конечно, это нисколько не меняет дела. Если, скажем, в России возрастает спрос на чеки и переводы в английских фунтах и упадет предложение дивиз в тех же фунтах, то, очевидно курс фунта будет подниматься вплоть до его верхней «золотой точки», ибо требования на инвалюту не будут покрываться предложением таковой. Если это положение не изменится, то банку в конце концов для покрытия разницы придется отправить золото за границу.

Итак колебания интервалютарного курса данной страны в пределах «золотых точек» целиком определяются спросом и предложением иностранной валюты в той или иной форме (вкселей, чеков, переводов).

§ 8. «Золотые точки» ставят весьма узкие пределы колебаниям интервалютарных курсов. Так, например, курс в Петербурге на Лондон до войны обычно никогда не поднимался выше 95 р. 55 к. за 10 фун. ст. и не падал ниже 93 р. 30 к. за 10 фун. ст.; курс на Париж за 100 фр. не поднимался выше 38 р. 04 к. и не падал ниже 37 р. 30 к.; курс на Берлин за 100 марок не поднимался выше 46 р. 63 к. и не падал ниже 46 руб. и т. д.

§ 9. Чем же в свою очередь определяются спрос и предложение инвалюты? Очевидно суммой платежей, которые данная страна должна произвести за границей, с одной стороны, и, с другой стороны, суммой платежей, которые имеют поступить в данную страну из-за границы. Отношение же этих двух величин называется *расчетным* или *платежным балансом*, а разница между этими двумя величинами — *сальдо расчетного баланса*.

Когда налицо положительное сальдо расчетного баланса, т. е. когда сумма платежей из-за границы больше суммы платежей за границу, обычно говорят, что расчетный баланс данной страны «благоприятный»; в обратном случае говорят о «неблагоприятном» расчетном балансе. При «благоприятном» балансе золото поступает в данную страну из-за границы, при «неблагоприятном» балансе, наоборот, отливает за-границу. Естественно, что каждая страна стремится к «благоприятному» расчетному балансу.

§ 10. Однако следует иметь в виду, что при общем благоприятном расчетном балансе какой-либо страны может иметь место «неблагоприятный» платежный баланс этой страны в отношении какой-либо другой страны. Так, в нашем примере сальдирования международных платежей (стр. 62) платежный баланс Франции был «благоприятный», так как она должна была уплатить за границу 20 млн. руб., в то время как ей следовало из-за границы 27 млн. руб. В то же самое время у Франции был «неблагоприятный» платежный баланс с Германией, которой она должна была уплатить 10 млн. руб. против 2 млн. руб., уплачиваемых Германией Франции. Курс немецких марок во Франции повысится, в то время как курс английского фунта упадет, так как по отношению Англии Франция имеет положительное сальдо в сумме 5 млн. руб. В силу этого во Франции станет выгодным покупать дивизы не на Германию, но на Англию и через Англию производить платежи в Германию. Это

приведет одновременно к сокращению спроса на немецкие девизы и повышению спроса на английские девизы, в силу чего курс во Франции на Англию поднимется, а на Германию упадет. Такой способ выравнивания интервалотарных курсов называется *арбитражем*, а те, кто, пользуясь этими курсовыми разницейми, производят выравнивание, называются *арбитражерами*. В данном случае путем арбитража курс франка будет благоприятным по отношению ко всем странам; однако общий благоприятный курс возможен только при благоприятном платежном балансе данной страны по отношению ко всем остальным странам. Если же баланс складывается неблагоприятно, то курс данной валюты должен упасть несколько ниже паритета, причем опять-таки путем арбитража произойдет выравнивание этого понизившегося курса в отношении к валютам всех стран. Но пока такое выравнивание происходит, арбитражеры получают прибыль на курсовых разницеах.

§ 11. Из каких же элементов складывается расчетный баланс каждой страны? Конечно важнейшей, но не единственной статьей расчетного баланса является торговый баланс страны, главным образом кредитное сальдо торгового баланса. Если данная страна больше вывозит товаров за границу, чем ввозит, то ее торговый баланс будет благоприятным, а следовательно, в общем будет благоприятным и кредитное сальдо торгового баланса. Ей придется меньше платить за товары, полученные в порядке кредита, чем получать за товары, проданные тем же порядком за границей. Конечно в отдельные моменты может быть отрицательное сальдо кредитно-торгового баланса, но в конце концов это сальдо должно быть положительным, поскольку торговый баланс дает положительное сальдо.

Но если торговый баланс неблагоприятен, а торгово-кредитное сальдо дает минус, то это не значит, что расчетный баланс этой страны будет неблагоприятным, ибо нужно еще учесть сальдо по всем прочим платежам помимо платежей по экспорту (вывозу) и импорту (ввозу) товаров.

Так нужно учесть доходы, которые поступают в страну в качестве выручки за разного рода коммерческие услуги, оказываемые капиталистами данной страны за границей; *от перевозки товаров на судах данной страны* (фрахты), а также *от торгового и банкового посредничества, технических консультаций иностранцев и т. п.* Далее идут *доходы от помещенных за границей капиталов, а также пересылки денег на родину эмигрантами и суммы, поступающие в порядке военных контрибуций, внешних займов и непосредственного ввоза капиталов.* Наконец нужно также упомянуть *расходы иностранных путешественников, а также содержание иностранных дипломатических представительств* в данной стране.

Конечно по каждой из упомянутых статей может быть как положительное, так и отрицательное сальдо. Общий же расчетный баланс какой-либо страны представляет собою итог баланса всех этих статей плюс торговый баланс. *Ввозом или вывозом золота покрывается сальдо расчетного, а не торгового баланса, ибо последний, как мы знаем, представляет собой лишь одну из статей расчетного баланса.*

Суммируя все упомянутые статьи, можно дать следующую типовую схему расчетного баланса:

Получение инвалюты:

1. Товарный экспорт
2. Доходы от фрахтов
3. Доходы от торгового и банкового посредничества и технических консультаций
4. Доходы от помещенных за границей капиталов, переводимые в данную страну
5. Расходы иностранных путешественников в данной стране
6. Доходы эмигрантов данной страны, получаемые в других странах и переводимые на родину
7. Расходы по содержанию иностранных консульских и посольских учреждений в данной стране
8. Заключение внешних государственных займов и непосредственный ввоз иностранных капиталов
9. Поступления по контрибуциям и репарационным платежам
10. Расходы иностранцев по благотворительности в данной стране

Итого

Расход инвалюты:

1. Товарный импорт
2. Расходы по фрахтам
3. Расходы по торговому и банковому посредничеству и по техническим консультациям
4. Доход иностранцев от помещенных в данной стране капиталов
5. Расходы путешественников данной страны за границей
6. Доходы эмигрантов других стран, полученные в данной стране и переводимые за границу
7. Расходы по содержанию консульских и посольских учреждений данной страны за границей
8. Предоставление внешних займов другим странам и вывоз капиталов за границу
9. Уплата контрибуций и репарационных платежей
10. Расходы по благотворительности за границей

Итого

Можно ли по этой схеме построить точный расчетный баланс какой-либо страны? Точного баланса построить нельзя, ибо по большинству статей этого баланса нет и не может быть точного учета. Даже товарный экспорт и импорт, учитываемые таможенными органами, не охватывают всего экспорта и импорта, ибо всегда имеет место в большем или меньшем размере контрабандный ввоз и вывоз товаров. Наряду со статистически учитываемыми ввозом и вывозом есть еще играющие большую роль «невидимые» (т. е. не поддающиеся прямому учету) ввоз и вывоз. В силу этого исчисления расчетного баланса, приводимые экономистами, всегда расходятся друг с другом, ибо каждый по-своему дает приблизительное исчисление статей «невидимого» экспорта и импорта. Расчетный баланс обыкновенно строится либо как брутто-баланс; когда в него входят общие суммы прихода и расхода инвалюты по каждой статье, либо как нетто-баланс, когда берется только приходное или расходное сальдо по каждой статье. Ниже мы приводим для иллюстрации брутто баланс Соединенных штатов Северной Америки и нетто-баланс Англии за 1925 г. Приход инвалюты обозначается как *актив* баланса, расход как *пассив*.

Брутто-Баланс Северо-американских соединенных штатов
(в млн. долларов).

Статьи	Актив	Пассив
Внешняя торговля	4 268	4 934
Золото и серебро	193	361
Банковые билеты САСШ	62	—
Проценты и дивиденды на капитал	165	680
Морские фрахты	83	75
Туристы	660	100
Платежи правительства	5	—
Благотворительность и содержание миссионеров	50	—
Переводы иммигрантов и эмигрантов	310	—
Прокат кино-фильм за границей	—	75
Погашение союзнических и других иностранных долгов	—	167
Покупки и продажи ценных бумаг за границей	90	411
Вновь вложено за границей	920	—
Увеличение или уменьшение заграничных вкладов в американских банках	61	—
Сальдо (ошибки и пропуски)	—	64
Итого	6 867	6 867

Нетто-баланс Англии (в млн. фун. ст.).

Актив	Сумма	Пассив	Сумма
От капиталов за границей	235	Излишек импорта товаров и слитков	386
» судоходства	124	Свободные суммы для помещения за границей	28
» комиссионных операций	40		
» других услуг	15		
Итого	414		414

Мы видим, что оба баланса уже сальдированы, т. е. актив сходится с пассивом. Вообще несбалансированных расчетных балансов никогда не существует, ибо в каждый данный момент сальдо тем или иным путем покрывается. Задача же построения расчетного баланса заключается лишь в том, чтобы показать, *каким именно образом баланс данной страны сальдируется.*

Интервалютарный курс является показателем положительного или отрицательного сальдо расчетного баланса. В первом случае курс валюты данной страны повышается, и золото приливает в страну, во втором случае — курс падает, и золото отливает из страны. Путем заключения внешних займов страна может предотвратить отлив золота за границу.

§ 12. Наряду с этим нужно отметить, что правительство некоторых стран, желая предотвратить падение курса своей валюты и отлив золота, вмешиваются в стихийно-рыночный процесс интервалютарных отношений. В этих целях преимущественно через посредство центральных эмиссионных банков, они ведут так называемую девизную политику. Эта последняя заключается в следующем: в периоды, когда курс валюты данной страны благоприятен, они скупают девизы, когда же курс падает, они продают эти девизы и, увеличивая предложение таковых, повышают курс своей валюты и понижают курс инвалюты. Этой политикой можно только устранить колеба-

ния курса во времени и сохранить устойчивость курса, но нельзя предотвратить отлив золота за границу, если расчетный баланс длительно дает отрицательное сальдо. В этом последнем случае запас девиз, закупленных при благоприятном курсе, в конце концов будет исчерпан, и для того чтобы иметь возможность выписывать девизы или чеки на заграницу, государству придется усилить свой золотой запас в странах, на девизы которых повышается спрос. Таким образом хотя девизы или чеки и можно будет получить на рынке данной страны по твердому курсу, но *это достигнуто фактически ценой отлива золота из страны*. Если же расчетный баланс благоприятен, то девизная политика дает возможность поддерживать устойчивый и благоприятный курс и уменьшить колебания курса как вверх, так и вниз.

§ 13. Наряду с девизной политикой центральные эмиссионные банки в тех же целях прибегают к так называемой дисконтной политике. Подробно с банковской операцией дисконта мы познакомимся во 2-й части курса. Здесь же достаточно указать, что эта политика заключается в регулировании процентной ставки по денежному кредиту. Повышая этот процент, центральный банк привлекает в страну деньги за границу, поскольку для иностранцев становится выгодным помещать свои деньги в этой стране. В силу этого инвалют притекает в страну. Однако следует заметить, что если такую политику проводит, например, Английский банк, то центральные банки других стран могут противодействовать этой политике той же мерой — повышением дисконта, т. е. учетной ставки. Но независимо от этого пользование данной мерой встречает противодействие внутри страны, ибо удорожание кредита ухудшает положение капиталистов-заемщиков. Кроме того в связи с ростом влияния частных акционерных банков, повышением процентной ставки Центрального банка далеко не всегда приводит к соответствующему повышению рыночной нормы процента. В этом случае дисконтная политика вообще не достигает цели. Лишь при наличии ряда благоприятных обстоятельств и в течение очень непродолжительного периода дисконтная политика может предотвратить отлив золота из страны и улучшить платежный баланс. *Но строить благополучие платежного баланса только на этой политике, равно как и на девизной политике, как ясно из изложенного, ни в коем случае нельзя.*

§ 14. До сих пор была речь об интервалютарных отношениях между странами, в которых валютными деньгами, т. е. средствами обращения и платежа является золото. *Если же в одной стране валютными деньгами является золото, а в другой серебро, то монетный паритет будет определяться относительной стоимостью обоих металлов на мировом рынке.* Так, если одна весовая единица золота оценивается на мировом рынке в 15 раз выше той же весовой единицы серебра, то на основе этой пропорции стоимости обоих металлов установится монетный паритет.

Более сложны валютные отношения между странами, в которых средства обращения и платежа порвали непосредственную связь с мировыми деньгами (золотом). Мы знаем, что такие знаки денег имеют большую или меньшую представительную стоимость в зависимости от того, сколько их выпущено в обращение, с одной стороны, и сколько необходимо было бы золота для обращения при отсутствии этих знаков денег, с другой стороны. Если 2 бумажных рубля заменяют в обращении один золотой рубль, то очевидно, что и паритет между рублем и фунтом стерлингов (если последний остается золотом) уже не будет равен 1 ф. ст. = 9 р. 46 к., но 1 ф. ст. = 18 р. 92 к. Конечно такого точного соответствия между внутренним и внешним обесценением знаков денег никогда не бывает, и здесь-то как раз большую роль играет девизная и дисконтная политика, но в общем всегда имеется тенденция (стремление) уравнения внутренней представительной стоимости знаков денег и их внешневалютного паритета. Этот

случай валютных отношений относится не к нормально-функционирующим денежным системам, но к системе нарушенного равновесия между денежным и товарным обращением. Такая система будет рассмотрена нами в следующей главе.

Литература.

- 1) *Маркс*. Капитал, т. I, гл. III (до конца).
- 2) *Маркс*, К критике политической экономии, гл. II (до конца).
- 3) *Маркс*. Капитал, т. III, ч. II, гл. XXXV.
- 4) Проф. *З. С. Каценеленбаум*. Учение о деньгах и кредите, ч. I, изд. 3, гл. XVII
- 5) *Грегори, Г.* Теория и практика вексельных курсов, 1926.
- 6) Д-р *Георг Камени*, Иностранные вексельные курсы.
- 7) *Джордж Клар*, Международные расчеты и валютная политика. 1926.
- 8) *Арлетариус*, Валюта, 1923.
- 9) Сборник «Новые идеи в экономике», под ред. проф. А. Ю. Финн-Енотаевского, № 7.
- 10) *Гешен, Г.* Теория вексельных курсов, 1867.
- 11) *H. Schultz*, Devisenhandelspolitik, Stuttgart 1918.
- 12) *Helferich*, Das Geld, 2 Aufl.

Вопросы для повторения.

- 1) Какие деньги являются мировыми деньгами и в чем особенности функций денег, как мировых денег?
- 2) Почему условием нормального функционирования средств обращения при капитализме следует считать возможность беспретятственного их превращения в мировые деньги?
- 3) Что такое и чем определяется вексельный или интервалютарный курс?
- 4) Что такое международный расчетный баланс и из каких элементов он состоит.
- 5) Каким образом устанавливается интервалютарный курс между странами с различного вида валютами?

ГЛАВА VII.

БУМАЖНО-ДЕНЕЖНАЯ ИНФЛЯЦИЯ.

§ 1. Причины инфляции. — § 2. Инфляция как налог на доход и капитал. — § 3. Характеристика типичного инфляционного процесса. — § 4. Колебание покупательной силы бумажных и серебряных денег в связи с изменением их количества при преграждении свободного размена бумажек на золото. — § 5. Влияние инфляции на народное хозяйство. — § 6. Вексельный курс и товарные деньги. — § 7. Инфляция и классы: капиталисты, землевладельцы, рабочие. — § 8. Расхождение в темпах эмиссии и обесценения. — § 9. Падение реального дохода от эмиссии. — § 10. Методы проведения денежной реформы. — § 11. Бумажно-денежная инфляция — необходимый спутник капитализма.

После того как мы познакомились со всеми функциями денег как во внутреннем, так и в мировом товарном обращении, выяснили законы, управляющие количеством и стоимостью денег и их заместителей, нам необходимо перейти к рассмотрению случаев нарушенного равновесия между денежным и товарным обращением. Нарушение этого равновесия обычно происходит вследствие инфляции, т. е. выпуска денежных знаков сверх потребностей обращения (инфляция — «разбухание» денежного обращения).

§ 1. Уже в самой монополии (исключительном праве) государства на выпуск обязательных в частном обороте или, как говорят, *законных платежных средств*, заключена возможность инфляции. Эта возможность превращается в действительность, когда государство пользуется этой монополией не в интересах товарного обращения, как это должно было бы быть, но в своих собственных интересах, когда следовательно эмиссия денежных знаков становится *источником* покрытия государственных расходов. К этому источнику государство прибегает обычно в тех случаях, когда нормальным путем, т. е. в виде *налогов, неналоговых доходов* от госпредприятий и *государственных займов*, не могут быть покрыты все расходы государства. Необходимость же такой денежной эмиссии возникает по преимуществу при чрезвычайных обстоятельствах, когда должны быть немедленно же получены средства для оплаты внезапно возросших государственных расходов. Кто же в конечном счете покрывает эти расходы?

§ 2. Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы должны разграничить реальные и номинальные доходы населения. Номинальный доход выражается в сумме получаемых денег, реальный—в той массе товаров, которая на эти деньги приобретается. Инфляция приводит к росту номинальных денежных доходов, так как в обращение пускается избыточная масса денег, но одновременно падают реальные доходы. Допустим, что вы до инфляции продали товар за 15 руб. в золоте, но получили на руки бумажные деньги, которые на некоторое время задержались в вашей кассе. Если же в этот момент произошла инфляция, а в связи с этим обесценение денег, скажем, на 10%, то, совершив второй товарный метаморфоз $D-T$, вы уже не получите на 15 бумажных руб. товаров, равных по ценности не 15 золотым руб., но меньше на 10%, т. е. 15 р.—1 р. 50 к. = 13 р. 50 к. Таким образом при наличии инфляции товарный метаморфоз, сохраняя прежнюю свою форму $T-D-T$, *изменяется в количественных пропорциях, ибо первое T теперь уже не равно второму T*. Следовательно весь метаморфоз теперь примет такой вид:

$$T (15 \text{ р.})—D(15 \text{ р.})—T^{-T} (13\frac{1}{2} \text{ р.}).$$

Тем самым раскрыта загадка бумажно-денежной эмиссии как источника государственных доходов. Государство путем эмиссии экспроприрует (забирает) у населения товарные ценности, следовательно инфляция есть не что иное, как *скрытый налог*.

Эмиссионный налог падает на все виды доходов (промышленную и торговую прибыль, процент, земельную ренту и заработную плату) в том случае, если при обесценении денежных знаков номинальные (денежные) доходы остаются без изменения или повышаются в меньшей пропорции, чем обесцениваются денежные знаки. Но эмиссионный налог иногда падает не только на доходы, но и на капитал. Допустим, что в нашей формуле $T-D-T^{-T}$ продавец товара является капиталист. В сумму денег, которую он получает от реализации товаров, входит не только его чистый доход (прибыль), но и возмещение издержек производства. Например стоимость проданной товарной партии равна тыс. руб. (в золоте), из которых 100 руб. составляют прибыль капи-

талиста, а 900 руб. возмещают издержки производства. Если же за время, прошедшее от момента продажи этих товаров до покупки новых товаров, денежные знаки обесценились на 20%, то капиталист лишится не только всей прибыли, но и потеряет еще 100 руб. своего капитала.

С точки зрения быстроты и эффективности (успешности) получения государством доходов, эмиссионный налог не может сравниться ни с прочими налогами, ни с госзаймами. Введение новых значительных налогов, во-первых, всегда может встретить сопротивление со стороны населения, во-вторых, требует времени и больших расходов для их собирания. То же самое и с госзаймами, от которых население вообще может отказаться. *Эмиссионный же налог население, во-первых, не может не уплатить, поскольку инфляция уже совершена, во-вторых, этот налог почти ничего не стоит государству, в-третьих, он избавляет правительство от непосредственного нажима на налогоплательщиков, в-четвертых, дает в руки государства немедленный доход, который государство может получить на следующий же день после того, как принято решение о введении этого налога.*

Вот почему во всех случаях чрезвычайной или экстраординарной потребности государства в увеличении доходных источников, правительства всегда прибегают к этому средству, которое во многих случаях является *единственным средством спасения.*

Наша задача заключается в том, чтобы выяснить на основе характеристики общих закономерностей инфляционного процесса, какое влияние оказывает инфляция на народное хозяйство и на какие классы и группы населения падает эмиссионный налог.

§ 3. Исходным пунктом инфляции является нормально-функционирующая система денежного обращения, при которой бумажные деньги и билонная монета разменны на металл. Допустим, что вся денежная масса, равная 1 млрд. руб., состоит на 500 млн. руб. из золотых монет, 250 тыс. руб. билонных монет и в том числе 150 млн. руб. серебряных высокопробных (1 руб., 50 коп. и 25 коп.) монет, 50 млн. руб. низкопробных серебряных монет (20, 15 и 10 коп.) и 50 млн. руб. медных монет. Наконец на 250 млн. руб. обращаются свободно размещаемые на металл бумажные деньги и банкноты. Допустим далее, что стоимость металла (серебра), заключенного в билонной монете, равна 75% их номинальной стоимости, как монеты (пропорция немногим большая, существовавшей в России в отношении серебряных рублей и полтинников). Что произойдет, если при неизменной потребности обращения в монете государство выпустит добавочно 500 млн. рублей бумажных денег? В этом случае 500 млн. руб. как избыточные должны будут уйти из обращения в сокровище. Так как мы уже выяснили, что функцию сокровища выполняют действительные деньги — золото, то следовательно нужно полагать, что в сокровище уйдут 500 млн. руб. золотых монет. Благодаря этому восстановится равновесие между объемом денежной массы и потребностями товарного обращения в денежных знаках, причем покупательная сила билонной монеты и бумажных денег останется без изменения — каждый рубль в серебряной монете и бумажных знаках будет заменять в обращении один золотой рубль и все

денежное обращение в целом попрежнему будет равно 1 млрд. рублей. Теперь предположим, что государство, нуждаясь в деньгах, например для финансирования войны, выпустит еще 250 млн. руб. бумажных денег. Теперь оказывается, что $1\frac{1}{4}$ млрд. руб. в монете и бумажках заменяют собой 1 млрд. руб. золотых, следовательно 1 серебряный и бумажный рубль будет равен $\frac{3}{4}$ золотого рубля или будет замещать собою только 75% того номинала золотой стоимости (17,424 долей золота), который на них значится. Но возможно ли такое положение, если действует свободная чеканка, что нами было ранее предположено? Конечно невозможно, ибо в связи с обесценением бумажных и серебряных денег каждый постарается в казначействе обменять бумажки на золото и из казначейства будет извлечено не менее 250 млн. руб. золота (соответствующих последней эмиссии, т. е. выпуску бумажных денег): это золото уйдет в сокровище, но зато опять восстановится равновесие денежного обращения, так как при помощи такого обмена в казначейство как раз вернутся те 500 млн. руб. бумажных денег, которые как избыточные не были приняты товарным оборотом.

§ 4. Но государство обычно прибегает к резкой дополнительной эмиссии бумажных денег как раз в те периоды, когда его золотых денежных запасов недостаточно для покрытия дефицита в государственном бюджете (т. е. для покрытия разницы между доходами и чрезмерно возросшими расходами). Считаясь с этим обстоятельством, государство всегда такую дополнительную, покрывающую бюджетный дефицит, эмиссию *сопровождает прекращением размена бумажек и серебра на золото*. В связи с массовыми требованиями размена государство вскоре же лишится бы своего запаса золота и поневоле было бы вынуждено прекратить размен. Поэтому в целях сохранения своего золотого запаса (который нужен, например, для закупок военного снаряжения за границей, где в уплату за товары бумажные деньги не принимаются. Об этом см. главу V) государство, имея в виду дальнейшие выпуски бумажных денег, всегда прекращает размен еще в тот момент, когда фактически размен еще возможен. Итак, в нашем примере эмиссия 250 млн. руб. сопровождается прекращением размена. В обращении теперь находится 1 250 млн. руб., заменяющих собой 1 млрд. зол. руб. Бумажные и серебряные рубли будут обладать лишь 75% своей прежней покупательной силы. А так как мы предположили, что внутренняя металлическая стоимость серебряного рубля как раз равна 75% его номинальной стоимости, то следовательно серебряный рубль будет стоить столько, сколько стоит заключенное в нем серебро.

Теперь посмотрим, что произойдет при дальнейшем увеличении эмиссии бумажных денег еще на 250 млн. руб. при прежней потребности оборота в средствах обращения? Тогда все имеющиеся в наличии средства обращения в сумме $1\frac{1}{2}$ млрд. руб. по номиналу будут замещать 1 млрд. золотых рублей. Таким образом должно произойти дальнейшее падение покупательной силы бумажных и серебряных денег, а

$$\text{именно в пропорции } \frac{1\ 000\ 000\ 000}{1\ 500\ 000\ 000} = \frac{2}{3}$$

или каждый бумажный и серебряный рубль будет обладать покупатель-

ской силой только на $\frac{2}{3}$ золотого номинала. Но так как сам серебряный рубль по содержащемуся в нем металлу равен $\frac{3}{4}$ (75%) стоимости золота в одном рубле, то следовательно серебряный рубль будет представлять собою в обращении меньшую стоимость, чем он в себе заключает. Так как серебро не обесценилось, но обесценились только знаки обращения, то естественно, что все будут стараться припрятывать серебряные рубли, а платежи производить обесцененными бумажками, что и имеет место всегда в действительности. Тем самым 150 млн. руб. билонной серебряной монеты уйдут из обращения, и в обращении останется 1350 млн. руб. бумажных денег, билонной медной и низкопробной серебряной монеты. Но раз государство вступило на путь эмиссии бумажных денег для покрытия своих бюджетных дефицитов, то оно уже не может свернуть с этого пути, если бюджет остается дефицитным или даже дефицит продолжает расти. Чем больше выпускается бумажных денег, тем больше они обесцениваются и для покрытия дефицитов становится необходимым все более увеличивать бумажную эмиссию. Денежная масса растет, как снежный ком, необходимый объем ее прироста для совершения следующего шага все возрастает: так непрерывно усиливается *инфляционный темп*.

Итак эмиссия все продолжается, обесценение денежной массы усиливается. Вслед за высокопробной серебряной монетой из обращения уйдет низкопробная серебряная монета в 20, 15 и 10 коп. Денежная масса возросла, например, до 3 млрд. руб., заменяющих в обращении попрежнему стоимость 1 млрд. зол. руб. Каждый бумажный рубль теперь обладает покупательской силой ровно $\frac{1}{3}$ золотого рубля, а каждая медная копейка имеет покупательскую силу $\frac{1}{3}$ той же копейки. Допустим, что при свободном размене на рубль медных денег можно было купить в 5 раз больше меди, чем то количество меди, которое заключается в медной монете на 1 рубль. Так как теперь бумажные и медные деньги упали в 3 раза, то медные деньги еще будут оставаться в обращении, ибо несмотря на падение покупательской силы медных денег в 3 раза, все же и теперь на 1 рубль медью можно купить по весу значительно больше той же меди. Эмиссия все же продолжается и достигает, скажем, 10 млрд. руб. В этом случае каждый бумажный рубль будет замещать $\frac{1}{10}$ золотого рубля, и следовательно покупательская сила медных денег упадет в 10 раз. А так как рубль медью сам по себе как медь стоит не в 10, но только в 5 раз меньше своего золотого номинала, то теперь уже будет невыгодно платить даже медью, и из обращения уплывут последние остатки металлических монет, и даже жалкая копейка будет вытеснена бумажкой. Таким образом из обращения исчезнут 50 млн. руб. медных денег, и останутся одни бумажки, — положение, которое известно всякому читателю, помянувшему годы войны и революции.

Такова общая тенденция инфляционного процесса. *Вначале инфляция всегда начинается с отлива золотых монет из обращения, затем идет прекращение свободного размена серебра, меди и бумажек на золото, далее последовательное вытеснение металлических монет, сначала более ценных серебряных монет и, наконец, медных монет; в результате всего процесса в обращении остаются одни прогрессивно*

обесценивающиеся бумажки. Следовательно при обесценении средств обращения менее ценные по своему материалу средства обращения вытесняют более ценные, и последние уходят совершенно из обращения. Обычно этот закон принято называть „законом Грэшама“ по имени лондонского финансиста XVI в. Однако в действительности этот закон был формулирован задолго до Грэшама, еще в древней Греции, а в средние века в XIV в. Николаем Орезмием.

§ 5. Итак увеличение количества денежных знаков сверх потребностей обращения при неизменности всех прочих условий обращения (массы товаров и их стоимости, скорости обращения денег и кредитного баланса) неизбежно приводит к их обесценению. Но совпадение в темпе эмиссии и темпе обесценения денег никогда не бывает, ибо никогда не остаются неизменными прочие факторы обращения. Так, если наряду с дополнительной эмиссией в размере 20% одновременно возросла стоимость товарной массы на 20% или сократилось положительное сальдо кредитного баланса на 20% и т. д., то никакого обесценения денежных знаков не произойдет.

Если же, наоборот, товарная масса сократилась или возросла скорость обращения денег, то обесценение денежных знаков будет превышать темп эмиссии, в нашем примере обесценение будет равно не 20%, но примерно 30%. Так, например, если мы возьмем эмиссию советских знаков в 1921 г., то увидим следующую картину:

В июне эмиссия составляла	224 млрд. руб.	денежные знаки обесценились на	20%
» » »	» 401 » »	» » »	» 16%
» августе »	» 702 » »	покуп. сила ден. зн. повысилась	» 1%
» сентябре »	» 1 023 » »	» » »	» 11%
» октябре »	» 1 950 » »	денежные знаки обесценились	» 27%
» ноябре »	» 3 336 » »	» » »	» 47%

Мы здесь видим, что нет никакого соответствия между темпом эмиссии и темпом обесценения денежных знаков. Так, за август и сентябрь по сравнению с июнем и июлем эмиссия возросла почти в $2\frac{1}{2}$ раза, а денежные знаки не только не обесценились, но даже повысились по своей покупательской силе на 12%. Это объясняется очень просто: в августе и сентябре происходит реализация нового урожая, и следовательно значительно возрастает стоимость всей товарной массы, и поэтому расширяется потребность обращения в денежных знаках. Когда же период реализации урожая закончился, а эмиссия вновь возросла, то опять началось обесценение денежных знаков.

Итак, в связи с разнообразием факторов, определяющих потребность обращения в денежных знаках, а также чрезвычайной сложностью механизма влияния избыточной эмиссии на покупательскую силу денежных знаков, никогда и никем заранее не может быть установлено, какова будет представительная стоимость (покупательская сила) этих знаков не только через месяц, но даже на следующий день. Кроме того нужно еще учесть то обстоятельство, что инфляция никогда не влияет равномерно на повышение цен всех товаров. В эти периоды, с одной стороны, сокращается производство целого ряда товаров, а с другой стороны, в связи с падением реальных доходов мно-

гих групп населения изменяется структура (строение) общественного спроса. На одни товары чрезвычайно сильно возрастает спрос, на другие, наоборот, спрос падает. В силу этого происходит *разрыв между ценами отдельных товаров*. Так у нас в СССР в 1921—1922 гг. неоднократно отмечались такие случаи, когда за 2—3 дня цены одних товаров возрастали на 100%, других на 50%, цены третьих оставались без изменения, и наконец цены четвертых иногда даже падали.

Наконец в эти периоды происходит также разрыв и между ценами на одни и те же товары *в разных районах*, так как, с одной стороны, инфляционные волны не рассасываются равномерно по всем районам (особенно важное значение этот момент имеет в странах с большой территорией, как например СССР), а с другой стороны, товарная масса также не распределяется равномерно по всем областям, ибо вообще нарушается нормальный товарооборот.

Ввиду всех этих обстоятельств исчезает твердая почва для нормальной хозяйственной деятельности как в промышленности и сельском хозяйстве, так и в торговле: никто не берется за «солидные» дела. Крупных вложений новых капиталов в промышленности в эти периоды конечно не может быть, также не может быть и речи о ввозе новых капиталов из-за границы. Общее нормальное течение хозяйственной жизни нарушается, и наряду с этим чем дальше развивается инфляционный процесс, тем больше сокращается и абсолютный объем производства. Мы уже знаем, что эмиссионный налог падает не только на доход, но и на капитал. Таким образом в эти периоды происходит проедание накопленных ранее капиталов. Но на почве полного расстройтва хозяйственной жизни дает обильные всходы *спекуляция*. На этом хаосе цен наживаются спекулянты, которые своей деятельностью еще более усугубляют положение: придержав товары месяц-другой, искусственно вызывая чрезвычайное повышение цен на определенные товары в отдельных районах, спекулянты еще более усиливают разрыв товарных цен во времени и пространстве. По мере расстройтва хозяйственной жизни растет армия спекулянтов: «ни один разумный человек не пожелает остаться бедным, если он видит, что его соседи нажили состояние путем счастливой спекуляции» — сказал один буржуазный экономист. *К эмиссионному налогу, который улачивает общество государству, прибавляется еще налог в пользу спекулянтов, и под влиянием этого двойного пресса страна вступает в полосу длительных хозяйственных затруднений.*

§ 6. Наконец необходимо отметить еще одну диспропорцию, вызываемую инфляцией. *Интервалютарный* курс при инфляции отрывается от монетного паритета. Если обесцениваются денежные знаки внутри страны, если они «представляют» от имени меньшего количества золота, то естественно, что и их векосельный курс в соответственной пропорции должен упасть. Но если и в другой стране происходит инфляция, то очевидно, что по отношению к валюте этой страны векосельный курс первой страны может либо упасть в меньшей пропорции, чем произошло внутреннее обесценение денег, либо остаться на прежнем уровне, либо даже подняться. Так, если немецкая марка обесценилась на 10%, а рубль на 20%, то очевидно, что курс марки в рублях

не только не упадет, но даже поднимется. С другой стороны, курс рубля хотя и упадет, но не на 20%, а только на 10%. Поэтому если мы хотим выяснить изменение курса валюты, то нужно брать курс по отношению к такой стране, где валютными деньгами попрежнему является золото, а такой страной во время мировой войны были Соединенные штаты Северной Америки: ее доллар остался золотым долларом.

Но если взять колебания вексельного курса марки или рубля за время мировой войны по отношению к доллару, то мы увидим, что хотя в общем по мере внутреннего обесценения рубля и марки падал их курс в долларах, *но соответствия в темпах падения курса и внутреннего обесценения не было.* «Уровень цен в стране и ее вексельный курс, — говорит Э. Шульце, — часто расходятся: то первый выше второго, то второй выше первого. Они подобны паре необъезженных лошадей, которые неодинаково тянут постромки, но из которых ни одна не в состоянии значительно забежать вперед. *Тенденция к приспособлению* выступает совершенно явственно». Все это вполне естественно, ибо вексельный курс складывается под влиянием расчетного баланса, который в каждый данный момент может измениться, особенно в кредитной своей части, даже независимо от обесценения денег внутри страны, под влиянием хотя бы политических событий. *Если в результате инфляции вексельный курс падает быстрее, чем растут цены внутри страны,* то экспорт товаров становится весьма выгодным, а импорт убыточным. Если например цены внутри страны возросли на 10%, а вексельный курс в долларах упал на 20%, то, вывозя хлеб в Англию и продавая его там по прежним ценам, русские экспортеры получают сверх обычной прибыли еще курсовую прибыль при обмене вырученных ими фунтов стерлингов на рубли. Например вместо прежних 10 тыс. руб. они теперь выручат за то же количество хлеба и при тех же ценах 12 тыс. руб. Между тем в царской России цены поднялись только на 10%, следовательно экспортеры «задаром» получают в России товарных ценностей на 1 тыс. руб. (с учетом 10%-ного обесценения — на 900 руб.). Наоборот импортеры потерпят убыток, ибо они в результате продажи товаров по ценам, повышенным только на 10%, и обмена рублей на фунты по курсу рубля, упавшему на 20%, получают на 10% меньше фунтов стерлингов, чем раньше. *В силу этого падение курса валюты действует как экспортная премия и импортная пошлина.* Если же темп роста внутренних товарных цен выравнивается с темпом падения вексельного курса или даже обгонит последний, то и в этом случае нельзя рассчитывать на солидную импортную торговлю, ибо постоянное колебание вексельного курса отбивает у иностранных капиталистов охоту ввозить в эту страну товары. В общем падение вексельного курса и особенно *неравномерность* этого падения *приводят к полнейшему расстройству внешней торговли страны, ставшей на путь инфляции.* Таковы основные черты влияния эмиссионного налога на хозяйственную жизнь страны. Этот налог приводит к глубочайшему хозяйственному кризису. Кто же несет на себе бремя этого кризиса? И кто волочает от него выгоды?

§ 7. Для крупных промышленных капиталистов в целом инфляция выгодна. Правда, эмиссионный налог падает не только на доход, но

и на капитал. Но промышленные капиталисты имеют возможность переложить этот налог на других.

Во-первых, на *денежных капиталистов*, так называемых рантье, т. е. пассивных капиталистов, живущих за счет процентов на капитал, предоставленный промышленным капиталистам. Рантье получают с обесценением денег прогрессивно падающие *реальные* доходы. В связи с этим и обесцениваются те долговые документы, которые дают право на этот доход. Это дает возможность промышленным капиталистам, денежные доходы которых сильно возрастают, освободиться от бремени долга денежным капиталистам, т. е. фактически экспроприировать их капиталы. Следовательно промышленные капиталисты выигрывают *прежде всего* как *должники*. Но точно так же и само государство таким же путем сокращает или даже сводит к нулю свою задолженность по внутренним и внешним займам. При этом следует заметить, что кредиторами как промышленных капиталистов, так и государства являются не только капиталисты-рантье (живущие исключительно за счет процентов на капитал), но и широкие массы городской мелкой буржуазии, крестьянство и рабочий класс. Все эти социальные группы в связи с инфляцией лишаются большей части или даже целиком своих сбережений, вложенных в государственные займы, в банки и сберкассы в виде вкладов и т. п.

Во-вторых, для промышленных капиталистов в связи с ростом цен создается благоприятная рыночная конъюнктура. Когда же вексельный курс падает сильнее, чем растут внутренние цены, то в этом случае прекращается импорт товаров и тем самым отпадает конкуренция иностранных капиталистов. Это само по себе создает возможность еще более взвинчивать цены и спекулировать «на товарном голоде». Фактически в эту спекуляцию вовлекаются не только торговые, но и промышленные капиталисты.

В-третьих, сильно возрастают прибыли капиталистов, работающих на экспорт, в связи с экспортной курсовой премией.

В-четвертых, в периоды инфляций военного времени целый ряд отраслей промышленности получает огромные военные заказы, и на этих государственных поставках «под шумок» национальной обороны капиталисты получают баснословные барыши.

В-пятых, заработная плата обычно отстает от роста товарных цен, и таким образом издержки производства повышаются в меньшей пропорции, чем продажные цены, что опять-таки приводит к увеличению нормы прибыли. В общем прибыли как промышленных, так и торговых капиталистов (от спекуляции внутри страны, экспортных премий и военных поставок) чрезвычайно возрастают, и *при этом у них возрастают не только номинальные, но и реальные доходы*. Даже больше того: они, как мы знаем, экспроприируют взятые у рантье в ссуду капиталы.

Все сказанное конечно не исключает того, что многие промышленные и торговые капиталисты разоряются от колебания цен и особенно в связи с изменением структуры рыночного спроса. Мы знаем, что цены не всех товаров растут равномерно, и капиталисты, занятые в производстве товаров, отставших в росте цен, конечно также уплачивают эмиссионный налог, а в иных случаях совсем разоряются.

Во время мировой войны колоссально возросли прибыли крупной промышленности. Так, в Германии чистая прибыль за 1915 г. по отношению к акционерному капиталу в химической промышленности была равна (в среднем) 31,14%, в кожевенной—37,7%, жиромаслобойной—24,07%, текстильной—23,83%, металлургической—23,2% и т. д. Чистая прибыль завода Круппа, изготовлявшего орудия войны, возросла с 33,9 млн. марок в 1913 г. до 86,4 млн. золотых марок в 1914 г. Ряд предприятий увеличил чистую прибыль *в 6 раз*: несмотря на огромные отчисления в резервный капитал, *выдача дивидендов (прибылей) в тройном и четверном размере против мирного времени была обычным явлением*. «Уже в 1915 г., — сообщает один немецкий экономист, — чистая прибыль некоторых обществ достигла нарицательной стоимости их основного капитала». Так Майнцкое акционерное общество, изготовлявшее газовые аппараты, при акционерном капитале в 1,3 млн. марок, выдало чистую прибыль в 3,6 млн. марок. Особенно нажились на войне такие «некоронованные короли» германской индустрии, как *Отто Вольф* и *Гуго Стиннес*. Последний при помощи искусной спекуляции, давления на прессу и правительство и т. п. завладел крупнейшими предприятиями в горной и металлургической промышленности, а также в целом ряде других отраслей. Всего Стиннес командовал 1535 юридически самостоятельными предприятиями в пределах Германии и 572 предприятиями за границей в разных странах. Позднее, уже после смерти самого Гуго Стиннеса, его концерн потерял крах и распался. На дрожжах инфляции спекулянтами «создавались» новые крупные капиталы. Так целиком было «создано» на бирже во время войны многомиллионное состояние спекулянта *Герцфельда*; этому «чародею биржи» удалось, например, поднять скупленные им акции Бохумского объединения до 4 000% их номинальной стоимости. В общем «кровавые прибыли» капиталистов во время войны достигли баснословных размеров. Неудивительно поэтому, что капиталисты всегда являются такими горячими «патриотами» и ведут агитацию «за войну до победного конца».

Землевладельцы также в целом выигрывают от инфляции. В ряде стран и особенно в царской России значительная часть земельной собственности была заложена в банках (т. е. землевладельцы получили долгосрочные денежные ссуды под залог своих имений). *Инфляция освобождает от этой задолженности*, ибо долг уплачивается обеспеченными бумажками. Таким путем например в Германии было сброшено бремя 15-миллиардной (в золотых марках) ипотечной задолженности (т. е. по ссудам под залог земли). Но с другой стороны реальные доходы землевладельцев как получателей *арендной платы* с крестьянства сокращаются, но плюс все же значительно больше минауса. Далее землевладельцы — производители хлеба и сырья — выигрывают на экспорте этих товаров за границу, пользуясь огромными экспортными премиями, наряду с промышленными капиталистами. Усиленный экспорт хлебобудовочных продуктов за границу сокращает предложение хлеба внутри страны и еще более гонит хлебные цены вверх. В общем всегда и везде землевладельцы выступают сторонниками инфляции и противниками проведения денежных реформ.

Вся тяжесть инфляционного кризиса ложится на плечи мелкой буржуазии, рантье и особенно рабочего класса. Между тем один крупнейший буржуазный экономист Кейнс утверждает, что «инфляция приводит к перераспределению имущества, которое очень неблагоприятно для получателей ренты, очень выгодно для предпринимателей, и, при современных промышленных условиях, в целом благоприятно для рабочих». В отношении рабочего класса эта оценка абсолютно неверна. Как общее правило *рост заработной платы всегда отстаёт от роста цен*. Но если даже в отдельных отраслях промышленности возрастает не только номинально-денежная, но также и реальная заработная плата и сокращается безработица, то поскольку речь идет об инфляции военного времени, какой ценой это достигается? *Ценой физического истощения части рабочего класса на театре военных действий. Война и связанная с ней инфляция приносят столь же неисчислимы бедствия рабочему классу и крестьянству, сколь чудовищными становятся в этот период прибыли крупных капиталистов.*

§ 8. Теперь рассмотрим вопрос о роли эмиссионного дохода в государственном бюджете. При решении этого вопроса необходимо учесть отмеченное выше несовпадение в темпах инфляции и обесценения денежных знаков. *Обычно сумма реальных доходов государства от эмиссии сначала возрастает, а позднее в связи с быстрым ростом цен (т. е. обесценением денег) начинает прогрессивно падать, как бы ни росла бумажно-денежная эмиссия.* Несовпадение в темпах эмиссии и обесценения денежных знаков отчетливо можно проследить на данных из истории инфляции в России за 1914—1919 гг.

Годы	Увеличение эмиссии в % к предыдущему году	Рост цен в % к предыдущему году	Годы	Увеличение эмиссии в % к предыдущему году	Рост цен в % к предыдущему году
1914 . .	77,1	28,7	1918 . .	119,2	597,5
1915 . .	23,6	20,0	1919 . .	302,5	1 375,6
1916 . .	61,2	93,5	1920 . .	419,3	594,2
1917 . .	180,3	683,3	1921 . .	1 315,5	1 614,3

Мы видим, что до 1916 г. включительно обесценение бумажных денег значительно отставало от роста их эмиссии. То же явление имело место во время мировой войны в Германии, Англии и других странах. В первый период инфляции последняя вообще не оказывала никакого влияния на средний уровень цен, а затем начинается реакция (рост цен), но вначале очень слабая. *Таким образом торговый оборот в течение довольно значительного периода времени (у нас с 1914 до 1917 г.) сравнительно слабо реагирует повышением цен на бумажно-денежную инфляцию.* Немецкий экономист Цвидинек это явление назвал «законом медлительности торгового оборота». Эта закономерность вполне понятна с точки зрения развитой нами теории. Дело в том, что наряду с ростом денежной эмиссии изменяются другие факторы обращения, которые целиком или частично парализуют влияние бумажно-денежной инфляции. Прежде всего широкое финансирование правительством отраслей производства, обслуживающих военные нужды, производится за счет эмитируемых наличных денег. В связи с этим сильно расширяется налично-денежный оборот и относительно сокращается,

кредитный оборот, т. е. сокращается или даже превращается в отрицательную величину сальдо кредитного баланса денежного обращения. *Но это означает не что иное, как расширение емкости денежного обращения.* Далее мы видели, что бумажно-денежная инфляция вытесняет из обращения все виды металлических денег, и таким образом ушедшие металлические деньги замещаются бумажными деньгами.

Что же касается *скорости обращения* денег, то таковая первое время не возрастает, ибо, поскольку цены остаются стабильными или незначительно возрастают, нет основания для такого катастрофического увеличения скорости обращения денег, каковую мы наблюдаем на высшем подъеме инфляционной волны. Наконец следует отметить, что многие в силу, так сказать, своего экономического «невежества» задерживают обращение бумажных денег, накапливая их в «кубышках», как это широко практиковало русское крестьянство, считавшее, что «рубли всегда есть рубли». Если к этому еще прибавить, что в первое время инфляции также несколько расширяется и общий объем производства и обращения, то станет понятным, почему темп обесценения денег (роста цен) отстает от темпа эмиссии. Причина этого *в значительном расширении емкости денежного обращения.*

Но в конце концов инфляционные волны преодолевают так называемый «закон медлительности», т. е. инерцию товарного оборота, и наступает переломный момент. «Закон медлительности» превращается в свою противоположность, и начинается катастрофическое и непрерывно возрастающее в своем темпе обесценение денег. Если раньше бумажные деньги накапливали в «кубышки», то теперь вся эта накопленная масса выбрасывается на рынок, и значит как раз тот самый фактор, который раньше задерживал обесценение, теперь усиливает темп обесценения. Каждый стремится скорее сбыть деньги, — деньги, как горячий уголь, жгут всем руки, — и следовательно наряду с приливом денег из крестьянских «кубышек» и городских сундуков в обращение и наряду с новой эмиссией денег государством чрезвычайно сокращается емкость обращения. В том же направлении действует и резкое увеличение скорости обращения денег. Обесценение денег быстро растет, а это заставляет государство еще сильнее нажимать на эмиссионно-налоговый пресс, но чем сильнее становится этот нажим, чем больше возрастает инфляционный темп, тем резче реагирует товарный оборот на инфляцию, тем сильнее возрастает темп обесценения. Даже более того: *население предвосхищает или, как говорят, антиципирует инфляцию, встречая каждую новую инфляционную волну уже повышенными ценами.* Цены растут не только изо дня в день, но даже с часа на час. Так было в России, Германии и Австрии.

§ 9. Как бы государство ни увеличивало печатание бумажных денег, оно в разгаре инфляции не может угнаться за обесценением, и каждая новая партия бумажных денег обесценивается даже до того, как она попадает в обращение. Таким образом прогрессивно падает тот реальный доход, который государство получает от бумажно-денежной эмиссии. Так, по исчислениям *Е. А. Преображенского*, реальный доход государства от выпуска бумажных денег в России и СССР был равен (из расчета покупательной силы одного рубля в товарах):

Годы	Реальный доход	Годы	Реальный доход
1914	1 397 млн. руб.	1918	525 млн. руб.
1915	2 068 » »	1919	386 » »
1916	1 768 » »	1920	186 » »
1917	2 500 » »	1921	146 » »

Таким образом в 1921 г., несмотря на колоссальнейшее увеличение эмиссии, реальный доход от последней был в 17 раз меньше, чем в 1917 г. — все «сливки» эмиссионного налога были уже собраны царским правительством, и на долю СССР остались ничтожные крохи. Ясно, конечно, что государство не могло строить своего бюджета на доходе в 146 млн. руб. от эмиссии. Этот доход, начиная с 1918 г., стал играть все меньшую и меньшую роль в общих доходах государства, в частности в сравнении с доходами от разверстки, а позднее от продналога. Принося ничтожный по существу доход, эмиссионный налог вместе с тем вносил такой хаос в хозяйственную жизнь и настолько тормозил развитие производительных сил, что отказ от этого налога и проведение денежной реформы стали необходимостью. *С этой необходимостью рано или поздно сталкиваются все страны, вставшие на путь инфляции.*

§ 10. Цель тех *денежных реформ*, которые имеют место в инфляционные периоды, заключается в восстановлении равновесия между денежным и товарным обращением. Но эта цель может быть достигнута только в том случае, если *государство отказывается от эмиссионного налога, т. е. перестает пользоваться бумажно-денежной эмиссией для покрытия своих бюджетных расходов.* Таково необходимое условие денежной реформы.

Самая же реформа, оставляя в стороне техническую сторону вопроса, может быть осуществлена тремя методами, которые разными путями ведут к одной и той же цели — *стабилизации*, т. е. укреплению стоимости денежных знаков.

1. *Реставрация*, т. е. восстановление существовавшего до инфляции положения. В этом случае избыточные деньги извлекаются из обращения (что называется *дефляцией*) и восстанавливается размен бумажек по их номиналу на металл, т. е. например за каждую пятирублевую бумажку уплачивается по требованию 5 руб. золотом. Этим методом было ликвидировано бумажно-денежное обращение в первой четверти XIX в. в Англии, в Северо-американских соединенных штатах в 1865 — 1879 гг., во Франции — после франко-прусской войны в 1871 г. Но этот метод, конечно, достижим только в тех случаях, когда инфляция не зашла еще очень далеко. Когда же бумажная эмиссия достигает многих миллиардов рублей, то восстановление размена невозможно, ибо при всем желании государство не может обменять сотни миллиардов бумажных рублей на золото; такой массы золота вообще в природе не существует. В этих случаях прибегают к диаметрально-противоположному методу, а именно:

2. *Нуллификация*, когда государство лишает ранее выпущенные денежные знаки платежной силы, и в силу этого их стоимость оказывается равной нулю. Взамен этих нуллифицированных денежных знаков выпускаются в ограниченном количестве новые разменные на металл

денежные знаки. Так например в 1791 — 1796 гг. были нуллифицированы ассигнаты революционной Франции. В СССР фактически были нуллифицированы денежные знаки царского правительства. Но у нас нуллификация этих денежных знаков не была связана с ликвидацией инфляции, ибо последняя в виде советских знаков продолжалась.

3. *Девальвация*, которая является промежуточным методом между двумя крайностями — реставрацией и нуллификацией. В этом случае бумажные знаки, находящиеся в обращении, лишаются не целиком, но лишь частично той металлической стоимости, которая на них обозначена, и правительство уплачивает, например, за бумажный рубль не 17,424 доли золота, но меньше, в известной пропорции. Правительство закрепляет определенный курс бумажных денег в золоте и по этому курсу производит размен; в некоторых случаях чеканятся по этому курсу новые золотые деньги, т. е. например на прежней золотой десятке обозначается не 10, но 15 руб. Но если, например, курс стабилизируется на уровне зол. рубль = 1 млрд. бумажных руб. и в этой пропорции восстанавливается размен, то фактически такая девальвация, как это имело место в СССР, формально являясь девальвацией, очень близка к нуллификации. Девальвация была проведена в 1811 — 1816 гг. и в 1892 г. в Австрии, в 1839 — 1843 гг. и в 1897 г. — в России.

Девальвация отнюдь не всегда связана с восстановлением размена бумажек на металл. Как раз в СССР в 1924 г. была проведена девальвация «совзнаков», каковые по определенному курсу были обменяны *не на металл*, но на новые бумажные знаки — банкноты и казначейские билеты. Несмотря на это, равновесие денежного и товарного обращения у нас было восстановлено с таким же успехом, как и в тех случаях, когда девальвация «доводилась до конца», т. е. старые бумажки обменивались не на новые бумажки, гласящие на золото, но также и непосредственно на последнее. Со всеми этими методами проведения денежных реформ мы познакомимся во II отделе на практике денежного обращения различных стран.

Мы познакомились с закономерностями бумажно-денежной инфляции и методами ее ликвидации. Возникает вопрос, можно ли рассматривать бумажно-денежную инфляцию в условиях капитализма как случайное явление? Нет. Периоды нормального денежного обращения постоянно и необходимо сменяются периодами расстроенного денежного обращения — инфляционными денежными системами.

Денежная система — *не самоцель, но средство* в руках буржуазии для упрочения своего господства. И буржуазия всегда выбирает тот тип денежной системы, который в данный исторический момент в наибольшей мере удовлетворяет ее жизненным классовым интересам. Этими последними во всех случаях обуславливается переход к инфляционной системе. Время от времени происходящие крахи валют и большее или меньшее расстройство всего денежного механизма являются необходимыми и неустраиваемыми спутниками капитализма. *«Болезни» и даже «эпидемии» денежных систем так же присущи капитализму, как и кризисы, безработица, войны, классовые бои.*

Литература.

- 1) И. А. Трахтенберг, Бумажные деньги, гл. VII и VIII.
- 2) Проф. З. Каценеленбаум, Учение о деньгах и кредите, изд. III, ч. I, гл. X, § 5 и гл. XI.
- 3) Проф. М. И. Тулан-Барановский, Бумажные деньги и металл, Сиб. 1917.
- 4) М. И. Боголепов, Бумажные деньги, II.—М. 1922.
- 5) Проф. С. А. Фалькнер, Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства, М. 1924.
- 6) К. Diehl, Theoretische Nationalökonomie, Bd. III.
- 7) G. Ketteny, Die fremden Wechselkurse und die Umwälzung der internationalen Wirtschaftsbeziehungen, 1921.
- 8) К. Шефер, Классические случаи стабилизации валют, 1923.

Вопросы для повторения.

- 1) Что такое инфляция и какими обстоятельствами она обычно вызывается?
- 2) Дайте характеристику типичного течения инфляционного процесса.
- 3) Какое влияние оказывает инфляция на народное хозяйство?
- 4) Как затрагивает инфляция интересы различных классов?
- 5) Чем объясняется обычное при инфляции расхождение в темпах эмиссии и обесценения денежных знаков?
- 6) Назовите три пути ликвидации бумажно-денежной инфляции и выясните, чем обуславливается выбор того или иного пути.

ГЛАВА VIII.

КРИТИКА ТЕОРИЙ ДЕНЕГ. ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ДЕНЕГ.

§ 1. Основное различие в постановке проблемы сущности денег у Маркса и буржуазных теоретиков. — § 2. Два основных направления денежных теорий. — § 3. Принципы металлистической теории денег. — § 4. Критика металлистической теории денег. — § 5. Недооценка роли денег металлистами. — § 6. Непонимание металлистами особых форм проявления денег как средств обращения. — § 7. Золотой фетишизм металлистов. — § 8. Номиналистическая теория денег. Ее объективное основание. — § 9. Теория денег Кнаппа. — § 10. Критика теории Кнаппа. — § 11. Функциональная теория денег. — § 12. Учение Гельфериха о ценности денег.

§ 1. Общая черта буржуазных теорий денег в том, что, обобщая отдельные факты, они выводят на этой основе общие законы: *сущность и стоимость денег они выводят из конкретных форм проявления денег в отдельных функциях.* Маркс же, наоборот, от общего учения о стоимости, как единства формы и содержания, через анализ противоречий обмена и развитие формы стоимости, *приходит к определению сущности денег, и на основе этой последней дает анализ проявления денег в отдельных функциях.*

Ход анализа буржуазных теорий денег — от функций денег к их сущности; ход анализа Маркса — от сущности денег к их отдельным функциям и формам.

§ 2. Это общее различие между марксовою и буржуазными теориями станет для нас весьма отчетливым, если мы сравним самую постановку и решение проблемы *сущности денег* или *природы их стоимости* у Маркса и буржуазных теоретиков. Среди этих последних существовала и существует по этому вопросу необычайная разногласия. Взгляды одних теоретиков диаметрально противоположны другим. И хотя

каждый автор всегда стремится внести что-либо новое при построении теории денег, однако нужно заметить, что *основные принципы* буржуазных теорий денег были установлены еще в эпоху торгового капитализма, и с тех пор остались неизменными.

Все теории денег могут быть разбиты на два основных направления: *металлистическое* и *номиналистическое*.

§ 3. Авторы, разделяющие принципы первого направления, как бы их взгляды ни отличались друг от друга по отдельным специальным вопросам, считают, что деньги — это товар, такой же, как и все прочие, т. е. просто *металл*. Природные свойства этого товара-металла сделали его деньгами, т. е. товаром, который охотнее всего принимается при обмене. Следовательно деньги — это просто наиболее *ходкий товар*, являющийся в силу этого *средством обмена*. Поскольку *деньги — это тот же товар, постольку между деньгами и товарами нет и не может быть никаких противоречий. Продажа товара есть то же самое, что и обмен одного товара на другой*. Отсюда — *отрицательное отношение к бумажным деньгам*. Товар не может быть продан за бумажные деньги, ибо бумажки не товар, а продажа, как было выше сказано, согласно этой теории, есть всегда обмен товара на товар, например сапог на золото.

Бумажные деньги в тесном смысле, равно как и бумажно-денежные знаки вообще, суть не деньги, но только требования на деньги — золото, своего рода чеки. «Банкноты, — говорит один из крупнейших современных металлистов *Карл Диль*, — потому являются денежными знаками, что обладатель банкнот считает кредитоспособным выпускающий их банк». Следовательно банкнота только потому и обращается, что *налицо — доверие к ней, как к чеку на золото*. Обращение денежных знаков, эмансипированных от металла, *невозможно*. Эти знаки могут обращаться лишь *наряду* с деньгами и лишь постольку, поскольку они свободно размениваются на полноценные металлические деньги. *Поэтому с точки зрения металлистической теории не только в мировом обороте, но и во внутреннем обороте не могут обращаться чисто номинальные знаки обращения*.

Современные немецкие металлисты, например *Лянсбург* или *Карл Диль*, в противоположность номиналистам выдвигают требование обязательного обращения в качестве денег полноценных металлических монет, и лишь на базисе этих последних в известных границах допускается кредитное обращение.

§ 4. Некоторые ученые считают, что между марксовой теорией денег и металлистической теорией нет никакой разницы, что Маркс, мол, был последовательным металлюстом и только. Но такой взгляд, распространенный в наших учебниках (см. например курс *Лосевцова* — «Деньги и денежное обращение», выпущенный заочными курсами НКФ), свидетельствует о непонимании марксовой теории. Металлисты утверждают, что между положением денег в мировом обороте и во внутреннем обращении нет никакой разницы. *К. Диль* так прямо и говорит: «Бендиксен (который возглавляет противоположную школу — номиналистическую) рассматривает золото как платежное средство для определенных международных платежных нужд, во внутреннем же обороте

являются пригодными платежные средства, лишенные самостоятельной ценности. *Принципиально здесь нет никакого различия. И во внутреннем обороте должны обращаться металлические или иные деньги с материализованной ценностью.* (Курсив паш.—З. А.)

Итак, мы видим, что в то время как Маркс (см. гл. VI) устанавливает *принципиальное отличие* между положением денег во внутреннем обращении и в мировом обороте, металлисты, как мы убедились из приведенных слов К. Дилля, как раз подчеркивают, что «принципиально здесь нет никакого различия». А так как на мировом рынке мы в самом деле имеем *прямой обмен* золота как товара на прочие товары, и деньги здесь должны выступать всегда как *золотой товар*, то, следовательно, и внутреннее обращение с их точки зрения также представляет собой всегда $T—T$, т. е. обмен товара на товар. Таким образом продажа за наличные деньги есть то же, что и *простая мена*.

В этом отождествлении мирового обмена с внутренним обращением и следовательно смещении простого обмена ($T—T$) с денежным обращением ($T—D—T$) основная ошибка всех металлистов, ибо, как мы знаем, во внутреннем обращении — в противоположность мировому обмену — могут обращаться чисто номинальные, лишенные всякой субстанциональной ценности, знаки обращения.

Как уже указывалось в главе III п более подробно будет рассмотрено в главе XI, *это вполне соответствует новейшим опытам денежного обращения*, которые оказались столь же загадочными для металлистов, сколь закономерными и без труда объяснимыми с точки зрения марксовой теории денег.

Факт обращения чисто номинальных и в то же время вполне устойчивых денежных знаков в течение ряда лет полностью опровергает металлистическую теорию. Конечный вывод этой теории оказался ложным и опрокинутым действительностью потому, что этот вывод был логическим следствием из ложной теории денег. Металлисты слишком упрощенно или, как говорят, вульгарно (грубо) понимают деньги.

Верно, конечно, что деньги товар. Но ограничиться этим — это значит ничего не сказать о деньгах. Ибо самым главным моментом теории денег является анализ *особенной* природы этого товара, и понимание того, чем *деньги отличаются от товара, в чем противоположность между деньгами и товарами*. Если же металлисты добавляют к своему определению денег, что это наиболее ходкий и наиболее ценный товар, который в силу этого является «средством соизмерения ценностей» (Книс), то этими дополнительными моментами еще ни в коей мере не исчерпывается анализ сущности денег. Ходких и ценных товаров много, но они не являются деньгами. Дело вовсе не в этом: как мы знаем, деньги *представляют собой наивысшую ступень развития эквивалентной формы стоимости* (см. гл. I). Мы знаем, что заключенное в самом товаре противоречие между потребительской стоимостью и стоимостью находит свое выражение в противоречии между относительной и эквивалентной формами стоимости. Когда же эта последняя монополизируется одним определенным товаром, то это внутреннее противоречие товара внешне выражается в противоречии между *деньгами и товарами*. Созданные конкретным трудом потреби-

тельские стоимости в качестве товаров находят свое выражение в деньгах, непосредственно представляющих абстрактно-общественный труд. *Товар противопоставляется деньгам — конкретный и частный труд противопоставляется абстрактному и общественному труду.* Металлисты же не понимают этой противоположности и поэтому они не могут понять природы денег: для них деньги — это «просто» тот же товар, который доставляет некоторые «удобства» и только.

§ 5. Как говорил *Джон Стюарт Милль*, «в общественной экономике деньги по своему внутреннему значению самый ничтожнейший предмет во всех отношениях (!), кроме того, что служат они способом, уменьшающим трату времени и труда. Деньги — машина для быстрого и удобного исполнения того, что делалось бы и без них, хотя не так быстро и удобно». *А. Смит* сравнивает деньги с шоссе, по которому только удобнее ехать, но и без которого, конечно, также можно доехать до места. *Джон Ст. Милль* и *А. Смит* были в теории денег металлистами, хотя и не вполне последовательными, так как иногда они склонны были рассматривать деньги не как товар, но как знаки обращения (аналогично номиналистам).

Но рассуждения относительно денег стопроцентных металлистов, каковым, например, является *Карл Книс*, ничем не отличаются от взглядов *Смита* или *Дж. Ст. Милля*. И по *Кнису* деньги только облегчают экономические процессы, но и без них можно обойтись.

Эта явная недооценка социальной роли денег, это сведение денег просто к более удобному для обмена товару вытекает из поверхностных и неправильных взглядов на природу товарного хозяйства, а именно на основной закон этого последнего — закон стоимости.

Металлисты не понимали противоположности между абстрактным — общественным и конкретным — частным трудом; они не понимали, что в условиях анархического товарного строя один определенный товар обязательно должен стать представителем абстрактно-общественного труда. Только в связи с этими ошибками они могли утверждать, что деньги — это просто удобный товар для обмена, и что и без него, мол, можно было бы обойтись. Из неправильного понимания стоимости и денег вытекает непонимание *необходимости* денег для товарного хозяйства.

Правда, некоторые новейшие металлисты, как например *Карл Диль* или *Лексис*, близко подошли к пониманию *необходимости денег*, которую они выводят из функции денег как мерил стоимости. Однако, как мы убедились, даже и *Карл Диль* далек от понимания истинной природы денег, ибо и он не понимает особенностей *эквивалентной формы стоимости*, которая целиком переходит по мере развития формы стоимости на деньги. А основная особенность всеобщего эквивалента заключается в том, что в качестве такового деньги лишены *потребительской стоимости* и являются чистым воплощением стоимости. При продаже товар обменивается не на товар, но «на всеобщее воплощение своей стоимости». При продаже товара частный труд получает на рынке свое признание, как труд общественный; это осуществляет обязательно при посредстве денег и, следовательно, деньги являются необходимым элементом, благодаря которому поддерживается связь индивидуальных товаропроизводителей.

§ 6. Но являясь необходимым инструментом этой связи, деньги в процессе выполнения этой роли вовсе необязательно должны выступать в своей «материальной телесности», т. е. как конкретный товар. Напротив того, поскольку деньги уже являются всеобщим эквивалентом и следовательно мерилом стоимости, поскольку товары уже соизмерены друг с другом при посредстве золота и зафиксированы в ценах, *самый обмен товаров может совершаться без участия действительных денег*: при продаже товара «всеобщее воплощение стоимости» последнего может быть конкретно выражено в бумажных знаках. При продаже вовсе не «меняются» просто сапоги на золото, но стоимость сапогов, уже выраженная в стоимости золота, *обменивается на знак своей собственной стоимости*, выраженной в золоте, и нет никакой необходимости в том, чтобы этот знак был обязательно металлическим, а тем более «полноценным». *Как средство обращения деньги всегда — знаки стоимости*. Но мировых средств обращения не существует, и поэтому на мировом рынке деньги не знак стоимости, но всегда являются конкретным товаром, золотом.

Не имея правильного представления о социальной природе стоимости и денег, все без исключения металлисты не могут понять особых форм проявления денег как средств обращения и платежных средств. Они не понимают, почему и как здесь «функциональное существование денег поглощает, так сказать, их материальное существование» (Маркс). Отсюда отрицание закономерного функционирования внешне эмансипированных от металла знаков обращения, отрицание, противоречащее фактам.

«Товар, являющийся мерилом стоимости, а потому непосредственно своим телом или *через посредство своих заместителей также и средством обращения — есть деньги*», говорит Маркс. Согласно же металлистической теории деньги «просто» товар и все свои денежные функции деньги выполняют «нормально» только в своей конкретно-товарной форме.

§ 7. Маркс в деньгах видит прежде всего определенную форму общественных отношений и, следовательно, вскрывает *фетишизм денег*. Металлисты же, наоборот, в деньгах видят прежде всего металл, а не общественное, исторически ограниченное, отношение, следовательно, они как раз и находятся во власти *денежного фетишизма*.

С их точки зрения деньги — это золото. С точки зрения Маркса деньги не золото, но всеобщий эквивалент и следовательно всеобщая форма выражения производственных отношений товаропроизводителей: эти отношения отнюдь не обязательно должны во всех случаях овеществляться в золоте. *И бумажно-денежные знаки являются также определенной и вполне закономерной формой проявления этих общественных отношений*.

Правда, действительными деньгами — мерилом стоимости — всегда является какой-либо один товар, в частности золото. Но средствами обращения могут быть и знаки денег, потому что *средства обращения вообще только знаки стоимости товаров, выраженных в золоте, следовательно, знаки цены*. Именно потому, что средства обращения вообще только знаки товарных цен, могут функционировать в обра-

ценим чисто номинальные денежные знаки. Но этого не могут понять металлисты, которые преклоняются перед золотым фетишем и отрицают закономерность функционирования чисто номинальных знаков обращения.

Итак мы видим, что, во-первых, металлистическая теория весьма существенно отличается от марксовой теории денег и, во-вторых, как построенная на ложном теоретическом фундаменте и противоречащая фактам, металлистическая теория должна быть признана несостоятельной.

§ 8. Металлистическая теория денег является односторонней теорией: она обобщает факты, наблюдаемые в условиях металлического обращения при свободной чеканке. Но эти условия не всегда существуют, и во всех других случаях эта теория пасует перед фактами. Наоборот, противоположная металлистической *номиналистическая теория денег* также односторонне обобщает обратного порядка факты, а именно наблюдаемые в условиях закрытой чеканки или бумажно-денежного обращения. Эта теория видит в деньгах *только средства обращения и платежа*. А так как средства обращения суть в действительности *только знаки* товарных цен, то номиналисты утверждают, что деньги *вообще* не товар, что они не имеют субстанциональной стоимости, но что, наоборот, их стоимость, в противоположность товарам, не реальна, но *номинальна*.

Однако несмотря на «номинальность» своей стоимости, деньги все же обладают вполне реальной *покупательной силой* по отношению к товарам. Следовательно признание стоимости денег «номинальной» не снимает вопроса о стоимости денег. Требуется еще ответить на вопрос, *что придает деньгам покупательную силу или чем определяется их номинальная стоимость*.

На этот вопрос номиналисты отвечают по-разному. Одно направление номиналистической теории денег, а именно *государственная или хартальная теория денег*, полагает, что деньги вообще — это творение правопорядка, и что *платежную* и в силу этого *покупательскую силу* деньгам придает *государственная власть*. Эта теория, как мы покажем в главе XII, очень древнего происхождения. Свое завершение она нашла в труде немецкого экономиста *Кнаппа*, который с точки зрения этой теории пытается дать исчерпывающее научное объяснение всем явлениям денежного обращения. Поэтому для ознакомления с этим направлением нам вполне достаточно рассмотреть теорию *Кнаппа*, изложенную в его книге «Государственная теория денег», которая сыграла крупнейшую роль в новейшей истории денежных теорий и валютной политики европейских государств.

§ 9. Прежде всего необходимо отметить, что *Кнапп* рассматривает деньги не с экономической, но с *формально-юридической точки зрения*. «Деньги, — говорит он, — есть творение правопорядка», а «государственная теория денег есть догматическое выражение ряда историко-правовых фактов, которые в течение XIX в. обнаружались в области денежного обращения важнейших культурных государств».

Таким образом *Кнапп* заявляет, что он ставит перед собой задачу построения чисто юридической теории денег. Может казаться, что теория *Кнаппа* не имеет никакого отношения к экономической науке,

задача которой, конечно, отнюдь не сводится к «догматическому выражению историко-правовых фактов».

Однако это не так: *Кнапп* считает, что никакой иной научной теории денег, кроме «историко-правовой», не может быть. Следовательно он развивает не какую-либо особую юридическую теорию денег в отличие от экономической, но дает *общую теорию денег* с историко-правовой точки зрения. Следует доказать, что эта точка зрения неверна, что она не дает ключа для объяснения явлений денежного обращения. Но предварительно нам необходимо, хотя бы в нескольких словах, охарактеризовать основные моменты его теории денег.

Основной функцией денег *Кнапп* считает функцию платежного средства. Понятие платежного средства *Кнапп* рассматривает как высшее, родовое понятие по отношению к деньгам: существуют платежные средства, которые еще не стали деньгами, а с другой стороны имеются платежные средства, которые уже перестали быть деньгами. Платежное средство — это не просто «меновое благо» (т. е. товар). Это последнее становится платежным средством только в том случае, если в результате длительного употребления его в обмене *данным правом порядком* признается, что все товары обмениваются на определенные количества данного блага. Таким благом может быть, например, металл, количества которого при платежах измеряются путем взвешивания (эту систему он называет «автометаллизмом»).

Но что же такое платежное средство? Хотя это понятие по *Кнаппу* лежит в основе определения денег, но точное определение платежного средства он отказывается дать. Он лишь указывает, что это движимый предмет, который правом порядком признается как носитель единицы ценности. А «единицы ценности» — это единицы, в которых выражаются суммы платежей. Таким образом платежным средством называется тот предмет, который правом порядком принимается в качестве платежной единицы = единице ценности.

Ясно, конечно, что здесь никакого определения платежного средства не дано, но только отмечено, что платежное средство должно быть признано правом порядком. Но эта полнейшая бессодержательность определения основного, с точки зрения этой теории, понятия платежного средства не смущает *Кнаппа*.

Он разграничивает различные виды платежных средств и устанавливает, что *деньгами следует считать хартальные платежные средства*, понимая под хартальностью (от слова *charta* — марка) то, что данный предмет приобретает платежную силу благодаря имеющемуся на нем государственному знаку (или как он выражается, благодаря «прокламаторному» акту государственной власти). Таким образом *по Кнаппу платежные средства превращаются в деньги благодаря авторитету государственной власти, и, следовательно, творцом денег является государство*.

Деньги обладают только одним прочным свойством — *циркуляторным*, т. е. их можно употребить в качестве платежного средства. То «реальное» удовлетворение, которое может дать меновое благо, служащее платежным средством, не является специфичным для денег. К платежному средству следует подходить не со стороны его мате-

риального содержания, но с юридической (правовой) стороны: платежные средства юридического происхождения, и вполне достаточно того, что оно юридически действительно. Таким образом по *Кнаппу* платежное средство должно обладать только юридической, законной силой, а отнюдь не материальным содержанием. Отсюда ясно, что и неполноценные металлические деньги и бумажные деньги являются такими же *настоящими деньгами*, как и полноценные металлические деньги. Даже более того: в бумажных деньгах в чистом виде проявляется истинная природа денег, как исключительно номинальных и созданных правопорядком хартальных платежных средств.

Роль государства в отношении творчества платежных средств отчетливо сказывается при переходе от одной формы платежного средства к другой. В этом случае государство, *во-первых*, дает описание нового платежного средства, чтобы оно было легко распознаваемо, *во-вторых*, устанавливает название платежной единицы («единицы ценности») и его наименование и, *в-третьих*, определяет платежную силу «единицы ценности» таким образом, что устанавливает отношение новой платежной единицы к старой.

Устанавливая определенный вид денег, как хартального платежного средства, государство, *во-первых*, само производит платежи и обязуется принимать эти денежные знаки в платежи по их номиналу от отдельных лиц и учреждений, и *во-вторых*, объявляет их законными средствами платежа при погашении долгов между частными лицами. Таким образом *«значимость или сила (Geltung) каждого денежного знака, — говорит Кнапп, — определяется правовым порядком; она устанавливается законами, указами и распоряжениями соответствующих властей; эта сила отнюдь не основана на том материале, из которого сделан денежный знак, что непосредственно видно, когда мы имеем дело с бумажными знаками и монетами из меди и никеля».*

Такова сущность денег по *Кнаппу*. Если металлисты просто отождествляли деньги с товаром, то *Кнапп*, так сказать, с корнем выкорчевывает это представление о деньгах, рассматривая последние как чисто номинальные, лишенные внутренней стоимости платежные знаки, самое создание и платежная сила которых исключительно определяются государством. В этом отрыве денег от товаров, в признании номинальности денег, ученики *Кнаппа* видят главную заслугу своего учителя, хотя это «открытие» было сделано задолго до *Кнаппа*, еще в средние века.

В остальном учение *Кнаппа* сводится к построению весьма сложной классификации и введению ряда новых терминов для определения различных видов денег, платежей и вообще явлений денежного обращения и валютной политики, в частности интервалютарной политики. Подробно с этой стороной учения *Кнаппа* читатель может познакомиться из книги *Д. А. Лоевского* «Государственная теория денег».

Отметим только, что всем своим учением *Кнапп* имеет целью дать систематическую записку и историческое подтверждение возможности существования бумажных неразменных денег в качестве валютных и, с другой стороны, путем искусственных классификационных рубрик подтвердить на историческом материале, что все характерные

для полноценных металлических денег функции выполнялись неразменными бумажными деньгами.

Таково, например, деление денег на «наличные» или «ортотипические» и «нотальные» или «паратипические». Первыми являются полноценные металлические деньги, для которых существует свободная чеканка, вторыми — металлические деньги при закрытой чеканке, билонная монета и бумажные деньги.

Классификация денег на «наличные» и «нотальные» имеет непосредственную связь с разграничением «валютных», т. е. основных денег страны, которое государство навязывает в платежи и которые получатель может требовать при платежах, и «аксессуарных» денег, которые не имеют этой силы; так как «валютными» могут быть и «нотальные деньги», то этим самым *Кнапп* стремится доказать, что последние, в частности *бумажные деньги*, являются действительными деньгами, а именно не только «провизорными», т. е. предварительными, но и «дефинитивными», т. е. окончательными деньгами, не размениваемыми ни на какие другие деньги.

Такое же значение имеет деление денег на «облигаторные» (т. е. обязательные) и «фактативные» (необязательные). «Облигаторными» могут быть, конечно, и «нотальные» — бумажные деньги.

Устанавливая эту классификацию, *Кнапп* противопоставляет «нотальную систему» денежного обращения Австро-Венгрии после 1879 г. существующим в других странах системам золотого монометаллизма. В Австро-Венгрии именно нотальные, бумажные деньги были валютарными, дефинитивными и облигаторными, а металлические, золотые монеты даже после 1892 г. были на положении аксессуарных денег.

Таким образом как общее учение *Кнаппа* о сущности денег, так и вся его классификация направлены к оправданию бумажных денег и доказательству их равнозначности металлическим деньгам. А так как обращение бумажных денег избавляет страну от непроизводительных затрат на чеканку металлических монет, то, повидимому, необходимо совершенно изгнать металл из обращения и перейти к чистому бумажно-денежному обращению. Такой вывод прямо вытекает из всего учения *Кнаппа*.

Однако, как это ни странно, такого вывода сам *Кнапп* не сделал. «Приведенные здесь рассуждения, — говорит *Кнапп*, — могут возбудить опасение, что наша теория без дальнейших оговорок рекомендует выпускать денежные знаки из бумаги, в чем заключается опасность для всего народного хозяйства, как это явственно обнаружилось в период существования бумажных денег в России, в Австрии, одно время во Франции и даже в Англии во время революционных войн. На это следует заметить, что государственная теория денег не рекомендует ни тех, ни других денежных знаков...»

Итак, пытаясь доказать в теории, что настоящими деньгами, исключаящими всякую надобность в металлических деньгах, являются бумажные деньги, *Кнапп* вовсе не рекомендует вводить таковые. Его теория оказывается таким образом в противоречии с практикой.

§ 10. Формально-юридический подход к деньгам закрыл для *Кнаппа* путь к пониманию истинной экономической природы денег. Эта по-

следняя выступила в совершенно искаженном свете. *Кнапп* переворачивает действительные отношения, *Платежное средство, хотя бы и хартальное, — не деньги. Зато деньги всегда являются платежным средством.* Функция платежного средства вытекает из функций денег как мерила стоимости и средства обращения. Государство не создает денег: оно придает лишь законную платежную силу заместителям денег в процессе обращения. И государство это может делать в *определенных границах* лишь потому, что такова форма проявления денег в процессе обращения. Государство может создать лишь *денежный знак*, но совершенно бессильно в определении его *действительной* платежной силы, которая выражается в определенной стоимости бумажных денег, их покупательской силе.

Какую экономическую «силу» может иметь платеж в обесцененных знаках? Конечно формально платеж признается законным и в обесцененных рублях или марках, но *экономически* это не есть платеж; такой платеж является фиктивным: его получатель не приобретает никакой стоимости, поскольку эти знаки лишены покупательской силы.

Иллюстрируем это следующим примером: А продал В 1 тыс. пуд. хлеба в кредит на 1 год, за 1 тыс. руб. В течение этого года произошла инфляция, и цены вздорожали в 1 тыс. раз. Но В погашает свой долг в законных платежных средствах. Будет ли эта 1 тыс. руб., равная по своей покупательской силе одному прежнему рублю, обладать платежной силой? Юридически — да, экономически — нет, ибо А не получил равноценности ссуженного им товара. Он ссудил 1 тыс. пуд. хлеба, а получил от своего должника обратно 1 пуд.

По сути дела — это не что иное как узаконенный грабеж, а государственная теория денег дает оправдание этому грабежу. Очевидно уже по одному этому, что чисто формальный подход к деньгам *Кнаппа* совершенно неприемлем для экономической теории и именно потому, что сама экономическая жизнь не мирится с той свободой «творчества» денег, которую «прокламирует» *Кнапп*. *Платежное средство, чтобы быть экономически действительным, должно обладать покупательской силой. А покупательскую силу денежных знаков государство не устанавливает.* Отсюда — беспочвенность государственной теории денег, не выдерживающей критики с точки зрения экономической теории.

Таким образом мы видим, что государственная теория денег базируется лишь на одной функции денег и к тому же трактует эту функцию совершенно ложно. Деньги выполняют не только функцию платежного средства; они являются *мерилом стоимости, сокровищем, мировым платежным и покупательским средством.* Все эти абсолютно необходимые для менового хозяйства функции выполняют, как мы знаем, только те деньги, которые обладают товарной стоимостью и только эти деньги и являются *действительными деньгами*.

Поэтому «хартальные платежные средства» *Кнаппа* отнюдь не деньги, но только *знаки денег*. Таким образом *основная ошибка Кнаппа, как и всех вообще номиналистов, в том, что он смеял знаки денег с действительными деньгами.* А так как знаки денег создает государство (хотя оно и не определяет их покупательскую и действительную платежную силу), то отсюда *Кнапп* впал в иллюзию, что государство — творец денег.

Можно, конечно, согласиться с тем, что в современных условиях необходимо *юридическое оформление* для функционирования денег. Государство может законодательным путем оформить в качестве платежных и покупательских средств тот или иной вид действительных денег, например золото и серебро; государство может оформить средства обращения и платежа в бумажных знаках, *но лишь постольку, поскольку эти знаки заменяют в обращении действительные деньги на определенную сумму их стоимости.*

В этих пределах бумажные знаки будут обладать покупательской силой и экономической, а не только формально-юридической, платежной силой. Следовательно роль государства в этой области ограничена объективными условиями. *Если же с этими условиями государство не считается, — что неоднократно имело место в истории, — то как бы государство ни «навязывало» своих платежных средств и как бы ни старалось придать им силу в обращении, это последнее отчасти, а иногда и целиком лишает платежные средства покупательской, а следовательно, и реальной платежной силы.* Государство ни в коей мере не может быть признано «творцом» денег. Ни мерила стоимости, ни сокровища, ни мировых денег государство вообще не может создавать. А без этих функций нет действительных денег.

§ 11. Хотя номиналистическая теория денег свое законченное выражение нашла в учении *Кнаппа*, однако это последнее не является общепризнанным даже среди номиналистов. Существует несколько оттенков номинализма, но подробно рассматривать их мы здесь не можем, тем более, что сущность всех номиналистических учений одна и та же. Отрицание внутренней, субстанциональной стоимости денег, отказ от стоимостного фундамента при анализе денег и отождествление сущности денег с их формой проявления как средств обращения и платежа — общая ошибка всех номиналистических теорий и в частности одного из наиболее распространенных разветвлений мы бы назвали «*оппозиционного номинализма*» — так называемой *функциональной теории*.

Главными ее представителями являются *Менгер, Зиммель, Гельферих Визер* и др. Согласно этой теории сущность денег сводится к их функции средства обмена (Менгер, Зиммель и Мизес) или двум функциям — средства платежа и средства обращения (Гейне, Гельферих Визер); прочие функции денег и в т. ч. функция мерила стоимости либо игнорируются, либо рассматриваются, как производные и подчиненные указанным основным функциям. Смешивая деньги со средствами обращения и платежа, и следовательно действительные деньги, т. е. товар — всеобщий эквивалент, с представителями или заместителями денег в обращении, функционалисты вполне последовательно отрицают внутреннюю «субстанциональную», трудовую ценность денег. Они считают, что деньги обладают не реальной товарной ценностью, но лишь *функциональной ценностью*. След. деньги до обращения не имеют ценности, и только в обращении, в *монетной форме*, такую приобретают.

§ 12. Функционалист *Карл Гельферих* рассуждает так. Чтобы вещь имела ценность, она должна обладать двумя свойствами: *полезностью* и *редкостью*. Последнее понимается в том смысле, что количество данных вещей ограничено, и поэтому приобретение их связано с известными затратами труда или средств. Деньги как раз и обладают этими двумя свойствами и поэтому обладают ценностью. *Полезность* денег заключается в том, что при их посредстве приобретаются элементы производства, а произведенные продукты переходят в руки потребителей. *Количество*

же денег всегда ограничено и *без труда и усилий* их нельзя получить. Таким образом деньги, как и всякие другие хозяйственные блага, обладают ценностью, но, как это ясно из сказанного, эта их ценность не прямая, но косвенная, вытекающая из их функции как посредников обмена.

Итак *Гельферих*, с одной стороны, в отличие от *Кнаппа* признает, что деньги имеют самостоятельную ценность, как и все прочие хозяйственные блага. С другой стороны, в отличие от металлистов, он считает, что ценность всяких денег и в том числе металлических, не «субстанциональная», но чисто *функциональная*. Таким образом создается впечатление, будто *Гельферих*, не металлист и не номиналист, но занимает промежуточную позицию. Однако это не так: по существу *Гельферих* *номиналист*, и его теория мало чем отличается от основ учения *Кнаппа*.

«*Функциональная*» ценность *Гельфериха* есть по существу не что иное, как «*прокламаторная*» платежная сила денег по *Кнаппу*. Ведь для самого государства не требуется никакой или почти никакой затраты «труда и средств» для приобретения денег, если речь идет о бумажных деньгах. А так как эти деньги выпускает именно государство, то следовательно «функциональную ценность» денег создает государство. Отсюда последнее и является творцом *действительных денег*, а таковыми и по *Гельфериху* должны быть признаны бумажные деньги, обладающие одной лишь «функциональной ценностью».

Гельферих лишь более умеренный номиналист в теории, чем *Кнапп*. Связывая функциональную ценность денег с их количеством (чем менее редким становится это «хозяйственное благо», тем меньшей ценностью оно обладает), *Гельферих* в отличие от *Кнаппа* сразу же устанавливает *ограниченные возможности* творчества денег со стороны государства. Но кардинальная ошибка *Гельфериха*, как и *Кнаппа* и его двух наиболее крупных учеников — *Бендиксена* и *Эльстера* — в том, что все они не понимают истинной сущности денег, выводя эту последнюю из функций средств обращения или платежа, в то время как эти функции должны быть выведены из правильного анализа сущности денег, из противоречий между потребительской стоимостью и стоимостью, между конкретным — частным и абстрактным — общественным трудом.

Но *Гельферих*, связывая функциональную ценность денег с их количеством, перекидывает мост между номиналистической и количественной теорией денег. К изложению и критике этой последней мы сейчас переходим.

Литература.

I. Номиналисты и функционалисты.

- 1) *Д. Довещкий*, Государственная теория денег, изд. НКФ, 1923.
- 2) *Г. Кнапп*, Государственная теория денег, в сборнике «Деньги» изд. «Планового хозяйства», М. 1926, гл. IV.
- 3) *Ф. Бендиксен*, Деньги, изд. «Право».
- 4) *G. Knapp*, Staatliche Theorie des Geldes, Aufl. IV.
- 5) *Bendixen*, Geld und Kapital.
- 6) *K. Elster*, Die Seele des Geldes, Jena 1920.
- 7) *O. Heyn*, Irrtümer auf dem Gebiete des Geldwesens, Berlin 1908.
- 8) *R. Liefmann*, Geld und Gold, B. 1916.
- 9) *O. Heyn*, Erfordernisse des Geldes, Leipzig 1912.

- 10) Сборник «Основные проблемы теории денег», 1922 г.
- 11) *Helferich*, Geld und Banken, Teil I, Das Geld.
- 12) *G. Simmel*, Philosophie des Geldes, L. 1907.

II. Критика номинализма и металлистическая теория.

- 1) *К. Диль*, Золото и валюта, изд. «Право» 1920.
- 2) Сборник «Деньги», изд. «Планового хозяйства», М. 1926, гл. IV — VII.
- 3) Сборник «Новые идеи в экономике» № 6.
- 4) *W. Lotz*, Geld, Jena 1906.
- 5) *Lexis*, Статьи о деньгах в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften».
- 6) *K. Diehl*, Theoretische Nationalökonomie, Bd. III.
- 7) *Knies*, Geld und Kredit, I, 1895.
- 8) *Cannan*, Money, 1923.
- 9) *А. Эйдельмант*, Очерки из истории денежных теорий, М. 1929, «Введение».
- 10) *В. Мартыновская*. К некоторым вопросам функциональной теории денег, «Соц. хоз.», кн. VI за 1929 г.

См. также у *Маркса* в «Критике политической экономии» критику «Теории единицы денежной меры».

Вопросы для повторения.

- 1) Изложите основные принципы металлистической теории и ответьте на вопросу, можно ли рассматривать марксову теорию денег как металлистическую теорию?
- 2) В чем основные ошибки металлистической теории денег?
- 3) Изложите основные принципы теории денег Кнаппа.
- 4) Каков практический смысл классификации типов денег у Кнаппа?
- 5) В чем основные ошибки государственной теории денег?
- 6) Что такое функциональная теория, чем она отличается и что в ней общего с государственной теорией денег?

ГЛАВА IX.

КРИТИКА ТЕОРИЙ ДЕНЕГ. ПРОБЛЕМА СТОИМОСТИ И КОЛИЧЕСТВА ДЕНЕГ.

§ 1. Постановка проблемы. Количественная и товарная теории стоимости денег. — § 2. Теория Юма и ее критика. — § 3. Товарная теория Джемса Стюарта. — § 4. Теория Рикардо. — § 5. Влияние теории Рикардо на направление валютной политики. — § 6. Товарная теория Тука. — § 7. Теория И. Фишера. — § 8. Отличие теории Фишера от теории Юма. — § 9. Критика теории Фишера.

§ 1. Наряду с проблемой сущности денег проблема определения *величины стоимости денег* издавна занимала внимание теоретиков и практиков. С точки зрения количественной теории *величина стоимости денег определяется их количеством*.

Эта теория денег была формулирована еще экономистами XVI в.; в XVII — XVIII вв. она была подробно развита рядом крупнейших ученых и философов того времени, как например *Локком*, *Монтескье*, *Юмом*. Но уже в XVIII в. некоторые экономисты, как например *Кантильон* и позднее *Джемс Стюарт*, критикуют количественную теорию денег и выдвигают противоположный тезис: *ценность денег не зависит от их количества*. Эту антиколичественную теорию мы будем называть *товарной теорией*. Главным ее представителем является английский экономист начала XIX в. *Тук*.

Количественная теория денег имеет множество разнообразных вариантов. Однако мы не можем останавливаться на различных оттенках этой теории у отдельных авторов, в частности на так называемом пси-

голошическом варианте этой теории (согласно которому количество денег влияет на их ценность не *механически*, но путем сложного процесса переоценок наличных денежных запасов). Мы остановимся на трех крупнейших представителях этой теории — *Юме* (XVIII в.), *Рикардо* (XIX в.), *Фишере* (XX в.).

§ 2. Крупнейший философ-экономист XVIII в. *Давид Юм* проблему *сущности денег* решал как номиналист: деньги не товар, но чисто номинальные знаки. Количественная же теория денег *Юма*, как ее формулирует *Маркс*, сводится к следующим положениям: 1. Цены товаров в данной стране определяются массой находящегося в ней денег (реальных и символических). 2. Деньги, обращающиеся в какой-нибудь стране, представляют все находящиеся в ней товары; в том отношении, в котором возрастает количество представителей, т. е. денег, на каждого из них приходится больше или меньше представляемых вещей. 3. Если количество товаров увеличивается, то цена их падает или возрастает ценность денег. Если же увеличивается количество денег, то обратно — цены возрастают, а ценность денег падает.

Нам нет надобности подробно критиковать теорию *Юма*, ибо критиковать ее — это значит выяснять действительную связь между количеством денег и их стоимостью, а эта связь уже охарактеризована нами в III—V главах. Для нас достаточно отметить общие основные дефекты теории *Юма*.

Историческим основанием теории *Юма* был *факт* возрастания цен товаров одновременно с приливом металлических денег со времени открытия новых золотых рудников в XVI и XVII вв. Верно, конечно, что вместе с массой ввезенного в Европу золота и серебра возросли цены, но одновременно ведь, в связи с закрытием европейских рудников и открытием более рентабельных американских рудников, *значительно сократились издержки производства золота и серебра и в конечном счете трудовая стоимость золота и серебра*.

Хотя и этот факт был известен *Юму*, но его внимание было обращено не на анализ изменения условий производства золота, но на анализ соотношения между возросшей массой золота и товарной массой. Он констатирует два факта — возрастание массы золота и рост товарных цен и устанавливает между ними *причинную связь*. Товарные цены возросли, и, следовательно, ценность денег упала потому, что возросла масса золотых денег, следовательно, ценность денег определяется соотношением между данной массой товаров и данной массой денег.

Таким образом, по мнению *Юма*, ценность денег определяется *только в процессе обращения*: «Он (*Юм*), — говорит *Маркс*, — пускает в процесс обращения товары без цены, а золото и серебро без ценности. Поэтому-то он и не говорит нигде ни о ценности товаров, ни о ценности золота, но единственно об их количествах по отношению друг к другу».

Таким образом мы видим, что хотя *Юм* исходил из конкретных фактов, но, ложно трактуя причинную связь явлений, он пришел к нелепому выводу о том, что товары до обращения не имеют цены, а золото и серебро — ценности. Конечно при таких условиях вообще невозможно было бы ни производство золота, ни производство товаров,

ибо производители не имели бы никаких более или менее твердых оснований для своих калькуляций.

Но, считая, что золото и серебро вступают в обращение без стоимости, «Юм тем самым отрицал *товарную природу денег*, т. е. рассматривал золото не как товар, но как знак обращения. Таким образом Юм *вводит золото и серебро в товарный мир, как не товары; но лишь только они появляются в определенной форме монеты, он, наоборот, превращает их в обыкновенные товары, которые обмениваются на другие товары посредством простой меновой торговли*» (Маркс). Таким образом по Юму, с одной стороны, до обращения деньги — не товар, но с другой стороны — в обращении деньги оказываются таким же товаром, как и все прочие товары, ибо продажа за деньги для него есть то же, что и простая мена, и в этом акте простого обмена (золота на товары) устанавливается будто бы цена товара и стоимость денег. В этом *коренное противоречие теории Юма*: деньги не могут рассматриваться в одно и то же время как нечто качественно отличное от товаров и в то же время абсолютно тождественное им.

Юм берет деньги в их развитой форме средства обращения и подменяет денежное обращение прямым обменом, т. е. простой или случайной формой стоимости, при которой, как мы знаем, деньгам нет места.

Таким образом деньги перестают быть деньгами, но превращаются просто в товар, а с другой стороны этот товар лишается субстанциональной стоимости потому, что он есть деньги — средство обращения, т. е. не товар! Итак, Юм денежную форму стоимости сводит к простой или случайной форме стоимости, а на эквивалентном полюсе этой последней ставит не действительный товар, но средства обращения, *которых на самом деле нет в условиях случайной формы стоимости.*

Ложная трактовка природы денег только как средства обращения и игнорирование прочих функций денег привела Юма к построению совершенно фантастической теории стоимости денег, к нелепому представлению о закономерностях товарно-денежного обращения.

Кроме игнорирования важнейших функций денег, в особенности мерила стоимости, Юм упускает из виду *скорость обращения денег и кредитную форму обращения*, благодаря которым одна и та же масса денег может приводить в обращение значительно возросшую товарную массу без того, чтобы это отразилось на уровне цен товаров.

§ 3. Теорию Юма подверг критике еще в XVIII в. *Джеймс Стюарт*. Как отмечает *Маркс*, *Джеймс Стюарт* был первым, который поставил вопрос: цены ли товаров определяются количеством денег или, наоборот, количество денег само определяется ценами товаров. И хотя у него не было еще ясного представления о сущности денег и их основных функциях, по его большая заслуга в том, что он поставил указанный кардинальный вопрос и установил, что *«обращение какой-либо страны может поглотить только определенное количество денег»*.

§ 4. *Дэвид Ричардс* — крупнейший представитель классической политической экономии первой половины XIX в. — усовершенствовал

теорию Юма, освободив ее от некоторых ложных положений. Но от этого количественная теория не стала правильной. Основное отличие теории Рикардо от теории Юма заключается в следующем.

Рикардо признавал, что деньги есть товар (золото и серебро), стоимость которого определяется так же, как и стоимость всех прочих товаров — количеством затраченного на них труда. Очевидно отсюда, что количество денег в обращении должно определяться, с одной стороны, стоимостью денежной единицы, и, с другой стороны, при данной стоимости этой последней, потребностями товарного обращения. Так именно и говорит Рикардо: «Количество обращающихся знаков зависит от суммы, которая требуется для обращения страны, а эта последняя регулируется стоимостью денежной единицы (т. е. золота или серебра. — З. А.), суммой платежей и экономией их реализации». Это решение проблемы, совершенно противоположное теории Юма, в общем правильное; но, как замечает Маркс, «Рикардо внезапно сворачивает с прямого пути своего изложения и переходит к противоположному взгляду», а именно к теории Юма.

Как нам кажется, этот резкий переход объясняется тем, что Рикардо сосредоточил свое внимание на решении *практических* вопросов денежного обращения и валютной политики и подошел к проблеме определения величины стоимости денег не как ученый теоретик (а он был блестящим теоретиком), но как практик. Но «практические» взгляды почти всегда страдают большей или меньшей узостью и одно-сторонностью. И этой односторонности не избежал и Рикардо.

Он знал о фактах значительного и внезапного возрастания массы благородных металлов и их неравномерного распределения по странам; с другой стороны, он был свидетелем возрастания цен товаров вследствие инфляции перазменных банкнот. Рикардо находился всецело под влиянием этих фактов, которые при поверхностном взгляде на вещи, казалось бы, убеждали в том, что общий уровень цен товаров возрастает, если масса денег, безразлично каких, увеличивается; но если уровень цен является выражением стоимости денег, то из рассмотренных случаев вытекает, что стоимость денег определяется их количеством. Но ведь сам Рикардо категорически заявлял, что стоимость денег — золота и серебра — определяется количеством овеществленного в них рабочего времени. Как же примирятся в теории эти два совершенно противоположных взгляда?

Золото и серебро, по Рикардо, обладают внутренней трудовой стоимостью. Если же по каким-либо причинам их количество внезапно возрастет *сверх* потребностей товарного обращения, то в этом случае прежней массе товаров будет противостоять возросшая масса денег, т. е. повысится спрос на товары при прежнем предложении, а это всегда приводит к возрастанию цен. Тем самым произойдет понижение стоимости денег в обращении ниже их действительной трудовой стоимости. Обратное положение будет в том случае, если в обращении данной страны поступит меньшее количество золота-денег, чем требуется: цены товаров упадут, и, следовательно, стоимость денег в обращении возрастет, хотя их действительная трудовая стоимость осталась без изменения. В обоих случаях золото, находящееся в обра-

ценны, представляет знак большей или меньшей стоимости, чем та, которую оно заключает в себе. Оно может стать переоцененным или недооцененным знаком самого себя. Сказанное относится, согласно теории *Рикардо*, не только к золоту, но и к банкнотам, разменным на золото. Как формулирует *Маркс*, по теории *Рикардо*, «общая сумма находящихся в обращении денег, золота и банковых билетов может быть оценена выше или ниже своей стоимости, соответственно тому, поднимается ли их общее количество вследствие указанных уже причин выше или падает ниже уровня, определенного меновой стоимостью обращающихся товаров или металлической стоимостью золота».

Но если все это правильно, то, следовательно, стоимость денег уже не определяется всеобщим законом трудовой стоимости; стоимость денег, и мы подчеркиваем, не только бумажных, но и металлических при свободной чеканке, определяется уже теперь соотношением количества товаров и количества денег, но отнюдь не законом трудовой стоимости. Следовательно *Рикардо* в конечном счете приходит целиком к теории *Юма*. В полемике с *Бозанкетом*, противником количественной теории, *Рикардо*, в полном противоречии с его же собственными, приведенными выше, взглядами повторяет в точности *Юма*: «Что товары поднимутся или упадут в цене пропорционально увеличению или уменьшению денег, я признаю, как неопровержимый факт», а в другом месте *Рикардо* так прямо и говорит, что стоимость денег определяется их количеством. Поскольку *Рикардо* в итоге всех своих рассуждений приходит к *Юму*, нам нет надобности критиковать его теорию денег: все, что было сказано относительно взглядов *Юма*, в полной мере относится и к *Рикардо*. Нам нужно здесь только отметить, почему *Рикардо* свернул с правильного пути и принял пеленую юмовскую гипотезу. Этот переход вытекал с логической необходимостью из ряда принятых *Рикардо* положений, которые мы можем формулировать так: 1) все производимое в данной стране золото или все притекающее в данную страну золото обязательно поступает в обращение; вследствие этого 2) в обращение страны может войти избыточное количество золота, а при недостаточном приливе золота в обращении будет меньшее количество золота, чем это необходимо; 3) эмиссия банкнот, разменных на металл, но не покрытых золотом, увеличивает общую массу средств обращения и, следовательно, приводит к переполнению каналов обращения и обесценению золота и банкнот одновременно.

Из всех этих положений, конечно, с логической необходимостью следует вывод в духе количественной теории. Но все дело в том, что указанные три положения неправильны, и поэтому неправилен вывод из них, что стоимость денег определяется их количеством.

Прежде всего совершенно неверно первое положение: выставляя его, *Рикардо* абстрагируется, как говорит *Маркс*, «от всех других формальных предназначений, которые имеют деньги, кроме формы орудия обращения». Золото вовсе необязательно должно служить средством обращения; не все золото, притекающее в страну, обязательно должно войти в обращение. За вычетом всей той массы золота, которая идет на украшения и для технических целей, золото оседает в качестве

сокровища, если обращение в нем не нуждается. Таким образом в обращение никогда не поступит чрезмерного количества золота. Если же упала трудовая стоимость золота, то эта новая масса золота действительно вступит в обращение, но именно потому, что в этом случае возрастет потребность обращения в золотых монетах.

Нормально же, если не происходит каких-либо крупных переворотов в условиях производства золота и, следовательно, стоимость золота остается более или менее устойчивой, ежегодно производимая масса золота (поскольку расширяется производство и обращение) рассасывается по каналам обращения ряда стран и увеличивает их обращение и золотые запасы без того, чтобы оказать какое-либо влияние на покупательную силу золота.

Но если неверно первое положение, то само собой отпадает второе положение: поскольку существует резерв для обращения в виде сокровищ (накопление которых, как выяснил *Маркс*, само по себе безгранично), постольку в том случае, если масса производимого золота возросла больше, чем увеличились потребности обращения, это избыточное количество золота останется *вне обращения*.

Наконец неверно также и третье положение: *Рикардо* здесь смешивает законы обращения кредитных денег-банкнот с законами обращения бумажных денег. Как нами было установлено в V главе, если действует размен банкнот на золото, в обращении не остается избыточное количество банкнот. На основе существующего золотого фонда, который необходим как резерв для размена банкнот, в особенности при международных расчетах, банкнотное обращение (если законодательство не связывает таковое искусственными мерами), обладает широчайшей эластичностью: объем банкнотного обращения может значительно превышать наличные золотые запасы без того, чтобы это как-либо отразилось на уровне цен.

§ 5. Поскольку же отпадают все указанные предпосылки, постольку оказывается неверным и конечный вывод: стоимость денег не определяется их количеством. Между тем ложная количественная теория денег *Рикардо* сыграла крупнейшую роль в практике английского денежного обращения.

В начале XIX в. в Англии шли горячие споры между сторонниками с одной стороны «денежной школы», которую возглавлял *Рикардо*, и с другой стороны «банковской школы», возглавлявшейся *Туклом*. «Денежная школа», базируясь на теории *Рикардо*, требовала 100⁰/₁₀₀-ного покрытия банкнот золотом (что и было проведено в жизнь актом Роберта Пила 1844 г.; см. гл. XXX), считая, что выпуск непокрытых золотом банкнот обязательно должен привести к росту цен и падению стоимости денег. «Ложное представление *Рикардо*, — говорит *Маркс*, — что деньги только монета (т. е. что все деньги обязательно должны находиться в обращении — *З. А.*), и что поэтому все ввозимое золото увеличивает количество обращающихся денег, а все вывозимое золото уменьшает количество монеты и поэтому понижает цены, — это теоретическое предположение становится здесь практическим опытом, заключающимся в том, чтобы пускать в обращение столько монеты, сколько в каждом случае существует золота». И *Маркс* далее отме-

чает, что эта доктрина потерпела «полнейшее теоретическое и практическое фиаско».

Однако более подробно причины фиаско этой теории мы здесь не можем рассматривать, так как для этого необходимо ознакомиться с законами кредита и функциями банковской эмиссии средств обращения, что будет сделано в 1-м отделе 2-й части.

§ 6. Если *Джемс Стюарт* выступил с критикой теории *Юма* (в основном аналогичной теории *Монтескье*), то *Томас Тук* опроверг количественную теорию *Рикардо*. Он был продолжателем той антиколичественной, «товарной школы», основания которой были заложены еще *Джемсом Стюартом*. Следует отметить, что *Тук* сам вначале был сторонником количественной теории денег, но тщательное и добросовестное изучение истории цен товаров с 1793 по 1856 г. (чему посвящен капитальный труд *Тука*), убедило его в том, что «непосредственная связь между ценами и количеством орудий обращения, как ее понимает теория (количественная — *З. А.*), — простая фантазия, что расширение и сокращение орудий обращения, при неизменной стоимости благородных металлов, постоянно является следствием, а не причиной колебания цен».

Итак, если выше теоретически была нами доказана ложность количественной теории денег, то в работе *Тука* — «История цен» мы находим фактическое опровержение этой теории. И хотя товарная теория, как она представлена *Туком* и как ее защищали сторонники «банковой школы», также допустила ряд кардинальных ошибок (например они смешивали деньги в отличие от орудий обращения с капиталом), однако большая заслуга этой школы в том, что она подвергла критике и в особенности фактической проверке количественную теорию денег.

§ 7. Мы оставляем в стороне многочисленных представителей количественной теории денег прошлого и нынешнего веков и переходим к современному серьезному ее защитнику — американскому экономисту — *Ирвингу Фишеру*. Его труд «Покупательская сила денег» представляет собою попытку теоретически и статистически доказать правильность количественной теории денег. Несмотря на то, что теория *Фишера* означает, несомненно, дальнейшее усовершенствование количественной теории по сравнению с учением *Рикардо*, однако и *Фишер* не может спасти эту теорию от ударов научной критики.

Фишер пользуется математическим методом исследования и механистическим понятием равновесия. Он строит свое «уравнение обмена» в виде весов, на одной чаше которых находится денежная, а на другой — товарная масса (см. стр. 104).

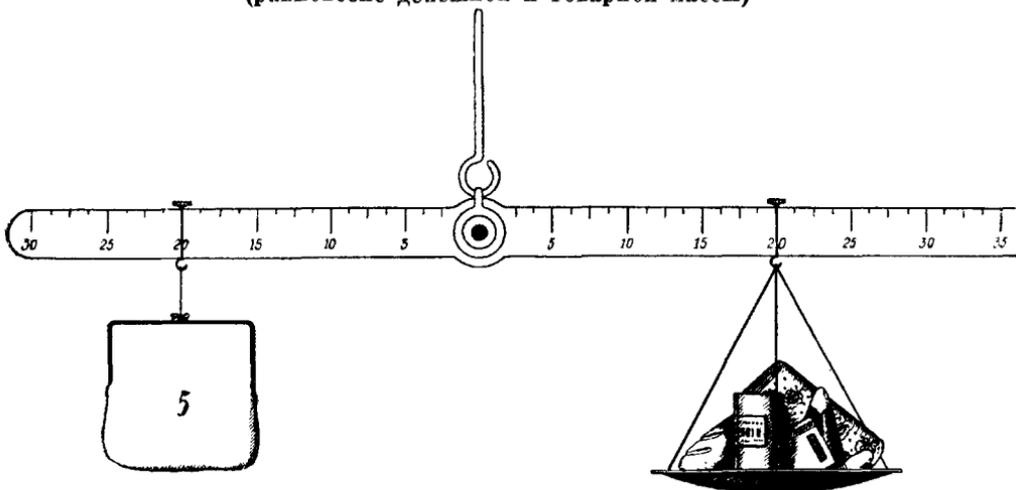
Фишер оставляет совершенно вне поля своего исследования качественный анализ денег и их функций и прямо переходит к выяснению количественных отношений между деньгами и товарами. Уже одно это заранее обрекает теорию *Фишера* на научное бесплодие, ибо без ясного и научно правильного представления о сущности, функциях и формах денег невозможно решение количественных проблем денежного обращения. *Фишер* «просто» устанавливает, что деньги суть только «средства обмена» (следовательно без всяких оснований и доказа-

тельств отвергает товарную природу денег), и игнорирует все прочие функции денег, например *мерила стоимости и сокровища*. Не имея под собой твердой теоретической почвы, Фишер пытается отыскать причины колебаний уровня товарных цен или покупательской силы денег. Для этого он строит, пользуясь указанными выше методами, «уравнение» обмена в виде следующей формулы (здесь и в дальнейшем буквы соответствуют русским обозначениям слов).

$$\begin{aligned}
 DC &= ut \\
 &+ u, m, \\
 &+ u_{II}, m_{II} \\
 &+ u_{III}, m_{III} \text{ и т. д.}
 \end{aligned}$$

где D — масса денег, C — скорости их обращения ut , u, m , u_{II}, m_{II} и т. д. означают цены отдельных групп товаров, умноженные на ко-

«Весы» Ирвинга Фишера
(равновесие денежной и товарной массы)

На одной стороне — денежная, на другой — товарная масса. Увеличение массы денег понижает их ценность и повышает цены товаров. Уменьшение массы денег повышает их ценность и понижает цены товаров. В основу теории положен механистический принцип равновесия.

личество последних. Пользуясь математическим знаком Σ , как символом суммирования, Фишер следующим образом выражает приведенное выше уравнение:

$$DC = \Sigma ut,$$

где D — средней сумме денег в обращении за данный период времени, C — скорости обращения денег, u — средней цене, а m — количеству данных благ, а знак Σ в данном случае означает сумму проданных количеств различного рода товаров по данным средним их ценам.

Так как покупки и продажи совершаются не только за наличные деньги, но и посредством обращения чеков, то Фишер включает в свою

формулу также и сумму имеющихся депозитов, которыми пользуются для чекового обращения. С другой стороны, для упрощения правой части своей формулы Фишер заменяет $\Sigma \text{ит}$ общей массой товаров, взятой как нечто целое и обозначаемой буквой T , на которую помножается средний уровень всех цен, обозначаемый как Π . Тогда формула принимает следующий вид:

$$D C + D_1 C_1 = \Sigma \text{ит} = \Pi \cdot T,$$

где D_1 означает сумму депозитов, обращающихся при посредстве чеков, а C_1 скорость их обращения. Конечно, если все члены этой формулы даны, то очевидно, что математически легко определить уровень цен или «стоимость» денег:

$$\Pi = \frac{D C + D_1 C_1}{T}.$$

§ 8. К чему же мы пришли? Очевидно к теории Юма, но только несколько исправленной и дополненной. Если Юм просто противопоставлял наличную денежную массу наличной товарной массе, то Фишер, сохраняя в принципе это противопоставление, лишь уточняет его. Это уточнение заключается в том, что к массе наличных денег прибавляется масса депозитов, обращающихся при посредстве чеков; вся эта масса умножается на скорость обращения денег. Конечно эти поправки весьма существенны, и, внося их, Фишер старается приблизить количественную теорию к действительности.

Но основной в корне ложный принцип количественной теории денег сохраняется полностью: покупательская сила или стоимость денег выводится как частное от деления всей массы денежных знаков (помноженной на скорость их обращения) на всю массу реализованных за данный период времени товаров. Таким образом Фишер повторяет основную ошибку Юма; он пускает в обращение товары без цены, а деньги без стоимости, и рассматривает процесс денежного обращения как простой обмен, следовательно денежную форму стоимости, как простую или случайную форму стоимости. В общем, критиковать основы теории Фишера — это значит повторять все то, что было сказано относительно теории Юма. Однако Юм, как и Рикардо, лишь догматически, т. е. бездоказательно, утверждал, что стоимость денег определяется их количеством. Фишер же в отличие от своих предшественников пытается это научно доказать. Но может ли служить таким доказательством построенная Фишером формула «уравнения обмена»?

§ 9. Нетрудно понять, что эта формула и выведенное из нее определение Π никак не могут служить доказательством правильности количественной теории денег. Если $\Pi = \frac{D C + D_1 C_1}{T}$, то очевидно, что

если мы каким-либо образом сумели статистически определить, что некоторому увеличению Π в точности соответствует увеличение в правой части уравнения только одного члена D , то отсюда никак нельзя заключить, что уровень цен (стоимость денег) повысился потому, что

увеличилась масса денег, ибо с таким же успехом мы можем утверждать обратное, а именно, что увеличение уровня товарных цен явилось причиной увеличения массы денег.

Но если даже допустить, что уровень цен не может измениться без того, чтобы предварительно не произошло каких-либо изменений в правой части уравнения, то и в этом случае формула не может служить доказательством правильности количественной теории. Дело в том, что ведь изменение $Ц$, обусловленное правой частью уравнения, зависит от изменения не одной, но 5 переменных величин: 1) массы денег, 2) скорости их обращения, 3) массы чековых депозитов, 4) скорости их обращения и 5) массы товаров.

Конечно и сам *И. Фишер* прекрасно понимает, что формула сама по себе не может служить доказательством его теории: однако он считает, что если происходит увеличение $Д$, то обязательно должно произойти увеличение $Ц$, ибо все остальные четыре фактора либо остаются без изменения, либо изменяются в том же направлении. Так по его мнению $С$ и $С_1$ остаются без изменения, если увеличивается $Д$. $Д_1$ также увеличивается при увеличении $Д$ и, следовательно, может только усилить, но отнюдь не ослабить рост $Ц$. Но доказательства, приводимые *Фишером* для подтверждения этого положения, как это установлено целым рядом критиков, *несостоятельны*.

На основании уже сказанного нами в гл. VII, а также на опыте русского и иностранного денежного обращения во время войны (отд. II, гл. XIV), наш читатель сможет убедиться, что действительность никак не согласуется с теорией *Фишера*. Как раз в начале инфляции увеличение $Д$ очень мало сказывается на увеличении $Ц$, так как увеличение $Д$ компенсируется сокращением $С$, а также некоторым увеличением T .

Но если теория *Фишера* опровергается даже на фактах чистого бумажно-денежного обращения, то нечего и говорить о приложимости ее к условиям золотого обращения. Здесь причинная связь явлений как раз обратная той, которую устанавливает *Фишер*: при неизменной стоимости самого золота $Д$ и $Д_1$ здесь увеличиваются, если возрастает T , причем эти изменения в правой части формулы (одинаковые в числителе и знаменателе) могут совершенно не отразиться на $Ц$.

Но доказывать все это — значит повторять все сказанное в 1 отделе... В общем *Фишер* безусловно совершенно неправильно представляет себе закономерности движения уровня товарных цен как в условиях золотого, так и в условиях бумажно-денежного обращения. Нельзя математическими формулами разрешить вопрос об изменении ценности денег, если предварительно не выяснена *сущность* тех элементов (и прежде всего $Д$), которыми оперирует *Фишер* в своих формулах. Итак, несмотря на всю видимость научности, количественная теория *И. Фишера* оказывается столь же несостоятельной, как и рассмотренные выше теории *Юма* и *Рикардо*.

Единственно, что может быть признано в ней правильным, это следующее: *в условиях чистого бумажно-денежного обращения и при предположении неизменности всех прочих условий увеличение массы денежных знаков имеет тенденцию повышать уровень товарных цен*. Но

так как эти «прочие условия» (скорость обращения, кредит, масса товаров) никогда не остаются неизменными, то указанная тенденция может либо усиливаться, либо совершенно парализоваться действием других факторов обращения. Таким образом механистическая количественная теория денег, даже в условиях бумажно-денежного обращения (следовательно в применении не к деньгам, но к их номинальным представителям) оказывается неправильной: в лучшем случае можно говорить о некоторой *тенденции* влияния массы денежных знаков на уровень товарных цен, но отнюдь не о том категорическом и абсолютном законе, на котором настаивает *Фишер*. Наконец следует отметить, что, как установлено в литературе, теория *И. Фишера*, несмотря на все «усовершенствования», которые он внес в количественную теорию, в некотором отношении стоит ниже теории *Юма*. Дело в том, что *Юм* в своих «Опытах» не только выдвинул основной принцип количественной теории, но старался также выяснить, *каким образом* возросшая масса денег влияет на уровень цен. Он устанавливает, что лишь постепенно от товара к товару повышаются цены и, следовательно, нет строгой пропорциональности между массой денег и товарными ценами. *Фишер* же совершенно не анализирует этого процесса и подходит к проблеме чисто механистически, и не случайно он вводит в анализ весы; всякое увеличение тяжести на одной чаше весов поднимает другую чашу вверх; всякое увеличение массы денег точно так же строго пропорционально понижает покупательскую силу денег. *Конечно эти аналогии совершенно неправильны, ибо закономерности социальных явлений не тождественны физическим законам. Таким образом за внешней научностью теории Фишера скрывается чрезвычайно упрощенное и вульгарное представление об экономических явлениях, отчасти более упрощенное, чем у Юма—экономиста XVIII в.*

Чтобы закончить наш обзор, отметим, что целый ряд современных экономистов, главным образом немецких и австрийских, чувствуя натянутость грубо механистических построений количественной теории, стараются улучшить ее и смягчить остроту ее формулировок. Так прежде всего отрицается необходимость *пропорциональности* между движением массы денег и уровнем товарных цен. В связи с этим учитываются сложные *психологические процессы*, которые могут как ослабить, так и усилить действие возросшей денежной массы на уровень товарных цен. Но все эти поправки не могут спасти количественную теорию денег, поскольку, хотя бы и в смягченной форме, сохраняется ее основной тезис. Между тем именно этот тезис «вообще», т. е. в применении к *деньгам* (а не к номинальным средствам обращения) совершенно неверен.

Что же касается этих так называемых психологических процессов, то следует заметить, что не только увеличение массы денег, но все вообще экономические законы действуют не механически, но через человеческую психику. Однако психические факторы не имеют самостоятельного значения. Психические факторы, в частности «переоценка» наличной массы денежных знаков контрагентами обмена, целиком и полностью *объективно обусловлены*. Дело не в индивидуальной психике, но в объективных экономических законах. И какие бы поправки

«на психологию» ни вносить, количественная теория денег остается ложной в качестве объективного экономического закона, на звание которого она претендовала и ныне претендует.

Литература.

1) Для ознакомления с количественной теорией денег:

- 1) *Давид Юм*, Опыты, 1896.
- 2) *Д. Рикардо*, Принципы политической экономии, М. 1929.
- 3) *Д. Рикардо*, Экономические памфлеты, М. 1928.
- 4) *И. Фишер*, Покупательная сила денег. М. 1925.
- 5) *Г. Кассель*, Основные идеи теоретической экономии, гл. IV М. 1929.

2) Критика количественной теории денег:

- 1) *К. Маркс*, К критике политической экономии.
- 2) *И. А. Трахтенберг*, Бумажные деньги, гл. IV.
- 3) *М. И. Тулан-Барановский*, Бумажные деньги и металл, гл. II, Одесса 1929.
- 4) *Б. И. Берковский*, Очерки по марксистской теории денег, гл. 1, 2 и 4 М. 1930.
- 5) *З. С. Каценеленбаум*, Учение о деньгах и кредите, ч. 1.
- 6) *Соколов*, Скорость обращения денег и товарные цены. М. 1925.
- 7) *Mises*, Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel, I Aufl., 1924.

Вопросы для повторения.

- 1) В чем заключается основной тезис количественной теории денег?
- 2) Изложите теорию Юма и выясните, на основании каких фактов Юм пришел к количественной теории?
- 3) В чем основное логическое противоречие теории Юма?
- 4) В чем отличие теории Рикардо от теории Юма?
- 5) Разберите те три положения, принятие которых привели Рикардо к теории Юма?
- 6) Какое практическое значение имела теория Рикардо?
- 7) Почему Тук отказался от количественной теории денег и выдвинул прямо противоположный тезис?
- 8) Изложите теорию Фишера и выясните, в чем ее отличие от теории Юма?
- 9) Почему несостоятельна теория Фишера?

ОТДЕЛ II. ДЕНЕЖНЫЕ СИСТЕМЫ.

В I отделе мы познакомились с общим учением о деньгах и законами нормального и расстроенного денежного обращения. Теперь мы должны подвергнуть испытанию нашу теорию с точки зрения фактов, т. е. конкретных данных по истории денег и денежного обращения. Кроме того на основе изложенной теории мы попытаемся оценить новейшие системы денежного обращения, и в особенности нашу советскую денежную систему. Мы познакомимся сначала с происхождением денег (гл. X), затем с историческими типами денежных систем (гл. XI), наиболее важными моментами из истории денежного обращения (гл. XII), и наконец рассмотрим военное и послевоенное денежное обращение и современную организацию денежных систем в главнейших странах мира (гл. XIII и XIV). Изучению же денежной системы СССР мы посвящаем специально II раздел этого отдела.

РАЗДЕЛ I. ДЕНЕЖНЫЕ СИСТЕМЫ КАПИТАЛИЗМА

ГЛАВА X.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДЕНЕГ.

§ 1. Основные исторические типы денег. — § 2. Примитивные товарные эквиваленты. — § 3. «Весовые деньги». — § 4. Металлочеканные деньги. — § 5. Монетная реглация и «порча монет». — § 6. Бумажные деньги и банкноты. — § 7. Деньги и денежные знаки.

Мы знаем, что деньги — это товар особенной природы, а именно всеобщий эквивалент или всеобщая форма стоимости всех прочих товаров. Мы знаем также, что этот особенный товар выполняет ряд специально ему свойственных общественных функций, и в соответствии с особенностями этих функций всеобщий эквивалент проявляется в различных формах. Наконец мы знаем, что по мере развития формы стоимости (от простой или случайной до всеобщей), в процессе обмена с необходимостью развиваются деньги, функции которых становятся специфическими функциями товара — всеобщего эквивалента. Однако этот последний становится деньгами в полном смысле слова лишь в том случае, когда «натуральная форма данного товарного тела прочно срастается с его эквивалентной формой». *Многочисленные исследования по истории денег полностью подтверждают вышеизложенную теорию происхождения денег из товара в связи с процессом развития обмена: «деньги не являются продуктом мышления или результатом договора, но созданы инстинктивно в меновом процессе» (Маркс).*

Основные исторические типы денег.

§ 1. Экономическая история всех стран учит тому, что поскольку разлагалось натуральное хозяйство и развивалось меновое хозяйство, постольку появлялись деньги, функции которых выполняли полностью или частично самые разнообразные товары. *Заместители же денег или знаки денег появились лишь значительно позднее, а именно после того, как действительные деньги-товар уже прочно укоренились в хозяйственном обороте. Следовательно не только теоретически, но исторически следует признать приус (первенство) действительных денег-товара, а не их номинальных заместителей.*

Эволюция денег проходит четыре исторических ступени:

- 1) *товаро-счетный тип денег,*
- 2) *товаро-весовой тип денег,*
- 3) *металло-чеканный тип денег.*
- 4) *эмиссионные знаки денег:*
 - a) *бумажные деньги,*
 - б) *кредитные деньги.*

§ 2. Первоначально обмен развивается не внутри отдельного племени или общины, но между общинами: «отдельные потребительные ценности, которые в меновой торговле между различными общинами

становятся товарами, как рабы, скот, металлы, образуют поэтому в большинстве случаев и первые деньги внутри самой общины» (*Маркс*).

С развитием обмена и развертыванием формы стоимости (т. е. увеличением числа объектов обмена) возникают товарные эквиваленты — *денги*. «Денежная форма, — говорит *Маркс*, — срastaется или с наиболее важными предметами, которые получаютс я извне и действительно представляют естественно развивающуюся форму меновой стоимости для туземных продуктов, или же с предметом потребления, который составляет главный элемент туземного отчуждаемого имущества, каков например скот».

В зависимости от местных природных и экономических условий деньгами становились самые разнообразные товары, как то: зерна, какао, раковины, шкуры зверей и предметы обихода, как например, треножки, железные лопаты, глиняная посуда, чашки и т. д. У приморских и островных народов деньгами служат раковинные ожерелья под названием чангос, каури, цинбис, бонгес и т. д. Особенно широкое распространение получила небольшая белая раковина 2—3 сантиметра длины, под названием *каури*. В течение нескольких тысячелетий эта раковина служила всеобщим эквивалентом для ряда народностей: эту раковину находили при раскопках русских курганов, в погребальных урнах северной Германии, в Швеции и Англии. Широчайшее распространение у кочевых народов в качестве эквивалента имел *скот*. Еще за 10 веков до хр. эры в народных поэмах *Гомера* неоднократно упоминается скот (бык) как мерило стоимости: треножник оценивался в 12 быков, золотые доспехи в 100 быков и т. д. Даже самое название денег у многих народов происходит от того же корня, что и название «скот». Так латинское «пекуния» (деньги) происходит от «пекус», что значит — скот. С появлением рабства даже рабы фигурировали как эквиваленты. Но раковины, шкуры зверей, скот и т. п. представляют собою тип самых несовершенных денег, ибо денежная единица в этом случае не весовая, но штучная, причем эти деньги не обладают ни свойством делимости, ни свойством абсолютной однородности.

§ 3. В дальнейшем развитии обмена «денежная форма переходит на товары, которые по самой своей природе особенно пригодны для выполнения общественной функции — всеобщего эквивалента, а именно на благородные металлы», а «необходимые физические свойства особенного товара, в котором должна кристаллизоваться денежная форма всех других товаров... следующие: произвольная делимость, однородность всех частей и совершенная однородность всех экземпляров этого рода» (*Маркс*). Но в роли денег «металлы появляются несколько позднее других товаров, так как добывание их — дело сравнительно высокой культуры» (*Святловский*). В качестве денег в разные периоды и у разных народов фигурировало и железо, и медь, и свинец, и олово, но все эти металлы были вытеснены серебром и золотом. Это вполне понятно, ибо золото и серебро обладают такими качествами, которые наиболее важны для всеобщего эквивалента. Они обладают высокой стоимостью при малом объеме и, следовательно, портативны (т. е. легко переносимы), не окисляются и значит пригодны в качестве сокровища, легко делимы на произвольно мелкие части и т. п. В связи с появ-

нием металлов в качестве денег система «штучных денег» (скот, меха, раковины) заменяется системой «весовых денег», т. е. измерение стоимости товаров уже производится не в штуках данного товара, но в его весовых единицах. Однако исходным пунктом для развития системы «весовых денег» был не металл, но преимущественно *хлебное зерно* (например маис, пшеница, фасоль, мак). Эта весовая система денежного счета прочно укрепилась с распространением металлов в качестве денег. *Историками вполне доказан тот факт, что первыми металлическими деньгами были бесформенные слитки определенного веса.* Это подтверждается также и тем, что названия многих денежных единиц тождественны с названиями весовых единиц, как например английский «фунт стерлингов», французский «ливр» и т. п. Эволюцию от «весовых денег» к более высокому типу «металло-чеканных денег» можно проследить на истории древнего Рима. Первоначально здесь обращались в качестве платежной единицы бесформенные куски меди определенного веса, затем появляются квадратные бруски различного веса с поперечными линиями и точками, позднее медные и бронзовые пластинки с изображениями с одной стороны различных животных (коровы, свиньи и т. п.), так называемая «меченая медь», и наконец круги весом в один или два фунта с рисунками на обеих сторонах. Отсюда и название денежной единицы ливра (фунт). Переход от этих клейменых лепешек к круглым монетным деньгам был естественной ступенью развития.

§ 4. Историки считают, что древнейшие европейские монеты появляются в VIII—VII вв. до хр. эры; первые монеты чеканились из «электрона», в котором золото составляло 73, а серебро 23 части. Из «электрона» чеканились все ранние монеты древности, особенно в Малой Азии и Египте. При этом нужно заметить, что монеты чеканились не только правительствами, но и *частными лицами*, преимущественно купцами. На монете было *клеймо*, изображавшее звериную голову, колос, рыбу и т. д. В Китае до сих пор обращаются лодкообразной формы серебряные монеты с купеческими клеймами. С прогрессом чеканки у всех народов стала обычной круглая, медальной формы монета. Однако средневековые знают шести- и восьмигранную монету, в Англии известны так называемые «осадные деньги» ромбовидной формы, в Зальцбурге в 1513 г. чеканились квадратные деньги, каковые долгое время обращались также и в Швеции. *В средние века чеканная монета уже повсеместно была распространена в Европе.* В XI в. также и в России появилась собственная монета, а до этого времени обращались иностранные монеты.

§ 5. Постепенно функцию клеймения весовых единиц металла присвоили себе феодалы в виде так называемой *монетной регалии*, т. е. права чеканки, которое феодалы за вознаграждение переуступали также и частным лицам. Завладев монетной регалией, феодалы превратили это право в источник своих доходов и стали выпускать *неполновесные монеты со штампом полновесных.* А так как наиболее оживленные торговые связи имели место не в пределах отдельных феодальных государств, но в междугосударственном обороте, где нужны *мировые деньги*, то со стороны купцов раздаются жалобы на подобные действия феодалов.

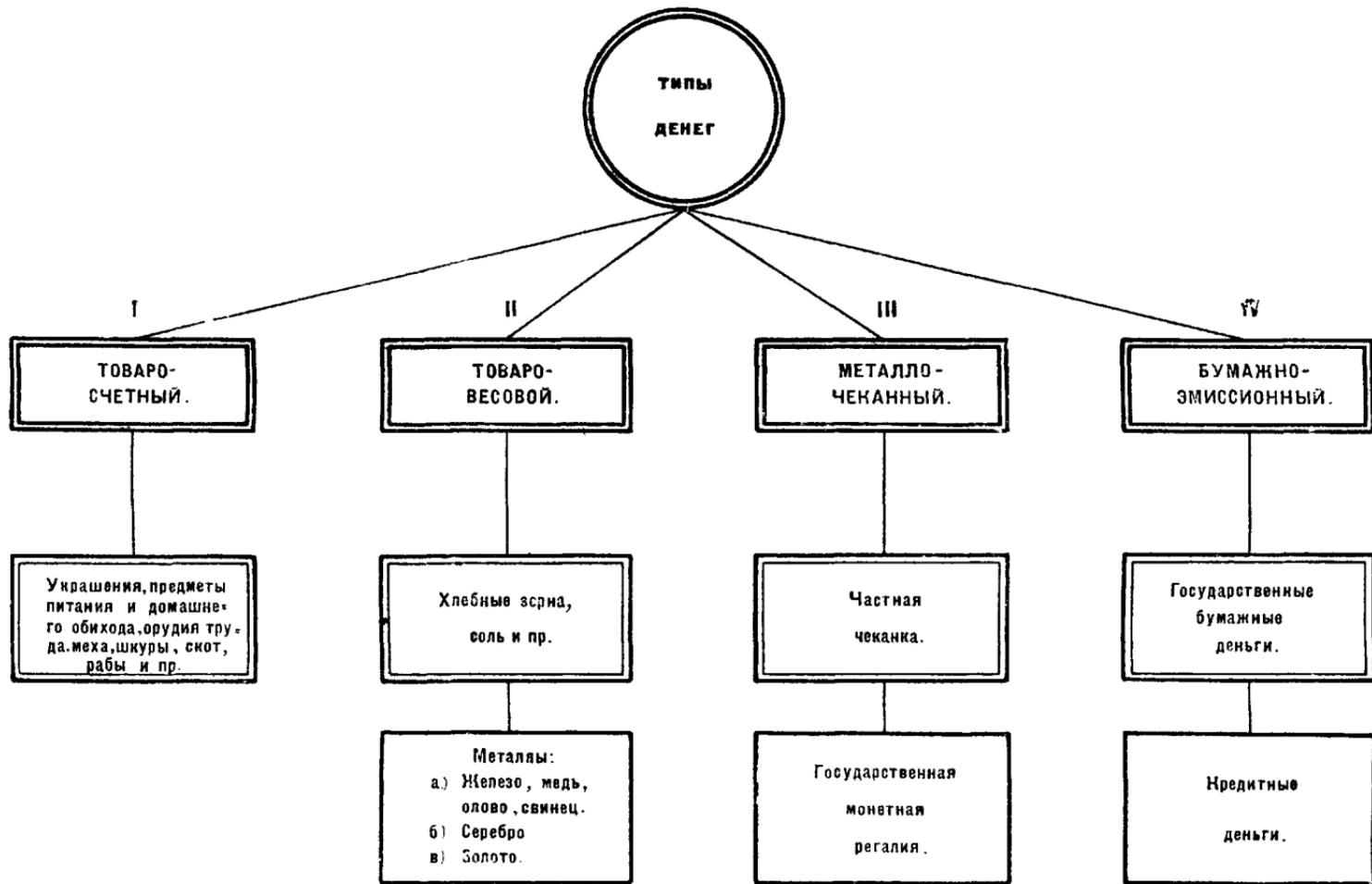
Средневековая литература показывает, сколь широко велась борьба против этой «порчи монеты». Монету «портили» и французские, и итальянские, и немецкие государи, и великие князья в России. Французский король «Филипп Красивый» был даже прозван «Филиппом Фальшивомонетчиком» и с этим именем он вошел в историю. Таким образом с вмешательством государственной власти в денежно-торговый оборот закрепляется возникающее из самой функции денег как средство обращения отделение номинальной, представительной стоимости монет от их реальной, внутренней металлической стоимости. И именно на этой основе возникает иллюзия, что деньги не имеют никакой стоимости, но являются простыми знаками. Вместе с тем также в средние века наряду с неполноценными металлическими монетами появляются также и чисто номинальные представители денег в виде бумажных денег и банкнот (банковых билетов).

§ 6. Бумажные деньги впервые появились в Китае в средние века: о них упоминает путешественник Марко Поло, посетивший Пекин в 1286 г. Эти деньги с особого разрешения в необходимых случаях обменивались на металл. Но в Европе еще долгое время бумажные деньги не прививались. В Америке впервые были выпущены бумажные деньги в XVII в. в штате Массачусетс. Первый выпуск этих знаков в 1690 г. был сделан в ограниченном количестве, и поэтому они имели высокую представительную стоимость и охотно принимались населением. Но дальнейшие их выпуски, которыми воспользовались для покрытия расходов по войне с Канадой, привели к их резкому обесценению. На континенте Европы к эмиссии бумажных денег правительства начинают прибегать лишь с XVIII в., причем поскольку бумажными деньгами всегда пользовались для покрытия государственных расходов, неизбежным было их обесценение. С наиболее яркими моментами из истории бумажно-денежных инфляций мы познакомимся в XII—XIV главах.

Кредитные деньги появляются в Европе значительно раньше бумажных денег; банкноты первоначально были именными расписками банкиров о приеме определенной суммы металла на хранение и обязательством эту сумму уплатить. Эти «банковые деньги», в основе которых лежала весовая единица металла, были самыми лучшими деньгами, поскольку в обращении находилась по преимуществу «испорченная» феодалами монета. Расписки банкиров принимались с большей охотой, чем местные монеты, и, превращаясь из именных в представительские, получали широкое хождение. Этим обстоятельством пользуются банкиры; они начинают давать в ссуду банкноты, которым не соответствует никакой вклад металлом. Так возникают банкноты, не обеспеченные металлом.

Таков общий ход эволюции денег от конкретного товара вплоть до номинальных денежных знаков. Подытоживая все сказанное, мы можем эволюцию денег представить в виде схемы (см. стр. 114).

§ 7. При первых двух типах деньги выполняют все свои функции в одной и той же конкретно-товарной форме. С появлением регламентированной государством монетной формы развиваются знаки денег, как особая форма существования денег в функциях средства обраще-

ния и платежного средства. С переходом к четвертому типу форма существования денег в указанных функциях получает возможность эмансипации (отделения) от их натуральной, товарной формы. Таким образом первоначально единая форма проявления денег во всех функциях дифференцируется (распадается): с одной стороны, функции мерила стоимости и сокровища, а также международного средства обмена и платежного средства попрежнему выполняют действительные деньги-товар; с другой стороны, функции средства обращения и внутригосударственного платежного средства выполняют чисто номинальные знаки денег.

Пока из истории денег нам только известно, каким образом (благодаря монетной форме) оказалось возможным обособленное существование знаков денег. Из теории денежного обращения мы знаем, что такое обособленное существование знаков денег не зависит от произвола правительственной власти, но подчинено объективным законам обращения. Нарушение этих законов приводит к инфляции и реакции товарного обращения в виде обесценения денег и роста цен. В XII главе в фактах истории денежного обращения различных стран мы найдем подтверждение того, что полный отрыв денежных знаков — заместителей денег от замещаемого ими металла-денег невозможен, и что рано или поздно становится неизбежным восстановление связи знаков денег с действительными деньгами.

Та эволюция от товара-денег к знакам денег, которую мы проследили в этой главе, ни в коей мере не означает, что в четвертом типе совершенно устранены деньги как товар. Деньги-знаки не только имеют в качестве исторической предпосылки для своего возникновения деньги-товар, но и в своей самой развитой форме базируются на деньгах-товаре, из которого они первоначально развились. Анализ различных типов организации денежных систем, который мы дадим в следующей главе, позволит нам убедиться в том, что ни одна нормально функционирующая денежная система невозможна вне определенного товара в качестве денег. *Деньги-товар и в историческом разрезе и в логическом анализе должны рассматриваться как действительный фундамент денежной системы.*

Литература.

- 1) *Святловский*, Происхождение денег и денежных знаков, гл. II—VII, М. 1925.
- 2) *И. А. Трахтенберг*, Бумажные деньги, гл. III.
- 3) *З. С. Каценеленбаум*, Учение о деньгах и кредите, ч. 1, гл. IV, § 2 и 3.
- 4) *А. Кон*, Курс политической экономии, гл. VII.
- 5) *К. Менгер*, Основания политической экономии, Одесса 1903.
- 6) *Ф. И. Михайловский*, История денег и кредита. Хрестоматия, М. 1925.
- 7) *W. W. Cartile*, The evolution of modern money, London, 19 ed.
- 8) *K. Helfferich*, Das Geld, Aufl II.
- 9) *G. Loughlin*, Principles of money, L. 1926.

Вопросы для повторения.

- 1) Назовите 4 исторических типа денег.
- 2) Охарактеризуйте общую эволюцию типов денег.
- 3) В чем заключается дифференцирование функций денег при четвертом историческом типе денег-знаков?
- 4) Почему деньги-товар должны рассматриваться как необходимая основа денег-знаков?

ГЛАВА XI.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ДЕНЕЖНЫХ СИСТЕМ.

§ 1. Определение денежной системы. — § 2. Регламентированные и свободные денежные системы. — § 3. Принцип классификации денежных систем. — § 4. Основное разграничение денежных систем. — § 5. Системы материальных (субстанциональных) валют. — § 6. Медный и серебряный монометаллизм. — § 7. Биметаллизм. — § 8. Биметаллизм без фиксированного валютного паритета двух металлов. — § 9. Биметаллизм с фиксированным валютным паритетом. — § 10. Золотой монометаллизм. — § 11. Блокированная чеканка. — § 12. Система бумажных знаков, связанных с мировыми деньгами. — § 13. Система бумажных знаков без фиксированной связи с мировыми деньгами.

§ 1. Товарное хозяйство не может обойтись без денег и следовательно без денежной системы как определенной формы организации денежного обращения. Эти формы различны на различных ступенях экономического развития и в различных странах. Конечно между организацией денежного обращения в древнем Египте и современной Англии «дистанция огромного размера». Однако развитые нами в I-м отделе законы денежного обращения управляют всеми денежными системами, и поэтому мы не только можем, но и должны дать научное объяснение всем существовавшим и существующим денежным системам.

Не имея возможности изучать каждую конкретно существовавшую денежную систему в отдельности, мы выделим все основные исторические типы денежных систем и постараемся установить как моменты сходства, так и моменты различия между ними и специальные закономерности, которые обуславливают эти различия.

При первых двух исторических денежных типах (товаро-счетном и товаро-весовом, см. главу X) конечно имеется определенная система денежного обращения, но эта система еще не регламентируется каким-либо централизованным органом. Эти системы денежного обращения просты и ясны и не требуют специального изучения.

§ 2. С переходом же к третьему историческому типу денег (металло-чеканному) в денежную систему вмещивается правительственная власть. Эта последняя, монополизировав право чеканки и придавая силу законных платежных средств тем или иным весовым металлическим единицам, тем самым заменяет прежнюю нерегламентированную и «свободную» систему денежного обращения законодательно регламентированной и связанной системой. Следовательно в качестве самого общего деления денежных систем должно установить деление на 2 исторически различных типа:

I. Свободные нерегламентированные денежные системы.

II. Законодательно связанные и регламентированные денежные системы.

Лишь в связи со вторым типом возникают чрезвычайно сложные явления денежного обращения и спорные проблемы относительно способов их законодательной регламентации и экономического регулирования. Эти проблемы привлекали внимание экономистов как теоретиков, так и практиков в течение многих веков средневековой и новейшей экономической истории. В настоящей главе мы остановимся на различных видах регламентированных денежных систем.

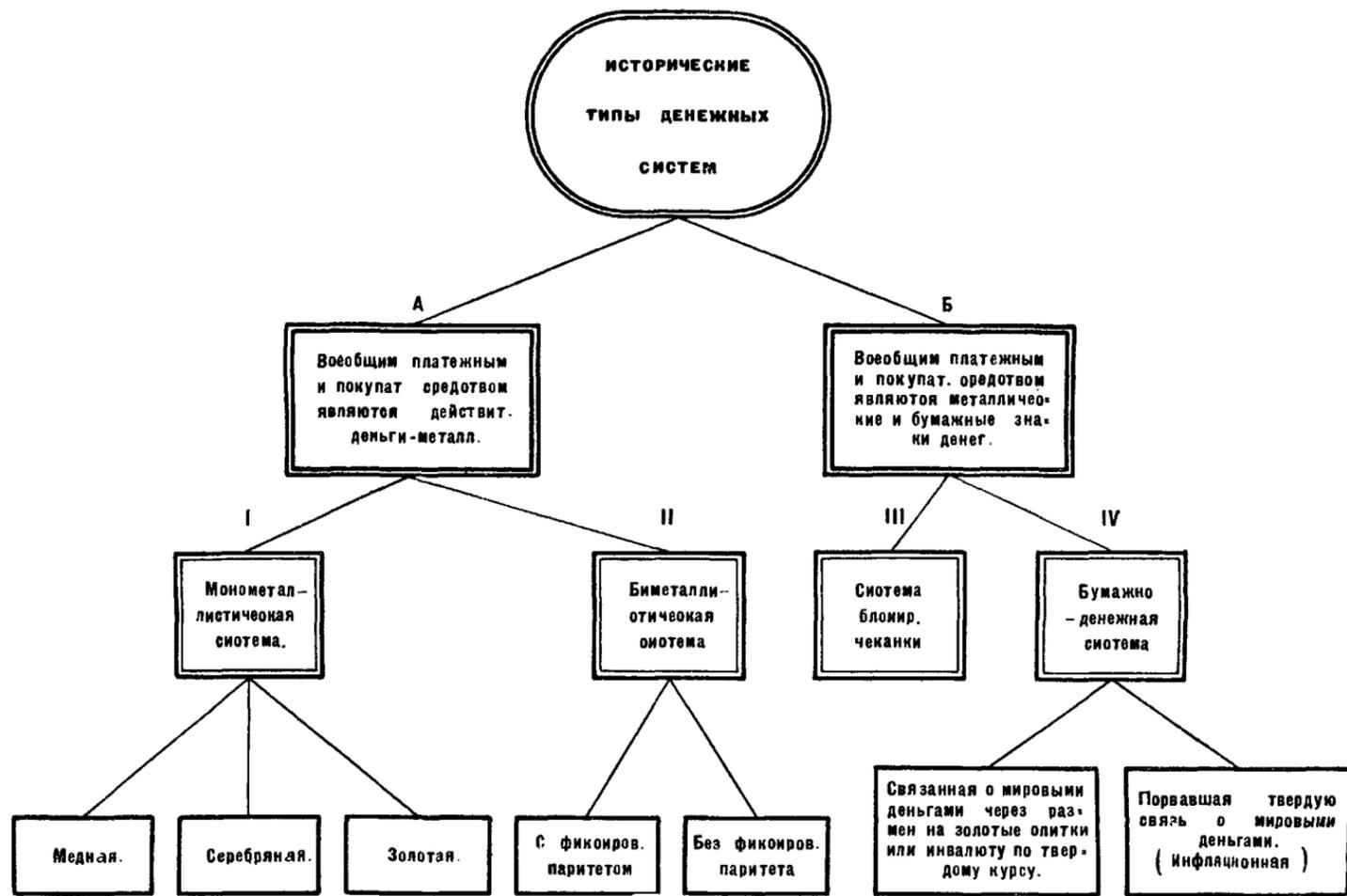
Законодатель, регламентируя денежную систему, во-первых, фиксирует определенный тип *основных* или *валютных денег страны*, т. е. денег, которые являются всеобщими и обязательными средствами обращения и платежа; во-вторых, устанавливает наряду с валютными деньгами побочные виды денежных знаков, например билонную монету или банкноты, и наконец, в-третьих, определяет порядок выпуска в обращение и изъятия из обращения всех видов денежных знаков. На основе этих законодательных норм центральные финансовые органы (министерство финансов, центральный эмиссионный банк) непосредственно регулируют денежное обращение страны, т. е. управляют денежной системой. Но между законодательной нормой и финансовой практикой всегда возможны расхождения. По закону основной (валютной) денежной единицей может быть например золотой рубль, но ни одна золотая монета может не выпускаться в обращение. Поэтому при классификации типов денежных систем мы не можем опираться на одни законодательные нормы, но должны учитывать практику денежного обращения, следовательно, мы берем за основу *фактически действующие системы денежного обращения*.

§ 3. Решающим моментом при определении типа денежной системы для нас служит тот или иной вид существующих в стране валютных денег, которые фактически функционируют как всеобщее платежное и покупательское средство. Являются ли эти покупательские и платежные средства в то же время и действительными деньгами, или же они только знаки денег; если это знаки денег, то имеется ли определенная, фактически поддерживаемая связь между ними и действительными деньгами, на которые они опираются; если такая связь налицо, то в какой форме она проявляется и какими методами она осуществляется? Вот вопросы, которые для нас служат критериями (основаниями) при классификации денежных систем.

§ 4. Пользуясь этими критериями, мы делим все денежные системы на ряд типов и разновидностей, которые в развернутом виде представлены в схеме на стр. 118.

Первое и самое фундаментальное разграничение мы проводим с точки зрения того, какого типа деньги являются валютными деньгами: так называемые полноценные металлические деньги, т. е. действительные деньги или знаки денег, частично или целиком лишенные внутренней стоимости. *Денежные системы, построенные на основе первого типа валюты, имеют в качестве обязательной своей предпосылки свободу чеканки валютных денег*. Противоположным типом денежных систем является тот тип, при котором валютные деньги являются *номинальными*, т. е. не действительными деньгами, но знаками денег. *При этом знаки денег могут быть не только бумажными знаками, но также и металлическими, если отсутствует свобода чеканки этого валютного металла*.

§ 5. Остановимся на первом типе — системе материальных (субстанциональных) валют. Здесь мы в свою очередь различаем 2 под-вида этого типа систем: *монометаллизм*, когда валютными деньгами является какой-либо один металл, и *биметаллистические*, когда равноправное положение валютных денег занимают два металла.

Примечание к схеме: понятие «бумажно-денежная система» (IV тип) здесь употребляется в широком смысле слова, т. е. это есть денежная система, в которой всеобщим платежным или покупательским средством являются бумажные знаки денег вообще, и в том числе банкноты.

Среди монометаллистических систем можно различать три разновидности, в зависимости от того, какой именно металл служит валютными деньгами: *медь, серебро* или *золото*. Системы медного и серебряного монометаллизма, равно как и биметаллистические системы, относятся целиком к области *истории*, ибо в настоящее время эти типы не имеют применения; лишь отчасти исключением является серебряный монометаллизм, но и этот тип не имеет существенного практического значения среди денежных систем современного капиталистического мира. Поэтому на всех этих системах мы остановимся лишь в двух словах, чтобы наибольшее внимание уделить системе золотого монометаллизма.

§ 6. Медь в силу своих природных свойств значительно менее пригодна в качестве валютного денежного материала, чем серебро или золото. В силу этого денежная форма никогда длительно не присваивалась этим металлом. Однако медный монометаллизм все же имел место в истории, как например в Риме до III в. до хр. эры (позднее и в Риме на смену меди пришло серебро) или в России в конце XVIII в. Зато в качестве *билонной монеты* медь фигурирует на всем протяжении истории вплоть до настоящего времени.

Серебряный монометаллизм был распространен в Европе в течение XVI и XVII вв., когда на смену ему пришел биметаллизм, с одной стороны, золотой монометаллизм — с другой стороны. Во внеевропейских странах серебряный монометаллизм в разное время был широко распространен. Типом чисто серебряного монометаллизма может служить денежная система России в период 1843 — 1852 гг., Голландии в течение 1847 — 1875 гг., Индии — в 1852 — 1893 гг. и т. д.

§ 7. XX в. почти повсеместно принес победу золоту в качестве валютных денег, а вместе с тем и системе золотого монометаллизма. Но эта победа была достигнута в результате длительной борьбы золота с серебром за валютное первенство в течение XVIII и XIX вв. Попыткой найти компромисс в этой борьбе и явилась *биметаллистическая система*, провозгласившая «валютное равноправие» обоих металлов. Однако эта система не была «придуманна» экономистами XIX в., она существовала в большинстве стран Западной Европы в XVI и XVII вв.

§ 8. Следует различать 2 типа биметаллистических систем. Первая заключается в том, что 1) оба металла (золото и серебро) объявляются валютными деньгами и служат законным платежным средством и 2) для обоих металлов существует свобода чеканки. Стоимость золота и серебра постоянно колеблется в связи с изменением количества общественно необходимого труда, затрачиваемого на их производство. Но трудовая стоимость каждого металла может изменяться *неодинаково*, либо стоимость одного металла может оставаться неизменной, а стоимость другого изменяться, либо, наконец, эти изменения могут происходить в обратном направлении: трудовая стоимость одного металла повышается, другого — падает. Во всех этих случаях очевидно будет *раздваиваться* и выражение стоимости товаров в деньгах, и появятся две цены: одна золотая и другая серебряная. Таким образом при этой системе как раз и уничтожается то *единообразное*

выражение стоимостей товаров, которое должны дать деньги как товар — всеобщий эквивалент. Конечно эта система является шагом назад, ибо уничтожается как раз то, что достигнуто историческим развитием, а именно единство и всеобщность выражения стоимости товаров в одном товаре. «Если два различных товара, — говорит Маркс, — например золото и серебро, являются одновременно мерой стоимости, то цены всех товаров получают два различных выражения: золотые цены и серебряные цены; и те и другие спокойно остаются друг рядом с другом, пока отношение между стоимостями золота и серебра остается неизменным, например 1 : 15. Но всякое изменение этого отношения стоимостей нарушает установившиеся отношения между золотыми и серебряными ценами товаров и, таким образом, доказывает фактически, что двойственность меры стоимости противоречит ее функции».

§ 9. Между тем с этим обстоятельством большей частью не считались и, наоборот, стремились всячески воспрепятствовать изменению раз установленного соотношения стоимости золота и серебра (1 : 15). Чтобы устранить неустойчивость этой системы, правительства пытались законодательным порядком фиксировать раз принятое отношение стоимостей металлов, и таким образом «свободный» биметаллизм, т. е. без фиксированного паритета, превращался в «связанный» биметаллизм, т. е. с фиксированным паритетом, при котором к двум вышеустановленным принципам биметаллизма присоединяется третий: законодательно фиксированное отношение или *законодательный паритет стоимости двух металлов*. Но в состоянии ли государство устанавливать такой паритет, если оно не отказывается от системы субстанциональной (с внутренней стоимостью) валюты и разрешает свободную чеканку обоих металлов? Конечно нет, ибо государство не регулирует условий производства и не в состоянии устанавливать *трудовую стоимость* золота или серебра. Поэтому там, где эта система «связанного» биметаллизма была применена, как например в Северо-американских соединенных штатах и во Франции в XIX в. и т. д., она лишь подтвердила *невозможность биметаллизма*. «Весь исторический опыт в этой области, — говорит Маркс, — сводится просто к тому, что везде, где закон закрепляет за двумя товарами функцию меры стоимости, фактически всегда лишь один из них удерживает за собой эту функцию». Это происходит потому, что например при падении стоимости серебра и сохранении фиксированного законом паритета золота и серебра никто не захочет платить более ценными деньгами (золотом) и постарается при платежах сбыть деньги менее ценные, но сохранившие прежнюю платежную силу (серебро). Иными словами, здесь действует уже известный нам так называемый «закон Грэшама»: более ценный металл уходит из обращения. Воспрепятствовать этому можно лишь одним способом: закрыть свободную чеканку обесцененного металла, но тогда деньги из этого металла переходят на положение *знаков денег* или заместителей денег. В данном случае *находящееся в обращении серебро из серебряного товара превращается в серебряный денежный знак*, а именно — *знак золота*. Законы же, управляющие стоимостью знаков денег, нам известны из 1-го отдела: их стоимость зависит не от стоимости того металла, из которого они вычеканены,

но от стоимости замещаемого ими металла — золота. Если же этих знаков выпущено в обращение как раз столько, сколько необходимо было бы золотых денег, то очевидно, что каждый серебряный рубль будет заменять золотой рубль и сохранится законодательно установленное отношение стоимости двух металлов. Но какой ценой это достигнуто? *Ценой фактического отказа от биметаллистической системы*, ибо здесь истинными валютными деньгами, как «соединением мерила стоимости и средства обращения» (*Маркс*) является лишь один металл, а именно — золото. Поэтому такую систему, вопреки мнению *Лексиса* и других, уже нельзя считать *биметаллистической системой* (с «хромающей валютой»). Это чистый *золотой монометаллизм*, ибо именно золото является здесь валютными деньгами: наличие же серебряных денег (без свободной чеканки), равно как и наличие банкнот или бумажных денег, свободно размениваемых на золотые деньги, *не противоречит монометаллизму*.

Невозможность биметаллизма как устойчивой системы денежного обращения подтверждается всеми имевшими место в истории биметаллистическими экспериментами. В качестве иллюстрации возьмем наиболее крупный по своему значанию биметаллистический эксперимент, осуществленный в Европе в XIX в. Страны так называемого «Латинского союза» — Франция, Бельгия, Италия и Швейцария — заключили 23 декабря 1865 г. монетную конвенцию (соглашение), согласно которой денежной единицей во всех этих странах был объявлен французский франк, который чеканится как из золота (монетами в 100, 50, 20 и 10 фр.), так и из серебра (5 фр.). При этом была объявлена свободная чеканка франков из обоих металлов и фиксированный валютный паритет между обоими металлами в отношении 1:15½ (франк, введенный во Франции в 1803 г. Наполеоном, содержит в себе 4,5 грамма чистого серебра или 0,290325 грамма чистого золота). Кроме того были установлены определенные нормы чеканки и обращения разменной серебряной монеты. Хотя эта конвенция была заключена до 1 января 1890 г., а в дальнейшем предполагалось ее возобновить, но биметаллизм не выдержал даже и пятнадцатилетнего испытания. В связи с обесценением серебра (отношение между стоимостью золота и серебра на рынке равнялось: в 1871—1873 гг. — 1:15,7, в 1881—1885 гг. — 1:18,6, в 1889 г. — 1:22,5 и в 1892 г. — 1:24) и введением золотой валюты в Германии, каналы обращения стран «Латинского союза» стали переполняться серебряными монетами, а золотая монета уходила в сокровище внутри страны и в обращение других стран. В силу этого Франция в 1874 г. и Бельгия в 1873 г., дабы предотвратить отлив золота и сохранить устойчивость своей валюты, были вынуждены приостановить свободную чеканку серебра. Таким образом фактически монетная конвенция была отменена и произошел переход к золотому монометаллизму, хотя юридически во Франции попрежнему был биметаллизм. Если сначала Франция отменила чеканку серебра только из металла частных лиц, то в дальнейшем она вынуждена была ограничить и чеканку серебряных пятифранковых монет также и из казенного серебра. Наконец в 1879 г. Франция совершенно прекратила чеканку бывших ранее

«полноценными» серебряных пятифранковых монет и сохранила лишь чеканку билонной серебряной монеты. Так произошел вынужденный переход от биметаллизма к монометаллизму. Однако в конце XIX в. в ряде стран, особенно в России и Северо-американских соединенных штатах, снова возродились биметаллистические иллюзии и пропаганда биметаллизма. В Америке *Мак-Кинлей* сделал попытку осуществления биметаллизма в *интернациональном масштабе*, но переговоры по этому поводу с Германией, Францией, Англией и Бельгией (в 1897 г.) окончились полной неудачей.

§ 10. Родиной золотого монометаллизма является Англия, бывшая в то время самой развитой капиталистической страной. К золотому монометаллизму Англия переходит в последние десятилетия XVIII в., но эта система укрепляется в Англии лишь с 1816 г. и существует вплоть до 1914 г. В силу экономической и валютной зависимости европейских стран от Англии, в этих последних после полосу биметаллистических экспериментов в XIX в. повсеместно распространяется золотой монометаллизм. Почин в этом отношении был сделан Германией, которая перешла к золотой валюте в 1871—1873 гг. За Германией последовали и другие страны: позднее других (в 1897 г.) к чистому золотому монометаллизму перешла также и Россия. Можно сказать, что вплоть до мировой войны золотой монометаллизм был *основным типом* денежных систем капиталистических стран.

Золотой монометаллизм—самый дорогой, но вместе с тем наиболее устойчивый тип денежных систем. При этой системе деньги выполняют все функции внутри страны, и являются в то же время мировыми деньгами. Здесь не возникает проблемы представительной стоимости денег, ибо средством обращения и платежа является не знак денег, но сами деньги-товар. Отмеченные в 1-м отделе условия обращения полноценных металлических денег—свобода чеканки и ремедиум—обеспечивают полное совпадение стоимости золота в натуральной (слитковой) форме, с одной стороны, и в монетной форме, с другой стороны. Здесь не возникает также и проблемы регулирования количества денег в обращении. Как мы уже знаем, при этой системе не количество денег определяет их стоимость, но, наоборот, их внутренняя товарная стоимость определяет их количество в обращении. Благодаря непосредственной связи функций средства обращения и платежного средства с сокровищем в обращении никогда не бывает ни недостатка, ни избытка золотых денег. Наконец интервалютный курс золотых денег колеблется в узких пределах «золотых точек» и по существу остается неизменным. Эта система, однажды введенная в стране, действует совершенно автоматически и не требует никакого специального регулирования со стороны правительственной власти.

Всеми этими преимуществами золотого монометаллизма объясняется то, что эта система так прочно укрепилась во всех капиталистических странах как раз в тот период, когда развитие этих последних достигло высочайшей точки подъема. Несомненно золотой монометаллизм, гарантирующий относительную устойчивость денежной системы, был одним из важнейших условий быстрого экономического развития целого ряда

стран; при наличии золотого монометаллизма могла совершиться энергичная *миграция* (передвижение) *капиталов* из более развитых капиталистических стран в менее развитые и колониальные страны. Именно при этой системе достигается *прочная интернациональная связь валют и относительная устойчивость всей мировой денежной системы, что является необходимой предпосылкой для интернационализации капиталистических отношений, столь характерной для эпохи финансового капитализма.*

Однако наряду с этим необходимо заметить, что устойчивость золотой монометаллистической системы ни в коем случае не гарантирует устойчивости капиталистической системы вообще, устойчивости конъюнктуры и особенно товарных цен. И при этой системе цены товаров постоянно колеблются под влиянием изменения стоимости золота, с одной стороны, и стоимости товаров, с другой стороны. Золотой монометаллизм не может также избавить капитализм от так называемых *циклических колебаний*, т. е. периодической смены периодов экономического подъема, кризиса и зстоя. Но золотой монометаллизм все же устраняет колебание цен под влиянием изменения *количества денег* — фактора, играющего большую роль в других системах денежного обращения, о которых будет речь ниже.

Монометаллизм сильно расширяет мировой спрос на золотой товар, и тем самым создает благоприятные условия для развития золотопромышленности. Страны, не владеющие источниками производства золота, оказываются в экономической зависимости от стран, производящих золото. Это обычно служит (как например в Германии) аргументом против золотого монометаллизма.

Наконец следует отметить, что эта система лишает правительство того дохода, который оно получает при системе блокированной чеканки и бумажно-денежной системе (см. схему на стр. 118), от права монетной регалии и эмиссии бумажных знаков. Но золотой монометаллизм ни в коей мере не устраняет возможности широкой *банкнотной эмиссии* (со свободным разменом банкнот на металл) и того дохода, который последняя приносит при неполном золотом покрытии. Однако в такой стране, как Англия, этого дохода не получает ни правительство, ни банк (частный), обязанный полным золотым покрытием банкнот.

Та относительная устойчивость денежного обращения и тот автоматизм его регулирования, которые достигаются при этой системе, очень дорого обходятся капиталистическому обществу. *Все расходы, связанные с золотым обращением, представляют собой непродуцительные издержки обращения капиталистической системы.* Они, правда, необходимы для стихийно регулируемой капиталистической системы, но в планомерно организованном обществе были бы совершенно излишни. Много миллионов часов общественного труда ежегодно отывается для производства денег — золота. Огромнейшее богатство, исчисляемое миллиардами рублей и находящееся как в обращении, так и в резервах банков и правительств, представляют собою мертвое, по существу совершенно ненужное «богатство». Капитализм стремится по возможности частично освободиться от этого тяжелого «золотого груза», что проявляется, с одной стороны, в широчайшем развитии

кредитной формы обращения и безналичных расчетов, а с другой стороны, в стремлении полной замены монометаллизма III и IV типами денежных систем (см. схему на стр. 118).

§ 11. Переходным типом от системы материальных денег к системе бумажных знаков является система блокированной (закрытой) чеканки. С одной стороны, здесь валютными деньгами являются не знаки денег, лишенные совершенно своей стоимостной субстанции, но металлические деньги, обладающие определенной внутренней стоимостью. С другой стороны, эта последняя не равна их стоимости как денег. В денежной форме этот металл стоит больше, чем в слитковой форме. Такова система австрийского денежного обращения с 1879 до 1892 г., индийская система после 1893 г., нидерландское денежное обращение 1873—1875 гг. Об этих опытах мы уже говорили в IV главе. Здесь добавим лишь следующее.

Прекратив чеканку серебряных монет за частный счет, Австро-Венгрия превратила серебро из действительных денег в знак денег. Что это так, подтверждается тем, что серебряный и бумажный гульден после 1879 г. обладал одной и той же представительной стоимостью, т. е. покупательской силой. До 1892 г. в Австро-Венгрии валютными деньгами было серебро. Однако стоимость австрийского гульдена уже не определялась стоимостью заключенного в гульденах серебра. Чем же определялась стоимость серебряного и бумажного гульдена? Ответить на этот вопрос нетрудно. Количество *серебряных* гульденов, которое было необходимо для обращения, определялось по нашей формуле $K = \frac{A \pm B}{C}$. В связи же с обесценением серебра очевидно должно

было бы возрасти и выражение всех цен в серебре и, следовательно, в обращение, если бы существовала свободная чеканка, должна была бы вступить дополнительная масса серебряных гульденов. Тогда бы каждый гульден стоил попрежнему столько, сколько стоит на рынке заключающееся в нем серебро. Но с закрытием свободной чеканки серебряных гульденов была порвана непосредственная связь между обращением и сокровищем. В обращении осталась прежняя масса гульденов (точнее: возросшая в меньшей пропорции, чем это было необходимо) и, следовательно, *каждый серебряный гульден замещал в обращении большее количество серебра, чем в нем заключалось. По существу серебряные гульденны могли бы быть полностью заменены бумажными, и это ни в коей мере не отразилось бы на устойчивости денежного обращения, если, конечно, количество денежных знаков осталось бы прежним.* Но так именно и обстояло дело на практике; фактически в обращении были по преимуществу бумажные знаки, а металлические играли роль билонной монеты: в конце 1891 г. из общей суммы денежного обращения Австро-венгерской монархии, равной 936 млн. гульденов, на 834 млн. гульденов обращалось бумажных знаков.

Но тут возникает вопрос, относящийся ко всем вообще видам денежных систем с блокированной чеканкой и бумажно-денежным обращением. Знаки денег, как известно, не являются мерилем стоимости. Что же является мерилем стоимости при этой системе? Конечно, металл. Но в данном случае неясно, какой именно металл являлся мерилем

стоимости, золото или серебро? Вся практика австро-венгерского денежного обращения показывает, что по мере того как серебро стало обесцениваться, а золото стало завоевывать положение *мировых денег*, именно с золотом, после закрытия чеканки оказалась фактически связанной австрийская валюта. В 1892 г. эта связь была закреплена и юридически. Австро-Венгрия номинально перешла к золотой валюте, а фактически — к IV типу валюты, а именно — к системе бумажных знаков с определенной формой связи последних с мировыми деньгами (золотом). Этот период австрийского денежного обращения мы рассмотрим в связи с анализом IV типа денежных систем.

Полную аналогию австрийской системе 1879—1892 гг. представляет собою денежное обращение Индии 1893—1914 гг. До 1893 г. в Индии был чистый серебряный монометаллизм: рупия, содержащая 10,69 грамма чистого серебра, свободно чеканилась. Но в связи с обесценением серебра, естественно, происходило постоянное колебание интервалютарного курса рупии (при общей понижательной тенденции). Это затрудняло внешне-торговые отношения Индии с другими странами, особенно с индийской метрополией (так называется страна, имеющая колонии) — Англией. В целях достижения устойчивости интервалютарного курса рупии, Индия под давлением Англии провела мероприятие, увенчавшееся полным успехом. Это была отмена свободной чеканки серебра в 1893 г. Так же как и австрийский гульден, рупия благодаря этому эмансипировалась (освободилась) от стоимости заключенного в ней серебра и превратилась из денег в знак денег — III тип валюты. Один из известных практиков, *Линдсей*, заявил в 1899 г. комитету по делам денежного обращения Индии, что «при современной денежной системе рупии суть не что иное, как особый род неразменных билетов с принудительным курсом; поэтому на них распространяются все законы, относящиеся к неразменным бумажным деньгам». Эта валюта практически (без особого законодательного акта) оказалась твердо связанной с мировыми деньгами — золотом, и таким образом, индийская рупия заменяла в обращении именно золото. Было установлено определенное отношение — 15 рупий = 1 ф. ст., и это отношение поддерживалось на практике. Благодаря наличию этой связи количество рупий в обращении не могло быть ни недостаточным, ни избыточным, и, следовательно, их представительная стоимость также должна была быть устойчивой. Ибо, если например количество необходимых для обращения рупий, исчисленное по формуле $K = \frac{A \pm B}{C}$ возрастает, и курс рупии должен подняться, то фунты стерлингов (золото) будут усиленно обмениваться на рупии и, следовательно, в обращение поступит дополнительное количество рупий. Обратное в том случае, если количество находящихся в обращении рупий превысило бы потребность обращения.

В Индии при системе блокированной чеканки был применен тот механизм регулирования количества денежных знаков в обращении, который вошел в австрийскую практику лишь после того, как она перешла от системы блокированной чеканки к системе связанных с металлом бумажных знаков, к анализу которой мы переходим.

§ 12. По поводу этой системы мы можем ограничиться лишь несколькими словами, ибо она подчинена закономерностям, управляющим третьим типом. Классическим образцом этой системы, который в настоящее время является широко распространенным типом, служит австро-венгерское денежное обращение после 1892 г. В этом году правительства Австрии и Венгрии издали закон, согласно которому в монархии вводится новая денежная единица — крона, содержащая 0,609 756 г чистого золота (из одного килограмма чистого золота получается 32 800 крон за вычетом 6 крон за чеканку); по закону предполагалось чеканить золотые монеты в 10 и 20 крон. Тем самым законодательство лишь фиксировало переход к золотому мерилу стоимости, который, как указывалось, был совершен еще при системе блокированной чеканки. Золотые монеты не были однако выпущены в обращение и фактически валютными деньгами были банкноты Австро-венгерского банка. Следовательно Австрийская система денежного обращения была прочно связана с мировыми деньгами — золотом — при посредстве неограниченного размена банкнот на инвалюту. Между австрийскими банкнотами и инвалютой был установлен интервалюторный курс, соответствующий металлическому паритету. Австро-венгерский банк энергично проводил так называемую *девизную политику*, которая заключается в следующем. Если курс австрийской валюты падает ниже паритета, то Австро-венгерский банк продает по этому курсу имеющиеся у него в запасе девизы (т. е. золотую инвалюту) и этим снижает курс инвалюты до паритета. Если же курс австрийской валюты повышается, то Австро-венгерский банк поступает обратным образом. *Фактически эта политика означает не что иное, как свободный размен знаков денег на деньги, а именно — на мировые деньги — золото.* Поскольку эта система поддерживается, каналы обращения не переполняются денежными знаками и покупательская сила последних будет полностью равна стоимости золота. *Следовательно эта система обеспечивает устойчивость денежного обращения в такой же мере, как и золотой монометаллизм* хотя средствами обращения здесь являются чистые знаки. *Эта система дает значительную экономию на издержках обращения, ибо золотой запас, обеспечивающий размен, ни в коем случае не должен быть равен сумме выпущенных в обращение денежных знаков.* Этот запас должен быть достаточен для выравнивания спроса и предложения на инвалюту, зависящих от расчетного баланса. *Таким образом в нормальных условиях, т. е. при отсутствии необходимости пользоваться печатным станком для покрытия бюджетных дефицитов, такая система денежного обращения должна быть признана наиболее рациональной.* Эта система применяется после мировой войны в ряде других стран (см. главу XII). По существу мало чем отличается от этой системы предложенная еще *Рикардо* и применяемая ныне в Англии система обмена бумажных знаков на золотые слитки в фиксированной пропорции.

§ 13. Наконец последняя разновидность денежных систем — это система бумажных знаков без фиксированной связи (в экономическом, а не в юридическом смысле) с мировыми деньгами (золотом). Сущность этой системы и ее экономические последствия были подробно

нами рассмотрены в VII главе, и здесь поэтому мы не будем на ней останавливаться. Основные же эпизоды из истории применения этой системы на практике будут рассмотрены нами в следующей главе. Здесь же мы заметим только, что если правительство какой-либо страны становится на путь инфляции, то неизбежен переход к этой системе.

Литература.

- 1) Проф. З. С. Каценеленбаум, Учение о деньгах и кредите, ч. I, гл. XVI.
- 2) *Лянсбург*, Три вида золотой валюты, Сборник «Проблемы мирового денежного обращения» под ред. Г. Сокольников, изд. НКФ, М. 1927.
- 3) Г. Кассель, Основные идеи теоретической экономики, гл. IV, 1929.
- 4) Bruno Moll, Die modernen Geldtheorien und Währungssysteme, II. Aufl. 1926.
- 5) F. Machlup, Die Goldkernwährung, 1925.
- 6) B. Nogaro, Modern Monetary Systems, London 1927.
- 7) Mises, Theorie des Geldes u. d. Umlaufsmitt, II Aufl., 1924.
- 8) Проф. Н. Д. Силин, Кредитная политика эмиссионного банка и твердая валюта, изд. II-е, М. 1928.

Вопросы для повторения.

- 1) В чем выражается государственная регламентация денежных систем?
- 2) Какой принцип можно положить в основу классификации денежных систем (регламентированных)?
- 3) Дайте классификацию денежных систем на основе этого принципа.
- 4) Охарактеризуйте типы монометаллистических систем.
- 5) Что такое биметаллизм и в чем дефект этого типа денежных систем?
- 6) Возможен ли биметаллизм с фиксированным валютным паритетом и свободной чеканкой обоих металлов?
- 7) В чем заключался и как окончился биметаллистический опыт «Латинского монетного союза»?
- 8) В чем положительные и отрицательные стороны золотого монометаллизма?
- 9) Почему систему денежного обращения Австрии после 1879 г. нельзя отнести к разновидности монометаллистических валют, хотя валютными деньгами были серебряные гульден?
- 10) К какому типу валют перешла Австро-Венгрия в 1892 г.?

ГЛАВА XII.

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ИЗ ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ И ДЕНЕЖНЫХ ТЕОРИЙ.

§ 1. Бумажные деньги в эпоху Великой французской революции. История ассигнатов. Таксировка цен. «Королевские» и «республиканские» ассигнаты. «Земельные мандаты». Ликвидация ассигнатов и их историческая роль.— § 2. Бумажно-денежное обращение во Франции 1848 г. и в 1870—1872 гг.— § 3. Бумажно-денежное обращение в САСШ. «Континентальные деньги». «Бумажные грибенки» САСШ 1861 г.— § 4. Неразменные банкноты в Англии.— § 5. История денежного обращения России. Порча монет как источник государственного дохода. «Медный бунт» при Алексее Михайловиче. История ассигнационного обращения.— § 6. Реформа Канкрин 1839—1843 гг. Новая полоса бумажно-денежной инфляции. Реформа Витте 1879 г.— § 7. Классические случаи стабилизации валют.— § 8. Связь денежных теорий с практикой организации денежных систем.— § 9. Порча монет и юридическая (государственная) теория денег.— § 10. Борьба классовых интересов в связи с практикой денежного обращения.— § 11. Развитие денежных теорий в связи с развитием капитализма.— § 12. Политические мотивы номиналистических выступлений.

Познакомившись с происхождением денег и историческими типами денежных систем, мы переходим к краткому описанию наиболее инте-

ресных и поучительных моментов из истории денежного обращения различных стран. Мы рассмотрим наиболее характерные периоды *бумажно-денежных инфляций*.

§ 1. В эпоху Великой революции Франция пережила грандиозную бумажно-денежную инфляцию. Франция в XVIII в. постоянно имела расстроены финансы. Перед самой революцией правительство Людовика XVI прибегло к выпуску бумажных денег, что было сделано в виде позаимствования правительством у частного кредитного учреждения («Кассы коммерческого учета») 180 млн. фр., выпущенных специально для этой цели в форме банкнот. Банкноты «Кассы» стали обесцениваться, и не было возможности поддерживать их размен: банкнотам был присвоен в 1783 г. принудительный курс, и таким образом эти банкноты превратились в настоящие бумажные деньги.

Получив в наследство от старого режима расстроены финансы, революционная Франция не могла отказаться от бумажно-денежной эмиссии, поскольку государственные расходы чрезвычайно возросли, а нормальных доходов не было. «Хорошая революция — плохие финансы» — говорит пословица: во Франции бумажный станок был призван с 1789 г. покрывать издержки революции, точно так же, как и с октября 1917 г. тем же способом финансировалась Октябрьская революция.

Бумажные деньги Великой французской революции назывались *ассигнатами*. Ассигнаты первоначально были выпущены (на основании законов 19—21 декабря 1789 г. и 17 апреля 1790 г.) как *государственные облигации*, обеспеченные национализированными земельными фондами. Они приносили их обладателям первоначально 5%, а позднее 3% годовых. Следовательно ассигнаты этого периода *не были еще деньгами, но принудительным государственным займом*, который предполагалось погасить продажей национализированных земель. В конце 1790 г. были изданы декреты, которыми устранялась процентность ассигнатов; в обращение были выпущены ассигнаты мелких купюр (раньше выпускались только крупные купюры от 200 ливров), и ассигнатам была присвоена сила законных платежных средств наряду с металлической монетой. В течение этого периода происходят крупные инфляционные выпуски ассигнат в обращение, что и приводит к их прогрессивному обесценению, а с 1793 г. — к полному вытеснению из обращения металлических монет (причины этого явления нам известны из 1-й части).

Так как в тот период не производилось статистических наблюдений изменения покупательской силы денег путем индексов, то в качестве показателя обесценения ассигнатов приходится брать курсовую стоимость металлических денег в бумажных деньгах. В следующей диаграмме, составленной исследователем денежного обращения Франции рассматриваемого периода, проф. *Фалькнером*, показаны кривые роста эмиссии и обесценения ассигнатов (см. диаграмму на стр. 129). В приведенной диаграмме не удалось довести кривую обесценения до конца, т. е. до середины 1796 г., так как к этому моменту обесценение ассигнатов достигло 30 000%, а рост денежной массы 1 900%, и, следовательно площадь диаграммы пришлось бы увеличить в 15 раз.

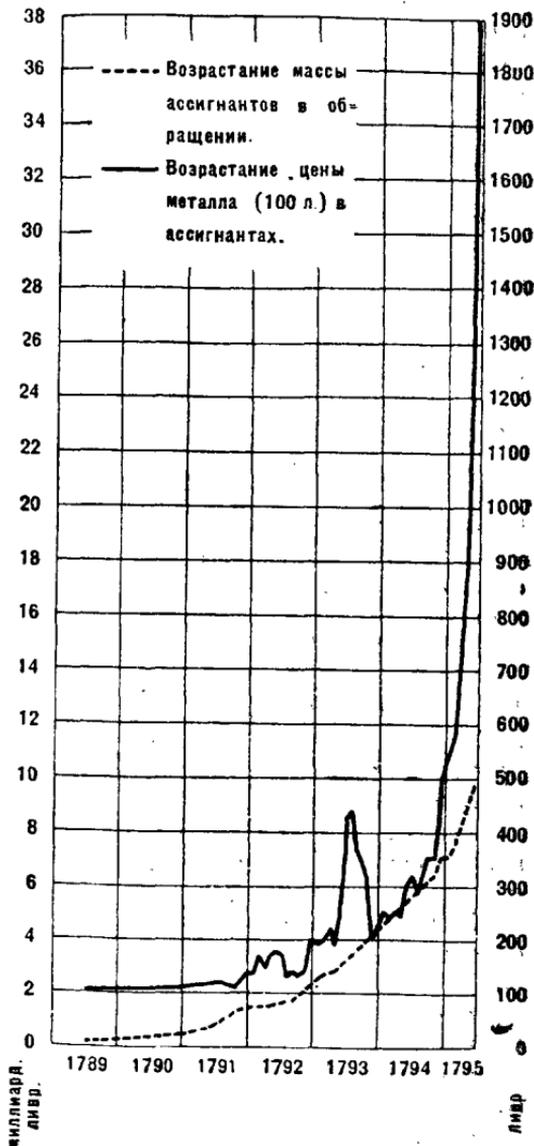
Первоначально, в 1789 г. ассигнаты стоили в металле 98% своего номинала; к концу 1790 г. их стоимость упала до 92%; к концу 1791 г. — до 77%; в конце 1792 г. — до 72%, к середине 1793 г. (август) — до 22%; затем к концу 1793 г. они снова поднялись до 48%. В течение же 1794 г. они падают в своей стоимости до 40%, — 20%. Наконец в течение 1795 г. темп обесценения достигает наивысшей точки: к началу 1795 г. ассигнаты обладали только 18% своей номинальной стоимости, а к концу этого года — всего 0,52%.

Инфляция ассигнатов сопровождалась всеми известными нам из теории денежного обращения явлениями: неравномерным (по территории и товарам) ростом цен, расцветом спекуляции, натурализацией хозяйственных отношений и т. п. Так по данным одной газеты того периода цены на муку в 1795 г. в бумажных ассигнатах возросли в 112½ раз, в то время как цена бобов только в 31½ раза, вина — в 30 раз, угля — в 29 раз, пары чулок — в 33⅓ раза, сукна — в 17 раз. Характерно, что цены возросли не только в бумажных ассигнатах, но и в металлическом выражении (это явление наблюдалось и у нас в период «военного коммунизма»). В связи с этим товары получали двойную расценку: в бумажных ассигнатах и в металле.

Разрыв цен создает почву для спекуляции. В этот период во Франции спекулятивная горячка охватила широчайшие слои населения. «Торгуют все: бывшие монахи рядом с графинями-штопальщицами, маркизы продают мужские сапоги». Наиболее ловкие спекулянты наживали крупные состояния...

Рост цен наибольшей своей тяжестью ложился на плечи рабочего

Диаграмма № 2
Рост эмиссии и обесценения ассигнатов во Франции в 1789—1795 гг.

класса и мелкой буржуазии, которые требовали от правительства административных мер борьбы с повышением цен путем установления *такс* или «*максимумов*», т. е. предельных цен на товары. К Конвенту в 1793 г. приходят делегации с лозунгом на знаменах «Мы просим таксу на хлеб». В петиции (прошении) одной из делегаций выдвигалось требование введения максимума цен и крупного налога на буржуазию: «Вот наши средства к спасению общего дела: мы их считаем единственно непогрешимыми. Если вы их не примете, то мы, желающие это дело спасти, вам объявляем, что мы находимся в состоянии *восстания*. Десять тысяч человек находятся у дверей залы».

Конвент оказывается вынужденным принять проект максимума сначала на хлеб, а затем и на ряд других товаров. Впрочем еще до этого на местах уже практиковалась нормировка цен товаров. Но этими мерами продовольственный кризис не мог быть изжит: таксировка цен приводила к исчезновению таксируемых товаров с рынка; однако не смотря на все репрессии, вплоть до *смертной казни*, товары все же продавались на «подпольном рынке» по ценам, еще более высоким, чем те, которые существовали до введения такс, поскольку инфляция продолжалась.

Наконец нужно отметить, что сначала на ассигнатах было изображение Людовика XVI: с конца 1792 г. был прекращен выпуск этих так называемых «королевских ассигнатов» и стали печататься «республиканские ассигнаты» без изображения короля. В целом ряде районов Франции (Лионе, Вандее и др.) с реакционно настроенным населением, которое еще верило в возврат монархии, «республиканские ассигнаты» ценились ниже, чем «королевские» (также и у нас в 1918—1919 гг. в некоторых районах «царские деньги» ценились выше «советских»).

К началу 1796 г. ассигнаты настолько обесценились, что их эмиссия не могла уже приносить солидного дохода правительству. 30 января 1796 г. в торжественной обстановке были уничтожены «орудия производства» ассигнатов. Но ассигнат по существу еще не умер: его преемником были так называемые «земельные мандаты», на которые по курсу 30 фр. ассигнатами за 1 фр. «мандатами» обменивались ассигнаты. Мандаты, выпускавшиеся под мнимое обеспечение земель в инфляционных размерах, упали к концу 1926 г. до $2\frac{1}{2}\%$ своей номинальной стоимости.

Наконец были аннулированы и ассигнаты и мандаты (декретом от 4 февраля 1797 г.), и Франция перешла к металлическому обращению, что было подготовлено постепенным внедрением металлических монет в обращение еще до момента официальной ликвидации бумажно-денежной системы. Ассигнаты так же как и наши совзнаки, выполнили великую историческую роль: «ассигнаты, — сказал министр финансов эпохи Директории, *Рамель*, — создали революцию; они провели уничтожение сословий и привилегий; они низвергнули трон и основали республику; они вооружили и снарядили эти грозные колонны войск, которые пронесли трехцветный штандарт на ту сторону Альп и Пиринеев; они нам оплатили нашу свободу».

§ 2. В XIX в. Франция дважды возвращалась к бумажно-денежной системе без размена на металл: в связи с февральской революцией

1848 г. и в связи с Франко-прусской войной 1870—1872 гг. В первом случае отклонение курса французской валюты от золотого паритета было кратковременным и незначительным (12%), и, несмотря на прекращение размена, курс валюты вскоре же был восстановлен. Зато война с Германией 1870—1872 гг. вынудила Францию прибегнуть в широких размерах к печатному станку как источнику финансирования военных расходов. Уже самое объявление войны и победоносное наступление неприятеля немедленно же привело к исчезновению металла из обращения и усиленному обмену банкнот на золото: в течение 15 дней таким путем было извлечено населением 180 млн. фр. Находясь под угрозой полного истощения золотых запасов, французское правительство в августе 1870 г. объявило о прекращении размена банкнот на золото и о принудительном курсе последних. Для финансирования государственных расходов Французскому банку было предоставлено право выпускать банкноты на крупные суммы, которые банк передавал в ссуду правительству. В 1873 г. банкнотное обращение достигло 3 млрд. фр. Затем начинается постепенное погашение правительством своего долга, накопление банком металлической наличности; после уплаты Германии последней части контрибуции в 1873 г. пчез лаж на металл.

Все это дало возможность восстановить размен банкнот на золото: уже с ноября 1874 г. банк стал выплачивать по банкнотам золото, а с 1 января 1878 г. разменность банкнот была объявлена и официально. В этом опыте денежного обращения типичным является использование правительством в своих целях эмиссионного права *частного* Французского банка: с того момента как правительство расширило эмиссию этого банка для финансирования войны, объявило о неразменности и принудительном курсе банкнот, последние по существу превратились в бумажные деньги. Такого рода превращение банкнот в бумажные деньги при сохранении прежних формальных признаков банкнот широко практиковалось во время мировой войны.

§ 3. *Северо-американские соединенные штаты* (бывшие английские колонии) прибегали к бумажно-денежной эмиссии как источнику государственного финансирования раньше европейских стран. Как указывалось в предыдущей главе, в штате *Массачусетс* еще в 1690 г. стали выпускаться бумажные деньги. Сначала эмиссия производилась в скромных размерах, но к концу 1749 г. количество бумажных денег в обращении превышало 2 млн. фун. ст., а курс денег на золото упал более, чем в 10 раз. Расstroенную систему бумажного денежного обращения в разное время имели также и другие английские колонии в Америке (Пенсильвания, Южная и Северная Каролина и пр.).

Во время борьбы английских колоний в Америке за независимость и образования в 1776 г. САСШ, для финансирования войны конгресс штатов в 1775 г. принял постановление о выпуске «континентальных бумажных денег» на 3 млн. долл., но затем сумма выпуска из года в год повышалась, и к 1779 г. общая сумма бумажных денег в обращении превысила 240 млн. долл. Но «континентальные деньги» обесценивались из года в год еще быстрее, чем росла эмиссия, и к 1779 г. огромная масса бумажек стоила ничтожную сумму денег в металле.

Сколько сильным было обесценение, можно судить по сообщению *Вашингтона* (командующего американской армией) в письме конгрессу: «за воз денег едва ли можно купить воз провианта». В начале 1780 г. за 1 серебряный доллар давали 50—60 бумажных долларов, несмотря на то, что конгресс объявил «врагом свободы Соединенных штатов» всякого, кто потребует большую сумму «за дома, земли или вещи» в бумажных долларах, чем в металле, и угрозой конфискации имущества пытался поддерживать курс бумажных денег. Но никакое постановление, хотя бы самой авторитетной власти, будь то монарх, парламент или конгресс, не в силах побороть объективные экономические законы: конгресс САСШ, так же как и французский Конвент, и русский монарх и т. д., вопреки мнению государственной теории денег (*Кнатт*), не могли придать бумажным деньгам ту стоимость, которая для них желательна. Эта стоимость, как мы знаем, определяется законами обращения (стоимостью необходимых для обращения действительных денег), но отнюдь не решениями правительственной власти. Вот почему и применение в САСШ в этот период, так же как и несколько позднее во Франции, суровых мер по *таксировке цен* не могло не привести к исчезновению товаров с рынка и созданию «подпольного рынка». В 1778 г. конгресс уже отменил твердые цены. Натурализация хозяйственных отношений (безденежный обмен) в период обострения инфляции имела место в САСШ так же, как и в периоды обостренной инфляции в других странах. Один из современников писал, что «мена является единственным способом торговли» и жаловался на «положение тех, которые не имеют ни соли, ни ни сахара и т. п. для товарообмена».

«Континентальные деньги» были ликвидированы 18 марта 1780 г. путем *девальвации*, а именно улатой за каждые 40 бумажных долларов 1 доллара в металле. Но размен в этой пропорции был отсрочен на 6 лет: в обмен на бумажные доллары первоначально были выпущены 5% облигации и за 40 бумажных долларов уплачивался 1 доллар в облигациях. Постепенно, с улучшением финансового положения САСШ и получением кредитов из европейских государств, облигации были погашены, и САСШ перешли к нормальной системе обращения.

Правительство САСШ во время гражданской войны 1861 г. вновь прибегло к печатному станку для финансирования войны. Сначала, в феврале 1861 г., были выпущены в указанных целях процентные, позднее беспроцентные краткосрочные обязательства казначейства на 50 млн. долл., затем в декабре того же года был прекращен размен бумажек на золото, и путь для развязывания бумажно-денежной инфляции был открыт.

Выпущавшиеся дензнаки были зеленого цвета и отсюда получили название «*гринбеков*» («зеленых спинок»). С расширением эмиссии гринбеки обесценивались, а металлические деньги уходили в сокровище. Всего было выпущено к июню 1864 г. гринбеков на сумму около 450 млн. долл., а металлические деньги к этому времени стоили в гринбеках вдвое больше (за 100 золотых долларов платили в 1864—1865 гг. 202 долл. в гринбеках). С окончанием войны лаж на металл сразу же резко упал (в апреле 1865 г. до 44%), а с погашением государствен-

ного долга и извлечением избыточных бумажных денег из обращения удалось восстановить курс гринбеков и свободный обмен их на металл по номиналу.

§ 4. В период войны Англии с Наполеоном в 1793—1815 г. (обошедшейся Англии в 831,4 млн фун. ст., т. е. свыше 8 млрд. руб.) английское правительство вынуждено было прибегать к крупным позаймствованиям в Английском банке; в связи с оплатой золотом крупных иностранных заказов, паникой в 1796 г. и ростом позаймствований последним у банка за счет расширения эмиссии банкнот, Английский банк не имел возможности оплачивать свои обязательства (банкноты и вклады) золотом. В связи с этим в 1797 г. был издан так называемый «*Рестрикционный акт*», согласно которому Английский банк был освобожден от обязательства размена банкнот на золото. Первое время это не отразилось на курсе банкнот, но уже начиная с осени 1799 г. появляется лаж на металл, и курс банкнот падает из года в год; летом 1813 г. банкноты расценивались на 30% ниже своей номинальной стоимости. Правительство официально не объявило принудительного курса банкнот, но зато издало закон, согласно которому карался прием банкнот по курсу ниже номинального. Но существу это означало не что иное, как введение принудительного курса на банкноты и превращение их в бумажные деньги.

С окончанием войны, восстановлением народного хозяйства Англии и улучшением ее финансового состояния курс банкнот поднялся, и золото стало приливать в Английский банк. Это дало возможность восстановить равновесие денежной системы и прежде всего восстановить твердую связь банкнот с золотом. Парламентская комиссия во главе с *Робертом Пилем* признала необходимым и возможным восстановление размена банкнот на золото, но обмен, согласно закону 1819 г., отсрочивался до 1 мая 1823 г. Однако положение Английского банка и курс валюты позволили восстановить свободный обмен банкнот на золото уже в 1820 г. и таким образом закончился 23-летний период обращения неразмменных банкнот в Англии.

В разные периоды расстроенную бумажно-денежную систему имели *Германия, Италия, Швеция, южно-американские республики и Австрия*. Последняя в течение XIX в. хронически имела расстроенные финансы и в силу этого расстроенную валюту, и только в 1892 г. Австро-Венгрия перешла к устойчивой валюте, построенной на совершенно новых основаниях (IV тип денежной системы), о чем была речь в предыдущей главе.

§ 5. С последней четверти XVIII в. и вплоть до конца XIX в. Россия хронически, с небольшими передышками, имела расстроенную бумажно-денежную систему. Но еще до введения бумажных денег при Екатерине II металлическое обращение в России было таким образом организовано, что не гарантировало устойчивости денежной системы. Дело в том, что извлечение доходов государством из своей прерогативы (исключительного права) выпускать деньги возможно не только при бумажно-денежной, но также и при металлической системе.

Это достигается путем так называемой *порчи монет*, т. е. уменьшения их металлического содержания ниже того номинала, который

на них значится. В этом случае государство, получив например 100 руб., перечекавив их на рубли вдвое меньшего веса и выпустив взамен ста рублей 200 руб., получает 100 руб. дохода. Этот примитивный способ получения государством доходов широко применялся еще в древнем Риме и в средние века и породил даже теории, которые оправдывали такого рода махинацию, о чем будет речь ниже.

Правительство России, ведя войну с Польшей и Швецией в царствование *Алексея Михайловича*, для покрытия своих чрезвычайно возросших расходов прибегло к указанному выше излюбленному приему средневековых феодалов—порче монеты. В 1656 г. правительство сначала «испортило» серебряные монеты, уменьшив их металлическое содержание, а затем стало чеканить медные монеты одного веса с серебряными монетами того же наименования. Но, несмотря на то, что правительство предписывало принимать медь по той же «назначенной ценности», что и серебро, на рынке медный рубль стоил в 100 раз дешевле серебряного. Правительство покупало медь по 3 р. 45,6 к. серебром за пуд, а чеканило из пуда на 345 р. 60 к. медных денег. В результате количество денег в обращении сильно возросло и представительная стоимость медного рубля в силу известного нам закона упала. Серебряные рубли ушли из обращения в сокровище, цены товаров в медных рублях резко возросли. Между тем правительство рассматривало эти испорченные деньги как имеющие полную ценность и расплачивалось ими с населением. Один автор XVII в., *Котошихин*, сообщает: «крестьяне не почали в город возить сена и дров и съестных припасов и почала быть от тех денег на всякие запасы дороговь велика»; солдаты «с голоду помирают, а полки медных денег брать не хотят, хотя бы их рубить хотели, но всех не перерубить». Денежная политика правительства вызвала протест населения и произошел так называемый «медный бунт». Правительство сурово расправилось с бунтовщиками, которые явились к «тишайшему» Алексею Михайловичу со своим протестом: тысячи людей были казнены и сосланы. Однако и такими мерами правительству не удалось преодолеть экономику и оно в конце концов было вынуждено прекратить чеканку медных монет в 1663 г. и выкупило по рыночной цене находившуюся в обращении «испорченную монету».

Выпущенные в 1769 г. при Екатерине II бумажные деньги, так называемые *ассигнации*, первоначально предназначались исключительно для размена неудобных для обращения громоздких медных монет. Само же правительство принимало в платежи ассигнации наравне с медными и серебряными монетами. Но в период войны с Турцией в 1769—1775 гг. правительство стало пользоваться для финансирования войны печатным станком. Несмотря на торжественное обещание манифеста «святостью слова царского» не прибегать к выпуску ассигнаций свыше 100 млн. руб., количество выпущенных к 1796 г. ассигнаций превышало 150 млн. руб. Правительство, не отменяя официально размена, стало ограничивать таковой. Курс ассигнаций в 1795 г. был равен 68½ копейкам; металл исчез из обращения, цены товаров резко возросли, — картина, хорошо известная нам из предыдущего.

Рост цен и обесценение ассигнаций сопутствовал росту эмиссии последних до 1819 г.

В течение этого периода предпринимались попытки стабилизировать валюту: в 1810 г. государственный секретарь *Сперанский* составил свой «План финансов», согласно которому ассигнации подлежали уничтожению и предполагалась основать банк с правом выпуска банкнот, разменных на серебро. Но наполеоновская война сорвала этот план, хотя он и был принят Государственным советом. Снова начались крупные выпуски ассигнаций и прогрессирующее их обесценение, которое прекратилось только в 1819 г.

§ 6. С 1818 г. начинается изъятие ассигнаций из обращения, а в 1839—1843 гг., при министре финансов *Канкрине*, проводится денежная реформа. Эта реформа заключалась в проведении *девальвации*, а именно—официальном закреплении за ассигнациями курса 3 р. 50 к. за 1 руб. серебром; по этому курсу был восстановлен обмен ассигнаций на серебро. Позднее ассигнации были обменены на «кредитные билеты», разменные на серебро, и к 1853 г. ассигнационное обращение было ликвидировано: вместо 595,8 млн. руб. ассигнациями было выпущено 170,2 млн. руб. кредитных билетов. Всего 10 лет, с 1843 по 1853 г., Россия имела нормально функционирующую систему денежного обращения, а именно: систему *серебряного монетализма* с обращением свободно размениваемых на серебро кредитных билетов.

Крымская война 1853 г. снова побудила правительство обратиться к печатному станку как источнику финансирования. Количество кредитных билетов в обращении с 333,4 млн. руб. в 1853 г. возросло до 735,2 млн. руб. в 1857 г., и в 1856 г. был прекращен обмен бумажек на металл. Началась обычная история: падение курса бумажек на металл, рост товарных цен, например на муку до 100% и т. д. С тех пор Россия непрерывно имела расстроенную бумажно-денежную систему. Мероприятия по оздоровлению денежной системы начались в 80-х и 90-х годах и завершились *реформой Витте* 1897 г.

Реформе предшествовала *постепенная стабилизация курса кредитных билетов на золото*. Это было достигнуто рядом мероприятий: *оздоровлением бюджета и ограничением эмиссии кредитных билетов, накоплением металлического фонда, главным образом золотого, и активной девизной политикой*. Последняя заключалась в покупке и продаже правительством трагт (векселей), выписанных в иностранной валюте в целях противодействия колебаниям вексельного курса русской валюты как в сторону понижения, так и в сторону повышения. В результате правительству удалось прочно стабилизировать к 1896 г. курс кредитных билетов на паритете 7 р. 50 к. бумажными деньгами за 5 руб. золотом (полумпериа).

В связи с переходом Англии и Германии к золотой валюте, стоявшая на очереди реформа проектировалась как введение системы *золотого монетализма* в отличие от прежней системы—серебряного монетализма. Вслед за официальным закреплением законом 1896 г. курса полумпериаля (пятирублевый золотой) в 7 р. 50 к. кредитными билетами, 3 января 1897 г. был издан закон о денежной реформе.

ме, а именно о чеканке имперялов (прежних десятирублевых монет) с обозначением 15 руб. и полуимперялов—с обозначением 7 р. 50 к. Новый монетный устав 1899 г. объявлял денежной единицей рубль, содержащий 17,424 долей чистого золота. Так Россия перешла к *золотому монометаллизму*: серебро же и медь заняли место билонной монеты, а кредитные билеты стали подлинными кредитными билетами, т. е. банкнотами, выпускаемыми в обычном банковом порядке и свободно заменяемыми на металл по обозначенному на них курсу. В таком виде денежная система России просуществовала до мировой войны 1914 г., а основа этой системы — золотой рубль = 17,424 долям золота, формально сохранился и до наших дней в качестве законодательно признанной денежной единицы.

Реформу Витте немецкий экономист *Карл Шефер* в своей премирной работе о «классических системах стабилизации валюты» считает одним из классических (т. е. образцовых) типов стабилизации валюты.

§ 7. *Шефер* различает три классических случая стабилизации валюты: 1) «систему Витте», 2) «систему Торнквиста» (девальвация аргентинского пезо в 1899 г.) и 3) «систему Линдсея» (стабилизация германовосточно-африканской рупии в 1904 г.). Стабилизация валют в первых двух случаях проводилась *собственными силами*, а иностранные стабилизационные кредиты имели подсобное значение; при системе же Линдсея *стабилизация проводится за счет специальных стабилизационных кредитов*. При системе Витте стабилизация проводится *постепенно*, после накопления золотого запаса; при системе Торнквиста устойчивая валюта вводится по возможности *сразу для накопления золотого запаса*; наконец при системе Линдсея устойчивая валюта также вводится по возможности *сразу*, по накоплению золотого запаса заменяется получением *заемных валютных резервов*. При всех трех системах стабилизация проводится на *золотой основе*, имеет своей целью установление фиксированного и устойчивого курсового отношения (колебания допускаются только в пределах «золотых точек») данной валюты с *мировыми деньгами—золотом*. Но системы Торнквиста и Линдсея имеют то общее, что они представляют собой «золотую валюту без золотого обращения», т. е. по нашей схеме третий тип денежной системы, а система Витте отличается от систем Торнквиста и Линдсея тем, что она представляет собой золотую валюту с золотым обращением, т. е. по нашей схеме I тип денежных систем.

§ 8. Вопросы денежной политики и той или иной организации денежных систем на всем протяжении истории всегда решались учеными и практиками в соответствии с теми *классовыми интересами*, представителями которых они являлись. Именно в связи с этими практическими вопросами большей частью возникали и *денежные теории*. По видимости «чисто научный» спор о сущности и функциях денег почти всегда отражал собою те или иные классовые интересы в данной экономической обстановке.

В этом мы сможем убедиться, если бросим беглый взгляд на историю денежных теорий. Ниже мы даем описание некоторых характерных моментов из истории денежных теорий, поскольку эти послед-

ние были непосредственно связаны с практическими вопросами организации денежных систем.

§ 9. Первым историческим поводом, который вызвал основной раскол внутри денежной теории, был *вопрос о порче монет*. В старое время почти до середины XVII в., чеканка монет производилась главным образом ручным способом, в результате чего монеты выходили неправильной формы и неравного веса. Это побуждало к порче монет, которая была широко распространена в древнем Риме и в средние века. В особенности феодальные князья на всем протяжении истории злоупотребляли порчей монет, прибегая к обрезыванию более полновесных монет, а также к перечеканке в целях понижения их чистоты. Давая испорченным монетам прежнее наименование, верховные князья, а позднее короли «божьей милостью» беззастенчиво обманывали и грабили народ, навязывая в платежи населению деньги по их номинальной ценности.

Порча монет и попытка одновременно с нарушением внутренней ценности монет сохранить за ними прежние наименования, чтобы таким способом замаскировать государственное банкротство, имели самые болезненные последствия для экономической жизни государств.

Обращение заполнялось избыточным количеством неполноценных монет, каждая монета замещала в обращении меньшую стоимость металла, чем та, которая на ней значилась. Вполне естественно, что покупательская сила этих испорченных монет падала, а цены товаров росли; неустойчивость стоимости денежных единиц вносила путаницу в торговые отношения, расстраивала хозяйственную жизнь, приводила к общему экономическому застою. Порча монет очень больно отзывалась на беднейших группах населения, которые более всего страдали от дороговизны. На этой почве происходили народные волнения и бунты.

Вместе с тем порча монеты находит своих теоретических защитников в среде придворных юристов, которые стремились оправдать все злоупотребления с монетами со стороны верховной власти. Задавшись этой целью, средневековые юристы выдвинули учение о том, что ценность денег есть творение верховной власти, что металлическое содержание монет несущественно для их ценности и что государь своим штампом и обозначением монет может предписать деньгам хождение и ценность. Эта теория (которая по своему основному выводу совпадает с «государственной теорией денег» *Кнана*) была широко распространена в период раннего средневековья (до XIII—XIV вв.) в условиях феодально-поместного строя и слабого развития торговых связей между областями.

Она сходит со сцены в более позднюю эпоху, когда с развитием торгового капитализма возникла настойчивая потребность в полноценных монетах с устойчивым металлическим содержанием. Поэтому оппозиция против юридической теории денег шла в первую очередь из передовых стран, которые на своем опыте убедились, что в международном обороте могут выступать только полноценные металлические деньги. Неудивительно поэтому, что идеологи торгового капитализма выступили с резким осуждением порчи монет и ее теоретических

защитников—средневековых юристов. Именно идеологи купечества выдвигают учение о деньгах как всеобщем товаре и эквиваленте. Не государственная штемпель на монете и не ее наименование, а количество содержащегося в ней металла по учению идеологов купечества определяют ценность денег: представители купеческой литературы (например в Англии *Мен, Чайльд и Норс*) указывали на то, что искусственное повышение номинальной ценности монет является бесплодным обманом, поскольку в иностранной торговле принимается в расчет исключительно металлическое содержание монет, а не их наименование. Они указывали также, что и во внутреннем обороте существенно металлическое содержание, а не наименование монет, о чем свидетельствует повышение цен в результате порчи монет.

Поскольку, однако, юридическая теория денег как создание верховной власти отвечала фискальным интересам и оправдывала злоупотребления королей, она нередко выдвигалась и в те периоды, когда вред от порчи монет сделался достаточно очевидным и общепризнаваемым. Так например уже в конце XVII в. один английский автор (*Барбон*), стремясь оправдать порчу монет, писал:

«Если монета имеет ценность благодаря авторитету государства, то и монеты, которые сделаны более легкими, будут так же хороши и пригодны. Поскольку авторитет остается прежним, ценность денег тоже остается прежней, и на эти деньги можно будет купить прежнее количество благ».

В этом отношении Россия не отставала от Западной Европы. Злоупотребления порчей монеты вызвали народное восстание при Алексее Михайловиче в 1656 г. Наряду с этим и у нас в России нашлись также теоретические защитники порчи монет. Первый русский экономист *Иван Посошков* развивал юридическую теорию денег, которая у него была направлена к оправданию порчи медной монеты, практиковавшейся при Петре Великом. При этом создание ценности денег государством *Посошков* считал специфически русским явлением, которое могло возникнуть только в обстановке самодержавного и православного государства! В своей книге «О скудости и богатстве» (1723 г.) *Посошков* писал:

«Мы—не иноземцы, не меди цену нечисляем, но имя царя своего величаем: нам не медь дорога, но дорого его царское именование. Того ради мы не вес в них числим, но счисляем начертание на ней».

В действительности же, как мы видели, в Западной Европе еще задолго до выступления *Посошкова* было широко распространено учение о том, что государство может придать деньгам ценность, которой они не имеют по своему внутреннему содержанию.

§ 10. Конечно опыт всех стран на каждом шагу опровергал эту теорию, которая еще со стороны старых экономистов получала вполне заслуженный отпор. И тем не менее эта теория была необыкновенно живуча, поскольку защита неполноценных денег отвечала не только фискальным интересам (т. е. с точки зрения увеличения государственных доходов), но также интересам некоторых социальных групп. Прежде всего падающая ценность денег представляла выгоды для должников, так как они могли погашать долги в обесцененной монете. На-

ряду с этим в падающей валюте были заинтересованы экспортеры, так как, обменивая вырученную за экспортные товары иностранную валюту на деньги своей страны, обычно они получали больше, чем могли бы выручить по ценам внутреннего рынка. В частности в России очень часто экспортная премия в результате падающей ценности бумажных денег, позволяла помещикам вознаграждать себя за убытки от низких хлебных цен. Поэтому весьма характерно, что государственная теория денег выдвигалась представителями *землевладельческого класса*: участие в хлебном экспорте, с одной стороны, и позднее — рост поземельной ипотечной задолженности, с другой, обуславливали собою заинтересованность дворянства в падающей валюте.

Типичный в этом отношении пример представляет спор о перечекалке монет в Англии в 1695 г., о котором упоминает *Маркс* в «Критике политической экономии». Накануне перечекалки денежного обращения Англии было сильно расстроено; большинство обращающихся монет было испорчено, что вызвало застой в торговле и тормозило экономическое развитие. Представители торговой и финансовой буржуазии неоднократно обращались в парламент с «петициями» (просьбами) о необходимости перечекалки монет в целях оздоровления денежного обращения. Однако накануне перечекалки, когда возник вопрос о металлическом содержании новых монет, дворянство, в лице своих представителей, выступило с предложением понизить металлическое содержание новых монет (шиллингов) на $\frac{1}{5}$ против их прежнего содержания. Этот проект был выдвинут секретарем казначейства *Лаундесом*. Конечно не заставила себя ждать и теория, оправдывающая подобный вид замаскированной порчи монет, причем в качестве теоретического обоснования этого проекта была выдвинута уже знакомая нам юридическая теория денег. Один из теоретических защитников этого проекта, *Барбон*, выдвинул учение о том, что ценность денег есть творение государственной власти, что металлическое содержание денег несущественно для их ценности и, поскольку авторитет государства остается прежним, то и монеты с пониженным металлическим содержанием будут иметь прежнюю ценность, так как правительство придает им прежнее наименование. В этом споре победила купеческая и промышленная буржуазия, и перечекалка была произведена без уменьшения металлического содержания монет.

Также и в России государственная теория денег использовывалась в качестве орудия дворянских интересов, в борьбе против введения металлической устойчивой валюты. Характерный случай представляет собою теория известного реакционного историка и писателя *Карамзина*, который от имени дворянства выступил в 1810 г. против проекта стабилизации валюты. Будучи заинтересован в сохранении бумажной подающей валюты, которая в связи с развитием хлебного экспорта приносила дворянству очень значительные выгоды, *Карамзин* выдвинул следующие аргументы в пользу бумажных денег: «Цену деньгам дает правительство, объявляя, что оно будет принимать их в дань народную»... «Если бы государь, — пишет *Карамзин*, — дал нам клейменные щепки и велел ходить им вместо рублей, нашедши способ предохранить нас от фальшивых монет деревянных, то мы взяли бы и

ценки». Утверждая, что металлическое содержание совершенно несущественно для ценности монет, *Карамзин* приводит излюбленный мотив номиналистов о «циркуляторном», а не техническом использовании денег. «Монеты,—писал *Карамзин*,—введены не для делания из них сосудов, пуговиц, табакерок, но для оценки вещей и сравнения их между собой».

Яркое выступление подобного рода имело место в 90-х годах, накануне реформы Витте. Переход к золотой валюте в данный период был особенно нежелательным для дворянства. Именно канун реформы (1893—1896 гг.) характеризуется особенно низкими хлебными ценами. Средняя цена на рожь в Центрально-черноземном районе с 82 коп. за пуд в 1892 г., в 1893 г. упала до 49 коп. за пуд, в 1894 г. до 30 коп. в 1895 г. до 31 коп., в 1896 г. до 34 коп. В связи с этим экспортные премии для русского землевладения в рассматриваемый период имели особенно большое значение. Упрочение курса рубля, которое ожидалось в результате реформы, дворянство оценивало как «смертельный удар» для хлебного экспорта.

Одним из ярких выразителей дворянской оппозиции против реформы был известный реакционер—*Шарапов*, который пытался теоретически обосновать свое отрицательное отношение к золотой валюте.

Шарапов защищал уже знакомую нам теорию о независимости ценности денег от ценности металла: «Идеальная, наилучшая форма денег,—пишет он,—абсолютный знак, единица меры отвлеченная, как метр, аршин, вершок».

Настоящие деньги, как он пишет в другом месте, это «деньги, лишенные всякого вещного, товарного значения, деньги-знаки, деньги—измеритель и орудие расчета и учета, деньги—представитель не реальной ценности, а некоторой идеи». Вместе с тем он указывал, что бумажный рубль накануне реформы представлял собою образец этих абсолютных денег, не связанных с металлом. Развивая теорию о независимости денег от металла, *Шарапов* призывал к борьбе с «золотым предрассудком», которым пропитана финансовая теория Запада. При этом он замечает, что абсолютные деньги, не связанные с металлом, могли возникнуть только на почве самодержавного государства, как результат «экономического творчества полновластного государя».

Мы могли убедиться, что государственная теория денег, которую новейшие буржуазные экономисты пытаются представить как какое-то теоретическое открытие *Клатта*, в действительности очень давнего происхождения и была тесно связана с денежной политикой, будучи направлена к оправданию неполноценных и бумажных денег. Однако защита последних развивалась и другим путем. Наряду с государственной теорией денег можно отметить так называемую «функциональную» (или циркуляторную) теорию (теорию обращения), которая и в новейшее время имеет своих представителей (*Гельферих*, *Мизес*).

§ 11. Как мы уже знаем из 1-го отдела, внутреннее обращение допускает функционирование чисто номинальных, например, бумажных, денег. С переходом от торгового к промышленному капитализму прибыль капиталиста сосредоточивалась уже не в груди мертвых сокровищ — золота и серебра, — но стала помещаться в промышленных пред-

принятиях. Источником прибавочной ценности, или как тогда говорили, источником *богатства* стали считать *труд*. (Неудивительно, что переход к промышленному капитализму ознаменовался также развитием трудовой теории ценности, которая уже в XVII в. находила сторонников.) Это приводит к отказу от накопления богатств в золоте и серебре. Новая установка в области экономической политики оказала свое влияние и на денежные теории.

Полноценные металлические деньги, которые в период торгового капитализма были необходимым средством для введения международной торговли и основным средством накопления, в сфере внутреннего обращения представляются излишней роскошью. Расход государства на металлическое обращение объявляется непроизводительным. Все больше протестов вызывают также непроизводительные издержки, связанные с металлическим обращением в результате стирания и изнашивания металлических монет в обращении. В эту эпоху теория денег испытывает коренную ломку. Товарно-металлические представления о сущности денег, которые развивали идеологи купечества периода торгового капитализма, подвергаются переоценке.

Литература о деньгах становится ареной борьбы с «золотым предрассудком», борьбы за освобождение государств от «золотого и серебряного ярма» и за организацию дешевого обращения.

Развитие бумажных и кредитных денег, которые с ходом экономического развития все больше внедрялись в оборот, служило новым побуждением для переоценки старой товарно-металлической теории о сущности денег.

Авторы этой эпохи очень часто ссылаются на факт существования бумажных и кредитных денег, что по их мнению служит лучшим подтверждением несущественности и необязательности для денег обладать металлической субстанцией. Для обоснования этих взглядов указывалось на то, что деньги не являются целью торговой сделки, но только ее орудием и посредствующим звеном между двумя покупками, и что поэтому их берут не для того чтобы употребить для технических целей, но только для того, чтоб передать в другие руки и т. д.

Указание на значение денег исключительно как орудия обращения приводит ряд авторов к признанию несущественности материального содержания денег и к теоретическому допущению денег, лишенных внутренней ценности.

Именно такие мотивы в защиту бумажных денег развивали представители функциональной теории. Во Франции эта теория была очень распространена в XVIII в. среди экономистов из группы физиократов, которые были идеологами капиталистического земледелия и выступили против купеческой теории денег.

Агитация в пользу бумажных денег, помимо вышеприведенных соображений, часто диктовалась еще политическими мотивами, которые для нас важно отметить, поскольку они сохранили свое значение и для современного номинализма.

В XVII и XVIII вв. многие экономисты, агитируя против золота и серебра, как материала для денег, указывают, что сохранение металлической валюты ставит данную страну в экономическую зависимость

от стран, владеющих источниками драгоценных металлов (при этом имелась в виду Испания, которая в то время владела главными источниками золота и серебра, расположенными в ее колониях).

С середины XVII в. нападки и жалобы на Испанию сделались очень распространенным мотивом, которым сопровождались всякие проекты отказа от металлического обращения и перехода к бумажному. Так например известный своими финансовыми проектами *Джон Ло* писал:

«Довольно безрассудно ограничивать производительные силы нации, ставя их в зависимость от материалов, которые не в нашей власти, а во власти наших врагов, в то время как мы сами обладаем такими деньгами, которые заключают в себе во всех отношениях более выгодные качества» (он имел в виду бумажные деньги).

Отдельные авторы указывали, что если бы государства, которые поняли истинную сущность денег, отказались от употребления золота и серебра для целей монетизации, то это вызвало бы уменьшение спроса на эти металлы и привело бы Испанию к упадку. Таким образом освобождению от металлической валюты еще старые авторы придавали *политическое значение*, рассматривая его, с одной стороны, как меру упрочения своей экономической независимости и, с другой стороны, как меру политической борьбы.

Нетрудно заметить, что «развенчание золота» также и у новейших немецких номиналистов имеет скрытый политический смысл. Но в отличие от номинализма XVII—XVIII вв. новейший немецкий номинализм был направлен против Англии и надетого ею золотого «ярма».

§ 12. Особенно откровенно высказывали это немецкие номиналисты в период европейской войны, переплетая свои «абстрактные» рассуждения о сущности денег, о независимости денег от металла и о коренном отличии денег от золота, с чисто политическими мотивами и патриотическими призывами освободиться от золотого засилья Англии и уничтожить таким образом основу ее мирового господства. Впрочем и в этот период, когда политический смысл номинализма был достаточно очевиден, отдельные авторы по старой профессорской традиции не переставали уверять о своей беспристрастности и якобы о чисто научных задачах своих изысканий. Мы уже могли убедиться, что подобные заверения не заслуживают особого доверия: выше мы уже видели, в какой тесной связи денежная теория всегда стояла с задачами экономической политики и денежного устройства, и до какой степени неслепы попытки представить спор о сущности денег как чисто академический спор, т. е. такой, до которого якобы никому кроме ученых, нет никакого дела.

Литература.

А) *История денежного обращения на Западе и в САСШ.*

- 1) С. А. Фалкнер, Бумажные деньги Французской революции, М. 1919 г.
- 2) Проф. А. М. Жирнов, Кризис денежной системы Французской революции, П. 1921.
- 3) А. Тьер, История Французской революции, СПб 1875, т. III.

- 4) *Е. Энштейн*, Бумажные деньги в Италии, Австрии и Соединенных Штатах, М. 1893.
- 5) Проф. *З. С. Каценеленбаум*, Учение о деньгах и кредите, ч. 1, гл. XII.
- 6) *З. П. Евзлин*, Деньги, ч. II. Л. 1924.
- 7) *И. И. Кауфман*, Неразменные банкноты в Англии 1797—1819, 2 изд., П. 1919.
- 8) *A. S. Bolles*, The financial History of the United States from 1774 to 1789.
- 9) *W. Gouge*, The short history of paper money and banking in the United States, Philad., 1833.
- 10) *J. M. Fachman*, Histoire de la rente française et des Valeurs du trésor, P. 1904.
- 11) *A. Nussbaum*, Das Geld in Theorie und Praxis, Thübingen 1923.

В) История денежного обращения в России.

- 1) *Е. И. Ламанский*, Исторический очерк денежного обращения России с 1650 по 1817 г. в «Сборнике статистических сведений о России», СПб 1854, кн. II.
- 2) *И. И. Кауфман*, Из истории бумажных денег в России, СПб 1909.
- 3) *И. И. Кауфман*, Серебряный рубль в России, СПб 1910.
- 4) *П. А. Никольский*, Бумажные деньги в России, Казань 1892.
- 5) *А. Вагнер*, Русские бумажные деньги, 1871.
- 6) *А. Миклашевский*, Деньги, 1895.
- 7) Проф. *З. С. Каценеленбаум*, Учение о деньгах и кредите, ч. 1, гл. XIII.
- 8) Проф. *П. И. Лященко*, История русского народного хозяйства, М. 1928.
- 9) *А. Финн-Енотаевский*, Капитализм в России, т. I, М. 1925, отд. IX.

С) История денежных теорий. Стабилизация валюты.

- 1) *А. Эйдельмант*, Очерки из истории денежных теорий, М. 1929.
- 2) *Карл Шефер*, Классические случаи стабилизации валют, П. 1923.

Вопросы для повторения.

- 1) Опишите в общих чертах историю французских ассигнатов.
- 2) Почему население Франции требовало в 1793 г. у Конвента установления максимума цен, и имели ли успех примененные в центре и на местах суровые меры против нарушения установленных на продукты такс?
- 3) В чем положительное историческое значение французских ассигнатов?
- 4) Изложите кратко историю «континентальных денег» САСШ, а также историю «гринбеков».
- 5) В чем заключался «Рестрикционный акт» английского правительства в 1797 г., к каким последствиям он привел и когда и как эти последние были ликвидированы?
- 6) Почему в России в царствование Алексея Михайловича произошел так называемый «медный бунт»?
- 7) Кратко изложите историю ассигнационного обращения России.
- 8) Когда были проведены и в чем заключались реформы денежного обращения Канкрин и Витте?
- 9) Характеризуйте три классических типа стабилизации валют (до мировой войны).
- 10) Изложите основные моменты из истории денежных теорий и выясните, в чем выражалась связь этих последних с денежной практикой и объективной экономической обстановкой.

ГЛАВА XIII.

КРИЗИС ДЕНЕЖНЫХ СИСТЕМ И МИРОВАЯ ДЕНЕЖНАЯ ПРОБЛЕМА ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

§ 1. Мировая денежная проблема. — § 2. Стоимость мировой войны. — § 3. Мобилизация материальных ресурсов посредством финансового аппарата. «Чрезвычайные» доходные источники. Бумажно-денежная инфляция — основа «чрезвычайных доходов». Концентрация золота правительствами воюющих стран. — § 4. Развал мирового хозяйства. Рост спроса на товары на мировом рынке — рост товарных цен. Падение покупательской силы золоты. Сокращение производства золота. — § 5. Рост покупательской силы золота после войны. Ошибка Касселя. — § 6. Перераспределение мировых запасов золота. САСШ — мировой банкир. § 7. Послевоенная бумажно-денежная инфляция. Валютный демпинг.

§ 1. Бумажно-денежная инфляция во время и после мировой войны по своим масштабам превзошла все инфляционные потрясения, имевшие место в истории и описанные нами в XII главе. Эти последние обычно ограничивались рамками какой-либо *одной* страны. Основная же особенность бумажно-денежной инфляции рассматриваемого периода заключается в том, что она охватила *ряд важнейших государств мира* и так или иначе отразилась на странах, не участвовавших в войне; денежная проблема впервые в истории стала *мировой* денежной проблемой. Эта проблема обсуждалась на международных экономических конференциях и, как мы увидим ниже, ее разрешение в отдельных буржуазных государствах не могло обойтись без участия других капиталистических стран.

Не менее важна другая особенность рассматриваемого периода: в результате денежных реформ не было восстановлено довоенное положение денежных систем; в главнейших странах установилась *новая денежная система, покоящаяся на золотом основании, но без золотого обращения*. Таким образом мировая война внесла *коренные изменения в общую картину денежных систем мира*.

§ 2. Детище империализма — мировая война 1914 — 1918 гг. — обошлась человечеству по официальным статистическим данным в *13 млн. жизней*. Одна Россия в жертву Молоху войны принесла *2½ млн. жизней*, Германия — *1 600 тыс.*, Франция — *1 400 тыс.* и т. д. Что же касается материальных потерь, то нет, конечно, возможности точно учесть всю сумму убытков, причиненных войной. Один известный английский статистик (*Эдгар Креммонд*) исчисляет стоимость только одного первого года войны в *91 млрд. руб.* Стоимость же всех *3½ лет* русский экономист *М. Павлович* определяет в *585,7 млрд. руб.* Значительная часть веками накопленного богатства, плюс подавляющая часть богатства, созданного в течение *3½ лет*, была уничтожена этим величайшим социальным бедствием. Война велась не только за счет уничтожения львиной доли прибавочной стоимости, накопленной в течение многих десятилетий, но и за счет колоссального ограничения *текущего потребления* различных слоев населения и прежде всего рабочего класса и крестьянства.

Каким образом удалось воюющим странам мобилизовать сумму капиталов, исчисляемую сотнями миллиардов рублей? Каким образом

правительства заставили население в течение 3½ лет ограничить свое потребление до минимума с тем, чтобы подавляющую часть труда отвлечь на создание товарных стоимостей, совершенно безвозмездно отчуждаемых государством и приносимых в жертву Молоху войны.

§ 3. Естественно, что для этого потребовалось колоссальное напряжение финансового аппарата воюющих стран — напряжение, которое не могло не привести к распаду денежных систем, мировому валютному хаосу и прямому или замаскированному государственному банкротству в ряде стран.

В нескольких словах общее течение мирового денежного кризиса, порожденного войной, сводится к следующему.

С первых же дней войны бюджеты воюющих стран начали испытывать сильное напряжение в связи с расходами на мобилизацию, снаряжением армий и быстрым расширением производства орудий войны.

Бюджетные резервы и налоговые источники скоро были исчерпаны. Правительства, одни раньше, другие позднее, обращаются к изысканию особых, так называемых *чрезвычайных* доходных источников. К таковым относятся *военные займы* и *бумажно-денежная эмиссия*. Но главную роль в финансировании войны играла бумажно-денежная эмиссия, сразу же принявшая *инфляционные размеры*. Правда и выпуск займов в сравнении с довоенным временем чрезвычайно возрос, *но это было возможно только благодаря инфляции*.

Так по данным одного английского журнала за 1914—1918 гг. в Англии было реализовано внутренних займов всего на 4 495 млн. фун. ст. (в том числе на долю займов, выпущенных капиталистическими предприятиями только 179,5 млн. фун. ст. — остальная сумма падает на государственные военные займы), в то время как перед мировой войной годовая эмиссия как частных, так и государственных займов вместе взятых не достигала 200 млн. фун. ст. Таким образом за эти годы английский рынок поглотил на 3 с лишним млрд. фун. ст. (30 млрд. руб.) *сверх нормальной емкости английского денежного рынка*.

Только бумажно-денежной инфляцией (которая между прочим в Англии имела некоторые своеобразные черты, о чем ниже) можно объяснить такое колоссальное расширение емкости денежного рынка.

Мы знаем из теоретической части, что бумажные деньги имеют силу только в пределах данной страны. Следовательно при посредстве печатного станка правительства могли мобилизовать товарные стоимости только своих стран. Но при современной системе мирового разделения труда ни одна из европейских стран не могла бы продержаться и нескольких месяцев без притока необходимых для нее товаров из-за границы. Война потребовала огромных расходов для закупки необходимых продуктов, средств производства и орудий войны за границей. Но за все это платить бумажками нельзя — мировыми деньгами является золото и только золото. Вот почему правительства всех стран с первых же дней войны мобилизацию внутренних ресурсов при посредстве бумажно-денежной инфляции дополняют мероприятиями по мобилизации золотых ресурсов и охране своих золотых запасов. В этих целях все страны с самого же начала войны отменили свободу размена всех видов бумажно-денежных знаков на золото.

Банкноты центральных банков во время войны прямо или косвенно эмитировались для финансирования правительств и следовательно превратились в бумажные деньги. Все воюющие страны переходят к бумажно-денежной системе, порвавшей фиксированную связь с мировыми деньгами, следовательно, к инфляционной системе. Каково общее типичное течение инфляционного процесса, мы уже знаем из VII главы; конкретные данные о развитии этого процесса, достигшего небывалой в истории остроты по отдельным странам, будут приведены в XIV главе.

§ 4. Рост товарных цен, падение курсов валют, широчайшая спекуляция, обогащающая одних, разоряющая других, — все эти явления наблюдались во всех странах в течение войны. Но наряду с этим инфляционная волна, прокатившаяся по всем главнейшим европейским странам во время и после войны, вызвала во всем *мировом хозяйстве* такие пертурбации, которые в эпохи всех величайших инфляций прежнего времени (описанных нами в XII главе) не наблюдались. Не только в воюющих, но и в *нейтральных странах* денежные системы, а вместе с тем и народнохозяйственные системы в целом дали глубочайшие трещины. Настолько глубоки были эти трещины, что даже буржуазные экономисты заговорили о *развале мирового хозяйства*.

Война привела к колоссальному сокращению абсолютной суммы общественных капиталов всего мирового хозяйства. Уголь, железо, хлеб и пр. и пр. *не воспроизводились*, но *уничтожались* в миллионах пудов. Золотые же запасы, накопленные человечеством веками, остались *неприкосновенными*.

Спрос, обусловленный золотыми запасами, был встречен резко сократившимся товарным предложением. *В результате сильно возросли рыночные цены товаров, и следовательно относительная стоимость золота упала*. Золото потеряло значительную часть своей покупательской силы как в воюющих, так и в нейтральных странах. Этот процесс продолжался и по окончании войны, поскольку инфляция в ряде стран не прекратилась.

В 1918 г. в Германии золото потеряло 35% своей довоенной покупательской силы, во Франции — 64%, в Англии 1920 г. — 53%, в Америке предельное падение было в 1920 г., когда золото потеряло 56% своей покупательской силы. Но самое резкое падение покупательской силы золота было в Швеции в 1919 г.: в этом году золото в Швеции обесценилось в *5 раз*, сохранив лишь 20% довоенной покупательской силы.

Чрезвычайно важен не только самый факт падения покупательской силы золота и роста товарных цен (выраженных в золоте), но также отмеченный выше факт крайне неравномерного падения покупательской силы золота по странам.

Рост и падение цен в отдельных странах и на отдельные товары происходили скачкообразно. Катастрофическое сокращение мировых производительных сил создало всеобщую угрозу голода и полной остановки фабрик и заводов из-за отсутствия сырья. *Не подлежит сомнению, что в этот период резко упала производительность труда. Из общей массы товарного предложения на мировом рынке выпала большая*

часть ранее экспортировавшейся продукции воюющих, технически наиболее развитых стран (Англия, Германия).

Вследствие этого трудовая стоимость товаров поднялась, и поэтому (предполагая трудовую стоимость золота неизменной) — согласно марксовой теории — должно было возрасти и выражение стоимости товаров в золоте, т. е. цены. Таким образом это явление — падение покупательской силы золота в течение 1914—1920 гг. ничего загадочного не представляет.

Падение покупательской силы золота неизбежно должно было привести к сокращению его производства, так как рентабельность золотопромышленности резко упала. Мировая добыча золота с 768 256 кг в 1913 г. падает до 555 198 кг в 1918 г., т. е. свыше чем на 200 тыс. кг. Но падение производства золота должно было бы быть еще более резким, если бы правительства не принимали меры к поощрению золотопромышленности. При сокращении производства золота естественно выпадали прежде всего наименее рентабельные, технически слабее оборудованные предприятия. А если так, значит трудовая стоимость килограмма золота должна была упасть, т. е. золотопромышленность сокращением производства реагировала на падение покупательской силы (относительной стоимости) золота. Производство золота неуклонно падало, и в 1920 г. общее мировое производство золота составило 500 тыс. кг.

§ 5. По мере устранения отмеченных выше факторов, обусловивших падение покупательской силы золота, последняя вновь повысилась во всем мире. К 1923 г. во всех странах (и в том числе в Швеции) кроме Германии (о чем ниже) золото обладало приблизительно одинаковой покупательской силой — около 70% довоенной. К концу 1923 г. в Америке золото уже достигает 78% своей довоенной покупательской силы. Но этот процесс не мог протекать безболезненно, так как падение цен товаров означает для капиталистов сокращение прибылей, а для многих — полное разорение. Процесс роста покупательской силы золота с 1920 по 1922 г. отмечен сильнейшей депрессией (хозяйственным упадком) во всех странах.

Некоторые экономисты (например, Кассель) в интересах сохранения высоких товарных цен, выгодных для капиталистов, предлагали осуществить в международном масштабе специальные мероприятия по экономии золота и поощрению золотопромышленности. Однако никакими мероприятиями не удалось бы сохранить такой уровень цен, который не соответствует трудовой стоимостной эквивалентности товаров и денег (золота). Покупательская сила золота имеет тенденцию устанавливаться в соответствии с указанной эквивалентностью, и поскольку существует стихия мирового товарного рынка, постольку всякая борьба с этой объективной тенденцией будет тщетной. Поэтому совершенно прав был один экономист (Дж. Бэклауз), который, возражая Касселю, указывал, что «все страхи относительно будущего недостатка золота не имеют никакого основания» и что «если золото в будущем достигнет прежней покупательской силы, недостатка в нем не будет».

Конечно нет никакой необходимости в том, чтобы покупательская сила золота в точности соответствовала бы довоенной, ибо весь строй

мирового хозяйства претерпел в результате войны серьезные изменения (достаточно указать на наличие в системе мирового хозяйства СССР).

Однако поскольку мировыми деньгами попрежнему остается товар — золото, постольку его покупательная сила, постоянно колеблющаяся, не может «сознательно» и «планово» устанавливаться экономической политикой, ибо ее движение в конечном счете управляется законом трудовой стоимости.

§ 6. Концентрация золота в центральных банках и казначействах воюющих стран и использование его для приобретения недостающих товаров в нейтральных странах естественно привели к перекачке золота в эти последние из воюющих стран. Так золотые запасы в нейтральных европейских странах составляли:

Страны	В какой валюте:	Сумма в конце 1913 г.	Сумма в конце 1914 г.	Сумма в конце 1916 г.
Дания	в млн. крон.	73	227	209
Голландия	» » гульд.	151	637	414
Швеция	» » крон.	102	287	224
Норвегия	» » »	44	148	147
Швейцария	» » франк.	170	517	472

Таким образом мы видим, что первое полугодие войны отмечено небывалым золотым потоком в нейтральные страны. Золотые запасы последних увеличились в 3, 4 и 5 раз. Но основной золотой поток, конечно, направился в самую богатую страну — САСШ (которые долгое время держались нейтралитета и вступили в войну лишь в самом конце). Ее золотые запасы были равны в миллионах долларов (данные на конец каждого года):

в 1913 г.	1 924	в 1919 г.	2 788
» 1914 »	1 816	» 1920 »	2 929
» 1915 »	2 312	» 1921 »	3 657
» 1916 »	2 865	» 1922 »	3 933
» 1917 »	3 040	» 1923 »	4 247
» 1918 »	3 081	» 1925 »	4 409

В течение первого и следующих годов войны в процентном отношении золотые запасы САСШ возросли значительно менее интенсивно, чем в перечисленных выше нейтральных европейских странах. Это объясняется тем, что САСШ за время войны предоставили колоссальные займы воюющим странам и, следовательно, расплата за товары производилась не наличным золотом, но в кредит. Зато по окончании войны, когда начали поступать платежи по этим займам, золотые запасы САСШ сильно возросли, чего не было в нейтральных европейских странах. Как мы видели, уже в 1916 г. сильно сократились золотые запасы, но по сравнению с довоенным временем они оставались еще чрезвычайно большими. «Золотое ожирение» САСШ и других стран происходило за счет золотых запасов воюющих стран. Особенно резко сократился золотой запас Германии: с 499 млн. долл. к концу 1914 г. он упал до 111 млн. долл. к концу 1923 г. Распределение мировых запасов золота в 1926—1929 гг. нами показано в следующей таблице:

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МИРОВЫХ ЗАПАСОВ ЗОЛОТА

(по данным немецкого журнала «Виртшафт унд Статистик» № 4 за 1930 г.)
в миллионах марок

Страны	К о н е ц г о д а			
	1926	1927	1928	1929
I. Европа	15 162,5	16 770,5	13 126,9	20 596,9
в том числе Англия . .	3 086,8	3 113,4	3 148,1	2 982,6
» » » Франция .	2 984,4	4 128,0	5 262,2	6 854,5
» » » Германия .	1 897,2	1 930,5	2 795,2	2 344,0
» » » друг. страны	7 194,1	7 598,6	7 923,4	8 415,8
II. Сев. Америк. Соед. Штаты	18 857,8	18 371,7	17 383,9	17 984,2
III. Прочие страны мира	10 600,0	10 960,2	11 213,9	10 554,8
Всего . . .	44 620,3	46 102,4	47 724,7	49 135,9

Война выдвинула САСШ на положение мирового банкира.

Свою довоенную позицию мирового денежного рынка Лондон сдает Нью-Йорку. Вообще благодаря войне чрезвычайно усилились позиции САСШ в мировой капиталистической системе. Европа в целом оказалась в финансовой зависимости от САСШ: она платит и еще долгое время должна будет платить долги САСШ. Как известно, бремя мировой задолженности союзники стараются переложить на Германию. В этих целях последней был навязан так называемый «план Дауэса», ныне замененный «планом Юнга». В конечном счете эти долги уплачиваются за счет сверхэксплоатации рабочего класса Германии.

§ 7. Война закончилась перемирием 11 ноября 1918 г. Но денежное обращение мира еще долгое время продолжало оставаться в хаотическом состоянии. Финансовая комиссия Генуэзской конференции определенно рекомендовала восстановление золотой валюты во всех странах мира. Председатель этой комиссии (делегат Британской империи) *Леминг Уортингтон Эванс* на 2-м пленарном заседании конференции 3 мая 1922 г. заявил следующее: «Без наличия в той или другой стране достаточно устойчивой валюты... невозможно измерить стоимость труда и продуктов такового и невозможно, следовательно, установить какой-либо деловой обмен названных продуктов (как бы ни велик был спрос на них) на продукты других стран; возможным это оказалось бы лишь при условии строгих ограничений, связанных с системой товарообмена. Деловые отношения между этими странами пе-

рестают быть таковыми и превращаются в спекуляцию, более того — в ажиотаж. В докладе рекомендуется общее введение золотой валюты...»

Однако несмотря на принятие конференцией всех 19 пунктов, предложенных финансовой комиссией для восстановления мирового денежного обращения и кредита, это последнее продолжало оставаться в состоянии полнейшего хаоса. И «спекуляцию» и «ажитаж», о которых говорил Уортингтон Эванс, в неслыханных, значительно превзошедших военное время размерах пережили страны Европы, в особенности Германия и Франция. Дело в том, что по окончании войны потребовались колоссальнейшие расходы для репарационных платежей, погашения военных займов, проведения демобилизации, восстановления разрушенных областей, обеспечения многих миллионов инвалидов войны и т. д. и т. д. Все указанные выше совершенно необходимые расходы в некоторых странах создали такую напряженность бюджета, что о прекращении инфляции не могло быть и речи. А так как давление инфляционного пресса уже во время войны достигло высшей точки, то для покрытия относительно меньших расходов потребовались колоссальнейшие выпуски бумажек. А эти выпуски в свою очередь еще более усилили процесс обесценения бумажных валют.

Инфляционный процесс достигает своей высочайшей точки в Германии в 1923 г., во Франции в 1926 г. Но и Англия не ликвидировала сразу бумажно-денежную инфляцию. С 1918 г. по апрель 1920 г. индексы цен в Англии непрерывно растут, и это было прямым следствием продолжающейся инфляции, которая здесь приняла замаскированную форму кредитной инфляции. Лишь с апреля 1920 г. начинается процесс оздоровления английского денежного обращения, но денежная реформа была проведена только в 1925 г.

Период послевоенной денежной инфляции существенно отличался от периода военной инфляции. Прекращение военных действий и восстановление мировых экономических связей между всеми странами при исключительной остроте инфляционного процесса в Германии привели к чрезвычайному обострению *рыночной конкуренции и к «валютному дэмпингу»* (бросовому экспорту), который заключается в следующем.

Как известно читателю (гл. VII), падение курса валюты более сильное, чем падение покупательской силы, дает экспортерам дополнительную прибыль, а импортерам приносит убыток. Как раз весьма сильное расхождение курса и покупательной силы валюты наблюдалось в Германии в 1923 г.

Аналогичное явление было и в Австрии. Обменяв иностранные деньги на бумажные марки, можно было за бесценок покупать германские товары, ценные бумаги и произведения искусств. Иностранцы нахлынули в Германию, и началась буквально «распродажа Германии».

Иностранцы вывозили все, что только можно было вывезти из Германии, и даже то, что нельзя было вывезти. К таким вещам относятся разного рода недвижимость. «Вынужденный низким уровнем валюты, — пишет немецкий экономист *Шульце* в своей книге «Развал мирового хозяйства», — вывоз вслед за движимостью обратился и на недвижимость. В Кельне, Висбадене, Кобленце, Аахене — словом во всех важнейших городах оккупированной зоны *большая часть самой ценной недвижимо-*

мости перешла в английские и французские руки». За границей оспаривались специальные *акционерные общества* для скупки недвижимостей в Германии при помощи высокой валюты. По выражению Шульце иностранцы таким образом «высасывали соки из обнищавшей нации». Этот массовый экспорт немецких и австрийских товарных ценностей опирался на жестокую эксплуатацию рабочего класса: по сведениям *III. Дволайцкого* в этот период реальная заработная плата немецкого рабочего была в 4—7 раз ниже *зарплаты американского* рабочего.

Этот «бросовый экспорт», на котором многие успели «нажить» огромные состояния, был губительным для промышленности передовых капиталистических стран. Они не могли выдержать конкуренции продававшихся за бесценок в иностранной валюте германских товаров. Проблема оздоровления германской валюты стала поэтому *мировой проблемой*. Продолжение этой инфляции могло погубить целые отрасли промышленности Англии, Франции и других стран. Отсюда — настоятельные требования скорейшего проведения денежной реформы в Германии, в которой был кровно заинтересован мировой капитализм...

То, что в стабилизации германской валюты была заинтересована не только Германия, но и страны-кредиторы и вообще весь капиталистический мир, вытекает из следующего заявления германского представителя *Ратенау* на Международной экономической конференции в Гёнеу 3 мая 1922 г.

«Мы движемся, — сказал *Ратенау*, — в порочном кругу. Страны-должники принуждены добывать иностранную валюту посредством экспорта своих товаров и находиться в состоянии жестокой конкуренции с государствами-кредиторами на одних и тех же рынках... Страны-должники должны отдавать большую часть их иностранной валюты, добытой продажей их товаров, государствам-кредиторам. Несмотря на всю трудность работы, ценность их денег падает, и им не остается достаточных средств для удовлетворения своих нужд. Их покупательская способность уменьшается, и мировой рынок сокращается в тех же размерах. Государства-кредиторы в защиту их собственной промышленности установили для импорта стран-должников заградительные барьеры и товарные пошлины. Страны-должники, принуждаемые добывать откуда бы то ни было средства для платежей, должны понижать цены на их товары (в инвалюте. — *З. А.*), что ведет к новому падению валюты стран-должников и к новому росту безработицы в государствах-кредиторах, т. е. к новым факторам торговой конкуренции и борьбы. *Таким образом в этом порочном кругу время международных долгов превращает всякое средство защиты в средство отягощения, против которого оно было направлено...*» *Ратенау* оказался прав. Пожелания Генуэзской конференции о необходимости «ограничения бумажных денег, установления золотой валюты» были пустым звуком, поскольку конференция не разрешила отмеченного *Ратенау* противоречия. Для стабилизации германской марки и урегулирования репарационной проблемы потребовалось вмешательство САСШ: капиталистическая Европа оказалась не в состоянии выбраться собственными силами из состояния валютного хаоса, порожденного мировой войной.

Литература (см. гл. XIV)

Вопросы для повторения.

- 1) В чем особенности бумажно-денежной инфляции во время мировой войны?
- 2) Какими финансовыми методами провели воюющие страны мобилизацию материальных ресурсов?
- 3) Чем объясняется резкое падение покупательской силы золота во время и после войны?
- 4) Как протекал процесс перераспределения мировых запасов золота?
- 5) В чем причины послевоенной бумажно-денежной инфляции?
- 6) Что такое валютный демпинг?
- 7) Почему мировой капитализм был заинтересован в проведении реформы денежного обращения Германии?

ГЛАВА XIV.

КРИЗИС ДЕНЕЖНЫХ СИСТЕМ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ РЕФОРМЫ В ГЛАВНЕЙШИХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ.

§ 1. Денежная инфляция в России. Значение закона 27 июля 1914 г. Темп эмиссии и темп обесценения бумажных денег. Разрыв между покупательской силой и интервалютарным курсом рубля. Инфляция после Февральской революции. — § 2. Переход Англии от золотого монометаллизма к инфляционной бумажно-денежной системе. Особенность инфляционного процесса в Англии. Разрыв между покупательской силой и интервалютарным курсом. Мероприятия по поддержанию интервалютарного курса. Оздоровление бюджета и подготовка денежной реформы. Восстановление размена банкнот на золото в 1925 г. Завершение денежной реформы в 1928 г. Отмена Пилевского акта. — § 3. Расходы Германии на финансирование войны. Развитие инфляционного процесса в Германии во время войны. Послевоенная инфляция. Валютный «демпинг». Крах марки. Рентная марка. Денежная реформа 1924 г. Связь новой марки с золотом. — § 4. Развитие инфляционного процесса во Франции. Послевоенная инфляция. Оздоровление бюджета за счет трудящихся и мелкой буржуазии. Денежная реформа 1928 г. — § 5. Значение рассмотренного периода для истории денежного обращения.

§ 1. Перед войной в России была устойчивая система золотого монометаллизма. Правда, большая часть обращения обслуживалась не золотом, но банкнотами, а именно кредитными билетами (на 1 января 1914 г. в обращении находилось свыше 1,6 млрд. руб. кредитных билетов и всего полмиллиарда рублей золотых монет). Однако кредитные билеты Государственного банка были полностью (даже с излишком) покрыты наличным золотом и золотом, хранившимся за границей.

К выпуску бумажных денег как к средству финансирования войны царское правительство прибегло вскоре же после объявления войны. К 1 июля 1914 г. сумма выпущенных кредитных билетов Государственного банка была равна 1630 млн. руб. при золотом покрытии — 1743,5 млн. руб. По закону же Государственный банк мог выпускать непокрытых золотом билетов всего на 300 млн. Таким образом неиспользованное эмиссионное право Государственного банка к июлю 1914 г. было равно 413,5 млн. руб. Но эта сумма была недостаточна даже для начала войны.

Проблему финансирования войны царское правительство разрешило «легко и быстро» законом 27 июля 1914 г., согласно которому Госу-

дарственный банк был освобожден от обязательства размена кредитных билетов на золото; его право эмиссии непокрытых золотом билетов было увеличено до $1\frac{1}{2}$ млрд. руб. для учета «краткосрочных обязательств казначейства» «в размере, вызываемом потребностями военного времени». Этот закон без всякой маскировки (как это было в других странах, например, в Англии) *провозгласил отмену золотого монометаллизма и переход к системе, при которой эмиссия денежных знаков регулируется не потребностями обращения, но финансовыми нуждами государства.*

Июльский закон 1914 г. превратил «кредитные билеты», т. е. банкноты, в бумажные деньги.

Все расширяющийся масштаб военных действий предъявлял непрерывно растущие требования финансовому аппарату. Эти требования не могли быть удовлетворены такими доходными источниками, как займы и налоги. В силу этого эмиссионное право Государственного банка неоднократно увеличивалось и к декабрю 1916 г. было доведено до $6\frac{1}{2}$ млрд. руб. Наряду с этим произошло фиктивное увеличение золотого покрытия за счет «золота за границей» (в эту статью были включены кредиты, предоставленные России английским казначейством); статья «золото за границей» возросла с 143,8 млн. руб. на 1 июля 1914 г. до 2146,7 млн. руб. на 1 января 1917 г. В связи с этим фактическая эмиссия бумажных денег значительно превзошла разрешенные $6\frac{1}{2}$ млрд. руб. К 1 марту 1917 г. в обращение было выпущено около 10 млрд. руб. бумажных денег, которые только на 1476 млн. руб. покрывались действительно существующими в наличии золотом и на 2141 млн. руб. фиктивным «золотом за границей».

Общее течение инфляционного процесса в России в 1914—1917 гг. в точности воспроизводит ту теоретическую модель этого процесса, которая была нами дана в VII главе. Вслед за крупными выпусками бумажных денег и прекращением размена бумажных денег на золото, начался отлив металлических денег из обращения. К концу 1914 г. появляется лаж на золото, и золотые монеты исчезают из обращения. Вслед за золотом, в начале 1915 г., исчезает из обращения так называемое «банковое серебро», т. е. полтинники и рубли; далее к лету 1915 г. из обращения уходит и разменная серебряная монета, наконец к началу 1916 г. исчезает медная монета, и денежное обращение становится сплошь бумажным.

Вместо меди и серебра были выпущены мелкие разменные бумажные знаки типа почтовых марок, достоинством 1, 2, 3, 10, 15 и 20 коп. и казначейские билеты достоинством 1, 2, 3, 5 и 50 рублей.

Большой интерес представляет сравнительное изучение темпов эмиссии и обесценения бумажных денег этого периода. Сначала эмиссия бумажных денег безболезненно рассасывалась по каналам денежного обращения: *во-первых*, ввиду отлива в сокровище металлических монет, *во-вторых*, за счет сокращения скорости обращения денег, *в-третьих*, в связи с расширением сделок за наличные и ростом отрицательного сальдо кредитного баланса денежного обращения и, наконец, *в-четвертых*, в связи с некоторым расширением объема товарного обращения.

Что касается первого фактора, то он не требует пояснений. Бумажно-денежная эмиссия прежде всего заполняла пустоту, образовавшуюся отливом в сокровище около $\frac{1}{2}$ млрд. золотых монет.

Огромное значение имел второй фактор. Миллиардная эмиссия бумажных денег означала вместе с тем огромное увеличение платежеспособного спроса на товары. Это создало видимость высокой рыночной конъюнктуры: растущие цены — растущие прибыли. Но первоначально в силу действия как первого фактора, так третьего и четвертого факторов (о чем ниже) оборот еще не ощущал типично инфляционного темпа роста цен. Продавцы товаров внезапно стали «богатеть». Фиктивность этого богатства сказалась позднее, пока же *рост денежных доходов* воспринимался широкими слоями населения, в особенности крестьянством, как рост *реальных доходов*. Появилось стремление «накапливать деньги», и немало бумажных денег ушло «в кубышки». Мы знаем, что функцию сокровища бумажные деньги вообще не могут выполнять. Но крестьянство и мелкая буржуазия не знали этого закона денежного обращения и в результате немало бумажных денег ушло в это фиктивное накопление. Поскольку же бумажные деньги суть *знаки обращения*, поскольку только в этом и заключается их функция, постольку с научной точки зрения этот процесс нужно рассматривать как *сокращение скорости обращения совокупной денежной массы*. А сокращение скорости обращения денежных знаков расширяет емкость денежного обращения.

В том же направлении действует сокращение кредитных сделок в торговле. Торговцы и промышленники прибегают к кредиту в тех случаях, когда нехватает денежной наличности. В связи с крупными эмиссиями денежных знаков появилась возможность расплачиваться наличными, ибо купцу нет никакого смысла покупать в кредит, когда в кассе есть свободные деньги. Таким образом сумма продаж за наличные возросла и следовательно по нашей формуле $K = \frac{A + B}{C}$ должна была возрасти и потребность обращения в денежных знаках.

Наконец в том же направлении действовало и некоторое расширение объема производства, в частности производства орудий войны, порожденное этой инфляционной конъюнктурой.

Действием всех четырех факторов и объясняется то, что в течение 1914 и 1915 гг. темп роста эмиссии денежных знаков значительно отставал от темпа их обесценения. С июля по декабрь, когда было эмитировано кредитных билетов на 1316,2 млн. руб., индекс возрос всего на 1%. В течение же 1915 г. по исчислениям Валютного управления НКФ СССР средняя денежная масса по сравнению с довоенным временем возросла более чем на 88%, а индекс только на 30%.

Однако положение меняется в 1916 г. По тем же исчислениям 1916 г. дает прирост денежной массы (по сравнению с 1915 г.) на 62% (по сравнению с довоенным временем на 380%), а индекс цен возрос на 100%.

Таким образом в 1916 г. темп обесценения уже стал обгонять темп эмиссии. Это объясняется тем, что первый фактор отпал, а второй фактор стал действовать в противоположном направлении (силь-

мый рост цен и падение курсов на золото, о чем ниже, побудили к извлечению бумажек из фиктивного сокровища) — скорость обращения совокупной денежной массы возросла, так как появилось стремление к накоплению более «твердых ценностей». Наконец также и четвертый фактор превратился в свою противоположность: рост производства и товарной продукции сменился их сокращением. Итак рост денежной массы в 1916 г. происходил при *значительном* сокращении потребности обращения в таковых, и этим уже дано объяснение отмеченному явлению.

Однако все же к моменту Февральской революции возрастание общего уровня цен было немногим меньше, чем возрастание денежной массы по сравнению с довоенным временем. Денежная масса на 1 марта 1917 г. составляла 10 млрд. руб., т. е. более чем в 4 раза выше довоенной, а покупательная сила рубля была равна 27 товарным копейкам, следовательно рубль упал в 3,72 раза. Таким образом к этому времени степень обесценения денежных знаков была почти равна возрастанию их массы. Что касается порождаемого инфляцией падения курса бумажных денег на золото, то отмеченное в VII главе несовпадение темпов падения курса и роста товарных цен имело место и в течение рассматриваемого периода. Сначала курс резко упал: к началу 1915 г. рубль на мировом рынке стоил 80 коп. в золоте, в то время как внутренние цены остались почти стабильными. В течение 1915 г. курс рубля падает незначительно — к концу 1916 г. рубль стоил 60 коп., в то время как цены товаров возросли уже более чем в три раза. К моменту же Февральской революции рубль расценивался в 55 коп. золотом, в то время как по индексу он был равен всего 27 коп.

Помимо тех общих закономерностей этого несовпадения, которые были описаны в VII главе, следует еще отметить то обстоятельство, что в течение рассматриваемого периода царское правительство при поддержке союзников вело *активную внешневалютную политику*. Получение иностранных золотых кредитов для усиления счета «золота за границей», требования сдачи части выручаемой экспортерами иностранной валюты по курсу; выдача поставщикам военных заказов иностранной валюты по твердому курсу для импорта товаров из-за границы, — все эти мероприятия, ограничившие свободу валютного рынка, привели к относительной устойчивости золотого курса царского рубля.

Февральская революция принесла с собой дальнейшее энергичное развитие инфляционного процесса. Временное правительство в течение 8 месяцев 5 раз расширяло эмиссионное право Государственного банка в тех же целях, что и царское правительство. Последним октябрьским указом временного правительства эмиссионное право было доведено до 16 $\frac{1}{2}$ млрд. руб. С 1 марта по 1 ноября 1917 г. временное правительство выпустило в добавление к 10 млрд. руб. прежней эмиссии еще 6 412,4 млн. рублей. Но обесценение денег шло еще быстрее и к 1 ноября 1917 г. рубль стоил уже по индексу 6—7 коп. Таким образом рубль обесценился за это время в 4 раза, в то время как сумма эмиссии возросла только в 2 раза (в 1916 г. было выпущено 3 480,6 млн. руб.). В то же время интервалютный курс рубля

благодаря поддержке союзников и продолжению активной внешне-валютной политики временного правительства оставался более устойчивым, и лишь к моменту Октябрьской революции он падает до 30 коп.

Общая сумма реального дохода от эмиссии, полученного царским и временным правительствами, исчисляется в 7101,5 млн. руб. Из этой суммы 5365,9 млн. руб. в качестве эмиссионного палого получило царское правительство и 1735,6 млн. руб. временное правительство.

§ 2. Первые дни войны были отмечены в Англии массовым требованием размена банкнот и чеков на золото. Банки прекратили размен на золото уже 30 июля 1914 г. «Они (англичане), — писал экономист *Плаут*, — казалось, признавали, что только золото имеет стоимость, и не верили больше в кредит». У здания Английского банка образовалась огромная толпа жаждущих превратить бумажки в золото. Правительство приняло решительные меры: закрыло банки на пять дней, объявило так называемый «вексельный мораторий», т. е. отсрочку платежей, разрешило Английскому банку выпустить банкноты сверх допущенного законом золотого покрытия и, наконец, повысило процентную ставку по учету векселей 30 июля 1914 г. до 4⁰/₀, 31 июля до 8⁰/₀ и 1 августа до 10⁰/₀. Наряду с значительно возросшей банкнотной эмиссией, правительство в августе 1914 г. приступило к выпуску казначейских билетов, которые назывались «нотами обращения» (керренси нот). И банкноты, и казначейские билеты формально (юридически) были разменны на металл. Но фактически свободный размен был отменен. Это официально было констатировано правительственной комиссией («комиссией лорда *Кеннлифа*») для изучения вопросов денежного обращения: «золотая валюта, — писала комиссия в своем первом отчете в конце 1918 г., — фактически перестала существовать». Англия в течение этого периода имела бумажно-денежную инфляционную систему.

Особенность инфляционного процесса в Англии заключается в том, что здесь он протекал в замаскированной форме: непосредственно ни банкноты, ни казначейские билеты не служили средством покрытия военных расходов. За счет возросшей массы обоих видов неразменных денежных знаков, Английский банк и все прочие банки получили возможность широчайшего развития своих ссудных операций для финансирования военной промышленности и *реализации крупных правительственных денежных займов*. Мы уже говорили о том, что эмиссия займов возросла на 3 с лишним млрд. фун. ст., что оказалось возможным только благодаря интенсивному развитию ссудных операций английских банков за счет бумажно-денежной инфляции. Но в какой бы форме ни осуществлялась инфляция — ее результатом должно быть обесценение денежных знаков, рост товарных цен и падение курса валюты на золото.

Эмиссия казначейских билетов и банкнот вместе взятых в тысячах фунтов стерлингов составляла:

К концу 1914 г. . . .	74 617
» » 1915 » . . .	138 434
» » 1916 » . . .	189 820
» » 1917 » . . .	258 726
« » 1918 » . . .	393 951

Между тем перед войной сумма банкнотной эмиссии составляла около 30 млн. фунт. ст. Таким образом, к концу 1914 г. эмиссия возросла в $2\frac{1}{2}$ раза, к концу 1915 г. — в $4\frac{1}{2}$ раза, к концу 1916 г. — в $6\frac{1}{3}$ раза, к концу 1917 г. более чем в $8\frac{1}{2}$ раз и, наконец, к концу 1918 г. — в 13 раз. Правда, наряду с этим благодаря специально принятым правительством мерам значительно возрос и золотой запас Английского банка, а именно с 34,98 млн. фун. ст. в конце 1913 г. до 69,49 млн. фун. ст. в конце следующего года. В следующем году этот запас сократился до 51,47 млн. фун. ст., к концу 1916 г. он вновь возрос до 54,3 млн. фун. ст., к концу 1917 г. — до 58,33 млн. фун. ст. и в 1918 г. до 79,11 млн. фун. ст. Этот запас в течение всего рассматриваемого периода с избытком покрывал сумму банкнотной эмиссии Английского банка, но зато казначейские билеты имели совершенно незначительное золотое покрытие. В 1915 г. правительственный золотой резерв составлял 28,5 млн. фун. ст. при сумме эмиссии казначейских билетов в 103,1 млн. фун. ст. В дальнейшем этот резерв был несколько уменьшен, а сумма эмиссии казначейских билетов возросла к концу 1918 г. до 323 млн. фун. ст. Таким образом к этому времени при наличии полного (даже с избытком) золотого покрытия банкнот, казначейские билеты не имели даже 10% покрытия. Между тем большая часть прироста денежной массы приходилась на казначейские билеты, а не на банкноты (к концу 1918 г. сумма эмиссии первых в три с лишним раза превышала сумму эмиссии вторых). Таким образом несмотря на то, что золотые резервы были почти удвоены, правительство и Английский банк, увеличившие денежную массу в 6,8 и 13 раз, *фактически* не могли бы *внутри страны* поддерживать размен банкнот на золото. Но удвоение золотых резервов (наряду с другими мероприятиями) было использовано правительством для поддержания *интервалютного* курса фунта.

В результате произошел разрыв между падением покупательской силы бумажного фунта и его интервалютным курсом. Так оптовый индекс, принимая цены 1913 г. за 100, составлял в начале 1915 г. — 112, в 1916 г. — 143, 1917 г. — 184, 1918 г. — 215, 1919 г. — 217, 1920 г. — 289.

В апреле 1920 г. обесценение валюты достигло высшей точки: индекс был равен 313, следовательно, покупательская сила фунта упала более чем в 3 раза.

Но совершенно иную картину показывает движение интервалютного курса фунта стерлингов. В начале войны курс фунта стоял вполне устойчиво и был даже выше паритета: лишь к середине 1915 г. он падает на $2\frac{1}{2}\%$. Заметное снижение курса фунта происходит лишь по окончании войны с марта 1921 г.: но более чем на $32,2\%$ курс фунта не падал. В то время как покупательская сила фунта упала в 3 раза, курс снизился в течение всего рассматриваемого периода максимум на 32% . Каким же образом удалось все время поддерживать столь высокий курс фунта стерлингов?

Для этого было недостаточным даже удвоение золотых резервов Английского банка, и правительство прибегло к скупке внутри страны американских ценных бумаг и продаже их на американском рынке.

Таким путем правительство получало доллары (которые оставались разменными на металл в течение всего рассматриваемого периода) и через посредство одного американского банкирского дома продавало доллары по курсу, относительно высокому для фунта стерлингов.

В официальном издании секретариата Лиги наций под названием «Средства обращения после войны» эта интервалютарная политика Англии была охарактеризована следующим образом: «Лондонский курс в Нью-Йорке был стабилизирован осенью 1915 г., и стабилизация поддерживалась до осени 1919 г. Средство, при помощи которого это было достигнуто, заключалось в назначении британским правительством фискального агента в Нью-Йорке («Morgan and Co») с правом покупать векселя, предлагаемые на Лондон по 4,767. Морган имел широкие кредиты, некоторые из которых британское правительство учредило путем коммерциализации займов и продажи американских ценностей».

Когда же прекратилось это давление на курс, последний не замедлил упасть. Однако поскольку к этому времени инфляция уже прекращается и рост денежной массы сменился ее сокращением, постольку падение курса уже не могло быть значительным. 1919 г. еще отмечен значительной инфляцией: с 393,9 млн. фун. ст. к концу 1919 г. эмиссия возросла до 443,5 млн. фун. ст., а к концу 1920 г. — до 481 млн. фунтов стерлингов.

В дальнейшем экономические условия позволили правительству принять решительные меры к оздоровлению государственного бюджета, сокращению государственного долга и изъятию избыточных денежных знаков из обращения. С конца 1921 г. начинает подниматься и интервалютарный курс фунта стерлингов.

Но оздоровление валюты было куплено ценой жестокого хозяйственного кризиса, в частности большим ростом безработицы. Через этот кризис правительство пришло к денежной реформе 1925 г., которая закончилась восстановлением свободного размена банкнот и казначейских билетов по их номиналу *на золотые слитки*, в то время как до войны фунты стерлингов были свободно разменны *на золотую монету*. В этом — существенное различие довоенной и современной денежной системы Англии. *В современной английской денежной системе, валютой, т. е. всеобщим платежным и покупательским средством являются не действительные деньги, золото, но их заместители — бумажные знаки.*

Но эти знаки имеют твердо-фиксированную связь с мировыми деньгами — золотом. Между прочим этот тип валюты в качестве наилучшей денежной системы рекомендовал еще в первой четверти XIX в. в своих «Предложениях по вопросу об экономном и устойчивом денежном обращении» *Давид Рикардо*.

В ноябре 1928 г. денежная реформа была завершена «актом о банкнотах и нотах обращения». Согласно этому закону, казначейские билеты были объявлены банкнотами, т. е. обязательствами Английского банка и отныне фигурируют на балансе последнего. Вместе со своими обязательствами — казначейскими билетами, правительство передало банку и все наличное обеспечение казначейских биле-

тов. Предел эмиссии непокрытых золотом банкнот был определен в 260 млн. фун. ст., т. е. на всю сумму наличных к этому времени непокрытых золотом денежных знаков в обращении. Кроме того Английскому банку разрешено с согласия «канцлера казначейства» выпускать банкноты и сверх этого контингента.

Таким образом была отменена та старая английская денежная система, которая существовала со времени акта Роберта Пилля 1844 г.

Так как выпущенные во время войны казначейские билеты теперь являются банкнотами Английского банка, то в силу этого значительно снизился процент золотого покрытия банкнотной эмиссии, в сравнении с довоенным, что видно из следующих данных (в млн. фун. ст.):

К началу следующих годов	Количество банковых и казначейских билетов в обращении	Золотой резерв Английского банка и казначейства	% покрытия всех билетов золотом
1919	410,2	108,3	26,0
1920	452,7	118,8	26,2
1921	486,1	155,9	31,8
1922	445,4	155,1	34,8
1923	418,4	152,7	36,5
1924	416,2	153,2	36,8
1925	412,5	153,7	37,3
1926	400,3	142,9	35,6
1927	404,3	150,1	37,1
1928	412,5	151,4	36,7

Между тем до войны банкноты Английского банка, согласно акту Роберта Пилля, сверх 18,45 млн. фун. ст. *полностью* покрывались золотом. Таким образом в итоге военной и послевоенной инфляции Англия в силу необходимости отказалась от «нелепой», как говорил Маркс, системы стопроцентного покрытия банкнот золотом. Кроме того казначейству предоставлено право разрешать Английскому банку эмитировать непокрытые золотом банкноты и сверх контингента 260 млн. фун. ст. на срок не свыше 6 месяцев. Это разрешение может быть возобновляемо, но в общей сложности оно не должно действовать свыше 2 лет. О каждом случае превышения контингента докладывается обоим палатам парламента (о реформе 1928 г. см. также гл. XXX).

§ 3. Перейдем к Германии. Правительство этой страны для покрытия прямых военных расходов сумело мобилизовать и уничтожить по исчислениям Павловича товарных стоимостей на сумму 85 млрд. марок, что составляет почти $\frac{1}{3}$ всего национального имущества Германии.

И здесь так же, как в Англии и других странах, эмиссия военных займов шла рука об руку и опиралась на бумажно-денежную эмиссию. Ежедневный военный расход составлял 2—2 $\frac{1}{2}$ млрд. марок.

Несмотря на такие колоссальные расходы, денежное обращение в течение всей войны оставалось сравнительно с послевоенным периодом относительно устойчивым. Крах марки наступил по окончании войны

в связи с открытым грабежом союзниками—победителями побежденной и без того разоренной Германии.

Обращение банкнот, составлявшее 2,6 млрд. марок, непрерывно увеличивалось в течение войны и к концу 1928 г. составило 22,18 млрд. марок.

Эмитируемые Рейхсбанком банкноты предоставлялись в виде ссуд правительству; хотя золотой запас Рейхсбанка по сравнению с довоенным временем также удвоился, но главным «обеспечением» этой эмиссии было не золото и не товарные векселя, но долговые обязательства казначейства. Кроме эмиссии банкнот, превратившихся в настоящие бумажные деньги, в огромных суммах эмитировались и другие виды денежных знаков, а именно «свидетельства ссудных касс», «казначейские обязательства» и банкноты местных эмиссионных банков.

Самое важное значение среди этих дополнительных видов эмиссии имела эмиссия «свидетельств ссудных касс». Эти ссудные кассы широким предоставлением ссуд под залог государственных займов содействовали размещению этих последних. На свои «свидетельства», получившие принудительный курс, кассы покупали у частных лиц товары и ценные бумаги. Эти ценности они предоставляли в распоряжение государства; словом, эмиссия этих ссудных касс служила тем же целям, что и банкнотная эмиссия Рейхсбанка и эмиссия казначейских обязательств правительства. К концу 1918 г. в обращении находилось «свидетельств ссудных касс» на 10,2 млрд. марок.

Количество денег в обращении в среднем за год составляло в 1913 г. 6 млрд. марок, в 1917 г.—14,8 млрд. марок, в 1918 г.—22,7 млрд. марок.

Несмотря на некоторое возрастание золотого запаса Рейхсбанка, процент покрытия резко упал. Банкноты Рейхсбанка и свидетельства ссудных касс были покрыты золотом в 1914 г. на 38,1%, в 1915 г. на 31,0%, в 1916 г. на 23,1%, в 1917 г. на 13,6%, в 1918 г. на 7,0%.

В переводе на товарный индекс денежная масса составляла в среднем в 1917 г.—8,35 млрд. марок, в 1918 г.—10,47 млрд. марок. Таким образом в течение войны произошло значительное расширение емкости денежного обращения в силу тех же причин, которые выше были отмечены в отношении России и которые в большей или меньшей мере имели силу и для других стран. В течение войны в Германии, аналогично России и Англии, как падение внутренней покупательской силы марки, так и падение ее курса значительно отставали от темпа эмиссии. К концу войны покупательская сила марки упала в $2\frac{1}{2}$ раза, а курс в долларах только в 2 раза.

Совершенно иная картина складывается по окончании войны.

Союзники возложили на Германию бремя репарационных платежей в сумме 132 млрд. марок. Между тем платежеспособность Германии была подорвана самими же союзниками, оккупировавшими часть страны (причем оккупационные расходы также должна была нести Германия) и лишившими Германию всех ее колоний. Кроме того Германия была лишена большей части своего водного и железнодорожного транспорта. Германия подчинялась ультимативным требованиям союзников, но она не могла платить сверх своих сил, и в знак «наказания» за «непови-

новение» произошла оккупация богатого углем и металлом Рурского района.

Все эти «мирные» мероприятия союзников потребовали от истощенной войной Германии еще большего, чем во время войны, финансового напряжения. Кроме того Германия в этот период должна была оплачивать огромные расходы по демобилизации, по компенсации пароходных обществ, выдаче пособий инвалидам и безработным и т. п.

Но особенно большого финансового напряжения потребовало так называемое «пассивное сопротивление» рурской оккупации в 1923 году, которое заключалось в следующем. Германское правительство в знак протеста против оккупации предложило не выполнять требований оккупационных властей о репарационных поставках в натуре (углем). Сначала задача руководителей «пассивного сопротивления» заключалась в том, чтобы парализовать рурский транспорт и этим воспрепятствовать вывозу угля во Францию. Но из этого ничего не вышло, так как оккупанты посадили своих транспортников. Тогда власти отдали распоряжение о сокращении производства на столько, чтобы не оставить никаких излишков для оккупантов. «С этой поры, — говорит *Дволайцкий*, — «пассивное сопротивление» принимает особенно острые формы. Десятки тысяч рабочих бездействуют, торговля замирает, чиновники празднуют, и все это финансируется за счет государственного казначейства».

Ежемесячные расходы на рурско-рейнскую «бескровную войну», т. е. на так называемое «пассивное сопротивление», составляют по исчислениям *Ш. Дволайцкого* не менее 200 млн. рублей золотом. Правительство по существу возложило это бремя финансирования «пассивного сопротивления», главным образом, на *рабочий класс*: буржуазия оплачивала налоги стремительно обесценивавшейся маркой и фактически освобождалась от налогов.

Если в начале 1923 года расходы правительства покрывались доходами на 20 — 30%, то в конце августа 1923 года эти доходы *не покрывали даже 1% государственных расходов*. Таким образом почти все расходы страны покрывались бумажно-денежной инфляцией, а инфляционный налог, как мы знаем, наибольшей своей тяжестью ложится на плечи рабочего класса.

Эмиссия банкнот достигла грандиозных размеров и привела в конце концов к полному краху германской валюты. В конце 1919 г. сумма эмиссии Рейхбанка составила 35,6 млрд. марок, в конце 1920 г. 68,8 млрд. марок, в конце 1921 г. — 113,6 млрд. марок, в конце 1922 г. — 1 280 млрд. марок и, наконец, в конце октября 1923 г. — достигла астрономических цифр. Темп обесценения марки с 1922 г. значительно обгоняет темп эмиссии, и ценность всей денежной массы резко снижается, что видно из следующих данных.

Годы	Количество денег в обращении (в млн. марок).	Ценность бумажных денег в млн. золотых марок	
		По товарному индексу	По дол. индексу
1919	41 020,0	10 989,1	11 005,7
1920	67 889,0	4 601,5	4 925,4
1921	90 791,7	5 163,7	4 350,1
1922	352 173,3	1 957,0	1 645,5

Денежная масса в конце следующих месяцев 1923 г. (в миллиардах марок).

Январь	1 999,6	718,0	467,1
Февраль	3 536,3	633,2	531,8
Март	5 542,9	1 133,9	1 098,1
Апрель	6 604,5	1 267,3	1 133,7
Май	8 643,8	1 058,0	761,2
Июнь	17 392,8	897,2	663,8
Июль	43 892,7	586,9	521,4
Август	668 997,8	708,4	607,6
Сентябрь	28 244 405,8	1 179,4	1 199,4
Октябрь	2 504 955 717,6	353,1	416,3

Мы видим, что при общем катастрофическом сокращении ценности всей денежной массы эта последняя, исчисленная по индексу с 1921 г., составляет большую ценность, чем при исчислении по курсу доллара, т. е. золота. Таким образом в течение этого периода золото обладало в Германии большей покупательской силой (ввиду более сильного падения курса марки в долларах, чем падение ее внутренней покупательской силы), чем до войны. Между тем, как мы знаем из XIII главы, во всех странах мира золото потеряло по крайней мере 40% своей покупательской силы. Германские товары и недвижимые ценности стоили в золоте почти вдвое дешевле товаров и ценностей всех других стран.

Это и создало упомянутую в XIII главе конъюнктуру для массового экспорта всякого рода ценностей из Германии.

Продав доллары за марки и купив на марки в Германии товары, можно было реализовать их за границей с прибылью в 100%. Это так называемый *дэмпит* не только разорял Германию, но в то же время подрывал устои мировой торговли, а следовательно и всего мирового капитализма. Ни одна страна при этой конъюнктуре не могла выдержать конкуренции германских товаров.

Следует наконец отметить, что не весь инфляционный налог пожирался «пассивным сопротивлением» и другими государственными расходами. Некоторая и довольно большая часть этого налога попала в руки торгово-промышленной буржуазии благодаря кредитной политике Рейхсбанка. Дело в том, что Рейхсбанк в этот период (1922 — 1923 г.) широко предоставлял кредиты частной торговле и промышленности за счет эмиссии банкнот. Но процент, взимаемый по этим ссудам, был во много раз ниже процента обесценения марки. В то время как частные банки, учитывая обесценение марки, взимали до 2 000% в год (1 — 6% в день), Рейхсбанк только в январе 1923 г. повысил учетную ставку до 12% в год (!) и довел ее до максимума 90% в год в сентябре 1923 г. Это означало, что Рейхсбанк простодарил деньги капиталистам, поскольку в погашение ссуд в Рейхсбанк возвращалась в реально-ценностном выражении лишь ничтожная часть той денежной суммы, которая в свое время была ссужена.

Какая же часть эмиссии банкнот шла на финансирование торгово-промышленного оборота? По балансам Рейхсбанка учетные векселя частных лиц составляли в среднем $\frac{1}{3}$ общей суммы учетных обязательств. Следовательно крупная торгово-промышленная буржуазия не

только была освобождена от налогов благодаря обесценению марки, но сверх этого еще *«получала огромный процент взимавшегося с населения страны инфляционного налога»* (Ш. Дволайцкий). Таковы «демократические» принципы финансовой политики буржуазного правительства Германии в тот период.

Во второй половине 1923 г. по существу наступил крах германской марки. Всеобщее бегство от марки привело к внедрению иностранной валюты во всех денежных функциях. Это сузило сферу обращения марки и еще более усилило процесс ее обесценения. Марка сама себя уничтожила, и срочное проведение денежной реформы стало необходимою.

Сначала по проекту известного немецкого экономиста *Гельфериха* был учрежден в октябре 1923 г. Рентный банк с правом выпуска «рентных свидетельств» на 2,4 млрд. марок, обеспеченных ипотечными и другими обязательствами; рентные свидетельства были разменны на «рентные листы», гласящие на золотую марку. Рейхсбанк обменивал эти свидетельства на марки по курсу 1 рентная марка = 1 биллиону бумажных марок. Затем опять-таки в целях создания устойчивых средств обращения был создан «Золото-дисконтный банк» (на акционерных началах, аналогично Рентному банку), который выпускал банкноты, гласящие на английскую валюту и разменные на фунты стерлингов.

В дальнейшем под давлением союзников в связи с принятием плана Дауэса в середине 1924 г. была ликвидирована рентная марка и введена *золотая марка*, точнее бумажная марка, гласящая на золото.

Так как эмиссия уже не должна была покрывать бюджетный дефицит, то одним этим была дана возможность стабилизации германской валюты и вместе с тем значительного расширения емкости денежного обращения (см: диаграмму № 31, на стр. 164).

Нормы, которые регулируют эмиссию существующей и поныне новой стабильной *рейхсмарки*, будут изложены во 2-й части, в главе XXXI.

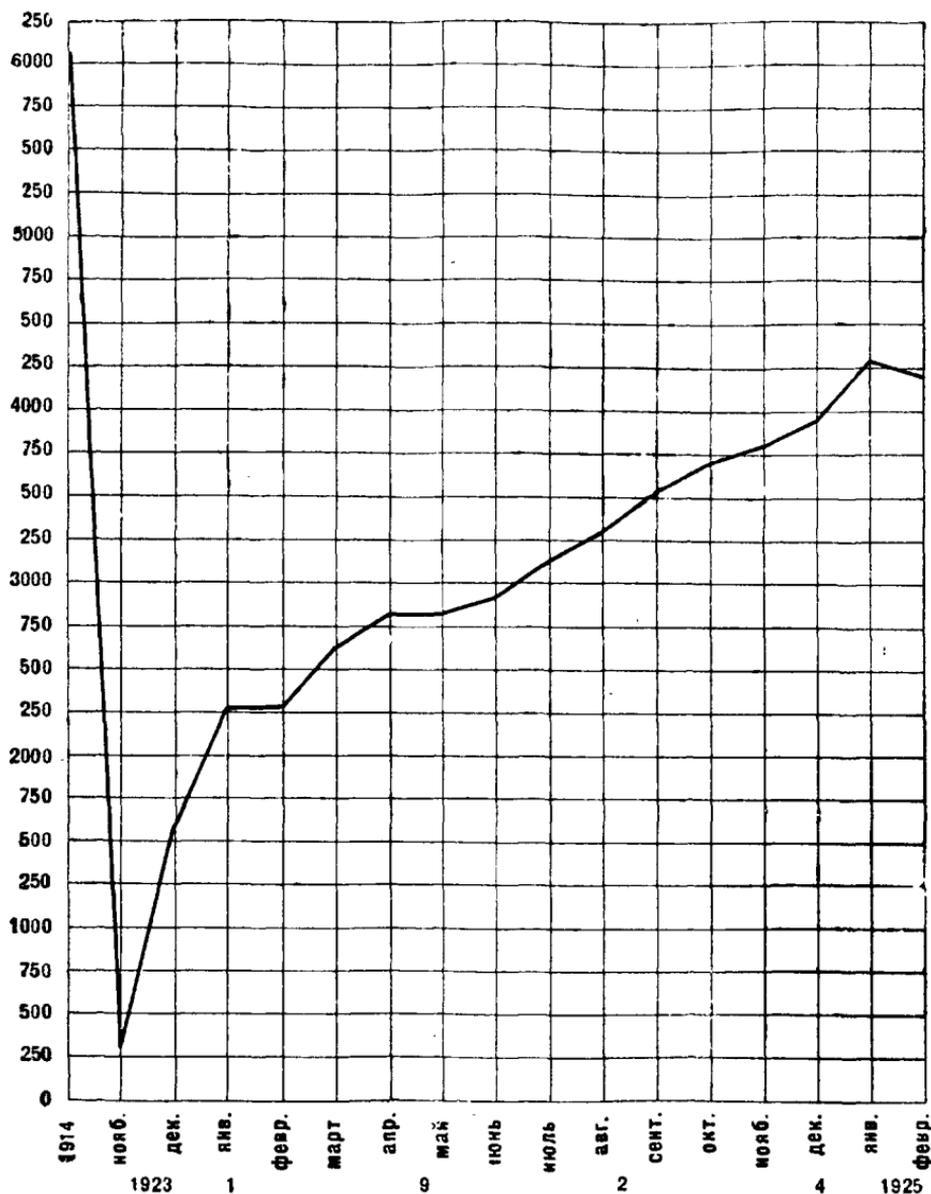
Большую роль в проведении денежной реформы сыграли союзники и в особенности САСШ, которые предоставили большой золотой заем для стабилизации марки, так называемые «стабилизационные кредиты». *В Германии после реформы 1924 г. была введена денежная система по своему типу аналогичная английской.* Правда по закону Рейхсбанк в отличие от Английского банка не обязан продавать золото и инвалюту по твердому курсу; однако на практике курс марки с этого времени поддерживается на паритете, и поэтому фактически налицо фиксированная связь германской валюты с мировыми деньгами, так же как и английской валюты.

Целый ряд ограничительных норм по закону 1924 г. имеют целью *закрепить* эту связь марки с золотом и предотвратить инфляцию.

В стабильности германской марки были заинтересованы прежде всего союзники. *Только при устойчивой денежной системе Германия в состоянии развивать свои производительные силы и отдавать львиную долю прибавочной стоимости американскому капиталу.* Вот почему германская денежная система находится под так называемым «международным контролем». В связи с принятием «плана Юнга» (взамен

Диаграмма № 3

Рост реальной ценности денежной массы в Германии после проведения денежной реформы в 1924 г. (в миллионах зол. марок)

Ввиду катастрофического обесценения марки в 1923 году, реальная ценность бумажно-денежной массы в обращении была в 20 раз ниже довоенной (1914 г.).

В связи с проведением денежной реформы и в силу этого резким замедлением скорости обращения денег (так называемое «бегство от марки» прекратилось) и вообще оздоровлением денежного обращения, кривая роста реальной ценности денежной массы быстро и неуклонно, из месяца в месяц, поднимается вверх. Таким образом переход от падающей к устойчивой валюте расширяет емкость денежного обращения. Это наблюдалось и в других странах после проведения денежных реформ.

«ялана Дауэса») в принципе признано обязательство Рейхсбанка продавать золото в слитках за банкноты Рейхсбанка по твердому паритету, фиксированному при проведении денежной реформы.

§ 4. Как и центральные эмиссионные банки других стран, *Французский банк* с самого начала войны начал энергично финансировать правительство для покрытия военных расходов последнего.

Эмиссия банкнот составляла (в млн. франков):

На 1 января 1914 г.	6 035	В конце 1920 г.	37 902
в конце 1914 »	10 043	» » 1921 »	36 487
» » 1915 »	13 310	» » 1922 »	36 359
» » 1916 »	16 679	» » 1923 »	37 905
» » 1917 »	22 337	» » 1924 »	40 604
» » 1918 »	31 005	» » 1925 »	51 085
» » 1919 »	37 275		

Мы видим, что эмиссия непрерывно росла до конца войны. Затем с 1919 г. произошло сначала сокращение денежной массы, а затем некоторое увеличение в 1923 г.: к концу этого года денежная масса была немногим больше суммы обращения на конец 1919 г. Затем с 1924 г. до конца 1926 г. в связи с огромными расходами правительства на восстановление разрушенных войной областей эмиссия вновь приняла инфляционные размеры.

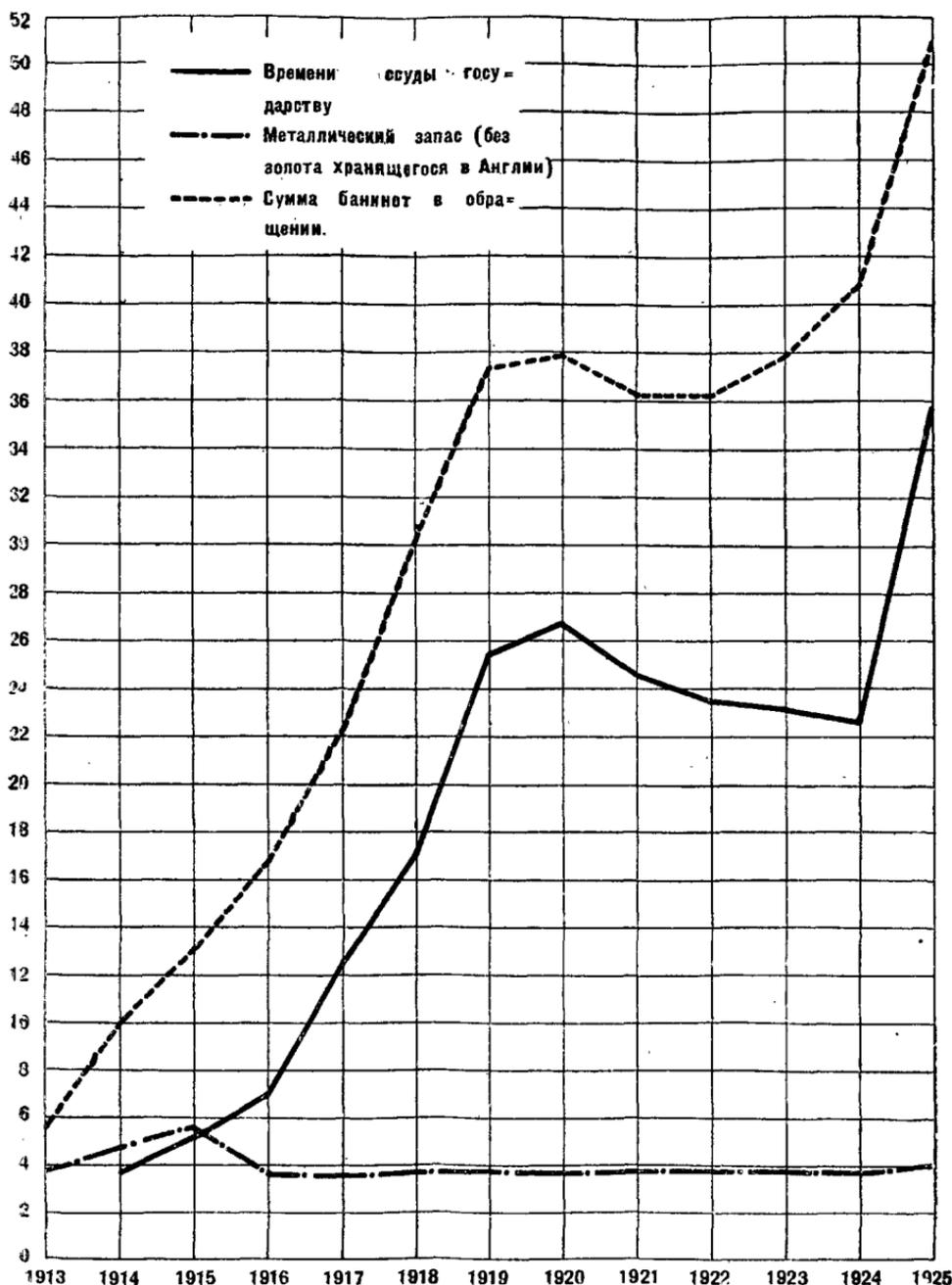
Мелкобуржуазное правительство Франции того периода не решалось на энергичную налоговую политику для оздоровления бюджета и рассчитывало на германские репарации. Но эти расчеты не оправдались, в бюджете образовался огромный дефицит и по необходимости пришлось прибегнуть к новой эмиссии.

Так же как и в Германии послевоенная инфляция во Франции привела к значительно более резкому обесценению валюты в сравнении с инфляцией военного времени. Так к концу 1918 г. индекс цен поднялся до 358, т. е. цены товаров возросли в $3\frac{1}{2}$ раза, а курс франка в долларах упал, благодаря принятым мерам (в общем, аналогичным описанным выше мероприятиям английского правительства), всего на 8%; в течение же 1925 г. цены товаров возросли вдвое: к началу 1926 г. индекс превысил 703, а курс франка упал на 87%, сохранив в середине 1926 г. всего 13% своего довоенного золотого паритета. Развитие инфляционного процесса во Франции показано на следующей диаграмме (см. диаграмму № 4 на стр. 166).

С середины 1926 г. начинается процесс оздоровления французского бюджета, а в связи с этим и денежного обращения. Вместе с франком пало и старое мелкобуржуазное правительство: новое буржуазное правительство, представлявшее интересы крупного капитала, стало решительно проводить свою финансовую программу за счет налогового давления на трудящиеся массы и мелкую буржуазию (главным ресурсом были *косвенные налоги*), приведшего к вздорожанию жизни в течение второго полугодия 1926г. на 30%. Сократив долг Французскому банку, повысив учетную ставку Французского банка, правительство добилось сокращения денежной массы до 52 млрд. и стабилизации курса франка на паритете 1 долл. = $25\frac{1}{2}$ фр.: сложившаяся к этому времени эконо-

Диаграмма № 4

Рост эмиссии банкнот Французского банка с 1913—1925 г. в млрд. франков

Из сопоставления движения двух верхних кривых видно, что эмиссия «банкнот» росла в общем параллельно с увеличением позаимствований правительства у Французского банка. Поскольку эмиссия этих «банкнот» обслуживала правительственные расходы, постольку по существу это была не банкнотная, но бумажно-денежная эмиссия.

мическая обстановка позволила французскому правительству стабилизировать франк на указанном паритете.

По этому курсу Французский банк с 1927 г. и вплоть до денежной реформы свободно продавал инвалюту. Но этот курс был ниже довоенного паритета в 5 раз.

О восстановлении довоенного курса не могло быть и речи: оставался единственный путь для денежной реформы — девальвация. Последняя и была проведена согласно закону 25 июня 1928 г. Золотое содержание франка было понижено до фактического курса бумажного франка, следовательно современный золотой франк равен по золотому содержанию $\frac{1}{5}$ довоенного франка. Этим законом был объявлен свободный обмен банкнот Французского банка на золотые слитки. Таким образом во Франции установился в точности тот же тип денежной системы, что и в Англии. Но в законе указывалось, что в будущем предполагается восстановить свободную чеканку золотой монеты и свободный обмен банкнот на золотые монеты. Что же касается новых норм банкнотной эмиссии, установленных во Франции после реформы 1928 г., то о них будет речь в главе XXXI, 2 части.

§ 5. Наш по необходимости краткий обзор далеко не исчерпал всех проблем военного и послевоенного денежного обращения в главнейших странах Европы; кроме того мы не имели возможности вообще рассматривать денежное обращение других воевавших стран, формирование денежных систем во вновь образовавшихся после войны государствах и наконец изменения в денежных системах нейтральных стран (для интересующихся этим вопросом ниже указана литература).

Итак мы видим, что в результате коренной ломки денежных систем произошло не восстановление их в довоенной форме, но формирование нового типа денежной системы, а именно — системы золотой валюты без золотого обращения, или как ее принято определять в экономической литературе — «валюты с золотым ядром» (Goldkernwährung).

Прочно ли стабилизированы европейские валюты? *Стабилизация валют* предполагает вообще в качестве своего необходимого условия *стабилизацию капитализма*. Однако, *второй период* послевоенного развития, период *частичной стабилизации капиталистической системы* уже пройден. Мировой капитализм вступил в *третий период*. «*Этот третий период, особенно резко обостривший противоречие между ростом производительных сил и суженными рынками, делает неизбежной новую полосу империалистических войн между империалистическими государствами, их войн против СССР, национально-освободительных войн против империализма и интервенций империалистов, шантских классовых битв... Этот период неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему расширению капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма*». (Из резолюции VI конгресса Коминтерна по докладу «О международном положении и задачах Коммунистического интернационала».)

Поскольку в течение третьего периода неизбежны острые международные конфликты и империалистические войны, а войны всегда порождают бумажно-денежную инфляцию, постольку ясно, что достигнутая

в настоящее время стабилизация валют является *относительной, неустойчивой и временной*. Распатывание капиталистической стабилизации и резкое обострение общего кризиса капитализма означают вместе с тем *начало конца стабилизационного периода европейских валют*.

Таким образом абсолютно неизбежен в будущем крах мировых валют и наступление валютного хаоса, еще более глубокого, чем во время мировой войны.

Ведь мы уже знаем, что когда интересы капитала требуют отмены стабильной валюты и перехода к системе бумажно-денежной эмиссии (как например во время мировой войны), то что бы экономисты ни говорили о вреде, опасностях и несправедливостях неустойчивой бумажной валюты — буржуазные правительства не замедлят решительно совершить этот переход.

Литература к гл. XIII и XIV.

- 1) *Каценеленбаум*, Учение о деньгах и кредите, изд. 3-е ч. 1, гл. XVIII и XX.
- 2) *М. Нахмсон* (Спектатор), Валютные реформы на Западе, Гиз, 1925.
- 3) Проф. *Фрей Л. И.*, Денежная реформа, 1924.
- 4) *Г. Фиск*, Межсоюзнические долги, М. 1926.
- 5) *И. А. Трахтенберг*, Бумажные деньги, изд. 3-е, гл. VII.
- 6) *Л. Н. Юровский*, Современные проблемы денежной политики, М. 1926, ч. 2.
- 7) *Э. Шульце*, Распад современных валют, Л.-М. 1924.
- 8) *М. Павлович*, Итоги мировой войны, изд. 2-е.
- 9) «Проблемы мирового денежного обращения», сборник под редакцией *Г. Я. Сокольниковой*, М. 1927 г.
- 10) *Л. К. Солдатов*, Революция, ценности золота на мировом рынке и в России, М. 1924.
- 11) *Г. Кассель*, Мировая денежная проблема, М. 1922.
- 12) Проф. *Боголепов*, Валютный хаос, П.-М. 1922.
- 13) *Ф. Капеллош*, Фунт и доллар, М. 1925.
- 14) *Ш. Дволайкич*, Германия в 1923 г., М. 1924.
- 15) *Рихард Левинсон*, Перемещение капиталов в Западной Европе, Л. 1926.
- 16) *Е. Преображенский*, Экономика и финансы современной Франции.
- 17) *Мюльтон и Люис*, Финансы и экономика современной Франции, М. 1927.
- 18) *Романовский*, Денежная реформа во Франции, «Вестник финансов» № 8 за 1928 г.
- 19) *Алексеева Н.*, Английский бюджет 1928/29 г. и реформа денежного обращения, «Вестник финансов» № 7 за 1928 г.
- 20) *Дж. Кэйнс*, Трактат о денежной реформе, М. 1925.
- 21) *Его же*, Экономические последствия Версальского мирного договора, М. 1922.
- 22) *Материалы* Генуэзской конференции, М. 1922.
- 23) *G. Cassel*, Money and foreign exchange. L. 1923.
- 24) *T. Gregory*, The return to Gold, L. 1925.
- 25) *Nogaro*, The modern monetary systeme.
- 26) *D-r Paul Beusch*, Währungszerfall und Währungsstabilisierung, 1926.
- 27) *H. Schacht*, Die Stabilisierung der Mark, 1927.
- 28) *K. Elster*, Von Mark zur Reichsmark, Jena, 1928.
- 29) *William Adams Brewn*, England and the new gold standard 1919 — 1926, London 1929.
- 30) *D-r O. Lehnich*, Währund u. Wirtschaft in Polen, Litauen, Lettland und Estland, Berlin 1923.
- 31) *Currencies after the War*, London 1920.

Вопросы для повторения.

- 1) Дайте общее описание развития инфляционного процесса в России.
- 2) Чем объясняется расхождение в темпах эмиссии и обесценения денежных знаков, имевшее место в России во время войны (до и после 1916 г.)?

- 3) В чем причина относительной устойчивости курса царского рубля во время войны?
 - 4) Как развивался инфляционный процесс после Февральской революции?
 - 5) Какова сумма реальных доходов царского и временного правительств от бумажно-денежной инфляции?
 - 6) В чем особенность инфляционного процесса в Англии?
 - 7) Какими мероприятиями английское правительство поддерживало устойчивый курс фунта стерлингов?
 - 8) Опишите процесс оздоровления денежного обращения Англии после войны и ответьте на вопрос: в чем отличие современной денежной системы Англии от до-военной?
 - 9) Опишите течение инфляционного процесса в Германии?
 - 10) В чем причины катастрофического падения марки в 1923 г.?
 - 11) Почему иностранная валюта в 1923 г. проникла в денежное обращение Германии?
 - 12) Какие мероприятия были проведены для стабилизации марки до реформы 1924 г.?
 - 13) Какой тип денежной системы был введен в Германии в результате денежной реформы 1924 г.?
 - 14) Дайте общую характеристику инфляционного процесса во время и после войны во Франции.
 - 15) Каким образом была проведена денежная реформа во Франции?
-

РАЗДЕЛ II. ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА СССР.

ГЛАВА XV.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ПЕРИОД ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

§ 1. «Военный коммунизм» и ломка денежной системы. — § 2. Распад денежной системы и разрыв цен. — § 3. Натурализация хозяйства и курс на ликвидацию денег. — § 4. Теория и практика отмирания денег. — Проблема хозяйственного учета при социализме. — Проекты безденежного хозяйственного учета. — § 5. Развитие товарообмена и появление местных эквивалентов. — Развернутая форма стоимости. — Всеобщая реформа стоимости. — § 6. Совзнаки как заместители местных товаров-денег. — § 7. Причины «живучести» совзнака.

В октябре 1917 г. пролетариат получил в наследство от буржуазии в корне расстроенную денежную систему. Все сливки эмиссионного налога уже были сняты царским и временным правительствами, которыми всего было выкачено у населения путем инфляции товарных ценностей более чем на 7 млрд. золотых руб. Вооруженной силой сломив сопротивление чиновников Государственного банка, советская власть завладела эмиссионным аппаратом и воспользовалась им для финансирования «издержек революции».

§ 1. Печатный станок служил пролетариату средством борьбы с буржуазией, наряду с огнестрельным оружием.

Время от середины 1918 г. до апреля 1921 г. обычно называется периодом «военного коммунизма». В период «военного коммунизма» все было мобилизовано для борьбы с внутренней и внешней буржуазией.

«Все наше хозяйство как в целом, так и в отдельных частях, было насквозь проникнуто условиями военного времени. Считаясь с ним, мы должны были ставить своей задачей сбор определенно о количества продовольствия, не считаясь совершенно с тем, какое это займет место в общехозяйственном обороте» (Ленин). Такая политика была необходимостью в условиях ожесточенной гражданской войны. *«В тех условиях войны, в которые мы были поставлены, эта политика была правильна. Мы не имели никакой другой возможности, кроме максимального применения немедленной монополии, вплоть до изъятия всех излишков, хотя бы без всякой компенсации... Это была мера, вызванная условиями не экономическими, а предписанная нам в значительной степени условиями военными» (Ленин).* Поскольку «военный коммунизм» «был вынужден войной и разорением», «он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой» (Ленин).

Введение продразверстки и многочисленных и всеобщих трудовинностей, национализация всего производства вплоть до мельчайших предприятий, централизованное (через так называемые «главки», т. е. главные управления отдельных отраслей промышленности) управление всей промышленностью, отмена вольного рынка и централизованное снабжение населения и Красной армии продуктами — таковы характерные черты этого периода. Все эти мероприятия привели к тому, что сфера рыночного обмена чрезвычайно сузилась: между тем бумажно-денежная эмиссия продолжала расти; но ее реальная ценность падала ввиду непрерывного возрастания темпа обесценения совзнаков.

§ 2. Следующая таблица показывает рост денежной массы и падение ее реальной ценности.

Д а т ы	Денеж. массы в млн. руб.	Реальная ценность денежной массы в млн. руб. по индексу статист. труда.
На 1/XI 1917 г. . .	19 577	1 919,4
» 1/I 1918 » . .	27 650	1 333,9
» » 1919 » . .	61 326	379,3
» » 1920 » . .	225 015	93,0
» » 1921 » . .	1 168 596	69,6
» 1/VII 1921 » . .	2 347 164	29,1

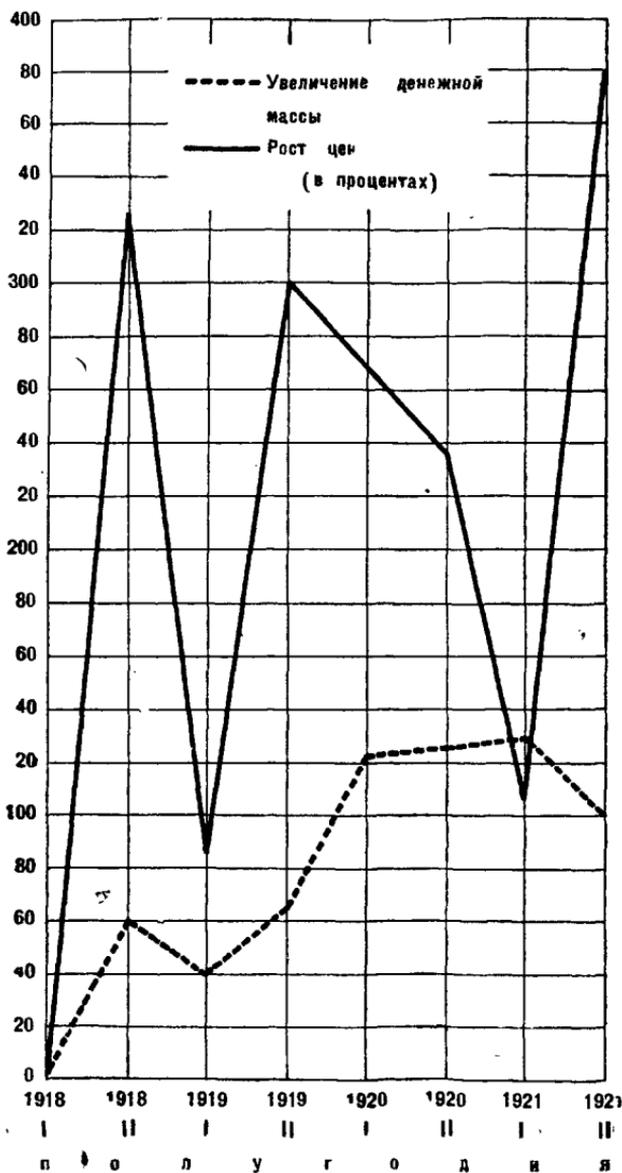
Чрезвычайное сокращение сферы рыночного обмена, катастрофическое увеличение скорости обращения денег при непрерывном возрастании эмиссии, таковы причины столь резкого обесценения совзнаков. Темп обесценения постоянно (кроме 2 полугодия 1920 г.) обгонял темп эмиссии, что видно из диаграммы № 5 на стр. 172.

Но бумажно-денежный поток в течение этого периода не исчерпывался одной централизованной эмиссией совзнаков советской властью. С весны 1919 г. местные эмиссии денежных знаков получили чрезвычайно широкое распространение в связи с раздроблением всей нынешней территории СССР на множество политически или хозяйственно оторванных друг от друга областей и районов и даже отдельных городов, вплоть до уездных.

§ 2. Период «военного коммунизма» — это период небывалого в истории бумажно-денежного хаоса. Распад единства денежной системы отражал глубочайший распад экономических связей ранее целостного хозяйственного организма и в свою очередь усугублял общехозяйственную деградацию (упадок). Цены не только росли со дня на день, даже с часа на час, но самое главное — *исчезла единая цена*. За один и тот же период на один и тот же товар — ржаную муку — цены в совзнаках в Ленинграде были в 23,8 раза выше, чем в Саратове, и в 15 раз выше, чем в Ульяновске. В каждом районе устанавливались свои собственные цены, и чем больше один район был отдален от другого, тем большим был разрыв цен. Не менее резким был разрыв цен товаров на одном и том же рынке. Так например на московском рынке в октябре 1920 г. цены на масло, сахар, пшено и сельди возросли в сравнении с 1913 г. свыше, чем в 10 тыс. раз;

Диаграмма № 5

Соотношение темпов увеличения денежной массы и роста цен в процентах с 1918 по 1921 г. в СССР

Показательно, что рост цен во втором полугодии каждого года, в связи с реализацией урожая, значительно замедляется, даже при возрастании темпа эмиссии, как например во второй половине 1919 и 1920 гг. Это замедление темпа обесценения денег во второй половине 1920 г. было настолько значительным, что прирост эмиссии в процентах оказался даже несколько большим, чем обесценение совзнака.

цены на мясо, молоко и яйца от 5 тыс. до 10 тыс. раз, а на капусту и свежую рыбу — менее чем в 5 тыс. раз. Цены же на продовольствие в целом возросли во много раз больше, чем цены на предметы роскоши. Рынок вообще был загнан в подполье, и хотя фактически он повсюду существовал в период «военного коммунизма», но сфера рыночного товарооборота и следовательно сфера денежного обращения оказалась весьма суженной. Этим наряду с сильно возросшей скоростью обращения денег и объясняется, почему к 1 июля 1921 г. товарное обращение всего Союза удовлетворялось денежной массой, реальная ценность которой была равна всего 29 млн. руб.

§ 3. *Денежно-рыночный товарооборот чем дальше, тем больше вытеснялся, с одной стороны, государственным, бесплатным снабжением продуктами в натуре, а с другой стороны, нелегальным частнохозяйственным товарообменом.*

Чем дальше, тем больше для рабочих и служащих главным источником снабжения становился *наек* (установленная государством твердая норма планового снабжения), а не покупка товаров на рынке за совзнаки. Так по данным Л. Крижмана в среднерусском бюджете

рабочего госснабжение в натуре составляло: в 1918 г.—41%, в 1919 г.—63%, в 1920 г.—75%. Также в общем реальном государственном бюджете денежные доходы-расходы к 1920 г. играли незначительную роль. По предположениям *С. Голованова* весь государственный доход за 1920 г. (включая валовой доход от национализированных отраслей народного хозяйства) был равен 1 726 млн. золотых руб. Из этой суммы на долю денежных расходов по его вычислениям приходилось только 126 млн. руб., или 7,3%. Конечно эти цифры приблизительны, ибо нет данных для точного исчисления, но соотношение денежной и натуральной частей бюджета таковым примерно и должно было быть. Таким образом *астрономические цифры бумажно-денежной эмиссии в 1920 г. фактически приносили государству очень скромный реальный доход. Главной опорой бюджета была не эмиссия, но поступление продукции в натуре от крестьянства в порядке продразверстки и от промышленности путем прямого изъятия всей необходимой государству продукции и ее планового распределения.*

§ 4. В этот период были сделаны практические шаги на пути замены денежного оборота безденежными бухгалтерскими расчетами. Декрет СНК от 23 января 1919 г. устанавливал определенный порядок расчетов между национализированными и муниципализированными и находящимися под государственным контролем предприятиями и учреждениями. Расчеты должны были производиться, как говорилось в декрете, «бухгалтерским способом без участия денежных знаков». Декретом СНК от 6 января 1920 г. эти постановления были распространены на кооперацию. Наконец декретом СНК от 25 июля 1920 г. о реквизициях и конфискациях, было *предписано частным лицам* вносить на текущие счета в государственные кассы всю денежную наличность, превышающую двадцатикратную минимальную тарифную ставку данной местности на одно лицо. Таким образом *советская власть принимала в то время меры (которые не исчерпывались приведенными декретами) к сужению сферы денежного обращения.* Так 2 сессией ВЦИК 18 июня 1920 г. по докладу НКФ было принято постановление, в котором была признана деятельность НКФ, выразившаяся «в стремлении к установлению безденежных расчетов для уничтожения денежной системы, — в общем соответствующей основным задачам хозяйственного и административного развития РСФСР». ВЦИК поручил принять действительные меры для проведения в жизнь новой системы хозяйственного управления.

В связи с общим курсом на сужение сферы денежного обращения встал вопрос о замене прежнего денежного учета новым единым методом оценки и учета хозяйственной деятельности. Как исчислять эффект производственной работы? Каким образом можно установить, какие продукты выгоднее производить, если нет общей единицы учета производительности труда? И не означает ли установление той или иной единицы учета снова возврат к деньгам, по крайней мере как мерилу стоимости? Эти вопросы организации хозяйственного учета в социалистическом обществе в этот период приобрели огромное практическое значение и неудивительно, что происходило оживленное их обсуждение в научных и деловых кругах.

Нашими экономистами был предложен целый ряд проектов хозяй-

ственного учета и оценки при социализме. Одни предлагали ввести непосредственный хозяйственный учет затрат по каждому виду продуктов в отдельности, другие выдвигали единый принцип оценки затрат для всех видов продуктов. С другой стороны, в числе этих последних проектов одни выдвигали принцип связанного (пайкового) распределения продуктами, другие свободного распределения. В последнем случае каждому трудящемуся выдавался бы трудовой бон, на который он мог бы получать любые продукты равной «трудовой ценности». Значительная часть проектов сводилась к установлению единой «трудовой единицы» учета и распределения, которую называли «тредом». Основной единицей «трудовой» ценности по предложению *Креве* считается «час простого неквалифицированного общественно-необходимого труда».

Наиболее разработанный проект хозяйственного учета при социализме предложил *С. Г. Струмилин*. Проблема по его мнению «сводится к разрешению математической задачи о том, какое распределение производительных ресурсов страны может обеспечить максимум удовлетворения потребностей при минимуме трудовых затрат». Общественно-необходимым будет считаться тот труд, который затрачен в соответствии с указанным выше принципом; в качестве единицы учета *Струмилин* предлагал «принять ценность продукта труда одного нормального работника первого тарифного разряда при выполнении им нормы выработки на 100%».

Также и «рабочая группа Валютной подкомиссии НКФ» в своем проекте писала: «За единицу трудового учета принимается средняя продукция одного нормального дня простого труда при нормальной его напряженности для данного рода работы. Означенной трудовой единице учета присваивается наименование «тред». На Совет труда и обороны возлагается выработка и установление: 1) правил приведения сложного труда к простому; 2) выраженного в тредах нормыного преискуранта всех хозяйственных благ и услуг, подлежащих учету, и 3) порядка периодического, по мере надобности, пересмотра этих правил и преискурантов». Но то, что «возлагалось» на Совет труда и обороны, и было *самым важным и трудным*. Конечно можно более или менее точно учесть, сколько конкретного труда затрачивается на тот или иной продукт (если и затраты сырья также выражены в трудовых единицах), но как установить, сколько затрачено *общественно-необходимого и простого труда*, как сложный труд *свести к простому*? Для центральных органов хозяйственно го управления это было бы весьма трудным, но не *неосуществимым делом*. При наличии планового учета общественного потребления, с одной стороны, и данных технических условий, с другой стороны, можно было бы установить, какой труд в каждой отрасли является общественно-необходимым. Также вполне возможно и сведение сложного труда к простому, если будет точно установлена необходимая затрата труда на получение той или иной квалификации. Впрочем этот момент в коммунистическом обществе не будет играть роли, ибо, предлагая высокое развитие техники, в этом обществе будет проведен принцип: «с каждого по способностям, каждому по потребностям». Но при отсутствии этой возможности, т. е. когда условия технического развития еще не дают возможности полного удовлетворения всех общественных потребностей, конечно необходимо будет распределение продукции с учетом затраченного каждым производителем труда, и следовательно здесь необходимо будет сведение сложного труда к простому.

Наиболее соответствующими социалистической системе были проекты введения всеобщего хозяйственного учета в *трудовых единицах — тредах*. Эти треды как будто очень похожи на «трудовые боны» *Оуэна* или другие подобные попытки непосредственно определить стоимость продуктов в трудовых единицах (см. главу XVIII). Но существенная разница между ними в том, что проекты наших тредов имели под собой более или менее твердую почву в виде национализации и централизованной организации всей промышленности (и отсюда теоретическая возможность установления количества затраченного на продукты обще-

ственно-необходимого труда), в то время как *Оуэн* хотел ввести организованный и «справедливый обмен» по «трудовой ценности» при наличии *частной собственности на средства производства* и полной *анархии* всего производства.

Но не являлись ли эти треды по существу теми же *деньгами*, лишь по-иному названными? Буржуазные экономисты обычно дают положительный ответ на этот вопрос, но это совершенно неверно. «При общественном производстве денежный капитал отпадает. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями труда. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных потребительных запасов то количество продуктов, которое соответствует их рабочему времени. *Эти удостоверения отнюдь не деньги. Они не совершают обращения*» (*К. Маркс*).

§ 5. Но проекты введения всеобщего и единого хозяйственного учета в тредах и распределение продукции в «бумажных удостоверениях», выраженных в тредах, не были осуществлены на практике.

Дело в том, что обязательное условие, при котором могут быть ликвидированы деньги, согласно постановлению VIII съезда РКП — «полная организованность коммунистического производства и распределения», невозможно было осуществить ни в 1918 г., ни в 1919 г., ни в 1920 г. Если крупное производство уже было обобществлено и организовано (и таковым оно является и теперь), то много миллионов крестьянских хозяйств попрежнему оставались дезорганизованной массой, и государство фактически не имело возможности, с одной стороны, извлекать все хлебные излишки, а с другой стороны, снабжать крестьянство в необходимом количестве городской продукцией. Выполнение продразверстки постоянно отставало от планов; установлено, что у крестьянства оставались значительные запасы хлеба. Весь этот хлеб уходил на «подпольный рынок», *рыночный товарооборот несмотря на все репрессии продолжал существовать*.

А раз существует рынок, значит, как мы уже знаем, должны быть *и цены и деньги*. Мы знаем далее, что действительными деньгами является только какой-либо один определенный товар, например золото. Какой же товар был деньгами на «подпольном рынке» в эпоху «военного коммунизма», что являлось здесь мерилom стоимости? Чтобы ответить на этот вопрос мы должны вспомнить то, о чем говорилось в I главе, а именно о четырех формах стоимости. На «подпольном рынке» в период «военного коммунизма» складывались отношения, которые можно подвести как под простую и развернутые формы, так и под всеобщую форму. Когда городское население переживало настоящий голод, а сельское население — острую нужду в целом ряде продуктов, как хлебе, мануфактуре и пр., *то не могло быть и речи о том, чтобы всеобщим товарным эквивалентом было золото*. Само золото превратилось в рядовой товар и к тому же значительно менее ценный, чем до войны, в противоположность например таким товарам, как хлеб или соль. Уже в 1918 г. *на золото можно было купить товаров по индексу в 10 раз меньше, чем до войны*, т. е. золотой рубль в товарах стоил всего гривенник.

Рынок, загнанный в подполье, к тому же лишенный денег, был в силу этого *дефективным рынком*. Но раз рынок существовал, и рыночные отношения, хотя бы в уродливой форме и в ограниченном объеме, развивались, *необходимо должны были быть созданы и новые деньги*. И этот процесс развития новых видов товаров-денег мы как раз и наблюдаем в этот период.

Торгуя «из-под полы», т. е. нелегально, продавцы и покупатели устанавливали в каждом отдельном случае случайные меновые эквиваленты, поскольку всеобщего эквивалента не было.

Вот пример установления в г. Калуге в январе 1919 г. по данным Ф. Термитина меновых пропорций, соответствующих по марксовой теории развернутой форме стоимости (поскольку один какой-либо товар в качестве *всеобщего* эквивалента здесь не фигурировал):

$$\begin{aligned} 1 \text{ фун. мыла} &= 2 \text{ фун. пшена,} \\ 22 \text{ фун. керосина} &= 15 \text{ фун. гороха,} \\ 1 \text{ шинель} &= 10\frac{1}{2} \text{ фун. крупы-ядрицы,} \\ 3 \text{ фун. соли} &= 30 \text{ фун. овса,} \\ 1 \text{ пара сапог} &= 30 \text{ фун. гречневой крупы,} \\ \frac{1}{2} \text{ фун. махорки} &= 1 \text{ фун. свиного сала.} \end{aligned}$$

Поскольку на рынке *одновременно* устанавливались простые меновые отношения между *длинным рядом товаров*, постольку эти отношения могут быть названы *развернутой формой стоимости*, как например: 1 воз дров = 6 $\frac{1}{2}$ фун. керосина, или 1 шинели, или — 15 фун. соли (пропорция взята из книги *Вайсберга* «Деньги и цены»). Такие пропорции устанавливались на всех рынках, и это было неизбежно, коль скоро рыночные отношения существовали.

Наиболее ходкие и наиболее ценные товары становятся *всеобщими эквивалентами*. Обычно не только в разных районах, но даже и в одном и том же районе существовало по несколько эквивалентов. Эти товарные эквиваленты постоянно вели друг с другом борьбу за положение *денежного*, т. е. всеобщего и единого эквивалента. Так в Москве в 1920 г. наиболее сильными претендентами на «денежный престол», освободившийся после «низложения» золота, были соль и печеный хлеб. «Мы имеем все данные считать, — говорит *Вайсберг*, — соль для Москвы в 1920 г. масштабом цен, орудием обращения и средством накопления». В других местах были другие претенденты. Отправлявшийся в деревню за продуктами, предварительно всегда выяснял, «на что в этой деревне меняют», например на соль или хлеб или керосин, и в соответствии с этим брал с собой определенное количество данного эквивалента.

Таким образом *развернутая форма стоимости превращается для каждого отдельного района во всеобщую форму*.

Вот пример этой всеобщей формы стоимости (также взятый из жизни), при которой всеобщим эквивалентом является ржаная мука:

$$\left. \begin{aligned} 30 \text{ фун. керосина} \\ 10 \text{ фун. мыла} \\ 3 \text{ фун. махорки} \\ 10 \text{ арш. ситца} \end{aligned} \right\} = 1 \text{ пуду ржаной муки.}$$

«Если бы, — сказал *Маркс*, — все товары выражали свою стримость в серебре, пшенице или меди, то серебро, пшеница или медь были бы мерами стоимости, следовательно, всеобщими эквивалентами».

Однако поскольку у нас в этот период «эквивалентная форма» нигде прочно не срослась с натуральной формой» какого-либо *определенного* товара, постольку мы по существу еще не имели действительных, вполне развитых денег. *Всеобщая форма стоимости еще не превратилась в денежную форму стоимости*. Раз не было на «подпольном рынке» единого эквивалента для всей экономической системы СССР, значит в СССР не было в этот период действительных, закончивших свое развитие денег.

§ 6. Но наряду с этими эквивалентами — недоразвитыми деньгами — существовало нечто, что все мы называли «деньгами», а именно *совзнаки*. Бумажные же деньги не есть деньги, но только заместители или представители денег. Коль скоро золото перестало быть действительными деньгами, бумажные деньги должны были найти какую-либо другую точку *опоры*, но такой *единой* точки как раз не было. Отсюда и полнейшая неустойчивость совзнаков и полнейшая неразбериха в ценах. В одном районе говорили так: «рубашка стоит 10 фун. муки, а в совзнаках *сегодня* она стоит 20 млрд. руб.» и продавец рубашки получал 20 млрд. руб., на которые он мог купить 10 фун. муки. В тот же день в другом районе говорили так: «рубашка стоит 5 фун. соли, а в совзнаках *сегодня* она стоит 10 млрд. руб.» И оказывалось, что одна и та же рубашка здесь стоит 20 млрд. руб., а там 10 млрд. руб. Поскольку в разных районах фигурировали разные эквиваленты, постольку совзнакам приходилось замещать то соль, то муку, то ситец и т. д.

Если бы в качестве мерил стоимости и средства накопления функционировали действительные и вполне развитые деньги — золото, т. е. всеобщий и единый эквивалент, то такого положения существовать не могло бы: совзнаки обесценивались бы более равномерно.

Но как раз ввиду разрыва хозяйственных связей, глубоких сдвигов в производстве и потреблении, нелегального положения рынка, расстройства транспорта и т. д., в каждом районе устанавливались свои собственные эквиваленты, и каждый район по-своему устанавливал, какую ценность данного товарного эквивалента — «полуденег» замещают находящиеся в обращении совзнаки. *В этом отсутствии единой товарно-денежной основы у совзнаков все своеобразие положения на «подпольном рынке». Совзнаки были лишены прочного, единого, для всего общества установленного денежного основания — мерил стоимости.*

§ 7. Если в отдельных районах развивались эквиваленты, хотя бы временно выполнявшие функции денег (мерила стоимости, средства обращения и платежа и орудия накопления), то спрашивается, почему все же на местах рынок совершенно не аннулировал совзнаки и не заменил их полностью мукой или солью в качестве средства обращения?

Это объясняется тем, что указанные эквиваленты были исключительно *местными* эквивалентами, имевшими силу только в узких пределах данных районов. Однако полностью экономическая связь между

отдельными рынками никогда не порывалась, а эта связь могла выражаться только в *денежной форме*. Если в данном районе эквивалентом являлась кукуруза, а в другом районе — соль, то очевидно, что лицо, имевшее в своем распоряжении известное количество эквивалента в данном районе, не могло бы воспользоваться им как покупательским средством в другом районе, где был другой эквивалент. *Необходимо было еще установление известной ценностной пропорции между местными эквивалентами*. А эти пропорции могли устанавливаться только таким образом, что все местные эквиваленты выражались в определенном (хотя и изо дня в день изменяющемся) количестве *всеобщих и обязательных* к приему на всей территории советской власти *бумажных денег* — заместителей всех местных эквивалентов.

Таким образом благодаря существованию совзнаков вносилось известное *единство в межрайонные рыночные отношения*. Все товары на местных рынках выражались в определенном количестве единиц местных эквивалентов, а эти последние — в определенной сумме денежных знаков, и таким образом *эквиваленты всех районов получали единую форму выражения в совзнаках*.

Кроме того следует еще принять во внимание, что «товарная форма» местных эквивалентов, как например муки и соли, не приспособлена в полной мере для выполнения всех денежных функций. Как бы вы, например, могли расплачиваться мукой за одну коробку спичек и т. п.? Местные эквиваленты не обладали необходимыми качествами денежного товара — *портативностью, высокой ценностью при малом объеме, равным качеством* и т. д., которыми в нормальных условиях обладает золото.

Следовательно несмотря на непрерывно падающую стоимость совзнаков, что представляло огромные неудобства для товарного обращения, оперирование на «подпольном рынке» совзнаками было *экономической необходимостью*.

Итак в то время как в наших учреждениях шли дискуссии по поводу тредов как методов социалистического учета и распределения, в *экономической системе СССР происходил процесс формирования «подпольных», незаконных и следовательно нерегламентированных денежных систем»*.

Литература.

- 1) Вайсберг, Деньги и цены. М. 1925.
- 2) Проф. Л. Юровский, Денежная политика советской власти. М. 1928.
- 3) Проф. З. С. Бацинеленбаум, Денежное обращение в России 1914 — 1924 гг. М. Л. 1924.
- 4) Проф. С. А. Фалькнер, Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства. М. 1924.
- 5) Сборник «Наше денежное обращение», под ред. Л. Юровского. М. 1926.
- 6) Е. А. Преображенский, Бумажные деньги. Гиз. 1920.
- 7) Л. Крицман, Героический период русской революции, изд. 2. М. Л. 1926.

Вопросы для повторения.

- 1) Охарактеризуйте состояние денежного обращения и процесс натурализации народного хозяйства в период военного коммунизма.
- 2) Какие в этот период выдвигались проекты хозяйственного учета при социализме?

- 3) Какие деньги были действительными деньгами, т. е. являлись мерилом стоимости при военном коммунизме и в начале нэпа?
- 4) Являлись ли совзнаки заместителями какого-либо определенного вида действительных денег?
- 5) В чем причины «живучести» совзнака?

ГЛАВА XVI.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ПРИ НЭПЕ ДО ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ 1924 Г.

§ 1. Переход к нэпу и попытки стабилизировать валюту осенью 1921 г. — § 2. Натуральный товарообмен. — § 3. Курс на восстановление нормального денежного обращения. — § 4. Деноминации. — § 5. Продолжение инфляции. — § 6. Продуктивность эмиссионного напряжения. — § 7. Восстановление золота в качестве мерил стоимости. § 8. Период двойного обращения.

§ 1. Мы уже знаем, что мероприятия, проведенные в период так называемого «военного коммунизма», были в тех условиях *необходимостью*. Без этих мероприятий нельзя было бы победить классовых врагов, но эта победа досталась ценой колоссального сокращения производительных сил. «Необыкновенно тяжелый кризис крестьянского хозяйства, которое после всех разорений, вызванных войной, было еще добито и необыкновенно тяжелым неурожаем и связанной с этим бескормицей, потому что неурожай был и на травы, и падежем скота, ослабление производительных сил крестьянского хозяйства, сплошь и рядом осуждение его во многих местах прямо таки на разорение, — вот картина крестьянского хозяйства к весне 1921 г.» (Ленин). Не менее тяжелым было и положение промышленности: кризис сельского хозяйства означал вместе с тем и кризис промышленности, которая была лишена хлебной и сырьевой базы.

В таких условиях абсолютно необходим был переход к *новой экономической политике*, которая означала не что иное, как временную уступку мелкому, частно-собственническому хозяйству, и в известных границах порождаемому развитием этого последнего *капитализму*. «Побольше сделаем уступок, — писал Ленин в августе 1921 г., — конечно, в пределах того, что *может* уступить пролетариат, оставаясь господствующим классом; возможно быстрый сбор умеренного продналога и возможно больше свободы развитию, укреплению, восстановлению крестьянского хозяйства; отдадим не абсолютно необходимые нам предприятия арендаторам, в том числе и частным капиталистам и иностранным концессионерам... Сосредоточим *на меньшем* ослабленные силы рабочего класса, но зато укрепимся подтвержде, проверим себя не раз и не два, а много раз практическим опытом. Шаг за шагом, вершок за вершком — иначе двигаться вперед по такой трудной дороге, в такой тяжелой обстановке, при таких опасностях такое «войско», как наше, сейчас не может». *Следовательно временные уступки были необходимы*

для того, чтобы тверже двигаться вперед. Для развития крупной промышленности — фундамента социализма — необходимо было восстановление сельского хозяйства, а это последнее могло быть достигнуто путем замены продразверстки продналогом и свободного распоряжения крестьянством своими излишками.

Но «товарообмен и свобода торговли означает неминуемо появление капиталистов и капиталистических отношений. Бояться этого нечего. Рабочее государство имеет в своих руках достаточно средств, чтобы лишь в меру допустить развитие этих отношений, которые полезны и необходимы в обстановке мелкого производства, и чтобы контролировать эти отношения» (Ленин). И в связи с этим встал вопрос: «кто победит, кто скорее воспользуется — капиталист, которого мы же пускаем в дверь или даже в несколько дверей и во много таких дверей, которые мы сами не знаем и которые открываются помимо нас и против нас, или пролетарская государственная власть» (Ленин). Весь период нэпа является периодом ожесточенной классовой борьбы, и именно теперь эта борьба, в связи с ликвидацией кулачества, как класса, на базе сплошной коллективизации, приобретает особенную остроту...

Когда в марте 1921 г. произошло раскрепощение рынка, и мы перешли к новой экономической политике, отсутствие единой и прочной денежной системы оказалось важнейшим препятствием на пути экономического восстановления.

Осенью 1921 г., несмотря на продолжавшуюся эмиссию совзнаков, курс последних временно стабилизировался. Но в дальнейшем в связи с голодом товарная масса сократилась, в то время как бюджет ухудшался и эмиссия совзнаков возросла. Совзнак вновь начал резко обесцениваться, и попытка стабилизировать валюту не удалась. В марте 1922 г. XI съезд ВКП констатировал, что «бюджетный дефицит исключает возможность немедленной денежной реформы, направленной к созданию устойчивой валюты» ввиду «голода, влияние которого особенно сказывается в росте цен и обесценении денег».

§ 2. Первое время после введения нэпа практиковался натуральный товарообмен с крестьянством без посредства денег, «предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации» (Ленин). Но ведь обмен должен был производиться на основе какого-то определенного равенства меновых пропорций, и следовательно нужны были эквиваленты. В этих целях и были созданы в центрах и на местах из представителей различных ведомств «эквивалентные комиссии», которые устанавливали эти меновые пропорции.

Вот пример обычной эквивалентной таблицы:

МАНУФАКТУРА

1 агш.	ситна = 20 фун. зерна
1 »	бельевого товара = 33 фун. зерна
1 »	демисезонных летних тканей = 37½ фун. зерна
1 »	одежных товаров = 1 п. 5 фун. зерна

БАКАЛЕЯ

1 пуд весового мыла	=	13 п. 23 ф. зерна
1 фун. курительного табака	=	1 п. 23 ф. зерна
100 штук папирос	=	27 фун. зерна
1 пачка спичек	=	13 ¹ / ₂ фун. зерна

ЖЕЛЕЗО-СКОБЯНЫЕ ТОВАРЫ

1 вила навозная	=	1 п. 03 ф. зерна
1 ведро крашеное	=	1 п. 20 ф. зерна
1 пуд чугуных горшков	=	12 пуд. »
1 пуд гвоздей	=	27 п. 7 ¹ / ₂ ф. зерна
1 коса	=	3 пуд. »

«Зерном» считалась пшеница, «Эквивалентная комиссия» устанавливала соотношение между пшеницей и другими продуктами. 100 весовых единиц пшеницы могли быть заменены 135 весовыми единицами овса, 200 весовыми единицами кукурузы, 35 весовыми единицами картофеля, 50 весовыми единицами говядины, 40 весовыми единицами свинины и т. д. Очевидно, что здесь по существу пшеница фигурировала в качестве всеобщей формы стоимости.

Но этот натуральный товарообмен представлял огромные неудобства. Выбор эквивалентов и установление меновых пропорций были совершенно произвольными. Товары по своему качеству не были одинаковы, а на эквивалентных пропорциях это не отражалось. В таблицах «для упрощения расчетов» говорилось, например, просто: 100 штук папирос = 27 фун. зерна (пшеницы), но ведь зерно и в особенности папиросы могут быть самого различного качества.

Выбор продуктов был ограниченным. Один губсоюз, например, объявлял, что ему требуется 300 — 400 тыс. пуд. картофеля, за который он может предложить 20 тыс. пуд. извести, 7 500 пуд. цемента и алебаstra, 5 500 станков колес и т. д. Но тот губсоюз, который имел картофель, как раз нуждался в других товарах или находил для себя неподходящими предложенные эквиваленты. При товарообменных операциях с крестьянством эквивалентные нормы создавали сколько угодно возможностей для злоупотреблений. В общем натуральный товарообмен превратился в *худший вид торговли*, без единого основания, всеобщего мерил стоимости и средства обращения.

§ 3. «С товарообменом, — сказал Ленин в конце октября 1921 г. на Московской губернской конференции РКП, — ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа. *Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного отношения — захлестнет вас.*

Ленин решительно поставил вопрос о товарообмене и товаро-денежном обращении. Подытоживая прения на указанной выше конференции, Ленин сказал: «Верно ли, что мы весной 1921 г. говорили о товарообмене? Конечно, верно, вы все это знаете. Верно ли, что товарообмен, как система, оказался несоответствующим действительности, которая преподнесла нам вместо товарообмена денежное обращение, куплю-продажу за деньги? Это тоже несомненно, это показывают факты».

Но говоря о необходимости «приспособления к стихии купли-продажи, денежному отношению», Ленин мыслил себе это приспособление не как пассивное, но как активное, а именно, как *регулирование тор-*

говли и денежного обращения: «мы должны понять, что теперешние конкретные условия требуют государственного регулирования торговли и денежного обращения, и что именно в этой области мы должны проявить себя» (там же).

Но «регулировать денежное обращение» — это, значит, прежде всего ликвидировать тот хаос в денежном обращении, который остался от периода «военного коммунизма». И Ленин подчеркивал, что «если экономическая действительность, в которую мы попали благодаря всей сумме условий экономики и политики, международной и русской, если она такова, что стало фактом денежное обращение, а не товарообмен; если нужно направить свою задачу на то, чтобы регулировать теперешнюю торговлю, теперешнее плохое денежное обращение, — то что же мы, коммунисты, скажем, что нам до этого нет дела?» (Подчеркнуто мною — З. А.). Вот почему Ленин приветствовал введение расчетов на золото в ряде госпредприятий, отмечая вместе с тем, что «число таких хозяйственных единиц ничтожно, в большинстве же господствует хаос, полное несоответствие между заработком и условиями существования». Таким образом условия того времени выдвигали в качестве первоочередной задачи ликвидацию бумажно-денежного хаоса и создание твердой валюты. В связи с этим следует отметить и отношение Ленина к золоту. В статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма», опубликованной в «Правде» 5 ноября 1921 г., Ленин писал, что золото при полной победе социализма в мировом масштабе и золото в данных исторических условиях вещи совершенно различные. «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думаю мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым «справедливым» и наглядно назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов человек в великой «освободительной войне» 1914 — 1918 годов». «Но как ни «справедливо», — продолжает далее Ленин, — как ни полезно, как ни гуманно было бы указанное употребление золота, а мы все же скажем: поработать еще надо десяток-другой лет с таким же напряжением, и с таким успехом, как мы работали в 1917 — 1921 годах, только на гораздо более широком поприще, чтобы до этого добраться. Пока же беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле». (Подчеркнуто мною — З. А.).

Итак поскольку необходимо было развитие торговли, постольку во весь рост встала задача создания устойчивой системы денежного обращения, IX Всероссийский съезд советов в конце 1921 г. поручает НКФ «осуществить с наибольшим напряжением сил и наибольшей быстротой сокращение и впоследствии прекращение эмиссии и восстановление правильного денежного обращения на основе золотой валюты».

§ 4. После кратковременного (полугодового) опыта натурального товарообмена советская власть взяла твердый курс на развитие торговли и восстановление денежного обращения. Но это сразу не могло быть осуществлено: по мере улучшения общего хозяйственного положения страны (что стало возможным ввиду прекращения

гражданской войны и введения нэпа), восстановления экономических связей между районами, оздоровления финансовой (в особенности налоговой) системы, повышения производительности труда на фабриках и т. д. стало возможным практически поставить вопрос и о создании новой устойчивой денежной системы. С другой стороны, именно этот общий восстановительный хозяйственный процесс чем дальше, тем больше требовал введения устойчивой валюты. Как для государственных предприятий, так и для частных, было необходимо в своей хозяйственной работе опереться на твердое и *всеобщее* мерило стоимости. Затем необходимы были и устойчивые в своей представительной стоимости *средства обращения*. Между тем эмиссия совзнаков, покрывающая бюджетный дефицит, все продолжалась. Совзнаки настолько обесценились, что для упрощения счета пришлось провести две так называемые *деноминации*:

1) рубль дензнаками выпуска 1922 г. был приравнен 10 тыс. руб. всех прежних выпусков; 2) 1 руб. выпуска 1923 г. был приравнен 100 руб. дензнаками выпуска 1922 г. и 1 млн. руб. знаками всех прежних выпусков.

§ 5. Денежная эмиссия продолжала расти. Если масса денег в обращении (в знаках 1921 г.) возросла за последнее полугодие периода «военного коммунизма» в 2 раза, то с начала нэпа темп эмиссии еще более возрос: за второе полугодие 1921 г. денежная масса возросла в $7\frac{1}{2}$ раз, за первое полугодие 1922 г. в 18,3 раза и за второе полугодие того же года в 6,2 раза. Но темп повышения цен (обесценения совзнаков) в течение этого периода был еще более высоким: лишь в течение осенних месяцев (в связи с реализацией урожая) 1921 г. и в течение мая — августа 1922 г. темп обесценения отстал от темпа эмиссии, и поэтому реальная ценность денежной эмиссии возросла.

Ценность денежной массы по индексу статистики труда в начале каждого месяца составляла:

Июль 1921 г.	29,2	млн. руб.
Октябрь 1921 г.	55,3	» »
Январь 1922 г.	60,9	» »
Апрель » »	32,0	» »
Июль » »	55,3	» »
Октябрь » »	115,9	» »

Проф. Юровский на основании данных эмиссии и индекса статистики труда установил «продуктивность эмиссионного наиряжения».

Прирост денежной массы на один процент давал следующую сумму в золотых рублях (млн. руб.):

Месяцы	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Январь	30,57	11,80	3,76	0,82	0,61	0,45
Апрель	32,56	6,71	2,00	0,65	0,43	0,23
Июль	19,75	4,39	1,49	0,59	0,29	0,55
Октябрь	23,23	5,04	1,30	0,74	0,51	0,92

§ 7. Итак эмиссия совзнаков, их обесценение и пляска цен все продолжались. В качестве средства обращения все же приходилось пользоваться этими попрежнему падающими совзнаками, — так как дру-

гих *всеобщих* средств обращения не было. В качестве же мерил стоимости, поскольку правительство официально объявило курс на восстановление денежного обращения на золотой основе, и поскольку, начались торговые сношения с внешним миром, вместо прежних соли, хлеба, муки и ситца стало фигурировать *золото*. Последнее начинало все более входить в хозяйственный оборот и быстро восстанавливать свою покупательскую силу. Так, если в августе 1920 г. по индексу статистики труда покупательская сила золотой десятки была равна 2 р. 19 к. по сравнению с довоенным временем, то в августе 1922 г. покупательская сила десятки уже была равна 3 р. 96 к., в сентябре— 5 р. 82 к., октябре— 9 р. 1 к., т. е. почти сравнялась с довоенной покупательской ценой.

Бюджет согласно декрету СНК от 5 ноября 1921 г. стал исчисляться в «довоенных рублях» или «золотых рублях» по индексу. Торговые обороты, арендные сделки, договоры, а позднее и выплата заработной платы исчислялись по индексам. Бюджетный индекс назывался «товарным рублем». Заработная плата устанавливалась в «товарных рублях», а выплата производилась совзнаками по курсу дня «товарного рубля». Наряду с этим 25 августа 1922 г. постановлением СТО была создана Специальная котировальная комиссия, которая ежедневно публиковала курс золотого рубля в совзнаках. Но этот суррогат мерил стоимости не мог удовлетворить хозяйственный оборот. Помимо подлинного мерил стоимости, последний требовал также и *единого, устойчивого средства обращения*.

Эмиссия новых денежных знаков гласящих на золото и выпускаемых не для покрытия бюджетного дефицита, но для обслуживания товарного обращения была поручена Государственному банку.

§ 8. В начале 1922 г. после многочисленных совещаний в Госбанке и НКФ было решено приступить к выпуску банковских билетов (банкнот или червонцев), что и было подтверждено постановлением СНК от 11/X 1922 г., и в конце ноября того же года в обращении уже появились первые банкноты. Согласно указанному декрету, а также дополнению к нему (изданному 19 октября 1922 г.) эмиссия банковских билетов базировалась на следующих основных принципах.

1. Банкноты выпускаются купюрами в 1, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев. Один червонец равен 10 руб. в прежней золотой монете, т. е. 1 золотнику и 78,24 долям чистого золота.
2. Выпускаемые в обращение банкноты должны быть обеспечены не менее чем на 25% драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой, и не более чем на 75% легко реализуемыми товарами, краткосрочными векселями и другими краткосрочными обязательствами. При этом обеспечение товарными векселями должно составлять не менее $\frac{2}{3}$ всех обеспечений этого рода (т. е. исключая золотое и инвалютное обеспечение).
3. Банкноты разменны на золото, но начало размена устанавливается особым правительственным актом.
4. Для управления эмиссионным делом при Госбанке учреждается Эмиссионный отдел, общее наблюдение и контролирование которого поручается Эмиссионному совету.
5. Эмиссия банковских билетов идет на усиление оборотных средств Госбанка для его регулярных, краткосрочных кредитных

операций, а также для покупки иностранной валюты и драгоценных металлов. Ссуды Наркомфину Госбанк имеет право предоставить только при обеспечении этих ссуд Наркомфином не менее чем на 50% драгоценными металлами.

С этого момента СССР вступил в полосу «двойного обращения»: устойчивого — червонного и неустойчивого — совзначного. Первое время банкноты «приходилось внедрять» в обращение, но вскоре же, поскольку выпуск банкнот был ограничен и производился исключительно в порядке краткосрочного кредитования хозяйственных предприятий для обслуживания процесса товарного обращения, за банкнотами все стали гоняться. Каждый предпочитал получать устойчивые банкноты вместо падающих совзнаков. Все больше вытесняемый из обращения совзнак стал еще быстрее падать в своей покупательской силе, но все же при мелких платежах им приходилось пользоваться, поскольку самой мелкой купюрой банкноты был 1 червонец (10 руб. золотом).

Совзнаки стали функционировать по преимуществу в сфере мелкого розничного оборота. Но ввиду катастрофического их обесценения и несмотря на то, что на места отправлялись совзнаки целыми вагонами на *квадрильоны рублей*, их нехватало для мелкого оборота и ощущался *разменный голод*. В последние месяцы жизни совзнака темп его обесценения стал прямо катастрофическим, значительно обогнав темп эмиссии. Так эмиссия возросла за ноябрь 1923 г. на 67,8%, декабрь на 95,1%, январь 1924 г. на 98,6% и февраль того же года на 80,6%, а цены за те же месяцы возросли на 110%, 136%, 199%, 280%. Удельный вес совзнаков в общем объеме денежной массы, исчисленный по индексу, падал из месяца в месяц, а удельный вес червонцев возрастал. Если принять всю денежную массу за 100 процентов, то удельный вес совзнаков с 97% на 1 января 1923 г. упал до 7,6% на 1 марта 1924 г., а удельный вес банкнот возрос с 3% до 92,4%. Государство получало ничтожный доход от квадрильонных выпусков совзнаков: за январь и февраль этот доход был равен всего 33,8 млн. довоенных руб. по индексу статистики труда. Все это наряду со сведением бюджетного дефицита к минимуму, — создало и *возможность и необходимость* ликвидации совзнаков и замены их новыми устойчивыми и связанными с золотом денежными знаками. Эта денежная реформа, завершившая процесс восстановления устойчивого денежного обращения, была проведена в первой половине 1924 г.

Так закончился 10-летний период бумажно-денежной инфляции (1914 — 1924 г.). Количество совзнаков в обращении на 1 марта 1924 г. было равно 809 625 216 667 200 тыс. руб., т. е. астрономической цифре в 809 квадрильонов руб. (по счету без деноминации). Реальная же стоимость этой массы по выпускному курсу была равна 16,2 млн. руб. червонцам. К моменту денежной реформы наш рубль был обесценен в 50 миллиардов раз. Статистик *Бобров* вычислил, что если построить столбик из серебряных рублей, то длина этого «столбика» из 50 млрд. монет была бы равна 2½ экваторам земного шара!

Каков же итог 10-летней бумажно-денежной инфляции России и СССР? Всего при посредстве эмиссионного налога было выкачано у

Диаграмма № 6

Эффективность эмиссионного дохода (реальный доход от бумажно-денежной эмиссии) по индексу статистики труда в течение 1914—1924 гг.

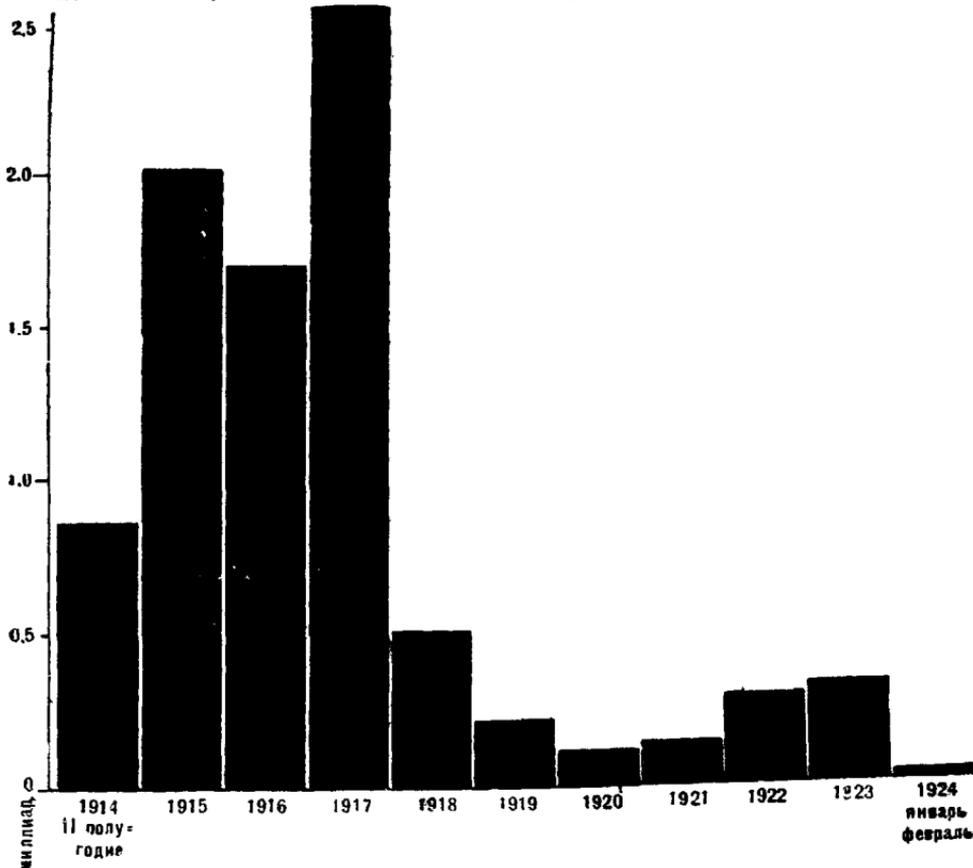

Диаграмма показывает резкое сокращение эмиссионного дохода в 1918 г. (почти в 5 раз), и дальнейшее его сокращение до 1921 г.

населения реальных ценностей по индексу статистики труда на 8 863 574 800 руб., причем по годам этот эмиссионный налог выразился в следующих цифрах (в тыс. руб.):

1914 г.	873 802,1	1920 г.	122 014,8
1915 г.	2 019 461,5	1921 г.	149 029,2
1916 г.	1 718 066,9	1922 г.	296 501,6
1917 г.	2 562 196,8	1923 г.	327 791,5
1918 г.	536 241,9	1924 г. . (Янв.—февр.)	33 829,9
1919 г.	224 638,6		

Таким образом из 8 863,5 млн. руб. советская власть не получила даже 2 млрд. руб.; зато империалистическая война сожрала свыше 7 млрд. руб.

Литература.

- 1) Вайсберг, Деньги и цены.
- 2) Проф. Л. Юровский, Денежная политика советской власти.
- 3) Проф. З. С. Каменскбаум, Денежное обращение в России, 1914—1924 гг.

- 4) Сборник «Наше денежное обращение».
- 5) Сборник «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма», изд. 2-е.
- 6) Г. Я. Сокольников, Финансовая политика революции, т. III.
- 7) Н. А. Трахтенберг, Бумажные деньги, изд. 3-е, гл. VII.

Вопросы для повторения.

- 1) Каким образом совершался товарообмен в начале нэпа и в чем были его недостатки?
- 2) Когда и почему был взят курс на восстановление устойчивой валюты.
- 3) Почему «товарный» и «золотой» рубль 1921 г. не могли удовлетворить хозяйственный оборот?
- 4) Когда был издан закон об эмиссии банкнот и какими нормами регулировалась эта последняя?
- 5) Охарактеризуйте период двойного обращения и ответьте на вопрос: когда и почему стала возможной и необходимой ликвидация совзнака?
- 6) Какой реальный доход получила советская власть от эмиссии за все время бумажно-денежной инфляции?

ГЛАВА XVII.

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1924 г. И ПОРЕФОРМЕННАЯ ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА.

- § 1. Подготовка денежной реформы.— § 2. Основные законодательные акты денежной реформы 1924 г.— § 3. Товарная и валютная интервенция.— § 4. Разменный кризис.
§ 5. Сохранилась ли устойчивость валюты после проведения денежной реформы?—
§ 6. Пятилетка денежного обращения

§ 1. Согласно решению высших органов, НКФ в течение осени 1923 г. деятельно готовился к проведению денежной реформы. Партия объявила, что *«завершение денежной реформы должно стать одной из основных задач советской власти на предстоящий период»*. XIII партийная конференция в январе 1924 г. и II съезд советов в феврале 1924 г. принимают резолюции, в которых подчеркивается необходимость проведения денежной реформы и огромная важность для страны правильного разрешения этой задачи. Проведение денежной реформы было подготовлено упорядочением государственного бюджета в течение 1923 г. Если в начале года эмиссией еще покрывалось 30,8% всех расходов, то в третьем квартале эмиссия покрывала всего 14,9% всех расходов; остальная часть расходов покрывалась налогами, неналоговыми доходами и кредитными операциями (выпуском займов).

§ 2. 5 февраля 1924 г. был издан первый декрет ЦИК и СНК о выпуске государственных казначейских билетов купюрами в 5, 3 и 1 руб. За этим декретом последовал ряд других: 14 февраля о прекращении эмиссии совзнаков, 22 февраля о чеканке и выпуске серебряной высокопробной (1 руб. и 50 коп.) и низкопробной (20, 15 и 10 коп.) монеты и медной монеты (5, 3, 2 и 1 коп.).

Наконец последним законодательным актом было постановление СНК от 7 марта 1924 г., которым объявлялся выкупной курс совзнаков, а именно 50 тыс. руб. знаками 1923 г. или 50 млрд. руб. зна-

ками 1921 г. за 1 руб. казначейскими билетами. Казначейские знаки гласили на золото (хотя, какое именно количество золота заключается в одном рубле, не было установлено), но размен их так же как и банкнот не был введен. Практические шаги по проведению денежной реформы следовали немедленно за изданием соответствующих декретов: 8 февраля были выпущены в обращение казбилеты, а с 26 февраля — серебро и медь; выкуп совзнаков повсюду был закончен к 1 июня 1924 г.

Юридически законным платежным средством стал после реформы 1924 г. казначейский рубль, но фактически таковым являлся и червонец (равный 10 руб. казбилетами), ибо государственные учреждения и предприятия принимали и принимают в платежи без ограничения суммы как червонцы, так и казбилеты. В силу этого казбилет оказался тесно связанным с червонцем, и фактически в качестве *валютных денег скорее должен рассматриваться червонец=10 руб.*

§ 3. Через червонец и казначейский рубль был связан с определенным весом содержанием золота, а именно приравнивался 17,424 долям чистого золота.

Проведение денежной реформы отнюдь не ограничилось указанными мероприятиями. Это скорее была лишь внешняя сторона денежной реформы. Органы советской власти и партии в центре и на местах приняли активнейшее участие в проведении денежной реформы. *Основная задача заключалась в том, чтобы закрепить за казбилетами ту представительную стоимость, которой к этому времени обладали червонцы.*

И эту задачу удалось осуществить только потому, что в нашем распоряжении был мощный аппарат местных советских органов, связанных с широкими массами населения и обладающих достаточным авторитетом для административного воздействия на государственные торговые организации, и достаточными ресурсами для экономического воздействия на частный рынок. Последний *резким подъемом цен мог бы сорвать всю денежную реформу*: червонцы и казбилеты могли бы обесцениться как по отношению к товарам, так и по отношению к действительным деньгам — золоту. Это могло произойти по двум причинам. Во-первых, потому, что бюджетный дефицит не был еще ликвидирован: только с 1 июля 1924 г. был прекращен выпуск казбилетов для покрытия бюджетного дефицита. С другой стороны, не мог быть восстановлен размен банкнот и казбилетов на золото, ввиду недостаточного золотого запаса: по закону казбилеты ничем не обеспечивались, а червонцы обеспечивались только на 25% золотом и иностранной валютой. *Широко проведенная товарная и валютная интервенция т. е. вмешательство госорганов в товарный и валютный оборот целях регулирования спроса и предложения товаров и золота, обеспечили устойчивость покупательской силы казбилетов и червонцев.*

Итак вопреки пессимистическим предсказаниям некоторых экономистов и к удивлению всего буржуазного мира, денежная реформа без какой бы то ни было иностранной поддержки при ограниченном золотом запасе и даже при наличии бюджетного дефицита была проведена блестяще. Успех нашей денежной реформы был одной из крупнейших побед пролетариата и партий на экономическом фронте. Нет никакого

сомнения, что при указанных выше весьма неблагоприятных условиях, столь быстрое и радикальное проведение денежной реформы было под силу только стране Советов. (См. гл. XVIII, § 9.)

§ 4. Первые месяцы после проведения денежной реформы было выпущено недостаточное количество мелких денежных знаков, и поэтому ощущался недостаток в разменной монете, так называемый «разменный кризис». Но этот «кризис» был ликвидирован после того, как восстановилось нормальное соотношение между массой казбилетов и серебряной и медной монетой, с одной стороны, и червонцами, с другой стороны. К 1 января 1925 г. червонцы составляли 55,3% всей денежной массы, а казбилеты и серебряная и медная монеты 44,7%.

Это и было таким соотношением, которого требовало нормальное обращение. Покупательская сила червонца и казначейского рубля была закреплена по розничному индексу Конъюнктурного института на уровне 5 довоенных рублей, а золотая десятка, стоившая на вольном рынке Москвы в январе 1924 г. 14 рублей, упала на 1 апреля до 10 р. 65 к., а позднее опускалась даже ниже паритета—до 9 р. 50 к. Тем самым была закреплена связь наших бумажных заместителей денег с действительными деньгами—золотом.

§ 5. Денежная реформа 1924 г. имела своей целью устранение бумажно-денежной инфляции предшествующего периода и создание нормально-функционирующей денежной системы с устойчивой валютой. Но сохранилась ли общая устойчивость нашей валюты с момента проведения денежной реформы до настоящего времени?

Буржуазные экономисты на этот вопрос отвечают отрицательно, полагая, что мы уже вступили, аналогично периоду военного коммунизма, в полосу бумажно-денежной инфляции, и, следовательно, обесценения валюты. Однако аналогия с периодом мировой войны или военного коммунизма неверна уже по одному тому, что с июня 1924 г. и до настоящего момента ни один рубль эмиссии не идет на покрытие бюджетного дефицита, в то время как причина инфляции до денежной реформы заключалась именно в том, что бумажно-денежной эмиссией правительство покрывало бюджетные дефициты; эмиссия с момента денежной реформы обслуживает исключительно коммерческие кредитные операции Госбанка и отнюдь не служит так называемым «чрезвычайным» доходным ресурсом бюджета.

Однако известны факты роста цен на частном рынке. Этот рост цен некоторые объясняют инфляцией и считают, что индустриализация проводится за счет инфляции. Но наряду с этим также общеизвестны другого рода факты:

1) государственные и кооперативные предприятия, почти полностью обслуживающие наш внешне-торговый оборот, фактически получают за червонцы золото и инвалюту по твердому курсу (1 фунт стерлингов—9 р. 60 к., 1 доллар—1 р. 94 к.); 2) трудящееся население страны получает дефицитные товары широкого потребления по фиксированным, устойчивым ценам. Таким образом, факты первого порядка (рост цен) не могут отражать общей динамики уровня товарных цен и, следовательно, не могут характеризовать общего положения нашей валюты.

Следует иметь в виду, что самое понятие *инфляции* заимствовано из условий капиталистического денежного обращения, в то время как условия нашего денежного обращения *принципиально* отличны от этих последних. Ознакомление с природой денег в переходную эпоху (гл. XVIII) покажет нам, почему недопустимо механическое перенесение закономерностей капиталистического денежного обращения на экономику СССР. Пока же отметим следующий важный момент.

Инфляционный рост цен есть *стихийная реакция* капиталистического рынка на избыточную эмиссию бумажно-денежных знаков. У нас же цены наибольшей массы товаров централизованно регулируются, и следовательно в этих пределах не может быть речи об общем инфляционном росте цен, как *стихийной реакции рынка*.

Избыточная эмиссия в СССР могла бы вызвать только *узко-локализованный рост цен, а отнюдь не всеобщее инфляционное повышение цен*. Самая природа, социальное содержание понятия «инфляции», неприменимы к нашим условиям.

Из всего сказанного нельзя, однако, сделать того вывода, что вопрос об объеме эмиссии денежных знаков для нас не имеет значения. Эмиссия, конечно, целиком подчинена задачам социалистической индустриализации; однако как раз в интересах этой последней эмиссия *денежных знаков не должна быть чрезмерной*.

Дело в том, что государственное снабжение средствами потребления еще далеко не охватывает на 100% потребительских бюджетов рабочих, служащих и крестьян (бедняков и середняков). Частно-рыночный товарооборот еще не устранен, и поэтому *избыточная эмиссия может снизить реальную заработную плату в той части, в которой она реализуется на частном рынке*. Кроме того эта избыточная эмиссия была бы помехой планирования производства и продуктооборота, ибо *материальные планы производства и движения продукции между различными частями обобщественного сектора оказались бы в несоответствии с финансовыми планами и движением денежной массы*. Правда, при твердом регулировании цен, избыточное финансирование предприятий за счет эмиссии не может вызвать инфляционного роста цен на госпродукцию, и с этой точки зрения инфляция невозможна: лишние денежные знаки просто оказались бы неиспользованными и вернулись бы в кассы банка. Однако это означало бы, по существу, *прорыв плана*, поскольку осуществленное таким образом «финансирование» предприятий оказалось бы *фиктивным*.

Таким образом, не говоря уже о неизбежности локализованного частичного роста цен на частном рынке, и отсюда угрозы снижения реальной заработной платы, избыточная эмиссия также и в рамках обобщественного сектора заключает в себе *дезорганизирующие тенденции*. И именно поэтому наша кредитно-денежная политика стремится к тому, чтобы эмиссия была строго согласована с материальными планами производства, и была бы ограничена тем количеством денежных знаков, которое необходимо для товарооборота при данной сумме товарных цен и при данных условиях расчета между хозяйственными

Проведенная в начале 1930 г. кредитная реформа как раз и имеет целью устранить возможность избыточной эмиссии. Это дости-

гается таким образом, что в хозяйственном обороте в рамках обобщенного сектора эмитированные знаки предоставляются в порядке кредита лишь для покупки одним государственным предприятием имеющихся в наличии товаров у другого предприятия по данным твердо фиксированным регулирующими органами ценам. (Подробно о кредитной реформе см. 2 часть, главу XXXVIII.)

Но не является ли избыточная эмиссия добавочным ресурсом для социалистической индустриализации, поскольку этим путем через повышение цен на частном рынке ограничиваются реальные доходы и экспроприируется накопление кулачества и городской буржуазии? И на этот вопрос приходится ответить отрицательно, ибо *рост цен на частном рынке порождает спекуляцию, которой занимаются как раз те самые слои населения, ограничить потребление которых рекомендуют инфляционисты советской формации.* Если нужно ограничить или экспроприировать целиком накопление этих слоев, то для этого в распоряжении советской власти имеются гораздо более эффективные средства давления чем избыточная эмиссия.

Итак, *избыточная эмиссия находится в принципиальном противоречии с плановой индустриализацией СССР.* Вот почему советская власть проводит ряд мероприятий (займы, безналичные расчеты и т. и.) для сокращения эмиссии, следовательно, в целях предотвращения тех отрицательных явлений, которые также и в наших условиях могут иметь место вследствие избыточной эмиссии. Необходимость борьбы за устойчивую валюту подчеркнул нарком финансов Союза ССР т. Н. И. Брютханов в своем интервью с сотрудником «Известий» по поводу шестилетия (7/III 1924 г. — 7/III 1930 г.) денежной реформы: «Повышение покупательной силы наших денег есть одна из основных задач, стоящих перед нами при осуществлении пятилетки. Эта задача подчеркивалась и продолжает неизменно подчеркиваться в ряде основных партийных и правительственных директив, касающихся наших пятилетних хозяйственных планов. Поэтому не только никакому пренебрежению к деньгам, но и равнодушию к дальнейшей судьбе нашей валюты не может быть места в нашей работе. *Неустанная повседневная борьба за устойчивую валюту, за укрепление денег, за всемерное повышение их покупательной силы должна и впредь оставаться основой всей денежно-кредитной политики.*»

§ 6. Сохранение устойчивой валюты и повышение покупательской силы рубля является обязательным условием выполнения хозяйственной пятилетки. Последняя намечает значительное снижение себестоимости промышленных товаров и стабильность или некоторое снижение цен сельскохозяйственных товаров.

Одним из ресурсов финплана, целиком идущим на социалистическую индустриализацию, является допускаемый общим планом разрыв между снижением себестоимости промышленных товаров и снижением их отпускных цен. Величина этого разрыва должна быть не менее 11%, что составит за пятилетие по оптимальному варианту 7,3 млрд. руб. Несмотря на этот разрыв, покупательская сила рубля должна значительно повыситься, а именно по одному варианту плана на 15%, а по другому варианту на 20%.

Положительным для денежной системы фактором является намеченное пятилетним планом увеличение наличных валютных резервов в сумме 400—500 млн. руб.

Весь материальный пятилетний план базируется на предположении, точнее, *директиве обязательного повышения покупательской силы рубля*. Невыполнение этой директивы означало бы срыв всей хозяйственной пятилетки. Те же самые миллиарды рублей в планах промышленности к концу пятилетия означают материальный объем продукции на 15%—20% выше первого года пятилетки. Поэтому невыполнение директивы о снижении себестоимости и продажных цен означало бы значительное сокращение фактического объема строительных и других хозяйственных планов, а также реальной заработной платы. «Инфляционный маневр был бы в принципиальном противоречии с общехозяйственным планом здорового развития народного хозяйства» (М. И. Боголепов). Анализ цифр эмиссии средств обращения показывает, что текущая пятилетка принципиально является *«антиинфляционной»* пятилеткой¹.

Прирост денежной массы до 1929 г. характеризуется следующими цифрами:

Г о д ы	Денежная масса на I/X в млн. руб.
1923	282,4
1924	627,2
1925	1 073,7
1926	1 291,3
1927	1 628,3
1928	1 970,8

Пятилетка намечает более низкие темпы прироста денежной массы в сравнении с ее приростом в 1926—1928 гг. Вся денежная масса по отправному варианту должна возрасти на 950 млн. руб., или 48,2%, по оптимальному варианту на 1 250 млн. руб., или 62%. Средне-годовая норма прироста равна по первому варианту 190 млн. руб., по второму — 250 млн. руб. Если сравнить эти цифры с приведенными в таблице данными, а также с предположенным приростом по пятилетке товарной массы и народного дохода, то станет очевидным, что пятилетка ориентируется не на «инфляцию», но на необходимость дальнейшего укрепления денежной системы. В частности, финансовая пятилетка учитывает развитие безналичных расчетов, госзаймов и операций сберкасс. Этим и объясняется значительное отставание темпа прироста денежной массы в сравнении с товарной массой, которая за пятилетие увеличивается на 80—90%.

Итак, необходимым условием успешного выполнения пятилетки является устойчивая валюта; пятилетка требует исключительной бдительности от финансово-оперативных и планирующих органов в области

¹ Понятие инфляции здесь употребляется в том ограничительном смысле, который выше (стр. 190) был нами установлен.

денежно-кредитной политики. Но борьба за твердую валюту — есть дело не только финансовых и кредитных органов, регулирующих объем эмиссии денежных знаков. *Повышение покупательской силы рубля* должно быть достигнуто не болезненными для хозяйственной системы «дефляционными» мероприятиями, но, главным образом, за счет *повышения производительности труда*, дающего возможность проводить *снижение цен* промышленных товаров. Но если текущая пятилетка должна принести с собой дальнейшее *укрепление денежной системы СССР*, то это не значит, что роль этой последней в экономике СССР остается без изменения. *Успешное выполнение пятилетки на базе устойчивой валюты означает крупнейший шаг вперед на пути построения социализма и разрешения противоречий переходной экономики*. И в связи с этими последними должен быть решен вопрос о трансформации роли денег в экономике СССР. К анализу этой проблемы мы переходим в следующей главе.

Литература.

- 1) Г. Я. Сокольников, Денежная реформа.
- 2) Проф. Л. Юровский, Денежная политика советской власти.
- 3) И. А. Трахтенберг, Бумажные деньги, изд. 3, гл. VII.
- 4) Проф. З. С. Каценеленбаум, Учение о деньгах и кредите, ч. 1, гл. XIX.
- 5) Проф. Л. Фрей, Денежная реформа.

Вопросы для повторения.

- 1) Как была проведена денежная реформа 1924 г.
- 2) Какую роль играли товарная и валютная интервенции при проведении денежной реформы?
- 3) К какому типу денежных систем можно отнести нашу пореформенную денежную систему?
- 4) Сохранил ли червонец свою устойчивость со времени денежной реформы?
- 5) Может ли служить источником индустриализации расширение банкнотной эмиссии?

ГЛАВА XVIII.

ПРИРОДА ДЕНЕГ В ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ.

§ 1. Утопия «трудовых денег». — § 2 Опыт справедливого обмена Роберта Оуэна. — § 3. Организация обмена невозможна без организации производства. — § 4. Реакционная утопия Сильвио Гезелля. — § 5. Роль денег в СССР. — § 6. Единство и противоречия хозяйственной системы переходного периода. — § 7. Переходная эпоха — процесс отмирания денег. — § 8. Необходимость денег для развертывания товарных отношений с начала напа. — § 9. Принципиальное значение товарной интервенции в связи с денежной реформой 1924 г. — § 10. Регулирование цен — ограничение денежных функций. — § 11. Выполняют ли деньги в СССР функцию мерила стоимости? — § 12. В какой мере сохраняется значение функции денег как средств обращения? — § 13. Принципиальное значение системы «заборных книжек». — § 14. Утрачивают ли наши денежные знаки всякую связь с золотом? — § 15. Функции сокровища и мировых денег. — § 16. Функция платежного средства. — § 17. Противоречие денег в переходной экономике отражает присущее этой последней противоречие плана и стихии.

§ 1. Если для капиталистического и вообще для товарного хозяйства деньги абсолютно необходимы, то в развитом социалистическом (коммунистическом) обществе для денег не будет места.

Общественные функции денег отпадут и будут заменены плановой организацией всей общественной экономики. Но совершенно неправильно мнение, будто бы одним только созданием «трудовых денег» или «трудовых бон» можно устранить анархию производства и противоречия классов. На этой ложной точке зрения стоят *социалисты-утописты*. Они выдвигали проекты и совершали опыты «справедливой организации обмена» по принципу: «право рабочего на полный продукт его труда». Они считали, что эксплуатация рабочих проистекает «от денежной власти» капиталистов, и надеялись эту власть побороть *без всякого насилия*, просто путем замены существующих денег новыми так называемыми «трудовыми деньгами». В этих целях они предлагали трудящимся объединиться для организации обмена продуктов без посредничества капиталистов и на основе равенства трудовых затрат. Такие идеи выдвигались в течение XIX в. целым рядом социалистов-утопистов, как например *Грэм, Брэм, Оуэн, Прудон* и др. На основе этих идей предпринимались также и практические шаги организации справедливого обмена путем учреждения «менных банков». Эти банки должны были определять количество общественного труда, затраченного на те или иные продукты, и, принимая их на свои склады, выдавать производителям «трудовые бон» или «трудовые деньги». Таким путем устанавливалась «трудовая ценность» продуктов, и каждый мог получить из магазинов и банков по своему «трудовому бону» какие угодно продукты на то количество часов труда, которое было в нем указано.

§ 2. Эти проекты и опыты очень похожи друг на друга и также одинаково плачевны были их результаты. Чтобы показать, как обычно происходило дело, достаточно познаться с опытом знаменитого Роберта Оуэна в Англии. В 1832 г. Оуэн обратился к широкой публике от имени «Института справедливого обмена трудящихся классов» с предложением организовать обмен таким образом, чтобы каждый «отдавал свою ценность, выраженную в труде, за равную ценность, выраженную в труде, без посредства денег». Вскоре этот «Институт» начал функционировать. Каждый участник этого учреждения приносил на специальный склад свой продукт и получал «трудовой бон», на котором было обозначено затраченное на данный продукт число часов «общественно-необходимого труда». Эти часы устанавливались специальными оценщиками-калькуляторами. На трудовой бон можно было получить любые продукты, имевшиеся на складе на сумму трудовых часов, указанных в боне. За посредничество в обмене это учреждение взимало $8\frac{1}{3}\%$ с каждой операции. В первое время эти склады, называвшиеся «базарами», имели большой успех. «Базары» были организованы в Лондоне и в других городах. Но через несколько лет вся затея лопнула, так как производство товаров непосредственно не регулировалось и попрежнему оставалось анархическим, а «Институт» принимал все продукты, на которые затрачен труд. Вскоре же склады оказались переполненными негодными и ненужными для рынка товарами,—товары же, которые были в спросе, можно было более выгодно продавать на рынке, и не было смысла приносить их в учреждение Оуэна, чтобы получить за них столько же часов труда, сколько и за негодные товары. Кроме того условия производства отдельных товаров менялись, а оценщики, не имея никакой возможности это установить, сохраняли прежнюю норму «общественно-необходимого труда». Таким образом из «справедливого обмена» Оуэна должен был получиться совершенно «несправедливый обмен», покоящийся на произвольных расчетах оценщиков, поскольку последние не имели фактически никакой возможности учесть ни условия производства, ни общественные потребности, с которыми должен считаться каждый производитель. Это достижимо только при всеобщей плановой организации общественного производства. А эта последняя недостижима до тех пор, пока существует *частная собственность* на средства производства.

§ 3. Все опыты организации «справедливого обмена» ни к чему не привели, потому *что нельзя организовать обмен без организации производства*. Если же отсутствует плановая общественная организация производства, то «равновесие» между отраслями производства и производством и потреблением может осуществляться только через рынок, через колебание цен (цены на избыточные товары падают, на недостающие растут и этим вызывают соответствующий перелив труда из одних отраслей в другие); цена же, как мы уже знаем, есть не что иное, как выражение стоимости товаров в одном определенном товаре—*деньгах*. Следовательно поскольку существует рынок, и производство регулируется не сознательно, а стихийно, постольку необходимо существование денег. И наоборот, поскольку отсутствует рынок и производство и распределение организованы центральным органом общества, постольку не существует ни товара, ни его цены, и следовательно нет необходимости в деньгах, как средстве рыночного выражения стоимости товаров и средстве стихийно рыночного обмена.

§ 4. Современный социалист-утопист *Сильвио Гезель* считает, что можно таким образом регулировать денежное обращение, чтобы сохранить преимущества частного производства и частного обмена и вместе с тем устранить противоречия капитализма: классовую эксплуатацию, кризисы и безработицу. Его ошибка в том, что он видит все для современного капиталистического общества в деньгах или денежной монополии, но отнюдь не в классовой монополии капиталистов на средства производства (откуда в действительности происходит эксплуатация трудящихся). Чего стоит, например, его рассуждение о том, что кризисы происходят от недостатка денег, и что поэтому достаточно выпускать необходимое количество денег, чтобы никогда не было никакой задержки в сбыте, а если так, значит, невозможна и безработица, и низкая заработная плата, поскольку денежный спрос на товары всегда будет достаточным. В этих целях он предлагает отменить совершенно металлические деньги и выпускать бумажные деньги в таком количестве, чтобы все, что произведено, могло быть продано. Навязность этого взгляда очевидна для всякого. Кризисы происходят не от недостатка денег, а от анархии производства, а эксплуатация рабочих не от «денежной власти», но от монополии капиталистов на средства производства. И без устранения того и другого социализм построить нельзя. То, что предлагает Гезель, есть не что иное, как денежная инфляция, ибо он как раз рекомендует для предотвращения кризисов выпускать деньги для продажи товаров, ненужных для общества, а следовательно ненужных и для обращения. Всякий же выпуск денег сверх потребностей обращения приводит к инфляции, а от инфляции больше всего страдает рабочий класс, идеологом которого считает себя *Сильвио Гезель*. Гезель проявляет полнейшее непонимание сущности денег, ибо он считает, что бумажные деньги совершенно устраняют необходимость металлических денег. Но это совершенно ложный взгляд, ибо основную функцию денег—*меры стоимости* бумажные деньги не выполняют. Те проекты организации денежного обращения, которые в национальном и даже мировом масштабе предлагали Гезель и его «Лига», можно рассматривать как один из способов отвлечь рабочий класс от революционной борьбы.

§ 5. Но нужны ли деньги в переходной от капитализма к коммунизму экономической системе, каковой является экономическая система СССР. В экономической системе СССР имеются элементы как социалистического, так и капиталистического общества и докапиталистических хозяйственных форм.

Экономический строй СССР состоит по Ленину из следующих пяти социально-экономических укладов:

1) Патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

- 2) мелкое товарное производство (сюда относятся большинство крестьянских хозяйств;
- 3) частно-хозяйственный капитализм;
- 4) государственный капитализм;
- 5) социализм. «Россия, — говорит Ленин, — так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Свободные положения именно в этом».

Госпромывленность и кооперацию в советских условиях Ленин отпосит к предприятиям *последовательно-социалистического типа*.

При наличии пестрого сочетания различных социально-экономических укладов, СССР все же является *единой хозяйственной системой*.

§ 6. В чем *единство* нашей хозяйственной системы? Оно заключается в том, что *наша система в целом является планоно регулируемой в товарно-денежной форме*. Но ведь товарно-денежная форма хозяйства является необходимой для бесплановой, стихийно-регулируемой хозяйственной системы, следовательно, товарно-денежная форма *отрицает* планоное регулирование. И обратно: планоное регулирование *отрицает* стихийную, бесплановую товарно-денежную форму.

Конечно это противоречие нашей системы в конечном счете должно быть разрешено в ту или иную сторону. Действительность показывает, что это противоречие имеет вполне определившуюся тенденцию быть разрешенным в сторону победы обобществленного сектора и, следовательно, *планоного начала*. Полная победа планоного начала означает устранение товарно-денежной формы, которая необходима лишь постольку и до тех пор, пока частные хозяйства еще остаются *необходимыми* и пока еще *неустраненными* элементами нашей хозяйственной системы. Частные же хозяйства порождают капиталистические отношения, и следовательно *классовую борьбу*.

Итак тенденция развития нашей хозяйственной системы заключается в превращении ее, через выкорчевывание корней капитализма и обобществление мелких хозяйств, из планоно-регулируемой в товарно-денежной форме в систему, планоно-регулируемую без посредства товарно-денежной формы, т. е. в *социалистическую систему*.

И оценивать роль денег в нашей хозяйственной системе без учета этой тенденции ни в коем случае нельзя. К переходной от капитализма к социализму экономической системе необходимо подходить *не статически* (т. е. как к неподвижной системе), но *динамически* (т. е. как к непрерывно меняющейся системе).

В соответствии с данной выше общей характеристикой нашей хозяйственной системы должен быть решен вопрос о природе и функциях денег в СССР. Здесь легко впасть в двоякого рода ошибки.

Одни экономисты, исходя из факта наличия денег и их необходимости для хозяйственной системы СССР, прямо переносят общие законы денег и денежного обращения в капиталистическом обществе на нашу хозяйственную систему. Они «просто» характеризуют нашу денежную систему как одну из разновидностей капиталистических денежных систем.

Другие, исходя из факта *планоного регулирования* всей нашей хозяйственной системы в целом, считают, что наши деньги уже *совсем*

не деньги, но квитанции на распределяемую центральными органами общественную продукцию.

Обе эти точки зрения, противоречащие друг другу, одинаково ошибочны. Как номинализм и металлизм отражают собой, как мы показали, противоречия, присущие самим деньгам, так и две изложенные точки зрения отражают внутреннюю противоречивость, присущую деньгам в переходной хозяйственной системе.

Деньги в переходный период *уже* не деньги в капиталистическом смысле, ибо они не могут не претерпеть существенных изменений под воздействием *всеобщего* плано-регулирующего начала нашей хозяйственной системы. Но, с другой стороны, деньги в переходный период *еще* не квитанции на плано-распределяемый общественный продукт, ибо наша система еще не свободна от стихийно-рыночного начала, которое до известной степени *противодействует* плано-регуливанию.

§ 7. Итак в самой общей форме на вопрос о природе денег в переходную эпоху можно ответить так: *поскольку в течение этой эпохи происходит процесс ликвидации капиталистических отношений и стихийно-рыночных товарных связей и замена этих последних плано-организованным производством и распределением продуктов, постольку постепенно отмирает категория денег.*

Чем дальше продвигаются процесс вытеснения стихийно-рыночных отношений и строительство социализма, тем больше деньги лишаются своей стихийно-рыночной «души», *тем больше ограничиваются и лишаются своего значения функции, присущие деньгам.*

§ 8. В самом начале нэпа рост материальных элементов нашей хозяйственной системы происходил в связи и на основе товарно-рыночных отношений. Но развертывание товарно-рыночных отношений, как мы уже знаем из I отдела, означает вместе с тем и процесс развития денег.

Развитые рыночные отношения не могут существовать в форме непосредственного безденежного продуктообмена, т. е. в простой или случайной форме стоимости. Всеобщность рыночных отношений может быть достигнута лишь тогда и постольку, когда и поскольку за одним определенным товаром монополизирована роль *всеобщего эквивалента*. Поэтому уже в начале нэпа стала ощущаться настоятельная необходимость в деньгах как всеобщем эквиваленте, как всеобщей форме стоимости всего бесконечного разнообразия товаров, производимых в обществе.

Внедрение в обращение червонца, имевшего сравнительно твердую связь с золотом, создало базу для энергичного развертывания процесса *денатурализации* нашего хозяйства и восстановления разрушенного империалистической и гражданской войной народного хозяйства. Завершение денежной реформы в 1924 г. означало восстановление роли денег в нашем хозяйстве, а действительными деньгами, представителями которых были червонцы и казбилеты, являлось, как мы показали в XV главе, именно золото.

§ 9. Сохранив в своих руках командные экономические высоты и огромные материальные ресурсы, пролетарское государство в период проведения денежной реформы в 1924 г. проявило огромную способность

регулирования рынка (товарная и валютная интервенции). Устойчивость бумажной валюты была достигнута в значительной мере именно благодаря этим мерам. В этих мероприятиях, которые выражались не в чем ином, как в закреплении определенной *покутательской силы* и *куса* рубля, заключалось *ограничение стихийно-рыночных отношений и следовательно ограниченные роли самих денег*. В этом специфическая особенность денежной реформы в СССР в отличие от денежных реформ, проведенных в течение этого периода буржуазными государствами.

Если «валютная интервенция», т. е. воздействие на курс новой бумажной валюты путем покупки-продажи золота и иввалюты, применялась и буржуазными государствами при проведении денежных реформ, то *товарная интервенция и централизованное регулирование цен были специфически советским методом проведения денежной реформы*.

И именно этот недоступный для буржуазных государств метод, несмотря на отсутствие достаточно большого золотого запаса и несмотря на наличие бюджетного дефицита, обеспечил успех нашей денежной реформы.

Но этот метод вытекал из всего существа нашей экономики, в которой почти вся промышленность, транспорт и внешняя торговля обобщественны и управляются единым центром. Конечно эта специфическая особенность нашей денежной реформы осталась непонятой буржуазными экономистами, ибо они не могли отдать себе отчет в особенностях всего строя нашей экономики.

§ 10. Таким образом при проведении денежной реформы обобщественный сектор достаточно энергично проявил свою способность *регулирования* рынка, а вместе с тем свое *регулирующее влияние на все народное хозяйство СССР*.

Денежные функции уже тогда находились под воздействием регулирующего влияния обобщественного сектора, а в этом сказалась еще не отмена, но уже *ограничение роли денег в переходной экономике, и в скрытой форме начало уничтожения самих денег*.

Как известно, дальнейший рост производительных сил был связан с двумя явлениями: а) прогрессивным падением удельного веса частного хозяйственного сектора, б) ростом планирования непосредственно-общественного сектора и через него всего народного хозяйства в целом.

Развитие этих тенденций, достигшее в настоящее время уже высокой ступени, означает вместе с тем все большее ограничение стихийно-рыночных элементов во всей хозяйственной системе СССР, и вместе с тем *ограничение социальных функций денег*.

Деньги лишь постольку могут проявлять полностью свои функции *меры стоимости и средства обращения*, поскольку существует *свободный рынок*. Золото как мерило стоимости имеет смысл лишь постольку, поскольку все товаропроизводители непосредственно через рынок приравнивают стоимости своих товаров к стоимости золота и таким образом устанавливаются рыночные цены. Между тем *в настоящих условиях цены важнейших товаров устанавливаются отнюдь не рынком, но центральными органами обобщественного сектора*. Цены товаров, проходящих через государственный и кооперативный

торговый аппарат, отнюдь не колеблются под воздействием спроса-предложения.

§ 11. Ни в коем случае нельзя сказать, что деньги на данном этапе развития переходной системы полностью или в «чистом» виде выполняют функцию мерил стоимости. Равным образом нельзя сказать обратного, а именно, что функция мерил стоимости абсолютно лишена всякого значения в хозяйстве СССР. С одной стороны, налицо огромной важности факт; 80% всей товарной продукции СССР проходит через обобществленный сектор, а цены на эту продукцию устанавливаются центральными органами отнюдь не на том уровне, на котором они установились бы при свободном действии закона стоимости и механизма спроса-предложения, следовательно при свободном действии функции денег как мерил стоимости.

При таких условиях деньги как мерило стоимости зажимаются в тиски единого планового регулятора: цены и деньги как мерило стоимости по существу все больше играют лишь подчиненную роль для плана; *цены и деньги все более становятся тем, что не свойственно им от природы (и противоречит их существу), а именно служат формой проявления планового регулирования и в этом смысле деньги перестают быть деньгами.*

Но не следует забывать, что хозяйственная система СССР в целом находится в капиталистическом окружении и выступает на мировом рынке в качестве покупателя и продавца товаров. А на мировом рынке мерилом стоимости являются деньги—золото.

С другой стороны, борьба частного сектора с обобществленным внутри страны выражается в том, что частный сектор нередко пытается нарушить систему цен, установленную планово-регулирующими органами, и в этих попытках проявляется стремление вернуть стоимости—деньгам—спросу и предложению их регулирующие функции. *И хотя развитие нашей хозяйственной системы в целом подчиняется единому плановому регулятору, однако эта борьба говорит о том, что денежные функции еще пытаются противостоять плановым функциям, еще не абсолютно подчиненным этим последним.*

Итак мы приходим к выводу, что по отношению ко всей нашей хозяйственной системе в целом деньги и являются и не являются мерилом стоимости. Они уже далеко не всеобщее мерило стоимости, но еще не лишены целиком этой функции, и следовательно еще не являются просто условными номинальными счетными единицами. Таковыми они будут лишь тогда, когда вся общественная продукция будет проходить через централизованное и плановое распределение продуктов.

§ 12. То же следует сказать и о функции средства обращения, которая неразрывно связана с функцией мерил стоимости. Мы знаем, что товаропроизводитель, выражая стоимость данного товара в стоимости золота, тем самым выражает частный труд в своей противоположности — единицах общественного труда. Но это выражение еще должно быть признано обществом и это признание осуществляется на рынке при продаже товара.

Деньги как средство обращения разрешают это противоречие между частным и общественным трудом. *Но значительная часть продукции*

СССР выступает с самого начала как результат обобщественного труда и следовательно на этом участке отпадает противоречие между частным и общественным трудом.

§ 13. Принципиальное значение системы «заборных книжек» лежит в признаке планового распределения. Основные продукты — хлеб, масло, мясо и пр. — нельзя получить из государственных и кооперативных продмагов *только* за «деньги», но обязательно нужно предъявить и соответствующий *талон* заборной книжки. Следовательно хлеб и пр. не «продается», но распределяется, причем в качестве распределительного ордера выступает талон заборной книжки плюс определенная твердо установленная сумма денежных знаков. И совершенно правильно, что у нас «в противоположность капиталистическому хозяйству может оказаться легче превратить товар в деньги, чем деньги в товар», так как деньги сами по себе еще не дают *абсолютного* права требованья на «товары».

Но лишение денег в рамках обобщественного сектора функциональной роли средств обращения в капиталистическом смысле этого слова имеет силу не только по отношению к так называемым *дефицитным товарам*, распределяемым по заборным книжкам, но также и по отношению ко всей прочей продукции, реализуемой через государственный и кооперативный «торговый» аппарат. Ведь цена является *твердой*, установленной не рынком, но плановыми органами, а продажа товара за деньги в точном смысле означает продажу *по цене, установленной рынком*.

В этом отношении весьма характерно постановление ЦК ВКП (б) от 26 августа 1929 г. о новых задачах контрактации посевов. Это постановление говорит о введении «*планового продуктообмена с деревней*» путем договоров между крестьянскими объединениями и государством, согласно которым крестьяне сдают государству хлеб по фиксированным ценам, а государство также по заранее установленным ценам снабжает крестьянство средствами производства и средствами потребления. Реализация этих договоров конечно будет означать замену стихийно-рыночного обмена непосредственным продуктообменом, *при котором выдают деньги как средства обращения*.

§ 14. Однако означает ли все сказанное о средствах обращения, что *вообще*, т. е. для всей хозяйственной системы СССР, деньги абсолютно лишены своей функции средства обращения? Этого ни в коем случае нельзя сказать так же, как и о функции мерил стоимости и по тем же основаниям.

Следовательно и в этой функции отчетливо проявляется двойственный, переходный и противоречивый характер наших денег. *Они еще не являются целиком ордерами на продукты, но уже не служат в полной мере средствами обращения для всей хозяйственной системы, ибо огромная часть продукции уже не «обращается», но распределяется.*

§ 15. Та же двойственная природа денег в переходном хозяйстве имеет силу и по отношению к прочим функциям денег как сокровища, мировых денег и платежного средства.

В частном секторе функция сокровища именно теперь приобретает огромное значение. Поскольку социальными условиями чрезвычайно

ограничена возможность капиталистического накопления, т. е. превращения денег в производительный капитал, постольку усиливается жажда скопления сокровищ. Уходя из производства и торговли, частный капитал стремится унести с собой как можно больше звонкого металла в качестве сокровища. Но эта же функция имеет значение также и для обобщественного сектора, поскольку этот последний как организованная единица выступает на *мировом рынке*. В отличие от капитализма накопление золотых сокровищ в центральном банке СССР не имеет никакого отношения к внутреннему обращению. Эти золотые резервы не являются также *централизованным сокровищем* частных лиц (ср. «систему единого резерва» Англии в гл. XXX), но целиком и полностью принадлежат государству и являются для него не чем иным, как *резервом мировых платежных и покупательских средств*.

Таким образом если функциональная роль сокровища как регулятора денежного обращения внутри страны полностью отпала в СССР, то поскольку остаются частнохозяйственный сектор внутри страны и связи обобщественного сектора с мировым капитализмом, постольку золото еще не утратило окончательно своих функций сокровища и мировых денег. *Отсюда между прочим и необходимость сохранения и дальнейшего развития огосударственной золотопромышленности в СССР и необходимость накопления золотых фондов Госбанком СССР как резерва, который всегда можно реализовать на мировом рынке, где именно золото является всеобщим эквивалентом.*

§ 16. Наконец и функция платежного средства внутри страны лишается в рамках обобщественного сектора и в организованном продуктообмене этого последнего с частным сектором своего истинного значения. Деньги в этой сфере выступают не как платежное средство, т. е. не как воплощение всеобщего эквивалента-золота, но просто как *расчетный знак* между отдельными частями обобщественного сектора. С другой стороны, поскольку в указанных выше рамках сохраняется значение функции средства обращения, постольку в тех случаях, когда платеж за товар отсрочивается, или осуществляются денежно-кредитные отношения, имеет действительную силу и функция платежного средства.

§ 17. *Мы показали, что в решающих сферах народного хозяйства СССР деньги не являются выражением общественных отношений самостоятельных товаропроизводителей, связанных между собой через стихию свободного рынка: поэтому в целом по отношению ко всей экономике СССР можно сказать, что они уже не деньги в истинном смысле этого слова. Но поскольку еще не закончена борьба плана и стихии, постольку нельзя сказать, что деньги полностью превращены в социалистические распределительные талоны, расчетные знаки или трудовые бонусы.*

Наши деньги по существу, т. е. по своей социальной природе уже не деньги, но еще не расчетные знаки. С этого мы начали, установив общую особенность нашей экономики, и этим же мы закончили конкретное рассмотрение отдельных денежных функций.

Двойственность их природы отражает собою то противоречие основных элементов, которое имеет место в единстве — переходной системе хозяйства.

Противоречия этой последней находят свое выражение в деньгах.

Наш червонец заключает в себе противоречие денег и расчетных знаков. Но за деньгами скрыта рыночная стихия, за расчетными знаками — плановое производство и распределение. Следовательно противоречие нашего червонца отражает собою не что иное, как противоречие *плана и стихии*, т. е. основное противоречие переходной системы.

Конечно это противоречие не может не быть разрешено в ту или другую сторону. *Победа рыночной стихии означала бы торжество денег в их основных функциях; окончательная победа плана — полную ликвидацию денег. Тенденция развития нашего хозяйства вполне отчетливо говорит именно о втором пути разрешения этого противоречия.* Это противоречие разрешается лишь путем борьбы, но не мирного «перерастания» одного элемента в другой, в данном случае товарного хозяйства в социалистическое. Говорить при таких условиях, что от денег как таковых уже ничего не осталось в хозяйстве СССР, — это значит переоценивать роль плана и недооценивать роль частнохозяйственной стихии; это значит — подменять закономерности переходной системы хозяйства закономерностями полностью организованного общества.

Поэтому и до сих пор имеет силу тот пункт программы РКП, принятой в марте 1919 г., который гласит: *«пока еще не организованы полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным».* Все те, кто видят в наших деньгах только какую-либо одну сторону присущего им противоречия, тем самым подменяют законы переходного хозяйства либо законами капитализма, либо — социализма. Но наша экономическая система не является ни капиталистической, ни социалистической, и наши деньги не являются ни истинными деньгами, ни социалистическими ордерами, но те и другие составляют два полюса противоречия, присущего нашим деньгам.

Литература.

- 1) Б. Раскин, О природе денег в переходный период, журнал «Проблемы экономики», № 2 за 1929 г.
- 2) Г. Козлов, К вопросу о природе денег и законах денежного обращения в СССР, журнал «Плановое хозяйство» № 8 за 1929 г.
- 3) Леонтьев и Хмельницкая, Очерки переходной экономики, Л. «Прибой».
- 4) Е. Преображенский, Новая экономика, II изд., М. 1926, гл. III.

Вопросы для повторения.

- 1) В чем заключалась утопия «трудовых денег» и почему окончились неудачей все опыты «справедливой организации обмена»?
- 2) В чем единство и противоречия хозяйственной системы переходного периода?
- 3) Почему в переходную эпоху происходит отмирание денег?
- 4) В чем специфическая особенность методов проведения денежной реформы 1924 г. в СССР в отличие от денежных реформ, проводимых в буржуазных государствах?
- 5) Что является необходимой предпосылкой для функционирования денег как мерил стоимости и средства обращения, и существует ли эта предпосылка на данном этапе развития хозяйственной системы переходного периода?
- 6) Можно ли сказать, что в этой системе и на данном этапе ее развития деньги абсолютно лишены своих функций мерила стоимости и средства обращения?
- 7) В чем принципиальное значение системы «заборных книжек» и постановления ЦК ВКП (б) о «плановом продуктообмене с деревней»?
- 8) В какой мере сохраняется в хозяйственной системе СССР значение функции денег как сокровища, мировых денег и платежного средства?
- 9) Почему невозможно уничтожение денег на данном этапе развития переходной экономики?

ОТДЕЛ I. ТЕОРИЯ КРЕДИТА

ГЛАВА XIX.

СУЩНОСТЬ КРЕДИТА.

§ 1. Первое поверхностное определение кредита. — § 2. Натуралистическая теория кредита. — § 3. Второе поверхностное определение кредита. — § 4. Экспансионистическая теория кредита. — § 5. Определение капитала. — § 6. Кругооборот промышленного капитала и его формы. — § 7. Распадение прибыли на процент и предпринимательский доход. — § 8. Противоположность интересов заемщиков и займодавцев. — § 9. Ссудный капитал и капитал, приносящий проценты. — § 10. Ссудный капитал как товар. Процент. — § 11. Определение кредита.

В I части мы рассматривали продажу товаров *в кредит* (с отсрочкой платежа денег) и зачет взаимных долговых требований как фактор, сокращающий количество нужных для обращения денег. Теперь мы должны рассмотреть все возможные случаи кредитных отношений и ряд весьма существенных явлений современной экономики, которые с этими отношениями связаны. Для этого, конечно, нам прежде всего необходимо точно установить, что именно мы определяем понятием «кредит».

§ 1. Попробуем сначала определить кредит на основании того, что нам уже известно о кредите. Если сумму вещей или товаров, служащих не для личного потребления, но для производительных или торговых целей, назвать *капиталом*, как это делают почти все буржуазные экономисты, то кредит можно будет определить как всякую передачу «капитала» одним лицом в «пользование» другому лицу с обязательством со стороны последнего возратить этот капитал и уплатить еще некоторую сумму за предоставленное ему право «пользования» этим капиталом.

§ 2. Так определяет кредит *натуралистическая* теория кредита (от слова «натура» или природа — натуралист рассматривает экономические категории как вещи или как естественные, природные свойства вещей). Эта теория долгое время была господствующей буржуазной теорией кредита. Подобные взгляды на кредит разделялись еще классической школой политической экономии, напр. *А. Смитом*, *Д. Рикардо*, *Дж. Ст. Миллем*. Согласно определению *Милля* кредит «есть разрешение одному лицу пользоваться капиталом другого лица». Новейшие представители этого направления ничего существенного к взглядам классиков не прибавили. Так например, очевидно, что определение кредита авторитетным новейшим теоретиком в этой области *Кожеминским* как «формы частнохозяйственного оборота, при которой имущество передается чужому хозяйству в пользование», ничем по существу не отличается от определения *Милля*. Подобного рода определения

кредита повторяются во всех многочисленных учебниках и руководствах по кредиту и банкам как в русской, так и в иностранной литературе. Критику натуралистической теории кредита мы даем в главе XXVIII.

Но почему заемщик (должник) имеет возможность не только вернуть в будущем этот «капитал», но также уплатить еще некоторую сумму, называемую процентом? Потому, ответите вы, что должник *производитительно* употребляет этот наличный «капитал». На первый взгляд такое определение кредита кажется безупречным, ибо оно взято прямо с поверхности экономических явлений, из фактов.

§ 3. Однако это определение может быть опровергнуто фактами. *Во-первых*, кредит можно оказывать, не имея в наличии «капитала» — товара или денег. Эмиссионные банки, выпуская ничего нестоящие им банкноты и давая их в ссуду, повидимому, сами создают «капитал». Следовательно в этом случае нельзя уже говорить, что кредит есть передача *наличного* «капитала». *Во-вторых*, кредитованные средства вовсе необязательно получают производительное применение, например когда деньги занимает *государство*. *В-третьих*, даже в том случае, когда заимодавец имел определенную сумму наличной стоимости, а заемщик ее употребил в качестве «капитала», нельзя говорить о том, что здесь произошла передача из одних рук в другие «*наличного капитала*». Вы например имеете пять рублей и можете их передать в банк, который ссудит их производительным капиталистам. Можете ли вы в этом случае сказать, что эти пять рублей являлись капиталом *до того, как они были ссужены*? Ни в коем случае, ибо без кредита вы не могли бы производительно воспользоваться этими деньгами и *только благодаря кредиту эти деньги превратились в капитал*. Следовательно оказывается, что благодаря кредиту как раз и происходит *образование капитала*, т. е. превращение денег или товара в капитал. Итак определение кредита как простой передачи уже существующего капитала *противоречит* целому ряду очевидных фактов. Поэтому если бы мы, исходя из указанных фактов, захотели бы определить кредит, то должны были бы сказать, что *кредит есть создание капитала*.

§ 4. Так именно определяет кредит другое направление буржуазной теории, которое ведет свое начало от француза *Джона Ло* и шотландца *Маклеода*. Они рассматривают кредит как капитал, и поэтому считают, что оказывать кредит — это значит создавать капитал. Созданный таким образом капитал является *прибавкой* к имеющимся в наличии капиталам. Отсюда и иллюзии всеобщего благополучия, которое, мол, может принести кредит. В наше время самым крупным представителем этого направления является немецкий банкир *Альберт Ган*. Так как это направление всегда выступает с требованием непрерывного расширения (*экспансии*) кредита, то авторов, разделяющих эти взгляды, можно назвать *экспансионистической школой* (см. критику этого направления в главе XXVIII).

Но что значит «банк создает капитал»? Конечно, выпуская банкноты, банк не создает этим еще капитала. Он создает *денежные знаки*, а не капитал. Следовательно совершенно неправильно говорить,

что банк создает новый капитал. Кроме того в порядке кредита могут передаваться не только создаваемые в самом процессе кредитования денежные знаки, но и деньги, которые *уже имеются в наличии*, или товары, которые передаются в порядке товарного кредитования. При посредстве кредита создаются денежные знаки (что как мы видим соответствует фактам, например эмиссии банкнот). Но это не значит, что *кредит только к этому сводится*. Определяя кредит как создание денежных знаков или покупательской силы, мы выхватываем из всего многообразия кредитных явлений только *некоторые из них* и закрываем глаза на другие. Следовательно и второе поверхностное определение кредита также страдает односторонностью и противоречит действительности, как и первое определение. Мы сможем определить сущность кредита только в том случае, если откажемся от этих поверхностных и взаимно исключающих друг друга определений кредита и попытаемся так же, как и в теории денег, проанализировать те общественные процессы, которые протекают в форме кредита.

§ 5. Прежде всего нам необходимо совершенно отбросить поверхностное, вульгарное определение капитала как «запаса благ», служащих для производства. *Капитал* — это не вещь, а общественное отношение, выраженное в вещи, или вещь, которая является посетителем *определенных* общественных отношений. Какие же это отношения? Это отношения между товаровладельцами: капиталистом собственником средств производства и рабочим, лишенным этих последних и обладающим единственным товаром, который он может продать — *рабочей силой*. Капиталист покупает рабочую силу, пользование которой в процессе производства не только возмещает уплаченную капиталистом рабочему стоимость, но и приносит капиталисту за счет неоплаченного им труда *прибавочную стоимость*. *Следовательно капиталом мы можем назвать только ту стоимость, которая приносит ее владельцу (капиталисту) прибавочную стоимость как стоимость, созданную рабочим сверх той стоимости, которую он получил при продаже своей рабочей силы*. Итак вне отношений капиталистов и рабочих, т. е. вне отношений эксплуатации первым второго, *нет капитала*. Сами по себе деньги или товар не являются капиталом, хотя бы они и были предназначены для производства. Они становятся капиталом только как средство эксплуатации труда, и тот доход, который приносит капитал, есть не что иное, как прибавочная стоимость, созданная рабочим и присвоенная капиталистом. Процесс капиталистического производства может быть представлен в следующей форме:

$$\begin{array}{l}
 D - T \left\{ \begin{array}{l} \text{Средства производства} \\ \text{Рабочая сила} \dots \Pi - T^1 - D^1. \end{array} \right. \\
 - T^1 \left\{ \begin{array}{l} \text{Средства производства} \\ \text{Рабочая сила} \dots \Pi - T'' - D'' \dots \end{array} \right.
 \end{array}$$

§ 6. Капиталист имеет сумму денег (D), которую он авансирует на производство, покупая необходимые для последнего товары (T), а именно средства производства и рабочую силу. Далее идет процесс производства (Π), в результате которого капиталист получает определенную сумму товарных стоимостей (T^1) и, реализуя ее, получает

сумму денег (D^1), которая *больше* первоначально авансированной им суммы. Этот прирост денег объясняется, как мы уже знаем, тем, что в процессе производства рабочим была создана прибавочная стоимость. На вырученные капиталистом от продажи произведенных товаров деньги (D^1) он приобретает элементы производства и процесс повторяется вновь, но уже в большем объеме стоимости. Таким образом, если капиталист не потребляет прибавочной стоимости, но *накаплет* ее, т. е. превращает в капитал, то однажды авансированная им сумма денег будет непрерывно возрастать. Следовательно капитал — есть *самовозрастающая стоимость*. Но это самовозрастание было бы невозможным, если бы за счет рабочей силы постоянно не создавалась бы прибавочная стоимость.

Мы видим также, что этот процесс капиталистического производства есть не только непрерывный процесс возрастания однажды авансированного капитала, но также и непрерывный процесс *смены его форм*. Капитал сначала всегда авансируется в денежной форме, затем он превращается в форму производительного капитала, далее опять в товарную форму, наконец снова в денежную форму и т. д. Итак в процессе своего самовозрастания капитал проходит через три формы. Капитал, находящийся в денежной форме, мы называем *денежным капиталом*, в производственной форме (т. е. в форме средств производства и рабочей силы) — *производительным капиталом*, и наконец в готовой, предназначенной для продажи товарной форме — *товарным капиталом*. *Денежный, производительный и товарный капитал — это три необходимые формы кругооборота промышленного капитала.*

Промышленные и торговые капиталисты получают не всю прибавочную стоимость, которая создается рабочими в процессе производства. Они вынуждены уступать часть прибавочной стоимости землевладельцам за то, что последние предоставляют капиталистам право приложения капиталов к находящимся в их монопольном владении естественным богатствам (земельная рента). Кроме того часть прибавочной стоимости им приходится уступать *государству* в виде *налогов*. Остающаяся в распоряжении капиталистов за вычетом земельной ренты и налогов прибавочная стоимость называется *прибылью* (промышленной прибылью — у промышленных капиталистов и торговой прибылью — у торговых капиталистов).

§ 7. Например капиталист *A* получил в течение года на вложенный им капитал 10 тыс. руб. прибыль в сумме 1 тыс. руб. Из этой 1 тыс. руб. он потребляет 500 руб., а 500 руб. предполагает накопить, т. е. превратить в капитал. Но в свое предприятие он не может вложить эти деньги, ибо для оборудования, например, нового цеха нужно затратить не менее 2 тыс. руб. Таким образом 500 руб. должны остаться праздными в течение 4 лет, пока накопление не достигнет 2 тыс. руб. Но в другом предприятии в течение этого года накоплено прибыли на 2 500 руб., и для необходимой суммы капитальных вложений как раз не хватает 500 руб., которые будут получены в будущем году. Очевидно, что если капиталист *A* сам не смог превратить 500 руб. в производительный капитал, то, передав эти деньги капиталисту *B*, он сможет для них это применение найти. Капиталист *A* и капиталист *B* всту-

пают между собой в кредитное отношение: *A* становится *заимодавцем* (кредитором), а *B* *засмщиком* (должником). *A* является *собственником* капитала, но капитал этот функционирует у капиталиста *B*. Таким образом здесь *владение капиталом и функционирование* капитала отделяются друг от друга, или, как говорит Маркс, *капитал как собственность отделяется от капитала как функции*.

A согласится отдать *B* свой *денежный капитал* конечно только в том случае, если *B* даст *A* прибыль, которую он получит от применения этого капитала. С другой стороны, *B* согласится дать *A* только *часть* полученной им от применения этого капитала прибыли. Та часть промышленной прибыли, которую функционирующий капиталист отдает собственнику капитала, называется *процентом*; другая часть, остающаяся за вычетом процента капиталисту — *предпринимательским доходом*.

Последний выступает в качестве платы за эксплуатацию чужого труда. «По отношению к денежному капиталисту — говорит Маркс — промышленный капиталист — рабочий, но рабочий в качестве капиталиста, т. е. эксплуататора чужого труда. Плата, которую он требует и получает за этот труд, равна присвоенному количеству чужого труда и непосредственно зависит, раз капиталист берет на себя все необходимые хлопоты по эксплуатации, *от степени эксплуатации этого труда, а не от степени напряжения, которого ему стоит эта эксплуатация и которое он может за умеренное вознаграждение взвалить на управляющего*».

§ 8. В связи с распадением прибыли на процент и предпринимательский доход возникает новое *общественное отношение* между активными капиталистами — функционерами и пассивными капиталистами — собственниками. Их интересы противоположны: капиталист — собственник — стремится получить возможно больший процент, а капиталист функционер — уплатить собственнику возможно меньший процент. Их интересы так же противоположны, как и интересы продавцов и покупателей или капиталистов и рабочих или наконец капиталистов и землевладельцев. На противоречиях этих классовых, внутриклассовых и индивидуальных интересов и зиждется весь капиталистический строй.

Нужно различать *основные* для данного строя производственные отношения и производные от них отношения. Очевидно, что отношение между капиталистами-собственниками и капиталистами-функционерами является отношением, производным от тех производственных отношений, которые возникают между капиталистами и рабочими. Только потому, что *средства производства уже отделены от самих рабочих и находятся в руках особого класса — капиталистов, который присваивает себе прибавочную стоимость, может возникнуть особое общественное отношение между указанными двумя группами капиталистов по поводу дележа или прибавочной стоимости*.

§ 9. Те 500 руб., которые капиталист *A* передал капиталисту *B*, не являются в руках первого производительным капиталом: они для него — *капитал, приносящий проценты*, т. е. чисто фиктивный (несуществующий) капитал, ибо эта выраженная в деньгах стоимость и в свое время ссуженная, функционирует как капитал в предприятии *B*.

Деньги превращаются в капитал, приносящий проценты только благодаря акту *ссуды*, т. е. кредиту. Деньги, ссужаемые производительным капиталистам как капитал, мы будем называть *ссудным капиталом*. После того как этот последний *уже ссужен*, он не существует больше в форме денег, но превращается, с одной стороны, в действительный капитал в руках заемщика, и в притязание на прибавочную стоимость, создаваемую этим капиталом, т. е. в капитал, приносящий проценты — в руках заимодавца. Но как бумажные деньги не являются действительными деньгами, но только их представителями, так и капитал, приносящий проценты, не является действительным капиталом, но только представителем того капитала, который функционирует у заемщика.

§ 10. Этот фиктивный капитал реально существует в разного рода *доковых документах*, которые дают право на получение прибавочной стоимости. Владельцев этих документов мы будем называть *денежными капиталистами*, которые торгуют деньгами как капиталом, т. е. *ссудным капиталом*. Следовательно *ссудный капитал — это деньги, отчуждаемые (ссужаемые) как капитал*. Так как никто бесплатно не дает денег в ссуду, и следовательно за деньги платятся деньги, то ссужаемые деньги (ссудный капитал) как бы становится *товаром*, который продается и покупается. Но конечно этот товар совершенно особого рода, ибо его потребительская стоимость в отличие от всех товаров есть его способность приносить прибавочную стоимость. Если все товары удовлетворяют естественные человеческие потребности, то этот товар удовлетворяет чисто общественную капиталистическую потребность, а именно потребность капиталистов в *эксплоатации труда*, в выколачивании прибавочной стоимости. *За деньги платятся деньги потому, что деньги являются формой авансирования капитала и следовательно средством эксплуатации*. И поэтому цена ссудного капитала, как товара, есть, как говорит Маркс, *иррациональная* форма цены: «в капитале, приносящем проценты, перед ними выступает выработанный в чистом виде автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, высиживающие деньги»... (Маркс).

Процент является ценой ссудного капитала, т. е. ценой денег как капитала. Чем труднее достать деньги, которые можно было бы использовать для эксплуатации труда, тем выше процент, тем следовательно большую часть прибыли функционирующим (промышленным и торговым) капиталистам приходится уступать денежным капиталистам.

«Если цена, — говорит Маркс, — выражает стоимость товара, то процент выражает увеличение стоимости денежного капитала и потому представляется ценой, которая уплачивается за него кредитору». Антагонистический (антагонизм — противоположность интересов) характер капиталистического способа производства находит свое «выражение в том, что деньги, а также и товар — сами по себе, скрыто, потенциально суть капитал, что они могут быть проданы как капитал, и что в этой форме они представляют господство над чужим трудом, притязание на присвоение чужого труда, а потому суть самовозрастающая стоимость» (Маркс).

Но в самом движении ссудного капитала нельзя усмотреть отно-

шений эксплуатации, на основе которых только и могут возникнуть кредитные отношения между капиталистом-заимодавцем и капиталистом-заемщиком. Движение ссудного капитала выражается в форме $D - D' - D''$, то есть движения денег, постоянно увеличивающихся в своей сумме. Движение же действительного капитала протекает вне этой сферы отношений, а именно лишь после того как заемщик превращает ссуженные D в T $\left\{ \begin{array}{l} \text{средства производства} \\ \text{рабочая сила.} \end{array} \right.$

§ 11. После того как мы вскрыли социальную сущность капитала и формы его кругооборота, определили объект кредита — ссудный капитал и его цену — процент, нам нетрудно дать определение кредита. Кредит вообще — это сделка ссуды, т. е. отдача стоимости в той или иной форме под условием ее возвращения, по истечении известного времени. Но эта стоимость *не просто возмещается*: она возмещается с приростом стоимости — *процентом*. Процент же уплачивается за счет прибавочной стоимости, следовательно *кредит связан с капиталом и капиталистической эксплуатацией*.

Деньги, отдаваемые в ссуду, приобретают дополнительную потребительскую стоимость, а именно способность *функционировать для их владельца в качестве капитала, т. е. самовозрастающей стоимости*. «*Деньги, — говорит Маркс, — взятые здесь как самостоятельное выражение известной суммы стоимости, существует ли она в действительности в форме денег или товара, могут быть превращены на основе капиталистического производства в капитал и вследствие такого превращения из данной стоимости делаются самовозрастающей, увеличивающейся стоимостью*». Они производят прибыль, т. е. позволяют капиталисту извлекать из рабочих и присваивать определенное количество неоплаченного труда, прибавочный продукт и прибавочную стоимость. Таким образом помимо потребительской стоимости, которой они обладают в качестве денег, они приобретают добавочную потребительскую стоимость, именно ту, что они функционируют как капитал. Их потребительская стоимость состоит здесь в той прибыли, которую они производят, будучи превращены в капитал. Благодаря этому своему свойству *возможного капитала*, средства для производства прибыли, деньги становятся товаром, но товаром sui generis (особой природы). Или, что сводится к тому же, капитал как таковой становится товаром».

Вот почему Маркс определяет кредит или отдачу в ссуду как «*ответственную форму для отчуждения стоимости как капитала, а не как денег или товара*» и как «*имманентную форму капиталистического способа производства*». Деньги, отчуждаемые как капитал, мы уже назвали ссудным капиталом. Кредит же является формой движения ссудного капитала, т. е. формой временного отчуждения денег (или товара), как капитала. Эта форма выражает собою определенный тип общественных отношений, а именно между капиталистами-собственниками и капиталистами-функционерами, производный от основного капиталистического производственного отношения.

Наше определение кредита, вытекающее из анализа социальной

сущности этого явления, вместе с тем не противоречит фактам капиталистической действительности, которые выше мы приводили, критикуя поверхностные определения кредита. Мы не говорим, что кредит есть передача *наличного капитала* из одних рук в другие, но отчуждение денег (или товара) *как* капитала. Это значит, что то, что «передается» и следовательно не может быть использовано собственником, само по себе не является капиталом, что вполне соответствует фактам. Далее, если бы мы говорили, что кредит есть всегда передача капитала, то это противоречило бы тем многочисленным фактам, когда ссуженные деньги вовсе не являются капиталом, как например в случаях государственного или потребительского кредита. Мы говорим, что эти деньги передаются *как капитал*. Но «отсюда,—замечает Маркс,—отнюдь не следует, что отдача в ссуду не может быть формой и таких сделок, которые не имеют никакого отношения к капиталистическому способу производства»: «если заемщик не истратил деньги как капитал—это его дело. Заимодавец ссужает деньги как капитал и как таковой они должны проделать функции капитала». Следовательно деньги могут отчуждаться как капитал, не превращаясь в таковой. Важно, что они в действительности *могут быть* превращены в капитал, и этой возможностью определяется *необходимость уплаты процента* и в том случае, когда заемщик не превратил деньги в капитал.

Отказываясь от определения кредита как простой передачи капитала и определения капитала как суммы вещей, мы отнюдь не разделяем определения кредита как создания капитала. Капитал, т. е. средства производства, служащие средством эксплуатации, может быть создан *трудом* и *только трудом*. Капитал не есть сумма денежных знаков, которые в самом деле могут «создавать» банки. Кредит не есть создание капитала, но только определенная общественная *форма превращения денег в капитал*.

Но отбрасывая фантастическое учение о кредите как создании капитала, мы этим отнюдь не отрицаем, что *на основе кредита* могут создаваться денежные знаки — средства обращения. Конечно эти денежные знаки ни в коем случае не являются капиталом, но они отдаются в ссуду *как* капитал, и следовательно в наше определение кредита укладывается и тот случай, когда банк ссужает эмитированные им банкноты. Мы увидим в следующей главе, что здесь нет также ничего похожего на создание нового капитала, что такого рода ссуды являются фиктивными ссудами капитала, но эти денежные знаки все же ссужаются *как* капитал: раз даны деньги, безразлично в какой форме и на какой срок за них должны быть уплачены проценты. Итак, наше определение кредита, которое мы вывели из сущности капитала и капиталистических отношений, согласуется вместе с тем с фактами капиталистической действительности.

Литература.

- 1) П. А. Трахтенберг, Современный кредит и его организация, М. 1929.
- 2) К. Маркс, Капитал, т. III, отд. 5.
- 3) С. Л. Выродский, Очерки по теории кредита Маркса, гл. I. М. 1929.

Вопросы для повторения.

- 1) Что такое капитал?
- 2) Охарактеризуйте формы кругооборота промышленного капитала.
- 3) Почему прибыль распадается на процент и предпринимательский доход и какое в связи с этим возникает общественное отношение?
- 4) Определите ссудный капитал.
- 5) Что является ценой ссудного капитала и почему эта цена является иррациональной формой цены?
- 6) Дайте определение кредита и сравните это определение с данными вначале поверхностными определениями.

ГЛАВА XX.

ФУНКЦИИ И ФОРМЫ КРЕДИТА.

§ 1. Роль кредита в капиталистическом производстве. — § 2. Необходимость кредита. — § 3. Коммерческий кредит. — § 4. Башкирский кредит. — § 5. Ссуда денег и ссуда капитала. — § 6. Внебашкирский денежно-капитальный кредит. — § 7. Внекапиталистические виды кредита.

§ 1. Мы определили сущность кредита. Теперь нам необходимо выяснить роль кредита в капиталистическом производстве. По *Марксу* роль кредита при капитализме сводится к следующим основным моментам:

1. В I-й главе 1-й части мы указывали, каким образом на основе закона стоимости происходит перераспределение трудовых затрат в обществе: в отраслях производства, где прилив капиталов был недостаточным, цены товаров и норма прибыли высоки. Обратное положение в отраслях производства, чрезмерно насыщенных капиталами. Перелив капиталов из одних отраслей в другие происходит стихийно и приводит к уравнению нормы прибыли.

Кредит обслуживает это уравнение нормы прибыли. Перераспределение капиталов на основе закона стоимости в развитом капиталистическом обществе происходит через банки и денежный рынок. Тем самым кредит *«обслуживает уравнение нормы прибыли или сужение этого уравнения, на чем покоится все капиталистическое производство»* (*Маркс*).

2. Кредит освобождает производство от границ индивидуального накопления. Это происходит прежде всего в форме образования *акционерных обществ*, т. е. таких капиталистических ассоциаций, которые учреждаются путем выпуска *акций*. Юридически акция есть свидетельство на владение частью капитала данной ассоциации, но фактически акции являются *формой капитала, приносящего проценты*. Действительными собственниками акционерных обществ являются так называемые активные акционеры, владеющие «контрольным пакетом акций», а остальные являются пассивными акционерами и по существу заимодавцами, а не собственниками этого предприятия. Наряду с акциями эти ассоциации выпускают также и облигации — свидетельства на получение фиксированного процента. Акционерные общества дают возможность «колоссального расширения размеров производства, невоз-

можных для отдельного капиталиста». Вместе с тем «капитал... получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных личностей) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям».

3. Независимо от акционерных обществ капиталисты имеют возможность приобретать благодаря кредиту «абсолютное в пределах известных границ распоряжение над чужим капиталом и чужой собственностью, и вследствие этого над чужим трудом» (*Маркс*). А это означает не что иное, как возможность колоссального увеличения эксплуатационных возможностей у наиболее мощных капиталистов. Последние эксплуатируют труд не только за счет принадлежащих им капиталов, но также и за счет всего общественного денежного накопления, которое притекает к ним в форме кредита. Именно благодаря кредиту осуществляется грандиозная концентрация капиталов, экспроприация мелких капиталистов и господство кучки крупнейших капиталистов почти над всем капиталом, и следовательно над всем процессом общественного производства. Это господство крупных капиталистов высшего своего развития достигает в эпоху *финансового капитала*, особенности которого будут рассмотрены ниже.

4. Указанные три функции относятся к процессам *капиталообразования и капиталораспределения*, происходящим в кредитной форме. Но наряду с этим кредит играет исключительно важную роль в процессе *обращения товаров*. Благодаря кредиту происходит колоссальная экономия на *издержках обращения*. Кредит восполняет недостаток в деньгах как средствах обращения, который постоянно возникал бы без кредита, ибо рост производства золота для обращения не может поспевать за ростом всего капиталистического производства и обращения. При посредстве кредита деньги сберегаются таким образом, что: а) благодаря зачету взаимных долговых требований для значительного большинства товарных сделок деньги вообще отпадают, б) обращение денег ускоряется благодаря высокой организации кассовой техники в банках, в) золотые деньги замещаются их бумажными представителями, создаваемыми благодаря кредиту, например банкнотами. Но все это означает не только сокращение издержек обращения общества и следовательно сокращение труда, отвлекаемого от производства на обслуживание обращения, но вместе с тем «ускорение отдельных фаз обращения или метаморфоза товаров, затем метаморфоза капитала, а вместе с тем ускорение процесса производства вообще». Количество находящихся в бездействии товарных и денежных фондов сводится к минимуму, хотя и этот минимум все же весьма значителен.

§ 2. Многие буржуазные экономисты обычно рассматривают кредит, как нечто весьма «полезное» для общества, но в то же время как нечто второстепенное, лишь содействующее производству, но отнюдь не абсолютно необходимый элемент капиталистического общества. Указанные выше функции кредита показывают нам, что кредит не только «полезен», но *абсолютно необходим для капиталистического производства*.

Кредит как форма капиталобразования и капиталораспределения «разрешает» противоречия (противоположности): а) между тенденцией равной нормы прибыли и невозможностью перенесения капиталов из одних отраслей в другие (первая функция) и б) между стремлением к техническому прогрессу и концентрацией производства, с одной стороны, и узкими рамками индивидуального накопления (вторая и третья функции) — с другой. *Кредит как форма капиталобращения «разрешает» противоречие между производством и обращением или между денежным и товарным обращением (четвертая функция)*. Но «разрешение» всех этих противоречий лишь расчищает дорогу для капиталистического развития и следовательно не устраняет, но наоборот усиливает *основные капиталистические противоречия капитала и труда, с одной стороны, анархии производства и связанных с нею кризисов и неисчислимых бедствий для рабочего класса — с другой стороны* (см. главу XXIV).

Все указанные выше функции кредит выполняет в двух основных формах — *товарного и денежного кредита*. Тот товарный кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе производства и обращения, называется *коммерческим кредитом*. Кредит же, оказываемый денежными капиталистами функционирующим (промышленным и торговым) капиталистам — *банкирским (банковским) кредитом*. Рассмотрим сначала коммерческий кредит.

§ 3. В предыдущей главе мы определили *ссудный капитал* как *деньги*, отчуждаемые на срок в качестве капитала. Не противоречит ли это фактам? Ведь мы знаем, что в качестве капитала ссужаются не деньги, но также и *товары*. Но здесь никакого противоречия нет. «Если в ссуду дается товар как капитал, — говорит Маркс, — то он является лишь *замаскированной формой денежной суммы*. В самом деле в ссуду дается не столько-то фунтов хлопка, а такое-то количество денег, существующее в форме хлопка как стоимость последнего». Поэтому «всякий ссужаемый капитал, какова бы ни была его форма и как бы ни модифицировалась (изменялась) его уплата природой его потребительской стоимости, *является лишь особой формой денежного капитала*». То, что это так и иначе быть не может, нетрудно понять из следующего примера.

Допустим, что машиностроительный фабрикант ссужает текстильному фабриканту ткацкую машину стоимостью в 1 тыс. руб. с погашением стоимости в течение 5 лет. Текстильный фабрикант получил, правда, не деньги, а машину, но машиностроителя интересуют только деньги, и мануфактурист именно деньгами погашает проданную в кредит машину. Дело несколько не изменилось бы в том случае, если бы мануфактурист получил 1 тыс. в кредит у денежного капиталиста, и на эти деньги купил бы машину. Отстрочивая на 5 лет платеж 1 тыс. руб., машиностроитель тем самым ссужает мануфактуристу эту 1 тыс. руб. Таким образом *эта сделка представляет собой одновременно как продажу товара, так и ссуду денег как капитала, поскольку уплата денег отсрочена и поскольку машина действительно будет использована в производстве как капитал*.

Но если машиностроитель всем будет ссужать свои машины на

долгие сроки, то очевидно, что он вскоре же сам останется без капитала и не сможет продолжать свое производство. Только в том случае, если у производительного капиталиста в силу каких-либо обстоятельств высвобождается капитал, он может его ссудить. Но фактически коммерческий кредит оказывается не только тогда, когда есть свободный капитал, но *большой частью ссужается капитал, необходимый для самого промышленника или торговца.*

Каким же образом можно ссужать товар как капитал, и в то же время сохранять неизменной величину функционирующего капитала? Это оказывается возможным потому, что *капиталисты друг друга ссужают товарами.* Допустим, что капиталист *A* продает капиталисту *B* товар стоимостью 1 тыс. руб. в кредит на 2 месяца; в свою очередь капиталист *B* продает свой товар капиталисту *C* на тот же срок и той же стоимости, и наконец капиталист *C* продает имеющиеся у него товары капиталисту *A* на ту же сумму и на тот же срок. Мы имеем здесь круг *A—B—C—A*. Результат совершенных сделок сводится к следующему:

B должен *A* 1 тыс. руб.
C должен *B* 1 тыс. руб.
A должен *C* 1 тыс. руб.

Каждый капиталист такую же сумму должен уплатить за товары, какую сам имеет получить с другого капиталиста. *Следовательно здесь каждый капиталист одной рукой ссужает, а другой занимает.* *A* ссудил *B* товаров на 1 тыс. руб. и сам в свою очередь получил у *C* товаров в кредит на 1 тыс. руб. Также обстоит дело у *B* и *C*. Следовательно величина имевшихся у *A, B, C капиталов при этой форме коммерческого кредита не изменилась, и в то же время без посредства наличных денег произошла реализация товаров на 3 тыс. руб.* Обычно это происходит таким образом, что *B* выдает вексель (обязательство уплатить известную денежную сумму) *A* на 1 тыс. руб. *C* выдает вексель *B* на 1 тыс. руб., и *A* дает вексель *C* на те же 1 тыс. руб. В результате и *A*, и *B*, и *C* на такую же сумму и выдали векселей, на какую получили. Так как векселя, выданные как обязательства, фигурируют в пассиве баланса, а векселя полученные — в активе, то на балансе каждого предприятия эти 1 тыс. руб. будут фигурировать дважды.

Баланс предприятия *A*.

АКТИВ

Векселя полученные 1 000 руб.

ПАССИВ

Векселя выданные 1 000 руб.

Но этот коммерческий оборот может принять и иной вид. Продав товар в кредит и получив вексель от *B*, купец *A* при покупке товара у *C* вместо выдачи собственного векселя последнему делает на векселе *B* переуступочную надпись и платит этим векселем за товар *C*. Наконец *C*, покупая товар у *B*, уплачивает *B* его собственным векселем, который последним уничтожается. Разница между первой формой коммерческого оборота и второй, как мы видим, только в том, что в первом случае у нас фигурировало 3 векселя, а теперь один и тот же вексель переходил из рук в руки. Тем самым долговой документ пре-

вратился в *средство обращения*, созданное в процессе коммерческого кредита. Такие средства обращения, как мы уже знаем из 1-й части, называются *частными кредитными деньгами*.

Мы видели, что здесь ссуда товара как капитала не являлась самоцелью, ибо та сумма, которая ссужалась, немедленно же получалась в ссуду от другого лица. Целью наших капиталистов была реализация товара, превращение Т в Д. Процесс обращения в нашем примере совершился без участия действительных денег, но исключительно благодаря кредиту и созданным последним *кредитными деньгам*. «Итак,— говорит *Маркс*, — то, что здесь ссужается, отнюдь не является непятым капиталом; это капитал, который в руках своего владельца должен изменить свою форму и... прежде всего превратиться в деньги. Итак, это *метаморфоз товара, совершающийся в данном случае при посредстве кредита*».

Объем коммерческого кредита и в особенности величина взаимного зачета долговых обязательств (как это имело место в нашем примере) определяет собой *кредитный баланс денежного обращения*, о котором была речь в V главе 1-й части. Обычно благодаря коммерческому кредиту и частным кредитным деньгам значительно сокращается количество необходимых для обращения действительных денег или их общественных заместителей—банкнот и бумажных денег. Таким образом *коммерческий кредит есть прежде всего форма обращения товаров или товарных капиталов*. Этим кредитом «обслуживается—1) поскольку дело идет о промышленных капиталистах—переход промышленного капитала из одной фазы в другую, связь между взаимно соприкасающимися и вторгающимися одна в другую сферами воспроизводства; 2) поскольку дело идет о купцах,— транспорт и переход товаров из одних рук в другие вплоть до их окончательной продажи за деньги или обмена на другие товары» (*Маркс*).

Но коммерческий кредит может также быть и *формой односторонней ссуды* товара как капитала. В нашем примере это означало бы, что на данные 2 месяца А не нуждается в 1 тыс. руб., и поэтому полученный от В вексель он оставляет в своем портфеле и получает проценты на ссуженный капитал. Так как никогда не бывает точного совпадения между займами и ссудами по суммам и срокам (как это предполагалось в нашем примере), то фактически всегда имеет место наряду с двухсторонним и одностороннее товарное кредитование, и следовательно одни капиталисты являются заемщиками, а другие заимодавцами. В этом случае коммерческий кредит уже является не только формой реализации товара, но также и формой ссуды дополнительного капитала.

По специфической (особенной) чертой коммерческого кредита является *взаимное кредитование*, при котором ссуда является не самоцелью, но только средством реализации товаров или формой товарного обращения.

§ 4. В отличие от коммерческого кредита банкирский кредит есть всегда по форме денежный кредит. Но кредит в денежной форме не исчерпывается одним банкирским кредитом, т.е. ссудами частных банкиров или акционерных банков. Эти денежные ссуды могут быть по-

лучены либо непосредственно от денежных кредиторов, либо через посредничество банков. Так например крупные капиталистические предприятия могут непосредственно получать в ссуду деньги путем например выпуска облигаций. Поскольку, с одной стороны, банковский кредит является *основной* формой денежного кредита, а с другой стороны, банки играют первостепенную роль в современной капиталистической экономике, нам необходимо подробно рассмотреть именно эту форму денежного кредита. В этой главе мы рассмотрим только общие основы банковского кредита, а экономический анализ всех операций банков читатель найдет в XXIII—XXV главах.

Дело банкиров и банков заключается в торговле деньгами как капиталом, следовательно *ссудным капиталом*. Первоначально банкиры выполняли для купцов и промышленников исключительно чисто кассовые, бухгалтерские и расчетные функции. Они брали на себя операции по «уплате денег, приему их, сведению балансов, ведению текущих счетов, хранению денег» и т. д. Кроме того они занимались также *меняльным делом*, торгуя деньгами как товаром. Все эти функции Маркс называет *функциями денежно-торгового капитала*. Но поскольку в руках этих торговцев деньгами скапливались огромнейшие средства, значительная часть которых постоянно лежала без движения, торговцы деньгами стали отдавать свои деньги под проценты, следовательно уже стали торговать *не деньгами как товаром, но деньгами как капиталом*. Так торговцы деньгами превратились в *торговцев ссудным капиталом*, т. е. в *банкиров* (см. главу XXIX).

Банкиры являются *посредниками* в кредите как коммерческом, так и денежном (ср. гл. XXVII, § 1). Их посредничество в процессе коммерческого кредита сводится к тому, что они, с одной стороны, принимают долговые обязательства—векселя от коммерсантов, а с другой стороны, на ту же сумму (за вычетом процентов) выдают свои долговые обязательства, и тем самым заменяют *частные кредитные деньги* (векселя) *банковскими кредитными деньгами* (банкнотами и чеками). С другой стороны, банки *получают деньги* в кредит у владчиков, и эти деньги *ссужают производительным капиталистам* в качестве денежного капитала. Таким образом банки выступают *посредниками* в отношении обеих основных форм кредита—*коммерческого и денежного*. Вопреки широко распространенным в наше время буржуазным иллюзиям, *банки не могут создавать капиталов*. Если же они *выпускают банкноты, то этим они не создают ни новых капиталов, ни даже новых денег, но заменяют один вид кредитных денег (векселя) другой формой кредитных денег (банкнотами)*.

Все ссужаемые деньги, даже в том случае, если один вид кредитных денег просто заменяется другим видом кредитных денег, рассматриваются банком как капитал, и заемщик за всякий заем денег платит банку проценты. Но точка зрения банкира нас не интересует, и мы должны постараться выяснить действительные функции банковского кредита в процессе общественного воспроизводства. Начнем с анализа посредничества банков в процессе коммерческого кредита. Вернемся к нашему примеру. А выставил тратту (переводный вексель, т. е. приказ об уплате определенной денежной суммы) на В и желает закупить

товар у *C*. Но *C*, будучи незнаком с положением дел *A* и *B*, откажется принять этот вексель на товар. Тогда *A* обратится к посредничеству банка: последний, приняв от *A* обязательство *B* (за которое в случае неплатежа *B* отвечает так же, как *A*), выдает взамен этого свое собственное денежное обязательство в той или иной форме, которое, если банк солидный, *C* согласится принять в уплату за товар. Когда же, как это было в нашем примере, круг замкнется, то окажется, что у *B* будет на 1 тыс. руб. обязательств банка, и на те же 1 тыс. руб. обязательств банку. Денежными обязательствами банка он погасит свои обязательства банку. Читателю совершенно ясно, что банк здесь был посредником и только посредником. Банк лишь заменил одно денежное обязательство другим и этим помог замкнуть круг кредитно-коммерческого оборота между *A*, *B* и *C*. Хотя при поверхностном взгляде кажется, что банк, ссужая деньги, всегда ссужает заемщику дополнительный денежный капитал, но в данном случае это абсолютно неверно. Ни *A*, ни *B*, ни *C* не получили ни на один рубль нового капитала.

§ 5. Следовательно, если даже заемщиками являются функционирующие капиталисты, то и в этом случае нельзя утверждать, что всякая ссуда денег является *ссудой дополнительного капитала* для заемщика или *авансом капитала*, ибо в нашем примере капитал заемщика вовсе не увеличился от этой ссуды. В нашем примере благодаря ссуде произошло только *изменение формы капитала заемщика*, а именно превращение из товарной формы в *денежную*. Следовательно мы можем сказать, что здесь имела место по существу *ссуда денег как средств обращения, но не ссуда нового капитала*. Тот вид банковского кредита, когда банк выступает только как посредник в процессе коммерческого кредита, заменяя одни денежные обязательства другими, мы будем называть *ссудно-денежным кредитом* или, для краткости, *денежным кредитом* (в узком смысле). В отличие от этого тот вид банковского кредита, когда банк выдает свои собственные или чужие деньги заемщикам, и этими ссудами увеличивает функционирующий капитал последнего, мы будем называть *ссудно-капитальным кредитом* или, для краткости, *капитальным кредитом*. В связи с этим спрос заемщиков на ссудный капитал может быть либо спросом на деньги как всеобщий товар (как платежное средство, сокровище и мировые деньги), либо на деньги как форму авансирования (деньги как покупательское средство) капитала. Как раз в периоды *кризисов* спрос на ссудный капитал есть спрос на деньги — всеобщий эквивалент, но не спрос на капитал, ибо эти деньги не превращаются в действительный капитал (производительный или торговый).

§ 6. Денежно-капитальный кредит, как мы отмечали, необязательно должен проходить через банковское посредничество. Силошь и рядом фабриканты непосредственно получают *денежные авансы* от своих покупателей, и следовательно последние выступают как денежные капиталисты-заимодавцы. С другой стороны, иногда промышленные предприятия, как например строительные общества в Англии, сами принимают денежные вклады, и таким образом получают в ссуду денежные капиталы помимо банков. Но самой главной формой внебанковского денежно-капитального кредита является упомянутая уже выше *форма*

акционерно-облигационного кредита. Выпуская акции и облигации, промышленные общества берут непосредственно денежные капиталы у заимодавцев-кредиторов. Но все же центральную роль в сфере денежно-капитального кредита играли и играют банки, и даже выпуск акций и облигаций большей частью также не обходится без посредничества банков.

§ 7. До сих пор у нас все время шла речь о взаимоотношениях между функционирующими (промышленными и торговыми) капиталистами-заемщиками и денежными капиталистами-заимодавцами. Но в предыдущей главе мы уже говорили, что кредитные отношения этим не исчерпываются. Заемщиком может быть и *не-капиталист*, который однако должен платить процент за ссуду так же, как и капиталист, ибо если даже деньги и не превращаются в капитал, то в ссуду они во всех случаях отдаются *как капитал*. Такими заемщиками являются *государство*, органы местного самоуправления, *мелкие самостоятельные товаропроизводители* и, наконец, рабочие, мелкая буржуазия и землевладельцы *как потребители* (потребительский кредит). Кредитные отношения, которые в этих случаях возникают, являются *производными* от основного *капиталистического* кредитного отношения и закономерностям этого последнего они подчиняются. Но поскольку эти виды кредита играют существенную роль в общественной жизни, мы не можем ограничиться анализом только чисто капиталистических кредитных отношений, но должны охватить всю кредитную систему в целом. Поэтому хотя в центре нашего внимания остаются чисто капиталистические кредитные отношения, но производные от них отношения мы также будем рассматривать как в следующей главе, в связи с анализом денежного рынка, так и в специальной главе, где каждый из этих видов кредита будет рассмотрен в отдельности (гл. XXVII).

Литература.

- 1) *К. Маркс*. Капитал, т. III, отд. V.
- 2) *А. И. Трахтенберг*, Современный кредит.
- 3) *С. Выгодский*. Очерки по теории кредита Маркса. М. 1929.
- 4) *Э. Брегель*, Формы и функции кредита, в журнале «Вестник Коммунистической академии», кн. XXVII.
- 5) *Э. Лейкин* Теория кредита Маркса, журнал «Вестник Коммунистической академии», кн. XXI.

Вопросы для повторения.

- 1) Охарактеризуйте роль кредита при капитализме.
- 2) В чем необходимость кредита для капитализма?
- 3) Какие две основные формы кредита необходимо различать?
- 4) Охарактеризуйте коммерческий кредит и ответьте на вопрос: почему величина функционирующего капитала остается при коммерческом кредите неизменной, несмотря на то, что товарный капитал сужается функционирующими капиталистами?
- 5) Что такое денежно-торговый капитал?
- 6) Охарактеризуйте функции банков.
- 7) В чем различие ссуды денег и ссуды капитала?
- 8) Может ли денежно-капитальный кредит иметь место вне банка?
- 9) Охарактеризуйте внекапиталистические кредитные отношения?

ДЕНЕЖНЫЙ РЫНОК, ПРОЦЕНТ И КОНЪЮНКТУРА.

§ 1. Определение денежного рынка. — § 2. Процент. — § 3. Противоположность движения ссудного и промышленного капитала. — § 4. Количество денег и размер процента.

§ 1. Денежный рынок — это рынок ссудных капиталов. Этим понятием охватывается вся совокупность взаимоотношений между заемщиками и займодавцами, т. е. покупателями и продавцами ссудного капитала. На денежном рынке устанавливается цена ссудного капитала — процент. Природа процента, т. е. его *качественная* характеристика, нам уже известна: процент есть доля прибыли и следовательно часть прибавочной стоимости. Но какова эта доля? Чем обуславливается *количественная* определенность процента, его высота? Пределом процента является *прибыль*, следовательно всякое увеличение *нормы прибыли* (так называется отношение массы полученной прибыли к затраченному капиталу), открывает возможность для увеличения процента. *Уровень же процента в пределах нормы прибыли всегда определяется спросом и предложением ссудного капитала.*

§ 2. Установленное в предыдущей главе разграничение ссуды денег и ссуды капитала и находит свое проявление на денежном рынке, где концентрируется спрос на эти оба вида кредита. На денежном рынке деньги всегда *предлагаются* как капитал, по одни заемщики предъявляют спрос на деньги как деньги, а другие — спрос на деньги как капитал. Одни заемщики ищут на денежном рынке *новых капиталов*, другие ищут деньги для того, чтобы превратить свой товарный капитал, реализованный в кредит под вексель, в деньги. Наконец на денежном рынке помимо капиталистов фигурируют самые разнообразные группы продавцов и покупателей ссудного капитала, каковые и будут рассмотрены ниже.

«На денежном рынке, — говорит *Маркс*, — противостоят друг другу лишь займодавцы и заемщики. Товар имеет одну и ту же форму — деньги. Здесь исчезли все особенные виды капитала, которыми он обладает в зависимости от своего приложения к особым сферам производства или обращения». В процессе рыночной борьбы заемщиков и займодавцев устанавливается норма процента. «*Конкуренция* определяет здесь не отклонения от закона: здесь просто не существует никакого иного разделения, кроме того, который диктуется конкуренцией».

§ 3. Если норма процента определяется спросом и предложением ссудного капитала, то ясно, что изменения нормы процента целиком зависят от изменений объема этого спроса и предложения. Но соответствует ли изменение этого спроса и предложения колебаниям спроса и предложения на товары, изменяется ли процент в том же направлении, что и цены товаров (и прибыль функционирующих капиталистов)? На этот вопрос *Маркс* дает следующий ответ. Движение ссудного капитала в конечном счете управляется движением действительного (производительного) капитала. Однако спрос на ссудный капитал не всегда есть спрос на действительный капитал, но является также спросом на деньги как таковые. С другой стороны, накопление ссуд-

ного капитала и в соответствии с этим изменение в норме процента могут не совпадать с накоплением действительного капитала. Деньги могут скапливаться и давить на предложение ссудного капитала как раз в те периоды, когда объем производства сокращен и не происходит действительного накопления (расширенного воспроизводства). Все это можно проследить на течении капиталистического *промышленного цикла*, на так называемой смене волн хозяйственного *подъема, кризиса и депрессии* (застоя в промышленных и торговых делах).

Так в момент *кризиса* (который возникает из диспропорциональности капиталистического производства, включая сюда диспропорциональность между производством и потреблением) товары не находят сбыта, частный и конкретный труд не может быть превращен в общественный и абстрактный труд. Деньги являются, как мы знаем из 1-й части, овеществлением абстрактного и общественного труда. Кризис проявляется как перепроизводство товаров, не находящихся *сбыта*, т. е. не имеющих возможности превратиться в *деньги*.

«Еще вчера буржуа, опьяненный расцветом промышленности, рассматривал деньги сквозь дымку просветительной философии и объявлял их пустой видимостью: «Только товар — деньги», «Только — деньги товар!» — вопят сегодня те же самые буржуа во всех концах мирового рынка. Как олень жаждет свежей воды, так буржуазная душа жаждет теперь денег, этого единственного богатства. Во время кризиса противоположность между товаром и воплощением его стоимости, деньгами, возводится на степень абсолютного противоречия. Поэтому форма проявления денег здесь безразлична. Денежный голод не изменяет своей напряженности оттого, приходится ли платить золотом или кредитными деньгами, например банкнотами» (*Маркс*). Вот почему в момент кризиса все функционирующие капиталисты предъявляют спрос на *деньги*, как *всеобщий товар*. А так как количество денег осталось прежним, то естественно, что этот возросший спрос на деньги как всеобщий эквивалент не может быть удовлетворен. Отсюда при падении цен всех товаров и вследствие этого резком падении прибылей функционирующих капиталистов сильно повышается *процент*. Как раз в моменты кризисов процент всегда достигает наивысшей точки, и в эти моменты он не только доходит до своего предела (прибыль), но даже может временно превысить его.

Обратное положение при *депрессии*, следующей за кризисом. После того как паника прошла, многие обанкротились, объем производства и торговли сильно сокращены, и деньги оказываются избыточными, норма *процента падает*. «Таким образом вначале промышленного цикла низкий размер процента совпадает с сокращением, а в конце цикла высокий процент совпадает с избытком промышленного капитала». Следовательно, когда объем промышленного капитала сокращен, ссудный капитал в избытке, и наоборот, когда ссудный капитал в недостатке, промышленный капитал в избытке. Совпадение имеет место только в первой половине подъема, характеризуемой «улучшением дел». Здесь обилие ссудного капитала совпадает со значительным расширением промышленного капитала. Это объясняется тем, что в связи с расширением промышленного капитала в этот период сильно расши-

ряется коммерческий кредит, уменьшающий потребность в денежном кредите для обслуживания обращения товаров.

Но «в общем движение ссудного капитала, как оно выражается в колебаниях размера процента, протекает в направлении обратном движению промышленного капитала» (*Маркс*). Эта противоположность в движении промышленного и ссудного капитала вытекает из противоречия *товара и денег*, т. е. противоречия между *частным и общественным трудом, между общественным характером производства и частным присвоением*. Избыток промышленного капитала и недостаток ссудного капитала, падение цен всех товаров и рост цены единственного товара—ссудного капитала, являются очевидными показателями наличия противоречий между товаром и деньгами. Под знаком этого противоречия протекает все капиталистическое развитие.

Таковы общие закономерности движения единой, средней рыночной нормы процента. На основе средней нормы в каждый данный момент и в каждом данном районе устанавливаются различные по величине процентные ставки по отдельным ссудным сделкам в зависимости главным образом от двух моментов: 1) срочности и 2) обеспеченности ссуд. Ставки по ссудам, более обеспеченным и более краткосрочным или даже бессрочным (т. е. погашение которых может быть потребовано в любой момент), всегда ниже ставок, чем по ссудам менее обеспеченным и более долгосрочным. Но в моменты кризисов товары или товарные векселя не могут служить надежным обеспечением. Также и срочность здесь не играет роли: деньги нужны как деньги именно в данный момент, но отнюдь не для долгосрочных капитальных вложений. При кризисах преобладает спрос на денежный, в период подъема—на капитальный кредит.

§ 4. Если размер процента зависит от предложения ссудного капитала, т. е. капитала, который ссужается в денежной форме (*Маркс*), то спрашивается, в какой связи находится масса предлагаемых ссудных капиталов с массой имеющихся в стране денег? Не зависит ли в конечном счете размер процента от количества денег?

В каждый данный момент масса свободных ссудных капиталов представляет собою просто массу предлагаемых в ссуду денег, т. е. массу денег, находящуюся вне обращения (при этом форма самих денег не играет роли). Однако в течение известного периода времени масса денег в стране может оставаться неизменной в то время, как масса ссужаемых капиталов может возрасти или сократиться. Это нетрудно понять, если вспомнить то, что мы говорили в 1-й части о скорости обращения денег. У лица *A*, например, есть свободные деньги в сумме 1 тыс. руб., которые он ссужает. На эти деньги приобретаются капиталистом товары; продавец товаров их вносит в банк, который вновь ссужает эти 1 тыс. руб. и т. д. Таким образом не только в течение года, месяца или недели, но даже в течение одного дня одна и та же сумма денег может обслужить ряд кредитных сделок. Итак, чем быстрее оборачиваются деньги, тем чаще они могут превращаться в ссудный капитал. Даже независимо от количества и скорости обращения денег предложение ссудных капиталов может возрасти или сократиться. Владелец денег в силу тех или иных причин может воздер-

живаться от превращения своих денег в ссудный капитал, или, наоборот, увеличивать ссуды из фонда имеющихся у него средств. Итак совершенно неправильно считать, что количество денег определяет собою предложение ссудных капиталов, а вместе с тем и процент. Но если изменение размера процента не обуславливается изменением количества денег, то это не значит, что условия денежного обращения (масса и скорость обращения денег) ни в какой мере не находятся в связи с конъюнктурой денежного рынка и следовательно размером процента. Общие условия капиталистического воспроизводства (закономерности промышленного цикла) определяют собой как изменения в явлениях денежного обращения (количество и скорость обращения денег), так и изменения в явлениях денежного рынка и процента. Поэтому *между явлениями денежного обращения и денежного рынка и процента не может не быть самой тесной связи*. Однако это скорее не прямая, но обратная связь.

Так, в период депрессии в связи с понижением цен и значительным сокращением объема товарного обращения, количество необходимых для обращения денег уменьшается. Избыточные деньги отливают из обращения на денежный рынок, и, поскольку, с другой стороны, спрос на кредит в эти периоды всегда бывает вялым, увеличившаяся масса свободных ссудных капиталов снижает уровень процента.

Также и в начале подъема, несмотря на то, что объем товарного обращения и уровень цен возрастают, количество необходимых для обращения денег может и не возрасти, в связи с широким развитием коммерческого кредита и зачета взаимных долговых обязательств. Рост же быстроты обращения денег в этот период обуславливает постоянный приток ссудных капиталов на денежный рынок. Ускоряется общий процесс воспроизводства, растет масса ссужаемых капиталов быстрее, чем спрос на них (в силу отмеченного выше обстоятельства), и в результате уровень процента остается низким или медленно повышающимся. Таким образом здесь масса ссужаемых капиталов возрастает, а количество находящихся в обращении денег остается неизменным. Наконец в момент кризиса коммерческий кредит рушится. Скорость обращения денег резко сокращается, и масса денег в обращении возрастает. В то же время именно в силу этих причин уменьшается прилив ссудных капиталов на денежный рынок, возрастает спрос на деньги для платежей по долговым обязательствам, и в результате норма процента резко возрастает. Но возрастание нормы процента вовсе не является следствием сокращения количества денег: наоборот, «деньги, — как говорил *Маркс*, — имеются, но каждый остерегается превратить их в ссудный капитал». Здесь недостаток в ссудном капитале и высокий уровень процента являются выражением противоречия товара и денег, невозможности сбыть товары и получить деньги. В свою очередь эта невозможность вытекает из присущей капитализму анархии производства, диспропорционального (неравномерного) развития его отраслей и диспропорциональности между производством и потреблением, но отнюдь не из изменения количества денег. Таким образом сводить изменения в массе ссудных капиталов и уровне процента к изменению массы денег также неправильно, как и отри-

цать связь между явлениями денежного обращения и уровнем процента. Буржуазные теоретики обычно совершают либо ту, либо другую ошибку. В конечном счете обе эти ошибки сводятся к непониманию истинной природы и основных законов капиталистического способа производства. Если одни под ссудным капиталом понимают «вещи» («вещный капитал»), т. е. просто товары, то другие ссудный капитал просто отождествляют с деньгами. Поэтому первые с точки зрения своего учения о ссудном капитале не могут объяснить такие явления, как перепроизводство товаров при остром недостатке в ссудных капиталах, т. е. падение цен товаров и рост цены одного единственного товара — ссудного капитала во время кризисов. Другие же пасуют перед такими фактами, когда норма процента падает, в то время как количество денег остается неизменным. Но все эти явления находят исчерпывающее объяснение с точки зрения марксовой теории кредита и кризисов, которая построена на строгом разграничении товара и денег, и ссудного и «вещного капитала», с одной стороны, и явлений денежного обращения и денежного рынка, с другой стороны.

Л и т е р а т у р а .

- 1) *Маркс*, Капитал, т. III, отд. 5.
- 2) *С. Л. Выгодский*, Очерки по теории кредита Маркса, М. 1929.
- 3) *И. А. Трахтенберг*, Современный кредит, М. 1929, гл. VI.
- 4) *З. Атлас*, Денежный рынок и противоречия банковского кредита, «ВКА», кв. XXXIV и XXXV.
- 5) *Р. Гильфердинг*, Финансовый капитал, М.-Л. 1923, отд. I.
- 6) *К. Реннер*, Теория капиталистического хозяйства, М.-Л. 1926, ч. III, гл. VIII.
- 7) Проф. *З. С. Каценеленбаум*, Учение о деньгах и кредите, ч. V, гл. II.
- 8) *Виттерс*, Денежный рынок, Одесса 1914.
- 9) *Beckera'*, Geldmarkt und Kapitalmarkt, Jena 1916.
- 10) *Spiethoff*, статьи в „S hmoller's Jahrbuch“ за 1909 г.
- 11) *Hahn*, Geld und Kredit.
- 12) *Wicksell*, Geldzins und Güterpreise, Jena 1922.
- 13) *J. Schumpeter*, Theorie der Wirtschaftlichen Entwicklung, гл. III, 1912.

Вопросы для повторения.

- 1) Определите понятие денежного рынка.
- 2) Как определяется средняя норма процента?
- 3) Охарактеризуйте движение ссудного и промышленного капиталов на различных этапах конъюнктуры.
- 4) Зависит ли уровень процента от количества денег?

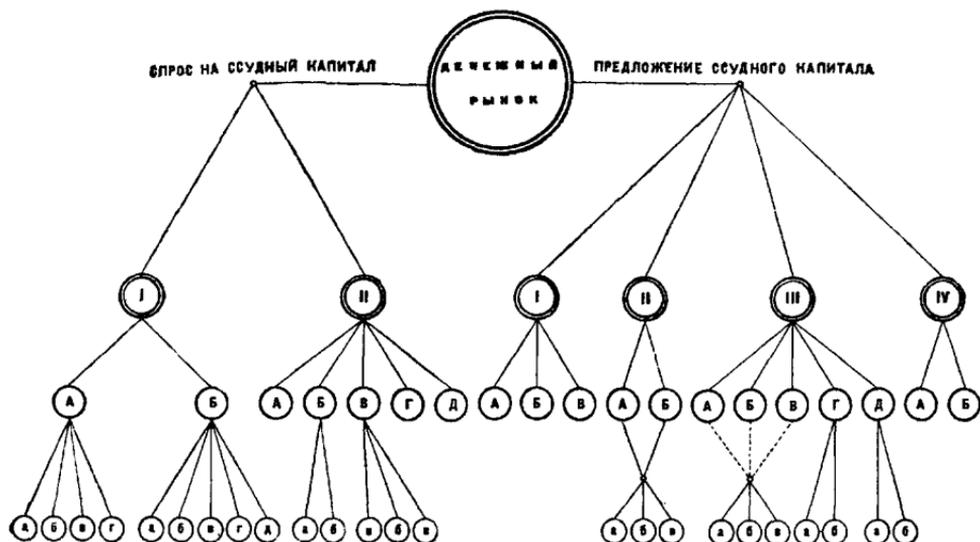
ГЛАВА XXII.

СТРОЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО РЫНКА.

§ 1. Схема денежного рынка. — § 2. Банковская эмиссия. — § 3. Предложение ссудного капитала функционирующими капиталистами. — § 4. Некапиталистическая группа заемщиков. — § 5. Спрос на ссудный капитал функционирующих капиталистов. — Спрос на ссудный капитал некапиталистической группы заемщиков. — § 6. Кредитные документы. — § 7. Кредитная система.

§ 1. В этой главе мы постараемся нарисовать общую картину денежного рынка и показать каналы, по которым «приливают» и «рассасываются» ссудные капиталы. Такую общую картину денежного рынка, как бы его моментальную фотографию, дает приведенная ниже схема.

Схема денежного рынка

Условные обозначения

Спрос на ссудный капитал

I. Функционирующие капиталисты:

A) Торговые капиталисты

- а) оптовые
- б) мелко-оптовые
- в) розничные
- г) биржевые спекулянты

B) Промышленные капиталисты

- а) сельское хозяйство
- б) добывающая промышленность
- в) обрабатывающая »
- г) транспорт и связь
- д) прочие

II. Некапиталистическая группа заемщиков

A) Частные потребители

B) Кооперация

- а) производственная
- б) торговая

B) Мелкие самостоятельные товаропроизводители

- а) крестьяне
- б) кустари
- в) ремесленники

Г) Общественные организации (профессиональные, партийные, культурные и пр.)

Д) Государство и местные самоуправления

Предложение ссудного капитала

I. Банковская эмиссия средств обращения

A) Банкнотная эмиссия

B) Акцептная »

B) Депозитно-чековая эмиссия

II. Функционирующие капиталисты

A) Промышленные капиталисты

B) Торговые капиталисты

- а) кассовая наличность
- б) временно-свободный капитал
- в) прибыль и амортизация средств производства

III. Некапиталистические группы заимодавцев

A) Мелкие самостоятельные товаропроизводители

B) Чиновники, служащие, лица «свободной профессии»

B) Рабочий класс

- а) кассовая наличность
- б) трудовые сбережения
- в) амортизация средств производства мелких товаропроизводителей

Г) Государство и местные самоуправления

- а) текущая кассовая наличность
- б) накопление

Д) Разные общественные организации

- а) накопление
- б) кассовая наличность.

IV. Денежные капиталисты

A) Капиталы рантье и банков

B) Текущая кассовая наличность рантье

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении схемы — это то, что спрос на ссудный капитал предъявляют большей частью те же группы, которые фигурируют и в качестве предлагающих ссудный капитал. Это относится как к функционирующим капиталистам, так и к некапиталистическим группам. Обычно каждый капиталист в каждый данный момент имеет известную сумму *денег* в банке (через который эти средства идут на денежный рынок), и с другой стороны сам должен банкам или частным лицам. Разница между этими двумя суммами (так называемое *сальдо*) показывает, является в конечном счете этот капиталист заемщиком или займодавцем.

Рассмотрим сначала, за счет каких источников происходит образование свободного ссудного капитала на денежном рынке.

§ 2. Из приведенных в схеме на стр. 224 четырех источников образования ссудных капиталов следует особо выделить 1-й источник и противопоставить его трем остальным.

Эти последние фигурируют в *денежной форме*, т. е. в деньгах или денежных знаках, которые в этих целях *извлекаются* из обращения. Первый же источник представляет собою эмиссию *новых* денежных знаков, которые поступают в обращение через денежный рынок. Хотя путем такой эмиссии никаких новых капиталов не создается, однако на *денежном рынке* эти эмитируемые денежные знаки фигурируют, как *ссудный капитал* и следовательно также влияют на норму процента. (Подробно формы банковской эмиссии средств обращения и границы этой эмиссии будут рассмотрены нами в следующих главах).

§ 3. Функционирующие капиталисты, конечно, в большей мере выступают в качестве заемщиков, чем займодавцев. Однако в кругообороте промышленного и торгового капиталов постоянно и необходимо происходит образование свободных денежных фондов, которые тем или иным путем поступают на денежный рынок. Если производительные капиталисты обычно продают свою товарную продукцию сразу крупными партиями, то расходование этих средств происходит с известной постепенностью. Таким образом у капиталистов всегда должны быть в наличии солидные денежные резервы для выплаты заработной платы, закупки сырья и т. д. Благодаря тому, что эти резервы концентрируются (соосредоточиваются) в банках, часть этих резервов оказывается, как мы увидим в следующей главе, свободной и идет через банки на денежный рынок. Далее в силу *сезонных* и *конъюнктурно-рыночных условий* (например понижение цены сырья или заработной платы) у промышленных и торговых капиталистов образуются временно свободные денежные капиталы, которые поступают в общий фонд предложения ссудных капиталов на денежном рынке. Наконец, каждое капиталистическое предприятие регулярно получает *прибыль*, а также производит *амортизационные отчисления*, т. е. отчисления, необходимые для восстановления постепенно снашиваемого основного капитала (здания, машины). Но для того чтобы прибыль и амортизационные отчисления можно было вложить в данное предприятие, должна быть накоплена более или менее значительная сумма денег в течение ряда лет. Следовательно эти деньги были бы *бездействующим денежным капиталом*. Но благодаря денежному рынку этот бездействующий капитал превра-

щается в *функционирующий капитал*. И амортизация и прибыль являются важными источниками предложения свободных ссудных капиталов на денежном рынке.

§ 4. Третья, *некапиталистическая группа* заимодавцев охватывает собою многообразные источники денежного накопления. Сюда относятся: государство, местные самоуправления и разные общественные организации. В отношении мелкой, городской и сельской буржуазии (т. е. *самостоятельных* товаропроизводителей), а также рабочего класса, служащих и лиц так называемых свободных профессий (врачи, юристы и пр.) следует различать два основных источника образования ссудных капиталов. С одной стороны, получение денежных доходов и их расходование никогда не совпадают во времени. Так рабочие и служащие получают заработную плату 1 раз в месяц, а затраты производят ежедневно. С другой стороны, часть средств из месячного дохода откладывается в течение 2—3 месяцев для каких-либо крупных закупок. В силу этого у всех этих групп, так же как и у функционирующих капиталистов, должны постоянно (по крайней мере от одной до другой полочки денег) скапливаться свободные деньги, которые через посредство специального кредитного аппарата (сберкассы) поступают на денежный рынок. Также поступают на денежный рынок и те амортизационные отчисления, которые производят мелкие товаропроизводители (например крестьяне и кустари), владеющие средствами производства. Наконец значительная часть рабочих, служащих и т. д. производят *трудовые сбережения* «на черный день». Эти сбережения на денежном рынке также превращаются в ссудный капитал, который дает заимодавцу процент (часть прибавочной стоимости). Таким образом выходит, что рабочие и служащие как бы получают обратно часть своего неоплаченного труда. Однако если учесть, сколь незначительны могут быть сбережения рабочих и мелких служащих, а также то, что крупные капиталисты имеют много путей снижения процента для этих групп до минимума, то станет ясным, что эта часть неоплаченного труда чрезвычайно незначительна даже для тех слоев рабочего класса, которые могут иметь те или иные сбережения.

Наконец последним источником образования ссудных капиталов являются денежные капиталы, предлагаемые *капиталистами-рантье*. Общественная функция этих последних исключительно в том и заключается, чтобы ссужать имеющиеся в их распоряжении денежные капиталы и, оставаясь совершенно непричастными к процессам общественного производства, получать проценты на свой капитал. Этот чисто *паразитарный* слой капиталистов владеет огромнейшими капиталами и получает ежегодно колоссальные суммы денежных доходов за счет прибавочной стоимости. Часть этих доходов они потребляют, а другую часть они снова отдают в ссуду, и таким образом постоянно образуются новые массы ссудных капиталов предлагаемых рантье. Достаточно указать, что ежегодные доходы от капиталов, помещенных Англией за границей, были равны перед войной более чем 1½ млрд. руб. и так как потребить этот огромнейший доход довольно трудно, то нужно полагать, что вновь образующиеся за счет этого источника свободные ссудные капиталы выражаются в сотнях миллионов рублей.

Кроме того новые рантье́ские капиталы образуются в тех случаях, когда капиталисты, ранее занимавшиеся теми или иными производительными функциями (т. е. непосредственным выколачиванием прибавочной стоимости) в силу ли обострившейся конкуренции или даже мотивов личного порядка ликвидируют свои предприятия, а полученные деньги помещают в ценные бумаги, так называемые *ренты*, дающие твердый доход. Благодаря непрерывному росту спроса на ссудный капитал со стороны концентрирующихся (укрупняющихся) производственных предприятий, денежные капиталы рантье́ всегда находят себе помещение, если не в пределах данной страны, то в отсталых, нуждающихся в капиталах странах. Вновь образующиеся рантье́ские капиталы высоко развитых стран как Англии, Франции и Германии, большей частью ищут помещения в отсталых странах, где норма прибыли выше, где следовательно можно получать и больше процентов на ссудный капитал. Таким образом денежный рынок становится *международным рынком*: страны-рантье́ эксплуатируют другие страны, точнее буржуазия первых стран эксплуатирует через посредство кредита пролетариат стран-заемщиков. Группу денежных капиталистов-рантье́ мы выделили в качестве особого источника предложения ссудных капиталов потому, что функция этой группы в общественной системе только к этому получению процентов и сводится. В отличие от этой группы остальные группы и подгруппы лишь *частично* фигурируют как рантье́: рантье́ский доход является для них не основным, но побочным видом дохода. Это относится как ко всем подгруппам функционирующих капиталистов, так и к мелкой буржуазии, а также к государству и общественным организациям. Но конечно всегда возможно превращение мелкого буржуа, например какого-нибудь ремесленника, чиновника, врача или лавочника «на старости лет» в чистого рантье́. В этом случае в нашей схеме он будет числиться не в III, а в IV группе. Но для этого конечно накопление должно быть значительным, ибо настоящий рантье́ живет за счет одних только процентов, не трогая своего капитала.

§ 5. Спрос на ссудный капитал, как показывает наша схема, представляют 2 основных группы заемщиков:

1) Функционирующие капиталисты, которые непосредственно участвуют в процессе производства и обращения. Внутри этой группы мы различаем 2 основных подгруппы: а) промышленных и б) торговых капиталистов. В свою очередь в пределах подгруппы «а» ссудные капиталы идут в обрабатывающую и добывающую промышленность, транспорт и связь, отрасли, производящие «духовную продукцию» (пресса, зрелища, в особенности кино и пр.) и наконец в сельское хозяйство. Среди торговых предприятий спрос на ссудный капитал предъявляют как оптовые, так и розничные торговцы. При этом не нужно думать, что розничная торговля всегда мелкая: на Западе и в Америке распространены крупнейшие универсально-розничные торговые предприятия. В царской России таковым, например, был универсальный магазин «Мюр и Мерилиз». Наконец довольно широко распространено и кредитование биржевых спекулянтов: силошь и рядом как раз эти последние, предъявляя спрос на крупные ссудные капиталы, временно гонят вверх рыночную норму процента.

2) Некапиталистическая группа заемщиков включает ряд подгрупп и в целом оказывает несомненно заметное влияние на конъюнктуру денежного рынка. Сюда относятся следующих 5 основных подгрупп: а) государство и местные самоуправления, выпускающие долгосрочные займы для тех или иных целей. Эти займы погашаются в течение ряда лет за счет ежегодных доходов (налогов и неналоговых доходов). Кроме того правительства некоторых стран сплошь и рядом прибегают и к краткосрочным займам на денежном рынке, выпуская например «краткосрочные обязательства государственного казначейства»; б) меньшее значение имеет спрос на ссудный капитал со стороны разного рода общественных организаций, как например профессиональных и партийных. Они выступают в качестве заемщиков лишь в случае какой-нибудь экстренной нужды в деньгах; в) обширную и весьма значительную по своему удельному весу подгруппу заемщиков составляют мелкие самостоятельные товаропроизводители. Этот так называемый «мелкий кредит», обслуживающий кустарей, ремесленников, крестьян и т. п. имеет большей частью производственное назначение. Спрос на кредит этой подгруппы удовлетворяется специальным кредитным аппаратом, о чем ниже; г) в некоторых странах заметный спрос на ссудный капитал предъявляет производственная и, в особенности, торговая кооперация; д) наконец последней подгруппой заемщиков являются частные потребители, которые наряду с государством и общественными организациями большей частью также предъявляют спрос на потребительский по своим целям кредит. Спрос на частно-потребительский кредит могут предъявлять как перечисленные выше категории самостоятельных товаропроизводителей, так и рабочие, служащие, лица так называемых «свободных профессий» и т. д. Такой потребительский спрос должен быть кем-то *финансирован*. Хотя непосредственно это кредитование обычно осуществляется в товарной форме соответствующими торговыми и производственными предприятиями, но последние для этих операций в свою очередь предъявляют спрос на ссудный капитал, и в конечном счете этот спрос удовлетворяется за счет общих фондов денежного рынка. Ясно, что это оказывает некоторое, конечно не преобладающее (первенствующее), влияние на денежный рынок.

Теперь нам необходимо рассмотреть банковский аппарат *кредитной системы*, который осуществляет движение ссудных капиталов на денежном рынке.

§ 6. Движение ссудных капиталов находит свое внешнее выражение в движении *кредитных документов*.

Эти документы нами уже неоднократно упоминались; здесь мы дадим перечень всех этих документов и связанную с ними коммерческую терминологию, твердое усвоение которой необходимо для дальнейшего.

1. *Вексель*, т. е. обязательство уплатить такую-то сумму, такого-то числа такому-то лицу или предъявителю, может быть *простым* и *переводным*. Простой вексель есть обязательство лица *А* уплатить денежную сумму лицу *В*. Переводный вексель или *тратта* есть приказ лица *А* лицу *В* об уплате денежной суммы третьему лицу или предъявителю. Лицо, выписывающее тратту, называется *трассантом*, лицо, на которое выписывается тратта, — *трассатом*, а получатель денег — *ремитентом*. Когда выписывается тратта, то лицо, на которое она выписана, должен подтвердить свое согласие уплатить эту денежную сумму, для чего он делает надпись на тратте. Эта

надпись называется *акцептом*. Акцепт может быть *коммерческим* и *банковским*: в последнем случае акцептантом (делающим эту надпись) является банк. Владелец векселя может передать таковой другому лицу, для чего он делает надпись на векселе или *индоссамент (жиро)*. Индоссировать вексель — это значит переуступить его другому лицу. Если *векселедатель*, т. е. лицо, выдавшее простой вексель или при переводном векселе *акцептант* не уплатит в срок по векселю, то векселедержатель может «учинить протест», т. е. предъявить вексель нотариусу для придания ему *взыскания долговой суммы*. За уплату по векселю несет ответственность не только векселедатель или акцептант, но и все, сделавшие переуступочную надпись на векселе (индоссамент).

По своему происхождению векселя могут быть *товарными* и *финансовыми*. Товарный вексель возникает в результате товарной сделки, а именно когда *А* покупает у *В* товар в кредит и выдает последнему вексель. Следовательно платеж по этому векселю гарантирован данной товарной ценностью. Вексель может быть оплачен, если *А* продает товар. Цель финансового векселя заключается в получении *денежной ссуды*. Обычно финансовые векселя связаны с банковскими акцептами. Пример: *А* выставляет тратту на банк, в котором он пользуется акцептным кредитом. Банк акцептует тратту, под которую *А* может получить ссуду на денежном рынке, так как платеж по векселю гарантируется банком. Таким образом в этом случае вексель возник не в результате товарной сделки, но в связи с чисто-финансовыми отношениями между банком и его клиентом. Если товарная сделка предшествует появлению товарного векселя, то при финансовом векселе, наоборот, появление векселя предшествует товарной сделке: сначала выписывается вексель, что дает возможность раздобыть деньги, и лишь после этого происходит товарная сделка, но уже не в кредит, а за наличные.

Наконец, различают *соло-векселя*, т. е. с одной надписью векселедателя и векселя с двумя и большим количеством надписей. Банки обычно избегают выдавать ссуды под соло-векселя.

Наконец дефектными (плохими) векселями считаются так называемые «бронзовые» или «дружеские» векселя, которые два лица выдают друг другу в целях получения денежной ссуды в банке. Векселя могут выписываться не в одном, но в нескольких экземплярах. В этом случае вторые экземпляры векселя играют роль *дубликатов* (копий), и платежную силу имеет только тот вексель, который предъявлен к оплате.

Приводим обычные формы векселей.

1. Простые векселя:

1) Киев. 1 января 1928 г. Вексель на 1000 руб. 5 марта тысяча девятьсот двадцать восьмого года по этому векселю повинен уплатить в Москве Ивану Сергеевичу Шишкину или его приказу одну тысячу рублей.

А. Иванов.

2) Иваново-Вознесенск. 10 ноября 1924 г. Вексель на 2000 руб. От сего числа через 2 месяца по настоящему векселю повинны мы уплатить кооперативному т-ву «Сбыт» две тысячи рублей.

По доверенности Торгово-промышленного товарищества «А. Иванов и К^о»

С. Краснощеков.

На обороте этого векселя могут быть сделаны следующие передаточные надписи:

а) Платите приказу И. Морозова. Кооперативное товарищество «Сбыт».

Председатель Правления *С. Иноземцев.*

б) Платите приказу Московского общества взаимного кредита.

И. Морозов.

II. Переводные векселя (тратты):

1) Москва. 1 мая 1926 г. Вексель на 6000 руб. Пятнадцатого июня тысяча девятьсот двадцать шестого года, по этому векселю платите акционерному обществу «Металлторг» в г. Москве шесть тысяч рублей.

Иван Сергеевич Котылов.

Т-ву «Сбыт», Москва, Арбат, 176.

2) Пермь. 1 марта 1926 г. Вексель на 5000 руб. Через 2 месяца от сего числа платите Иван Сергеевичу Казяцеву или его приказу пять тысяч рублей.

А. П. Петров.

Сергею Ивановичу Рыбкину.

г. Ярославль.

2. Чек есть приказ банку со стороны его вкладчика об уплате предъявителю обозначенной на чеке денежной суммы. Следовательно чек есть тратта клиента, выписанная на банк. Чеки также могут быть акцептованы банками. Иногда практикуются чеки особого рода, по которым деньги не могут быть получены наличными, но записываются на счет чекопредъявителя. Чеки так же, как и векселя, могут функционировать как средства обращения.

3. Эффекты или «фонды» суть ценные бумаги, удостоверяющие кредитование определенных денежных сумм и дающие право на получение процентов на ссуженный капитал. Эффекты могут выпускать: 1) капиталистические предприниматели и 2) государство, а также местные самоуправления (городские займы). Эффекты, выпускаемые капиталистическими предпринимателями, разделяются на: а) *акции* и б) *облигации*. Государство выпускает только облигации. Различие между акцией и облигацией заключается с юридической точки зрения в том, что акционер есть *собственник* данного предприятия, а облигационер — его *кредитор*. Облигационер получает твердоустановленный процент на ссуженный капитал, акционер же получает прибыль. Но это различие в большей мере чисто юридическое, чем экономическое. Фактически собственником акционерного общества всегда является лишь определенная небольшая группа *активных акционеров* — остальная масса так называемых *пассивных акционеров* никакого участия в управлении предприятием не принимает, а получаемая ими прибыль обычно сводится к существующему среднему уровню процента. В силу этого акцию следует рассматривать как долговой или кредитный документ. Выпуск акций и облигаций называется *эмиссией* (этот род эмиссии не следует смешивать с эмиссией банкнот эмиссионными банками). Цена эффектов на денежном рынке носит название *курса*. Следует различать обозначенную на акции или облигации его денежную стоимость, называемую *номинальным курсом*, и их фактическую рыночную стоимость, называемую *биржевым курсом* или «*курсом дня*». На облигациях помимо заемной суммы обозначаются условия погашения и размер уплачиваемых процентов. Уплата процентов производится по купонам (обычно 2 раза в год), которые отрезаются от облигации по наступлении срока. (Условия выпуска и погашения государственных облигаций будут рассмотрены в XXVI главе.)

4. *Закладная* (частная) — есть обязательство заемщика уплатить денежную сумму, полученную под залог недвижимости (земля, здания и пр.). В закладной указываются условия погашения ссуды, размер процентов и опись недвижимого имущества, являющегося обеспечением ссуды. Ссуды под залог данного имущества можно получать частями, причем каждый раз выдается закладная: в соответствии с этим бывает «первое», «второе», «третье закладные» и т. д. При принудительном взыскании долговой суммы преимущество дается первым закладным («старшинство закладных»). Специальные банки (*ипотечные*), выдавая ссуды под закладные, сами в свою очередь выпускают так называемые *закладные листы*, которые по существу являются облигациями этих банков, обеспеченными не только собственными капиталами последних, но и находящимся в их распоряжении *частными закладными*.

§ 7. Покупка и продажа ссудного капитала принимает форму покупки и продажи разного рода кредитных документов. Купив частный вексель, облигацию или закладную, вы тем самым ссудили свои деньги как капитал. Заемщиком же этих денег является то лицо или та организация, которая эмитировала этот документ и обещала его погасить.

Покупка и продажа кредитных документов и установление цены ссудных капиталов производятся на специальной бирже (место купли-продажи), которую в отличие от товарной биржи (где покупаются и продаются товары) называют *фондовой биржей*. Торговля же ссудным

капиталом большей частью производится через посредничество акционерных банков, разного рода кредитных учреждений и частных кредитных посредников. Весь этот кредитно-посреднический аппарат мы будем в целом называть *кредитной системой*. Последняя охватывает разнообразные виды кредитных институтов (учреждений), которые могут быть сведены к четырем основным типам.

1. *Банки общего кредита*, в числе которых в свою очередь различаются два основных подвида: а) *центральные банкнотно-эмиссионные банки* и б) *акционерные депозитные банки*, которые также называются «коммерческими», «кредитными», «торгово-промышленными банками» и т. п.

2. *Банки исключительно капитального кредита*, цель которых заключается в аккумуляции (собирании) ссудных капиталов и приобретении акций и облигаций промышленных обществ и облигаций госзаймов. Сюда относятся разного рода «общества финансирования», «трест-компании», «инвестиционные (инвестиции — вложения) тресты» и т. п.

3. *Специальные кредитные институты*, как то: ипотечные, коммунальные, меллиоративные, кооперативные, а также так называемые «общества взаимного кредита», разного рода учреждения мелкого кредита и наконец ломбарды; деятельность этих учреждений ограничена специальными отраслями народного хозяйства, специальным кругом клиентеллы и в соответствии с этим специальными кредитными операциями. Эти институты по преимуществу обслуживают *внекапиталистические секторы* (отрасли) *народного хозяйства*.

4. *Мелкие, индивидуальные биржевые кредитные посредники*, как например вексельные маклера (в Англии так называемые «билльброкеры»), частные учетные конторы и т. п.

Исторически сложившиеся в разных странах кредитные системы весьма существенно отличаются друг от друга. Так например в Германии сравнительно слабо развит второй тип, функции которого выполняют банки общего кредита; наоборот, в Англии сильно развит второй тип, но зато очень слабое развитие получил третий тип кредитных учреждений. Эти различия в кредитных системах разных стран мы рассмотрим во 2-м отделе. Однако эти различия ни в коей мере не нарушают нашей классификации как общей схемы кредитной системы.

Центральное значение для капиталистического общества имеет первый тип кредитных учреждений, а именно банки, занимающиеся торгово-промышленным кредитованием вообще в отличие от фондовых или инвестиционных банков, т. е. банков исключительно долгосрочного капитального кредита (II тип) и специальных кредитных институтов (III тип). Эти банки общего кредита представляют собой вообще *характерный для капитализма тип банков*, и поэтому в дальнейшем, говоря об этих банках, мы будем называть их просто «банками». Следующие три главы посвящаются изучению функций банков, а деятельность специальных кредитных институтов будет рассмотрена в XXVII главе в связи с анализом кредитных отношений вне капиталистического сектора заемщиков. Операции же «фондовых» банков нам нет необходимости специально рассматривать, так как эти операции включаются в круг общепанковских операций.

Литература.

- 1) Проф. З. С. Канц-неллибаум, Учение о деньгах и кредите, ч. II, гл. III, IV и VI.
- 2) Beckerath, Geldmarkt und Kapitalmarkt. Iena 1916.
- 3) Schütz-Gaewernitz, Die deutsche Kreditbank, Tüb. 1922.
- 4) В. П. Терещенков, Государственный кредит, Л. 1924.

Вопросы для повторения.

- 1) Охарактеризуйте основные источники предложения ссудных капиталов на денежном рынке.
- 2) Какие основные группы заемщиков предъявляют спрос на ссудные капиталы? Охарактеризуйте каждую группу.
- 3) Охарактеризуйте основные виды кредитных документов.
- 4) Из каких элементов состоит кредитная система при капитализме?

ГЛАВА XXIII.

ПАССИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ БАНКОВ.

§ 1. Определение банка. — § 2. Баланс банка. — § 3. Техника бухгалтерской записи. — § 4. Фетишизм банковского баланса. — § 5. Пассивные и активные операции. — § 6. Два основных фонда банковского кредитования. — § 7. Образование акционерного капитала. — § 8. Депозиты и жирооборот. — § 9. Расчетные палаты. — § 10. Депозиты и денежный рынок. — § 11. Основной принцип банковской политики. — § 12. Стабильность депозитов и активы. — § 13. Депозиты — фиктивные деньги и фиктивный капитал.

Аккумулированный фонд банковского кредитования.

§ 1. В XX главе 2-й части мы установили, что банки и банкиры занимаются торговлей деньгами как капиталом, т. е. торговлей ссудным капиталом. Всякий торговец есть посредник (а не производитель), следовательно и функции банков суть посреднические функции. Однако «посредники» бывают разного рода. Дачный комиссионер тоже является «посредником» между дачевладельцем и даченанимателем. Но без него можно обойтись — достаточно дать объявление в газете или вывесить бумажку у ворот дачи. Иное дело — банковское посредничество. Эти посреднические операции абсолютно необходимы для капитализма, без них капитализм не мог бы развиваться: те необходимые для капитализма функции, которые выполняет кредит, осуществляются через посредничество банков и во многих случаях только благодаря этому посредничеству кредит и может выполнять присущие ему функции.

Банки являются центрами, стихийно «организующими» движение ссудных капиталов, или, как говорит проф. Трахтенберг, «банк — это особый вид капиталистического предприятия, организующего и осуществляющего движение ссудных капиталов».

§ 2. Банки ведут точный бухгалтерский учет всем своим операциям. Результат банковских операций за тот или иной период времени находит свое отражение на балансе, т. е. сводке остатков по счетам. В соответствии с принципами двойной (так называемой «итальянской») бухгалтерии баланс делится на 2 части: актив и пассив. В пассиве

показано, сколько и кому банк должен на данное число, в активе — кто и сколько должен банку. При этом «лица» и «вещи» не различаются с бухгалтерской точки зрения: счет ведется одинаково как человеку, так и вещи, и собственно вся банковская деятельность здесь представлена как совокупность отношений вещей друг к другу в единой форме — денежной.

§ 3. Так например касса банка (т. е. имеющиеся в наличии деньги) или здание банка является таким же самостоятельным счетом, как и должник Иванов, получивший ссуду. Поэтому с точки зрения бухгалтерской Счет кассы и Счет Иванова помещаются в активе, ибо и Касса и Иванов должны банку данную денежную сумму. Сам же банк здесь выступает как самостоятельное лицо (юридическое лицо), которое в свою очередь является должником по счетам, помещенным в пассиве.

Бухгалтерия вообще (а не только банковская) построена по принципу кредитных отношений: должен (дебет) и имеет (кредит). Поэтому любая операция фигурирует дважды: в графе дебет одного счета и кредит — другого счета. Поясним это примером. Иванов вносит в банк 100 руб. на вклад. Эти 100 руб. записываются в кредит Счета Иванова по пассиву и в дебет Счета кассы по активу. Это значит, что Счет Иванова имеет за банком по Счету кассы 100 руб., а банк должен по этому счету 100 руб. С другой стороны Счет кассы «должен» банку по Счету Иванова, а банк имеет за Счетом кассы те же 100 руб. Записывается эта операция следующим образом.

<i>Дебет</i>	<i>Счет вклада Иванова</i>	<i>Кредит</i>
	За счетом кассы	100 руб.

<i>Дебет</i>	<i>Счет кассы</i>	<i>Кредит</i>
Счету Иванова	100 руб.	

Теперь допустим, что Иванов взял со вклада 30 руб. Производим запись аналогично предыдущей, но в обратном порядке, а именно:

<i>Дебет</i>	<i>Счет вклада Иванова</i>	<i>Кредит</i>
Счету кассы	30 руб.	За счетом кассы 100 руб.

<i>Дебет</i>	<i>Счет кассы</i>	<i>Кредит</i>
Счету Иванова	100 руб.	За счетом Иванова 30 руб.

Если же мы захотим закрыть эти счета (т. е. подвести итог совершенным операциям), то мы должны установить разницу между дебитовой и кредитовой сторонами обоих счетов. По Счету вклада Иванова эта разница, которая в бухгалтерии называется сальдо (остаток) будет дебитовой, в сумме 70 руб., а по Счету кассы — кредитовой в той же сумме. Оба счета мы закрываем (закключаем) следующим образом:

<i>Дебет</i>	<i>Счет вклада Иванова</i>	<i>Кредит</i>
Счету кассы	30 руб.	За счетом кассы 100 руб.
Сальдо	70 руб.	
Баланс	100 руб.	Баланс 100 руб.

<i>Дебет</i>	<i>Счет Кассы</i>	<i>Кредит</i>
Счету Иванова 100 руб.	За счетом Иванова 30 руб.	
	Сальдо 70 руб.	
Баланс 100 руб.	Баланс 100 руб.	

Это называется сбалансировать счета, т. е. подвести итог. Какой же итог мы получили? Счет вклада Иванова имеет за Счетом кассы 100 руб., должен Счету кассы 30 руб.; следовательно в конечном счете Счет вклада Иванова имеет за Счетом кассы, а Счет кассы должен Счету Иванова 70 руб. Из этих балансов отдельных счетов составляется баланс банка следующим образом. Так как Счет вклада Иванова является пассивным счетом, поскольку банк должен по этому счету Иванову известную сумму, то сальдо этого счета мы запишем в пассив баланса банка. Сальдо же по Счету кассы мы запишем в актив баланса банка, так как по этому счету банк «имеет» данную сумму за кассой. Следовательно баланс банка по этим операциям примет следующий вид:

<i>Актив</i>	<i>Баланс</i>	<i>Пассив</i>
Касса 70 руб.		Вклады 70 руб.

По этому балансу мы видим, что, с одной стороны, банк должен по вкладам 70 р., а с другой стороны — что эти 70 р. находятся в кассе банка. Таким образом по балансу мы получаем представление о состоянии дел банка.

Таков основной принцип бухгалтерской записи и составления баланса. Конечно далеко не всегда баланс банка дает такое ясное представление о состоянии его дел. Так, если 50 руб. из полученных банком 70 руб. ссужены банком какому-нибудь Петрову, то в активе мы будем иметь 2 счета: «Касса» — 20 руб. и «дебиторы» (должники) — 50 руб. В этом случае мы знаем, что из полученных банком от вкладчика 70 руб. только 20 руб. имеются в наличии в кассе, а 50 руб. ссужены. Но кому эти деньги ссужены, может ли банк получить эти деньги обратно и оплатить вклад Иванова по требованию последнего — обо всем этом конечно баланс ничего не говорит. Нужно произвести специальный анализ активов банка и выяснить состояние дел его должников, чтобы получить истинное представление о состоянии дел данного банка или, как говорят, его ликвидности, т. е. способности ликвидировать свою задолженность (в данном случае задолженность вкладчику Иванову).

§ 4. Баланс является наглядным выражением того *денежного фетишизма*, о котором была речь в начале 1-й части: отношения между людьми здесь принимают форму отношений между вещами, а вещи становятся как бы самостоятельными «лицами» («лицевые счета» в бухгалтерии). Наша задача заключается в том, чтобы за внешней фетишистической формой банковских операций и балансов вскрыть отношения, ими выражаемые. Поскольку наше внимание обращено на социальные функции банков, постольку мы оставляем в стороне чисто техническую и юридическую сторону банковских операций (изучить которую читатель может по специальным банковским руководствам, указанным в конце настоящей главы), и непосредственно переходим к характеристике экономической природы основных активных и пассивных операций. Но здесь же следует заметить, что самое название «активные» и «пассивные» операции, заимствованное из банковской практики, не соответствует тому смыслу, который вкладывается в эти термины. То, что называется «пассивной» операцией, в действительности, как мы ниже покажем, является проявлением весьма актив-

ной деятельности банка. Но всякая терминология условна — важно только точно установить смысл данных терминов.

§ 5. *Под пассивными операциями понимают все те операции, когда банк выступает в качестве должника, под активными — когда банк выступает в качестве заемщика.*

Анализ пассивных операций должен показать нам, какими путями происходит образование тех банковских фондов (здесь, как и в дальнейшем, под фондом мы понимаем сумму денежных средств), которые размещаются банками в процессе их активных операций. В этой и VI главах мы рассмотрим только образование этих фондов, а их размещение — в VII главе.

§ 6. Вся сумма пассивов или общий фонд банковского кредитования состоит из двух основных частей: 1) *аккумулированного* и 2) *эмитированного фондов*. Аккумулированный фонд — это средства, привлеченные или собранные банками теми или иными путями. Эмитированный фонд — это денежные средства (денежные знаки), «созданные» самим банком на основе коммерческого кредита. Аккумулированный фонд образуется а) путем выпуска акций и облигаций, б) из прибылей банка, в) путем приема денег на вклады или депозиты и наконец г) за счет временного скопления денежных средств в связи с переводными, комиссионными, корреспондентскими и прочими операциями.

§ 7. Банк учреждается путем выпуска акций группой капиталистов. Деньги, вырученные от продажи акций, образуют *акционерный капитал*, который и является фундаментом деятельности данного банка. Кроме того из процентного отчисления прибылей образуются также *резервные* или *запасные* капиталы банка. После того как акционерный капитал собран и банк получил формальное утверждение власти, выбирается совет и правление банка, набирается штат сотрудников.

По окончании всех необходимых организационных мероприятий банк приступает к операциям. Последние заключаются в кредитном посредничестве в широком смысле или в торговле ссудным капиталом. Это посредничество направлено прежде всего на привлечение денежных средств от широкой публики и кредитование этих средств путем активных операций. Обычно уставами банков определяется твердая пропорция между величиной «собственных средств» (которые по существу также являются заемными, ибо они привлечены путем выпуска акций) и заемными средствами (в одних случаях устанавливается, что «чужие средства» не должны превышать «собственные средства» в 5 раз, в других — в 10 раз и т. д.). Если же сумма «чужих средств» возрастает, то банкам приходится дополнительно выпускать акции, поскольку от привлечения средств банку нет оснований отказываться.

Обычно солидность банка и то доверие, которым он пользуется у широкой публики, в значительной мере (но не исключительно) связывается с величиной акционерного и резервного капиталов, которыми располагает данный банк. Допустим, что данный банк такое доверие у публики завоевал, и это дало ему возможность широко развивать пассивные и активные операции. Проследим шаг за шагом за его деятельностью.

§ 8. *Депозиты*, аккумулируемые банком, делятся на: 1) вклады на текущие счета, 2) бессрочные вклады и 3) срочные вклады. В первом случае вкладчик вносит в банк известную денежную сумму, которая записывается на его текущий счет. Вкладчик может вносить на свой текущий счет и брать с него деньги в любое время и в любых суммах. Однако при так называемых *условных текущих счетах* вкладчик обычно не может брать деньги в любое время, но должен предупредить банк за 5—7 дней о том, что он предполагает взять определенную денежную сумму. Но такого рода текущие счета не имеют широкого применения. Текущие счета могут быть *чековыми* и *бесчековыми*. Вкладчик по чековому текущему счету получает *чековую книжку*. Если вкладчику нужно уплатить кому-либо некоторую сумму денег, то он может выписать чек на предъявителя и уплатить этим чеком: лицо, получившее чек, может предъявить таковой в банк, и, если деньги имеются у чекодателя на текущем счету, то чекопредъявитель получает эту сумму наличными или же ее записывают на текущий счет последнего. В последнем случае имеет место так называемый *жирооборот*, т. е. платежный оборот, при котором платеж совершается не наличными, но путем перевода денежной суммы со счета одного лица на счет другого лица. Этот *внутрибанковский жирооборот* следует отличать от *междубанковского жирооборота*, когда указанного рода платежи путем бухгалтерской записи происходят не между клиентами одного банка, но между клиентами разных банков или между самими банками в специальных расчетных учреждениях, называемых *расчетными палатами*, по-английски «клиринг-хаузах», по-немецки «жироцентралах».

§ 9. Участие данных банков в «клиринг-хаузах» равносильно взаимному признанию чеков, выписываемых на эти банки. Благодаря такому соглашению, капиталист *A*, получивший в уплату за товар чек капиталиста *B* на банк *C*, может предъявить этот чек в свой банк *D* для записи на текущий счет. В дальнейшем банк *D* предъявляет этот чек на банк *C* в расчетной палате; в свою очередь банк *C* предъявляет свои платежные требования в расчетной палате на банк *D*. Раз или два раза в день в расчетной палате сходятся представители банков и производят зачет взаимных платежных требований и выводят долговое сальдо, которое время от времени погашается. Благодаря системе расчетных палат все вкладчики всех банков, объединяемых этими палатами, могут осуществлять жирооборот, т. е. безденежный платежный оборот, совершенно аналогично внутрибанковскому жирообороту. На этой основе между прочим создаются широчайшие возможности для депозитно-чековой эмиссии коммерческих банков, о чем будет речь в XIII главе.

При *бесчековых текущих счетах* вкладчик не имеет права выписывать чеки, но получает нужные ему суммы лично, выписывая специальные ордера и предъявляя в банк или сберкассе свою книжку, в которой отмечаются взятые и внесенные суммы. *Бессрочные вклады*, мало распространенные на практике, отличаются от бесчековых текущих счетов только тем, что бессрочные вклады обычно возвращаются не частями, но полностью. При *срочном вкладе* деньги вносятся в банк на определенный срок, до наступления которого вкладчик не может

распоряжаться своими деньгами. Впрочем банки нередко соглашаются на уплату срочных вкладов и раньше времени, но в этом случае уплачивают вкладчику пониженный процент. Проценты обычно уплачиваются по всем видам вкладов, причем за вклады на простые текущие счета банк платит меньше, чем за условные текущие счета, а за последние меньше, чем за срочные вклады. Почему же банки проводят такую градацию (разграничение по степеням) процентных ставок? Это объясняется тем, что для банка имеет огромное значение степень закрепления за ним внесенных вкладчиком денег.

Банк может смело внесенные ему на год деньги ссудить на тот же срок производительным капиталистам. Иное дело деньги внесенные на условный или на простой текущий счет. Может ли банк ссудить их на год, если быть может завтра же вкладчик потребует эти деньги? Ясно, что банк этими средствами не может пользоваться так же свободно, как срочными вкладами, и возникает даже вопрос, может ли вообще банк пользоваться этими вкладами для своих активных операций и уплачивать по ним проценты? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны проанализировать, почему и каким образом в банк притекают деньги на депозиты.

§ 10. Что касается самих источников образования депозитов, то они нам уже известны: в схеме денежного рынка мы показали, из каких источников образуются ссудные капиталы, предлагаемые на денежном рынке. Эти же источники ищут и банковские депозиты: часть ссудных капиталов, идущих на денежный рынок, проходит через банк в форме депозитов. Следует только помнить, что не все «каналы» денежного рынка в одинаковой мере связаны с банком. Как раз ссудные капиталы наиболее устойчивых групп заимодавцев (т. е. таких групп, которые, являясь заимодавцами, совсем или почти совсем не выступают в качестве заемщиков), как например рантье, а также некоторых слоев некапиталистических заимодавцев, приливают прямо на денежный рынок, минуя банк. Это объясняется тем, что ведь банк ни в коем случае не может платить по вкладам столько же, сколько уплачивается например по облигациям. Ведь банк сам еще должен ссудить эти деньги и если например он приобретет облигации, то вкладчику может быть уплачена лишь часть этих процентов, а разница пойдет в пользу банка. В силу этого средства, которые длительно остаются свободными и образуют рантьерский капитал, идут большей частью прямо в промышленные предприятия, не оседая в банках в качестве депозитов. Но все же и у банков (особенно у сберегательных банков, т. е. «сберкасс») постоянно имеются довольно крупные суммы этих депозитов, которые являются для вкладчиков *капиталом, приносящим проценты*.

Самое же главное значение имеют для банков *текущие счета*. Кассовая наличность функционирующих капиталистов и всех некапиталистических групп производителей и потребителей, необходимая для текущих расходов, не может превратиться в ссудный капитал иначе, как через форму банковского депозита. Если деньги на текущем счету, если следовательно они могут быть в любой момент истребованы, то для вкладчика они представляют не что иное, как *касса* или *наличность*.

Являясь «наличностью» для вкладчика, текущие счета в наибольшей своей части представляют собою в действительности фиктивную, т. е. несуществующую наличность. Именно в связи с превращением действительной наличности в фиктивную деньги, внесенные на текущий счет, образуют ссудный капитал, за который уплачиваются банком проценты. Каким же образом это происходит?

§ 11. Для всякого конечно ясно, что если бы банк принятые от вкладчиков на текущие счета деньги клал в нескороаемые шкафы, как это делается в случае депонирования ценностей (золота, бриллиантов, ценных бумаг), в так называемые *сейфы* (специальные металлические ящики для хранения), то он не только не платил бы за них процентов, но сам взимал бы плату за хранение. Банк же платит проценты по текущим счетам только потому, что полученные таким путем деньги он бросает в капиталистический оборот в качестве ссудных капиталов. Но если деньги брошены в оборот и следовательно как наличность они не существуют, то каким образом банк может платить вкладчикам любые суммы в любое время по требованию последних.

В самом деле, если в банк внесено на текущий счет 1 млн. руб. и из них допустим 800 тыс. руб. ссужено, то в случае, если все вкладчики захотят в один и тот же день взять свои деньги обратно, банк конечно не сможет удовлетворить эти требования и потерпит крах.

Однако обычно таких массовых требований не бывает: сплошь и рядом случается, что один какой-либо вкладчик берет полностью свои деньги с текущего счета, но зато другие вкладчики вносят те же или несколько большие или меньшие суммы на свои текущие счета. Конечно всегда возможно, что поступления по текущим счетам окажутся меньшими, чем изъятие денег с текущих счетов. На этот случай банк всегда имеет *резервы денежной наличности*, за счет которых и покрывается эта разница. Далее банк обычно ведет осторожно свои активные операции, и эта осторожность заключается в том, чтобы, во-первых, часть активов могла быть в любой момент реализована (например путем продажи акций и облигаций), а другая часть была бы таким образом ссужена капиталистам, чтобы за счет погашения ссуд *ежедневно* притекали бы деньги в банк.

Допустим, что полученные по текущему счету 1 млн. руб. распределены по активам следующим образом: 100 тыс. руб. имеются в кассе, 200 тыс. руб. в облигациях (государственных и промышленных) и 700 тыс. ссужены. Погашение же ссуд распределено таким образом, что каждый день поступает в банк по 200 тыс. руб.

Если сразу половина вкладов (что бывает лишь в самых исключительных случаях, например при кризисах) будет потребована у банков, то последний сможет это требование удовлетворить, во-первых, за счет 100 тыс. руб., имеющихся в наличности, 200 тыс. руб., полученных от продажи облигаций, и 200 тыс. руб., полученных в счет погашения ссуд. Тем самым, как говорят, банк ликвидировал свои обязательства или активы банка оказались *ликвидными* (отсюда выражение: «ликвидность банка»). Если же, например, излишек требований над поступлениями по текущим счетам выразился только в 200 тыс. руб.,

то банк может это требование удовлетворить за счет одних погашенных ссуд или частично за счет продажи облигаций. Если этот излишек выразится в 100 тыс. руб., то банк сможет удовлетворить это требование за счет погашения ссуд, а оставшиеся 100 тыс. руб. вновь выдать в ссуду. Если наконец поступления по текущим счетам на 200 тыс. руб. больше требований, то банк может увеличить размер своих ссуд на 150 тыс. руб., а на 50 тыс. руб. увеличить свою резервную наличность или портфель своих облигаций.

Банковская политика заключается в том, чтобы получить максимум прибыли на собственный капитал банка при сохранении такого равновесия между активами и пассивами, при котором возможные требования вкладчиков, т. е. обязательства, могут быть удовлетворены. Очень важно для банковской политики — это учесть возможные колебания депозитов и в соответствии с этим строить свои активы. Следовательно, чрезвычайно большое значение для банка имеет *стабильность*, т. е. устойчивость депозитов. Зная свою клиентуру и ориентируясь в общей хозяйственной конъюнктуре, банк приблизительно учитывает возможные колебания своих текущих счетов, а если учет неправилен и если должники банка не выполняют своих обязательств в установленные сроки, то неизбежно банкротство, что очень часто и имеет место на практике.

§ 12. Можно сказать так: от *коэффициента стабильности депозитов*, т. е. более или менее устойчивого закрепления вкладов за банком зависит характер вложения этих средств банком в активы. Если мы возьмем всю массу аккумулированных депозитов в целом (т. е. включая срочные и бессрочные вклады), то известная их часть всегда остается неподвижной или абсолютно стабильной. Другая часть отливает в течение известных сезонов (например перед реализацией урожая), но в течение других сезонов более или менее длительно (примерно на 2—3 месяца) закрепляется за банком; эту часть мы можем считать *временно* или *относительно* стабильной. Наконец третья часть постоянно колеблется из недели в неделю и даже изо дня в день — эту часть мы назовем *флюктуирующей* (непрерывно колеблющейся) частью депозитов. Дать какие-либо общие нормы распределения депозитов по этим трем частям нет никакой возможности, ибо процентное отношение этих частей зависит от многообразных условий, при которых функционирует тот или иной банк. С прогрессом капитализма постоянно происходит общее нарастание остатков сумм на депозитах и меняются пропорции между этими частями, но то, что эти части существуют, знает каждый банковский практик, который не может не считаться с годовыми, месячными, недельными и дневными колебаниями своих депозитов.

Наиболее стабильную часть депозитов банк может использовать для наиболее *долгосрочных* кредитных операций, например для *вложения* в *основной капитал* (постройка фабрик, приобретение машин, производство сельскохозяйственных мелiorаций, т. е. мер по улучшению почвы); менее стабильную часть депозитов можно бросить на кредитование *оборотного капитала* предприятий, например для сезонной закупки сырья или найма новой рабочей силы. Наконец флюктуирующая часть депозитов может быть без риска вложена лишь в такие опера-

ции, которые гарантируют быстрый и главным образом изо дня в день возобновляющийся приток средств в банк, что возможно например при кредитовании торговли, т. е. процесса обращения. Но эту часть средств можно также временно вкладывать и в наиболее устойчивые ценные бумаги, как например государственные облигации или акции и облигации наиболее солидных промышленных предприятий. Как мы увидим ниже, для кредитования торговли, т. е. товарного обращения, банк имеет еще и другой источник средств, помимо аккумулированных. Поэтому значительная часть последних может идти на кредитование производства, что обычно называется *капитальным финансированием* (или просто финансированием).

§ 13. Теперь для нас ясно, почему банк в состоянии платить проценты по текущим счетам и срочным вкладам: суммы, собранные этим путем, он превращает в ссудный капитал, который приносит ему проценты. Прибыль же банка составляет из разницы между платимыми им процентами по пассивам и получаемыми процентами по активным операциям. Для нас теперь ясно также и то, каким образом депозиты чисто денежного происхождения (т. е. кассового характера), а именно текущие счета, банк превращает в ссудный капитал и финансирует за их счет производство. Для вкладчика текущий счет всегда есть наличность. С общественной же точки зрения вся масса текущих счетов представляет собою наличность лишь в самой незначительной сумме, а именно в сумме *кассовых резервов банка*. Таким образом банк, аккумулируя депозиты, выполняет общественную функцию превращения денег в капитал. Ведь деньги, «праздно» лежавшие в кассах частных предпринимателей при отсутствии банка, были бы не чем иным, как неиспользованной покупательской силой, следовательно в обществе оставался бы *неиспользованный, материальный фонд*. Банк же этот мертвый материальный фонд превращает в капитал. Следовательно при посредстве банковского кредита не только сокращается объем наличных денежных резервов, но вместе с тем ускоряется, активизируется процесс общественного воспроизводства — сумма материальных фондов, находящаяся вне движения, сводится таким образом к минимуму.

Что же представляют собою те огромные суммы депозитов, которые публикуются банками, например свыше 50 млрд. долл. (100 млрд. руб.), числящихся в настоящее время на депозитах банков САСШ? Для вкладчиков это наличность, — деньги. Однако, по существу, подобно тому как бумажные деньги являются не деньгами, но представителями действительных денег — золота, так и аккумулируемые банками депозиты не являются наличным денежным капиталом (например кассой предприятия), но суть представители действительного капитала, функционирующего в процессе общественного воспроизводства. Сами по себе депозиты являются фиктивными, т. е. не существующими деньгами и фиктивным капиталом, но как титул (знак) собственности выражают собою действительный капитал. Депозиты с этой точки зрения аналогичны ценным бумагам (акциям, облигациям, закладным листам): и те и другие являются формами фиктивного капитала, который является *всеобщей организационной формой* современного финансового капитализма.

Сумма номинально существующего фиктивного капитала всегда значительно больше суммы действительного капитала, который выражен в этом фиктивном капитале. Так, допустим, что на 3 млрд. руб., находящихся на текущих счетах, банки купили акций и облигаций. Эти 3 млрд. фигурируют в виде фиктивного капитала в сумме 12 млрд. руб., а именно: 1) 3 млрд. как наличность на балансах предприятий, организаций и частных лиц, 2) 3 млрд. как депозиты в банках, 3) 3 млрд. в акциях и облигациях, 4) 3 млрд. на балансе акционерного общества. Поскольку аккумулированные депозиты в большей своей массе не деньги, но фиктивный капитал, постольку очевидно, что рост массы депозитов не находится в прямой связи с массой имеющихся в стране денег. Мы уже знаем, что при наличии определенной скорости обращения денег одна и та же сумма денег может породить множество депозитов. Поэтому вполне возможно возрастание суммы депозитов при неизменной массе денег в стране.

Литература.

- 1) Проф. *З. С. Каценелсбаум*, Учение о деньгах и кредите, ч. 2-я, гл. VII.
- 2) *Бухвальд*, Техника банковского дела.
- 3) *Цыпин*, Основные банковские операции.
- 4) *Вейцман*, Банковское счетоводство в связи с банковской техникой, изд. 3, М. 1923.
- 5) *Ф. Н. Михалевский*, Этюды по теории кредита. Журнал «Под знаменем марксизма», № 6—7 за 1924 г.
- 6) *И. А. Трахтенберг*, Современный кредит. М. 1929.
- 7) *З. Атлас*, К теории банковского кредита, журн. «Под знаменем марксизма», № 6 и 7—8 1929 г.
- 8) *Е. Энтгейн*, Банковое дело. Лекции, изд. 3, М., 1913.
- 9) *А. Вебер*, Депозитные и спекулятивные банки. М. Л. 1928.
- 10) *G. V. Schulze-Gaewernitz*, Die deutsche Kreditbank.
- 11) *G. Obst*, Das Bankgeschäft, I и II Т.
- 12) *Jaffé*, Das englische Bankwesen. 1924.
- 13) *К. Реннер*, Теория капиталистического хозяйства, М. 1928.
- 14) *К. Диеhl*, Theoretische Nationalökonomie, III Bd., 1922.

Вопросы для повторения.

- 1) Что такое банк?
- 2) Создает ли банк капитал?
- 3) В чем фетишизм банковского баланса?
- 4) Дайте общее определение пассивным и активным операциям.
- 5) Какие два основных фонда банковского кредитования следует различать?
- 6) Какие виды депозитов различаются?
- 7) В чем основной принцип банковской политики и что такое ликвидность банка?
- 8) Какое значение имеет стабильность депозитов?
- 9) Почему депозиты являются фиктивным капиталом?

ПАССИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ БАНКОВ. ЭМИТИРОВАННЫЙ ФОНД БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ.

§ 1. Формы банковской эмиссии средств обращения. § 2. Акцепт-аваль. § 3. Банкнотная эмиссия. § 4. Кредит и кризисы. § 5. Депозитно-чековая эмиссия. § 6. Взаимозависимость между активными и пассивными операциями. § 7. Какие банки являются эмиссионными?

§ 1. Функция аккумулярованных депозитов заключается в превращении денег в ссудный капитал, а последнего — в производительный капитал. Иную роль играют *эмитированные фонды банковского кредитования*. Банк может не только привлекать деньги из обращения, но и бросать в обращение новые, создаваемые им самим, на основе коммерческого кредита, денежные знаки — кредитные деньги. Такого рода «создание» денежных знаков называется банковской эмиссией, которая также служит источником банковского кредитования, как и аккумулярованный фонд. Банк может эмитировать средства обращения в трех основных формах: 1) *акцепта*, 2) *банкноты*, 3) *депозита-чека*. Проанализируем вкратце все эти формы. В главе XX мы уже познакомились с функцией банков как посредников в процессе коммерческого кредита. Мы показали, что сущность денежного кредита банков заключается в замене одних кредитных денег (коммерческих) другими (банковскими). Но эта замена имеет чрезвычайно существенное значение: во многих случаях без вмешательства банка частные кредитные деньги-векселя не могли бы функционировать как средства обращения, ибо не всякий согласится брать вместо денег векселя. Если же банк *гарантирует* платеж по этому векселю и если этот банк пользуется доверием всего делового мира, то у продавца нет основания отказаться от этого векселя. С другой стороны, если этот торговец в свою очередь выступит в качестве покупателя, то второй продавец также не откажется от этого векселя и т. д. Вексель таким образом приобретет способность обращаться взамен действительных денег или, иными словами, *приобретет циркуляторную силу* (циркулировать значит обращаться). Эту роль и выполняет *банковский акцепт*.

§ 2. Акцептный кредит заключается в следующем. Коммерсант, пользующийся акцептным кредитом в банке, получает право выставить в пределах известной суммы тратты на банк, которые банк акцептует. Этими траттами коммерсант расплачивается за товар или же получает под них ссуду. К сроку же платежа по векселю тратсант вносит банку-тратсату долговую сумму или, как говорят на банковском языке, «покрытие», и банк оплачивает этот вексель. Таким образом при банковском акцепте, во-первых, платеж совершается через банк, и, во-вторых, что самое главное, банк гарантирует этот платеж: если к сроку тратсант не внесет в банк покрытие, то последний должен будет уплатить долговую сумму («валюту векселя») ремитенту из своих средств. Во избежание риска банк выдает акцепты либо наиболее солидным фирмам, либо при открытии акцептного кредита требует внесения частичного покрытия. Сущность акцепта в гарантирующей

надписи банка, поэтому нет большой разницы между акцентом и так называемым *авалем*, когда банк только гарантирует платеж, но уплата толговой суммы производится непосредственно либо векселедателем (при простом векселе), либо трассатом — не банком (при переводном векселе). И акцент и аваль являются формами *гарантийного кредита* наряду с *гарантийными письмами*, практикующимися в коммерческом обороте СССР.

Можно ли рассматривать акцентные операции банков как эмиссионные, т. е. выдачу банком акцептов как эмиссию средств обращения? Если только благодаря банковскому акцепту вексель приобретает циркуляторную силу, то ясно, что банковский акцент равносителен созданию средств обращения. Однако это создание уже было подготовлено и целиком обусловлено *коммерческим кредитом*, а именно векселями, которые возникли при коммерческом кредите. *Таким образом, банковская эмиссия в акцентной форме не есть создание новых денег, но такое превращение формы уже существующих кредитных денег, при котором расширяются возможности циркуляции последних как средств обращения.*

§ 3. Аналогичную функцию выполняет и *банкнотная эмиссия*. Учитывая вексель, банк выдает вместо векселя свое собственное обязательство — банкноту.

«Банкнота есть не что иное, как вексель на банкира, по которому предъявитель во всякое время может получить деньги и которым банкир замещает частные векселя» (*Маркс*).

Однако существенная разница между банкнотой и акцептом в том, что по акцептованному векселю банк обязуется уплатить наличными деньгами *через известный срок*, а по банкноте — *немедленно по предъявлении*. Впрочем банку, если не произошла инфляция (о чем ниже), редко приходится платить по банкноте золотом. Банкнота циркулирует как средство обращения, а эту функцию, как мы знаем, как раз и могут выполнять номинальные заместители денег. Поэтому-то могут обращаться не только разменные на металл банкноты, но и неразменные банкноты. Но если их выпущено избыточное количество сверх того, что требует обращение, т. е. сверх той массы кредитных денег, которая возникла в связи с коммерческим кредитом, то такого рода банкноты, конечно, могут обесцениться, ибо будут замещать в обращении меньшее количество золота, чем то, которое на них значится.

В прежнее время, в первой половине XIX в., обращение векселей со множеством надписей или с банкирскими акцептами было чрезвычайно широко распространено. В настоящее же время не только вообще значительно сократился вексельный кредит, но и акцептованные банками векселя не бросаются в обращение, но большей частью учитываются в других банках, в частности в Центральном банкнотно-эмиссионном банке. В этом случае мы уже не можем собственно рассматривать акцент как форму эмиссии средств обращения, но лишь как подготовительный акт этой эмиссии, поскольку обращаются не непосредственно акцептованные векселя, но полученные взамен их банкноты.

Банкноты как средства обращения имеют огромные преимущества

по сравнению с акцентами (так для краткости мы называем акцептованные банком векселя). Векселя, возникающие в сфере оптовых сделок, всегда выписываются на крупные суммы, в то время как промышленнику необходимо производить текущие ежедневные платежи по оплате рабочей силы, сырья и пр. *дробными суммами*. Когда же взамен акцепта производитель получает сумму банкнот, которые в свою очередь можно разменять на мелкие денежные знаки, то в этой форме кредитные деньги приобретают уже полную силу денежных знаков. Кроме того акценты отличаются от банкнот тем, что в настоящих условиях эмиссия банкнот опирается на правительственный авторитет, и банкноты если не всегда по закону, то почти всегда на деле являются *обязательными к приему денежными знаками*, т. е. всеобщими *платежными средствами*. Таким образом хотя банкнота представляет собою превращенную или развитую форму кредитных денег, но это развитие формы имеет чрезвычайно существенное значение, ибо оно приводит к превращению *частных* кредитных денег (векселей) в *общественные* кредитные деньги (банкноты).

§ 4. Превращение векселя в банкноту есть один из моментов превращения частного труда в общественный. *Поскольку же при кризисах товары оказываются перепроизведенными и, следовательно, частный труд не может превратиться в общественный труд, постольку в эти периоды и векселя не могут превратиться в банкноты*. При кризисах рушится коммерческий кредит, векселя не погашаются и банкноты, выданные взамен их, не возвращаются в банк. Цены товаров падают, а следовательно, обесцениваются и частные кредитные деньги — векселя. Поскольку же платеж по векселю не может быть гарантирован, постольку и банк не может заменять эти векселя своими банкнотами, ибо в противном случае банк (если банкноты разменны на металл) не смог бы выполнить и своих обязательств по банкнотам (т. е. уплатить за них металлом). Поэтому при поверхностном взгляде кажется, что кризис есть результат эмиссионной политики центрального банка, который лишает возможности владельцев векселей получить взамен их банкноты. Но это совершенно неверно: не потому происходит кризис, что банк свертывает эмиссию банкнот, но наоборот это свертывание происходит уже после того, как вследствие диспропорциональности общественного производства наступил кризис. Последний же означает не что иное, как разрыв между частным и общественным трудом: *невозможность превращения векселей в банкноты есть не что иное, как внешняя форма проявления этого разрыва, т. е. невозможности превращения частного труда в общественный труд (овеществленный в деньгах)*. Та или иная эмиссионная политика может, правда, усилить или ослабить кризисы, но никакая банковская политика не в состоянии устраним кризисы, которые происходят независимо от банков, в силу внутренние присущих капитализму противоречий.

Вообще банковский кредит не только не устраняет диспропорций общественного производства, но наоборот содействует более быстрому и резкому проявлению этих диспропорций, следовательно приближает и усиливает кризис; именно та внезапность, с которой обрушивается

кризис, отчасти может быть приписана действию кредита, ибо банки до известной точки с полным успехом при помощи своей кредитно-денежной эмиссии замазывают те диспропорции, которые уже налицо. Удаляя производство от потребления и вообще предложение от действительного спроса, антиципируя (предвосхищая) ту реализацию, которая в действительности уже не может быть совершена, развивая капитализацию, хотя капитал уже в избытке, — банковский кредит тем самым поддерживает иллюзии высокой конъюнктуры и максимального подъема как раз в тот момент, когда червь капиталистической анархии уже успел подточить капиталистическую систему и сделал абсолютно необходимым взрыв его противоречий (кризис). Это с полнейшей очевидностью подтвердил также и для нашей эпохи новейший американский кризис 1929 г.

Однако когда пропорциональность производства насильственно восстановлена кризисом, то новый экономический подъем приводит к росту коммерческого кредита, и поскольку «дела идут в гору» и все обстоит благополучно, векселя могут беспрепятственно превращаться в банкноты и *товарное обращение расширяется независимо от металлургической границы (т. е. границы наличных в обществе настоящих денег — золотых)*. Метаморфоз товара совершается, как мы показали, в кредитной форме (в данном случае в форме банкнот), без наличных золотых денег.

§ 5. Но акцепты и банкноты не являются единственными формами банковской эмиссии средств обращения. Ту же функцию выполняет и депозитно-чековая эмиссия, суть которой сводится к следующему. Вместо того, чтобы выдавать акцепты или банкноты взамен частных векселей, банк может открыть чековый текущий счет и циркуляция акцептов или банкнот будет заменена циркуляцией чеков на основе внутри- и междубанковского жирооборота. При этом коммерческий кредит в данном случае (так же как и при банкнотах) может обойтись одними текущими счетами и чеками, даже без векселей.

Маркс дает отчетливое описание эмиссии средств обращения в депозитной форме. «До сих пор, — говорит Маркс, — мы предполагали, что ссуды выдаются в банкнотах, следовательно, влекут за собой по крайней мере временное, хотя тотчас же вновь исчезающее увеличение выпуска банковых билетов. Но это не представляет необходимости. Вместо выдачи бумажных билетов банк может открыть лицу *A* кредит по своим счетам, причем *A*, должник банка, становится его мнимым вкладчиком. Он платит своим кредиторам чеками на банк, а получатель этих чеков в свою очередь платит ими своему банкиру, который обменивает их в расчетной палате на чеки, выданные на него. В этом случае дело обходится тем, что для банка требования, которые он должен исполнить, покрываются чеками на него самого» (Маркс).

Поясним это примером. Возьмем тот идеальный случай коммерческого кредита, который мы рассматривали в XX главе. Допустим, что *A*, *B* и *C* являются клиентами одного и того же банка. Банк открывает *B* текущий счет на 1 тыс. руб. Следовательно *B* приобретает право выписывать на банк чеки в пределах 1 тыс. руб. В то же время эта 1 тыс. руб. записывается в актив банка как долг *A* (по

счета «дебиторов»). Располагая текущим счетом в 1 тыс. руб., *B* теперь не имеет надобности покупать у *A* товар в кредит, но платит ему «наличными», т. е. чеком на банк: 1 тыс. руб. списываются с текущего счета *B* и записываются на текущий счет *A*. Последний в наличных деньгах не нуждается: ему нужны эти 1 тыс. руб. не для сокровища, но для продолжения производства, т. е. как покупательское средство. При покупке у *C* товара на 1 тыс. руб., *A* расплачивается с ним опять-таки чеком на свой текущий счет в банке. 1 тыс. руб. теперь списываются с текущего счета *A* и записываются на текущий счет *C*. Наконец *C*, покупая на 1 тыс. руб. товаров у *B*, платит ему эту сумму чеком на свой текущий счет. 1 тыс. руб. опять списываются с текущего счета *C* и записываются на текущий счет *B*. Таким образом восстановилось то положение, которое было исходным пунктом наших рассуждений: *B* имеет в банке текущий счет на 1 тыс. руб. и, следовательно, эту сумму ему должен банк, и ту же сумму сам *B* должен банку. Если у *B* нет надобности в закупке новой партии товаров, то он своим текущим счетом погашает свою задолженность банку.

На балансах банка и его клиентов весь этот оборот будет записан следующим образом.

1) *A*, *B* и *C* имеют капитал в товарах на 1 тыс. руб. Банк открывает *B* текущий счет:

Актив	Банк		Пассив
Долг <i>B</i>	1 000 руб.	Текущий счет <i>B</i> . . .	1 000 руб.
Актив	Клиент <i>B</i>		Пассив
Товарные ценности	1 000 руб.	Капитал	1 000 руб.
Текущий счет в банке . . .	1 000 »	Долг банку	1 000 »

2) *B* покупает у *A* товаров на 1 000 руб. и расплачивается чеком на банк, который списывает эти деньги с текущего счета *B* и записывает на текущий счет *A*:

Актив	Банк		Пассив
Долг <i>B</i>	1 000 руб.	Текущий счет <i>A</i> . . .	1 000 руб.
Актив	Клиент <i>B</i>		Пассив
Товарные ценности	2 000 руб.	Капитал	1 000 руб.
		Долг банку	1 000 »

3) *A* покупает у *C* товаров на 1 000 руб. и расплачивается чеком на банк:

Актив	Банк		Пассив
Долг <i>B</i>	1 000 руб.	Текущий счет <i>C</i> . . .	1 000 руб.
Актив	Клиент <i>B</i>		Пассив
Товарные ценности	2 000 руб.	Капитал	1 000 руб.
		Долг банку	1 000 »

Актив	Клиент <i>A</i>		Пассив
Товарные ценности	1 000 руб.	Капитал	1 000 руб.

Актив	Клиент <i>C</i>		Пассив
Текущий счет в банке . . .	1 000 руб.	Капитал	1 000 руб.

4) Наконец *C* покупает у *B* товаров на 1 тыс. руб. и расплачивается чеком на банк, а *B* погашает этим чеком свой долг банку. Балансы *A*, *B* и *C* принимают свой первоначальный вид, а именно: у всех имеется в активе «товаров» на 1 тыс. руб. и в пассиве «капитал» на те же 1 тыс. руб.

Хотя здесь не функционировали ни векселя, ни акцепты, ни банкноты, но результат оказался тот же: совершилась реализация, т. е. процесс товарного обращения в кредитной форме, а объем функцио-

нирующего капитала у всех капиталистов остался без изменения. Кредит, оказанный банком капиталисту *B*, оказался лишь средством товарной реализации, заменив собою функционирование как действительных денег, так и прочих форм кредитных денег. Но подобный оборот возможен только в том случае, если обязательства *A*, *B* и *C* могут взаимно погашаться посредством банковского жирооборота и если *A*, *B* и *C* совершают сделки только друг с другом. Если же, например, *A* нужны были бы эти 1 тыс. руб. для расплаты с рабочими, то он потребовал бы от банка уплаты денег по текущему счету *наличными*. Но поскольку банк эмитировал этот текущий счет, не имея наличных, постольку ясно, что он не мог бы выполнить этого требования.

Таким образом банковская эмиссия текущих счетов возможна лишь постольку, поскольку этими текущими счетами пользуются только для жирооборота и не требуют наличных денег. Это же возможно в том случае, если подобная эмиссия обслуживает лишь сферу *товарного обращения* и не служит источником финансирования производства, т. е. капитального кредита. В противном случае если банк вовремя не изменит своей политики и не получит подкрепления денежных резервов у других банков или за счет реализации своих собственных активов, неизбежен крах банка. Значительно большей эластичностью (растяжимостью) обладает банкнотная эмиссия. Поскольку банкноты сами представляют собою наличность и без труда могут размениваться на мелкие денежные знаки, постольку за счет банкнотной эмиссии может обслуживаться не только кредитование товарного обращения как такового, но и финансирования производства (например наем новой рабочей силы). Однако, если количество выпущенных банкнот превысит потребности товарного обращения (сумму реализуемых товарных цен, деленную на число оборотов денежных знаков), постольку при неразменных банкнотах неизбежна более или менее длительная инфляция, а при разменных банкнотах возврат избыточных банкнот в банк путем обмена их на золото.

Нормально общий объем банковской эмиссии во всех ее формах не должен превышать по своему денежному номиналу стоимости той массы золота, которая при отсутствии этой эмиссии потребовалась бы для обращения. В этих пределах и возможна, и необходима для капитализма банковская эмиссия средств обращения. Но в силу анархичности капиталистического строя и невозможности контролировать банковскую эмиссию, указанный предел эмиссии сплошь и рядом нарушается, что приводит к инфляции.

Таковы формы и функции банковской эмиссии средств обращения. Как мы убедились, природа этого фонда кредитования качественно отлична от аккумулированного фонда. Анализ этих двух фондов дает нам возможность разрешить спорный в банковской литературе вопрос о связи активных и пассивных операций.

§ 6. Одно направление, которое до последнего времени было господствующим, считает, что пассивные операции определяют или обуславливают собой активные операции. С этой точки зрения банк может ссужать только те деньги, которые он получил от вкладчиков. Другое

же направление, которое чем дальше, тем больше завоевывает господствующее положение в современной буржуазной литературе, стоит на противоположной точке зрения. Экономисты этого направления считают, что активные операции определяют собою пассивные, что банк сам, открывая текущие счета клиентам, своими активными операциями создает те средства (в пассиве), которые он им ссужает (см. критику этих взглядов в главе XXVIII).

Нельзя сказать, что объем пассивных операций банка обуславливает собою его активные операции, как нельзя сказать обратного. Часть активов, опирающаяся на аккумулированный фонд, действительно обусловлена объемом этих пассивов, т. е. аккумуляцией денежных средств. Другая часть активов имеет своим источником эмитированный фонд, т. е. фонд, созданный банком в процессе его активных операций. Следовательно объем этой части активов не обуславливается объемом пассивов, но, наоборот, обуславливает этот последний в пределах объективно возможной и необходимой их эмиссии. Итак в одних случаях приус (первенство) за активами, в других — за пассивами.

Значение или удельный вес обоих фондов банковского кредитования различны для различных банков. Одни банки располагают большими аккумулированными фондами и могут поэтому широко развивать *капитальное кредитование* (финансирование); другие банки, обслуживая по преимуществу кредитование товарного обращения, широко пользуются *эмитированными фондами*; наконец для третьих *аккумуляция* и *эмиссия* имеют примерно равное значение (таковы, например немецкие депозитные банки).

§ 7. Поскольку банковская эмиссия средств обращения не сводится только к эмиссии банкнот, постольку, следовательно, нет основания считать «эмиссионными банками», как это принято в литературе, только банки, эмитирующие банкноты. *Эмиссионными банками являются также и так называемые депозитные* или «коммерческие» или «торгово-промышленные» банки. Разница между ними и так называемыми «эмиссионными банками» лишь в *формах самой эмиссии*. Поэтому следует различать не эмиссионные и депозитные банки, но *банкнотно-эмиссионные и депозитно-эмиссионные банки*. Более того: эмиссией занимаются и частные кредитные посредники в том случае, когда акцептованные ими векселя непосредственно функционируют как средства обращения. Однако в современном капитализме главнейшими формами эмиссии являются банкнотная и депозитная, а также отчасти акцептная эмиссия, но не частных банкиров, а крупнейших депозитных банков.

В различных странах в зависимости от того, в какой мере закон допускает эластичность банкнотной эмиссии, приобрел большее или меньшее значение тот или иной вид эмиссии. Так например в Англии, где закон не допускал никакого расширения банкнотной эмиссии сверх золотых запасов, превалирующее значение приобрела депозитно-чекочная форма банковской эмиссии. Но банковская эмиссия средств обращения в тех или иных формах всегда имеет место: рост производства требует соответственного роста обращения, и это достигается за счет расширения банковской эмиссии средств обращения.

Литература
(см. главу XXIII).

Вопросы для повторения:

- 1) Назовите основные формы банковской эмиссии средств обращения.
- 2) Что такое акцепт-аваль и почему в этой форме может осуществляться банковская эмиссия средств обращения?
- 3) В чем преимущества банкнотной формы эмиссии по сравнению с акцептной?
- 4) Почему банк сокращает банкнотную эмиссию во время кризисов?
- 5) Охарактеризуйте депозитно-чековую форму эмиссии средств обращения?
- 6) Какова общая граница эмиссии средств обращения во всех их формах и почему эта граница нарушается?
- 7) Можно ли сказать, что пассивные операции обуславливают активные или наоборот?
- 8) Можно ли считать коммерческие или депозитные банки эмиссионными?

ГЛАВА XXV.

АКТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ БАНКОВ.

- § 1 Классификация активных операций. — § 2. Торговые операции. — § 3. Комиссионные операции. — § 4. Вексельные операции. — § 5. Учет книжный злисей. — § 6. «Классическое создание денег» по Бендиксену. — § 7. Подтоварные ссуды. — § 8. Операции с ценными бумагами. — § 9. Биржевые спекулятивные операции. — § 10. Финансирование биржевой спекуляции. — § 11. Бланковый контокоррентный кредит. — § 12. Границы банковского кредита.

§ 1. Мы уже знакомы с строением банковских пассивов или фондом банковского кредитования. Теперь нам необходимо познакомиться с конкретными формами банковского кредитования и проследить, каким образом банк реализует свои кредитные фонды в процессе своих активных операций. Различные виды активных операций банка отличаются друг от друга по характеру обеспечения, формам погашения, срочности и прочим формально-юридическим и банковско-техническим моментам. Но мы здесь познакомимся только с теми формальными и техническими моментами активных банковских операций, которые существенны с экономической точки зрения. При учете двух моментов — характера залога и условия погашения ссуд — все активные банковские операции могут быть классифицированы следующим образом:

Характер залога	Условия погашения
<i>I. Вексельные</i>	а) учет, в) срочная ссуда, с) онкольная ссуда
<i>II. Подтоварные:</i> включая ссуды под товарные документы	а) срочная ссуда, в) онкольная ссуда, с) товарный аккредитив
<i>III. «Эффективные»</i> или «фондовые»	а) срочная ссуда, в) репорт, с) онкольная ссуда, д) покупка и продажа ценных бумаг
<i>IV. Бланковые</i> (беззалоговые)	а) срочные, в) онкольные (контокоррент)

Прежде чем перейти к рассмотрению каждой из перечисленных групп активных операций в отдельности, мы должны заметить, что банки наряду с основными для них кредитными операциями занимаются также и другими операциями, не являющимися кредитными, но обычно так или иначе связанными с этими последними. Такими побочными операциями являются:

а) *торговые* и б) *комиссионные* операции.

§ 2. Банки иногда покупают и продают товары крупными партиями и, следовательно, в этом случае выступают как обычные *торговцы товарами*. Однако эта операция вполне справедливо считается чуждой функциям банков и широкого развития не получила. Но нередко банк *вынужден* торговать товарами, а именно в том случае, когда должник, получивший ссуду под залог товаров, не погасил таковой, и заложенные товары переходят в собственность банка. Гораздо большее значение имеет для банков торговля не товарами, но деньгами как таковыми, а именно: *золотом и иностранной валютой*. По существующему рыночному курсу в *иностранном отделе* банка всегда можно купить и продать (конечно банк продает несколько дороже, чем сам покупает) иностранную валюту. Что же касается покупки и продажи *эффектов* или «фондов» (когда слово «фонд» мы ставим в кавычки, то понимаем этот термин в коммерческом смысле, а именно как ценные бумаги, приносящие доход), то эта операция по существу является кредитной (поскольку эффекты суть кредитные документы) и будет рассмотрена нами ниже.

§ 3. К *комиссионным операциям* в широком смысле относятся такие коммерческие операции, которые банк производит по поручению и за счет третьих лиц. Сюда относятся: 1) *товарно-комиссионные*, 2) *валютно-комиссионные* и 3) *комиссионная покупка и продажа ценных бумаг*. В этих случаях банк производит покупку и продажу товаров, валюты и эффектов по поручению своих клиентов, за что получает комиссионное вознаграждение. Далее банк производит следующие операции: 4) *денежно-переводные*, 5) *инкассовые* и 6) *товарно-аккредитивные*. При посредстве банка можно перевести деньги в любой город мира. Крупные банки различных государств обычно находятся друг с другом в *корреспондентских отношениях*, т. е. в таких отношениях, когда один банк выполняет поручения другого банка и обратно. Так московский банк *А*, будучи корреспондентом лондонского банка *В*, выплачивает по поручению последнего денежные суммы, а лондонский банк *В* делает то же самое по поручениям московского банка. Для учета этих операций банки ведут *корреспондентские счета* [свои поручения банк записывает в счет корреспондентов *Nostro* (наши), а поручения своего корреспондента в счет корреспондентов *Loro* (их)], периодически уплачивая друг другу *сальдо* этого счета. Благодаря корреспондентской системе банки могут совершать денежные переводы, не пересылая фактически денег. Особой формой денежного перевода является *денежный аккредитив* — специальный бланк, на котором указывается внесенная клиентом в банк денежная сумма и по которому клиент может получить деньги в любых *филиалах* (отделениях) банка или у его корреспондентов. При выдаче денег по денежному аккре-

диту на последнем делается соответствующая пометка или отрезается купон. Банки обычно берут скромное комиссионное вознаграждение за денежно-переводные операции, совершая эти операции для удобства своих клиентов, с одной стороны, и для привлечения вкладов, с другой, поскольку принятые для перевода суммы фактически не отправляются и, следовательно, образуют вклад в банке.

Инкассовая операция заключается в выполнении поручений клиентов по получению причитающихся последним денежных сумм. Принимая от клиентов «на инкассо» (т. е. для получения денег) *векселя, чеки, транспортные документы* и т. д., по которым должны поступить платежи большей частью в других городах, банк отправляет эти документы своим филиалам или корреспондентам, которые, получив деньги, «инкассируют» их банку, а банк выдает деньги своим клиентам.

Товарно-аккредитивная операция в чистом виде заключается в следующем. Купив товар в другом городе, купец поручает банку перевести деньги продавцу и получить от последнего транспортные документы. Получив деньги от этого купца, банк посылает письмо (аккредитив) своему корреспонденту (или выдает этот товарный аккредитив на руки купцу) об уплате данной денежной суммы продавцу товара и получении от него транспортных документов, каковые и отправляются банку, а затем передаются купцу-клиенту. Но большую часть транспортных аккредитивов выдают без взноса денег, каковые записываются в долг и погашаются купцом-клиентом при получении им товара или товарных документов. Поэтому обычно товарно-аккредитивная операция является не только комиссионной, но одновременно и кредитной операцией. В области международной торговли товарно-аккредитивная операция, связанная с акцептной операцией и интервалютарными (валютно-курсовыми) расчетами, называется *рамбурсным кредитом*. Кроме всех указанных операций банки выполняют также для своих клиентов и ряд других побочных операций, как например хранение ценностей в сейфах, управление депонированными ценными бумагами (проверка выигршей, инкассирование купонов) и пр.

§ 4. Анализ активных банковских операций начнем с *вексельных операций*, ведение которых в банках обычно возлагается на специальные вексельные отделы. Учет векселей есть покупка векселей (обычно краткосрочных) банком. Коммерсант ставит на векселе переуступочную надпись в пользу банка, а банк оплачивает клиенту валюту векселя или, выражаясь юридически, «досрочно освобождает валюту векселя». Уплачиваемая сумма всегда меньше валюты векселя, так как из последней банк вычитывает проценты по существующей норме с момента учета векселя до истечения его срока.

§ 5. К учету векселей примыкает операция *учета книжных* (долговых) *записей*, отличающаяся от учета векселей только по форме, но не по существу. Вместо долгового свидетельства — векселя, банк в этом случае учитывает долговую запись в книгах купца или промышленника, продавшего товар в кредит и не получившего векселя. Это имеет место большей частью при *поставках* и *подрядах*. При выполнении части подряда или поставки, стоимость поставки товаров или произведенных работ записывается в книгах подрядчика или поставщика,

и эта запись учитывается в банке. Дело, конечно, несколько не изменилось бы в том случае, если бы поставщик на стоимость частично выполненной поставки получил от покупателя вексель и учел бы его в банке.

Наряду с учетом векселей банки также принимают векселя с двумя подписями (векселедателя и бланкописателя) в обеспечение ссуд. Обычно ссуды под обеспечение векселей выдаются не на определенный срок («срочные ссуды»), но *до востребования*. Такие ссуды, выдаваемые также и под иного рода обеспечения или без всякого обеспечения, называются *онкольными* ссудами («on call» — по русски значит «по требованию») или *контокоррентными* (контокоррент — текущий счет) *ссудами*, а в русской практике — *специальными текущими ссудами*. По онкольной ссуде не только банк может в любое время потребовать погашения ссуды от клиента, но и клиент в свою очередь может в любое время полностью или частями погасить свою задолженность. По онколю банки выдают ссуды обычно в размере 70—75% валюты векселей, представленных в обеспечение. Онкольные ссуды под векселя применяются не только при кредитовании банком своих клиентов, но широко распространены при кредитовании одним банком (главным образом центральным банкотно-эмиссионным банком) другого банка. Если какой-либо банк имеет в портфеле на крупную сумму учтенные векселя, то для подкрепления своих кассовых резервов, ввиду усиленных требований клиентов по текущим счетам, он прибегает либо к переучету своих векселей в другом банке (т. е. он вновь учитывает ранее учтенные им векселя), либо к получению *онкольной ссуды* под эти векселя. Последняя форма более удобна для банка, ибо он может в любое время получать необходимые для своих платежей деньги, а свободными деньгами погашать свою задолженность по онколю. Обычно векселя лучшего сорта банки принимают к учету, а по «второсортным» выдают онкольные ссуды в размере указанных 70—75%.

В большинстве банковских руководств можно прочесть, что описанные вексельные операции банков всегда являются *краткосрочными операциями*. Мы же знаем, что срочность ссуды зависит от характера и объекта ссуды. Но можно ли сказать, что *вексельные операции* банков обслуживают только краткосрочный денежный (что обычно и имеют в виду, говоря о краткосрочности этих операций), а не долгосрочный капитальный кредит? Этого ни в коем случае сказать нельзя: купцы и промышленники не только взаимно кредитуют друг друга, но как функционирующие капиталисты нуждаются в увеличении своих капиталов. Эти дополнительные капиталы (необходимые для расширения как оборотного, так и основного капитала предприятия) могут быть получены также и в форме учета векселей или онкольной ссуды под векселя. Ведь векселя являются абстрактными обязательствами, т. е. обязательствами, на которых не указано, каким образом возник долг. Поэтому к учету могут предьявляться не только товарные, но и финансовые и дружеские векселя, ибо банк не имеет возможности контролировать каждый вексель.

Как раз финансовые векселя, акцептированные банками, рассматриваются как наилучший «учетный материал», т. е. охотно при-
нимаются

маются банками к учету. Если же учитывается действительно товарный вексель, то и в этом случае нельзя утверждать, что здесь имеет место ссудно-денежный кредит, и что поэтому банк для этого рода ссуды может эмитировать банкноты или депозиты-чеки. Правда, если вексель товарный, то в этом случае, при учете векселя за счет эмитированного фонда, вступившая в обращение банкнота будет необходима для последнего. Однако ведь один и тот же товар может переходить из рук одного торговца в руки другого и каждый раз будут появляться товарные векселя. Далее вексель может быть выписан, примерно, на 3 месяца, а окончательная реализация товара последует уже через месяц.

Таким образом товар уйдет из обращения, а банкнота останется и, следовательно, окажется избыточной. Итак при наличии возможности выдавать по несколько векселей под один и тот же товар, с одной стороны, и несовпадения срока векселей со сроком действительного обращения товара, с другой, учет векселей не может рассматриваться исключительно как форма ссудно-денежного кредита. Вот почему банки для своих вексельных операций широко прибегают к использованию своих аккумулированных фондов, за счет которых они могут оказывать *ссудно-капитальный кредит*, не увеличивая массы функционирующих средств обращения и, следовательно, не производя инфляции. *С другой стороны, мы видим, что, вопреки мнению английской так называемой «банковой школы», учет товарных векселей все же не страхует банкнотную эмиссию от инфляции.*

§ 6. Известный немецкий экономист *Фридрих Бендиксен* на основе принципов банковской школы построил свою систему «классического» (т. е. идеального) создания денег, которая заключается в том, что деньгами являются исключительно банкноты, и все товарные векселя подлежат обмену на банкноты. Конечно, такие деньги отнюдь не были бы «классическими», ибо обесценение их, как ясно из сказанного, всегда возможно.

Векселя нередко *пролонгируются*, т. е. отсрочиваются, и таким путем краткосрочный вексельный кредит превращается в долгосрочный.

§ 7. К подтоварным ссудам относятся срочные и онкольные ссуды, выдаваемые: а) под залог товаров на складе (банка или клиента), б) товарно-складочных или транспортных документов и в) товарные аккредитивы. Сюда же относятся *«ссуды под товары в обороте»*, когда заложенный товар находится в обороте торгового предприятия, а выручка за этот товар поступает в погашение ссуды. Подтоварный кредит называется также *ломбардным кредитом*, а сдача товара в залог — *ломбардированием* (слово «ломбард» происходит от Ломбардии — названия итальянской провинции, где в средние века широко практиковалась эта операция). Подтоварный кредит играет большую роль при финансировании биржевой товарной спекуляции. При хорошей конъюнктуре оптовым торговцам-спекулянтам выгодно задерживать продажу товара, чтобы получить разницу в ценах. Но так как свободных капиталов они не имеют, то для этого они прибегают к ломбардированию товаров или товарных документов в банке. Таким путем они развивают спекуляцию на повышение цен, ибо, поскольку лом-

бардированные товары снимаются с рынка и этим сокращается товарное предложение, цены неизбежно растут. Когда банк финансирует биржевую товарную спекуляцию за счет эмиссионного фонда, то в этом случае каждый ссуженный рубль будет избыточным средством обращения. Ведь тут деньги бросаются в обращение не потому, что товар вступил в обращение, но как раз наоборот, потому, что *товар выпал из обращения*. Вот почему этого рода кредитование, даже независимо от того, за счет какого фонда оно происходит, оказывает *ценовышающее влияние*. Иное дело — ссуды под транспортные документы, а также товарные аккредитивы. Эти ссуды необходимо являются краткосрочными, ибо они соответствуют сроку действительного движения товара (транспортированию) и не сокращают объема товарного предложения на рынке.

Ссуды под товары и товарные документы большое значение имеют для *финансирования хлебных и сырьевых заготовок*, и для этих целей обычно осенью всегда расширяется *эмиссия банкнот*. При реализации урожая возрастает товарная масса (сумма реализуемых товарных цен) и, следовательно, возможно и необходимо расширение банкнотной эмиссии. Заготовители получают под заготовленное зерно или сырье ссуды, которые погашаются по мере дальнейшего продвижения заготовленных товаров или их окончательной реализации. Здесь по существу подтоварные ссуды заменяют учет товарных векселей. Ведь продавцами товаров в этом случае являются мелкие и мельчайшие производители хлеба и сырья, которые не вовлечены в кредитно-вексельный оборот. Они не получают товарных векселей от заготовителей и поэтому товар, вступивший в обращение, не порождает векселя. Вместо этого банкноты передаются непосредственно заготовителям, а последние расплачиваются с крестьянами наличными. Конечно и здесь возможно, что банкнотная эмиссия, предназначенная для реализации урожая, может оказаться избыточной, если переоценены размеры возможного товарного предложения хлеба и сырья, а заготовители получили банкноты авансом, что обычно практикуется.

Но есть такого рода подтоварные ссуды, которые представляют собой чистую форму ссудно-капитального кредита и следовательно не могут базироваться на эмитированном фонде. Сюда относятся ссуды под такого рода товары, которые еще не готовы к сбыту и по существу находятся еще в процессе производства. Так например *табак* и *вино* должны длительное время оставаться на складе, чтобы «созреть» как продукт. Ясно, что эти товары находятся *вне обращения*, и ссуды под залог этих товаров являются ссудами дополнительного капитала для заемщиков на более или менее длительный срок.

Ссуды под залог товаров никогда не выдаются в размере полной рыночной стоимости этих товаров, но обычно в размере 60—75%, что страхует банк от возможных убытков в результате падения цен, порчи товара и пр.

§ 8. Мы уже знаем, что «эффекты» или «фонды» являются кредитными документами. Ссуженный владельцем ценных бумаг капитал пошел в основной капитал промышленных предприятий, либо, если речь идет о государственных облигациях, на финансирование государ-

ственных предприятий, военных действий и пр. Кто покупает ранее выпущенную организаторами акционерного общества (они называются «грюндерами» от немецкого «основывать») акцию или облигацию, тот становится *кредитором* этого предприятия, перенимая на себя кредиторские права прежнего владельца акции или облигации. Отсюда покупка банком эффектов за свой счет есть не что иное, как финансирование промышленности (или государства). Однако продажей этих эффектов банк может в любое время (если курсы ценных бумаг держатся прочно) переложить это финансирование на чужие плечи. Вся та сумма эффектов, которая в течение длительного периода времени находится в портфеле банка, представляет собою сумму денег, брошенную на капитальное кредитование. Хотя такое кредитование как будто должно базироваться исключительно на аккумулированных фондах и притом на наиболее стабильных, однако на практике банк имеет возможность пользоваться для этого и наименее стабильными фондами и даже эмитированными фондами. В период подъема конъюнктуры растут и цены и прибыли промышленных предприятий. Вследствие этого курсы акций и облигаций также поднимаются. В эти периоды банк без риска может вкладывать резервы своей наличности в эти бумаги, ибо в случае надобности он их сможет немедленно продать по биржевому курсу.

Наряду с портфелем собственных эффектов, депозитные банки всегда имеют на значительные суммы *ломбардированных эффектов*. Ссуды под ценные бумаги, так же как и ссуды под товары, могут быть *срочными* и *онкольными*. Особой, юридически усложненной формой срочной ссуды под залог ценных бумаг, является сделка *репорт-депорт*. Операция репорта заключается в следующем. Банк покупает эффекты (но возможна также репортная сделка и с находящимися в биржевом обороте товарами) у лица X и обязуется продать эти же бумаги тому же лицу через месяц по более высокому курсу. Депорт же — обратное репорту: банк продает бумаги и покупает их через месяц. Заранее обусловленная курсовая разница является процентом, который банк получает от вложения средств в эту операцию. По существу, следовательно, репортная сделка есть срочная ссуда под залог эффектов, а юридически — купля-продажа. Как репорт, так и онкольные ссуды под эффекты, аналогично покупке банком эффектов в собственность, являются формами долгосрочного капитального финансирования промышленности или финансирования государства, городов и пр. Репорт и онколь под эффекты имеют применение в биржевой спекуляции и аналогично подтоварным ссудам стимулируют (поощряют) эту спекуляцию.

§ 9. В биржевой практике различаются два основных вида сделок: 1) *кассовые* сделки, 2) *срочные* сделки. При кассовой сделке покупатель уплачивает наличными полностью стоимость бумаги. При срочной сделке оплата производится в установленный срок, например «*ультимо*» (конец месяца) или «*медιο*» (середина месяца). Срочные сделки в свою очередь бывают четырех родов: а) *сделка по твердому курсу*, когда один продает, а другой покупает бумагу через известный срок по условленному курсу. Если курс будет выше условленного, то вы-

игрывает продавец, если ниже, то разницу выигрывает покупатель и проигрывает продавец. Но обязательно кто-либо из двух — продавец или покупатель — остается в выигрыше или проигрыше. Это и есть чисто спекулятивная «игра на разницу». При этом к моменту ультимо или медио покупатель или продавец могут уплатить только разницу, и таким образом фактически никакой продажи и покупки не совершается. Спекулянт заинтересован не в самой ценной бумаге, но в дифференциальном (разностном) барыше. Это все равно, что пари. Этого рода спекулятивно-биржевое пари оказывает сильное влияние на биржевую конъюнктуру; фиктивные по существу сделки влияют на курс эффектов в сторону повышения или понижения. Очень часто спекулянты искусственно вызывают в своих интересах повышение или падение курса (пускают ложные слухи о положении дел, для чего подкупают прессу, скупают на рынке или, наоборот, бросают на рынок партии ставших объектом спекуляции ценных бумаг и пр.).

Тремя прочими разновидностями срочных сделок являются: б) *сделка с премией*, в) *стеллажная сделка* и г) *кратная сделка*. В первом случае участник сделки может в день ликвидации ее отступить от исполнения, если это ему окажется выгодным, но за это он уплачивает другому участнику сделки заранее определенное вознаграждение («отступное»), называемое *премией*. При стеллажной сделке или просто стеллаже устанавливается продажный и покупной курсы и к моменту ультимо «покупатель стеллажа» может либо поставить по этому курсу ценные бумаги, либо купить их. Отказаться же от сделки нельзя. Формула стеллажной сделки такова: 118/96. Это значит, что данная ценная бумага может быть либо куплена за 96, либо продана за 118. Если курс к ультимо будет средним, то проиграет купивший стеллаж. Стеллажные сделки заключаются тогда, когда спекулянты рассчитывают на резкие курсовые колебания и если их нет, то спекулянты всеми мерами стараются таковые вызвать. При *кратной сделке* покупатель, купив на срок известное количество ценных бумаг, приобретает право к моменту ультимо, если это ему выгодно, потребовать в два или три раза большее количество ценных бумаг. То же право имеет и продавец.

§ 10. Сложные формы азартной биржевой спекулятивной игры дают возможность в короткие сроки одним обогатиться, а другим разориться. Однако сами спекулянты большей частью мало теряют, ибо они «работают» на заемные средства, например банка. Зато огромные массы мелких держателей акций и облигаций оказываются благодаря спекулятивным операциям совершенно разоренными, а за их счет обогащаются биржевые акулы. В этих целях, например, производят искусственное снижение курса, что вызывает панику, и масса мелких держателей, не будучи в курсе дела, продает свои акции и облигации за бесценок. Спекулянты же скупают эти бумаги, затем курс повышается, и таким образом мелкие держатели оказываются экстропрированными. Или же вызывается искусственное повышение курса, по которому спекулянты сбывают свои акции и облигации, а затем курс снижается до нормального уровня, и опять-таки убытки массы

мелких держателей таким путем перекачиваются в карман спекулянтов. Такого рода приемами спекулянты наживают огромные состояния.

Чтобы совершать крупные обороты, спекулянт, благодаря банку, может обладать незначительными собственными средствами. Дело в том, что онкольные ссуды под ценные бумаги банк выдает в размере 70 — 75% их рыночного курса. Таким образом, чтобы купить акций на 40 тыс. руб., спекулянту достаточно иметь 10 тыс. руб.: купив акций на 10 тыс. руб. и заложив их в банке, спекулянт получает 7 500 руб. в ссуду. На эти деньги опять покупаются и закладываются акции и т. д. Особенно повышается спекулятивный спрос на ссуды в ликвидационные дни — ульtimo и медю, когда спекулянтам нужно покрывать курсовые разницы.

При посредстве репорта и онколя банк может влиять на биржевую конъюнктуру. Этими средствами банк широко пользуется в случае выпуска им на рынок новых партий ценных бумаг (так называемая «эмиссия»). Расширяя репорт и онколь под вновь эмитируемые ценные бумаги, банк повышает их курс и получает таким образом учредительский барыш от эмиссии ценных бумаг. Поскольку банк может влиять на биржу (по существу биржа находится под контролем крупнейших банков), постольку *грюндеры* почти всегда пользуются посредничеством банка при выпуске акций. Банк либо за свой счет, либо на комиссионных началах участвует в эмиссии ценных бумаг. Тем самым устанавливается взаимная заинтересованность между банками и *грюндерами-промышленниками*, которая закрепляется также и непосредственным финансированием банками промышленных предприятий. В общем все виды банковских операций с ценными бумагами являются формами финансирования промышленности в первую очередь, и государства — во вторую очередь.

§ 11. Последней формой банковских активных операций является *бланковая и беззалоговая ссуда*. Преимущественно она принимает форму *контокоррентной ссуды*. В отличие от предыдущих видов контокоррента, этот вид контокоррента является «непокрытым» контокоррентом. Эта форма может быть использована как для ссудно-денежного кредита, так и для ссудно-капитального кредита. Первый случай нами рассмотрен в главе XXIV при анализе депозитно-чековой эмиссии. Но в этой же форме может происходить и финансирование: номинально эта ссуда является «онкольной», но банк может не требовать ее погашения не только в течение ряда месяцев, но даже в течение *ряда лет*. Как раз в этой форме по внешней видимости краткосрочного кредита (и таковой она является при ссудно-денежном кредите) чрезвычайно широко, в особенности в Германии, проводится *долгосрочное финансирование промышленности*. И именно этот кредит является универсальной (всеобщей) формой связи банков и промышленности. Если банк «ввязал» свои депозиты в долгосрочное кредитование промышленности в этой форме, то он не может внезапно потребовать погашения контокоррента, ибо таковой фактически не может быть погашен. Поэтому кредитный «нажим» на такого заемщика опасен для банка не менее, чем для самого заемщика. Отсюда укрепление той взаимности

интересов между банками и промышленностью, которая является основой *финансового капитала*, о чем будет речь ниже.

§ 12. Итак мы видим, сколь сложны и многообразны формы активных банковских операций. Основное противоречие всех этих форм заключается в том, что различные по своей экономической природе виды кредита ссудно-денежного и ссудно-капитального, соответствующие совершенно различным функциям банковского кредита, скрываются за одними и теми же конкретными формами банковского кредита. Так и за учетом векселей, и за бланковым контокоррентом, и за подтоварными ссудами может скрываться как ссудно-денежный, так и ссудно-капитальный кредит, как кредитование в оборотные капиталы, так и кредитование в основные капиталы промышленности. Между тем источники кредита, т. е. фонды кредитования, различны для указанных видов кредита. Отсюда возможность и даже необходимость, в силу анархии капиталистического строя вообще, и анархии банковской системы и банковских операций, в частности, такой реализации фондов банковского кредитования, которая не соответствует природе того или иного фонда. Не только относительно-стабильная часть депозитов и их флукутирующая часть, но даже и эмитированные фонды на некоторых этапах промышленного цикла могут бросаться на грюндерство, т. е. создание новых предприятий, следовательно на финансирование промышленности. В связи с этим возникает вопрос о границах банковского кредита или пределах кредитной экспансии (экспансия — расширение). Если бы банки выполняли свои функции в общественных, а не частнокапиталистических интересах и если бы они имели возможность точно контролировать реальное движение ссужаемых ими средств (и того и другого нет и не может быть при капитализме), то границы кредитной экспансии определялись бы природой фондов банковского кредитования. В действительности же та граница, которая выше нами была установлена для эмитированного фонда — сумма реализуемых при посредстве этой эмиссии товарных цеп, деленная на скорость оборота этих денежных знаков — *постоянно и необходимо нарушается*.

Хотя движение промышленного цикла не определяется банками, в частности их эмиссией, но несомненно, что при подъеме конъюнктуры, росте биржевых спекуляций с товарами и ценными бумагами, росте непосредственного финансирования промышленности и т. п., банки расширяют финансирование за счет менее стабильных и эмитированных фондов. Этим *чрезвычайным кредитованием* они еще более ускоряют тот процесс роста цеп, который характеризует собою повышательную волну конъюнктуры и, следовательно, ускоряют приближение кризиса. Но если бы даже удалось идеально регулировать банковскую эмиссию во всех формах (что невозможно), то вопреки мнению многих современных буржуазных экономистов этим ни в коем случае не была бы достигнута устойчивость капитализма, не были бы устранены кризисы и безработица. Буржуазные ученые, особенно американские, сейчас много говорят о регулировании конъюнктуры при посредстве так называемого «банковского контроля». Но регулировать всю общественную экономику можно только одним единственным способом — путем регулирования всего общественного производства и распределения в це-

лом и в интересах всего общества. А это возможно только в том случае, если будет уничтожена частная собственность на средства производства и последние перейдут в распоряжение всего общества. Кредитное же планирование капитализма, о котором теперь многие мечтают, есть буржуазная иллюзия: «плановый капитализм» невозможен, так же как и «бесплановый социализм».

Литература

Кроме указанной к гл. XXII и XXIII, также следующая:

- 1) *Э. Атлас*, Денежный рынок и противоречия банковского кредита, журнал «Востник Коммунистической академии», кн. XXXV.
- 2) Проф. *Э. С. Каценеленбаум*, Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции.
- 3) *Р. Гильфердинг*, Финансовый капитал.
- 4) *Schulze-Gaevernitz*, Das deutsche Kreditbank.

Вопросы для повторения

- 1) Дайте классификацию активных операций.
- 2) Охарактеризуйте торговые и комиссионные операции банков.
- 3) Дайте анализ вексельных операций, в частности, ответьте на вопрос: обслуживается ли этими операциями только краткосрочный денежный кредит?
- 4) Проанализируйте различные формы подтоварных ссуд и их экономическое значение.
- 5) Почему операции с ценными бумагами являются формой долгосрочного, капитального кредита?
- 6) Каким образом и в каких целях банки финансируют биржевую спекуляцию?
- 7) Что такое контокоррентный кредит и в чем его экономическое значение, в особенности в эпоху финансового капитала?
- 8) Почему кредитная инфляция всегда имеет место при подъеме конъюнктуры?
- 9) Можно ли при посредстве банковского кредита планировать общественное производство при капитализме?

ГЛАВА XXVI

КРЕДИТ В ЭПОХУ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА

§ 1. Сравнение банковского капитала с промышленным и образование финансового капитала. § 2. Пять характерных признаков империализма по Ленину. § 3. Кредит и конкуренция промышленных капиталистов. § 4. Развитие акционерной формы предприятий в Англии, Северо-американских соединенных штатах, Германии и России. § 5. Сущность акционерно-облигационной формы кредита. § 6. Цена акций: номинальная и курсовая. § 7. Учредительская прибыль. § 8. Дутое учредительство. § 9. Контрольный пакег акций. § 10. Демократизация «капитала» наизнанку. § 11. «Система участия». § 12. Биржевая спекуляция. § 13. Банки и финансирование промышленности. § 14. Критика критиков теории финансового капитала. § 15. Роль банков в эпоху империализма. § 16. Критика теории «организованного капитализма». § 17. Буржуазные иллюзии кредитного планирования капитализма.

§ 1. Процессы концентрации и централизации привели к тому, что в начале XX в. в наиболее развитых капиталистических странах установилась монополия незначительного числа предприятий в важнейших отраслях промышленности. Этот процесс концентрации производства и образования монополий шел рука об руку с процессом концентрации банковского капитала (развитие которого в главнейших странах

описано в гл. XXX—XXXII) и все возрастающим финансированием банками промышленности. В связи с этим происходило *сращивание* банкового капитала с промышленным и образование *финансового капитала*. «*Концентрация производства*, — говорит Ленин, — *монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью* — вот история возникновения *финансового капитала и содержания этого понятия*. Образование финансового капитала и господство промышленно-финансовой олигархии — одна из характернейших особенностей современной эпохи капитализма, которую можно также назвать *империализмом*.

§ 2. Ленин установил 5 основных признаков империализма:

- 1) «Концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни».
- 2) «Слияние банкового капитала с промышленным и создание на базе этого «финансового капитала» финансовой олигархии».
- 3) «Вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение».
- 4) «Образуются международные монополистические союзы, делящие мир».
- 5) «Закончен территориальный раздел земли между крупнейшими капиталистическими державами».

Из этих пяти моментов наше внимание сейчас, поскольку мы изучаем теорию кредита, должно быть сосредоточено на втором моменте, который однако находится в самой тесной связи с первым.

Финансовый капитал отнюдь не характеризуется, вопреки мнению некоторых крупных экономистов (*из марксистов — Гильбердинг, из буржуазных экономистов — Дж. Гобсон*), господством банков над промышленностью.

Не банкиры «вообще» господствуют над промышленными капиталистами; равным образом, нельзя говорить «вообще» о подчинении банков промышленным капиталистам. Небольшое количество крупнейших капиталистов — миллионеров и миллиардеров — держат в своих руках *и банки и промышленность*; они командуют всеми капиталами в наиболее развитых капиталистических странах.

Каким же образом эти крупнейшие капиталисты, которых мы будем называть *финансовыми капиталистами*, сумели подчинить себе — прямо или косвенно — всю массу мелких капиталов, всю сумму общественного накопления и превратиться в «некоронованных королей»?

Мы увидим, что кредит как раз явился мощным фактором образования финансовой олигархии.

§ 3. Пользуясь кредитом в той или иной форме, капиталист увеличивает свою *конкурентоспособность*. Это легко понять из следующего расчета.

Допустим, что норма прибыли равна 20%, а норма процента — 5%. В этом случае собственный капитал предпринимателя, равный 100 тыс. руб., должен дать ему 20 тыс. руб. прибыли в течение года. Если же этот капиталист получит еще в порядке кредита 100 тыс. руб., то в течение года его предприятие должно будет дать 40 тыс. руб. при-

были, минус 5 тыс. рублей уплаченных процентов. Таким образом прибыль на вложенный в предприятие капитал возросла с 20% до 35%. Дальнейшее расширение кредита дает возможность еще больше увеличивать прибыль.

Но при наличии ожесточенной конкуренции между капиталистами, каждый капиталист старается продать дешевле другого, чтобы вытеснить своего конкурента с рынка и сбыть свою продукцию. *Пользуясь же кредитом, он может снижать цены своих товаров значительно ниже цен производства* (=издержкам производства плюс средняя норма прибыли) и получать в то же время прежнюю (среднюю) норму прибыли.

В нашем примере он оставит себе прежние 20 тыс. руб., а на 15 тыс. руб. снизит цены своей продукции.

Поэтому при прочих равных условиях преимущество в конкурентной борьбе имеют те предприниматели, которые сумели привлечь в порядке кредита наибольшую сумму заемного капитала.

Вследствие этого каждый капиталист для того, чтобы сохранить и повысить свою способность к конкурентной борьбе, должен воспользоваться кредитной поддержкой. Таким образом пользование кредитом становится *необходимостью* для капиталистических предпринимателей. «С финансовой точки зрения *вся экономика крупного производства, — говорит буржуазный экономист — знаток этого вопроса, Гобсон, — а в особенности акционерного общества, может быть сформулирована одной фразой: расширение кредита.*

§ 4. Промышленные капиталисты пользуются капитальным кредитом не только в форме банковского кредита. Не менее важное значение имеет *непосредственное* привлечение заемных средств в форме выпуска акций и облигаций. На этом *акционерно-облигационном кредите* как раз и базируются все самые крупные современные капиталистические предприятия; так например в *Англии* еще 20 с лишним лет тому назад почти половина всех основных капиталов промышленности, транспорта и торговли принадлежала акционерным предприятиям. С того времени число последних возросло более, чем в 2 раза.

В Северо-американских соединенных штатах акционерные предприятия, составляющие всего около $\frac{1}{3}$ общего числа предприятий, вырабатывают почти 90% всей продукции северо-американской промышленности; на акционерных предприятиях занято почти 90% всех рабочих страны. Единичными остаются преимущественно мелкие предприятия. Почти все самые крупные предприятия акционированы.

В дореволюционной *России* процесс концентрации промышленности протекал бурным темпом. Так, если в 1890 г. сумма основного капитала акционированной промышленности была немногим больше неакционированной промышленности, то в 1900 г. основные капиталы первой составляли 1400 млн. руб., второй — 631 млн. руб.; в 1910 — 1913 гг. основные капиталы первой превышали основные капиталы второй более, чем в 2 раза, а именно: основные капиталы акционированной промышленности были равны в 1910 г. 1957 млн. руб., в 1913 г. — 2848 млн. руб.; на те же годы основные капиталы неакционированной промышленности составляли всего 842 млн. руб. и 1052 млн. руб.

Если же мы проследим распределение акционерных капиталов по

отраблям промышленности, то увидим, что большая масса этих капиталов приходится на отрасли, где по техническим и экономическим условиям необходимы мощные предприятия и следовательно огромная концентрация и централизация капиталов. Так например в Германии на машиностроительную промышленность в 1921 г. приходилось 21,5% всей суммы акционированных капиталов Германии в этом году, на горную и железодобывательную промышленность — почти 9%, на транспорт — 5,5% и т. д.; между тем на деревообделочную промышленность приходилось всего 0,89%, на швейную промышленность — 0,71%, на сельское и лесное хозяйство — 0,05% и т. д.

Также и в России большая часть всех акционерных капиталов шла в горнозаводскую, металлообрабатывающую, машиностроительную, а также в текстильную промышленность.

Итак акционерная форма является самой распространенной формой образования современных промышленных предприятий и, можно сказать, *единственной формой самых крупных предприятий*. Поэтому для правильного понимания сущности финансового капитала мы должны ближе познакомиться с теорией и практикой акционерно-облигационного кредита.

§ 5. В главе XXII мы уже указали, почему не только облигации, но и акции следует рассматривать как кредитные документы и следовательно выпуск акций как форму аккумуляций денежных накоплений. Юридически же дело обстоит иначе: акционер является пайщиком и, следовательно, соучастником данного предприятия.

Может показаться, что поскольку прибыль распределяется равными долями между *всеми* акционерами, постольку эти последние не только формально, но и по существу являются собственниками этих предприятий, ибо они получают в отличие от облигационеров не один только процент, но всю прибыль.

В связи с этим создается иллюзия устранения эксплуатации и «демократизации капитала», которая была широко распространена в начале развития акционерных предприятий. Однако в действительности акционирование предприятий не только не означает демократизации капитала, но напротив того представляет собой форму, при посредстве которой экспроприруются мелкие сбережения. В лучшем случае акции, как и облигации, приносят широким массам акционеров-кредиторов *не прибыль, но только средний процент на капитал*.

Акции — это не действительный, а *фиктивный капитал*. Эти «титлы собственности на общественные предприятия, железные дороги, рудники и прочее, — говорит Маркс, — хотя и представляют действительный капитал, тем не менее они не дают никакого распоряжения над этим капиталом. Он не может быть вынут. Они дают право на часть приобработаемой последним прибавочной стоимости» (Маркс).

Действительный капитал, который представляет эти акции, имеет свою собственную стоимость, выраженную в деньгах. «Стоимость» же *фиктивного капитала-акций не совпадает со стоимостью представляемого ими капитала*: обычно первая выше последней.

§ 6. Чем же определяется эта «стоимость»?

Она определяется тремя моментами: 1) Номинальной выпускной

ценой акций, более или менее соответствующей стоимости действительно вложенного в предприятие капитала, 2) нормой прибыли данного предприятия, 3) средним уровнем процента. Какова будет цена акции номинала в 100 руб., если предприятие дает 10% прибыли, а средняя норма процента равна 5? Если прибыль в 10% действительно обеспечена, то очевидно, что за эту акцию можно, как максимум, уплатить такую сумму денег, которая, будучи ссужена обычным порядком из существующего среднего процента (т. е. 5%), даст в течение года 10 руб. Следовательно для того, чтобы найти цену акции, нам нужно, как говорят, капитализировать из существующего процента данный твердый доход, т. е. в нашем примере определить, какой капитал, ссуженный из 5%, принес бы в течение года 10 руб. процентов. Этот капитал в нашем примере будет равен $\frac{10 \text{ руб.} \times 100}{5} = 200 \text{ руб.}$

Конечно курсовая цена акции при неизменном уровне процента может быть выше или ниже, в зависимости от большей или меньшей уверенности получения указанных 10 руб. на капитал. Поэтому на фондовой бирже цены акций постоянно колеблются (если отвлечься от искусственной спекуляции) в зависимости от хода дел данного предприятия, с чем связана большая или меньшая сумма прибыли или дивиденда, подлежащая распределению между акционерами. Курс акций колеблется также и в связи с изменением уровня процента. Но наиболее, как говорят на биржевом языке, «твердые» акции, т. е. дающие из года в год определенный устойчивый доход, имеют и сравнительно твердую цену на бирже. Эти акции достигают полностью своего максимума годового дохода данного предприятия капитализированного из существующего уровня процента. В нашем примере цена такой акции равна 200 руб. Капиталист, уплативший 200 руб. за эту акцию, будет регулярно получать, если акция «тверда», свои 5%, как и все прочие кредиторы, ссужающие свои капиталы на денежном рынке. Он уплатил 200 руб. за капитал, который в действительности, т. е. в реальных ценностях равен только 100 руб. Это фантастическое на первый взгляд удвоение стоимости действительного капитала объясняется чрезвычайно просто.

§ 7. Продавая сторублевые акции по биржевому курсу за 200 руб., учредители акционерного общества кладут в свой карман так называемую учредительскую прибыль.

Гильбердинг в своем труде «Финансовый капитал» дает следующее определение учредительской прибыли, которую он называет учредительским или эмиссионным барышом:

«Учредительский или эмиссионный барыш — это не прибыль и не процент, а капитализированная предпринимательская прибыль. Предпосылка его — превращение промышленного в фиктивный капитал. Уровень эмиссионного барыша определяется, во-первых, нормой средней прибыли и, во-вторых, уровнем процента. Средняя норма прибыли минус процент определяют величину предпринимательского дохода, который, капитализированный из обычного уровня процента, дает учредительскую прибыль».

Учредители не только «честно» экспроприируют предприниматель-

ский доход будущих «собственников» акционеров, но сплошь и рядом прибегают к явно мошенническим операциям для того, чтобы поднять цены акций значительно выше их нормальной «стоимости».

§ 8. Вот как описывает этого рода учредительские операции Дж. Гобсон: «Значительная часть учредительства таких «дугих» обществ и даже более солидного учредительства семейных предприятий и объединений вызывается желанием учредителей-финансистов высосать путем таких приемов всю ценность предприятия и оставить в руках обманутых акционеров раздутую оболочку, сморщившуюся до уровня, не дающего уже прибыли. Все искусство «создавать рынок» и «рисовать планы» направлено на одну только цель: создать временный шум. Фальшивая отчетность неправильно оценивает прежние доходы объединяющихся предприятий; опытным инженерам, химикам и пр. дают взятки за преувеличенную оценку производительности и доходности коней, машин и прочего оборудования, приобретаемого компанией; в качестве директоров привлекают известные деловые имена, а в Великобритании—политиков и титулованных лиц. Выпускаются широковетательные и солидные проспекты, составленные изысканно-литературно, в которых тщательно скрывается всякая возможность риска в будущем и все недостатки предприятия в настоящем. Все чары данного предложения внезапно развертываются перед лицом доверчивой публики в шикарных объявлениях во всю страницу. Создавая рынок, преодолевают инертность и подозрительность публики», учредители «делают цены мошенническими операциями на рынке, пока посторонний вкладчик не соблазняется и не покупает акций».

Ввиду наличия чудовищного учредительского «налога» на акционеров, эти последние, хотя и являются собственниками предприятия, но по сумме получаемого дохода на капитал их положение в лучшем случае ничем не отличается от положения обычных кредиторов, а в худшем, случае они вообще лишаются своих капиталов в пользу биржевых акул.

§ 9. Фактически же собственниками предприятий являются не все акционеры, но лишь та их часть, которой принадлежит так называемый контрольный пакет акций, т. е. такая сумма акций, которая дает возможность диктовать свою волю общему собранию акционеров. Достаточно иметь 51% всех акций, чтобы быть «хозяином», т. е. распоряжаться данным предприятием по своему усмотрению. На практике владение 30% — 40% всех акций дает возможность «контролировать» данное акционерное общество, ибо никогда все акционеры не являются на общие собрания: многие мелкие акционеры, проживающие вдали от местонахождения общества, не имеют вообще возможности посещать общие собрания.

§ 10. При подобной «демократизации капитала» основная масса акционеров лишается всякого влияния на дела предприятия, а общее собрание превращается в фикцию.

Акционерным обществом управляет один или кучки акционеров. Вот как описывает эту псевдо-демократизацию капитала в акционерных обществах Дж. Гобсон:

«Под фирмой экономической демократии с выборной и ответственной системой управления, акционерные общества являются в большин-

стве случаев замкнутой олигархией: нужна денежная поддержка публики, а не ее управление делами. Распыление права собственности при концентрации управления—вот отличительные черты акционерных компаний.

Вместо того чтобы вкладчики избирали директоров правления, правление — председателя, а директора исполняли волю вкладчиков, *на деле происходит обратное.*

Контролируя же общество, эти «активные» акционеры имеют возможность законным и незаконным путем присваивать себе при росте дивидендов весь излишек сверх заранее уплаченной учредительской прибыли, оставляя массе акционеров лишь процент на капитал.

Конечно прямым путем этого сделать нельзя, ибо по уставу прибыль распределяется поровну на все акции. Но существует множество путей для обхода этого закона: выпуск дополнительных акций главными акционерами, что снижает дивиденд на каждую акцию, но зато дает курсовую разницу главным акционерам, проводящим этот выпуск; выплата крупных тантьем «наградных» членам правления, являющимся «хозяевами-акционерами» или назначенными ими, чем маскируется неравномерность распределения дивидендов; посредством коммерческих операций, перекачка части прибыли в другое акционерное общество, в котором «хозяева-акционеры» заинтересованы, и т. д. и т. д.

Словом, будучи фактически хозяином предприятия, эти акционеры всегда сумеют оставить основную массу акционеров при проценте, а себе положить в карман все то, что еще может дать предприятие сверх капитализированного учредительского барыша.

Таким образом изучение практики акционерного дела приводит нас к тому выводу, что выпуск акций является средством привлечения денежных капиталов грюндерами и капиталистами, контролирующими данное общество (грюндеры могут оставить в своих руках контрольный пакет акций, но это необязательно). Они пользуются накоплением населения в своих собственных интересах и, называя мелких акционеров «собственниками», они фактически их ставят в положение заимодавцев, а распоряжение предприятием полностью держат в своих руках.

§ 11. Располагая крупными капиталами, финансисты могут распоряжаться во много раз большими капиталами при посредстве так называемой «системы участия». Имея капитал в 2 млн. руб., капиталист может контролировать общество с акционерным капиталом в 3 млн. руб. К последнему добавляется капитал, полученный от выпуска облигаций, скажем, на 2 млн. руб. Но это общество, в свою очередь, из своего акционерно-облигационного капитала в сумме 5 млн. руб. может выделить 2 млн. руб. для овладения акционерным обществом, в котором оно заинтересовано; но при посредстве капитала в 2 млн. руб. можно ведь контролировать общество с 5 млн. акционерного капитала, не считая облигационного. Это последнее общество в свою очередь может контролировать третье общество с капиталом, например, 4 млн. руб. и т. д. и т. д.

Таким образом устанавливается цепная иерархическая связь между акционерными обществами наподобие феодалной зависимости. Наверху стоит самое главное общество «сюзерен», которому непосредственно

подчинено в качестве «вассала» другое общество; но это последнее является «сюзереном» по отношению к третьему обществу и т. д. и т. д. Обычно экономисты называют первое общество — «обществом-матерью», второе общество — «дочерним», третье — «внучатым», четвертое — «правнучатым» и т. д. и т. д. Во главе же всей этой «семьи» стоят крупнейшие капиталисты-финансисты, которые наподобие средневековых феодалов-сюзеренов держат в своей зависимости огромную массу мелких капиталистов, владельцев акций и облигаций всех обществ, контролируемых «капиталистом-сюзереном».

«Без преувеличения можно сказать, — пишет *Р. Лифман* — что, применяя все вспомогательные средства современной системы *кредита и акционерного дела, эти финансовые дельцы* при помощи банков, трестовых комбинаций, страховых обществ, контрольных обществ и т. п. имеют возможность держать под своим контролем капиталы в двести раз большие, чем те, которыми они владеют сами». И несмотря на то что *Лифман* является стопроцентным защитником капитализма и врагом социализма, он вынужден в связи с очевидными фактами признать, что «развитие таких организаций увеличило в американском народном хозяйстве противоречие между немногими крупными богачами и громадной массой прочего населения».

§ 12. Эти крупные финансисты, «великие князья» современного капиталистического общества, постоянно ведут друг с другом ожесточенную борьбу за господство — за монопольную власть; эта борьба приводит к империалистическим войнам. Эти «капиталистические феодалы» энергично эксплуатируют своих «вассалов». Они не удовлетворяются описанными выше методами, но широко пользуются биржевой спекулятивной игрой, которая дает им возможность непосредственно и совершенно открыто эспроприировать мелких сберегателей.

О технике этого дела мы уже говорили в XXV главе. «Играя» на повышении и понижении акций, «делая погоду» на фондовой бирже, финансисты «зарабатывают» колоссальнейшие средства. А всякий вновь «заработанный» миллион дает, как мы знаем, возможность при посредстве «системы участия» распространить власть на многомиллионную сумму капиталов. Так расширяется и укрепляется власть финансовых магнатов современного капиталистического общества...

§ 13. Но мы видим, что эта власть прямо опирается на кредит, а именно на его акционерно-облигационную форму. Однако эта форма кредита теснейшим образом связана с банковским кредитом. И все те операции, которые мы описывали, в особенности учредительство и биржевая спекулятивная игра, не могут обойтись без сотрудничества банков. Для учредительства требуется на первое время вложение крупных капиталов, требуются «солидные имена» и т. д. Банки же, располагая крупнейшими эмитированными и аккумулированными денежными фондами, могут сами выступить в качестве учредителей или предоставить для этих целей грондерам временно крупные денежные ссуды. Банки могут путем расширения онокля и репорта под вновь эмитируемые ценные бумаги поднять их курс настолько, чтобы независимо от реальных дивидендов данного общества «заработать» или дать возможность грондерам «заработать» на этой операции двойную или трой-

ную сумму номинального курса акций. Далее крупные банки, располагая разветвленной сетью филиалов, имеют возможность «внедрять» выпускаемые акции среди широких масс населения. Словом всякого рода спекулятивные операции целиком и полностью базируются на банковском кредите.

Наконец по мере роста аккумулированных фондов, банки сами вынуждены все больше и больше своих средств вязывать в капитальное кредитование, т. е. финансирование промышленности, в особенности в форме контокоррента. Но если банк ввязал крупные средства в какое-либо акционерное общество, то не только последнее оказывается в зависимости от банка, но и банк сам зависит от этого предприятия: так, если ссуженные по контокорренту средства пошли на расширение основного капитала, то банк фактически не имеет возможности воспользоваться своим правом требования возврата сумм (on call), ибо такое требование может привести к банкротству данного предприятия и следовательно к потере вложенных банком в это предприятие средств. Таким образом возникает тесная связь между банками и промышленностью, так называемая «взаимность интересов».

Отдельные финансисты персонально или в сотрудничестве с другими финансистами завоевывают командные высоты в данных отраслях промышленности и в финансирующих последние банках.

Таким образом *финансовые капиталисты* через банковский аппарат и биржевые финансовые операции овладевают промышленностью.

«Ведя текущий счет, — говорит Ленин, — для нескольких капиталистов, банк исполняет как будто бы чисто техническую, исключительно подсобную операцию. А когда эта операция вырастает до гигантских размеров, то оказывается, что горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность через банковские связи, через текущие счета и другие финансовые операции сначала *точно узнавать* состояние дел у отдельных капиталистов, затем *контролировать* их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита и наконец *всецело определять* их судьбу, определять их доходность, лишать их капитала или давать возможность быстро и в громадных размерах увеличивать их капитал и т. п.»

Кто станет во главе данной промышленно-банковской группы, промышленник или банкир — это зависит от конкретных обстоятельств и существенного значения не имеет. Важно то, что теперь это уже не просто банкир и не просто промышленник, но *финансовый капиталист*. *Нельзя быть в современных условиях «королем промышленности», не будучи финансистом* (ибо без описанных выше финансовых методов невозможна централизация капиталов), *как нельзя быть первым банкиром и не быть в то же время «командиром промышленности».*

§ 14. Этого как раз не учитывают критики теории финансового капитала, например *Финн-Енотаевский* или *Султан-Заде*.

Проф. А. *Финн-Енотаевский* написал специальную работу под названием «Финансовый капитал и производительный», посвященную критике теории финансового капитала. В этой работе, пытаясь опереться на *Маркса*, *Финн-Енотаевский* считает; что ни о каком «сращивании»,

«слиянии» и т. п. промышленного и банкового капиталов не может быть и речи, что банки занимаются и занимались обычными банковскими операциями, а отнюдь не претендуют и не могут претендовать на управление промышленностью.

В подтверждение этого он приводит статистические данные и заявления специалистов, которые доказывают, что *банковский капитал не господствует над промышленным капиталом*. Он утверждает, что *как правило...* участие банков акциями в индустриальных предприятиях не есть средство для осуществления задачи овладения индустрией, а преследует *специально* банковские цели. Командные высоты находятся в руках самих промышленников, отдельных или объединенных в картели, синдикаты, тресты и прочие концерны... управляющих своими предприятиями лично или большей частью через своих ставленников-функционеров». Однако можно задать *А. Финн-Енотаевскому* следующий вопрос: что представляют собой все эти картели, синдикаты, тресты и прочие концерны? Единичные предприятия или акционерные общества?.. Факты говорят о том, что *вне акционерной формы нет крупных предприятий*. Но, командуя *акционерным обществом*, промышленник является в то же время и *финансистом*, поскольку он привлекает огромные средства для своего предприятия путем выпуска акций и облигаций. *А эти операции он, как мы уже установили, не может совершать без сотрудничества банков*. Для этого *финансисту-промышленнику необходимо либо завоевывать влияние на существующие банки, либо учредить новые банки*.

Таким образом «промышленники» *Финна* уже не промышленники в обычном смысле, но финансисты-промышленники. Им-то и принадлежат «командные высоты». Кто же конкретно становится «командиром» — бывший промышленник или бывший банкир — это, как мы указывали, равным счетом не играет никакой роли, ибо теория финансового капитала, изложенная нами выше, в отличие от гильфердинговской, не сводится к признанию подчинения промышленников банкирам.

Гильфердинг же утверждает то же самое, что и *Гобсон*: власть финансового капитала находится в руках *банкиров*. Это неверно: банковый капитал отнюдь не подчиняет себе промышленный, но сражается с ним. Все возражения *Финн-Енотаевского*, равно как и факт подчинения напр. в Германии после войны крупнейших банков промышленности не нарушают изложенной теории финансового капитала.

Что же касается *А. Султан-Задэ*, то последний выступил со своими возражениями против теории финансового капитала на VI конгрессе Коминтерна. Он собственно не возражает против того пункта программы Коминтерна, где говорится о том, что «сращение промышленного капитала с банковым и монополистический характер этой формы капитализма превратили эпоху промышленного капитализма в эпоху финансового капитала». Он возражает лишь против трактовки этого пункта программы в смысле «господства так называемого финансового капитала над промышленностью».

Султан-Задэ считает, что «никогда ни один серьезный крупный банк не будет возрастающую часть своего капитала закреплять в промышленности».

Он говорит, что грюндерские, спекулятивные и учредительские операции банков за свой счет относятся к области истории, опыт которой будто бы привел к тому, что «никакой банк теперь никогда не рискнет вложить свои средства на долгий срок, да еще закрепить их, как говорит Гильфердинг, в промышленности».

Однако целый ряд исследований крупнейших специалистов, как например Эйдельса, Вебера в отношении Германии, Визера — в отношении Англии, Геллвига — о банках Северо-американских соединенных штатов, говорят вполне определенно о том, что банки широко финансируют промышленность. Указанные авторы приводят многочисленные факты, которые позволяют верить их заявлениям.

Какие же аргументы приводит Султан-Заде для опровержения фактов финансирования банками промышленности, которым большое значение придавал Ленин в «Империализме, как новейшем этапе капитализма»?

Султан-Заде опирается на балансовые данные всего-навсего трех немецких банков («Немецкого», «Дармштадского» и «Дрезденского»), показывая, что согласно этим данным «длительное участие» и «консорциальное участие» играют ничтожную роль в активных операциях этих банков. И эти данные вполне убеждают Султан-Заде, что широкое финансирование банками промышленности «несуществующая в природе фикция».

В действительности однако широкое финансирование банками промышленности остается безусловно полностью доказанным фактом. Ошибка Султан-Заде в том, что он поверил на слово банковским балансам (о достоверности которых Ленин между прочим был весьма неестного мнения!), и искал вложения средств по финансированию промышленности в таких статьях, как «длительное» и «консорциальное участие», а не в таких, как *«дебиторы по кнтокорренту» и операции с ценными бумагами, по которым, хотя и в замаскированной форме, главным образом проводится финансирование промышленности.*

Ведь мы уже знаем, что в том и заключается противоречие банковского кредита, что в форме краткосрочных операций может проходить и фактически проходит, как об этом заявляет ряд видных специалистов, долгосрочное финансирование промышленности.

Так крупнейший немецкий исследователь, А. Вебер, называет немецкие банки не просто «деPOSITными», но «деPOSITными и спекулятивными», подчеркивая этим, что немецкие банки широко занимаются спекулятивным грюндерством, финансированием в основной капитал. В самом новейшем исследовании американской банковской системы (Геллвига) констатируется тот факт, что средства, собираемые местными банками, концессионированными в пределах отдельных штатов (так называемые «штатные банки»), «концентрируются в огромные суммы в крупных денежных центрах, прежде всего в Нью-Йорке и Чикаго, и служат там в подавляющей части для финансирования биржевой эффективной спекуляции, следовательно, в конечном счете идут на кредитование в основной капитал («Анлагекредит»)). В связи с этим и этот автор, аналогично Веберу, приходит также и по отношению САСШ к тому выводу, что нельзя эти штатные банки рассматривать только, как чисто депозитивные банки.

На рассмотрении конкретных данных финансирования промышленности банками в Англии, Германии, Франции, САСШ и России (XXX—XXXIII главы) мы убедимся, что заявление *Султан-Задэ* противоречит фактам.

Султан-Задэ указывает также на тот факт, что после войны промышленники выступили против банкиров. Он говорит следующее: «В довоенной истории капитализма мы почти не имели случая, чтобы какой-нибудь концерн или промышленный предприниматель выступал с открытым вызовом против крупных банков.

Но после войны мы такие примеры имели. Всем известны борьба Стиффеса против берлинских банков, борьба Форда против нью-йоркских и других банков. И если сейчас промышленник осмеливается выступить против крупнейших банков, то это значит, что он имеет колоссальные средства внутри самого производства, что господство банков очень эфемерно, поверхностно, чтобы можно было этим банкам подчинить себе Форда, Стиффеса и других»..

Совершенно верно, что во время войны в связи с инфляцией крупные банки потерпели большие убытки, и многие из них лишились своей довоенной мощи. В связи с этим произошла серьезная *перергруппировка* финансовых сил. *Форд* и *Стиффес* вели борьбу с банками для того, чтобы подчинить их себе, для того, чтобы расширить и укрепить свою *финансовую мощь*. В послевоенный период, как мы покажем в XXXI главе, «срачивание» шло по преимуществу со стороны промышленного капитала, а не банкового. Однако это ни в коем случае не подрывает той теории финансового капитала, которую защищал Ленин, ибо в этой теории ударение делается на «срачивании» вообще и *монополистическом характере* этого «сраченного» капитала, а оба эти момента сохраняют свою силу и в послевоенный период.

Коренная ошибка *Султан-Задэ* в том, что он не учитывает новой роли банков в эпоху монополистического капитализма. Для *Султан-Задэ* «кредит является измененной формой обмена, продолжением обмена», причем роль кредита остается, по *Султан-Задэ*, совершенно неизменной на всем протяжении капиталистического развития. «С развитием капитализма база кредита значительно расширилась, приняла многообразные формы, но основная роль кредита заключается и сейчас именно в содействии процессу воспроизводства, в помощи во время метаморфозы товара, пока последний вернется обратно в денежной форме».

Но это вообще упрощенное понимание роли кредита, даже при промышленном капитализме. Здесь нет указания на *необходимость* кредита для капитализма и те *функции*, которые он выполняет в процессе концентрации капиталов и обобществления производства на капиталистической основе. Об этих функциях кредита мы подробно говорили в XX главе и здесь не будем повторяться..

Но если у *Султан-Задэ* неправильное представление о роли кредита при капитализме вообще, то тем менее его теория кредита приемлема для новейшей эпохи капитализма, когда кредит вошел в качестве *необходимого звена* в систему *монополистического капитализма*.

Кардинальная ошибка Финн-Енотаевского и Султан-Задэ в том,

что они не учитывают новой роли банков в эпоху монополистического капитализма, а именно того, что банки являются необходимым аппаратом этого последнего, и что монополистические союзы в промышленности вообще не могут образовываться и поддерживать свою монополистическую власть без прямого участия банков.

«По мере развития банковского дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки превращаются из скромной роли посредников во властных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большей частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран. Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов превращения капитализма в капиталистический империализм» (Ленин).

Мы уже отмечали, что эта новая роль банков в эпоху финансового капитала находится в тесной связи с концентрацией производства и образованием монополий; банки укрепляют и расширяют господство монополистов. Они становятся сами монополистами.

И совершенно был прав И. Скворцов-Степанов, когда он писал в предисловии к русскому переводу «Финансового капитала» Гильфердинга: «Достаточно вспомнить всех королей новейшей промышленности — Морганов, Рокфеллеров, Ратенау, Стиннесов и т. д. — и будет ясно, что дело здесь не в подчинении промышленности банкам, а в использовании этими промышленниками банковского аппарата для форирования процессов, совершающихся в самой промышленности».

§ 15. Мы указывали, что в эпоху промышленного капитализма кредит усиливает конкурентоспособность и поэтому является необходимым орудием в рыночной борьбе капиталистов. В эпоху же империализма, когда концентрация производства привела к образованию монополий, кредит стал необходимым орудием для сохранения и усиления монополистической конкурентоспособности капиталистов. Нужна грандиозная концентрация и централизация капиталов, чтобы создать монопольное положение данных предприятий в данных отраслях промышленности, а это и достигается при посредстве кредита.

Таким образом в эпоху промышленного капитализма, как и в эпоху монополистического капитализма кредитная система «в общем и целом приспосабливается к условиям производства» (Маркс).

Но, конечно, роль кредита в современных условиях совершенно иная, чем в эпоху промышленного капитализма, в эпоху борьбы множества сравнительно мелких капиталистических предприятий друг с другом. Без правильного понимания этой новой роли банков, следовательно, без правильной теории финансового капитала нельзя правильно понять особенности новейшего этапа развития капитализма.

§ 16. Как мы доказали, отрицание системы финансового капитализма Фин-Енотаевским и Султан-Задэ безусловно является ошибочным. Но гораздо большую ошибку допускают те теоретики, которые, признавая систему финансового капитализма, считают, однако, этот капитализм по существу не капитализмом, а организованной системой общественного производства. Мы говорим о теоретиках так называемых

мого «*организованного капитализма*». Эта теория является сейчас важнейшим догматом буржуазного, социал-демократического реформизма.

В свое время Гильфердинг написал большой труд — «*Финансовый капитал*», — который, по словам Ленина, «представляет собой в высшей степени ценный теоретический анализ» новейшего этапа капиталистического развития. Гильфердинг — автор «*Финансового капитала*» — был марксистом. Но уже тогда у него имелись *ревизионистские тенденции*, которые были охарактеризованы Лениным как «склонность (автора) к примирению марксизма с оппортунизмом». Но с тех пор Гильфердинг так же как и другой теоретик германской социал-демократии — *Каутский* — стал откровенным ревизионистом и создал теорию мирного вращивания капитализма в социализм. Он считает, что финансовый капитализм — это по существу не капитализм, а... социалистическое производство: «Эпоха свободной конкуренции, — заявил Гильфердинг на Кильском партийтаге (съезде) социал-демократов, — когда капитализм был во власти слепых сил, осталась позади, и мы теперь имеем капиталистическую *организацию* хозяйства; иначе говоря, хозяйство, построенное на свободной игре сил, превратилось в хозяйство организованное... «*Организованный капитализм*» означает... принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планового производства».

Вместо того, чтобы рассматривать широкое развитие капиталистических монополий после войны, как фактор, обостряющий противоречия капитализма, социал-демократы, наоборот, говорят о росте *организованности* капитализма. Осенью 1928 г. Брюссельский конгресс II Интернационала в своей резолюции отметил, что «послевоенное десятилетие характеризуется гигантским развитием могущественных монополистических организаций. Во все возрастающем числе отраслей производства индивидуалистический капитализм свободной конкуренции вытесняется организованным капитализмом». Теория организованного капитализма дополняется учением о так называемой «хозяйственной демократии». «Современное развитие, — читаем мы в резолюции Гамбургского конгресса германских профсоюзов, происходившего в сентябре 1928 г., — ведет от единоличного капиталистического предприятия к организованному монополистическому капитализму; в ногу со все более ясно видимыми, структурными изменениями капитализма идет демократизация хозяйства. Демократизация хозяйства ведет к социализму».

Это учение об «организованном капитализме» и «хозяйственной демократии» является ложным от начала до конца. В действительности положение вещей — как раз обратное тому, что утверждают эти теоретики. *Ни довоенное, ни послевоенное развитие капиталистических монополий не устранило и не могло устранить анархии капиталистического производства и противоречий клпнтализма*. Монополия отрицает конкуренцию и вместе с тем конкуренция принимает лишь новые формы и выражается в ожесточенной борьбе крупнейших монополистических *гантов* как внутри страны, так и на мировом рынке. Капиталистические монополии «организуют» производство *в своих собственных, а не в общественных интересах*. Вся «организация» производства

и рынка магнатами финансового капитала сводится к расширению сферы эксплуатации рабочего класса, крестьянства и мелкой буржуазии, к более «организованному» выколачиванию как в развитых капиталистических странах, так и в их колониях, прибавочной стоимости. *Однако стремления магнатов финансового капитала отнюдь не направлены, вопреки ложным утверждениям социал-демократов, к планомерной организации производства для удовлетворения общественных потребностей.* Вот почему конкуренция — борьба капиталистов из-за дележа прибавочной стоимости — и, следовательно, анархия производства не устраняется капиталистическими монополиями: «Монополии, вырастая из свободной конкуренции, — говорит Ленин, — не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов». Эксплуатация рабочего класса не устраняется, *но усиливается.* Безработица и кризисы продолжают оставаться бичом рабочего класса: «Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов... Напротив, монополия, создающаяся в *некоторых* отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную *всему* капиталистическому производству в целом» (Ленин).

И вот эту «сказку буржуазных экономистов» в настоящее время пропагандируют социал-демократы!¹ Но факты красноречиво говорят о вздорности такого рода иллюзий. Конкуренция продолжает существовать: между монополиями и немонополизированными предприятиями (100%-ная монополизация — очень редкое явление), между монополистическими организациями, производящими товары, удовлетворяющие тем же потребностям; скрытая конкуренция внутри самих монополий, и т. д., и т. д. «*Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисом — вот существеннейшая особенность империализма вообще... Именно это соединение противоречащих друг другу «начал»: конкуренции и монополии... и подготавливает крах, т. е. социалистическую революцию*» (Ленин, т. XIV, ч. 1, стр. 120—121).

То, что монополистический капитализм не есть «организованный капитализм», полностью подтверждается капиталистической действительностью. *С конца 1929 года мировой капитализм переживает промышленный кризис.* Он характеризуется не только тем «драматическим моментом», который имел место в САСШ, а именно — грандиозным биржевым крахом (см. гл. XXXII, § 22). Падение цен на товары, сокращение эмиссий ценных бумаг и падение курса акций, снижение производства и, наконец, катастрофический рост безработицы наблюдаются в ряде стран мира. Важнейшей составной частью мирового кризиса является промышленный кризис в САСШ, о котором у нас будет речь особо, в XXXII главе. Но кризис переживают и страны Восточной и Западной Европы. В таких странах, как *Австрия* и *Польша*, кризис наступил раньше, чем в САСШ. В Польше острым кризисом охвачены: горная, сталелитейная и текстильная отрасли промышленности. Здесь же усилился и аграрный кризис. Заметно повысилось число банкротств.

¹ Критику своеобразной теории «организованного капитализма» Н. Н. Бузарина см. в книге «Организованный капитализм», изд. Комкадемии, М. 1930.

Кризисные явления имеют место и в Германии, а именно — в угольной, металлообрабатывающей и текстильной отраслях промышленности.

Кризис охватывает и целый ряд *колониальных и полуколониальных стран*, являющихся поставщиками сырья для европейской и американской промышленности. Наконец, хроническую депрессию переживает *Англия*, которую вместе с Францией и отчасти Скандинавскими странами т. Мануильский в своем докладе на расширенном заседании президиума ИККИ отнес «к странам предкризисной конъюнктуры». В этом докладе он заявил, что мировой «кризис знаменует собою начало *развала капиталистической стабилизации*»... Так выглядит на деле «организованный» капитализм.

§ 17. Социал-демократическая теория «организованного капитализма» также неверна, как и другая буржуазная теория, а именно — теория «кредитного контроля». Целый ряд европейских и американских теоретиков рассматривают «кредитный контроль», как эффективный *метод кредитного планирования капитализма*. Характерно, что эта теория получила распространение именно в эпоху *финансового капитала*, когда банки из «скромных посредников» превратились в монополистических магнатов. Но как бы ни была велика мощь этих магнатов, она остается именно *капиталистической мощью*; капитализм не может прыгнуть выше самого себя и стать «плановым капитализмом».

Между тем именно теоретики «кредитного контроля» хотят устранить «вредные» колебания капиталистической конъюнктуры и дать полную, никогда не уменьшающуюся нагрузку капиталистическим предприятиям, а также вовлечь «до отказа» всю свободную рабочую силу в процесс производства.

Немецкий банкир Ган в некоторых своих произведениях так прямо и сулит «золотой век» капитализму, который имеет возможности неограниченной *кредитной*, а следовательно и *производственной экспансии* (расширения). Эта кредитная экспансия исчерпывает по Гану свои возможности тогда, когда «последние рабочие резервы страны окажутся использованными». Следовательно, ни о какой безработице не может быть речи. Также не может быть речи о кризисах, ибо денежный спрос всегда может вновь и вновь создаваться кредитной экспансией.

Другие экономисты несколько иначе мыслят регулирование и стабилизацию капитализма при посредстве кредитной политики. Но суть дела не в том, предлагают ли они сокращение или расширение кредитной экспансии для стабилизации капитализма. Суть дела в том, что *никакая организация кредитной системы и никакие методы кредитной политики при капитализме не в состоянии стабилизировать конъюнктуру*. Циклические колебания (от подъема к упадку) свойственны природе капитализма, его внутренним закономерностям, а «кредитный контроль» оставляет неприкосновенным *строй капитализма*, из самого себя порождая *кризисы*. Поэтому совершенно был прав немецкий экономист Карл Диль, который указал, что для того, чтобы действительно регулировать конъюнктуру, нужно *регулировать производство*, а теоретики кредитного контроля оставляют нетронутой капиталистическую анархию.

Иллюзии всеобъемлющего «кредитного контроля» базируются на

американской практике централизованного регулирования кредита Федеральной резервной системой. Но как раз американская действительность полностью опровергает эти иллюзии. «Общественное» и «централизованное» регулирование кредита в САСШ не предотвратило ни кризиса 1920—1921 г., ни кризиса 1929—1930 года. И даже умеренный американский экономист *Бэрджес*, отрицая иллюзии *полной* стабилизации капитализма при посредстве кредитной политики, все же надеялся что биржевые крахи при наличии Федеральной резервной системы невозможны. Он категорически заявлял, что повторение биржевого краха 1907 г. в Америке невозможно. Однако грандиозный биржевой крах 1929 года оставил далеко позади себя кризис 1907 года. Только будучи совершенно слепым или сознательно закрывая глаза на факты современной капиталистической действительности, можно в 1930 году поддерживать теорию «кредитного контроля», равно, как и теорию «организованного капитализма» или, подобно Бэрджесу, отрицать возможность биржевых крахов.

Литература.

- 1) *Ленин*, Империализм как новейший этап капитализма, гл. II и III.
- 2) *А. Кон*, Финансовый капитал, М. 1925.
- 3) *Р. Гильфердинг*, Финансовый капитал.
- 4) *А. Финн-Енотавеский*, Финансовый капитал и производительный, М. 1926.
- 5) *Д. Гобсон*, Развитие современного капитализма, М. 1926.
- 6) *И. А. Трахтенберг*, Современный кредит и его организация, гл. IV, VII, VIII, IX.
- 7) Выступления гг. *Бужарина* и *Султан-Задэ* на VI конгрессе Коминтерна, «Правда» №№ 190, 191 и 205 за 1928 г.
- 8) *С. Л. Выгодский*, Основы теории кредита, Заочные курсы НКФ, М. 1929, V лекция.

Вопросы для повторения

- 1) В чем содержание понятия «финансовый капитал» по Ленину.
- 2) Почему пользование кредитом является необходимостью в конкурентной борьбе капиталистов.
- 3) Какой тип предприятий является самым распространенным в современном капитализме? Укажите важнейшие факты распространения этой формы предприятий.
- 4) Является ли акционирование предприятий демократизацией капитала?
- 5) Как определяется цена акций?
- 6) Что представляет собой разница между номинальной (выпускной) и курсовой ценой акции и кто ее получает?
- 7) В каких случаях и почему за сторублевую акцию можно уплатить 200 руб.?
- 8) Что такое контрольный пакет акций?
- 9) Каким образом финансовые капиталисты командуют предприятиями, сумма акционерных капиталов которых во много раз превышает их собственные капиталы?
- 10) Что дает финансовым капиталистам биржевая спекуляция?
- 11) Какую роль играют банки в образовании крупных акционерных предприятий и могут ли эти последние обойтись без помощи банков?
- 12) В чем ошибка *Финн-Енотавеского* и *Султан-Задэ*?
- 13) В чем отличие роли кредита в эпоху монополистического капитализма в сравнении с эпохой промышленного капитализма?
- 14) Почему ошибочны теории «организованного капитализма» и «кредитного контроля»?

ГЛАВА XXVII

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ КРЕДИТА

§ 1. Государственный кредит. § 2. Коммунальный кредит. § 3. Мелкий торгово-промышленный и сельскохозяйственный кредит (кредитная кооперация). § 4. Ипотечный кредит. § 5. Крестьянский поземельный кредит. § 6. Погребительский кредит. § 7. Кредит как орудие эксплуатации.

Рассмотрим вкратце следующие специальные формы: 1) государственный кредит, 2) коммунальный кредит, 3) мелкий торгово-промышленный кредит, 4) ипотечный и крестьянский поземельный кредит, 5) потребительский кредит.

§ 1. Поскольку деньги ссужаются *как капитал* государству, по-скольку имеет место *государственный кредит* (иначе иногда называемый *публичным кредитом* в отличие от частно-капиталистического кредита). Эти деньги идут на покрытие тех или иных государственных расходов. Из каких же источников государство погашает займы и уплачивает по ним *проценты*, которые обычно близки к уровню среднерыночного процента (несколько ниже его)? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны предварительно выяснить, для каких целей государство занимает деньги. Во-первых, государство занимает деньги в тех случаях, когда обычными доходами не могут быть покрыты внезапно выросшие расходы, как например во время войны, каких-либо стихийных бедствий и пр. Во-вторых, государство прибегает к займам для сооружения каких-либо предприятий, которые являются *рентабельными* (доходными) и с капиталистической точки зрения, например для постройки железных дорог, прорытия каналов, оборудования портов и пр. В этих случаях произведенные затраты возмещаются в будущем и дают доход не меньший, чем обычный процент на капитал. Здесь государство выступает как *капиталист-производитель* и таким же порядком как и этот последний погашает займы. Иное дело первый случай, когда государство не производит никаких капитальных затрат, но растрачивает ссуженные деньги, например на финансирование войны. Но и этого рода займы должны погашаться так же, как и займы для производительных целей. Источником их погашения, равно как и уплаты процентов по ним, являются *налоговые доходы* (и отчасти неналоговые доходы) будущих лет. *Следовательно государство, выпуская займы, реализует суммы будущих податных платежей.* Производя расходы в настоящем, государство путем *займов* обременяет будущие поколения.

Государственные займы относятся обычно к *чрезвычайным* государственным доходам, поскольку к этому источнику дохода государство (капиталистическое) прибегает большей частью (но не всегда) при чрезвычайных обстоятельствах. Государственные займы всегда *выгодны для буржуазии*, ибо, выпуская займы, государство *сокращает налоговый нажим на нее*. Те средства, которые должны были бы быть получены с буржуазии путем прогрессивного налога на доход и капитал, государство извлекает путем займов. Тем самым буржуазия не только не несет издержек по империалистическим войнам, виновником которых она является, но «наживает капитал» на этих издержках, гарантируя

себе в будущем львиную долю той части прибавочной стоимости, которую в виде налогов получает государство.

В период мировой империалистической войны государственные займы достигли грандиознейших размеров: еще много лет мировому пролетариату, в особенности германскому, придется погашать многомиллиардные займы, заключенные империалистическими державами. Достаточно указать, что, по исчислениям одного немецкого журнала («Хозяйство и статистика»), общая мировая задолженность по государственному кредиту к началу 1925 г. была равна 190 млрд. золотых марок. Одна Европа задолжала 141 млрд. марок, а за вычетом долга других частей света Европе, — около 100 млрд. марок.

Займы делятся на *срочные* и *бессрочные* («*рентные*»). В капиталистических государствах в настоящее время наиболее распространена форма бессрочных займов, при которой государство сохраняет за собой право выбора способа и момента погашения займа.

Из срочных займов в XVII и XVIII вв. широко были распространены помимо лотерейных (выигрышных) займов, так называемые *тонтины* и *аннуитеты*. При тонтинах определенная группа лиц ссужает государству деньги и получает от последнего ежегодно определенную денежную сумму, которую они делят между собой. Уменьшение численности группы (вследствие смерти) увеличивает долю каждого, так как общая сумма остается неизменной. *Аннуитет* — это такой заем, при котором государство уплачивает заимодавцу пожизненно определенную сумму денег: со смертью заимодавца долг считается погашенным.

Далее займы могут быть *добровольные* и *принудительные* (в прежнее время у городов, монастырей, золотых дел мастеров), *внешние* (заключаемые в других государствах) и *внутренние* (заключаемые на внутреннем денежном рынке), *процентные*, *лотерейно-процентные* и *лотерейно-беспроцентные*. Наконец займы бывают *текущие* или *краткосрочные* и *консолидированные* или *фундированные* (долгосрочные). Превращение краткосрочного займа в долгосрочный называется *консолидацией* (отсюда название английских государственных ценных бумаг — «*консоли*»). Если позволяет конъюнктура денежного рынка, государство прибегает нередко к понижению процентов по займам и вообще изменению условий займа (включая консолидацию). Такого рода финансовые операции государства называются *конверсией*. Государство прибегает иногда также к *унификации* (объединению) ряда займов.

При заключении займа выпускаются *облигации*, которые погашаются (оплачиваются) путем периодически производимых *тиражей*. Выходящие в тираж облигации погашаются по их нарицательному курсу (т. е. курсу, на них обозначенному), который обычно ниже рыночного курса. По лотерейным (выигрышным) займам уплачиваются также выигрыши, павшие на данные облигации.

§ 2. Крупным заемщиком на денежном рынке являются *местные самоуправления* (города, земства), которые предъявляют спрос на *коммунальный кредит*. В крупных городах учреждаются *коммунальные* или *городские банки*, которые наряду с обычными банковскими операциями обращают главное внимание на финансирование коммунального хозяй-

ства и жилищного строительства. Кроме того многие городские самоуправления для производства каких-либо крупных коммунальных работ (устройство трамвая, водопровода, канализации, электрических станций) выпускают *городские* или *коммунальные займы*. Эти долгосрочные займы погашаются за счет годовых городских доходов и в том числе от тех предприятий, на финансирование которых выпускаются займы. В общем природа коммунальных займов та же, что и государственных займов для производительных целей. До войны задолженность одних только русских городов по облигационным займам была равна почти $\frac{1}{2}$ млрд. руб., а задолженность городов и органов местного самоуправления Великобритании — 651,8 млрд. фун. ст. (свыше 6 млрд. руб.).

§ 3. Мелкие самостоятельные товаропроизводители — сельские хозяева, кустари, ремесленники — и торговцы как заемщики не могут пользоваться кредитом в крупных капиталистических банках: ни один солидный банк не станет возиться с какими-нибудь сторублевыми ссудами. Эта «черная» кредитная работа, этот *мелкий*, в буквальном смысле слова, кредит обслуживается специальными кредитными учреждениями. Мелкие заемщики объединяются друг с другом и, образуя *кредитные товарищества*, выступают уже в качестве более или менее крупных *коллективных заемщиков*, которым кредит оказывают как государственные эмиссионные, так и солидные частные депозитные банки. Полученный кредит товарищество распределяет между своими членами, причем за погашение ссуд отвечают все члены товарищества (эта ответственность превышает в несколько раз сумму получаемого каждым членом товарищества кредита) — отсюда название «взаимный кредит».

Родиной кредитной кооперации является Германия. Там в середине XIX в. были созданы два типа кредитных кооперативов: один — для мелкого городского кредита, другой — для мелкого сельского кредита. Инициатором первого типа кредитных кооперативов, так называемых *ссудосберегательных товариществ*, был Шульце-Делич; второго типа — так называемых *кредитных товариществ* — Райффензейн. Ссудосберегательные товарищества и городские «общества взаимного кредита» представляют собой союз должников с круговой поручкой. Основные капиталы этих «народных банков» складываются из паевых взносов небольшого размера. Главная цель этих товариществ — получение средств у крупных банков и распределение их между членами товариществ.

Кредитная кооперация райффензейнского типа строится на следующих трех основных принципах: 1) отрицания пая, поскольку это разрешается законодательством, 2) ограничения деятельности товарищества узкими территориальными пределами, 3) неограниченной ответственности членов по обязательствам товарищества. Кроме того членам этих товариществ воспрещалось участвовать в нескольких товариществах, а выбираемые должностные лица (кроме бухгалтера) не должны получать жалование.

На практике же все эти принципы строго не применялись. Кредитная кооперация получила широкое распространение не только в Германии, но и в других странах, в частности в России. Достаточно указать, что к 1 января 1915 г. в России было 10 687 кредитных и 3 818 ссудосберега-

тельных товариществ с 9 млн. членов и 117 млн. руб. собственных капиталов.

Кредитные товарищества обычно объединяются в *союзы кооперативов и кооперативные банки*. В России в 1912 г. был организован «Московский народный банк», который стремился стать центральным учреждением кооперативного кредита всей страны.

Для мелких заемщиков не исключена, конечно, возможность получения кредита в индивидуальном порядке в мелких самостоятельных банках или местных филиалах крупных банков. Однако эти возможности по указанному выше мотиву в общем весьма ограничены, и поэтому главной формой мелкого торгово-промышленного и сельскохозяйственного кредита может считаться форма взаимного или кооперативного кредита.

На эту форму кредита идеологи мелкобуржуазного утопического социализма возлагали большие надежды, которые, однако, ни в какой мере не оправдались. Кредитная кооперация не в состоянии принести с собой радикальное (коренное) изменение экономического положения широких трудящихся масс, поскольку ее объект — мелкое городское ремесло и мелкое крестьянское хозяйство — обречены на вымирание в связи с прогрессом капитализма. Кредит является мощным рычагом концентрации капиталов в руках промышленно-финансовой олигархии. В этом его прогрессивная роль. Мелкобуржуазные же социалисты хотят воспользоваться кредитом для того, чтобы *задержать* экономический прогресс, сохранить устойчивость мелких хозяйств, в то время как железными законами капитализма эти хозяйства неизбежно должны вытесняться крупными капиталистическими предприятиями. Вот почему кредитная кооперация, равно как появившиеся в новейшее время в Америке так называемые «рабочие банки» в условиях капитализма не могут не только освободить рабочие и крестьянские массы от капиталистической эксплуатации вообще, но не могут даже более или менее существенно уменьшить эту эксплуатацию. На практике как раз выгодами кредитной кооперации в деревне пользуются не бедняцкие, по крупные, кулацкие хозяйства, которые могут вносить пай и являются «кредитоспособными заемщиками».

§ 4. В связи с существованием при капитализме частной собственности на землю, заметную роль в кредитной системе играют специальные учреждения ипотечного и крестьянского поземельного кредита. Цель первых заключается в предоставлении долгосрочных ссуд землевладельцам под залог их недвижимости. Ипотечный кредит оказывается также и под залог *городской недвижимости*, т. е. городских земельных участков и городских строений. Для обслуживания этих видов кредита существуют *ипотечные и крестьянские поземельные банки*. Помимо специальных ипотечных банков ссуды под залог недвижимости широко практикуют *сберегательные кассы*, банки общего кредита, городские коммунальные банки и *страховые общества*. В одной только Пруссии перед войной сберегательными кассами было вложено в ипотеки 5,9 млрд. марок, а 150 страховыми обществами Германии — 5 млрд. марок (из них 99,2% приходилось на городскую недвижимость, причем на один Берлин с предместьями надало 59,2% указанной суммы). Мы

выделили ипотечный кредит как особую форму кредита потому, что здесь особенным является объект залога. Но куда направляются кредитованные таким путем ссуды? Превращаются ли эти деньги в действительный капитал или растрачиваются непроизводительно, как это имеет место в известных нам случаях государственного кредита?

Общего ответа на этот вопрос дать нельзя. Все зависит от тех целей, которые ставит себе заемщик-земледелец. Эти же цели могут быть различны. Один из крупнейших экономистов прошлого века *Родбертус-Яенцов* установил, что ссудные капиталы, получаемые землевладельцами, большей частью не превращаются в производительный капитал в области *сельского хозяйства*. Но это не значит, что эти деньги *вообще* не превращаются в производительный капитал. Как указывал *Родбертус*, имеются обычно четыре основные причины, в силу которых землевладельцы прибегают к ипотечному кредиту, а именно: 1) бесхозяйственность землевладельца, вынуждающая занимать деньги в банке, 2) несчастные случаи, 3) введение мелиораций (работ по улучшению земельной площади), 4) перемена владения, главным образом вследствие выдела наследников. Установлено, что наиболее важное значение имеет четвертая причина.

Допустим, что данное поместье стоимостью 300 тыс. руб. поступило в распоряжение трех наследников, которые однако совместно не хотят эксплуатировать имение. Тогда производится «выдел» наследства при помощи ипотечного кредита. Поместье закладывается в банке, а полученные 200 тыс. руб. поступают в распоряжение двух выделившихся наследников. Но как используют эти последние полученные ими 200 тыс. руб. — это зависит от их личных намерений. Они могут их, например, вложить в акции и облигации промышленных предприятий и, следовательно, полученные по ипотечному кредиту средства пойдут на финансирование промышленности. Они могут сами заняться каким-либо капиталистическим предпринимательством. Наконец, если это «прожигатели жизни», то они могут просто прокутить эти деньги. Но во всяком случае нет никакой необходимости в том, *чтобы они занялись обязательно капиталистическим предпринимательством в области сельского хозяйства*. Ряд обследований ипотечной задолженности Германии вполне подтвердил это утверждение Родбертуса; оказывается, лишь незначительная часть ипотечных ссуд пошла в сельскохозяйственные предприятия. Таким образом *ипотечный кредит вообще не есть сельскохозяйственный производительный кредит; связь этого кредита с сельским хозяйством выражается лишь в объекте залога — земле*.

Но существует специальный вид ипотечного кредита, который по своему прямому назначению является сельскохозяйственным производительным кредитом. Это — мелиоративный кредит, т. е. кредит, выдаваемый специально для мелиораций, главным образом для производства почвенно-водных улучшений. Этот вид ипотечного кредита обслуживался в царской России и в настоящее время обслуживается в Англии, Германии и других странах специальными *мелиоративными* (точнее «ипотечно-мелиоративными») *банками*. Однако крупного значения в кредитной системе этого рода банки нигде не приобрели, несмотря на то, что в некоторых странах правительства, в целях развития сель-

ского хозяйства, оказывают содействие этому кредиту, выделяя специальные мелиоративные фонды. Ипотечная задолженность землевладельцев перед войной достигла грандиозных размеров: в одной только Германии эта задолженность (включая долги под городскую недвижимость) выражалась в 50 млрд. марок, а в России — свыше $3\frac{1}{2}$ млрд. рублей (только частного землевладения). Как мы указывали в VIII главе 1 части, эта ипотечная задолженность в значительной мере была снята благодаря инфляции.

Ипотечные банки, ссужая землевладельцам деньги под землю, сами в свою очередь выпускают *закладные листы*, обеспеченные частными закладными, и таким образом долг землевладельцев они перекладывают на плечи владельцев закладных листов. Таким образом конечными, действительными займодавцами являются держатели этих закладных листов, а также владельцы частных закладных в тех случаях, когда ипотечный кредит оказывает частное лицо помимо банка.

§ 5. *Крестьянский поземельный кредит* содействует так называемой *мобилизации земли* крестьян-производителей. Эта мобилизация совершается путем долгосрочных ссуд, оказываемых крестьянскими поземельными банками сельским обществам и частным крестьянам специально для покупки земли у помещиков. Однако этот кредит несравненно большую помощь оказывал помещикам, чем крестьянам. В сущности этот кредит, как например в царской России, не только не освобождал крестьян от помещичьей зависимости, но наоборот еще более закабалял крестьян. В России, например, крестьянский поземельный банк действовал в интересах помещиков, облегчая им продажу земель крестьянам по исключительно *высоким ценам*. «Таким образом, — говорит А. Зак, — Крестьянский банк из учреждения, призванного притти на помощь малоземельным крестьянам, превращался часто в пособника спекуляции». Крестьянство, благодаря ссудам, получало землю «в собственность», но фактическим собственником оставался банк; крестьянство в России было обременено непосильными ежегодными платежами банкам.

Как буржуазные иллюзии, связанные с кредитной кооперацией, так и аналогичные иллюзии в отношении крестьянского поземельного кредита (надеялись, что благодаря этому кредиту вся земля перейдет в руки трудовых крестьян и таким образом последние станут подлинно свободными, т. е. экономически независимыми) полностью обанкротились. Но иначе и не могло быть: мы уже установили, что кредит является мощным рычагом капиталистического прогресса, но именно *капиталистического*, т. е. такого прогресса, который базируется на *эксплоатации трудящихся*. Поэтому при капитализме кредит во всех его формах и во всех сферах хозяйства не только не освобождает трудящихся от эксплуатации, но напротив того создает *утонченные формы этой эксплуатации, развивает паразитарное рантьеерство и усугубляет капиталистическую эксплуатацию*.

§ 6. Наконец последним видом кредита вне сферы собственно капиталистического предпринимательства является *потребительский кредит*. Этот кредит существует как в форме *товарного*, так и в форме *денежного кредита*. Потребительский кредит в товарной форме, помимо

мелколавочного кредита, широко практикуется в ряде отраслей капиталистической торговли. Существуют такого рода предметы потребления, сбыт которых обязательно требует кредита. Мебель, швейные машины, велосипеды и автомобили, рояли и т. д., и т. д. продаются главным образом *в рассрочку*. За наличные все эти предметы может покупать лишь очень ограниченный круг населения. *Кредит сильно раздвигает рамки сбыта этих товаров.*

Американцы это прекрасно учли, и там *финансирование потребительского спроса* играет большую роль и регулируется специальными организациями. Конечно за наличные товар продается в общем дешевле, чем в кредит. За полученные в кредит товары потребитель всегда уплачивает проценты, но в скрытой форме. Так, например, мебельная фирма устанавливает *одну цену* на мебель и предоставляет покупателям рассрочку платежа. По внешней видимости нет различия в цене за наличные и в цене в кредит, и следовательно, как будто процент отсутствует. Но из благотворительности капиталисты конечно ничего не делают. *Этот самый мебельный фабрикант объявляет единую цену как за наличные, так и в кредит только потому, что он не рассчитывает продать значительной партии своих товаров за наличные.* Объявленная им «единая цена» есть цена в кредит, а не за наличные, и в этой цене уже учтен процент *на ссудный капитал*. Правда, этот капиталист может ограничиться в общем скромным, например средне-рыночным процентом, ибо целью его все же является реализация товара и получение *торговой прибыли* — кредитной же операцией он занимается как побочным делом, в силу необходимости. Поэтому, чтобы не поднимать слишком высоко цены (что невозможно при конкуренции, а при монополии это ограничивает массу «сбыта»), торговый капиталист может ограничиться такой накидкой на товар, продаваемый в кредит, которая как раз равна процентам на ссудный капитал, полученный им из банка. Если же в цену этих товаров процент не будет начислен, то фактически окажется, что капиталист лишится части или целиком своей торговой прибыли, что нередко и бывает, когда падает спрос на данный товар (в силу ли общих конъюнктурных условий или обострения конкуренции между производителями данной отрасли).

Так или иначе, но при *потребительском товарном кредите* деньги или точнее денежная стоимость данного товара так же, как и во всех других случаях кредита, ссужается как капитал. Между тем эта ссуженная стоимость не превращается в капитал, ибо она непродуцибельно потребляется, т. е. уничтожается. Из каких же источников уплачивается эквивалент этой стоимости и проценты на него? Эта уплата совершается *за счет личных доходов заимодавцев*. Если заимодавцем является рабочий или служащий, то за счет *заработной платы*; если землевладелец, — то за счет *земельной ренты*; если капиталист — за счет *прибыли* (конечно капиталисты и землевладельцы гораздо реже имеют надобность пользоваться потребительским кредитом, чем рабочие и мелкие служащие). Потребительский кредит, оказываемый рабочим, является по существу *дополнительным средством эксплуата-*

«Что рабочий класс надувается и в этой форме, и притом в вопиющих размерах, факт общеизвестный; то же самое совершает и мелкий торговец, снабжающий рабочего средствами существования. Это *вторичная эксплуатация*, сопровождающая первоначальную, которая осуществляется непосредственно в самом процессе производства» (*Маркс*). Рабочий эксплуатируется и как рабочий, и как потребитель. Сначала он получает на фабрике лишь стоимость своей рабочей силы — заработную плату, которая на много меньше стоимости созданных им и поступивших в собственность капиталистов товаров. Затем из этой заработной платы еще вычитаются проценты на ссуженные ему по потребительскому кредиту товары. Следовательно капиталисты не ограничиваются получением всей прибавочной стоимости, но в форме потребительского кредита *накладывают руку и на заработную плату*. Так нередко капиталисты устраивают при своих предприятиях *фабричные лавочки* и отпускают рабочим в кредит товары по повышенным ценам. При этом такого рода кредит является большей частью чисто *ростовщическим*.

К этому ростовщическому кредиту рабочим, служащим, мелким крестьянам, кустарям и ремесленникам приходится прибегать в очень широких размерах в периоды *безработицы*. Здесь «на выручку» попавшим в беду трудящимся приходят не только лавочники-ростовщики, но и специальные кредитные предприятия, оказывающие потребительский кредит в денежной форме, а именно — *ломбарды*. Последние оказывают ссуды частным лицам под залог домашних вещей и изделий из драгоценных металлов. Эти вещи оцениваются специалистами (причем эта оценка всегда бывает очень низкой) и поступают в залог, а заемщик получает деньги на определенный срок по процентам, всегда значительно превышающим средне-рыночный уровень процента. Если же к сроку ссуда не будет погашена, что бывает очень часто, то заложенные вещи продаются *с аукциона* (т. е. с открытого торга: вещь выставляется напоказ, и приобретает ее тот, кто предложит наивысшую цену), а вырученная сумма идет на погашение ссуды (излишек выдается заемщику). Клиентура ломбардов чрезвычайно разнообразна: здесь вы можете встретить и рабочих, и лиц духовного звания, и прислугу, и юриста, и ремесленника, и домовладельца. Нередко, конечно, ломбардным кредитом пользуются и такие слои населения, которые занимают деньги не в потребительских, а в хозяйственных целях, как например торговцы и ремесленники. Но ведь эти последние могут пользоваться кредитом и в других кредитных учреждениях; между тем потребительским кредитом в денежной форме занимаются почти исключительно одни городские ломбарды и лишь отчасти городские и сельские учреждения мелкого кредита.

§ 7. В общем потребительский кредит в обеих его формах по преимуществу является орудием эксплуатации трудящихся, и с этой точки зрения он не отличается от других видов кредита.

Итак мы видим, что если ссуженные деньги действительно превращаются в капитал, то они становятся орудием эксплуатации рабочих; когда они не превращаются в капитал, то они используются как орудие *сверх-эксплуатации* тех же рабочих, а также мелких самостоя-

тельных производителей и т. п. Кредит есть детище капитала, его могучее орудие. Но с устранением капитала кредит теряет под собой почву и, трансформируясь (видоизменяясь), постепенно отмирает.

Литература

- 1) Проф. З. С. Каценеленбаум, Учение о деньгах и кредите, ч. 2, гл. IV.
- 2) В. Н. Твердохлебов, Государственный кредит, Л. 1924.
- 3) М. Я. Герценштейн, Ипотечные банки и рост больших городов в Германии, П. 1932.
- 4) Проф. З. С. Каценеленбаум, Мелнорация, мелноративные товарищества и мелноративный кредит в России, изд. 4, М. 1922, гл. I и VIII.
- 5) Ф. И. Михалевский, Ипотечные банки в Германии.
- 6) Косинский, Учреждения для мелкого кредита в Германии, М. 1901.

Вопросы для повторения

- 1) Что такое государственный кредит и какие виды займов существуют?
- 2) Значение коммунального кредита.
- 3) Охарактеризуйте два типа кредитных кооперативов.
- 4) Может ли кредитная кооперация освободить трудящихся и мелкую буржуазию от эксплуатации?
- 5) Охарактеризуйте ипотечный кредит, в частности, ответьте на вопрос: можно ли считать, что этот вид кредита обслуживает всегда производственные нужды сельского хозяйства?
- 6) Кому более был нужен крестьянский поземельный кредит: помещикам или крестьянам?
- 7) Охарактеризуйте формы потребительского кредита и выясните его экономическое значение.

ГЛАВА XXVIII

КРИТИКА ТЕОРИЙ КРЕДИТА

§ 1. Два основных направления в теории кредита. § 2. Исходные принципы натуралистической теории кредита. § 3. Взгляды на кредит Д. Рикардо. § 4. Функция кредита по Дилю. § 5. Критика натуралистической теории. § 6. Общие принципы экспансионистической теории. § 7. Учение Джона Ло. § 8. Учение Маклэода. § 9. Новейшая экспансионистическая теория. § 10. Учение Гана. § 11. Учение Шумпетера. § 12. Критика экспансионистической теории. § 13. О так называемом создании капитала банками.

§ 1. Как в учении о сущности денег, так и в учении о сущности кредита и его роли в капиталистической системе, все буржуазные теоретики разбиваются на два лагеря. Этот спор начался еще в XVIII в. и сохранил всю свою остроту до сего времени.

В рамках каждого направления существует множество оттенков определений кредита и спорных вопросов по различным проблемам теории кредита и кредитной политики. Однако мы не можем останавливаться на изложении и критике всех отдельных направлений и обратимся к рассмотрению основных и общих принципов, характерных для двух основных направлений в теории кредита.

В зависимости от того, какое значение придается кредиту в хозяйственной жизни, можно различать, с одной стороны, «*капитало-посредническое*» или «*натуралистическое направление*» и, с другой стороны, «*капитало-творческое*» или «*экспансионистическое направление*».

1. Натуралистическая теория кредита

§ 2. Натуралистическое направление рассматривает капитал как вещь, а именно как хозяйственное благо, служащее для производства. Тем самым капитал — не историческая, но вещная категория: топор в руках дикаря тоже капитал, ибо он служит не для потребления, но для «производства»! Кредит же они рассматривают как передачу капитала одним лицом в пользование другому лицу. А раз так, значит и кредит — не историческая, но вещная категория.

Быть капиталом и служить объектом кредита — это не выраженные определенных исторически-ограниченных общественных отношений (как считают марксисты), но природное свойство вещи. Вот почему мы это направление называем натуралистическим («натуральный» — природный).

Реальное значение имеют только вещи, которые в кредитном акте передаются одним лицом другому лицу. Вне этих вещей кредит не существует и следовательно никакой ценности не имеет. Из этого определения кредита как простой передачи вещей (одни из натуралистов просто говорят о передаче вещей, другие — подчеркивают, что эти вещи передаются для производительного пользования) вытекает, что кредит не может создавать капитала-вещи и вообще не оказывает влияния на производство.

§ 3. «Я не думаю, — говорит Рикардо, — чтобы кредит имел вообще какое-нибудь действие в области производства продуктов; продукты производятся только при помощи труда, машин и сырых материалов, и если эти последние где-нибудь употребляются, то они необходимо должны быть извлечены из другого места. Кредит является средством, которое переносится от одного лица к другому для использования фактически существующего капитала; он не создает капитала; он только определяет, кем этот капитал будет использован; перенесение капитала от одного применения к другому часто может быть очень полезно, но оно также может быть очень вредно».

В этих словах Рикардо выражена сущность натуралистической теории. Кредит может оказывать лишь то лицо, которое имеет в своем распоряжении капитал-вещь. Если он отдает эту вещь другому лицу, то ясно, что сумма этих вещей и следовательно объем наличного функционирующего капитала во всем обществе не увеличивается. Отсюда вывод Рикардо, что кредит не может иметь «какого-нибудь действия в области производства продуктов». А раз так, значит кредит не является существенным и необходимым элементом капитализма как определенной системы производства.

Следует отметить, что это направление в теории кредита развивалось в полемике с другим направлением, выдвигавшим прямо противоположные взгляды. Неустанно повторяя, что кредит не создает капиталов, классики политической экономии имели в виду знаменитого шотландца Джона Ло (XVIII в.), который выдвинул и пытался практически осуществить противоположный взгляд. Борясь с этим взглядом, классики отрицали существенное значение кредита для капитализма.

«Примером сбивчивости понятий о сущности кредита, — говорит

Дж. Ст. Милль, — может служить утрированный тон, которым так часто говорят о его национальной важности. Он не может создать нечто из ничего. Очень часто рассуждают о расширении кредита так, как будто оно равносильно созданию капитала или как будто кредит и есть сам капитал. Странна необходимость доказывать, что, будучи лишь разрешением одному лицу пользоваться капиталом другого лица, кредит не увеличивает, но лишь переносит средства производства». Итак для *Дж. Ст. Милля* казалось даже странным доказывать, что кредит не влияет на производство, что при его посредстве лишь переносится *наличные* средства производства и что поэтому говорить о каком-либо важном народнохозяйственном значении кредита бессмысленно.

Банк же, с точки зрения этого направления, является *посредником* в той передаче капиталов из рук в руки, которая осуществляется при посредстве кредита. Он принимает капиталы от одних лиц (пассивные операции) и передает их другим лицам (активные операции). Но если банк не имеет в наличии капиталов, то ему и нечего передавать в ссуду. *Отсюда — пассивные операции банков определяют и ограничивают их активные операции.* Поэтому банкам принадлежит не руководящая, но второстепенная посреднически-«маклерская роль» в капиталистическом хозяйстве. Этот последний вывод современные натуралисты в противоречии с исходными положениями классиков не делают, ибо такое утверждение было бы просто нелепым в условиях финансового капитализма. Напротив того, утверждая, с одной стороны, свою солидарность с классической теорией кредита, новейшие представители натуралистической теории подчеркивают *важное* народнохозяйственное значение кредита.

§ 4. Если мы обратимся к *Карлу Дилю*, который является таким же последовательным защитником натуралистической теории кредита, как и металлистической теории денег, то найдем у него подробный разбор народнохозяйственных *функций кредита*. Он отмечает, *во-первых*, что кредит предоставляет возможность капиталистической деятельности и для тех, кто не располагает капиталом, и тем самым приводит к *усилению* производительной силы действия капитала».

Во-вторых, «благодаря созданию кредитных платежных средств значительно уменьшается количество необходимых для хозяйственного оборота наличных (металлических) денег». (*Диль* упоминает и о других функциях, которые как несущественные мы не будем рассматривать.)

Подытоживая сказанное о сущности и функциях кредита, мы можем так определить *социальную роль кредита* с точки зрения натуралистической теории. Кредит играет *пассивную* и *подчиненную* роль в развитии производительных сил при капитализме и не является *специфическим* и *необходимым* элементом этого последнего. Кредит не в состоянии вызвать к жизни новые капиталы, но лишь распределяет *наличные капиталы* и этим дает возможность лишь более производительного употребления этих благ.

§ 5. Капитал представляет собой определенное общественное отношение, выраженное в вещи, и для того, чтобы данная вещь стала капиталом, должно возникнуть это общественное отношение; и лишь

поскольку это последнее налицо, данная вещь является капиталом. Маркс не устал подчеркивать, что *«деньги и товар сами по себе — не капитал: они еще должны быть превращены в капитал»*. Между тем именно благодаря кредиту осуществляется превращение денег и товаров в капитал в тех случаях, когда эти последние не могут быть непосредственно их владельцем превращены в капитал. Этого не понимают натуралисты, и поэтому они не в состоянии правильно оценить общественные функции кредита и необходимость кредита для капитализма.

Кредит не только переносит уже существующий капитал из рук в руки, но — и в этом вся суть кредита — *превращает деньги и товар в капитал, придает им форму капитала, делает возможным функционирование их в качестве капитала*. Нелепость взгляда на кредит, как на простую передачу наличного капитала, очевидна из следующего. При капитализме, в особенности при финансовом капитализме, концентрируются в банках миллиардные суммы мелких сбережений и временно свободных средств функционирующих капиталистов, а также некапиталистических кругов. Могли бы все эти в своей совокупности миллиардные суммы богатства превратиться в капитал без посредства кредита? Конечно нет, ибо в условиях современного крупно-концентрированного производства владельцы не только мелких, но и крупных сбережений, сами, без посредства кредита, не могут использовать свои деньги как капитал. То же относится и к временно свободным средствам функционирующих капиталистов. Если деньги лишь временно свободны или если у кого-либо имеется *сбережений* на несколько тысяч рублей, то никакого иного пути эти средства, кроме банков и фондовой биржи, не могут найти. Непосредственно их нельзя превратить в производительный капитал. А раз так, значит до кредитной сделки все эти средства, которые выражают собою сумму вещей, *не являются капиталом*, и лишь через посредство кредита, через эту социальную форму, они превращаются в капитал. Таким образом учение о кредите исключительно как о средстве перенесения из рук в руки *наличного капитала* ошибочно и противоречит действительности. Из этой ошибки вытекает недооценка натуралистами социальной роли кредита.

Далее натуралисты не могут понять все тех явлений кредита, когда никакой передачи *наличных* вещей или денег не происходит. Ведь в соответствии с исходным принципом натуралистов объем активных операций банков должен соответствовать объему *аккумулированных* ими пассивов. Но это совершенно не согласуется с действительностью, ибо, как мы уже знаем, банки не только *аккумулируют*, но и сами *создают средства обращения*, которые в процессе активных операций ссужаются так же, как и аккумулярованные средства. Мы знаем далее, что это имеет силу не только по отношению к банкотно-эмиссионным банкам, но также и по отношению к депозитным или коммерческим банкам, которые вместо банкнот эмитируют депозиты-чеки.

Для того чтобы как-нибудь объяснить банковскую эмиссию средств обращения, натуралистам приходится прибегать к натяжкам. Так например, когда банк ссужает клиенту эмитированные банкноты, то ясно,

что этот банк *не имел в наличии* того «капитала», который он ссудил. В этом случае натуралисты (в частности проф. З. С. Каценеленбаум) говорят, что вещь все же переходит из рук займодавца в руки заемщика, но займодавцем, вопреки совершенно очевидным фактам, они считают не банк, но... то лицо, которое отдаст свои товары в обмен на банкноты. Таким образом когда клиент получает в ссуду банкноты из банка, то это не кредитная сделка, а когда клиент покупает за *наличные* средства обращения (банкноты) товар, то это рассматривается как кредитная сделка. Таким образом покупка за наличные становится кредитной сделкой, а подлинная кредитная сделка — заем в банке — лишается этой характеристики. Ясно, что такого рода рассуждения представляют собой насилие над действительностью, ее искажение — вместо научного объяснения. Итак натуралисты, настаивая на тезисе об абсолютной обусловленности активов аккумулированными пассивами, не могут понять *необходимость кредита* как формы обращения, следовательно закономерность кредитной эмиссии. Пассивные операции они понимают *односторонне* (только как аккумуляцию) и не вскрывают действительного строения пассивных фондов банков.

Наконец натуралисты, с точки зрения своих исходных принципов, совершенно не могут объяснить противоречия между движением ссудного капитала и действительного капитала. Если ссудный капитал всегда выражает собою сумму «реальных капиталов»-вещей, передаваемых в ссуду, то каким образом в период кризиса при *всеобщем* избытке «реальных капиталов», т. е. товаров, ощущается острый недостаток в ссудных капиталах? Это с полной очевидностью подтверждает, что движение кредита не однозначно с движением «реальных капиталов»-вещей, а между тем многие натуралисты как раз настаивают на этой однозначности...

Нам нет надобности рассматривать прочие ошибки натуралистов, так как сказанное вполне очевидно показывает, что эта теория находится в явном противоречии с действительностью, а это значит, что самые основные, исходные принципы этой теории ложны. Капитал — это не вещь, а кредит — не простая передача вещей из рук в руки... Исходные принципы натуралистической теории кредита так же далеки от марксова учения, как и принципы металлистической теории денег, и поэтому глубоко ошибочно отождествление марксова учения о деньгах и кредите с буржуазными, фетишистскими теориями денег и кредита.

II. Экспансивистическая теория кредита

Это направление в теории кредита мы называем *экспансивистическим* потому, что оно требует постоянного расширения (экспансии) кредита путем эмиссии, полагая, что эта кредитная экспансия вызывает развитие производительных сил и что без этой *активной роли* кредитной экспансии вообще невозможно экономическое развитие.

Для натуралистов реален только капитал — блага. Остальное — чистая фикция. И деньги — это тоже фикция богатства, но не само богатство. С этой точки зрения *реальность кредита* заключается в тех *благах*, которые передаются из одних рук в другие. Независимо от

этих благ, кредит как реальная ценность — не существует; он есть фикция.

§ 6. Диаметрално противоположен взгляд экспансивистов. Для них кредит и помимо тех благ, которые передаются из рук в руки, представляет *ничто реальное*, имеет ценность и в качестве последней фигурирует в экономической жизни наряду с другими «реальными ценностями» (благами). В чем же реальность кредита?

«Кредит так же хорош, как и деньги». Кредит, основанный на простом доверии к обязательству *будущего платежа*, является платежным и покупательским средством в данный момент. А так как экспансивисты отождествляют сущность денег с их формой средств обращения и платежа, то из этого ложного положения они делают вывод: *кредит, обладая покупательской силой, есть деньги*.

Далее мы знаем, что деньги есть форма, в которой авансируется и в которой в то же время и выражается функционирующий капитал. Если вы авансируете деньги промышленнику или купцу, то ясно, что вы авансируете их как *капитал*. Следовательно кредит *создает капитал*, и тот, кто обладает кредитом, располагает поэтому *добавочным капиталом*, и отсюда *кредит* для него есть *капитал*.

Наконец, так как банк, выпуская банкноты или открывая текущие счета клиентам, может создавать для себя кредит, а так как кредит есть деньги, а деньги есть капитал, то ясно, что *банк, создавая кредит, создает в то же время и капитал*. Таковы в общих чертах основные принципы этой теории.

§ 7. Основателем этого направления считается знаменитый Джон Ло.

Ло выступал горячим защитником того, что новейшие экономисты называют «*кредитной экспансией*», и отождествлял *деньги с кредитом*.

«Кредиты необходимы и полезны, — говорил Ло, — они производят тот же эффект и то же благо в торговле, как если бы количество денег увеличилось». Ло прямо утверждает, что банк *создает кредит* (а кредит есть деньги): «Создание кредита, — пишет Ло во «Втором мемуаре о банках», — через посредство банка увеличило бы в течение года количество денег в гораздо большей мере, чем это сделала бы выгодная торговля в течение десяти лет: поэтому для Франции необходимо прибегнуть к помощи кредита — или же она будет находиться в состоянии *слабости* по сравнению с другими державами, которые пользуются кредитом».

Ло полагает, что новые выпуски денег при посредстве кредита могут *снизить процент*, привести к обилию капиталов и всеобщему процветанию Франции: «Только обилие денег, — говорил Ло в том же мемуаре, — может естественным образом (?) вызвать беспрепятственно этот хороший эффект; только учреждение кредита может доставить обилие денег и дать первый толчок, который в дальнейшем даст Франции эти блага» (курсив наш. — З. А.).

И именно этот «*первый толчок*» является фундаментом новейшей экспансивистической теории, и например Шумпетер (см. ниже) строит на этом всю свою систему кредита и хозяйственной динамики.

Приведенные выше взгляды Ло на деньги и кредит и их роль в хозяйственной жизни дают основание формулировать следующим образом «систему» Джона Ло: *деньги — это капитал, кредит — это деньги, бумажные деньги — это кредит*.

Отсюда выпуск бумажных денег есть создание кредита, создание кредита есть создание капитала, следовательно выпуск бумажных (кредитных) денег есть *создание капитала*.

Хотя в таком виде «система» Джона Ло не была формулирована самим автором, однако приведенная формула вполне соответствует «духу» всей его теории, внутренней логике его «системы». И в этой формулировке даны уже основные принципы экспансивистической теории. Из этой последней не может быть поэтому вы-

черкнуто имя *Джона Ло*, ибо эволюция этой теории начинается с *Джона Ло*, подлинного «отца» современных экспансионистов.

§ 8. В дальнейшем основные исходные положения этой школы основательно фундаментализировал *Маклеод*, который обосновал тезис: *кредит есть деньги и деньги есть кредит*. Кредит есть деньги потому, что, располагая кредитом, вы можете так же приобретать блага, как и в том случае, когда у вас имеются наличные. Кредит же основан на *доверии*, следовательно и доверие имеет силу денег.

Если кредит есть деньги, то, с другой стороны, и деньги есть кредит, ибо, если вы за продукт получаете деньги, то это вы делаете лишь в *доверии* к тому, что за деньги можно получить различные блага. Следовательно когда вы продаете за наличные, то вы тоже оказываете кредит, ибо деньги есть только кредитный документ. отсюда продажа за наличные есть продажа в кредит, а продажа в кредит есть продажа за наличные, ибо и наличные (деньги) есть тоже кредит.

Логика заставляет *Маклеода* причислить к деньгам не только банкноты, чеки, векселя, жиро-счета, но даже и *почтовые марки*, ибо все эти объекты могут служить платежным средством и погашать долги.

Маклеод рассматривает кредит как *дополнительные деньги*, как прибавку к наличным в стране деньгам. Банки, с его точки зрения, в форме депозитов и банкнот создают своим кредитом новые деньги, и поэтому он считает, что кредит имеет такое же значение для хозяйства, как Нил для Египта!

«Создавая кредит в пользу своего клиента, — говорит *Маклеод*, — банкир извлекает такую же прибыль, как если бы выдал ему наличные деньги. Из этого очевидно следует, что *банковский кредит есть банковый капитал*», а поскольку и *торговый кредит* есть также капитал, постольку вообще *«кредит есть капитал»*.

Маклеод подчеркивает, что *«кредит очевидно есть вид невестественного капитала»* и следовательно банк увеличивает не конкретно-материальную, но именно эту «невещественную форму капитала».

Деятельность банка, по *Маклеоду*, «заключается в создании обязательств, в умножении долгов, которые должны исполнить все обязанности денег и которые, исполняя эти обязанности, равносильны во всех отношениях такому же капиталу».

Этим конечно не сказано, что банк создает хлеб из воздуха, как это хотя бы предоставить критики *Маклеода*, но здесь фетишизм денег и капитала достиг своего апогея. Для *Маклеода* капитал — это все, что может принести прибыль (прибавочной стоимости для него не существует), и если выпуск банком «долгов» (т. е. банкнот или открытие текущих счетов) приносит прибыль, значит то, что выпускается, есть действительный капитал, именно «невещественный капитал», который равен «вещественному капиталу».

§ 9. Свое завершение экспансионистическая теория кредита нашла в трудах современных немецких экономистов — *Альберта Гана* и *Иосифа Шумпетера*. С их теоретическими положениями нам необходимо ближе познакомиться, так как они возглавляют *господствующее течение* в современной буржуазной литературе, посвященной кредиту. Учение этих авторов в своем принципиальном основании и общих выводах по существу ничем не отличается от учения *Маклеода*. Они лишь внесли ряд новых моментов в это учение, в частности *Ган*, аналогично *Кнаппу* в теории денег, дал с точки зрения исходных принципов этого направления классификацию кредитных отношений, классификацию банков, критику различных учений о сущности кредита и т. п. Но наряду с этим *Ган* и *Шумпетер* пытаются конкретно показать тот механизм, посредством которого банки осуществляют свои творческие функции и свою ведущую роль в развитии производительных сил. Эта сторона их учения представляет наибольший интерес, поскольку эти авторы претендуют на *научное обоснование* принципов этого направления. Поэтому оставляя в стороне разбор всей системы *Гана* и *Шумпетера*, мы ограничимся только анализом отмеченной выше самой существенной стороны их учения.

Для того чтобы доказать, что банки создают действительные деньги, *Ган* прежде всего отождествляет деньги с платежным средством.

§ 10. «Чек или жиро-счет, — утверждает *Ган*, — который в качестве платежного средства переходит от одного лица к другому, только юридически суть право требования на деньги, а с экономической точки зрения, когда и поскольку они не размениваются на валютные деньги, — *суть не только право на деньги, но и сами деньги*».

И для него так же, как и для *Маклеода*, объектом ссуды является кредит как таковой, т. е. доверие, а поскольку кредит есть деньги, а деньги ссужаются всегда как капитал, постольку вывод ясен: банк создает новый капитал. Правда, такого категорического вывода о создании капитала банком *Ган*, в отличие от *Маклеода*, не делает видимо потому, что заранее хочет предохранить себя от плоских обвинений в создании «нечто» из «ничего», в чем обвиняли *Маклеода*. У *Гана* мы не находим метафизического понятия, «невещественного капитала», и поэтому *Ган* не может сказать, что кредит есть капитал и что отсюда создание кредита есть создание капитала.

По *Гану*, банк создает не капитал, но *кредит*, и именно «кредит в буквальном смысле слова»; а уже кредит является средством создания капиталов и расширения производства. Отсюда «первичные банки» суть те банки, которые «создают кредит», а «вторичные банки» — только посредничают в кредите.

Из основного положения *Маклеода* о способности банков при посредстве кредита создавать покупательскую силу вытекает и знаменитый тезис *Гана* о *приоритете активных операций*, который и является центральным пунктом нападков его современных критиков.

Ган утверждает, что пассивным операциям предшествуют активные банковские операции, и что депозит создается открытием клиенту банка кредита по текущему счету, и поэтому «пассивные операции банка являются не чем иным, как рефлексом уже совершенных операций по предоставлению кредита».

Ган утверждает далее, что «все банки в совокупности, т. е. включая и центральный эмиссионный банк, имеют неограниченную возможность предоставлять кредит» и что «предоставление кредитов ни в каком случае не зависит от каких-либо моментов, лежащих вне сферы техники банковского дела и денежного обращения». Но что значит — банки неограниченно могут предоставлять кредит? Это значит, что они неограниченно могут создавать, т. е. эмитировать покупательские и платежные средства в форме банкнот или депозитов-чеков.

Мы знаем, что всякая избыточная эмиссия средств обращения означает не что иное, как *инфляцию*, а инфляция имеет своим следствием обесценение денежных знаков. *Ган* все это прекрасно понимает, но его не пугает *инфляция*. «Инфляторный кредит», — как выражается *Ган*, — «означает экспроприацию тех, которые могли надеяться на деньги, полученные в виде ренты или заработной платы, купить определенное количество товаров, а теперь могут получить лишь часть их вследствие обесценения денег, которым сопровождается кредитная инфляция».

Таким образом благодаря кредитной инфляции *принудительно* ограничивается потребление и расширяется производство, поскольку эмитированные покупательские средства предоставляются в распоряжение производителей. Таким образом кредитная инфляция прямо *стимулирует* производство и *ограничивает* потребление (но каким образом при постоянном ограничении потребления расширяется производство — *Ган* не объясняет!). Пределы же этой экспансии кредита «достигаются тогда, когда сколь угодно сильное перераспределение благ в ущерб чи-

стым потребителям уже не в состоянии втянуть новые рабочие силы в производство благ». Мы видим, как заманчива теория Гана: ведь применение ее на практике должно было бы привести к небывалому расцвету капитализма и абсолютному уничтожению безработицы, которая, с точки зрения марксовской теории, никогда не может быть устранена при капитализме.

§ 11. Шумпетер дает более серьезное обоснование экспансионистической теории кредита, которое в основном сводится к следующему. Если Ган отождествлял деньги с платежным средством, то Шумпетер пошел еще дальше: он поставил знак равенства между платежными средствами, деньгами и капиталом. Он отказывается от грубо-натуралистического определения капитала и дает свое более «широкое» определение. «Только платежные средства, — говорит Шумпетер, — суть капитал и не просто «деньги», но средства обращения вообще, какого бы рода они ни были. Однако капиталом являются не все платежные средства, но только те, которые фактически выполняют характерную для них функцию». Эта «характерная функция» заключается в том, что эти платежные средства используются «для создания новых благ». Кредит же создает эти платежные средства и следовательно косвенно создает новый капитал.

«Кредит, — говорит он, — по своему существу есть создание покупательской силы в целях предоставления ее предпринимателю, но не просто предоставление последнему наличной покупательской силы — свидетельств на наличные продукты. Создание покупательской силы принципиально характеризует метод, который осуществляет хозяйственное развитие в незамкнутом народном хозяйстве».

Под «незамкнутым народным хозяйством» в данном случае подразумевается капитализм. Для Шумпетера кредит — основной фактор хозяйственного развития, единственный рычаг производства, ведущее начало всей капиталистической динамики.

«Новая теория кредита, — говорит Шумпетер, — есть, с одной стороны, новая теория источников предложения кредита и, с другой стороны, функции кредита в жизненном процессе народного хозяйства. На основе фактов новая теория рассматривает создаваемую *ad hoc* (т. е. «наперед» или «из ничего») банковскими методами новую покупательскую силу не только как один из источников предложения кредита, но и как то основное и важнейшее, без которого вообще невозможно финансирование современного индустриального развития». Однако при всем этом Шумпетер отнюдь не отрицает значения сбережений: «это не значит», — подчеркивает он, — что отвергается значение сбережений». (Считая, что плата процентов по текущим счетам является исторической случайностью, Ган в противоположность Шумпетеру тем самым отрицал значение сбережений. — З. А.)

«Энергия, при посредстве которой сберегаются средства, есть конечно существенный элемент судьбы народа и его будущности». Признавая полезность сбережений, Шумпетер все же подчеркивает, что основа кредита не в аккумуляции сбережений, но в создании покупательской силы *ad hoc*. «Однако, — продолжает он, — помимо этого, имеется еще другой очень эластичный фонд в народном хозяйстве, ко-

торый дан возможностью создания покупательской силы и который, как источник финансирования операций, не связан наличным сбереженным капиталом... и это происходит фактически всегда, когда *ничто новое финансируется*.

Когда банки используют свои эмиссионно-творческие возможности в той или иной форме не для обслуживания обращения, но для *финансирования производства*, то такой образ их действий обычно осуждается теоретиками кредита в качестве ненормальных методов, неизбежно вызывающих хозяйственные потрясения. Шумпетер же (так же как и Ган) в теории — смелый и последовательный экспансивист. Он утверждает, что «*поскольку речь идет о теоретическом анализе существа вещи и основного механизма индустриального развития при капитализме, постольку эти методы финансирования (создание ad hoc покупательской силы, — З. А.) следует рассматривать как собственно-нормальные и еще более как единственно возможные*».

Таким образом Шумпетер, так же как и Ган, приходит к неограниченному созданию платежных средств банками для финансирования нового производства, следовательно к *кредитной инфляции*.

Однако *кредитная экспансия действует аналогично бумажно-денежной инфляции*, и это прекрасно понимает сам Шумпетер. Но бумажно-денежная инфляция никем, и Шумпетером в том числе, не признается *необходимой*, и здесь вместо *экспансии* все выдвигают *рестрикцию* (сокращение). Поэтому экспансивистическая теория должна показать, в чем принципиальное отличие обоих видов инфляции и каков тот «естественный механизм», который заменяет необходимость рестрикции при бумажно-денежной инфляции.

Шумпетер не отрицает, что смысл кредитной инфляции заключается в том же, в чем смысл государственной бумажно-денежной инфляции: усиленный выпуск средств обращения *повышает цены, снижает наличные реальные доходы и притягивает блага к эмитентам или к тем лицам, которые пользуются эмиссией*. Аналогично и действие обоих видов инфляции на общее хозяйственное положение, торговый баланс и уровень цен.

В этом пункте Шумпетер оставляет аналогию между обоими видами инфляции. Коренное различие между ними заключается, с его точки зрения, в том, что в то время как при бумажно-денежной инфляции возросшая масса средств обращения (если не последует дефляционных мероприятий) остается в обращении и имеет тенденцию повышать уровень цен и еще более ухудшать наступившее опустошение товарного мира (так что требуются общеизвестные и болезненные мероприятия, чтобы восстановить прежнюю массу средств обращения), механизм *коммерческой кредитной инфляции* *заключает корректив в самом себе*.

«Этот корректив есть отражение того факта, что процесс, элементом которого является этот тип инфляции, означает *улучшение национального производственного аппарата, повышение производительности*».

Каким образом это происходит? Шумпетер даст отчетливый ответ и на этот вопрос. Через некоторое время после получения дополнительных кредитов предприниматели выбрасывают на рынок вновь соз-

данные товары, и таким образом появляется товарная масса для вновь созданной покупательской силы. «*Параллелизм между денежным и товарным потоками вновь восстанавливается*», чего нет при бумажно-денежной инфляции. Более того выпуск товаров даже должен быть больше, чем сумма выданных кредитов плюс проценты, ибо в противном случае новые предприятия были бы с частнохозяйственной точки зрения нерациональными: ведь смысл всего процесса в том и заключается, что средства производства, служащие теперь для новых комбинаций, должны быть использованы целесообразнее, чем при прежнем применении. «Уже простое появление новых продуктов означает следовательно корректив происшедшей инфляции, *автоматическую дефляцию*, которая опять снижает уровень цен».

§ 12. Совершенно неверны исходные положения экспансивистов. Средства обращения — не деньги, а деньги (вопреки *Шумпетеру*) — не капитал. Фетишистическое понимание капитала свойственно экспансивистам так же, как и натуралистам. *Ган* понимает под капиталом средства производства вообще, а *Шумпетер* — все виды платежных средств, используемых для производства.

И то, и другое понимание капитала одинаково неправильно; капитал — это, как мы знаем, не вещь — будь то средства производства или платежные средства, — а определенное общественное отношение. Далее создавать средства обращения — это не значит создавать действительный капитал. *Ни прямо, ни косвенно банки не могут создавать капитал как таковой*. Они создают на основе коммерческого кредита средства обращения, которые на денежном рынке выступают как *судный капитал*.

По экспансивисты отождествляют создание платежных средств с созданием действительного капитала в том смысле, что созданные банками платежные средства путем перераспределения наличных материальных фондов (ограничение потребления) *обязательно* и всегда, в неограниченных размерах, приводят к образованию нового производительного капитала. Мы показали, как *Ган* и *Шумпетер* реально представляют себе механизм такого рода кредитной экспансии... Следует доказать, что этот механизм не действует.

Кредитная экспансия, как ее рисуют *Ган* и *Шумпетер*, не сможет привести к общему хозяйственному подъему, потому что она сама по себе означает *нарушение пропорциональности воспроизводства общественного капитала, и вот почему*.

Как установлено марксовым анализом, все общественное производство разбивается на два основных подразделения: а) производство средств производства и б) производство средств потребления. Соответственно этому вся масса годовой общественной продукции состоит из двух элементов: а) средств производства и б) средств потребления.

Между основными подразделениями общественного производства, равно как и между отдельными отраслями внутри этих подразделений, должно быть известное соответствие. Нарушение этого соответствия приводит к кризисам, которые неизбежны для капитализма, поскольку при этом строе никто сознательно не регулирует соотношение элементов общественного производства. А так как кредит и денежное

обращение также являются одним из элементов общественного воспроизводства, то нарушение соответствия между кредитно-денежной надстройкой и ее материальным производственным базисом действует в направлении увеличения диспропорциональности.

Ган и *Шумпетер*, провозглашая необходимость *неограниченной* кредитной экспансии, видят в этом путь устранения кризисов, хотя в действительности именно эта политика должна увеличивать диспропорциональность.

Выдвигая необходимость финансирования нового производства за счет кредитной эмиссии, экспансионисты ничего не говорят об *объеме* этого финансирования (принципиально с их точки зрения возможен любой объем эмиссии). Допустим, что наличная продукция общества состоит на 4 млрд. руб. из средств производства и на 2 млрд. руб. из средств потребления. И те, и другие находятся в распоряжении их собственников. Но тут выступают *Ган* с *Шумпетером*, которые создают для финансирования производства на 3 млрд. руб. платежных средств. Но каким образом они могут передать производителям на соответствующую сумму реальных ценностей за счет ограничения потребления, если все потребление составляет 2 млрд., а эмиссия — 3 млрд? Если предположить, что эта кредитная инфляция вызовет подъем цен на 50%, то покупательная сила нынешних 3 млрд. руб. будет равна прежним 2 млрд. руб.; таким образом *расширение объема производства за счет эмиссии потребует полного уничтожения потребления, что конечно нелепо.*

Но допустим, что *Ган*, вопреки своей теории, будет более благомыслен и создаст для финансирования производства не 3, а всего 1½ млрд. руб. платежных средств, которые с учетом обесценения денег составят реальную покупательную силу в сумме 1 млрд. руб.

Каким же образом объем производства может быть расширен за счет ограничения потребления на 50%, если большая часть средств потребления *вещественно* отлична от средств производства? Конечно расширение производства требует и увеличения рабочей силы, и следовательно *средств потребления* рабочих. Но например финансируемая гановско-шумпетеровским методом машиностроительная промышленность требует не только новой рабочей силы, но и строительных материалов, железной руды и пр., а все средства производства общества, составляющие 4 млрд. руб., уже находятся в собственности производителей.

Таким образом *оказывается, что недостаточно одного ограничения потребления, но требуется и ограничение производства на сумму средств производства, необходимых для этих новых предприятий.* Итак создание новых предприятий возможно только за счет ликвидации или ограничения производства наличных предприятий. И нет никакого основания предполагать, что эти новые предприятия, порожденные кредитной инфляцией, будут более производительными, чем прежние, созданные при нормальной обстановке.

Далее нарушение пропорциональности общественного воспроизводства является прямым следствием кредитной инфляции. Чем энергичнее развивается кредитная инфляция, тем сильнее, по Гану, ограничивается

потребление. Но ведь производство ради производства невозможно; следовательно *кредитная инфляция лишь усиливает присущее вообще капитализму противоречие между производством и потреблением*. Кроме того, как мы показали, кредитная инфляция вызывает диспропорциональность и в рамках первого подразделения, ибо расширение одних отраслей в результате кредитной инфляции обязательно требует сокращения других отраслей.

Таким образом, вопреки мнению экспансивистов, путь развертывания кредитной инфляции не только не может устранить противоречий капитализма, но наоборот может лишь их усугубить. И сам *Шуметер* отчасти это понимает и поэтому рекомендует в своих «практических» предложениях обуздывать кредитную инфляцию при посредстве золотой валюты. Но как раз в этом случае невозможна активно-ведущая роль кредитной экспансии. *Таким образом теория Шуметера уничтожается его же собственным практическим предложением, и именно потому, что, как мы показали, сама теория ошибочна.*

Точно так же и *Ган* (а также и все прочие экспансивисты, как например *Зомбарт* или *Оутри*) испугался выводов своей собственной теории и в своей новейшей работе (статья в 4-м издании немецкого экономического словаря) рекомендует *не кредитную инфляцию*, по такую «разумную кредитную политику», которая считалась бы с опасными последствиями обесценения денег: «Кредитная экспансия — одно из сильнейших средств, может быть даже самое сильное средство возбудить хозяйственное развитие страны путем полнейшего использования производительных сил, ускорить его и довести до высшего расцвета. Но этот путь ведет к относительной экспроприации владельцев денег и создает опасность кризисов сбыта, от которых современное капиталистическое хозяйство и без того достаточно страдает».

Таким образом экспансивистическая теория оказывается в противоречии с действительностью. Кредит и кредитная политика целиком и полностью обусловлены процессом производства, экспансивистическая же теория, утверждающая обратную связь, не могла не оказаться в противоречии с фактами. А раз неверно основное положение экспансивистов о творческой, ведущей роли кредитной экспансии, то неверны и все прочие, связанные с этим принципом, положения.

В частности совершенно неверно, что пассивные операции целиком и полностью обусловлены активными и являются не более, чем рефлексом этих последних. Но неверно также и обратное положение натуралистов. Мы уже знаем, что пассивы банков состоят из двух основных фондов: а) аккумулированного и б) эмитированного. Первый фонд обуславливает объем совершаемых из его ресурсов активных операций; второй сам обуславливается объемом необходимых *активных* операций для обслуживания коммерческого кредита, т. е. процесса товарообращения.

Таким образом нами отбрасывается как указанный тезис экспансивистов, так и противоположный тезис натуралистов.

В очевидной переоценке роли кредита при капитализме экспансивистов имеется однако одна положительная сторона: в противоположность натуралистам экспансивистическая теория подчеркивает *необхо-*

димостъ кредита при капитализме. Вот что говорит по этому поводу Ган:

«*Без кредитования, — говорит Ган, — никакие материальные блага не могли бы производиться, не могло бы произойти никакое капиталообразование для производства средств производства (разрядка наша. — З. А.). Кредитование есть то, что притягивает к себе капиталообразование, как вторичное явление, подобно тому как всякий спрос вызывает деятельность для его удовлетворения — производство. Кредитование есть не только причина капиталообразования, оно является также определяющим началом для их соединения, их величины, и даже для распределения между субъектами в народном хозяйстве».*

Подчеркивая, что кредит является необходимым элементом капиталистического способа производства, Ган совершенно прав. Однако все остальное в приведенной цитате совершенно неверно: кредитование не есть причина капиталообразования, и оно не определяет весь процесс производства. Это было выше нами доказано. В этом отношении теория Гана стоит ниже натуралистической теории, поскольку последняя строго держится за принцип обусловленности кредита и денежного обращения процессом производства.

Экспансивисты ложно трактуют функции банковской эмиссии средств обращения. Но все же они признают закономерность и необходимость таковой, в то время как с точки зрения натуралистической теории создание пассивов банками вообще незаконно и невозможно.

Экспансивистическая теория во всех своих построениях исходит из действительных фактов создания банками пассивов, т. е. кредитной эмиссии. Но эти факты могут быть поняты и объяснены только с точки зрения правильной теории денег, капитала, воспроизводства и кризисов, а такой научный базис отсутствует у всех без исключения экспансивистов.

§ 13. Критическое ознакомление с основными буржуазными теориями кредита дает нам возможность более определенно установить марксистскую позицию в споре о том, создает ли кредит или банк капитал.

В главе 20, § 4, мы определили функции банков и банкиров, как посреднические, постольку они торгуют ссудным капиталом. Однако из этого отнюдь не следует, что наше понимание сущности и функции банков совпадает с натуралистической теорией. Ошибка последней не в том, что она считает функции банков посредническими, но в том, что она, как выше было показано, неправильно понимает это посредничество.

Маркс тоже считал банкиров посредниками между денежными и функционирующими капиталистами. Маркс говорил, что банкиры «выступают как посредники между действительным заимодавцем и заемщиком денежного капитала». Но Маркс этим не ограничивался: он подробно анализировал специфические особенности этой посреднической деятельности банков. Маркса интересовал не вопрос о том, создает ли банк капитал, но проблема о роли кредита при капитализме (см. гл. 20, § 1). Своими посредническими функциями банки осуществляют процесс превращения денег в капитал (а не только распределяют наличный капитал), а именно таким образом, что придают деньгам форму ссудного капитала.

К этому сводятся все кредитные операции банка. Так например, когда банк подучает деньги от вкладчиков и их ссужает производительным капиталистам, то ясно, что здесь не происходит никакого создания новых капиталов в истинном смысле этого слова (т. е. как создания новой стоимости). Однако этими операциями банки превращают деньги в капитал, придают им форму ссудного капитала. И в большинстве случаев только благодаря банку деньги могут быть превращены в капитал через форму ссудного капитала.

Таким образом благодаря банкам происходит не создание ссудных капиталов, но абсолютное необходимое для капиталистической системы производства образование формы ссудного капитала и свободных и распыленных между отдельными лицами денежных фондов.

Однако может показаться, что банк все же создает ссудный капитал в тех случаях, когда выдает в ссуду банкноты или чеки. Но и в этом случае банк не создает капитала, но придает деньгам форму ссудного капитала, трансформирует их в ссудный капитал. Но каким же деньгам в этом случае придает банк форму ссудного капитала, если ссуда базируется на эмиссии, а не на вкладах банковских клиентов?

Мы знаем, что сущность банковской эмиссии средств обращения заключается в том, что банк заменяет частные кредитные деньги (векселя) общественными кредитными деньгами—банкнотами, и этим придает широчайшую эластичность коммерческому кредиту и товарному обращению. Трансформируя частные кредитные деньги в банкноты и выдавая последние своим клиентам за проценты, банк тем самым также и этой операцией придает деньгам (именно частным кредитным деньгам—векселям, превращенным в банкноты) форму ссудного капитала, но по существу стиподь не создает этого последнего «из ничего».

На поверхности же капиталистической действительности, где все явления затемнены и фетишизированы, сущность этой функции банков выступает в искаженном виде создания ссудного капитала «из ничего». И именно экспансивистическая школа находится во власти этой внешней, искажающей сущность процесса видимости явлений. С такого рода искажением сущности экономических категорий при капитализме мы сталкиваемся на каждом шагу.

Так например прибавочная стоимость, являясь в действительности порождением переменного капитала, выступает в форме прибыли, как «плода» всего капитала в целом, т. е. включая средства производства. Точно также и оплата капиталистами стоимости рабочей силы выступает на поверхности явлений в искаженной форме заработной платы, т. е. цены и стоимости труда, хотя в действительности труд не имеет ни цены ни стоимости, и капиталисты отнюдь не оплачивают стоимости, создаваемой трудом.

В области кредита мы имеем то же самое. Процент есть денежное выражение части прибавочной стоимости, присваиваемой капиталистом-собственником, а на поверхности явлений он выступает в иррациональной форме цены ссудного капитала. Марксова теория вскрывает за этой видимостью капиталистических явлений их действительную сущность. Когда в третьем томе «Капитала» Маркс говорит например, «мы видим таким образом, как банки создают кредит и капитал», то в этом случае он обращает внимание на фетишизованную видимость капиталистических явлений.

Марксов анализ этого вопроса заключается в установлении того, что указанными операциями (эмиссией банкнот и депозитов—чеков) банки в действительности никакого капитала с общественной и научной точки зрения не создают. Что это так, показывает перечисление Марксом тех способов, которыми банки, повидимому, создают капитал, а именно выпуск банкнот, уплата дисконтированными векселями и т. п.

С точки зрения Маркса капитал создается только в капиталистическом производстве, а именно за счет прибавочной стоимости. Очевидно, что перечисление Марксом указанных выше способов «создания капитала» имеет в виду показать именно то, что банки не создают капитала. К этому выводу мы пришли на основании внимательного изучения тех мест 2-й части третьего тома «Капитала», где у Маркса встречается выражение «банки создают капитал». Маркс указывает, что «поскольку банк выпускает банкноты, не покрытые металлическим запасом, находящимся в его кладовых, он создает знаки стоимости, которые образуют не только средства обращения, но являются в то же время для него некоторым добавочным—хотя и фиктивным— капиталом на сумму равную номинальной стоимости этих непокрытых банкнот» (подчеркнуто нами—З. А.). Ясно, о чем идет здесь речь: 1) банки по существу создают не капитал, но средства обращения, которые 2) только для него, т. е. для банкира (а не для общества) являются добавочным капиталом, хотя 3) в действительности это фиктивный, т. е. несуществующий капитал. Вслед за приведенной выше цитатой Маркс переходит к анализу вопроса о том, в чем же по существу заключается «создание капитала банками». Маркс указывает, что благодаря выпуску средств обращения банками «сберегается соответственная сумма металлических денег», и «банкир извлекает прибыль из этого национального сбережения металлических денег. То обстоятельство, что национальное сбережение является при-

большую часть лица, несколько не шокирует буржуазного экономиста, так как прибыль есть вообще присвоение чужого труда».

Банкиру же и его теоретикам выпуск средств обращения кажется созданием нового капитала, потому что банкир получает *прибыль* от этих операций. В действительности же мы теперь знаем, откуда происходит эта прибыль: ее получают банкиры не потому, что они своим «творчеством» создают — прямо или косвенно — действительный капитал или увеличивают массу созданных «из ничего» ссудных капиталов, но потому, что они обслуживают процесс обращения товаров, владея монополией на выпуск средств обращения в многообразных формах.

Итак банки своими операциями по эмиссии средств обращения порождают видимость создания ими нового капитала: задача же марксистского учения о кредите должна заключаться в том, чтобы вскрыть эту фетишистическую и искажающую действительность видимость явлений. Отсюда необходимость борьбы с фетишистической теорией экспансивистов.

Необходимо понять, в противоположность утверждениям экспансивистов, что банки ни прямо ни косвенно не создают новых капиталов. С другой стороны, в отличие от натуралистов, следует твердо усвоить, что банки, придавая деньгам форму ссудного капитала, тем самым являются необходимым для капитализма звеном в процессе превращения в функционирующий капитал «денег и товаров, которые сами по себе не являются капиталом» (Маркс).

Литература

А. Натуралистическая теория кредита

- 1) Проф. З. С. Каценеленбаум, Учение о деньгах и кредите, ч. 2.
- 2) Л. Соболев, Основы теории кредита, Харьков 1918.
- 3) В. Лексис, Кредит и банки, М. 1923.
- 4) Косинский, Учреждения для мелкого кредита в Германии. Введение.
- 5) Дж. Ст. Милль, Основания политической экономии, т. II, изд. 2-е 1873.
- 6) А. Мануйлов, Политическая экономия, М. 1919, отд. III, гл. II.
- 7) М. И. Тулан-Барановский, Основы политической экономии, II. 1918, отд. III, гл. III.
- 8) К. Diehl, Theoretische Nationalökonomie, Bd. III, Buch. II.
- 9) I. Kotorzynski, Die nationalökonomische Lehre vom Kredit, Innsbruck 1909.
- 10) Karl Knies, Der Credit.
- 11) Marchall, Credit, commerce and money.

Б. Экспансивистическая теория кредита

- 1) А. Ган, Теория банковского кредита в сборнике «Кредит и банки», М. 1929, изд. НКФ.
- 2) Маклеод, Основания политической экономии, пер. Веселовского, СПб 1865.
- 3) Горн, Джон. Ло. Опыт исследования его истории финансов, пер. И. Шипава, СПб, 1895.
- 4) Коклен, О кредите и банках, пер. С. Висковатова, СПб 1861.
- 5) Р. Дж. Гоутри, Деньги и кредит, пер. Фокина, М. 1930.
- 6) А. Hahn, Volkswirtschaftliche Theorie des Bankkredits Thübingen, 1920.
- 7) I. Schumpeter, Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung.
- 8) В. Зомбарт, Современный капитализм, ч. 3, II полутом, гл. XIV и XV.
- 9) Сборник «Die Kreditwirtschaft», Leipzig 1927.

В. Марксистская критика обоих направлений

- 1) С. Выгодский, Теория кредита Гана. Статья в журнале «Социалистическое хозяйство» № 3 за 1928 г.
- 2) Ф. Михалевский, Теория кредита Hahn'a и Schumpeter'a, статья в журнале «Вестник Коммунистической академии» кн. 26 за 1928 г.
- 3) И. А. Трахтенберг, Современный кредит и его организация.
- 4) М. Г. Бронский, Предисловие к сборнику НКФ «Кредит и банки».
- 5) З. Атлас, Роль кредита и границы кредитной экспансии. Статья в журнале «Под знаменем марксизма» №№ 2 и 3 за 1928 г.

Вопросы для повторения

- 1) Изложите основные принципы натуралистической теории кредита.
 - 2) В чем основные ошибки этой теории?
 - 3) Какие принципы выдвигались Джоном Ло и Маклеодом?
 - 4) Изложите теорию кредита и хозяйственного развития Галя и Шумпетера.
 - 5) В чем основные ошибки экспансивистической теории кредита?
-

I. РАЗДЕЛ БАНКОВЫЕ СИСТЕМЫ КАПИТАЛИЗМА

ГЛАВА XXIX.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БАНКОВ И РОСТОВЩИЧЕСКИЙ КРЕДИТ.

§ 1. Ростовщический капитал. § 2. Зачатки банкового дела в Вавилоне, Греции, Египте и Риме. § 3. Банковое дело в средние века. § 4. Формы ростовщического кредита и его историческая роль. § 5. Кредитные ассоциации в Италии. § 6. Образование «жиро-банков». § 7. Учреждение Английского банка. § 8. Различие между ростовщическим и современным капиталистическим кредитом.

§ 1. Мы уже знаем, что при капитализме существуют и такие кредитные отношения, при которых заемщиком не является функционирующий капиталист. Раз налицо товарная форма хозяйства и деньги, значит возможны и кредитные отношения, т. е. движение денег как ссудного капитала. Вот почему «капитал, приносящий проценты, или — как мы можем назвать его, исходя из его старинной формы — *ростовщический капитал* вместе со своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в разнообразнейших общественно-экономических формациях» (Маркс).

Ростовщический капитал — это форма ссудного капитала, существовавшая в эпохи, предшествующие промышленному капитализму, это, так сказать, «доисторическая форма ссудного капитала».

Но *товарно-денежная форма хозяйства является необходимой предпосылкой для возникновения ростовщического капитала*: «по крайней мере часть продуктов должна превратиться в товары, и наряду с товарной торговлей деньги должны развить свои различные функции» (Маркс). Эти условия существовали задолго до возникновения капиталистического способа производства, а именно как в *средние века (эпоха феодализма)*, так и в древнем *Риме, Греции, Египте и Вавилоне (эпоха рабского хозяйства)*.

Зачатки кредитных отношений и банкового дела историки открывают повсюду, где разлагался строй натурального хозяйства, возникали меновые отношения и развивалась денежная форма обмена.

§ 2. Историки предполагают, что банковое дело существовало более, чем за 2 тыс. лет до хр. э. Но вполне достоверные сведения имеются о храмах, практиковавших кредитные операции, а также о существовании в *Вавилоне* крупного банкирского дома *Ишби* (его основатель умер в 581 г. до хр. э.). Это банкирское предприятие занималось *основными* банковскими операциями, а именно приемом вкладов и выдачей ссуд. Погашение ссуд и взимание процентов совершались главным образом в своеобразной форме: кредитор получал право не на деньги, но на плоды урожая с полей должника. Ссуды

выдавались как под расписку, так и под залог. Кроме ссудных операций дом Игиби практиковал разного рода *комиссионные операции* как по покупке, продаже и хранению товаров, так и по *инкассированию* денежных платежей. Наконец этот предок современных банкиров выступал и в качестве поручителя по сделкам и даже соучастника в торгово-промышленных предприятиях.

Интересные сведения имеются относительно *древней Греции*. Здесь так же, как и в Вавилоне, банкирскими операциями занимались *храмы* и *корпорации жрецов*. Храмы были надежными местами для хранения ценностей: в храм Аполлона в Дельфах стекались денежные вклады со всей Европейской Греции, в храм Артемиды в Эфесе притекали вклады с Малоазиатского побережья и т. д. Эти же храмы занимались и ссудными операциями.

В дальнейшем развитие торговли, связанное с персидскими войнами, привело к широкому развитию, наряду с товарной торговлей, *торговли деньгами*. Возникает *частный* банкирский промысел, центром которого стали Афины.

Афинские банкиры были прежде всего *менялами*, а также хранителями денежных вкладов торговцев, посредниками в платежах, и лишь в связи с этими функциями они занимались также и ссудными операциями. Эти менялы-банкиры совершали в Афинах свои операции под открытым небом на деревянных столиках. От греческого слова «стол» и произошло название греческих банкиров — *трапезиты*.

Предполагают, что к концу V в. до хр. э. в Греции уже возникла специализация банкирских операций. Одни трапезиты специализировались на меняльном деле, другие на денежно-комиссионных операциях и, наконец, третьи на собственно-банкирских операциях, т. е. выдаче ссуд, преимущественно под вещный залог. Так как эти «банкиры» взимали высокие проценты, то они пользовались в народе дурной славой. Но таково же было отношение к ростовщикам и в средние века.

Греческие трапезиты имели уже и примитивное *банковское счетоводство*. Уже в IV в. в Афинах стали практиковаться и *жиро-платежи*, и даже слово «списывать» стало означать то же, что и «платить».

Помимо частных банкиров, крупные операции производили и храмы, которые практиковали также и кредитование городов: имеются сведения об одном городском займе, предоставленном Делосским храмом на 5 лет.

В *Египте* существовала государственная монополия банкового дела. В столичном городе — Александрии находился Центральный банк, который имел отделения в других городах; отделения нередко сдавались на откуп частным лицам. Эти откупщики имели монопольное право совершать банковские операции, но за эту монополию они обязаны были исполнять для государства *казначейские функции*. Помимо этих последних они занимались в общем тем же кругом банковских операций, как и вавилонские и греческие банкиры. Предполагают, что египетские банкиры производили также и учет денежных обязательств до наступления срока, а также акцептные операции.

В *Риме* сведения о банковском деле относятся к III в. до хр. э. Здесь банкирскими операциями, как предполагают, занимались сначала

приезжие греки — трапезиты, и лишь позднее появились и местные банкиры, которые назывались *аргентариями*. Как и в Греции, здесь также развивается специализация банковских операций: специализировавшиеся на меняльном деле банкиры назывались *нумуляриями*, специализировавшиеся на ссудных операциях — *аргентариями*. В Риме уже имелись развитые *юридические формы* кредитного оборота, в особенности в отношении взыскания долговых сумм, банковского счетоводства и т. п. В связи с этим последним возникает возможность и развития жиро-оборота. В эпоху *Римской империи* возникают и *государственные банки*, в круг деятельности которых входит собрание налогов и вообще разного рода казначейские функции. Но в отличие от Египта в Риме не существовало монополии банковского дела.

§ 3. С крушением Римской империи исчезло и древнее банкирство. На смелую ему приходят в XI—XII вв. банкиры-евреи и итальянцы-ломбардцы, а также флорентинцы и венецианцы. И здесь так же, как и в древние века, банкиры были прежде всего менялами и хранителями ценностей и лишь в связи с этой деятельностью стали практиковать активные операции. Самое название «банк» происходит от генуэзских менял XII в., которые подобно древним трапезитам производили свои операции на базарной площади за столиками, называвшимися «банками».

Меняльное дело в этот период было абсолютно необходимой принадлежностью торгового оборота ввиду паличия, бесконечного множества монетных единиц в мелких феодальных государствах и широко практиковавшейся в тот период порчи монет феодалами и частными лицами. Не меньшее значение для того периода имела и *переводная операция*: чтобы избежать риска по перевозке денег, купец вносил банкиру деньги и получал от него *переводный вексель* на банкира в другом государстве или городе, с которым первый банкир находился, выражаясь современным языком, в корреспондентских отношениях. Со своей стороны этот второй банкир трассировал векселя на первого банкира. Именно в связи с этой практикой денежных переводов впервые возникли векселя, которые вначале были исключительно переводными, и лишь позднее появились простые векселя (некоторые историки оспаривают этот взгляд на происхождение векселя).

Банкиры-корреспонденты время от времени должны были погашать свои взаимные долговые обязательства: в этих целях они несколько раз в год в определенные дни съезжались на генуэзские *вексельные мессы* (ярмарки), на которых большая часть взаимных обязательств, наподобие современных расчетных палат, взаимно погашалась без наличных денег.

Средневековые менялы были прежде всего торговцы деньгами, а торговля деньгами в ее «чистой форме», т. е. обособленно от кредитного дела, касается только технической стороны одного момента товарного обращения, именно денежного обращения и вытекающих из него различных функций денег (*Маркс*).

Благодаря депозитным и переводным операциям, в руках средневековых банкиров скапливались крупные денежные суммы, которыми они пользовались для своих активных ростовщических операций.

Поэтому наряду с торговлей деньгами средневековые менялы (так же как и древне-греческие, египетские и римские менялы) занимались также и собственно банкирским промыслом, т. е. кредитными операциями. Вообще торговля деньгами в историческом ее развитии связана с кредитными операциями: «торговля деньгами получает полное развитие, когда к ее... функциям присоединяется заключение займов, выдача ссуд и торговля в кредит, — а это всегда происходит уже в самом ее начале» (*Маркс*).

Средневековые банкиры, стремясь к максимальной наживе, мало считались с известными нам принципами банковской политики. Среди их активных операций на первом месте стояли ссуды *королям* и *городам*, которые, с одной стороны, далеко не всегда были надежной формой вложения средств, а с другой стороны, закреплялись за заемщиком на долгие сроки. Сколь тесна была связь между банкирами и королями, можно понять, например, из того, что при Карле IV еврей-банкиры организовали и руководили финансовым управлением, вооружали граждан, снабжали войска и т. п. Отсюда ясно, что дела банкиров связывались с судьбой королевств, их финансовым положением. Так, в 1345 г. неплатеж долгов двумя королями привел к банкротству крупнейших в тот период банкирских домов *Барди* и *Перуッチи*.

Банкиры-евреи и банкиры-ломбардцы того периода были типичными ростовщиками: они взимали по 100 и 200% годовых!

§ 4. Ростовщический кредит, как установил *Маркс*, существовал в двух характерных для него формах. «Эти две формы следующие: *во-первых*, ростовщичество при помощи денежных ссуд знатым ростовщикам, преимущественно землевладельцам; *во-вторых*, ростовщичество при помощи денежных ссуд мелким владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых принадлежит и ремесленник, но в особенности крестьянин... Разорение богатых земельных собственников ростовщиками и эксплуатация ими мелких производителей в одинаковой мере приводят к образованию и концентрации денежных капиталов». Если крестьянин попал в беду и обращался к ростовщику, то он превращался в его вечного должника, ибо условия его производства не позволяли уплачивать высоких процентов. «Достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии снова начать свое воспроизводство в старых размерах. Следовательно он попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освобождается» (*Маркс*). «Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и истощает его до полного упадка. Оно высасывает его соки, обескровливает его и заставляет воспроизводство совершаться при более жалких условиях. Отсюда народная ненависть к ростовщикам...» (*Маркс*).

Ростовщический кредит был одним из мощных факторов разрушения феодализма и крушения мелкого товарного хозяйства. *Ленин* в своей книге «Развитие капитализма в России» показал, что и в России торгово-ростовщический капитал закабалял мелких самостоятельных товаропроизводителей, лишал их средств производства и в конечном счете превращал в наемных рабочих. Ту же роль играл ростовщический кредит и в других странах.

Поскольку же ростовщический кредит обслуживал рабовладельцев и феодалов, постольку «обремененный долгами рабовладелец или феодальный сеньор высасывает больше, потому что из него самого больше высасывают» (Маркс). «Итак,—говорит Маркс,—ростовщичество разрушает и уничтожает античное и феодальное богатство и античную и феодальную собственность. С другой стороны, оно разрушает и разоряет мелкокрестьянское и мелкобуржуазное производство, коротко говоря, все формы, при которых производитель еще является собственником этих средств производства». В этом смысле ростовщический капитал содействовал разрушению одного способа производства и появлению другого (капиталистического). Таким образом ростовщичество «является мощным рычагом в процессе образования предпосылок для промышленного капитала» (Маркс).

§ 5. С расширением торговых связей возникает необходимость и в расширении *кредита*, обслуживающего этот торговый оборот. Желая освободиться от ростовщиков и создать нормальный кредит для обслуживания товарного обращения, торговые капиталисты уже в XII и XIV вв. в Венеции и Генуе учреждают «*кредитные ассоциации*», прототип *современных банков*.

«Эти кредитные ассоциации,—говорит Маркс,—были порождены потребностью морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговли эмансипироваться от господства старомодных ростовщиков и монополизаторов торговли деньгами. Если настоящие банки, основанные в этих городских республиках, представляли в то же время учреждения общественного кредита, то не следует забывать, что купцы, образовавшие эти ассоциации, сами были первыми людьми в этих государствах и являлись одинаково заинтересованными как в том, чтобы освободить от ростовщиков свое правительство, так и в том, чтобы освободить от них самих себя; этими мерами они рассчитывали еще сильнее и прочнее подчинить себе государство».

§ 6. Всеевропейский кредитный кризис 1557 г. в связи с одновременным прекращением платежей королями Франции, Испании и Португалии, приведший к ряду крупных банкротств, с одной стороны, и все более растущая потребность капиталистического торгового оборота в кредите, с другой стороны, обусловили собой отрицательное отношение к частному банкирству и создание нового типа банков. Так в Венеции, после банкротства последнего крупного частного банка Пизани в 1582 г., встал вопрос о создании государственного банка и запрещении частного банкирства. В 1587 г. такой банк был учрежден в Венеции, а в 1594 г. за ним было закреплено монопольное право учета векселей. Подобные же банки в конце XVI и в начале XVII вв. учреждаются в Милане (1593 г.), Амстердаме (1609 г.), Гамбурге (1629 г.), Нюрнберге (1621 г.) и пр.

Цель этих банков заключалась исключительно в облегчении торгово-платежного оборота: деньги, получаемые ими в качестве вкладов, должны были оставаться неприкосновенными. Выдаваемые банками вкладчикам владные свидетельства, так называемые «*банковские деньги*» («банковая марка» Гамбургского банка была равна $8\frac{1}{3}$ граммам чистого серебра), функционировали в торговом обороте как средства обращения. При посредстве этих банков сравнительно широко был развит *жиро-оборот* и зачет купцами взаимных долговых обязательств.

Один из компетентных современников характеризует деятельность такого «жиробанка» следующими словами: «Амстердамский банк представляет такие удобства для всего торгового мира, что немислимо себе представить, чтобы кто-либо, пожив некоторое время в этом городе, не занялся деловыми операциями, ибо с помощью этого банка можно ежедневно производить миллионные платежи посредством простых платежных ордеров, которые называются банковыми билетами».

Несмотря на клятвенные обещания не заниматься ссудными операциями за счет депонированных сумм, соблазн был настолько велик, что эти депозитные банки нарушали «чистоту» своего принципа. Так установлено, что Венецианский банк ссужал крупные суммы государству, а Амстердамский банк основательно финансировал Ост-индскую компанию, и именно в связи с этим он попал в затруднительное положение, а курс его билетов резко упал в 1794 г.

§ 7. *Но это и не могло быть иначе*: нет никакой нужды в том, чтобы держать в праздном состоянии денежный капитал. Для капиталистической торговли и промышленности кредит, как мы знаем, является необходимою: кредит необходим не только для обслуживания торгового обращения без наличных денег, но также и для авансирования новых капиталов и расширения процесса производства. На смену ростовщическому кредиту должен был притти *капиталистический банковский кредит*. И именно в Англии — той стране, которая первая стала на путь промышленно-капиталистического развития, учреждается в 1694 г. Английский банк, который был капиталистическим банком в полном смысле слова. (Незадолго до этого был учрежден в Англии в 1683 г. «Кредитный банк».)

До учреждения Английского банка банкирское дело в Англии находилось в руках «золотых дел мастеров» (ювелиров), которые выполняли основные банковские операции и, в частности, выпускали «ноты» — свидетельства на депонированные суммы. Эти банкиры были такими же ростовщиками, как и все средневековые банкиры: они взимали по 20—30% годовых за ссуды государству и частным предпринимателям.

Учреждению Английского банка предшествовало общественное движение, возглавляемое *Чайльдом* и направленное против ростовщичества. В английской экономической литературе последней трети XVII в. и начала XVIII в. ростовщичество берется под обстрел, и выдвигается требование освобождения торговли, промышленности и государственных финансов от ростовщических пут. Вместе с тем в этих сочинениях выдвигаются проекты общественной организации кредита и создаются иллюзии его чудотворного действия.

В общем все это движение поощряло развитие современных форм капиталистического кредита и заключало в себе требование подчинить ссудный капитал новому способу производства — промышленному капитализму. Это требование было вполне закономерным, ибо оно соответствовало тенденциям экономического развития.

С учреждением Английского банка первые ростки *капиталистических банков* современного типа, которые имелись уже в Голландии — передовой промышленной стране того времени — в XVII в., дали обильные всходы. Постепенно, сначала в Англии, а затем и в других странах формируются *кредитные системы* на прочной базе развивающегося промышленного капитализма.

§ 8. Общее и основное различие между ростовщическим капиталом и капиталом, приносящим проценты, «образующим существенный элемент капиталистического способа производства», не заключено в самой их природе или их внешних формах. Они одинаково существуют в *денежной форме* и приносят владельцу *проценты*. Также нет по существу различия и в конкретных формах движения того и другого. Все основные современные банковские операции, как мы убедились, практиковались и древними, и средневековыми ростовщиками. *Различие это создается исключительно «изменившимися условиями его (капитала, приносящего проценты) существования и вызванным ими совершенно новым обликом заемщика, противостоящего денежному кредитору» (Маркс).*

В чем заключаются эти «новые условия» и каков «новый облик заемщика», мы уже знаем. «Новые условия» — это условия капиталистического способа производства, «новый облик заемщика» — это облик промышленного капиталиста. Именно в капиталистических условиях кредит полностью развертывает свою сущность, свои функции и формы проявления, именно здесь капитал, приносящий проценты, получает прочную базу для своего непрерывного возрастания. В отличие от прежних эпох кредит при капитализме не противодействует, но, наоборот, *содействует* росту производительных сил, росту общественного богатства за счет широчайшего развития производительной силы труда и его капиталистической эксплуатации. «Общественный характер капитала осуществляется в полной мере лишь при вполне развитой кредитной и банковской системе» (Маркс), XIX и XX вв. являются периодом наивысшего развития кредитной и банковской систем, и вместе с развитием этих систем сам капитализм завершает свой исторический путь и создает необходимые предпосылки для образования высшей общественной формации — социализма.

Литература

- 1) «Банковская энциклопедия», под ред. Яснопольского, Киев 1914, т. I, статья *Гольденвейзера*, «Зачатки банковского дела».
- 2) Проф. *З. С. Каценеленбаум*, Учение о деньгах и кредите, ч. 2, гл. IX.
- 3) *Кулшер*, История экономического быта в Западной Европе, т. II, отд. III, гл. II, П. 1922.
- 4) *П. Рот*, История старинных кредитных учреждений, П. 1877.
- 5) *В. Зомбарт*, Современный капитализм, М. 1929, т. III, гл. XIV.
- 6) *Карл Бюхер*, Возникновение народного хозяйства, П. 1918.
- 7) «*Die Kreditwirtschaft*», Kölner Forträge, Bd. I, Leipzig 1927. Статья *Б. Луске*.

Вопросы для повторения

- 1) Что такое ростовщический капитал.
- 2) Охарактеризуйте историю банковского дела в древней Греции, Египте и Риме.
- 3) Какую роль играл кредит в эпоху феодализма?
- 4) Почему ростовщичество «являлось мощным рычагом в процессе образования предпосылок для промышленного капитализма»?
- 5) Чем было вызвано появление крупных банков в конце XVI и в начале XVII вв.
- 6) Почему Венецианский и Амстердамский банки нарушили свои уставы?
- 7) Чем было вызвано учреждение Английского банка в 1694 г.?
- 8) В чем основное различие между ростовщическим и современным капиталистическим кредитом?

ГЛАВА XXX

БАНКОВАЯ СИСТЕМА АНГЛИИ

§ 1. Развитие английской банковской системы. § 2. Реформы 1833 и 1844 гг. § 3. Процесс концентрации английских банков. § 4. «Безрезервная система» английских банков. § 5. Дисконтная политика Английского банка. § 6. Вексельные маклера и дисконтные фирмы. § 7. «Купцы-банкиры», сберегательные кассы, иностранные банки. § 8. Сводный баланс банков Великобритании с 1900 по 1929 г. § 9. «Жиронифляция» во время войны. § 10. Реформа 1928 г. § 11. Баланс Английского банка. § 12. Ликвидность банковской системы Великобритании. § 13. Биг-Файв. § 14. Перспектива образования единого «денежного треста» в Англии. § 15. Так называемое «разделение труда» в английской кредитной системе. § 16. Финансирующие тресты. § 17. Финансовый капитал в Англии. § 18. Формы кредитования. § 19. Обороты расчетных палат.

§ 1. Более развитые капиталистические страны обладают и более мощными кредитными системами. Англия, Германия, Франция, Соединенные штаты Северной Америки, как известно, являются странами высшей ступени развития капитализма. И именно поэтому кредитные системы этих стран занимают господствующее положение во всем современном капиталистическом мире.

В первую очередь мы познакомимся с развитием и современным строением банковской системы¹ страны классического (образцового) капитализма и классической буржуазной политической экономии — Англии. Мы уже знаем, что Английский банк, учрежденный в 1694 г., был первым капиталистическим банком современного типа. Этот банк был основан на акционерных началах ассоциацией (объединением) государственных кредиторов, которая предоставила правительству заем в 1200 тыс. фун. ст.: в дальнейшем сумма правительственного долга неоднократно увеличивалась в связи с новыми займами. Английский банк получил право принимать вклады и выпускать банкноты, причем первоначально банкноты были именными, переходили из рук в руки с передаточной надписью и оплачивались процентами. Но банкноты Английского банка не были единственными: в обращении находились банкноты многочисленных золотых дел мастеров, которые, специализуясь на банковских операциях, все более теряли связь со своим ювелирным промыслом, превращаясь в настоящих банкиров. Учреждение Английского банка ослабило несколько роль этих частных банкиров, но вплоть до организации системы акционерных депозитных банков частное банкирство оставалось стержнем старой английской кредитной системы.

Английский банк сто тридцать с лишним лет был единственным акционерным депозитным и банкотно-эмиссионным банком Англии (на Шотландию и Ирландию эта монополия не распространялась). Но эта монополия не лишала частных банкиров права выпускать банкноты и заниматься всеми видами банковских операций. Ввиду существо-

¹ Мы говорим в этом отделе о *банковом*, а не *кредитном* системах потому, что второе понятие шире первого. Здесь же мы рассматриваем только банки, а не всю кредитную систему, в которую помимо банков входят так называемые «фондовые биржи» и вообще вся совокупность явлений акционерно-облигационного кредита, а также и коммерческий внебанковский кредит.

вавшего запрещения акционерных депозитных банков английская банковая система того периода состояла из массы мелких банкирских ячеек, а диктовавшееся самим ходом экономического развития Англии создание мощных кредитных центров встречало препятствие со стороны английского законодательства. Но распыленность кредитной системы вносила вместе с тем хаос и в денежную систему Англии, ибо, как отмечено, каждый частный банкир мог заниматься банкнотной эмиссией.

§ 2. Кризисы конца XVIII в. (в 1793 г. свыше 100 банков потеряли крах; между 1810 и 1817 гг. — 600 банков) и в особенности кризис 1825 г., когда около 700 банкирских фирм вынуждены были прекратить платежи, вскрыли все несовершенство старой английской банковской системы, ее непригодность для удовлетворения растущих требований промышленного капитализма.

С 1825 г. начинается период коренных реформ в английском банковом законодательстве: в 1833 г. предоставляется право учреждения акционерных депозитных банков (без права выпуска банкнот) не только в провинции (что было допущено и законом 1826 г., причем провинциальные акционерные банки обладали также и банкнотно-эмиссионным правом), но и в Лондоне.

В этом же году при возобновлении банковской привилегии, *Английский банк* получил весьма существенное преимущество по сравнению с другими банками: его банкнотам была придана сила *законных платежных средств* (по-английски «легаль тендер») на территории Англии. Но сам Английский банк, согласно этому постановлению, должен по требованию производить платежи не банкнотами, но золотыми монетами и вообще законными платежными средствами. В 1844 г. был принят знаменитый Акт Роберта Пила о регулировании банкнотной эмиссии.

Этот Акт, долгое время бывший предметом широких дискуссий в научных и общественных кругах и оказавший огромное влияние на развитие английской денежной и банковской системы, заключался в следующем. Английский банк был разбит на два отдела или «департаментов» — *банковский* и *эмиссионный*. Последний мог выпускать банкноты, не обеспеченные золотом, только на 14 млн. фун. ст. Эта сумма обеспечивалась правительственным долгом и ценными бумагами. Банковский же департамент действует как обычный депозитный банк с той разницей, что он располагает также дополнительным фондом кредитования в виде банкнот, выпускаемых Эмиссионным департаментом, причем выпущенными в обращение считаются все банкноты, переданные в Банковский департамент. Банкноты, выпущенные сверх указанного выше контингента (14 млн. фун. ст.), должны быть *полностью обеспечены золотом*.

Для всех других банков и банкиров был установлен еще более жесткий контингент непокрытых банкнот, а именно для всех 207 «частных» банков и банкиров 5,1 млн. фун. ст., а для 97 акционерных банков 12,9 млн. фун. ст. В случае же отказа какого-либо из банков от права эмиссии, контингент непокрытых банкнот Английского банка увеличивается на $\frac{2}{3}$ контингента данного банка.

Реформы 1833 и 1844 гг., с одной стороны, расчистили путь для формирования акционерных депозитных банков, а с другой стороны, придали Английскому банку положение центрального регулятора всей денежно-кредитной системы страны. Оставаясь частным кредитным учреждением, Английский банк фактически являлся и является проводником *государственной* кредитно-денежной политики.

С 40-х годов прошлого века начинается быстрый рост акционерных депозитных банков и вытеснение ими частных банкиров. С другой стороны, этим ростом акционерных банков Английский банк чем дальше, тем больше выдвигался на положение *«банка банков»*, т. е. *центрального банка, который непосредственно связан главным образом с акционерными и частными банками, но не с функционирующими капиталистами.*

Акт Роберта Пиля несомненно содействовал развитию депозитных банков, что прямо вытекало из *его отрицательной роли в отношении банкнотной эмиссии.* Это был, по выражению Маркса, «нелепейший акт», потому, что он лишил банкнотно-эмиссионный банк присущих ему функций. Мы знаем из 1 отдела этой части, что создание в форме банкнот необходимых средств обращения расширяет границы денежного обращения в соответствии с ростом производства и товарного обращения и независимо от металлической наличности. Актом же Роберта Пиля была парализована эта единственная функция банкнотной эмиссии, *так как расширение последней было поставлено в связь с ростом металлической наличности у Английского банка, но не с ростом производства и обращения.* Тем самым (если не считать пессимистической значения для Англии суммы непокрытых банкнот в 14 млн. фун. ст.) Акт Роберта Пиля по существу лишил банкноту ее экономической «души», т. е. уничтожил банкноту, заменив ее *сертификатом* (свидетельством) *на металл.* Обращение таких на 100% обеспеченных золотом банкнот ведь, по существу, есть не что иное, как обращение *золотых монет*, и если бы вместо банкнот обращались эти последние, то никакого изменения в этой системе не произошло бы.

«Нелепое законодательство», конечно, может оказать помехи экономическому развитию, но оно не в силах устранить экономические законы. Банкнота была «убита» Актом Роберта Пиля, но *этот акт не мог устранить других форм банковской эмиссии средств обращения, поскольку эта эмиссия необходима для развития капитализма.* Мы знаем, что такими формами эмиссии являются *акцент-аваль* и *депозиты-чеки.* И именно потому, что в Англии банкнотная эмиссия оказалась связанной, *это ускорило и усилило развитие других форм банковской эмиссии.* Депозитные банки вместе с Банковым департаментом Английского банка призваны были заполнить ту пустоту в денежном обращении, которая должна была образоваться в связи с Актом Роберта Пиля.

В силу указанного обстоятельства, английские депозитные банки развивались в первую очередь как банки *депозитно-эмиссионные.* Имея широкий простор для депозитно-чековой эмиссии в связи с мощным ростом товарооборота в Англии в течение всего XIX в., английские депозитные банки широко развивали, в соответствии с природой своих

пассивов, ссудно-денежный кредит. Организованная еще в 1775 г. Английская Расчетная палата дала возможность английским депозитным банкам широко развивать не только внутрибанковский, но и междубанковский *жиро-оборот*, а это, как мы знаем, является необходимым условием депозитно-чековой эмиссии. В итоге английские банкноты до 1928 г. имели 100% золотое обеспечение, но зато вся огромная масса депозитов, во много раз превышающая сумму банкнот, не имела никакого обеспечения.

§ 3. В соответствии с общим процессом промышленно-капиталистической концентрации (укрупнением капиталистических предприятий через поглощение крупными предприятиями мелких) растет и банковская концентрация: в 1875 г. имелось уже 118 акционерных банков, а частных банкиров, входящих в Расчетную палату, оставалось всего 18. Но в дальнейшем концентрация выражалась не только в вытеснении частных банкиров акционерными банками, но и в концентрации и централизации (объединение бывших ранее самостоятельных предприятий в едином центре) самих акционерных банков. Этот процесс, начавшийся еще с 80-х годов XIX в., привел в конце концов к тому, что в настоящее время 5 крупнейших депозитных банков (Биг-Файв) охватывает до 80% всех кредитных операций Англии и Уэльса.

§ 4. Одной из особенностей английской банковской системы является концентрация фондов металлической наличности в одном центре—Английском банке. Это называется обычно «системой единого резерва», которая заключается в том, что английские депозитные банки и крупные частные банки как в центре, так и в провинции, как в Англии, так и в Ирландии и Шотландии, почти всю свою денежную наличность сдают на текущий счет в Английский банк. Но последний за счет этих текущих счетов в свою очередь кредитует своих клиентов и, следовательно, не держит, по крайней мере значительную часть этих денег в наличности. Таким образом «система единого резерва» оказывается, по существу, мы бы сказали, «безрезервной системой». Так например, в сентябре 1927 г. всего вкладов в Банковом департаменте было больше, чем на 120 млн. фун. ст., а банкнот и золотой и серебряной монеты в наличии всего на 34,5 млн. фун. ст. Между тем все депозитные банки показывают на своих балансах в одной графе «наличность и текущие счета в Английском банке». Следовательно эти последние считаются наличностью, но по крайней мере на 75%—это *фиктивная наличность*. Вот почему мы эту резервную систему называем «безрезервной». *Единственным реальным резервом является сумма металлической наличности эмиссионного департамента Английского банка*. Эта сумма в сравнении с той грандиозной надстройкой, которая держится на этом фундаменте—*а такой надстройкой является вся в целом английская банковая система*— совершенно незначительна. Это дало основание для требования усиления резервов, которое мыслится как создание самостоятельных, нефиктивных в виде текущих счетов, но действительных резервов наличности у депозитных банков Англии по примеру немецких банков.

§ 5. Английский банк, по выражению английского экономиста *Вальтера Баджота*, является «последним основанием всей английской кре-

дптной системы», а его металлическая наличность представляет собой единственную реальность среди миллионов фиктивных долларов, числящихся как наличность на текущих счетах банков. Отсюда вытекает колоссальнейшая ответственность Английского банка за состояние всей кредитной системы и денежного обращения Англии. На капиталистическом языке эта ответственность просто выражается в способности Английского банка платить чистым золотом, когда этого требуют держатели банкнот или вкладчики. Чтобы эти требования удовлетворить, Английский банк должен быть постоянно на-чеку, следя за тем, чтобы его золотой запас не сокращался. В этих целях Английский банк издавна практикует активную *дисконтную политику*. Когда его наличность понижается, Английский банк повышает учетную ставку и этим, с одной стороны, сокращает спрос на ссуды, а с другой стороны, привлекает деньги из-за границы (а из-за границы могут притекать только мировые деньги—золото) в Лондон, который являлся до войны мировым денежным рынком.

Но не всегда эта мера удается: при кризисах это не вызывает сокращения спроса на кредит и притока золота в необходимом объеме. В этих случаях Английский банк иногда получал «высочайшее разрешение» прекращать размен банкнот на золото. С другой стороны, в новейшее время Английский банк дисконтную политику дополняет *рестрикционной политикой* (рестрикция—сокращение), т. е. прямым сокращением кредитования своих клиентов и требованием погашения ссуд, что, естественно, способствует защите его золотого запаса.

§ 6. Наконец, необходимо отметить большую роль частных кредитных посредников—вексельных маклеров—(«билльброкеров») на английском денежном рынке. Дело в том, что в Лондоне—мировом денежном рынке—всегда концентрируются огромные свободные денежные капиталы, которые не могут быть размещены в самом Лондоне. Английская же промышленная провинция предъявляет большой спрос на ссудный капитал. Посредниками между провинциальными промышленниками и лондонскими депозитными банками, а также Английским банком, являются вексельные маклера и дисконтные фирмы, которые учитывают векселя главным образом за счет средств банков. Следовательно между первичным займодавцем—вкладчиком банка и первичным заемщиком—промышленным капиталистом вклиниваются не меньше двух посредствующих звеньев—банк и вексельный маклер.

§ 7. Наряду с вексельными, а также фондовыми маклерами и частными мелкими банкирами, в состав английской банковской системы входят так называемые «купцы-банкиры» (мерчэнт-бэнкере), которые в отличие от вышеперечисленных кредитных посредников располагают *крупными собственными капиталами* и ведут различного рода операции по финансированию внешней торговли, размещению иностранных займов и спекуляции товарами, благородными металлами и ценными бумагами.

Наконец для поддержания связи с Лондоном как мировым денежным рынком крупные банки разных стран мира и в частности английские колониальные банки имеют в Лондоне свои филиалы, которые специализируются на кредитовании внешней торговли. Наконец в Ан-

гли имеются так же, как и в других странах, государственные сберегательные кассы при почтовых отделениях, но кроме этих последних также и многочисленные сберкассы, принадлежащие банкам, профессиональным организациям, промышленным и железнодорожным предприятиям и т. п. В Англии даже школы и учреждения охвачены сетью сберкасс, принимающих самые мельчайшие вклады. Этой же цели служат мелкие сберегательные сертификаты, выпускаемые Национальной сберегательной комиссией. Из этих мельчайших сумм составляется огромный аккумулированный фонд, который на 1 января 1926 г. превышал 1 млрд. фун. ст.

Функции сберкасс выполняют также и *частные* «доверительные сберегательные банки» (Трест-Сэвинг-Бэнкс), сумма вкладов которых к концу 1927 г. была равна 81,4 млн. фун. ст., из которых 36,13 млн. фун. ст. было вложено в правительственные ценные бумаги.

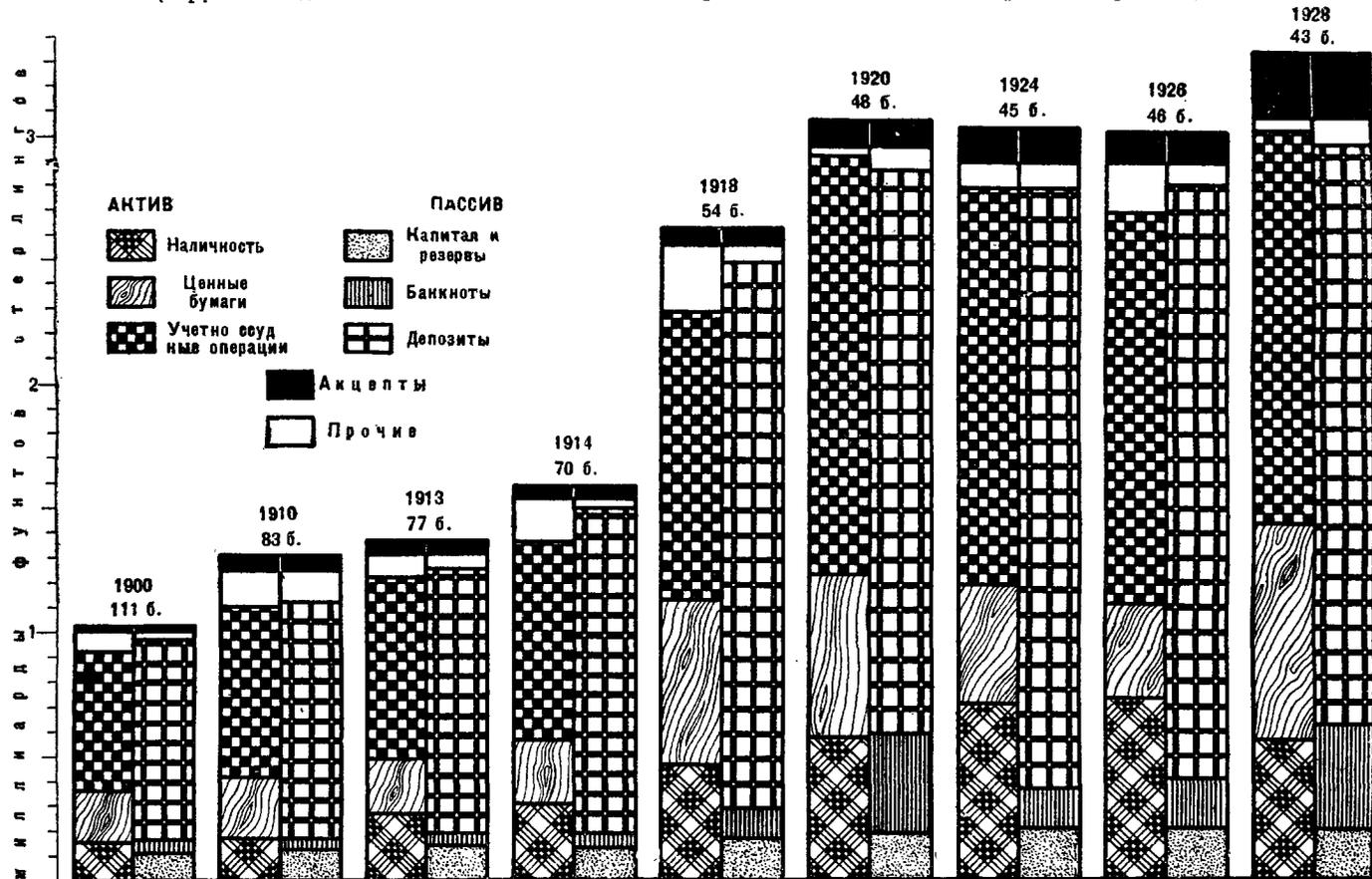
Отличительная особенность английской банковской системы—это отсутствие в ее составе специальных ипотечных банков и городской и сельской кредитной кооперации. Кредитование сельского хозяйства, а также городской мелкой буржуазии осуществляется банками общего типа, а также индивидуальными кредитными посредниками. Отчасти потребность в кредите городского населения удовлетворяется обществами взаимопомощи и особыми ссудными обществами для рабочих.

§ 8. Центральное значение для всей великобританской банковской системы имеют немногочисленные *банки-шанты*, включая Английский банк. На следующей диаграмме (стр. 314) показан рост общей суммы баланса, собственных капиталов, депозитов, учетно-ссудных операций, акцептов и портфеля ценных бумаг всей банковской системы Великобритании (включая Английский банк и все банки Ирландии) с 1900 до 1929 г.

С 1900 по 1914 г. число всех банков сократилось с 111 до 45, а сводный баланс возрос с 1 до 1,5 млрд. фун. ст., депозиты— с 825 млн. фун. ст. до 1322 млн. фун. ст., учетно-ссудные операции с 537 до 804 млн. фун. ст. Этот мощный рост операций банков Великобритании с 1900 по 1914 г. целиком был обусловлен общим ростом народного хозяйства Великобритании, расширенным воспроизводством ее общественного капитала.

§ 9. Колоссальное же возрастание общей суммы баланса и основных его статей в течение 1914—1918 гг. было связано с условиями *военного времени*. Мы уже знаем, что в течение войны сильно возросла эмиссия как банкнот, так и казначейских билетов, и фактически был прекращен размен всех видов бумажных знаков на металл. Но инфляция выражалась не только в росте эмиссии этих последних, но также и в росте *депозитно-чековой эмиссии*. В Англии в течение войны, как это доказано целым рядом экономистов, имела место «жиро-инфляция», т. е. инфляция жиро-платежей. Из диаграммы № 7 мы видим, что сумма депозитов возросла почти на 1 млрд. фун. ст., и этот рост был следствием инфляционного кредитования народного хозяйства в целях прямого или косвенного финансирования войны. В этом направлении дружно действовали все английские банки во главе и под руководством Английского банка. Характерно, что за это время в активе банков больше всего возросла одна статья—*ценные бумаги* (прави-

Диаграмма № 7
Развитие банковской системы Великобритании и Ирландии с 1900 по 1929 г.
 (Строение сводных балансов по данным на 31 декабря каждого года в тысячах фунтов стерлингов)

Весьма показательны, с точки зрения процесса концентрации, что при общем возрастании суммы баланса более чем в три раза число банков за рассматриваемый период уменьшилось почти в три раза (со 111 банков в 1900 г. до 43 банков в 1928 г.)

тельствственные займы), а именно более, чем в два раза: с 277 млн. фун. ст. в конце 1914 г. до 653 млн. фун. ст. в конце 1918 г. Таким образом банки расширяли свою депозитно-чековую эмиссию для реализации государственных займов; *фактически за счет этой эмиссии финансировались государственные военные расходы.* Но также и возрастание суммы учетно-ссудных операций на 312 млн. фун. ст. косвенно было направлено также на финансирование войны, поскольку усиленный спрос на кредит предъявляли предприятия, обслуживающие войну.

§ 10. В 1928 г. произошла крупная реформа денежного обращения Великобритании. Казначейские билеты, выпущенные во время войны, были, согласно закону 1928 г., перенесены на баланс Английского банка. «Все казначейские билеты,—гласит этот акт 1928 г.,—выпущенные в силу закона 1911 г., будут считаться банкнотами, и Английский банк будет нести за них ответственность». Эта «ответственность» заключается, конечно, единственно в том, что Английский банк обязан разменивать казначейские билеты на металл на одинаковых основаниях с банкнотами. 28 ноября 1928 г. был опубликован первый баланс Английского банка по новой форме.

§ 11. Рассмотрим этот баланс (данные взяты на 22 мая 1929 г.).

Баланс Английского банка

Эмиссионный департамент

Пассив	в фунт. стерл.	Актив	в фунт. стерл.
Банкнот в обращении . . .	362 363 774	Правительственный долг . .	11 015 000
Банкнот в Банковом департаменте	59 626 718	Другие правительственные обеспечения	236 233 874
		Другие обеспечения	7 922 828
		Серебряная монета	4 828 298
		Сумма непокрытой золотом эмиссии	260 000 000
		Золотая монета и слитки	161 990 492
	421 990 492		421 990 492

Банковский департамент

Пассив	в фунт. стерл.	Актив	в фунт. стерл.
Собственный капитал	14 533 000	Правительственное обеспечение	38 486 855
Заласный	3 225 457	Прочее обеспечение:	
Общественные депозиты . . .	15 299 748	Учет и ссуда	6 915 678
Другие депозиты:		Ценные бумаги	20 119 480
Банковские	57 507 502		
Прочие	35 314 498	Банкноты	59 626 718
	92 822 000	Золотая и серебряная монета	756 805
Семидневные и прочие векселя	5 331		
	125 905 536		125 905 536

§ 12. Мы видим, что 161,99 млн. фунт. ст. золотой монеты и слитков + 4,82 млн. фунт. ст. серебряной монеты обеспечивают весь пассив Эмиссионного департамента.

«Правительственные» же обеспечения, конечно, являются только «балансовым обеспечением» и никакого реального значения не имеют. По 161,99 млн. фунт. ст. обеспечивают не только 362,36 млн. фунт. ст., выпущенных в обращение, но и всю сумму депозитов Банкового департамента, т. е. 108 млн. фунт. ст. Но эти 108 млн. фунт. ст. в свою очередь, в связи с описанной выше «системой единого резерва», являются «наличным обеспечением» всей суммы обязательств всех банков Великобритании. На 1 января 1929 г. эта сумма обязательств по депозитам была равна 2 600 млн. фунт. ст. Таким образом сотня миллионов фунтов стерлингов призвана английской банковской системой «нести ответственность» за миллиарды фунтов стерлингов, числящихся на балансах.

Отношение наличности к обязательствам лондонских банков по депозитам показано в диаграмме № 8 (стр. 318).

Конечно выполнять обязательство размена депозитов и банкнот на золото Английский банк и все прочие банки могут лишь тогда, когда этого от них почти никто и не требует; когда же такое массовое требование внезапно возникает, то, как это ясно из приведенных цифр, английская кредитная система окажется «неликвидной», т. е. не сможет выполнить своих обязательств. Если бы даже банкам удалось в этих целях каким-либо чудом сразу извлечь из обращения в свои кассы всю денежную массу страны, то и это не помогло бы, ибо денежная масса, включая необеспеченные ничем бумажные знаки (казначейские билеты, «превращенные» Актом 1928 г. в банкноты) не достигают 400 млн. фунт. ст., а обязательства банков по депозитам превышают 2½ млрд. фунт. ст. Но в общем таково же положение денежной ликвидности не только английской, но и всех прочих банковских систем. Однако ни в какой другой стране законодательство никогда не пыталось добиться 100% обеспечения банкнот: в Англии же упорно держались за этот принцип с 1844 г. В результате же оказалось, что английская банковая система менее ликвидна, чем другие банковые системы.

§ 13. «Биг-Файв» это пять крупнейших банков не только Англии, но и *всего мира*, это, так сказать, киты, на которых держится вся банковая и кредитная система Англии. Собственно и Английский банк находится в зависимости от «Биг-Файв», так как в пассиве его Банкового департамента депозиты этой пятерки играют исключительно важную роль. Но, с другой стороны, и «Биг-Файв» зависят от Английского банка, а именно от его резерва золотой наличности. Словом, они как бы связаны друг с другом «круговой порукой». В состав «Биг-Файв» входят следующие банки: 1) *Мидлэндский*, 2) *Барклевеский*, 3) *Лойдовский*, 4) *Национально-провинциальный* и 5) *Вестминстерский*. Каждый из этих банков образовался в результате, как говорят, «амальгамирования», т. е. либо добровольного слияния, либо пожирания отдельных банков. Один Лойдовский банк «амальгамировал» свыше 50 самостоятельных банков.

§ 14. Когда в 1918 г. произошло образование «Биг-Файв», то правительство, обеспокоенное созданием столь мощных «финансовых держав», образовало при министерстве финансов комиссию под председательством лондонского профессора политэкономии *Фокузля* — для исследования во-

проса о влиянии так называемых «банковских амальгамаций» (слияний) на торговлю и промышленность и принятия закона, ограничивающего этот процесс. Комитет констатировал, что «300 амальгамаций», имевших место за все время существования английских банков, за исключением самых последних, не вызывали серьезной оппозиции и не привлекали общественного мнения. Но «амальгамации» последнего времени «подверглись» в некоторых кругах серьезной критике. «Эту перемену в общественном мнении, — заявляет комиссия в своем отчете, — надо по видимому приписать главным образом тому факту, что изменился самый характер амальгамаций: они уже более не сводятся к поглощению какого-нибудь местного банка более крупным и более обширным акционерным банком, но являются соединением двух акционерных банков, каждый из которых уже обладает крупным капиталом и обширной сетью филиалов». Таким образом комиссия констатировала процесс централизации банковского капитала.

И, взвесив доводы за и против процесса централизации банковского капитала, Комиссия Фоксуэля высказалась *против этого процесса* (как будто бы английское правительство может пойти против *объективного экономического закона!*) ввиду того, что это сокращает собственные капиталы банков, уменьшает столь плодотворную для капитализма конкуренцию и грозит созданием *денежного треста*, что подорвало бы позиции Английского банка как регулятора денежно-кредитной системы и дало бы основание для требования *национализации банковского дела в стране*. Так как по мнению комиссии опасность образования подобной *банковой монополии* вполне реальна, она рекомендовала издание закона, воспрепятствующего явным и скрытым амальгамациям без разрешения министерства финансов (казначейства) и министерства торговли. (Хотя такой закон не был издан, но на практике при образовании амальгамаций с тех пор предварительно обращаются за согласием к министерству финансов.) Комиссия была вполне поддержана правительством, именно — *правительством рабочей партии*. «Прославившийся» в свое время министр *Сноуден* заявил, что «в дальнейшем амальгамации крупнейших банков будут считаться нежелательными».

Итак в то время как естественный процесс капиталистического развития ведет к централизации банков и ставит вплотную вопрос о *национализации их*, министр «рабочей партии», опасаясь за судьбу капитализма и своего собственного министерского портфеля, высказывается против амальгамаций, ибо боится «засилья» финансового капитала и еще больше — необходимости национализировать банки!

Основные статьи балансов «Биг-Файв» в сравнении со всей банковской системой Великобритании мы ниже приводим.

Приведенная на стр. 319 таблица показывает, что «Биг-Файв» располагают 63% всей суммы вкладов и текущих счетов банковской системы Великобритании и Ирландии, 55% всей суммы капиталов и резервов и, наконец, 70% вложений в учетно-ссудные операции (без инвестиций).

Но все эти цифры еще не дают полного представления о финансовой мощи «Биг-Файв». Большой интерес представляет сравнение ресурсов «Биг-Файв» с ресурсами других крупнейших банков мира. На основании данных о крупнейших банках главных капиталистических стран

Диаграмма № 8

Отношение наличности к депозитам в крупнейших лондонских банках («Биг-файв») в тысячах фунтов стерлингов (средне-месячные данные за октябрь 1929 года)

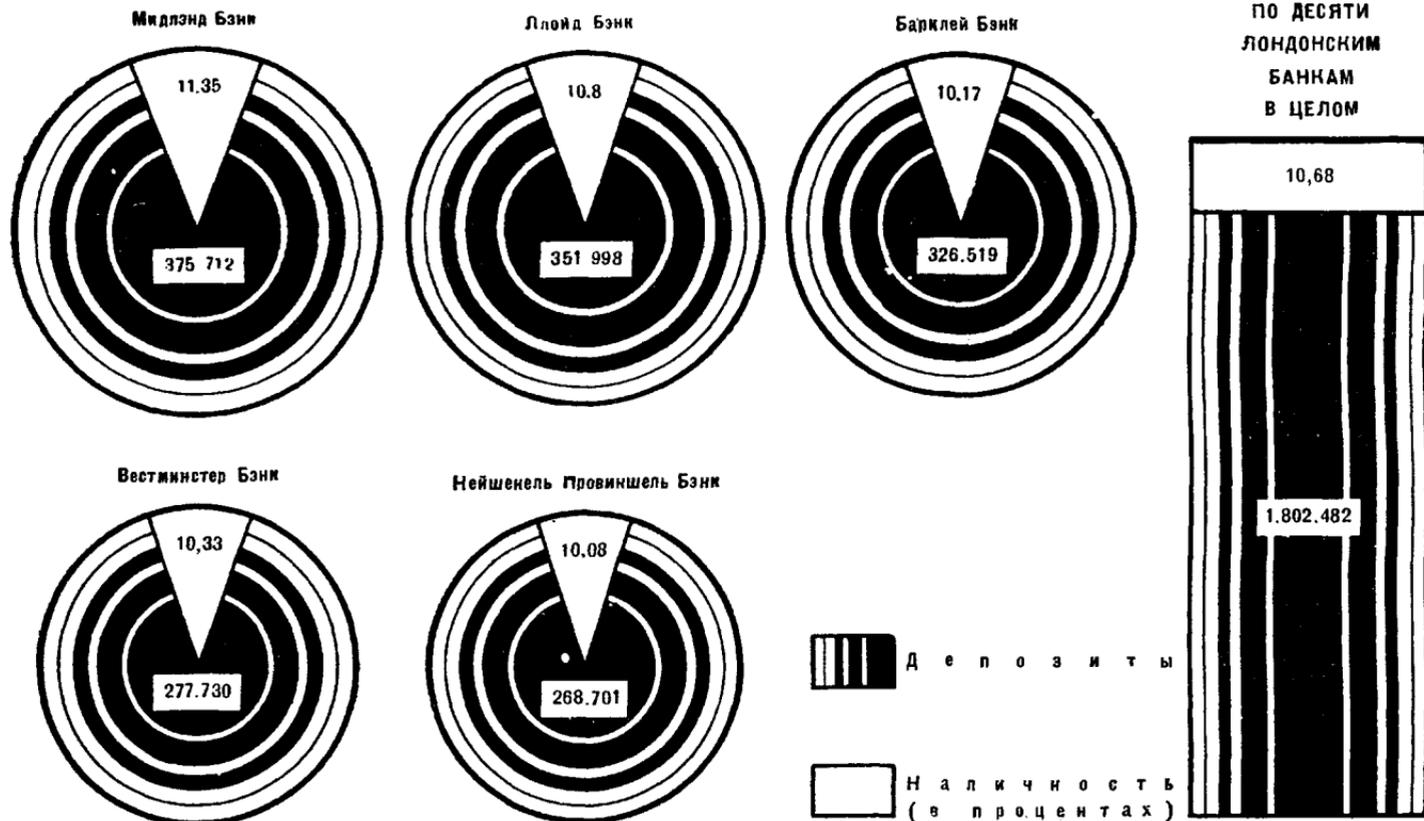

Диаграмма показывает, что наличность у большей части крупнейших банков не превышает $10\frac{1}{2}\%$ по отношению к сумме их депозитов. Только крупнейший «Мидлэнд-Бэнк» имеет $11,3\%$ наличности. Диаграмма также иллюстрирует сравнительный объем депозитных операций каждого банка (в середине каждого круга указана сумма депозитов данного банка).

Таблица балансов «Биг-Файв» в сравнении с общей суммой балансов банковской системы Великобритании и Ирландии

(данные на конец 1927 г. взяты из журнала «Статист» от 11 мая 1929 г.)

в тысячах фунтов стерлингов.

Название статей	Всего 43 банка Великобритании и Ирландии		Мидлэнд банк	Барклевский банк	Ллойдовский банк	Национальный Провинциальный банк	Вестминстерский банк	Пять крупнейших банков	
	Сумма	% к сум-ме балан-са						Сумма	% к сум-ме всех банков
Капиталы и резервы . . .	209 845,1	6,0	26 866	26 108,2	25 810,2	18 958,8	18 640,0	116 383,2	55,4
Вклады и текущие счета	2 600 206,8	74,4	394 591,2	344 544,0	325 157,4	290 310,2	284 086,5	1 638 688,9	63,0
Акцепты	253 848,6	7,3	74 441,1	24 874,3	60 341,1	19 563,7	26 538,0	205 758,2	81,0
Инвестиции (ценные бу-маги)	853 513,7	24,4	43 780	69 906,3	44 553,8	40 217,1	41 330,6	239 887,8	28,1
Учет и ссуды	1 584 047,3	45,3	277,398,4	206 879,0	245 841,4	194 071,2	185 725,6	1 109 915,2	70,0
Баланс	3 495 325,8		497 714,0	386 063,7	439 790,3	329 698,6	340 508,3	1 393 774,6	57,0

(опубликованных в немецком журнале «Дейтше Экономист» от 7/Х 1929 г.) мы составили следующую табличку, в которой перечислены девять банковых гигантов мира и показано их размещение по странам.

**Девять крупнейших банков мира по данным
на конец июня 1929 г.**

№ по пор.	Названия банков	Названия стран	Сумма при- влеч. ср. в млн. марок	Сумма соб- ств. средств в млн. марок	Всего ресур- сов
1	Мидлэнд Банк	Англия	7 731	548	8 279
2	Млойдс Банк	Англия	7 151	527	7 678
3	Барклэй Банк	Англия	6 791	533	7 324
4	Гаранти-Трэст-Компани	САСШ	6 069	1201	7 270
5	Нэйшенель-Сити Банк	»	6 178	987	7 165
6	Вестминстер Банк	Англия	5 818	380	6 198
7	Нэйшенель-Провиншель Банк	»	5 514	386	5 900
8	Чэйз-Нэйшенель Банк	Америка	5 040	123	5 163
9	Дейтше унд Дисконтогезельшафт	Германия	4 605	441	5 046

Эта таблица показывает, что три первых места в мировом партере банковых гигантов принадлежат английским банкам из числа «Биг-Файв», им же принадлежат шестое и седьмое места. Это свидетельствует о том, что концентрационный процесс в банковом деле Англии достиг наивысшей ступени развития, и поэтому не без основания в английском, так называемом, «общественном мнении» раздаются голоса о банковской монополии и ее «опасностях». Объем ресурсов английской банковской системы на много меньше ресурсов банковской системы Сев. Америк. Соед. Штатов. Между тем, как показывает таблица, не только относительно (в сравнении с объемом ресурсов данной страны), но и по абсолютному объему ресурсов *английские банки стоят впереди северо-американских.* (О концентрационном процессе в банковом деле САСШ см. Главу XXXII.) *Таким образом Англия является классической страной концентрации финансовой мощи банков и господства финансового капитала.*

§ 15. Исследователь английской кредитной системы, немецкий экономист *Яффе*, установил, что характерной чертой этой системы является так называемое «разделение труда». Это последнее заключается, по его мнению, в том, что депозитные банки записываются исключительно краткосрочным кредитованием торговли или так называемыми «регу-

лырными операциями», иностранные и колониальные банки и «мэрчент-бэнккэрс» — кредитованием внешней торговли, и, наконец, разные «общества финансирования» — капитальным финансированием промышленности, т. е. так называемыми «иррегулярными операциями». Однако это «разделение труда» целиком относится к области истории: в настоящее время депозитные банки, в частности «Биг-Файв», являются, согласно нашей классификации, «банками общего кредита», но отнюдь не банками специально краткосрочного ссудно-денежного кредита.

Новейшими исследованиями доказано, что английские депозитные банки занимаются и капитальным финансированием и кредитованием внешней торговли. Это и не могло быть иначе: мы знаем, что всякий депозитный банк является не только депозитно-эмитирующим, но и депозитно-аккумулирующим. Рост же аккумуляции дает возможность расширять и долгосрочный ссудно-капитальный кредит. Английские провинциальные банки (равно как и шотландские банки) издавна непосредственно кредитовали местную промышленность. И именно эти «прежние провинциальные банки и провинциальные банковские методы, — как выразились Э крупнейший специалист этого вопроса (см. 4-е издание немецкого экономического словаря)—были и остались носителями исходившего из Лондона концентрационного движения в английском банковом деле». Об этом же говорили в 1919 г. английские банкиры в центральной ассоциации банкиров. И это вполне понятно: концентрационный процесс исходил из *самой промышленности* и поэтому «носителями» этого процесса в банковом деле *должны были явиться те банки, которые были непосредственно связаны с промышленностью.*

§ 16. Однако ввиду того что английским банкам приходится выполнять эмиссионные функции (в связи с отмеченными выше особенностями английской банкотно-эмиссионной системы) в значительно большем объеме, чем в других странах, *функции ссудно-капитального кредитования могут занимать у этих банков относительно меньший удельный вес, чем в других странах, например в Германии.* Зато в Англии развились так называемые «финансовые тресты» или «инвестиционные тресты», которые берут на себя *исключительно* функции капитального финансирования, совершенно не занимаясь депозитными операциями и ссудно-денежным кредитованием. Однако наличие этих обществ финансирования не означает, что депозитные банки не имеют касательства к промышленному финансированию.

§ 17. После того как концентрационный процесс привел к образованию «Биг-Файв», и последние, амальгамировав провинциальные банки, раскинули широкую сеть своих филиалов по всей *провинции*, в особенности в *промышленных центрах последней*, нет никакого основания говорить о том, что «банки стоят в стороне от финансирования промышленности» (Яффе). Кроме того и сами финансирующие общества находятся в связи с крупными депозитными банками; как выразился один экономист, эти общества «все более и более превращаются в подсобные аппараты крупных банков, в их отделы по долгосрочному финансированию народного хозяйства».

Правда, английские банки стараются *скрывать* свои связи с промышленностью, но то, что фактически эти связи весьма широки, не подлежит никакому сомнению.

Кроме того после войны английские банки стали, как отмечают крупные специалисты, уделять все больше внимания привлечению *долгосрочных сберегательных вкладов*, что создает базу для расширения финансирования промышленности в тех или иных формах. Для этого они расширяют сеть своих филиалов (с 1920 по 1927 г. банковская сеть возросла на 2 186 единиц), которая ныне у 17 банков превышает 9 300 банковских единиц, *из которых большая часть филиалов принадлежит «большой пятерке».*

Англия всячески стремится расширить и улучшить *финансирование своей промышленности кредитными методами.* В этих целях была создана специальная комиссия, которая в своем отчете, опубликованном после заключения перемирия, рекомендовала расширить прием более долгосрочных вкладов и создать специальные учреждения для финансирования промышленности по примеру германских банков, заключать на этот счет специальные соглашения банков с финансирующими обществами и т. д. Но все это и есть не что иное, *как характерные для финансового капитала методы сращивания банков с промышленностью.*

Сюда же относится и то развитие сети заграничных филиалов английских банков и подчинение английским банкам в финансовом отношении формально независимых банков *во Франции, Бельгии, Италии, Балканах и британских владениях и колониях,* которое стало особенно энергичным после войны. Но этот, как выражаются экономисты, «бурный процесс экспансии (расширения)» крупных английских банков несомненно преследует империалистические цели английского финансового капитала.

Теория финансового капитала, т. е. сращивания банковского капитала с промышленным, сохраняет свое значение также и по отношению Англии. И здесь, как и в других передовых капиталистических странах, кучка финансистов, «некоронованных королей», занимает господствующее положение во всей экономике страны.

§ 18. Преимущественной формой кредитования в Англии в настоящее время является *конттокоррентный кредит.* Этот кредит нередко является бланковым, т. е. беззалоговым, а если он и обеспечивается, то большей частью не *товарными векселями,* но ценными бумагами, гарантийными векселями и пр. Учет векселей чем дальше, тем больше теряет свое значение в качестве формы кредитования. Так из приведенной на стр. 319 общей суммы задолженности по учетно-ссудным операциям всем банкам Великобритании 1 584 047 тыс. фун. ст., задолженность по ссудам («авансам») составляла 1 285 801 тыс. фун. ст., а по учету векселей только 298 246 тыс. фун. ст., т. е. в четыре с лишним раза меньше, чем задолженность по ссудам. Кроме того и в сумме учета векселей, нужно полагать, немалое количество векселей являются финансовыми, а не товарными. Падение роли учета векселей и вытеснение последнего наиболее гибкой формой кредитования — *конттокоррентом* (в Англии распространена еще особая форма последнего, так называемый *овердрафт,* при котором клиент может выписывать

чеки на банк в пределах открытой ему суммы овердрафта и независимо от состояния его текущего счета), находится в прямой связи с укреплением связи промышленности и банков, т. е. финансовым капиталом. Именно эта форма дает возможность в широкой мере осуществлять *долгосрочное кредитование промышленности*.

§ 19. Наконец нам остается отметить широчайшее развитие в Англии жиро-оборота. В этом отношении Англия стоит на первом месте в мире: считают, что подавляющая часть платежей в торгово-промышленном обороте (до 98%) совершается через банки и расчетные палаты без наличных денег. Этому можно поверить, если просмотреть обороты английских расчетных палат. Достаточно указать, что оборот всех расчетных палат Великобритании за май 1929 г. составил 3 692 834 тыс. фун. ст., а январский оборот того же года—4 274 313 тыс. фун. ст. Таким образом ежемесячно платежи на колоссальную сумму, в 30—40 млрд. руб., совершаются через банки и расчетные палаты без наличных денег. На этой-то почве и возникают широчайшие возможности для депозитно-чековой эмиссии, а следовательно, и для депозитно-чековой *инфляции*, что, как мы убедились, как раз и имело место во время империалистической войны.

Литература

- 1) Проф. З. С. Каценеленбаум, Учение о деньгах и кредите, ч. 2, гл. IX и XI.
- 2) Сборник «Кредит и банки», изд. НКФ, 1929, ч. 2, статья «Банки Великобритании».
- 3) Проф. Силин, Система кредитных учреждений иностранных государств, изд. Заочн. Кур. НКФ, 1928. Лекции 1—5.
- 4) «Банковская энциклопедия», под ред. Яснопольского, статья Яффе об английских банках.
- 5) А. Вебер, Депозитные и спекулятивные банки, М. 1928.
- 6) Jaffé, Das englische Bankwesen, II Aufl, L. 1910.
- 7) Fr. Burkart, Die fünf grossen englischen Depositenbanken, Basel, 1925.
- 8) H. Withers, Bankers and Credit, L. 1924.
- 9) E. Jaffé, Das englisch-amerikanische u. d. französische Bankwesen Tüb. 1915.

Вопросы для повторения

- 1) Охарактеризуйте вкратце историю английской банковской системы.
- 2) В чем заключалась реформа 1844 г. и в чем ее основной недостаток?
- 3) Как отразился Акт Роберта Пиза на развитии депозитных банков?
- 4) В чем заключается «система единого резерва» английских банков?
- 5) Какие цели преследует дисконтная политика Английского банка и достаточно ли для достижения этих целей только изменения учетной ставки?
- 6) Почему в Англии широко развили свои операции вексельные маклера и дисконтные фирмы?
- 7) В чем заключалась реформа 1928 г.?
- 8) Какова ликвидность английской банковской системы?
- 9) Что такое «Биг-Файв» и почему Комиссия Фокуэля высказалась против дальнейших «амальгамаций»?
- 10) Существует ли в Англии система «разделения труда» между банками?
- 11) Господствует ли в Англии финансовый капитал?
- 12) Какое значение имеет в Англии коштокоррентный кредит, и что такое «овердрафт»?

ГЛАВА XXXI

БАНКОВЫЕ СИСТЕМЫ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ.

I. Банковая система Германии. § 1. Развитие германской банковской системы. § 2. Борьба за централизованную систему банкнотной эмиссии. § 3. Учреждение Рейхсбанка. § 4. Банковская акета 1908 г. и закон 1909 г. § 5. Местные государственные и коммунальные банки. § 6. Сберегательные кассы. § 7. Жиро-централы. § 8. Ипотечные банки. § 9. Инвестиционные тресты и вексельные маклера. § 10. Накопление золотого запаса и дисконтная политика Рейхсбанка. § 11. Рейхсбанк во время войны. § 12. Реформа Рейхсбанка в 1924 г. § 13. Частные нотные банки. § 14. Кредитные банки. § 15. Новейшая «фузия» двух крупнейших немецких банков. § 16. «Сверхбанк» по плану Юнга. II. Банковая система Франции. § 17. Эксперимент Джона Ло. § 18. Развитие французской банковской системы. § 19. Послереволюционная банковая система Франции. «Креди Мобилье». § 20. Образование современных крупнейших депозитных банков. § 21. Строение современной банковской системы Франции. § 22. Влияние правительства на банковскую систему. § 23. Французский банк. § 24. Новый принцип банкнотной эмиссии 1928 г. § 25. Депозитные банки. § 26. Финансовый капитал во Франции. § 27. Подчинение банков промышленности после войны.

I. Банковая система Германии

§ 1. Средневековое ростовщическое банкирство в Германии сходило со сцены в XVI в. В конце XVII в. в Германии — в то время преимущественно аграрной стране — появляются государственные и ипотечные банки: первый прусский банк, кредитовавший дворянское землевладение, был учрежден в 1770 г. К этому же периоду относится учреждение Государственного банка Пруссии для морской торговли, Баварского государственного банка, государственных и муниципальных сберегательных касс. Еще в 1765 г. был основан банкнотно-эмиссионный «Королевский банк» в Берлине, а с начала XIX в. в отдельных государствах Германии появляются и частные эмиссионные банки, учреждаемые на акционерных началах. В первой четверти XIX в. широко развивается частное банкирство. Появляются крупные банкирские фирмы, которые, финансируя правительства различных стран, а также ведя крупные спекулятивные и торговые операции, распространяют сферу своего влияния далеко за пределами Германии. Так возникли банкирские дома знаменитых *Ротшильдов* в Вене, Париже и Лондоне, *Шредера* и *Беринга* в Лондоне, *Спейера*, *Тельмана* и др. в Нью-Йорке и т. д.

Вторая половина XIX в. была периодом мощного роста германского промышленного капитализма и в связи с этим бурным развитием ее банковской системы. В этот период образуется целый ряд крупнейших акционерных депозитных банков, так называемых «кредитных банков» (которые с самого начала обращали главное свое внимание на финансирование промышленности, и в этом их отличие от английских банков того периода и сходство с шотландскими и французскими банками), а также ряд акционерных ипотечных банков; после почина Шульце из Делича в 1850 г. возникает кредитная кооперация, охватившая сеть своих ячеек всю территорию страны.

§ 2. Но банкнотная эмиссия долгое время находилась в Германии вне всякого общественного контроля: эмиссия банкнот была здесь

не менее распыленной и дезорганизованной, чем в Англии до пилевского Акта. Неудивительно поэтому, что во второй половине XIX в. в Германии начинается движение, направленное против анархии банкотно-эмиссионного дела.

В 1857 г. в Германии разразился промышленный кризис, который в глазах общественного мнения и прежде всего растущей немецкой промышленной буржуазии совершенно дискредитировал деятельность мелких банкотно-эмиссионных банков. Последние были настолько слабы, что не могли выдержать, как говорят немцы, «бури и натиска» кризиса 1857 г.

К этому времени на территории 20 германских государств функционировало 30 самостоятельно банкотно-эмиссионных банков. В общих интересах всего германского капитализма была необходима унификация и централизация банкотной эмиссии: кризис 1857 г. усилил стремление к введению единообразных законодательных норм для всей банковской системы Германии. Но до того, пока не произошло в Германии образования центральной власти, это движение не выходило за рамки теоретических исследований, дискуссий и пропаганды, центром которой был «Германский экономический конгресс».

§ 3. С образованием сначала Северо-германского союза государств, а позднее (в 1871 г.) Германской империи, создается почва для централизованного регулирования банкотной эмиссии. В 1875 г. учреждается Рейхсбанк (т. е. Имперский банк, но не Государственный банк, так как этот банк был учрежден как акционерный, а не государственный), эмиссия банкнот которого была подчинена строгой регламентации, а именно: для банка устанавливается определенный контингент непокрытых наличностью банкнот, а выпуск банкнот сверх этого контингента облагается 5% налогом (в год) в пользу государства. Закон 1875 года в противоположность пилевскому Акту 1844 г. (Англия) создал в Германии сравнительно эластичную систему банкотной эмиссии.

Одновременно была урегулирована банкотная эмиссия и других банков, причем за Рейхсбанком была закреплена наибольшая часть всего контингента непокрытых банкнот, а именно 250 млн. марок из общей суммы 385 млн. марок (для всех остальных 33 эмиссионных банков только 135 млн. марок). Кроме того эмиссионные банки были связаны разного рода обязательными условиями (запрещение акцептов, сделок на срок, ограничение сферы деятельности рамками данного государства и пр.), которые имели целью побудить их отказаться от права банкотной эмиссии. В результате ряд банков отказался от этого права, и фактически Рейхсбанк стал в этой области монополистом, так как сумма эмиссии оставшихся четырех местных, так называемых «частных нотных банков», незначительна.

§ 4. В 1907 г. в связи с кризисом, исходившим из Северо-американских соединенных штатов, волна потрясений приняла международный характер и отразилась на положении германского денежного рынка. Ввиду колоссального возрастания спроса на наличные деньги, Рейхсбанк вынужден был резко повысить свою учетную ставку, которая в ноябре 1907 г. достигла $7\frac{1}{2}\%$. В связи с обострением положения на денежном рынке, министерство внутренних дел организовало

в июне 1908 г. *банковскую анкету*, которая должна была дать ответ на вопрос о необходимых реформах в германской денежно-кредитной системе.

Задача анкеты заключалась в том, чтобы выяснить пути для предотвращения в будущем кредитного напряжения внутри страны, повышения платежеспособности Германии по отношению к другим странам, достижения устойчивости всего народного хозяйства в целом и в том числе ликвидности банков.

После обсуждения выдвинутых анкетой проблем, в июне 1909 г. был принят закон, согласно которому банкноты Рейхсбанка с 1 января 1910 г. объявлялись *законным платежным средством*, свободный от обложения контингент эмиссии был повышен до 550 млн. марок (а для исчисления налога в конце каждого квартала в сумме 750 млн. марок), был введен целый ряд других мероприятий как в отношении Рейхсбанка, так и других банков, для достижения поставленных выше общих целей. Несомненно, этот закон сыграл положительную роль для развития германского капитализма, но он, конечно, ни в коей мере не мог привести к достижению устойчивости германского капитализма, к которой стремилось германское правительство. Читателю уже известно, что никакие архисовершенные законы о банках и денежном обращении не в состоянии устранить противоречий капитализма и, следовательно, периодических смен подъема и упадка хозяйственной жизни. Это в полной мере относится и к рассматриваемому германскому закону, равно как и к американскому закону о банках и денежном обращении 1914 г., о котором будет речь в XXXII главе.

Помимо упомянутых выше типов кредитных учреждений (*акционерные эмиссионные и депозитные банкиры, частные банкиры и банкирские товарищества, кредитная кооперация*) в состав германской кредитной системы входят *местные государственные и общественные банки, сберегательные кассы и так называемые «жиро-централы», общественные организации поземельного кредита* и, наконец, *акционерные ипотечные банки*.

§ 5. К первому из указанных типов кредитных институтов относятся функционирующие в настоящее время 10 местных государственных банков (не обладающих правом банкнотной эмиссии), 5 коммунальных и ряд других провинциальных общественных банков. Характер операций этих банков не однороден: некоторые из них занимаются преимущественно депозитными и краткосрочными активными операциями, другие долгосрочным ипотечным и коммунальным кредитом. Всего в настоящее время в Германии функционирует 21 кредитных учреждений этого типа, которые по балансам на 31 марта 1929 г. имели вкладов и текущих счетов на 3 млрд. марок, капиталов и резервов на 144,8 млн. марок, долгосрочных займов на 1378 млн. марок. В активе же мы находим ценных бумаг на 1434 млн. марок, дебиторов по контокорренту на 1672,5 млн. марок, репортные и ломбардные операции на 162,2 млн. марок и долгосрочные ссуды около 1½ млрд. марок. Из этих цифр ясно, что долгосрочное капитальное финансирование как непосредственное, так и в форме ценных бумаг, значительно превышает краткосрочное кредитование, если даже к последнему отнести всю сумму дебиторов по контокорренту.

§ 6. Сеть сберегательных касс в Германии весьма обширна: до войны насчитывалось свыше 3 тыс. сберкасс с 8¹/₂ тыс. отделений и 20 млрд. марок вкладов (что составляло около половины вкладов депозитных банков).

Притекающие в сберкассы вклады помещались, главным образом, в ценные бумаги, ипотеки и коммунальные ссуды. Во время войны сеть сберкасс сократилась, и характер операций изменился: средства помещались главным образом в краткосрочные ссуды. После войны операции сберкасс снова стали развиваться, но все же значительно уступают довоенному объему. Кроме того в составе вкладов относительно меньшую роль стали играть так называемые «сберегательные вклады» и большую роль вклады на текущие счета и жиро-вклады (т. е. предназначенные для жирооборота). На 31 марта 1929 г. по всем сберкассам имелось на 7 825 млн. марок сберегательных вкладов и на 1 186 млн. марок жиро-вкладов.

§ 7. *Жиро-централы* — это специальные банки, объединяющие жиро-оборот главным образом сберегательных касс, а также разного рода учреждений, пользующихся жиро-оборотом, как например городских самоуправлений, общин и пр. Сосредоточивая в своих руках крупные жиро-вклады, эти банки ведут обширные активные операции как в области краткосрочного, так и долгосрочного кредита, в особенности коммунального кредита. В конце 1926 г. было 13 жиро-централ с балансом в 1,6 млрд. марок. В 1918 году был организован Германский коммунальный банк, который объединил деятельность жиро-централ.

В настоящее время в Германии функционирует 17 жиро-централ, которые по балансам на 31 марта 1929 г. имели вкладов и текущих счетов на 2 156,5 млн. марок (в том числе вклады банков 1¹/₂ млрд. марок), капиталов и резервов на 202,5 млн. марок, долгосрочных займов на 1 787,7 млн. марок. Эти средства они вложили в долгосрочное кредитование на 1 902,2 млн. марок, контокоррентное кредитование на 1 млрд. марок, в ценные бумаги на 595,6 млн. марок и остальную сумму в подтоварные, ломбардные и прочие операции. Кроме того они имели на указанное число большой корреспондентский счет у банков (612,9 млн. марок.)

§ 8. К общественным организациям ипотечного кредита относятся разного рода земские кредитные учреждения, выпускающие облигации под ответственностью государств и общин и выдающие ипотечные ссуды как частным лицам, так и общинам и местным союзам; далее прусские общества взаимного поземельного кредита, выпускающие закладные листы и оказывающие ипотечный кредит землевладельцам; наконец, сельскохозяйственные мелиоративные банки, финансирующие работы по почвенно-водным улучшениям и выпускающие для привлечения средств «рентные листы». В настоящее время роль центрального сельскохозяйственного банка играет учрежденный во время послевоенной денежной реформы *Рентный банк*. На 31 марта 1929 г. Рентный банк имел на 1 199,8 млн. марок «рентных листов» и в обращении на 518,3 млн. марок «свидетельств Рентного банка».

Частные акционерные ипотечные банки занимаются преимущественно *городским* ипотечным кредитом и для привлечения средств вы-

пускают закладные листы. С этими банками в области кредитования городского домовладения конкурируют также *страховые общества*.

§ 9. Специальные банки капитального финансирования, вроде английских «инвестиционных трестов», в Германии значительно менее развиты, чем в Англии, ибо акционерные депозитные банки здесь удовлетворяют большую часть спроса промышленности на долгосрочный кредит. Также значительно меньшую роль по сравнению с Англией играют в Германии индивидуальные кредитные посредники, вроде английских «вексельных маклеров»: здесь банки предпочитают непосредственно связываться с торгово-промышленной клиентурой, минуя «вексельных маклеров».

Таково в общих чертах строение германской банковской системы, как она сформировалась со второй половины XIX в. Ниже мы вкратце остановимся на рассмотрении наиболее важных моментов деятельности центральных звеньев этой системы—*Рейхсбанка и депозитных банков*.

§ 10. Рейхсбанк, в отличие от Английского банка, является не только «банком банков», но также и просто банком, ибо он широко связан с торгово-промышленной клиентурой. Ввиду более эластичной в сравнении с Англией системой покрытия банкнот, существовавшей до войны в Германии, банкнотная эмиссия Рейхсбанка, в 1910 г. не достигавшая 1½ млрд. марок, к концу 1911 г. превысила 2¼ млрд. марок. Вместе с тем процент покрытия банкнот золотом все время менялся, составляя в конце 1891 г. 53,4%, 1901 г. — 43,1%, в конце 1911 г. — 32,3%.

В целях охраны своего золотого запаса, Рейхсбанк, аналогично Английскому банку, практиковал активную дисконтную политику: с 1897 г. по 1908 г. Рейхсбанк изменял свою учетную ставку 42 раза (в то время как Французский банк за тот же период только 8 раз), а в 1907 г. поднял ставку до 7½%. Частые изменения учетной ставки болезненно отражались на торговле и промышленности и поэтому вызывали нарекания капиталистических кругов. Свою дисконтную политику Рейхсбанк дополняет также и мероприятиями *девизной политики*.

Перед войной Рейхсбанк усиленно накапливал золотой запас, который к июлю 1914 года достиг 1,35 млрд. марок, в то время как банкнотная эмиссия—1,89 млрд. марок: таким образом к моменту войны банкноты Рейхсбанка более, чем на 70%, были покрыты золотом.

§ 11. Во время войны германское правительство вело энергичную инфляционную политику, и в этих целях, конечно, прежде всего был использован центральный банкнотно-эмиссионный институт. Инфляция достигла своего апогея, как известно, после окончания войны, в 1923 г. Затем начинается период стабилизации германской марки. Сначала в октябре 1923 г. учреждается Рентный банк с правом выпуска «рентных свидетельств» на 2,4 млрд. марок, обеспеченных ипотечными и другими обязательствами; рентные свидетельства были разменны на «рентные листы», гласящие на золотую марку. Рейхсбанк обменивал эти свидетельства на марки по курсу 1 рентная марка=1 биллиону бумажных марок. Затем опять-таки в целях создания устойчивых средств обращения был создан «Золото-дисконтный банк» (на акционерных началах аналогично Рентному банку), который выпускал банкноты, гласящие на английскую валюту и разменные на фунты стерлингов.

Но в дальнейшем, в связи с проведением реформы Рейхсбанка и вообще коренной реформы денежного обращения, Рентный банк и Золотодисконтный банк были лишены эмиссионного права и таким образом восстановилась монополия Рейхсбанка (и 4 местных эмиссионных банков).

§ 12. В первом параграфе закона 1924 г. о Рейхсбанке торжественно заявлялось, что «Рейхсбанк является банком независимым от правительства». Какова эта «независимость», видно из того, что во главе Рейхсбанка был поставлен Генеральный совет, который состоит наполовину из германских граждан, выбираемых собранием акционеров, и наполовину из иностранцев — представителей Антанты (в том числе два члена совета должны быть представителями нейтральных государств — Швейцарии и Голландии), назначенных в связи с осуществлением *плана Дауэса*. Посредственное управление банком возлагается на правление (директориум), председатель которого избирается Генеральным советом, а члены правления, по соглашению с Генеральным советом, назначаются председателем. Кроме того общее собрание акционеров избирает для содействия правлению комитет, состоящий из представителей торговли, промышленности, банкиров и пр.

Антанта взяла в свои руки контроль над Рейхсбанком: в этих целях был назначен также специальный комиссар, наблюдающий за эмиссией, который вместе с генеральным агентом союзников по репарациям осуществляет указанные контрольные функции.

Этот закон закрепил за Рейхсбанком право эмиссии банкнот на 50 лет. Вместе с тем были изменены прежние принципы покрытия банкнот. Согласно этому закону, банкноты Рейхсбанка должны быть покрыты золотом и иностранной валютой, разменной на золото не менее, чем на 40%; остальная часть покрывается векселями и чеками. Генеральный совет имеет право снижать указанную норму покрытия: если эта норма снижается до 37%, то уплачивается 3% налог, при покрытии до 35% — 5% налог, до 33 $\frac{1}{3}$ % — 8% налог, при более низком покрытии 8% налог + 1% с каждого процента покрытия ниже 33 $\frac{1}{3}$ %. Таким образом эмиссия была подчинена принципу твердого 40% контингента покрытия и прогрессивного налога по мере сокращения процента покрытия ниже контингента. Современный Рейхсбанк функционирует на основе этого принципа.

К моменту проведения денежной реформы актив и пассив Рейхсбанка, будучи выражены в золоте, составляли ничтожную сумму. Но с получением иностранных займов, проведением денежной реформы, ростом эмиссии банкнот и накоплением золотого запаса, баланс Рейхсбанка стал быстро расти, и на 7 марта 1929 г. главные статьи этого баланса выражались в следующих цифрах:

Ак т и в	В миллионах рейхсмарок	П а с с и в	
Металлическая наличность	2 796,0	Основной капитал	122,8
В том числе золото	2 682,8	Резервные фонды	319,6
Девизы, годные для покрытия	127,9	Банкноты в обращении	4 337,6
Банкноты других банков	17,1	Депозиты	502,9
Векселя и чеки	1 749,4	Прочие пассивы	181,7
Ломбардные операции	153,8		
Ценные бумаги	93,1		
Прочие активы	506,1		

§ 13. Как мы видим из баланса, золотой запас Рейхсбанка настолько велик, что превышает контингент покрытия (40%) и таким образом эмиссия свободна от обложения. На то же число сумма эмиссии 4 частных «нотных банков» составляла:

Баварского банка	68	млн. мар.
Саксонского банка	65,2	» »
Вюртембергского банка	25,4	» »
Баденского банка	20,8	» »
Итого	179,4	» »

Ясно, что в сравнении с 4337 млн. марок эмиссии Рейхсбанка нельзя говорить о более или менее заметной роли эмиссии остальных четырех банкотно-эмиссионных банков, сумма эмиссии которых не составляет даже $\frac{1}{23}$ эмиссии Рейхсбанка.

§ 14. Германия является классической страной финансового капитала. Здесь наиболее полного развития достигло «сращивание» банкового капитала с промышленным и гегемония финансового капитала. Процесс концентрации банков привел к тому, что перед войной несколько крупнейших банков сосредоточили в своих руках большую часть пассивных и активных операций всей германской банковской системы. Кроме того эти крупнейшие банки через систему «участий» и «влиятий» контролировали деятельность юридически самостоятельных банков.

Так например, самый крупный немецкий депозитный банк «Дейтше банк» при капитале в 72 млн. марок еще в 1910 г. распоряжался обширной группой акционерных банков с капиталом почти $\frac{1}{2}$ млрд. марок и около $1\frac{1}{3}$ млрд. привлеченных ими средств. Но одновременно тот же «Дейтше банк» был связан с крупнейшими монополистическими объединениями в промышленности. Таково же положение и других крупнейших банков, которые называются обычно «Д-банками», так как названия этих банков начинаются с буквы Д, а именно: *Дейтше банк*, (*«Немецкий банк»*), *Дисконтное общество*, *Дармштадский банк* и *Дрезденский банк*.

Одной из характерных особенностей германской кредитной системы является активная роль германских «кредитных банков» на рынке ссудных капиталов: начиная с конца XIX в. эти банки концентрируют в своих руках большую часть спроса и предложения ссудных капиталов на денежном рынке и в связи с этим «фондовая биржа» оказывается в руках крупнейших банков: «До войны берлинская биржа, — говорит один знаток этого вопроса, — не могла сравниться с лондонской, парижской или брюссельской: она была скорее местом для расчетов по поручениям банков, нежели свободным рынком».

Все немецкие депозитные банки, называемые в Германии «кредитными банками», сильно пострадали в период инфляции: ресурсы, которыми они располагали (как собственные, так и привлеченные средства), таяли вместе с обесценением марки, хотя и росли в номинальном выражении.

В результате инфляции некоторые промышленные объединения осво-

бодились от зависимости банков, но зато попали «под контроль» иностранных финансовых групп. Однако по мнению немецких специалистов «все же крупные группы предприятий продолжают оставаться в финансовом подчинении у банков (немецких), управляющих ими по единообразному плану большей частью с характерным для европейского континента пренебрежением к интересам самостоятельных акционеров».

Вследствие инфляции балансы «кредитных банков» сильно сжались к концу 1923 г. Так итог сводного баланса всех акционерных банков на 31 декабря 1923 г. показывал в золотых марках 3,48 млрд. марок при довоенном балансе (на 31 декабря 1913 г.) 17,17 млрд. марок; в пассиве на указанные даты акционерный капитал составлял менее 1 млрд. марок против 3,37 млрд. марок до войны; «кредиторы» (вклады и текущие счета без вкладов банков) 1,99 млрд. марок против 9,72 млрд. марок, акцепты 8 млрд. марок против 2,5 млрд. марок; в активе учтенные векселя составляли 224 млн. марок против 3½ млрд. марок, дебиторы по контокорренту — 1¼ млрд. марок против 9,8 млрд. марок и наконец ценные бумаги ¼ млрд. марок против 1,1 млрд. марок. Таковы колоссальные потери германской банковской системы в итоге всего периода военной и послевоенной инфляции. Неудивительно, что при наличии таких колоссальных потерь германские банки в целом утратили свое прежнее влияние на промышленность, которая в противоположность банкам значительно выиграла от инфляции. В результате инфляции она легко освободилась от бремени своей задолженности банкам. *Инфляция таким образом разорвала целый ряд тех мощных финансовых узлов, которые до войны тесно связывали банки и промышленность.* Однако процесс сращивания банков и промышленности в настоящее время вновь возобновился. Этот процесс развивается в том же направлении, т. е. по линии образования мощных группировок финансового капитала.

По окончании инфляционного периода банки начинают оправляться, но до сих пор объем их операций на много меньше довоенного. Однако небольшое число крупнейших берлинских банков сохранило прежнее господствующее положение в банковской системе Германии, как это видно из сравнения данных на 30 сентября 1929 г. по семи берлинским банкам и всем прочим «кредитным банкам» Германии, на основании которых составлена следующая диаграмма (стр. 332).

Отличительная черта германских депозитных банков с самого момента их возникновения в XIX в. и до настоящего времени — это широчайший *универсализм* их операций. От мелких комиссионных поручений и краткосрочного кредитования торговли вплоть до долгосрочного капитального финансирования и длительного участия в промышленных организациях — такова сфера деятельности германских «кредитных банков».

Эти банки являются фундаментом всей системы германского финансового капитализма и мощным орудием эксплуатации рабочего класса.

§ 15. В самое последнее время вновь чрезвычайно усилился процесс концентрации немецких банков. В конце сентября 1929 г. пра-

Диаграмма № 9

Удельный вес пассивных и активных операций 7 крупнейших берлинских банков в сравнении с 100 прочими кредитными банками Германии, включая ипотечные банки

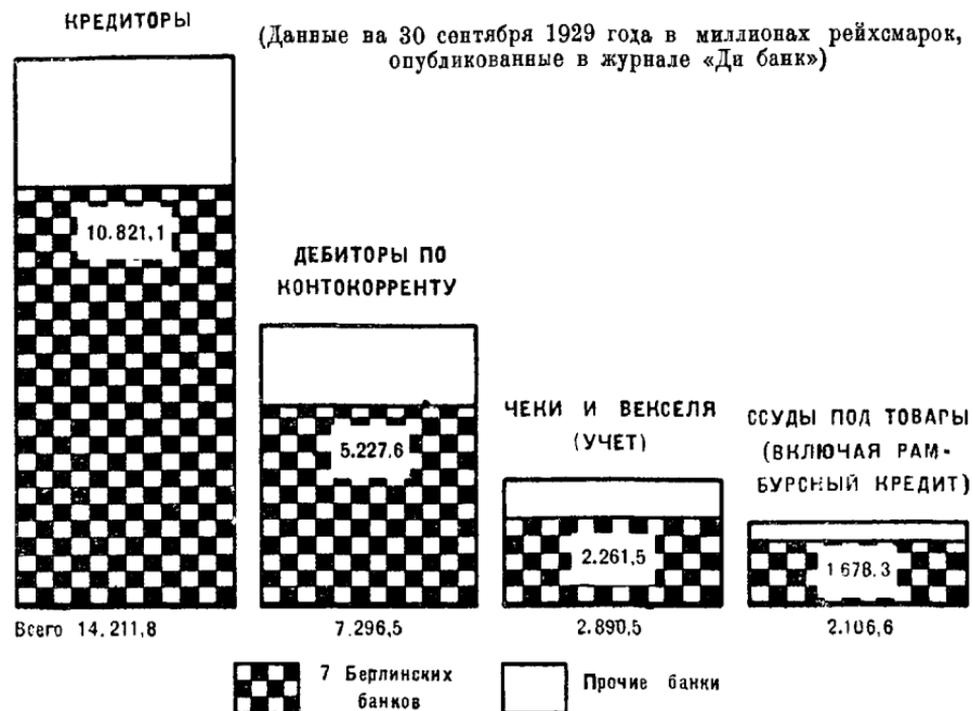

Диаграмма иллюстрирует преобладающую роль семи крупнейших берлинских банков в банковской системе Германии. Так например эти семь банков располагают 76,1⁰/₁₀₀ общей суммы вкладов и текущих счетов («кредиторы» — первый столбец) банковской системы Германии.

Диаграмма также показывает удельный вес отдельных активных операций немецких банков (2, 3 и 4 столбцы): контокоррентный кредит в 1½ раза превышает учетные и товаро-ссудные операции, вместе взятые; таким образом контокоррентный кредит является главнейшей активной операцией немецких банков.

вления двух крупнейших банков — «Дейтше банк» и «Дисконто Гезельшафт» объявили о полном слиянии (фузии). В числе крупнейших немецких банков «Дейтше банк» был самым крупным. По данным на 30 сентября 1929 г. из общей суммы «кредиторов» по 7 крупнейшим банкам в сумме 10 821 млн. марок, «Дейтше банк» располагал 2 610,4 млн. марок, более чем на 1 млрд. марок превышая сумму кредиторов «Дисконто Гезельшафт» и «Коммерц унд Провинциальбанк» и на 1½ млрд. марок «Дрезденский» и «Дармштадтский» банки. «Дейтше банк» был на первом месте и по объему контокоррентного кредитования, консорциальному участию и т. д.

После же слияния с «Дисконто Гезельшафт» «Дейтше банк» становится финансовым гигантом Германии, оставляя далеко позади себя все прочие крупные банки. По балансовым данным на 30 сентября 1929 г. этому объединенному банку «Дейтше банк унд Дисконто

Гезельшафт» из общей суммы кредиторов всех 100 банков Германии — 14 211,8 млн. марок принадлежат 4 086,0 млн. марок, что составляет около 40%, всей суммы кредиторов 6 крупнейших берлинских банков. Также и по активным операциям объединенному банку принадлежит значительная часть общего баланса всех 100 немецких банков, а по дебиторам по контокорренту также около 40%, сводного баланса 6 крупнейших банков.

Но эти цифры еще не дают полного представления о финансовой мощи нового банковского концерна.

Дело в том, что каждый из этих банков контролировал ряд других банков и промышленных объединений. «Дейтше банк» перед слиянием имел 182 филиала в Германии, 7 филиалов за границей, 104 депозитных кассы в Германии и контролировал 4 крупных банка с суммой капитала на 31 августа 1929 г. 76 млн. марок и резервов 28,5 млн. марок. «Дейтше-банк» кроме того контролирует и участвует в крупнейших монополистических объединениях, как например «Миттель-Дейтше-Штальверке», «Феникс», «Всеобщая компания электричества», «Симменс-Шуккерт», «Уфа» и т. д. Также и «Дисконто Гезельшафт» контролирует ряд банков и промышленных объединений в Германии и за границей.

При наличии сложной системы участия установить точно финансовую мощь этого нового банковского концерна не представляется никакой возможности. Несомненно только, что эта новая «фузия» представляет собой крупнейший шаг в истории германского финансового капитализма и вероятно один из последних шагов этой истории. Осуществляя концентрацию, германские финансово-капиталистические группы консолидируют свои силы и выходят на арену конкурентной борьбы с такими финансовыми гигантами, как лондонский «Мидлэнд-Бэнк» и американский «Нейшенель-Сити-Бэнк». Но и внутри Германии отмеченный факт концентрации, суживая сферу конкуренции, еще более усиливает ее остроту и порождаемые ею противоречия.

§ 16. Германский капитализм, обремененный тяжелыми репарационными платежами (репарации — военные возмещения побежденных стран победителям), в настоящее время находится под прессом Северо-американского империализма. В самое последнее время Северо-американские соединенные штаты по проекту Юнга выдвинули организацию международного, так называемого «сверхбанка», который должен взять на себя реализацию германских платежей, размещение займов, валютные операции, содействие мировой торговле и пр. «Сверхбанк» — это средство закрепления северо-американского капитала в Европе, прежде всего в Германии. *«Репарационный банк представляет собой грандиозную финансовую силу. Германская промышленность и все германское хозяйство находится под угрозой полной зависимости от этой финансовой мощи и от американского капитала, который будет руководить этим банком»* — так определила роль проектируемого банка одна влиятельная немецкая буржуазная газета. (В связи с противоречиями между империалистическими державами организация этого банка затормозилась.)

II. Банковая система Франции

§ 17. До XVIII в. во Франции банкирское дело носило ростовщический характер. Первая страница истории современной французской банковской системы открывается величайшим кредитным экспериментом шотландца *Джона Ло*. Исходя из того, что кредит даст распоряжение покупательской силой так же, как и деньги, *Ло* создал свой проект подъема благосостояния Франции, оздоровления правительственных финансов, устранения бедности и безработицы при посредстве кредита. Он считал, что поскольку выпуск бумажных денег есть создание кредита, а кредит есть в то же время капитал, постольку он надеялся выпуском бумажных (кредитных) денег увеличить массу капиталов, обогатить Францию. Конечно все это осталось одной лишь иллюзией, и «опыт» *Джона Ло* окончился весьма плачевно. Выпустив на огромные по тому времени суммы кредитные деньги без всякого соответствия с потребностями товарного обращения и без легко-реализуемого покрытия, созданный в 1716 г. *Джоном Ло* *Генеральный банк* потерпел крах в 1720 г. Тысячи граждан Франции оказались разоренными, а государственные финансы от этого эксперимента еще более ухудшились. Как раз опыт *Джона Ло* с полной убедительностью показал, что кредит *не есть капитал*, и что, расширяя кредит путем эмиссии денежных знаков, государство или банк не могут создавать капиталы и увеличивать национальное богатство. Этот опыт показал также, к каким печальным последствиям могут привести кредитные иллюзии и прежде всего нелепое представление о *кредитной инфляции*, как «движущем начале» всего хозяйственного развития.

§ 18. Эксперимент *Джона Ло* надолго опорочил кредит во Франции и отчасти даже в других странах, ибо печальные последствия этого опыта приобрели мировую известность. Долгое время кредитные функции во Франции выполняли *мелкие банкиры, сборщики податей и нотариусы*. Только в 1776 г. при содействии министра Тюрго был учрежден просуществовавший до 1793 г. Эмиссионный банк под названием «Касса учета». После революции, в течение 1796—1800 гг., было открыто три частных эмиссионных банка. Наконец по инициативе *Наполеона I* в 1800 г. был организован Центральный эмиссионный банк под названием «Французского банка», за которым в дальнейшем было закреплено монопольное право банкнотной эмиссии.

В 1806 г. на заседании Государственного совета *Наполеон* сказал: «Во Франции нет людей, которые знали бы, что такое банк; этот род людей только предстоит создать». В течение XIX в. создается «этот род людей»: помимо крупных частных банкирских домов, как например немецкого банкира *Ротшильда*, в 30-х годах появляется множество учетных банков, организованных в форме товариществ на паях, не нуждавшихся в получении специальной государственной концессии (разрешения). Эти банки вскоре же широко развили свои операции, причем не только краткосрочные, но и долгосрочные по финансированию промышленности. Четыре главных учетных банка в 1847 г. располагали собственным капиталом в 55 млн. фр., а их годовой оборот достиг 1 600 млн. фр.

§ 19. Экономический кризис, связанный с революцией 1848 г., уничтожил почти до основания старую банковую систему (за исключением Французского банка, который стал полным монополистом по выпуску банкнот и спасся от крушения тем, что правительство объявило принудительный курс его банкнот). После революции банковая система Франции стала строиться заново: в 1848 г. был учрежден при ближайшем участии правительства депозитный банк на акционерных началах, «Учетная контора», который обанкротился в 1889 г., а его преемник, «Национальная учетная контора», существует и до сих пор в качестве одного из самых мощных депозитных банков Франции.

Крупнейшую роль в истории французской банковской системы сыграл организованный в 1852 г. банк для кредитования под движимые ценности, так называемый «Креди Мобилье Франсэ» (в том же году был учрежден и банк земельного кредита, так называемый «Креди Фонсье»).

С начала второй половины XIX в. быстро развивается промышленный капитализм во Франции, и естественно вместе с этим развитием необходимо было образование мощной банковской системы. Организаторы «Креди Мобилье», братья *Эмиль* и *Исаак Перейры*, последователи социалиста-утописта *Сен-Симона* (см. гл. XXXVII), предполагали осуществить грандиозный план «демократизации капитала» на основе кредита. Этот план в основном сводился к финансированию промышленности путем выпуска облигаций мелких купюр. Этой цели должен был служить «Креди Мобилье», который, собрав огромный по тому времени капитал в 60 млн. фр., занялся крупными операциями по финансированию промышленности, главным образом по строительству железных дорог во Франции и за границей (в частности в России). В эти операции «Креди Мобилье», не располагая достаточным стабильным фондом, вложил огромные средства, более чем в два раза превышавшие его собственный капитал. Нарушив основной закон соответствия активов и пассивов, этот банк естественно должен был обанкротиться, что и произошло в 1867 г. после небольшого периода расцвета его спекулятивных операций и выплаты колоссальных дивидендов (в 1855 г. было выплачено свыше 40%).

§ 20. Опыт «Креди Мобилье» (как в свое время опыт Джона Ло) оказал влияние на дальнейшее развитие французской банковской системы. В 1859—1864 гг. организуются три крупных банка («Промышленно-коммерческий кредит», «Лионский кредит», «Генеральное общество для содействия развитию торговли и промышленности Франции»), которые, не отказываясь совершенно от финансирования промышленности, придерживались, однако, сугубой осторожности в развитии своих активных операций и прежде всего заботились о ликвидности своих активов. Наряду с этим также в целях поддержания ликвидности Французский банк вел энергичную политику по накоплению золотых резервов. Французская банковая система приобретает благодаря этому известную устойчивость, но, конечно, эта устойчивость вообще при капитализме, а не только во Франции, может быть лишь относительной: Франция, как и другие страны, пережила во второй половине XIX в. ряд кризисов, которые потрясли все здание банковской системы и приводили к банкротствам.

В течение этого периода учреждается также ряд банков *специально капитального кредита*, так называемые «деловые банки», с крупными собственными капиталами, и в связи с этим намечается разграничение функций (краткосрочно-денежного и долгосрочно-капитального кредита) между депозитными и «деловыми» банками. Однако в дальнейшем развитии эти функции интегрируются (объединяются), что вообще характерно для современных банков не только французских и германских, но также и английских.

§ 21. Французская банковая система, как она сформировалась во второй половине XIX в., состоит из следующих основных элементов:

1) Центральный банкнотно-эмиссионный банк, самостоятельные эмиссионные банки во французских колониях, как например Алжире, Западной Африке и др. (из которых некоторые имеют правления в Париже) и депозитные банки универсального типа; 2) специальные банки капитального кредита — «деловые банки»; 3) частные банкирские фирмы с самым разнообразным кругом операций — от финансирования внешней торговли и размещения займов до торговли благородными металлами и спекуляцией на валюте (арбитраж); 4) специальные кредитные учреждения, а именно: а) ипотечные банки (главным из них является старый банк «Креди Фонсье»), б) кредитная кооперация. Последняя во Франции развита довольно широко, но меньше чем в Германии. Во Франции так же существует, как и в Германии, два типа кредитных кооперативов: сельскохозяйственных и городских, преимущественно обслуживающих ремесленников. К учреждениям долгосрочного кредита относится созданный после войны (в конце 1919 г.) «Национальный кредит для возмещения убытков, причиненных войной». Кроме того во Франции, как и в других странах, функционирует сеть сберкасс. Ниже мы вкратце остановимся на центральных звеньях французской банковской системы: Французском банке и крупнейших депозитных банках.

§ 22. Французское правительство издавна оказывало влияние не только на центральный банк (что, как мы знаем, имеет место и в других странах), но и на другие элементы французской банковской системы. Так, в законодательном порядке через Французский банк правительство оказывало финансовую поддержку сельскохозяйственной кредитной кооперации, а также городской кредитной кооперации («народным банкам»). Кроме того правительство принимало активное участие в организации долгосрочного кредита промышленности, а также кредитовании внешней торговли, для чего был создан «Национальный банк внешней торговли».

§ 23. Что же касается центрального эмиссионного банка — Французского банка, то, хотя он был организован в 1800 г. как частный акционерный банк, однако с момента своего возникновения Французский банк был по существу *государственным банком*, точнее проводником государственной кредитно-денежной политики, государственным кассиром, а также органом, финансирующим путем ссуд госбюджет.

Отличительная черта французской банкнотно-эмиссионной системы до 1928 г. заключалась в отсутствии каких-либо обязательств покрытия банкнот. Французский банк был связан только одним обязательством: разменивать банкноты по требованию на золото. Однако само же пра-

вительство в критические периоды отменяло это обязательство. С 1870 г. вводится ограничение суммы эмиссии банкнот (максимум был установлен еще в 1848 г. в сумме 350 млн. фр., но через два года, с восстановлением размена банкнот, этот максимум был отменен). Предел эмиссии первоначально был равен 1,8 млрд. фр., но, неоднократно повышаясь, достиг перед войной 6,8 млрд. фр.

С начала мировой войны французское правительство прибегло к обычному методу использования банкнотной эмиссии для финансирования войны, отменив, с одной стороны, обязательность размена и повысив, с другой стороны, максимум эмиссии банкнот. Как известно, Франция пережила полосу не только военной, но также еще более обостренной послевоенной инфляции: в течение этой последней максимум эмиссии все возрастал и летом 1926 г. был доведен до 60 млрд. фр.

§ 24. С середины 1926 г. начинается оздоровление государственного бюджета и денежного обращения (см. гл. XIV, § 4), а через два года проведенная во Франции денежная реформа внесла устойчивость и в деятельность Французского банка. Вместе с тем в 1928 г. был введен и новый принцип банкнотной эмиссии: максимум эмиссии был отменен, но зато было установлено обязательное 35% покрытие золотом всей суммы банкнот и депозитов Французского банка.

В настоящее время Французский банк имеет большее покрытие банкнот и депозитов золотом, чем это установлено законом. Так, по балансу на 28 марта 1929 г. Французский банк имел в обращении банкнот на 64 575 млн. фр. плюс государственных депозитов на 5 736 млн. фр. плюс 6 263 млн. фр. частных депозитов, следовательно, всего обязательств на 76 574 млн. фр. В то же время золотой запас на 28 марта 1929 г. был равен 34 186, т. е. 44% к обязательствам. Из своего кредитного фонда свыше 25 млрд. фр. Французский банк на указанное число вложил в векселя.

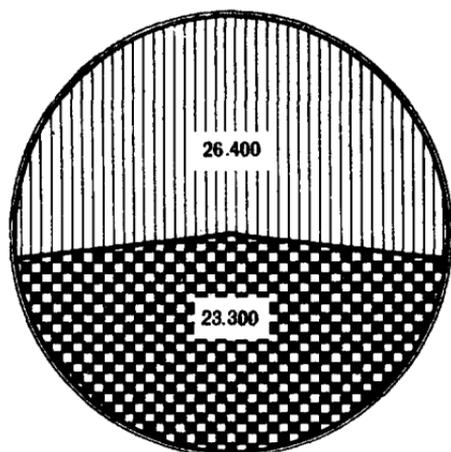
§ 25. Процесс концентрации банков во Франции, как и в других странах, привел к гегемонии нескольких банков. В настоящее время такое положение занимают шесть банков, в число которых, кроме упомянутых уже «Генерального общества», «Лионского кредита» и «Национальной конторы учета», входят «Промышленно-коммерческий банк», «Французский коммерческий кредит» и «Национальный банк кредита».

Французские депозитные и «деловые» банки пережили полосу военной и послевоенной инфляции: с начала войны они центр тяжести своей работы перенесли на прямое и косвенное (через кредитование предприятий, обслуживающих армию) финансирование войны; по окончании войны, в связи с крупными правительственными расходами на восстановление народного хозяйства, балансы банков росли в номинальном выражении, неуклонно падали в золотом выражении. В настоящее время восстановилась нормальная деятельность банков и *весьма усилились их связи с промышленностью*, а также с банками капитального кредита, так называемыми «деловыми банками». Эти связи, которые уже до войны также привели и во Франции к образованию *мощного финансового капитала*, имеют тенденцию все более расширяться и укрепляться.

§ 26. В этом отношении весьма характерно следующее место из речи коммунистического депутата *Кашена* на заседании Французской палаты депутатов 10 января 1929 г.: «Когда-то наши банки играли специальную роль. Они стремились главным образом прокладывать дорогу к сбережениям, которые большие банки отправляли за границу. Но в настоящий момент французские банки самым тесным образом связаны со всей промышленностью. Посмотрите списки членов административных советов банков, посмотрите списки руководителей больших фирм, транспортных предприятий, горнозаводских предприятий, текстильных, металлургических, химических, страховых компаний, т. е. всего того, что составляет мощное общественное богатство. Вы найдете там одни и те же имена (аплодисменты среди коммунистов).

Диаграмма № 10.

Удельный вес депозитов четырех крупнейших банков Франции в сравнении с общей массой депозитов банковской системы Франции по данным на 1 января 1928 года в миллионах франков.

ОБЩАЯ СУММА ДЕПОЗИТОВ 49.700

 4 крупнейших банка
 Все прочие банки

Четыре крупнейших банка располагают 53,1% сей массы депозитов банковской системы Франции.

банкам обесценившимися франками. В итоге финансовое положение промышленно-монополистических организаций укрепилось и произошло перергруппировка сил между финансово-капиталистическими объ-

единениями. Некоторые промышленно-монополистические организации, ранее находившиеся в зависимости от банков, сумели полностью освободиться от этой зависимости и даже больше того — подчинить себе банки.

Кроме того в этот же период произошла централизация капиталов

Триста или четыреста имен, — вот подлинная аристократия, феодальная знать настоящего момента. Она приобрела такую мощь, перед которой вынуждены пасовать все виды политики, если только не сломать эту мощь. Вот элементарная истина, и мне нетрудно будет привести многочисленные статистические данные, чтобы подтвердить этот несомненный факт».

Эта «феодальная знать настоящего времени», как метко выразился *Кашен*, держит в своих руках французскую банковую систему. Несколько банков по объему своих операций превышают операции всех прочих банков Франции. Это видно, например, из сравнения суммы депозитов четырех крупнейших французских банков в сравнении с суммой депозитов всех банков Франции (см. диаграмму № 10).

§ 27. Крупные французские банки, в том числе деловые банки, потерпели большие убытки во время инфляции, промышленность же выиграла в результате инфляции, так как она погасила свои долги

крупных промышленных предприятий и создание новых банков, подчиненных этим мощным промышленным объединениям. Так был создан в 1923 г. банк горной промышленности, в 1927 г. — банк текстильной промышленности, ряд банков электрической промышленности и т. д.

Аналогичный процесс наблюдался и в Германии. Конечно этот процесс ни в коей мере не противоречит теории финансового капитала, ибо *перегруппировка сил не означает изоляции банковского капитала от промышленного*. Такая изоляция в условиях современного капитализма вообще невозможна, и мы видим, что в действительности во Франции мощные монополистические организации создают новые банки или подчиняют себе существующие. Поскольку же налицо сращивание промышленного и банкового капитала также и после войны, постольку независимо от того, кому в этом процессе принадлежит инициатива — банкам или промышленности — теория финансового капитала находит полное свое подтверждение и в фактах послевоенных изменений в экономике Франции.

Литература

- 1) Проф. *З. С. Каценеленбаум*, Учение о деньгах и кредите, ч. 2, гл. X и XI.
- 2) Проф. *Силин*, Система кредитных учреждений иностранных государств, М. 1928, лекции 6 — 10 и 16 — 17.
- 3) Сборник «Кредит и банки», изд. НКФ, 1929, статья о банках Франции и Германии.
- 4) «Банковская энциклопедия», статьи о банках Франции и Германии.
- 5) *А. Вебер*, Депозитные и спекулятивные банки, М. 1928.
- 6) *G. Schwalenbe g*, Die Bank von Frankreich, 1904.
- 7) *W. Shohr*, Die Neugestaltung der Deutschen Reichsbank, St. 1925.
- 8) *Е. Эпштейн*, Эмиссионные и кредитные банки в новейшей эволюции народного хозяйства, П. 1913.
- 9) *Гамбаров*, 25 лет деятельности Германского имперского банка, Рига, 1902.
- 10) *Eug. Kaufmann*, Das französische Bankwesen, Tüb. 1922.
- 11) *Riesse*, Zur Entwicklungsgeschichte der deutschen Grossbanken, Iena 1906.
- 12) *Jeidels*, Das Verhältniss der deutschen grossbanken Zur Industrie, 2 Aufl, 1913.
- 13) *В. Mehrrens*, Die Entstehung und Entwicklung d. gross. französ. Kreditinstitute, St. u. B. 1911.

Вопросы для повторения

А. Германия

- 1) Охарактеризуйте основные этапы развития германской банковской системы до учреждения Рейхсбанка и ответьте на вопрос: в чем отличие германских принципов банкнотной эмиссии после 1875 г. в сравнении с принципами Акта Цилля?
- 2) В каких целях была проведена в 1908 г. «Банковая анкета» и какие результаты она дала?
- 3) Опишите основные элементы современной банковской системы Германии.
- 4) В чем заключалась реформа Рейхсбанка 1924 г.
- 5) Проанализируйте баланс Рейхсбанка на 7 марта 1929 г.
- 6) Как отразилась инфляция на германских кредитных банках?
- 7) Каков итог концентрации банков в Германии?

Б. Франция

- 1) В чем заключался эксперимент Джона Ло.
- 2) Охарактеризуйте историю французской банковской системы с конца XVIII в.
- 3) Почему «Креди Мобилье» потерпел крах?
- 4) Из каких основных элементов состоит современная банковая система Франции?

5) Какими нормами регулировалась банкнотная эмиссия Французского банка до и после 1928 г.?

6) Каков итог концентрации французских депозитных банков и какую роль играет финансовый капитал во Франции?

7) Подрывает ли теорию финансового капитала факт подчинения ряда банков промышленности после войны?

ГЛАВА XXXII.

БАНКОВАЯ СИСТЕМА СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

§ 1. Развитие банковской системы САСШ. § 2. Федеральная резервная система (закон 1913 г.). § 3. Функции Ф. Р. банков. § 4. Принципы твердого покрытия депозитов наличностью. § 5. Баланс Ф. Р. банков. § 6. Общественный характер Ф. Р. банков. § 7. Иллюзии американских экономистов в связи с Ф. Р. С. § 8. «Золотое ожирение» САСШ. § 9. Американский империализм. § 10. Строение банковской системы САСШ. § 11. Национальные и штатные банки. § 12. Тресткомпания. § 13. Сберегательные банки и частные банкиры. § 14. Удельный вес основных групп банков в банковской системе САСШ. § 15. Концентрация банкового капитала. § 16. Новейшие «фузии» банков САСШ в 1929 г. § 17. Обороты Расчетных палат. § 18. Международные банковые объединения на службе у американского империализма. § 19. Сельскохозяйственный кредит в САСШ. § 20. Финансирование потребительского спроса. § 21. Рабочие банки. § 22 Американский биржевой крах 1929 г.

§ 1. Северо-американские соединенные штаты, позднее других вступившие на путь капиталистического развития, успели, однако, перегнать европейские капиталистические страны. В настоящее время Северо-американские соединенные штаты — цитадель всего мирового капитализма, и в силу этого банковая система Северо-американских соединенных штатов имеет мировое значение. Кроме того ознакомление с банковской системой Северо-американских соединенных штатов необходимо для нас также и потому, что в этой стране наиболее сильны иллюзии «планового капитализма», причем именно банковая система призвана идеологами американского капитализма к роли основного регулятора и стабилизатора капиталистической экономики.

Система банкнотной эмиссии Северо-американских соединенных штатов, созданная в 1863—1865 гг., была не менее нелепой, чем английская система банкнотной эмиссии, созданная Актом Роберта Пила 1844 г. Дело в том, что этот закон связывал эмиссию банкнот с приобретением эмитирующими банками облигаций государственных займов, что, конечно, было наилучшим способом для размещения этих последних. Ясно, что подобное «регулирование» банкнотной эмиссии противоречило природе этой последней и создавало большие помехи для американского капитализма. С полной убедительностью это доказал грандиозный кризис 1907 г. Однако в Америке, как и в Англии, «нелепое банковое законодательство» не в состоянии было задержать экономическое развитие, и в результате также и в Америке мы наблюдаем широчайшее развитие другой формы банковской эмиссии средств обращения, а именно *депозитно-чековой*. Крупные американские спе-

циалисты считают, что из общей массы текущих счетов Северо-американских соединенных штатов половина не аккумулирована, но *эмитирована*. Это вполне возможно, если учесть грандиознейшие масштабы безналичного оборота Северо-американских соединенных штатов, достигающего пяти с половиной сотен миллиардов долларов в год. Нужно полагать, что как раз это «нелепое банковое законодательство» форсировало процесс развития депозитно-чековой эмиссии и жирооборота в Северо-американских соединенных штатах аналогично Англии и в отличие от Германии, Франции, Австро-Венгрии и других стран.

§ 2. Однако это «нелепое законодательство» было в корне реформировано в 1913 г., когда законом 23 декабря была создана так называемая «Федеральная резервная система». Эта система внесла, с одной стороны, значительную эластичность в банкнотную эмиссию (в соответствии с основной ее функцией), а с другой стороны, относительную устойчивость и единство в денежно-кредитную систему Северо-американских соединенных штатов: эта реформа является, безусловно, крупнейшим достижением капиталистической экономики.

Согласно этому закону, вся территория Северо-американских соединенных штатов была разбита на 12 округов, и в центре каждого, а именно, в городах: Нью-Йорке, Бостоне, Кливленде, Ричмонде, Атланте, Чикаго, Сент-Луисе, Миннеаполисе, Филадельфии, Канзас-Сити, Долласе и Сан-Франциско, были учреждены Федеральные резервные банки. Последние представляют собою тип «банка-банков»; его акционерами являются исключительно банки, входящие в качестве членов в Федеральную резервную систему, причем это вхождение обязательно для всех национальных банков, факультативно (необязательно)—для штатных банков и трест-компаний; всем прочим кредитным учреждениям воспрещено вступление в Ф. Р. С. (этими тремя буквами для краткости мы будем в дальнейшем обозначать Федеральную резервную систему). Банки-члены приобретают акции соответствующего Ф. Р. банка в сумме 6% их собственного капитала. Штатные банки, вступившие в Ф. Р. С., связываются рядом обязательных условий, но зато приобретают привилегии национальных банков, прежде всего — право банкнотной эмиссии. Однако эта привилегия оказалась фиктивной, так как эмиссия банкнот в настоящее время сконцентрирована у Ф. Р. банков. Ф. Р. банк непосредственно управляется директором из 9 членов, из которых трое назначаются высшим регулирующим органом всей Ф. Р. С. — *Федеральной резервной палатой* («Федераль Резерв Боорд»). Последняя является правительственным органом и состоит из министра финансов («секретаря казначейства»), контролера денежного обращения и 6 членов, назначаемых, по согласованию с сенатом, президентом Северо-американских соединенных штатов. Наконец для обсуждения вопросов общей политики Ф. Р. С. периодически (не менее 4 раз в год) в Вашингтоне созывается Федеральное резервное совещание, которое является совещательным органом при Ф. Р. П. (Федеральной резервной палате). Эта последняя играет центральную роль во всей Ф. Р. С.: она не только, как указано выше, назначает трех членов директората Ф. Р. банков, но и осуществляет постоянный контроль за их деятельностью, для чего имеет право во всякое время проверять дела Ф. Р. банков, и в случас

надобности закрывать их; ее предписания, в частности об эмиссии и извлечении банкнот, имеют силу закона, а также она обладает целым рядом других важнейших полномочий, как например правом утверждения дисконтных ставок Ф. Р. банков.

Все банки—члены Ф. Р. С. обязаны периодической отчетностью перед Ф. Р. П., которая публикует еженедельно в своем бюллетене сводные отчеты о Ф. Р. С. Но особенный интерес представляют ежегодные отчеты контролера денежного обращения, которые обнимают не только Ф. Р. С., но и все банки Северо-американских соединенных штатов, публикующие балансы. На основании последнего имевшегося в нашем распоряжении отчета за 1928 г., опубликованного в 1929 г., нами составлены приводимые ниже диаграммы и таблицы о банковской системе Северо-американских соединенных штатов.

§ 3. Такова в общих чертах организационная схема резервной системы Северо-американских соединенных штатов. Как мы видим, Ф. Р. С. имеет стремление *централизовать* руководство и контроль банковской системой Северо-американских соединенных штатов. Сфера влияния Ф. Р. П. распространяется через Ф. Р. С., непосредственно охватывающую значительно больше половины всего банкового дела Северо-американских соединенных штатов, на всю банковую систему Северо-американских соединенных штатов.

«Создать эластичную систему эмиссии, предоставить возможность переучета коммерческих обязательств, установить более строгое наблюдение за банковыми учреждениями в Северо-американских соединенных штатах и пр.»—таковы основные функции Ф. Р. С., как они были определены «Резервным актом» 1913 г.

Хотя до сих пор имеются в обращении банкноты национальных банков, бумажные деньги («гринбеки»), а также золотые и серебряные сертификаты, выпускаемые в обмен на металл, однако преобладающее значение имеют «федеральные резервные ноты» (их не следует смешивать с «банкнотами федеральных резервных банков», обязательными к размену только в данном банке; эмиссия этих банкнот была ограничена размером собственного капитала Ф. Р. банка; в настоящее время этих банкнот осталось в обращении незначительное количество).

Так, по данным Ф. Р. Бюллетеня, на 30 апреля 1929 г. денежная масса САСШ состояла из следующих видов денег и денежных знаков в тысячах долларов:

Федеральные резервные ноты	1 648 369
Ноты правительства САСШ	276 227
Ноты Федеральных резервных банков	3 679
Ноты национальных банков	643 639
Казначейские ноты 1896 г.	1 287
Золотая монета	372 615
Золотые сертификаты	905 602
Серебряная монета	43 784
Серебряные сертификаты	386 241
Добавочное серебро	281 039
Мелкая монета	114 172

Общий же объем денежного обращения Северо-американских соединенных штатов на указанное число превышал 4,6 млрд. долл.

Мы знаем, что банкнота как представитель *настоящих* денег—зо-

лота, заменяя векселя, выполняет функцию средства обращения. Поэтому банкнота непосредственно должна быть связана с золотом, но эта связь не должна препятствовать эмиссии банкнот в объеме, необходимом для обращения.

Ф. Р. акт и пытается разрешить обе эти задачи: с одной стороны, устанавливается твердая связь банкнот с золотом в виде 40% покрытия всей суммы эмиссии наличным золотом, но, с другой стороны, покрытие остальных 60% допускается в товарных и банковских векселях. Если же золотое покрытие падает ниже 40%, то Ф. Р. банк обязан платить государству прогрессивный налог по мере снижения процента покрытия (с 1% в год при 32½% покрытия налог прогрессивно повышается до 19½% при покрытии ниже 2½%; конечно такой высокий налог фактически, при нормальной системе денежного обращения, означает прямое запрещение эмиссии; как мы видели в XXXI главе, этот принцип эмиссии банкнот был введен в Германии в 1924 г.).

§ 4. Ф. Р. банки называются резервными потому, что их активы служат наличными резервами всей Ф.Р.С. Отличительной особенностью этой последней является твердое контингентирование не только эмиссии непокрытых банкнот, но всей суммы обязательств банков, т. е. также и депозитов. В 1917 году было определено для всех членов Ф.Р.С. твердое покрытие депозитов наличностью в размере 7—13% (в зависимости от экономических условий отдельных районов) для текущих счетов и в размере 3% для вкладов (долгосрочных). В общей сложности эти резервы на 26 октября 1927 г. составляли 2,3 млрд. долл. Все эти резервы банки-члены должны держать в Ф. Р. банке всего округа.

§ 5. Наряду с эмиссией банкнот резервные вклады банков-членов являются главнейшей статьей пассива Ф. Р. банков, как это видно из сводного баланса 12 Ф. Р. Б. на 26 октября 1928 г.:

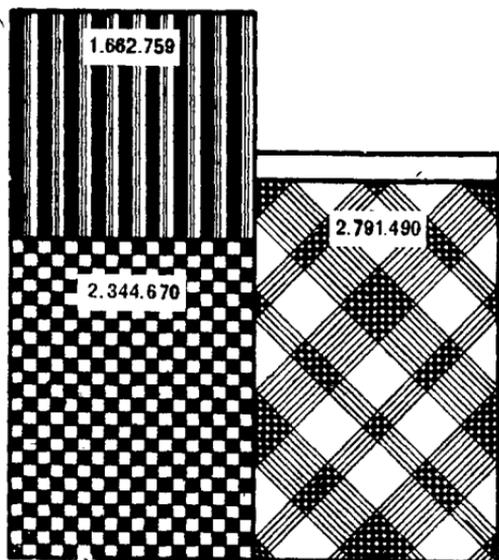
Актив	В тысяч. долларов	Пассив	В тысяч. долларов
Золотые резервы.	2 641 096	Федеральные резервные ноты в обращении.	1 702 816
Другие наличные резервы. .	131 900	Депозиты	
Наличность, не являющаяся резервом	56 874	Членов-банков — резер- вные счета	2 730 988
Учетные векселя.	932 271	Правительства	20 498
Векселя, купленные на воль- ном рынке.	440 376	Другие	27 538
Обязательства правительства САСШ	227 099	Долговые обязательства к пла- тежу	655 508
Другие векселя и ценные бу- маги	3 730	Оплаченный основной капи- тал	145 878
Счета невключенные	694 479	Запасный капитал	233 319
Все другие активы.	70 213	Прочие пассивы	34 995
	5 198 038		5 198 038

(Данные взяты из годового отчета Контролера денежного обращения САСШ за 1928 г.).

Из общей суммы баланса 5,1 млрд. долл. свыше 4 млрд. долл. падает на обязательства Ф. Р. банков по банкнотам и депозитам банков-членов. В активе же мы находим колоссальнейшее 3-миллиардное обеспечение наличностью этих обязательств, а в составе этого обеспечения 2,95 млрд. долл. составляет золотой резерв. Таким образом резервные банки в подлинном смысле слова являются резервными; в этом их важнейшая функция. Кроме того они являются также центрами междубанковского жирооборота, который, как сказано, в Америке развит чрезвычайно широко. В свою очередь в Вашингтоне в Ф. Р. П. концентрируется жирооборот между

Диаграмма № 11.

Обеспечение обязательств федеральных резервных банков САСШ наличностью по официальным данным на 30 апреля 1929 г. (в тысячах долларов)

Депозиты
 Золото

Банкноты
 Прочая наличность

Золотая наличность покрывает сумму всех обязательств (депозитов и банкнот) на 70%.

Ф. Р. П. 5% золотого покрытия выпущенных ими банкнот.

Ф. Р. банкам разрешено заниматься также и активными операциями, а именно учетом векселей, выдачей ссуд под золото, покупкой и продажей золотых монет и слитков и покупкой и продажей ценных бумаг. Однако центр тяжести их работы заключается в регулировании денежного обращения и кредита Северо-американских соединенных штатов; их активные операции не являются поэтому самоцелью, но лишь средством для достижения этой цели. Ф. Р. Б. имеют высокий процент покрытия всех своих обязательств (банкнот и депозитов) наличностью (золотой) (см. диаграмму № 1).

§ 6. Итак, резервные банки и возглавляющ р их Ф. Р. П.— это, несомненно, не чисто-коммерчески, но чисто-общественно-институты (учреждения). Не нужно твердо-помнить, что это капитали-

стические общественные институты, а не «вообще» общественные. Созданием Ф. Р. С. капиталисты учредили как бы грандиозное страховое общество на основе круговой поруки. Каждый банк вносит в Ф. Р. банк свои «страховые премии» («страховой премией» называются периодические взносы страхующихся), и в случае надобности пользуются этим общественным страховым фондом—резервами Ф. Р. банков. Но как страхование от огня не может устранить пожаров, так и

страхование от банкротств, осуществляемое Ф. Р. С., не может устранить причины этих последних—*кризисов*.

§ 7. Между тем целый ряд американских экономистов, теоретиков и практиков (Митчель, Беллерби, Робертсон, Стронг и др.), игнорируя то, что Ф. Р. С. является не просто общественной, но *капиталистической* общественной организацией (и, следовательно, сохраняющей все противоречия капитализма), объявили о новой эре капитализма, рационально (разумно) построенного на основе централизованной кредитной политики. Одни сочли возможным при посредстве дисконтной политики стабилизировать цены и устранить кризисы, а другие изобрели в «кредитном контроле средство устранения безработицы» (так называется книга Беллерби). Эти идеи нашли почву и в других странах, как, например, в Германии, где *Деймер* предложил детально разработанный план *огосударствления кредитной системы* в целях всеобъемлющего контроля над общественной экономикой.

Для нашего читателя, усвоившего основы марксовой теории денег и кредита, нет надобности доказывать беспочвенность всех этих иллюзий. Покуда существует капитализм, покоящийся на частной собственности и противоречии труда и капитала, не может быть и речи об устранении кризисов, которые есть лишь проявление имманентных противоречий капитализма.

Ф. Р. С. бессильна устранить противоречия капитализма. В этом отношении весьма характерно следующее заявление Бэрджеса, крупного знатока Ф. Р. С.: «Общественное мнение,—говорит он,—склонно скорее переоценивать значение и возможности резервной системы. Многие готовы видеть в ней едва ли не универсальное средство от всех болезней экономической жизни и требовать от нее полной стабилизации цен, предупреждения банковских крахов, уничтожения спекуляции и устранения колебаний экономических циклов». Все эти требования, по его мнению, есть плод «довольно туманных и неопределенных воззрений на федеральную резервную систему». Марксист никогда не мог увлекаться этими иллюзиями. Но весьма характерно, что в настоящее время все чаще и чаще раздаются голоса из самого капиталистического лагеря о бессилии Ф. Р. С. устранить противоречия капитализма и создать «плановое хозяйство» в рамках капитализма.

§ 8. Ф. Р. С. начала функционировать с 1914 г.; 14 с лишним лет ее существования в общем, несомненно, доказали преимущества этой системы для капитализма. Эти 14 лет были периодом колоссальнейшего роста денежного богатства Северо-американских соединенных штатов за счет европейских стран, разорившихся во время мировой империалистической войны. «Добрый дядя Сам» щедро поставлял орудия и провиант воевавшим странам и солидно на этом заработал. С начала войны к концу 1918 г. запасы золота в Северо-американских соединенных штатах почти удвоились, превысив 3 млрд. долл., а к 1925 г. Северо-американские соединенные штаты, имевшие в 1873 г. только 3,7% всех золотых денег мира, владели 4,58 млрд. долл. золотом при общем мировом запасе золотых денег 9½ млрд., т. е. почти половиной этого последнего.

Естественно, что при таком золотом «ожирении» денежно-кредит-

ная система Северо-американских соединенных штатов получила мощный фундамент в виде колоссальнейших наличных резервов; в отличие от Английского банка Ф. Р. П. применяла дисконтную политику и другие мероприятия *не для привлечения золота в Северо-американские соединенные штаты, но наоборот, пыталась ставить барьеры золотому потоку.*

§ 9. Америка, до войны ввозившая иностранные капиталы, стала теперь искать выхода для скопившихся у нее денежных капиталов: к 1927 г. ее заграничные инвестиции (вложения) в частные предприятия составляли свыше 11 млрд. долл. Кроме того Северо-американские соединенные штаты стали «великодушно» приходить на помощь разорившимся в результате войны европейским странам: при содействии американского золота были проведены денежно-кредитные реформы в ряде стран и прежде всего в Германии (план Дауэса).

Северо-американские соединенные штаты приобретают значение мирового денежного рынка, а Англия теряет эту монополию. Вывоз же капиталов означает обострение борьбы за сферы их приложения, и неудивительно поэтому, что за последнее время становится весьма активным северо-американский империализм, который распространяет сферу своего влияния не только на Латинскую Америку, но и на все части света. Отсюда — острый антагонизм (борьба) Северо-американских соединенных штатов и Англии и возможность военного конфликта. Банковая система Северо-американских соединенных штатов является опорой американского империализма и фундаментом ее финансового капитала.

Тенденции концентрации банкового капитала и сращивания его с промышленным капиталом в единый финансовый капитал присущи американскому капитализму так же, как и европейскому. Но при общности тенденций, банковая система Северо-американских соединенных штатов имеет и свои специфические черты: раздробленность штатов, законодательные препятствия развивать крупным банкам филиальную сеть в провинции, привели к распыленности банкового аппарата, которую теперь приходится преодолевать финансовому капиталу Северо-американских соединенных штатов.

§ 10. После того как мы ознакомились с деятельностью Ф. Р. банков, мы теперь можем рассмотреть строение *первичной* банковской системы. Оставляя пока в стороне специальные кредитные учреждения, необходимо прежде всего отметить *многочисленность* самостоятельных банковских единиц, причины чего нам уже известны. На 30 июня 1928 г. в Северо-американских соединенных штатах числилось 26 213 банков, публикующих отчеты («репортинг-банке»). Эти 26 тыс. банков американская статистика классифицирует на 6 групп: 1) национальные банки, 2) штатные банки, 3) взаимные сберегательные банки, 4) национальные сберегательные банки, 5) трест-компании, 6) частные банки. Но различие между всеми этими группами в настоящее время в большей мере формальное (юридическое), чем по существу.

§ 11. Первоначально, правда, национальные банки были преимущественно баночно-эмиссионными, выполнявшими функции ссудно-денежного кредита, но в настоящее время от них отпала баночная эмис-

сия, и они широко развили, прямо и косвенно (например через трест-компании), функции ссудно-капитального кредита (финансирование). Таким образом эти банки стали банками универсального типа. Такой же характер имеют и штатные банки, которые отличаются от национальных банков своей большей размельченностью (очень часто громкое пазвание «штатного банка» носит маленькое сельское банкирское учреждение), добровольностью вхождения в Ф. Р. С. и менее строгими обязательными условиями в тех случаях, когда штатный банк включается в Ф. Р. С.

§ 12. С другой стороны, так называемые трест-компании (доверительные общества), которые наряду с самыми разнообразными комиссионными и административными операциями первоначально занимались главным образом капитальным долгосрочным кредитованием, в настоящее время широко практикуют и депозитную операцию и краткосрочное кредитование. Если эти трест-компании и сохраняют в более или менее «чистом» виде свой характер «инвестиционных трестов», то зато они сплошь и рядом лишаются своей самостоятельности, превращаясь по существу в «отделы долгосрочного кредитования» крупных банков. Таким образом налицо тенденция интеграции функций этих трех основных типов банков, которые и по численности и по сумме своих ресурсов составляют почти 80% банковской системы Северо-американских соединенных штатов (без специальных кредитных учреждений).

§ 13. Остальные три типа банков по объему своих ресурсов занимают второстепенное положение. Среди них на первом месте стоят так называемые «взаимные сберегательные банки», которые в отличие от обычных капиталистических банков построены на общественных, кооперативных началах. Задача этих банков так же, как и акционерных сберегательных банков, заключается в аккумуляции мелких сбережений; однако в этом отношении с ними конкурируют и штатные и национальные банки, так что сбережения поступают сразу по нескольким каналам. Что же касается их активных операций, то они отличаются от перечисленных типов банков разве только *сравнительно* большей долгосрочностью вложений в соответствии с наличием у них преимущественно (но не исключительно) сберегательных вкладов (а не текущих счетов: многие из сбербанков принимают вклады только с условием предупреждения об их изъятии за 1—2—3 месяца). По различию это, так сказать, количественное, а не качественное, ибо и у перечисленных банков долгосрочные вклады и долгосрочные активные операции играют крупную роль.

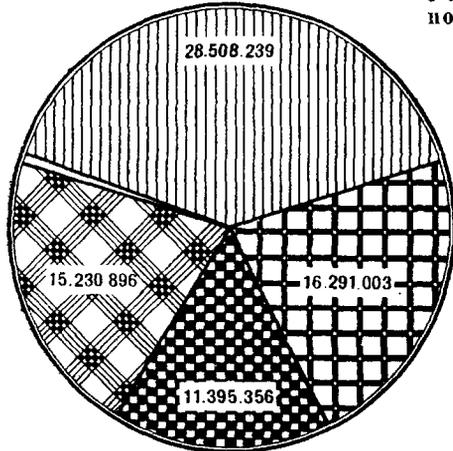
Наконец частные банкиры (и банкирские товарищества) также практикуют все виды банковских операций, по все же больший уклон имеют в сторону спекулятивных операций с ценными бумагами, валютой и пр. Итак, у каждого из перечисленных типов банков имеются свои «уклоны», но *универсализм* операций (соединение ссудноденежного с ссуднокапитальным кредитом) у всех налицо.

§ 14. Объем операций банков и удельный вес каждой группы в пассиве и активе всей банковской системы Северо-американских соединенных штатов показаны в следующей диаграмме.

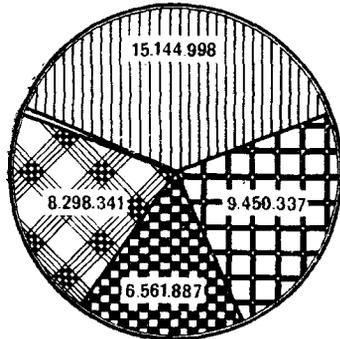
Учетно-ссудные операции и депозиты системы коммерческих банков САСШ по данным «Контролера денежного обращения САСШ» на 30 июня 1928 г.

(Данные в тысячах долларов.)

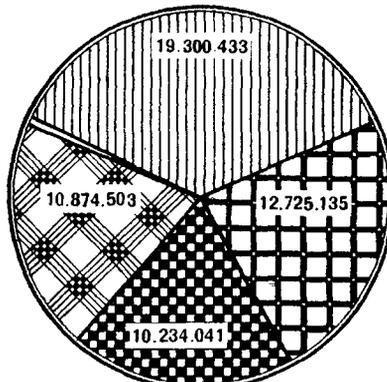
ОБЩАЯ СУММА БАЛАНСА
71.574.328

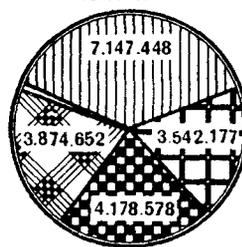
УЧЕТНО-ССУДНЫЕ ОПЕРАЦИИ
39.542.067

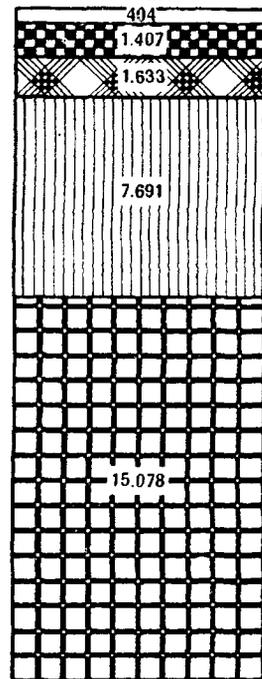
ДЕПОЗИТЫ
53.244.898

ЦЕННЫЕ БУМАГИ (ИНВЕСТИЦИЯ)
18.771.814

КОЛИЧЕСТВО БАНКОВ
Всего 26.213

- Национальные банки
- Штатные банки
- Сберегательные банки.
- Трест-компании
- Частные банки

Весьма показательное сравнение удельного веса отдельных групп банков в общей массе банков, с одной стороны, и в общей сумме баланса, учетно-ссудных и вкладных операций, с другой стороны. Это сравнение говорит о преобладающем значении в банковской системе САСШ «национальных банков» и «трест-компаний» (около 60% суммы депозитов и учетно-ссудных операций всех банков САСШ), несмотря на то, что по числу банковских единиц «штатные банки» в полтора раза превышают массу «национальных банков» и «трест-компаний», вместе взятых (число штатных банков составляет 58%, а число национальных банков вместе с трест-компаниями 36% общего числа банков).

Сводные балансовые данные, публикуемые в ежегодных отчетах «Контролера денежного обращения САСШ», включают все коммерческие банки САСШ, обязанные публичной отчетностью (так называемые «репортин-банкс»). Тем самым диаграмма № 12, составленная на основании последнего годового отчета, дает представление об объеме ресурсов и активов всей банковской системы САСШ. Что же касается Федерального резервной системы, то последняя объединяет не все банки САСШ, но лишь часть их: однако, объем ресурсов и активов так называемых «банков-членов» (членов Ф. Р. С.) составляет более половины ресурсов и активов всей банковской системы. Следующая таблица, составленная на основании данных официального органа Ф. Р. П., а именно «Федерального резервного бюллетеня» (март 1930 года), показывает объем активных и пассивных операций всех «банков-членов» Федеральной резервной системы (в тысячах долларов).

Операции	На 31/XII 1926 г.	На 31/XII 1927 г.	На 31/XII 1928 г.	На 31/XII 1929 г.
Ссуды и инвестиции	31 641 715	34 246 942	35 683 935	35 933 950
Текущие счета	17 638 648	18 170 140	18 903 658	18 861 582
Вклады	11 439 859	12 764 798	13 453 311	13 233 481

Общий объем ссуд и инвестиций на конец 1929 года в сумме 35,9 млрд. долларов покрывается привлеченными «банками-членами» средствами в сумме 32 млрд. долларов. При этом весьма важно отметить большой объем срочных вкладов (13,2 млрд. долларов), в сравнении с суммой текущих счетов (18,8 млрд. долларов). Имея в своем распоряжении на 13,2 млрд. долларов вкладов, обычно *долгосрочных*, эти банки тем самым располагают огромными ресурсами для финансирования промышленности, которые широко практикуется не только «трест-компаниями» и «сберегательными банками», но также и «национальными банками», обычно считавшимися банками краткосрочного кредита.

Ресурсы «банков-членов» распределяются по районам САСШ таким образом, что промышленные округа поглощают большую часть ресурсов, а западные, преимущественно сельскохозяйственные округа, меньшую часть. Так, указанная выше общая сумма ссуд и инвестиций распределяется по двенадцати федеральным резервным округам следующим образом:

Название округов	Сумма в ты- сячах дол- ларов
Нью-Йорк	12 316 203
Чикаго	4 934 486
Кливленд	3 455 405
Сан-Франциско	3 192 234
Филадельфия	2 636 721
Бостон	2 560 758
Сент-Луис	1 336 880

Название округов	Сумма в тысячах долларов.
Ричмонд	1 277 559
Канзас-Сити	1 211 892
Атланта	1 114 730
Доллас	936 158
Миннеаполис	910 924
Итого . . .	35 933 950

Эта таблица показывает, что в двух важнейших округах (*Нью-Йорк и Чикаго*) сконцентрировано значительно *более половины* ссудно-инвестиционных операций всех банков, объединяемых Ф. Р. С.

§ 15. На первый взгляд наличие двадцати шести тысяч самостоятельных банков как будто противоречит изложенной в XXVI главе теории финансового капитала, т. е. учению о господстве небольшого числа крупнейших капиталистов. Однако это не так. *Юридическая самостоятельность* банков еще не означает их *экономической* самостоятельности. Между тем именно в Америке мы имеем развитие самых разнообразных форм влияния крупных финансовых групп на юридически самостоятельные банковские (и промышленные) единицы. «Из нескольких десятков тысяч самостоятельных и независимых банковских единиц вырастает централизованная система небольшого числа банков, охватывающая своими щупальцами (филиалами) всю огромную территорию Соединенных штатов. Этот процесс концентрации еще не закончен, но направление его вполне ясно. Формы, в которых протекают концентрационные процессы, самые разнообразные: локальная (местная) концентрация, централизация банковских ресурсов в небольшом числе банков, слияние и поглощение, система корреспондентских связей, овладение контрольным пакетом акций, взаимное участие директоров в руководящих учреждениях банков, создание специальных обществ — держателей акций банков. Все эти пути и методы взаимно переплетаются и ведут к одной цели» (*Трахтенберг*). Эта цель — есть господство «финансовой олигархии» (знати).

Из приведенных выше данных мы видим, что две наименьшие по количеству группы банков — *национальные* и *трест-компании* — имеют наибольший удельный вес по депозитам, ссудам и инвестициям. Среди этих групп как раз и выделяется небольшое количество *банков-шантов*, которые, подобно английским «Биг-Файв», «задают тон» всей банковской системе. К середине 1927 г. английские «Биг-Файв» по сумме капиталов и депозитов занимали 1, 2, 3, 6 и 7 места среди ста крупнейших акционерных коммерческих банков мира, а три северо-американ-

ских банка (*Гарантийная трест-компания, Национальный Сити-банк, Чэзовский национальный банк*) занимали 4, 5 и 8 места в этом мировом партере банков.

Наконец общезвестно, что номинально-частная банковая фирма «И. И. Морган и К^о» накануне войны держала в своих руках предприятия с капиталом в 22½ млрд. долл., что составляло 1/3 национального имущества Северо-американских соединенных штатов. Что означают тысячи мелких штатных сельских банков с их патриархальными председателями в сравнении с этой грандиозной мощью одного Моргана? *Крупнейшие 20—25 банков фактически господствуют над всей банковской системой Северо-американских соединенных штатов.* Но мощный банковый капитал так тесно связан с промышленностью, что фактически нет никакой возможности провести демаркационную (пограничную) линию между банковым и промышленным капиталом. Нельзя сказать, например, является ли Морган королем банков или промышленным или железнодорожным королем, Морган поспекает и здесь, и там... Итак, *Соединенные штаты являются классической страной централизованной финансовой мощи. В руках нескольких узких групп находится власть над всем банковым аппаратом страны.*

Этот мощный концентрационный процесс банкового капитала в Северо-американских соединенных штатах вызвал серьезные опасения со стороны так называемого «общественного мнения» и для исследования этого процесса, в целях законодательного его регулирования, правительством САСШ, так же как и позднее английским правительством (о чем была речь в XXVII главе), был создан перед войной специальный комитет. Этот комитет обследовал развитие концентрационного процесса в банковом деле и установил широко практикуемую систему взаимного обмена ответственными должностями между банками, а также между промышленностью и банками, и осуществляемое в скрытой форме подчинение мелких банкиров крупным банкам.

На основе выводов этого комитета был издан так называемый «Закон Клейтона», которым имелось в виду поставить препятствия концентрационному процессу и сохранить столь необходимую для капитализма конкуренцию между банками. *Но все эти антиконцентрационные мероприятия оказались бессильными задержать присущий капитализму ход развития, и закон Клейтона остался мертвой буквой.*

Он дал лишь ряд заданий юрисконсультам финансового капитала для изыскания путей обхода этого закона и эти окольные пути сращивания банков друг с другом и с промышленностью действительно были найдены. Финансовый капитал победил и в Америке так же как и в Англии, Франции и Германии.

§ 16. В последние годы процесс концентрации банкового капитала в САСШ чрезвычайно ускорился. Ряд крупных «фузий» произошел в 1927 и 1928 гг., но особенно бурным был концентрационный процесс в 1929 г. Американской статистикой за один только первый квартал 1929 г. отмечено более 100 «фузий».

Крупнейшим событием в истории американского финансового капитала было слияние «Нейшенел-Сити-Бэнк» с «Кори-Эксченж-Бэнк». Объединенный банк обладает собственными капиталами в 375 млн. долл.,

вкладами в сумме 1 700 млн. долл. и общими ресурсами 2,3 млрд. долл. Сумма активов этого банка значительно превышает сумму активов «Дейтше банк» и «Дисконто Гезельшафт», об объединении которых мы говорили в XXXI главе.

§ 17. В связи с централизацией финансовой мощи чрезвычайно возрастает удельный вес нескольких крупнейших центров в банковской системе Северо-американских соединенных штатов. Хозяевами положения являются нью-йоркские банки, как в Англии лондонские банки. Весь кредитный оборот Северо-американских соединенных штатов в конце концов концентрируется в нескольких крупнейших центрах, среди которых львиная доля падает на *Нью-Йорк*. Это подтверждается приводимой ниже диаграммой об оборотах расчетных палат Нью-Йорка, Чикаго, Филадельфии и Бостона в сравнении с совокупным оборотом всех остальных 225 городов, имеющих расчетные палаты.

612.997.457

Диаграмма № 13

Обороты расчетных палат Сев.-Америк. Соед. Штатов за 1928 год

(в тысячах долларов)

Обороты нью-йоркской расчетной палаты составляют более половины оборотов всех расчетных палат САСШ (60%). Даже в таком крупном центре, как *Чикаго*, обороты расчетной палаты в 10 раз меньше оборотов нью-йоркской палаты. Это свидетельствует о концентрации расчетов в Нью-Йорке и иллюстрирует значение Нью-Йорка, как расчетного центра всей страны.

§ 18. В самое последнее время американские финансовые короли приступили к созданию специальных банковских организаций для расширения сферы своего мирового господства. Мы говорим о *международных банковских объединениях*, появившихся с 1924 г. Всего с 1924 по 1927 г. было создано 20 таких объединений с 88 участниками. 16 объединений из 20 являются *американо-европейскими*. В противовес им создаются *англо-континентальные объединения*, но последние значительно слабее американских как по числу участников, так и по сумме

капиталов (из капиталов 736,73 млн. марок всех 20 объединений только 162,48 млн. марок падает на англо-континентальные объединения). *Форма международных банковых объединений является одной из форм мировой экспансии (расширения) американского финансового капитала, одним из важных орудий его империалистической политики во всем мире и прежде всего в Западной Европе.* Самым грандиозным банком этого типа будет упомянутый в XXXI главе, «Сверхбанк», Репарационный банк, намечаемый по плану Юнга.

§ 19. Чтобы закончить рассмотрение банковской системы Северо-американских соединенных штатов, нам остается сказать несколько слов об основных специальных кредитных учреждениях этой страны. На первом плане здесь стоит *ипотечный и сельскохозяйственный* кредит. Нужно заметить, что система сельскохозяйственного и ипотечного кредита Северо-американских соединенных штатов довольно пестра и сложна. С одной стороны, все рассмотренные нами типы банков прямо или косвенно занимаются ипотечным (под залог земель и городской недвижимости) и сельскохозяйственным производительным кредитом, с другой стороны, имеется специальная, созданная центральной властью в 1916 г., система сельскохозяйственного кредита, называемая «Федеральной системой ссуд фермерам», и, наконец, с третьей стороны, в кредитовании сельского хозяйства принимают участие страховые общества и частные банкиры.

Не имея возможности рассматривать подробно весь этот сложный механизм, мы лишь вкратце охарактеризуем Федеральную систему ссуд фермерам. Эта последняя в организационном отношении имеет много общего с Ф. Р. С.: вся территория Северо-американских соединенных штатов разбита на 12 округов и в каждом из них учрежден федеральный земельный банк. Капиталы этих банков составляются путем продажи акций, но в действительности большая часть капиталов этих банков принадлежит центральному правительству и таким образом фактически это не частные, но *государственные банки*. Фонды кредитования этих банков создаются выпуском специальных облигаций, обеспеченных закладными на землю заемщиков. Каждый банк может выпустить облигаций на сумму, максимум в 20 раз превышающую их собственный капитал. Ф. З. Б. (федеральные земельные банки), аналогично Ф. Р. Б., являются своего рода банками банков, ибо они кредитуют не непосредственно фермеров (арендаторов и землевладельцев), но «национальные ассоциации фермерского кредитования», которые представляют собой объединения заемщиков. Эти ассоциации несут ответственность за первичного заемщика, для чего члены ассоциации вносят паевые взносы и в двукратном размере несут ответственность за дела ассоциации. Ассоциации кредитуются лишь после утверждения их Ф. З. Б. и подлежат контролю этих последних.

Ф. З. Б. могут кредитовать и индивидуальных фермеров, но обязательно при посредничестве какого-либо банка или трест-компании. Ф. З. Б. выдают исключительно долгосрочные производственные целевые ссуды по твердому проценту. Кроме Ф. З. Б., в состав Ф. С. сельскохозяйственного кредита входят и частные акционерные земельные банки, которые также имеют право выпуска закладных

листов. Это, так сказать, штатные земельные банки, ибо их деятельность ограничена 1—2 штатами. Эти банки имеют большую свободу действий, чем Ф. З. Б., и непосредственно связаны с первичными заемщиками. Однако и эти банки так же, как и Ф. З. Б., находятся под контролем центрального органа всей системы сельскохозяйственного кредита — *Фарм Лоан Бюрд* (Палаты фермерского кредита).

В 1923 г. в дополнение к описанной системе было создано 12 банков среднесрочного кредита, акции которых также находятся в руках центрального правительства. Эти банки так же, как и Ф. З. Б., связаны не с первичными заемщиками, но с кредитными посредниками. Они переучитывают векселя фермеров, предъявляемые им как банками, так и специальными обществами по кредитованию скотоводов, сельскохозяйственными кредитными кооперативами и пр. Срочность этих векселей от 6 месяцев до 3 лет. Фонды кредитования этих банков создаются, с одной стороны, выпуском облигаций, а с другой стороны, вторичным переучетом векселей в Ф. Р. Б. Тем самым эти банки среднесрочного сельскохозяйственного кредита осуществляют связь с Ф. Р. С., пользуясь ее финансовой поддержкой.

§ 20. Рассматривая банковую систему Северо-американских соединенных штатов, мы не будем останавливаться на вексельных маклерах, дисконтных фирмах, мелком городском кредите для ремесленников и т. п. (деятельность которых в Северо-американских соединенных штатах не отличается какими-либо особенностями по сравнению с другими странами), а также национальных негритянских банках и в двух словах коснемся лишь организации в Северо-американских соединенных штатах *потребительского кредита* и специальных *рабочих банков*. В потребительском товарном кредите прежде всего заинтересованы сами капиталисты. Это, как мы указывали в I отделе 2-й части, наилучший способ расширения сбыта и важное орудие в *конкурентной борьбе* капиталистов. Потребительский кредит имеет в Северо-американских соединенных штатах две основные формы: 1) непосредственное кредитование товарами потребителей промышленниками и торговцами и 2) выдача денежных ссуд для приобретения предметов потребления. Финансирование же потребительского спроса производится в обоих случаях как непосредственно коммерческими банками, так и через посредство специальных так называемых «финансовых компаний» (их насчитывается в Северо-американских соединенных штатах свыше 1500). Эти компании, выдавая ссуды потребителям для покупки за наличные или торговцам для продажи в рассрочку предметов длительного пользования и высокой ценности (роялей, автомобилей, граммофонов, швейных машин, тракторов и пр.), сами в свою очередь учитывают векселя торговцев или потребителей или же получают ссуды у банков под свои личные обязательства. Особенное распространение получили так называемые «автомобильные банки», т. е. компании по финансированию спроса на автомобили. В конечном счете средства для финансирования потребительского спроса черпаются из общего резервуара фондов кредитования банковской системы Северо-американских соединенных штатов, так как сами производители указанных групп товаров обычно не имеют для этого свободных капиталов. Нужно по-

лагать, что эта сфера кредитования чем дальше, тем больше будет предъявлять спрос на ссудный капитал, и не только в Северо-американских соединенных штатах, но и в европейских капиталистических странах.

Наряду с этой специальной формой потребительского кредита, в Северо-американских соединенных штатах так же, как и в других странах, существуют и обычные учреждения потребительского и мелкохозяйственного кредита, а именно *ломбарды*, выдающие ссуды под залог вещей из ростовщических процентов. В противовес этим ростовщическим организациям, в Северо-американских соединенных штатах по инициативе *Морриса* («банки по плану Морриса») стали создаваться банки мелкого кредита, обслуживающие ту же клиентуру, что и ломбарды, но на умеренных процентах. Эти банки имеют свой финансовый центр в *Нью-Йорке*, созданный при участии крупных банков.

§ 21. В 1920 г., в связи с классово-экономической борьбой рабочих, возник первый *рабочий кооперативный банк*. К 1925 г. уже насчитывалось 30 таких банков. По данным на 30 июня 1927 г. всего в Северо-американских соединенных штатах имелось 33 рабочих банка с капиталом 9 366 тыс. долл., 3 799 тыс. долл. резервных капиталов и 108 584 тыс. долл. вкладов. Всего, следовательно, рабочие банки имели 126 млн. долл. собственных и привлеченных средств, что составляет совершенно незначительную сумму в сравнении с 64,8 млрд. долл. собственных и чужих средств всей системы коммерческих банков Северо-американских соединенных штатов на то же число. Эти банки занимаются активными и пассивными операциями как обычные депозитные банки, но их непосредственной целью является создание финансовой базы данного профессионального союза. Они учреждаются либо профсоюзами, либо потребительскими кооперативами последних, и оказывают им поддержку как в экстраординарных случаях (стачки), так и в повседневной работе (рабочая печать, культурное строительство и пр.).

Рабочий класс Северо-американских соединенных штатов в своей массе выделяет крупные фонды длительного накопления, а также текущие фонды временного накопления. Американские профсоюзы являются богатыми организациями, и, например, союз трамвайных рабочих и служащих имеет огромный неподвижный фонд, процентами с которого союз покрывает *все свои расходы*. Но этими фондами так же, как и фондами всех других союзов, пользуются *капиталистические банки*, и, следовательно, за счет самих рабочих расширяется сфера их эксплуатации. Американскими специалистами подсчитано, например, что рабочий класс Северо-американских соединенных штатов ежегодно уплачивает только частным страховым обществам не менее 500 млн. долл. страховых премий. Определить сумму общего фонда накопления, который создается рабочим классом Северо-американских соединенных штатов, конечно, невозможно, но несомненно, что эта сумма огромна. Если бы этим фондом распоряжался рабочий класс, то это, вне всякого сомнения, значительно усилило бы его позиции в классовой экономической борьбе.

Однако идею рабочих банков пытаются использовать в *реформистских целях* (реформисты-социалисты сторонники мирных реформ и про-

тивники революционной борьбы). Так, *Ричард Бэжел* (автор книги «Рабочие деньги») видит в рабочих банках средство контроля над финансами и через них над всей промышленностью. Этот типичный реформист надеется, что рабочие своими накоплениями выкупят промышленность через свои банки у капиталистов. Таким образом идея рабочих банков превращается в средство *отвлечения рабочего класса с пути революционной классовой борьбы*. Нечего и говорить, что идеи Бэжеля не менее утопичны, чем идеи «планового капитализма», которые развивают буржуазные экономисты. Идея *Бэжеля* и ему подобных — это не более, чем буржуазная проповедь христианского смирения. Терпеть и накапливать — идея *Бэжеля*! В действительности же американские рабочие банки находятся под пятой финансового капитала и дают возможность расширить сферу эксплуатации самих рабочих.

§ 22. В § 7 настоящей главы мы указали, что вопреки господствующим иллюзиям Федеральная резервная система САСШ не в состоянии устранить противоречий капитализма и прежде всего *кризисов*. С того момента, когда были написаны эти строки (весна 1929 года), в Америке произошли события, которые полностью подтвердили эту точку зрения. В последней четверти 1929 года народное хозяйство САСШ вступило в полосу глубокого и затяжного кризиса, который был отмечен также и «драматическим моментом» — *грандиозным биржевым крахом*. Вкратце ход событий сводится к следующему.

Конец 1928 года и первая половина 1929 года были отмечены в САСШ подъемом производства. Этот подъем коснулся прежде всего важнейшей в настоящее время в САСШ отрасли промышленности — автомобильной, которая является главным потребителем целого ряда товаров, как например каучука, кожи, алюминия, газа, железа, стали и т. д. *Форд*, выбросивший на рынок в 1927 году 400 000 автомобилей, в 1928 году свое производство *удвоил*, а в 1929 году продолжал усиливать темп производства. Вся продукция автомобильной промышленности составила в марте 1929 года 626 000 машин, а в апреле — 663 000 машин.

Этот подъем усилил иллюзии непрерывного, как выражаются американцы, «процветания», т. е. процветания. Все смотрели оптимистически на будущее и это оптимистическое настроение прежде всего отразилось на бирже. Здесь творилась буквально оргия спекуляции. В эту спекуляцию были вовлечены огромные капиталы и *все известные нам приемы банковского финансирования биржевой спекуляции были пущены в ход*. 6 сентября на конференции промышленников один американский экономист, *Роджер Бэбсон*, сказал: «Теперь люди занимаются *ссудными операциями и спекулируют больше, чем когда бы то ни было*». Но он не разделял иллюзий вечного «процветания» и на этой же конференции заявил: «*Раньше или позже крах наступит и он будет страшен*».

Бэбсон оказался дальновиднее других буржуазных экономистов. Крах — и в самом деле страшный крах — наступил всего через 1½ месяца после речи *Бэбсона*. Но причины этого краха отнюдь не в том, что «люди спекулировали больше, чем когда бы то ни было». Ведь эта спекуляция была порождена волной действительного экономиче-

ского подъема, и крах этой спекуляции был неизбежным следствием того, что экономический подъем вскоре же превратился в свою противоположность.

Капиталистическое производство стремится к расширению независимо от границ потребления и, в конце концов, наталкивается на эти границы. Предотвратить кризис не может никакая банковская политика — ни централизация резервов, ни единство политики федеральных резервов банков не в состоянии устранить противоречий капитализма, ибо эта политика не затрагивает самых основ капитализма, а следовательно и его противоречий.

Тот подъем, о котором выше была речь, вскоре же натолкнулся на ограниченность рынков сбыта. В силу этого уже с мая 1929 года автомобильная, стальная, строительная и другие отрасли промышленности вынуждены были резко сократить производство. Таким образом первая страница промышленного кризиса открылась уже в мае 1929 года. Между тем спекуляция, широко финансируемая банками, не могла сразу остановиться. Мы показали, что вообще спекуляция, однажды начатая, имеет тенденцию усиливаться. Сколь велика была биржевая спекуляция показывают такие факты: сумма выпущенных на бирже бумаг увеличилась за год с $4\frac{1}{2}$ до $7\frac{1}{2}$ миллиардов долларов, в спекуляцию было вовлечено 20 млн. человек, проценты по ссудам доходили до 25 годовых. Кредит и спекуляция создавали иллюзии высочайшего подъема, хотя кризис в производстве фактически уже наступил.

Курсы акций достигли максимума 3 сентября. С этого момента начинается падение. Из промышленности поступали тревожные вести, появились серьезные затруднения с размещением новых эмиссий ценных бумаг. Банки стали бить отбой: «Многие банкиры САСШ, — заявил в октябре председатель Ассоциации американских банкиров, — *чрезвычайно встревожены растущим размером кредитов под ценные бумаги... Пределы безопасного расширения кредитов уже переждены, многие банки переобременены ссудами*».

24 октября биржа была охвачена паникой: было продано 12 800 тыс. акций, курс их упал на 28 пунктов. Грандиозный, небывалый в истории САСШ крах произошел 29 октября: в этот день было продано 16 млн. акций, а индекс акций снизился в один день на $30\frac{1}{2}$ пунктов. Но каждый «пункт» означал на деле многие миллионы долларов. Потери на курсе исчисляются в 25 млрд. долларов и выше: миллионы держателей ценных бумаг стали нищими... Конечно, биржевой крах не мог не отразиться на дальнейшем сокращении потребления и, следовательно, не мог не обострить промышленный кризис.

Ловстон, «вождь» правых в американской компарти, заявил, что биржевая паника совершенно не связана с промышленной конъюнктурой. Это заявление явно лживое, о чем свидетельствуют заявления самих капиталистов. Так, Форд с полным основанием заявил: «Реальное объяснение нынешнего положения находится не в недавней истории на бирже, а в положении промышленности».

Глава американского правительства Гувер неоднократно созывал конференции капиталистов для лечения кризиса: он рекомендовал дальнейшее увеличение производства и капитальных вложений. По совер-

шенно правильно отметил один американский журнал, что «Гувер собирается лечить кризис теми средствами, которые привели к кризису», а именно еще более увеличивать перепроизводство. Наиболее резкое снижение производства в связи с кризисом имеет место в автомобильной, металлургической, строительной и хлопчатобумажной отраслях промышленности. Так ноябрьское производство автомашин в САСШ и Канаде было равно 214 тыс. вместо 663 тыс. в апреле этого же года, т. е. в 3 раза меньше; количество строительных контрактов, несмотря на все меры, принятые Гувером, сократилось в 2 раза и т. д. Капиталисты, декларируя на гуверовских конференциях грандиозные планы производства и строительства, не замедлили на деле резко сократить производство и отказаться от дальнейшего строительства.

Еще более резким был поворот от подъема к падению на бирже. На Нью-Йоркской бирже ноябрьская эмиссия облигаций выразилась в 11,3 млн. долл. против 379,3 млн. долл. октябрьской эмиссии; эмиссия акций — 20,9 млн. долл. против 230,8 млн. долл. в октябре.

Но кризис САСШ является составной частью кризиса мирового капитализма. Обостряя внутренние противоречия труда и капитала в САСШ, этот кризис усиливает антагонизм между империалистическими странами на мировом рынке, ибо побуждает промышленность САСШ к активизации своего товарного и капитального экспорта.

Итак, кризис 1929 года в САСШ иллюстрирует полнейшую беспочвенность буржуазных и мелкобуржуазных иллюзий «организованного» и таким образом будто бы стабилизированного капитализма.

Литература

- 1) Проф. *Симпс*, Система кредитных учреждений иностранных государств, М. 1928. Лекция XI — XV.
- 2) Проф. *З. С. Каценеленбаум*, Учение о деньгах и кредите, ч. 2, гл. X.
- 3) Сборник «Кредит и банки», изд. НКФ. Статья «Банки в Соединенных штатах Америки».
- 4) *Краснощечков*, Американский банк, М.—Л. 1926.
- 5) *У. Бэрджес*, Банковская организация американского капитализма, М. 1929.
- 6) *В. Хаузер*, Die Amerikanische Bankreform, Iena 1914.
- 7) *Н. Р. Уиллис*, The Federal Reserve System, 1923.
- 8) *Е. А. Голденвейсер*, Federal Reserve System in Operation, 1925.
- 9) *Е. В. Каммерер*, The ABC of the Federal Reserve System, 1922.
- 10) *Хеллуиг*, Das Bankwesen der Vereinigten Staaten von Amerika.
- 11) *И. А. Трахтенберг*, Коммерческие банки САСШ, «Социалистическое хозяйство», кн. I за 1928 год.

Вопросы для повторения

- 1) Охарактеризуйте в общих чертах развитие банковской системы САСШ и главным образом остановитесь на законе 1863 г. и его последствиях.
- 2) Как построена Федеральная резервная система?
- 3) Каковы функции резервных банков?
- 4) Проанализируйте сводный баланс резервных банков.
- 5) Способна ли Ф. Р. С. устранить противоречия капитализма?
- 6) Какую роль играет финансовый капитал в САСШ.
- 7) Из каких основных элементов состоит современная банковая система САСШ? Проанализируйте значение каждого из элементов,

- 8) Каков итог концентрации банков в САСШ?
- 9) В чем заключался «закон Клейтона» и мог ли он задержать концентрационный процесс?
- 10) Какую роль играет северо-американский финансовый капитал в международных банковых объединениях и какую цель преследуют эти последние?
- 11) Охарактеризуйте строение Федеральной системы сельскохозяйственного кредитования.
- 12) Как организовано в САСШ финансирование потребительского спроса и каково значение оно имеет?
- 13) Какие цели преследуют рабочие банки и каков их удельный вес в банковской системе САСШ?
- 14) В чем реакционность идеи *Бэжеля*?

ГЛАВА XXXIII

БАНКОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ

§ 1. Три периода в истории банковской системы России. § 2. Первый период. Зачатки банкового дела в России. § 3. Реформы кредитных учреждений (1786 и 1817 гг.). § 4. Операции государственных кредитных учреждений до 1860 г. § 5. Второй период после реформы 1861 г. § 6. Кризис 1899—1902 гг. и крах банков. § 7. Третий период — эпоха финансового капитала. § 8. Хозяйственный подъем с 1909 г. до мировой войны. § 9. Роль иностранного капитала в системе финансового капитализма России. § 10. Государственный банк. § 11. Развитие активных и пассивных операций акционерных коммерческих банков. § 12. Общества взаимного кредита. § 13. Городские общественные банки. § 14. Акционерные земельные банки. § 15. Крестьянский поземельный банк. § 16. Прочие учреждения поземельного долгосрочного кредита. § 17. Учреждения мелкого кредита. § 18. Сберегательные и ломбарды. § 19. Частные банковские фирмы. § 20. Влияние инфляции на кредитную систему.

1. Развитие кредита в России

§ 1. Историю банковской системы России можно разбить на 3 периода: 1) до реформы 1861 г. («освобождение крестьян от крепостной зависимости»), так сказать, «предистория» банковской системы русского капитализма; 2) период промышленного капитализма с 60—70-х годов XIX в. до начала XX в.; 3) период монополистического (финансового) капитализма — с первого десятилетия XX в. до Октябрьской революции. Историю банковской системы России мы будем рассматривать в связи с ее общей экономической историей, но конечно подробное рассмотрение этой последней не может входить в нашу задачу: мы ограничимся лишь упоминанием самых основных фактов из истории развития русского капитализма.

§ 2. В эпоху феодализма (который у нас просуществовал дольше, чем на Западе) в России имел место лишь *ростовщический кредит*, сущностью и общим развитием которого мы уже знакомы из XXIX главы. Государственные кредитные учреждения в России возникают в середине XVIII в. Характерно, что царское правительство, возложив в 1733 г. на *монетную контору* производство ссудных операций под залог золота и серебра из 8% годовых, мотивировало это решение «*совершенным отсутствием кредитных учреждений и огромным вследствие этого лихоимством ростовщиков*».

По этим решением правительство не ограничилось и в 1754 г. учредило государственные дворянские земельные банки в Москве и Петербурге и «Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции и купечества».

Первые русские банки были *государственными*. Они были призваны обслуживать, с одной стороны, интересы *казны*, а с другой—*помещиков* и лишь в самой незначительной степени потребности слабо развитого *торгового оборота*.

§ 3. Банковая система—это детище капитализма и его необходимый элемент—могла развиться в России лишь после того, как через разложение феодального строя торговый капитал проложил путь к развитию *промышленного капитализма*. Этот путь был окончательно расчищен лишь во второй половине XIX в.; вот почему учрежденные в середине XVIII в. кредитные учреждения в течение более чем столетия владели жалкое существование.

За это время были открыты и государственные эмиссионные банки (так называемые «ассигнационные банки») в Москве и Петербурге. Вся система государственных кредитных учреждений дважды реформировалась. В 1786 г. дворянские банки были слиты в один *Государственный заемный банк*, а ассигнационные банки—в *Государственный ассигнационный банк* с учетными конторами для обслуживания краткосрочного коммерческого кредита. Вторая реформа была проведена в 1817 г., когда учетные конторы были преобразованы в *Государственный коммерческий банк*, а во главе всей банковской системы был поставлен специальный «Совет», в ведении которого находились 3 государственных банка («Ассигнационный», «Заемный» и «Коммерческий»).

Ассигнационный банк занимался лишь выпуском ассигнаций для покрытия государственных расходов, но с прекращением инфляционной политики при министре финансов Канкрине (1839—1843 гг.) этот «банк» (по существу же отдел казначейства, выпускавший бумажные деньги) был ликвидирован в 1848 г. (об истории денежного обращения России см. в гл. XII). Но Заемный и Коммерческий банки просуществовали вплоть до реформы 1861 г. Кроме них ссудные операции производили также «сохраненные казны» и «приказы общественного призрения».

§ 4. В силу указанного выше обстоятельства Государственный коммерческий банк не имел под собой почвы для развития тех операций, для которых он был создан, а именно кредитования коммерческого оборота. В его активах операции по учету векселей и ссудам под товары играли незначительную роль: большую часть своих средств он помещал в виде вкладов в Государственный заемный банк. Последний также лишь меньшую часть своих средств выдавал помещикам в виде ссуд под залог недвижимостей; большую часть своих средств (включая вклады Коммерческого банка) он ссужал казначейству.

Это можно видеть из сопоставления соответствующих данных капитальной реформы кредита 1860 г. Так, в 1859 г. в Государственном коммерческом банке всего имелось вкладов на 240,3 млн. руб., а в Государственном заемном банке числилось вкладов Коммерческого банка в этом году на 212,6 млн. руб., т. е. почти все вклады последнего. В то же время из общих ресурсов Государственного заемного банка

в сумме 386,1 млн. руб. в 1859 г. только 52,8 млн. руб. числились как долг по ссудам под залог, а 326,6 млн. руб. значились в активе в четырех статьях, по которым проводилось финансирование казны. Зато «сохранные кассы» большую часть своих средств (которые в 1859 г. составляли 447,9 млн. руб.) помещали в ипотечное кредитование помещиков.

Эти данные с полной убедительностью говорят о том, что фактически банковской системы в современном смысле, т. е. обслуживающей процесс воспроизводства общественного капитала, в России вплоть до 60-х годов прошлого века не было.

Что же представляла собою эта банковая система? Она была не чем иным, как *аппаратом государственного кредита*, средством привлечения государством займов от населения, заменявшим собой выпуск государственных облигационных займов. Кроме того эта банковая система *ипотечным землевладельческим кредитом* обслуживала финансовые нужды дворянства, и *этими двумя функциями исчерпывалась деятельность всей системы.*

Однако, поскольку уже к этому времени торговый капитал достиг в России значительного развития и успел подточить основы феодализма, постольку должен был, как и на Западе, развиваться и капиталистический кредит. Пионерами этого последнего были у нас *частные банкирские фирмы*, преемники средневековых менял. Историки сообщают о существовании частных банкирских фирм уже в конце XVIII в., а в первой половине XIX в. некоторые из них, как, например, банкирский дом *барона Штилица*, достигли крупного значения, преимущественно в сфере внешнеторговых отношений и интервалютного оборота. Помимо частных банков существовали также и местные городские общественные банки, причем основной капитал всех 21 банков перед реформой не превышал $\frac{1}{2}$ млн. руб. Наряду с этим развивался и *коммерческий кредит*, а в связи с этим — *вексельное обращение.*

Но как банкирский, так и коммерческий кредиты не могли еще получить всеобщего развития и стать необходимым элементом экономики. Это произошло лишь во второй половине XIX в., когда аграрная реформа 1861 г. открыла широчайшие возможности для развития промышленного капитализма в России.

§ 5. После реформы 1861 г. в России с лихорадочной быстротой пасаждаются промышленно-капиталистические предприятия (и в том числе *кредитные предприятия*) в их *самой развитой форме* — *акционерной*. Если до реформы 1861 г. в России насчитывалось всего 78 акционерных предприятий с капиталом в 72 млн. руб., то в течение 1861—1873 гг. учреждается 357 новых акционерных обществ с капиталом в 1116 млн. руб. и в том числе 73 банка с капиталом 226,9 млн. руб., 53 железнодорожных общества с капиталом 698,5 млн. руб., 163 промышленных предприятия с капиталом 128,9 млн. руб., а остальная сумма капитала была вложена в торговлю и пароходство.

Нет ничего удивительного, что большая часть вложений на заре промышленного капитализма России шла на *железнодорожное строительство и банковое дело*. Россия не могла индустриализироваться

на крупно-капиталистических началах без железнодорожного транспорта (который должен был связать будущие промышленные районы с рынками сбыта и сырья), с одной стороны, и банковской системы (которая является необходимым аппаратом для аккумуляции всей массы общественного накопления и для создания эластичного денежного обращения), с другой стороны. При этом учреждение ряда банков находилось в непосредственной связи с постройкой железных дорог.

По мере развития банковской сети и железнодорожного транспорта, делал крупные успехи и промышленный капитал. В течение 10—15 лет со времени реформы 1861 г. объем производства хлопчатобумажной, шерстяной и горной отраслей промышленности увеличивается в 2 и более раза. Уже в этот период закладывается фундамент будущих мощных промышленных районов (южная металлургическая промышленность в Криворожском районе, каменноугольные предприятия в Донбассе, нефтяные — в Баку и т. п.). Как выражается проф. Ш. И. Лященко, это грядущее «создавалось на почве банковского кредита, акционирования и прилива иностранного капитала».

Царское правительство во время провело коренную реорганизацию государственной кредитной системы, непригодной к новым условиям. В 1860 г., т. е. накануне «освобождения крестьян», оно ликвидировало старые кредитные учреждения и создало тот Государственный банк, который просуществовал вплоть до Октябрьской революции. Государственный банк, как значилось в уставе, был создан «для оживления торговых оборотов и для упрочения денежной кредитной системы»: ему было разрешено производить все основные банковские операции для кредитования торговли и промышленности. Государственный банк был монополистом в области банковской эмиссии, по паряду с ним быстро развивались частные акционерные, так называемые «коммерческие» банки. Не имея права банкнотной эмиссии, они однако широко развили аккумуляцию внутренних сбережений, а также явились важнейшим каналом, по которому притекали в Россию иностранные капиталы, привлекаемые существовавшей в России высокой нормой прибыли, следовательно широчайшими возможностями капиталистической эксплуатации.

В 1873—1875 гг. молодой российский капитализм переживает первый промышленный кризис, который, с одной стороны, был связан с очередным западно-европейским кризисом, а с другой стороны, с сокращением внутреннего железнодорожного строительства. Кризис был отмечен резким сокращением новых вложений в банковое дело (всего было вложено $2\frac{1}{2}$ млн. руб. против 227 млн. руб. в течение предшествующего периода с 1861 г.) и железнодорожное строительство. За кризисом 1873—1875 гг. идет застой в течение ряда лет, а затем после кратковременного промышленного подъема 1879—1881 гг. и кризиса 1881/82 г. Россия вступает в полосу затяжной депрессии (упадка), продолжавшейся все восьмое десятилетие прошлого века. Конечно банки вместе с промышленностью переживали все эти смены волн хозяйственного подъема и упадка и вместе с промышленностью вступили в первой половине 90-х годов в полосу грандиозного подъема, продолжавшегося до конца прошлого века.

В течение 1893—1899 гг. основной капитал всех акционерных предприятий возрос на $1\frac{1}{2}$ млрд. руб., в то время как с 1855—1892 гг. он возрос всего на 919 млн. руб.

Это промышленное грондерство опиралось на мощный аппарат акционерных коммерческих банков, который был создан еще в 70-х годах. Но вместе с тем этот рост промышленного грондерства обусловил собой дальнейший рост системы акционерных коммерческих банков. Но это уже был рост, так сказать, не «вширь», но «вглубь» (или иными словами, «не экстенсивный», но «интенсивный»). Число самостоятельных акционерных банков за этот период (с 1893 по 1899 г.) возросло незначительно: с 34 единиц до 38 единиц. Зато объем их операций возрос (не считая Госбанка) в общем в 2 раза. Так, капиталы увеличились с 148,4 млн. руб. до 264,8 млн. руб., депозиты—с 285,8 млн. руб. до 551,3 млн. руб., учетно-ссудные операции—с 401 млн. руб. до 760,4 млн. руб., общая сумма баланса—с 728,7 млн. руб. до 1382,9 млн. руб. Экспансия (расширение) операций банков настойчиво требовала развития провинциальной банковской сети для вовлечения более широких масс вкладчиков, с одной стороны, и расширения кредитных связей с развивающейся на местах торговлей и промышленностью, с другой стороны. Число отделений с 73 единиц (у 34 банков) на 1 января 1893 г. возросло до 232 единиц (у 38 банков) на 1 января 1899 г.

Характерная черта подъема 90-х годов в том, что не только происходил общий рост производства, но этот рост был связан с *процессом концентрации*, вытеснением мелких предприятий и заметным увеличением удельного веса крупной промышленности. Так, по официальным статистическим данным за десятилетие с 1887 по 1897 г. число предприятий возросло на 26,3%, число рабочих—на 59,2% и сумма продукции—на 112,8%. Таким образом прирост производства значительно обогнал как прирост занятой рабочей силы, так и прирост числа предприятий. Производство расширялось за счет крупных, технически более оборудованных предприятий, чем и объясняется столь значительное возрастание производительности труда (сумма продукции возросла вдвое больше, чем количество занятых рабочих).

Крупная промышленность завоевывала позиции в России вообще, хотя до 60-х годов фабрично-заводская промышленность не играла существенной роли в народном хозяйстве. К концу XIX в. концентрация производства в России была выше, чем в Германии. Так по подсчетам *Зака* в 1895 г. в России всего было 159,0% мелких предприятий (10—15 рабочих), а в Германии—31,5%; крупных (свыше 500 рабочих) в России было 45,2%, в Германии—15,3%. Конечно вся русская промышленность в целом все еще была отсталой по сравнению хотя бы с той же Германией. Но процесс концентрации производства, происходивший при непосредственном содействии банковской системы, сделал такие успехи, что к началу XX в. крупные предприятия России сосредоточили в своих руках половину всех рабочих, тогда как в 80-х годах—всего одну треть.

Этот процесс насаждения крупной индустрии происходил не только за счет роста внутренних накоплений, но также в значительной степени на базе энергичного притока *иностранного капитала*. При-

лив иностранных капиталов особенно усилился в конце 90-х годов, в особенности после проведения в 1897 г. денежной реформы и установления в России устойчивой системы золотого монометаллизма (см. главу XI). В ряде отраслей промышленности (горной, металлической и др.) прирост основных капиталов в иностранных акционерных обществах значительно обогнал прирост таковых в русских обществах. В целом по всей промышленности мы имели прирост основных капиталов русских обществ с 580,1 млн. руб. до 1742,3 млн. руб. или на 200%, а иностранных с 186,2 млн. руб. до 911,0 млн. руб. или на 389%. При этом большая часть всего притока иностранных капиталов падала на англо-франко-бельгийскую группу (будущие «союзники») и меньшая на германскую. В 1900 г. по сравнению с 1890 г. распределение основных капиталов акционерных обществ по странам владельцам показывало такую картину (в млн. руб):

	1890 г.	1900 г.
Французские	66,6	226,1
Бельгийские	24,6	296,5
Английские	35,3	136,8
Германские	79,0	219,3
Американские	2,3	8,0

Концентрация средств производства, как мы знаем, на известной ступени своего развития ведет к образованию *монополий*, а из сращения промышленных монополий и концентрированного банковского капитала создается *финансовый капитал*. Приведенные данные показывают, что уже к концу XIX в. концентрация производства в России достигла такой высокой степени развития, что сделала *возможным и необходимым создание промышленных монополий*. Широкое развитие этих последних относится к началу XX в., когда Россия после кризиса 1900—1902 гг. (как необходимого завершения хозяйственного подъема 90-х годов) вступила в полосу затяжной депрессии.

§ 6. В 1899 г. на вершине хозяйственного подъема на денежном рынке России начинается стеснение. Наступил *денежный кризис*, который был предвестником *промышленного кризиса*. Официальная учетная ставка повышается сначала до 6%, а затем до 7%. Государственный банк старается поддержать, с одной стороны, частные акционерные банки и частных банкиров, а с другой стороны, курсы акций. Но несмотря на это, промышленный кризис развивался, и в 1900 г. потерпел крах ряд предприятий, а официальная учетная ставка временами поднималась до 8½%. Приостановка платежей по векселям, отлив вкладов, крахи банков (Харьковского торгового, Екатеринбургского коммерческого) вызвали всеобщую панику и резкое падение курсов ценных бумаг. С 15 октября 1899 г. по 15 октября 1901 г. курсовая цена акций 98 крупнейших предприятий, котировавшихся на иностранных биржах, упала на 780 млн. фр. или на 59%; акции 6 петербургских банков понизились на 103 млн. (причем это падение колебалось от 24% у Волжско-камского банка до 74% у Санкт-Петербургского и Азовского коммерческого банка), свыше 300

предприятий прекратили выплату дивидендов, цены на товары катастрофически упали.

В 1903 г. наступает некоторое успокоение, но до 1909 г. продолжается депрессивное состояние торговли, промышленности и банков (причем в 1904 г. имел место денежный кризис в связи с русско-японской войной).

§ 7. В этот период кризиса и депрессии происходит образование крупнейших промышленных монополий, что имело место и в последней четверти XIX в., но тогда монополии не получили и не могли еще получить широкого развития. Это встретило поддержку также и со стороны царского правительства, которое официально заявило, что если промышленность «признала бы полезным в объединении усилий *искать* выхода из существующих затруднений», то оно не препятствовало бы этим «усилиям».

Создается ряд мощных синдикатов, как то: «Продамет» (объединение металлургических заводов), «Трубо-продажа», «Продаруд», «Продуголь», «Продвагон», «Медь», «Платина» и т. д., которые, охватывая большую часть всего производства соответствующих отраслей, занимают в этих последних *монопольное положение*.

Наряду с этим в банковом деле развился процесс концентрации. С 1900 по 1910 г. число банков сократилось с 39 до 31—произошел ряд поглощений мелких банков крупными и добровольных слияний. В дальнейшем число банков возросло, но несколько крупнейших банков заняли господствующее положение. Из общего числа 53 акционерных банков на 1 января 1914 г. 15 петроградских банков имели собственных капиталов 544,9 млн. руб., вкладов и текущих счетов—1 834 млн. руб. и в учетно-ссудных операциях—2 102,6 млн. руб.; между тем все 30 провинциальных банков (не считая 8 московских) имели собственных капиталов всего 139,8 млн. руб., вкладов и текущих счетов 137,9 млн. руб. и в учетно-ссудных операциях—354 млн. руб. По отношению ко всей системе акционерных банков России удельный вес петербургских банков по вкладам на 1 января 1914 г. был равен 72,2%, в то время как в 1900 г.—только 54%. Это свидетельствует, что в течение 14 лет этого века концентрационный процесс в банковом деле был весьма энергичным.

Фактически и в России перед революцией мы имели, аналогично Франции, Германии и Англии, гегемонию 6—7 крупнейших банков («Русский для внешней торговли», «Азовско-донской», «Русско-азиатский», «Волжско-камский», «Московский купеческий», «Петроградский международный» и «Русский торгово-промышленный»). 4 банка имели накануне революции вложений в учетно-ссудные операции свыше 1/2 млрд. руб. каждый и 2 банка—по 450 млн. руб. Эти «6 больших» и были хозяевами положения не только в банковом деле, но и в ряде отраслей промышленности.

Крупно концентрированный банковский капитал был настолько тесно связан с описанными выше промышленно-монополистическими объединениями, что, по мнению ряда исследователей, систему финансового капитализма у нас в России можно было считать окончательно сложившейся в первом десятилетии этого века.

Русские банки, с одной стороны, владели «контрольными пакетами» в крупных акционерных обществах, а с другой стороны, в замаскированной форме осуществляли и непосредственное долгосрочное кредитование промышленных предприятий, хотя формально, по уставам банков, им запрещалось заниматься долгосрочным финансированием промышленности. Анализ активов крупнейших наших банков показал, что в их портфелях имелся солидный запас акций крупнейших промышленных предприятий. В книге *Ванага* «Финансовый капитал в России накануне мировой войны» приводятся многочисленные факты предъявления русскими и иностранными банками контрольных пакетов акций на общих собраниях акционеров крупнейших русских промышленных предприятий.

С другой стороны, банки брали на себя операции по реорганизации единоличных предприятий в акционерные, по проведению слияний, так называемых «санирований», существующих акционерных обществ, по выпуску новых акций и т. д. Производя репортные и онкольные операции с ценными бумагами, они облегчали учредительство и укрепляли финансовое положение вновь учрежденных обществ. Наконец в форме краткосрочного кредитования, как, например, по «счету on call», они долгосрочно финансировали нашу промышленность. В общем характер «финансовой смычки» промышленности и банков в России был аналогичен западно-европейскому (немецкому), хотя формы этой «смычки» несколько отличались от европейских.

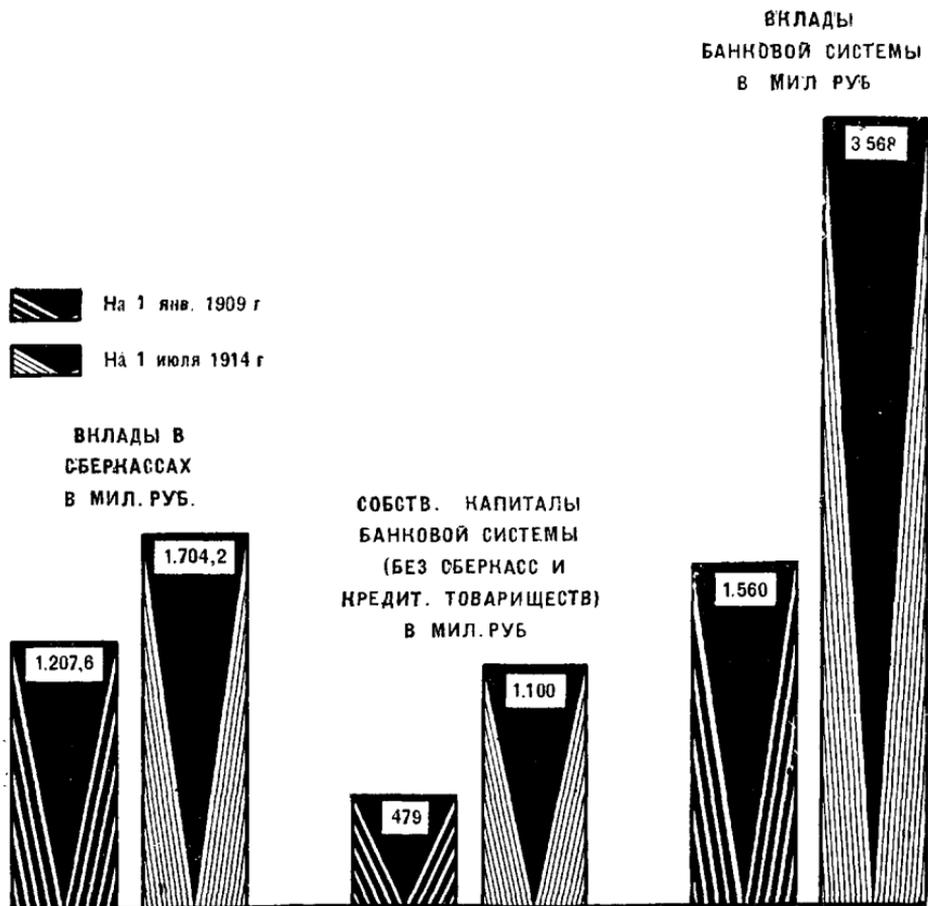
Процесс сращивания банков с промышленностью имел место и в конце XIX в., но особенное развитие он получил в результате промышленного кризиса 1900—1902 гг. Акционерным обществам приходилось списывать огромные убытки со счета основного капитала, производить так называемую «финансовую реорганизацию» или «санирование». После такого «санирования» необходимо было привлечь новые капиталы: за крупное вознаграждение банк либо брал на себя выпуск всех акций через биржи и свой филиальный аппарат, либо приобретал часть этих акций в собственность и этим обеспечивал свое «влияние» на данное предприятие.

§ 8. В 1909 г. русский капитализм снова вступил в полосу подъема, который продолжался вплоть до мировой войны. За 5 лет, с 1908 по 1913 г., было реализовано банковых, промышленных и железнодорожных ценных бумаг на 6 млрд. руб. (в том числе на 375 млн. руб. государственных займов), народный доход по исчислениям *Прокоповича* возрос с 6,57 млрд. руб. в 1900 г. до 11,8 млрд. руб. в 1913 г. или на 79,4%, причем доход сельского хозяйства возрос на 88%, а промышленности—на 83%, хотя по темпу роста продукции (по данным *П. И. Лященко*) сельское хозяйство отстало от промышленности (возрастание на 33,8% против 62,2% в промышленности). Это общее возрастание продукции и народного дохода нашло свое выражение в росте аккумуляции банковской системы. Так вклады в сберегательных кассах с 679,3 млн. руб. на 1 января 1900 г. возросли до 1 207,6 млн. руб. на 1 января 1909 г. и 1 704,2 млн. руб. на 1 июля 1914 г. Собственные капиталы всей банковской системы (без сберкасс и кредитных товариществ, но включая общества взаимного кредита и Госбанк)

возросли с 479 млн. руб. на 1 января 1909 г. до 1 100 млн. руб. на 1 янв. 1914 г., вклады на те же даты—с 1 560 млн. руб. до 3 568 млн. руб., в то время как с 1900 по 1910 г. вклады возросли всего на 700 млн. руб., с 1895 по 1900 г.—на 350 млн. руб. и с 1870 по 1895 г.—на 210 млн. руб.

Диаграмма № 14

Рост ресурсов банковской системы России в течение последнего предвоенного хозяйственного подъема (1909—1914 гг.)

В то время как аккумуляция средств широких слоев населения, главным образом трудовых сбережений, поступающих на вклады в сберкассы, показывает сравнительно небольшой подъем (прирост на 41%), вклады в банках, концентрирующих накопление и временно свободные средства капиталистических кругов, возросли более чем на 100%.

Подъем 1909—1914 г. еще больше расширил систему финансового капитализма в России. Проанализировав балансы крупнейших русских банков и их вложения в промышленные монополистические объединения по данным на конец 1913 г., *Летин* писал: «Следовательно, слияние банкового и промышленного капиталов, в связи

с образованием капиталистических монополий сделало и в России громадные шаги вперед».

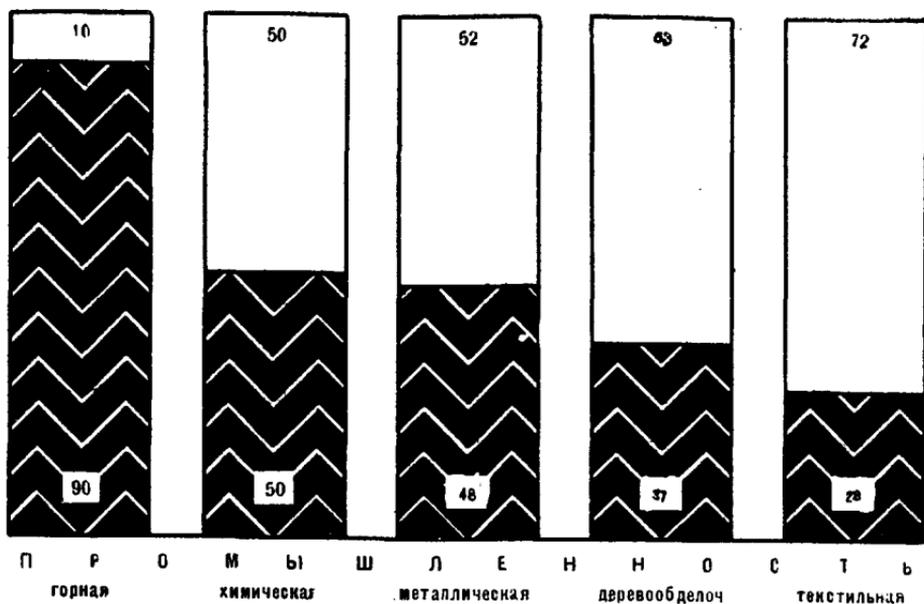
§ 9. Характерная особенность системы финансового капитализма России в том, что эта система находилась в «сфере влияний», или, как говорят, «под контролем» иностранных финансовых групп. Правда, и объем внутреннего накопления за последние годы перед войной сильно возрос: достаточно указать, что по данным *А. Финн-Енотаевского* в 1909—1913 гг. исключительно на внутреннем рынке было размещено ценных бумаг на 3,8 млрд. руб., в то время как в 1904—1908 гг. — на 2,9 млрд. руб. Это свидетельствует о значительном расширении емкости денежного рынка. *Но рост индустрии не ограничивался только внутренней аккумуляцией, но энергично питался и иностранными капиталами, о чем уже была речь выше.* При этом следует иметь в виду, что иностранный капитал притекал в Россию так сказать «организованно» в том смысле, что крупные финансовые группы «оптом» приобретали контрольные пакеты акций крупнейших банков и промышленных акционерных обществ.

Один исследователь этого вопроса (*т. Ронин*) утверждает, что «иностранные банковские группы, владея лишь $\frac{1}{3}$ основного капитала русских банков и еще менее значительной частью капиталов русской промышленности, сумели подчинить себе все хозяйство с царским правительством в придачу». Этот взгляд нужно считать преувеличенным. Вообще по вопросу о том, происходила ли в XX в. «национализация» русского капитализма или его «денационализация», т. е. происходил ли рост промышленности преимущественно за счет внутреннего или иностранного капитала, существуют крупные разногласия между нашими экономистами; статистические исчисления участия иностранных капиталов в русской промышленности и банках значительно разнятся друг от друга. Что касается промышленности, то на основании данных *Оля* за 1916/17 г. удельный вес иностранных капиталов в акционерных обществах горной промышленности выражался в 90%, металлургической — 42%, химической — 50%, текстильной — 28%, деревообделочной — 37%, и по распределению этих капиталов по странам — на англо-франко-бельгийскую группу приходилось 69,5% и на германскую — 20% (см. диагр. № 15).

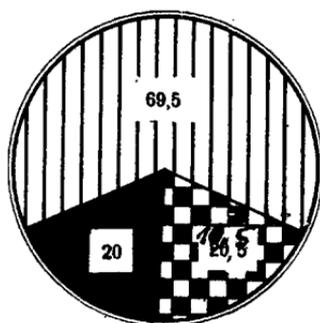
Что касается банков, то по подсчетам *Ронина* у 18 главных банков в 1914 г. — 185,5 млн. руб., или 42,6% акционерных капиталов, принадлежало иностранным финансовым группам. Анализ данных о темпе прироста русских и иностранных капиталов в промышленных акционерных обществах показывает, что прирост вторых значительно обгоняет прирост первых (с 1900 по 1913 г. первые возросли на 59,3%, вторые — на 85,6%). Конечно все эти данные весьма и весьма приблизительны. С достоверностью можно лишь утверждать следующее: «Хотя по абсолютным размерам туземный капитал в нашей капиталистической системе имел больший вес, чем иностранный капитал, тем не менее вся система в целом все больше и больше подпадала под влияние иностранного капитализма, который внедрялся в нашу капиталистическую систему быстрее, чем развивалось туземное накопление» (*Лященко*). Но совершенно неправильно считать, будто бы

Диаграмма № 15

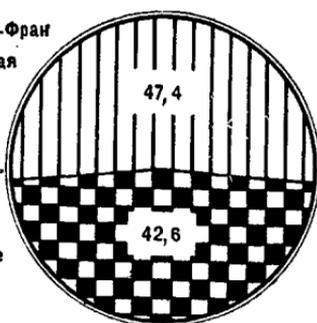
Удельный вес иностранных капиталов в акционерных обществах промышленности и банков дореволюционной России

□ Русские капиталы ▨ Иностранные капиталы

▨ Англо-Франко-Бельгийская группа
 ■ Германская группа
 ▣ Прочие страны

▨ Русские капиталы
 ▣ Иностранные капиталы

Верхние столбики показывают процентное отношение русских и иностранных капиталов в акционерных промышленных обществах по данным *Оля* за 1916—1917 г. В левом кругу по тем же данным показано в процентах распределение иностранных капиталов между основными группировками иностранного капитала. Правый круг показывает в процентах участие иностранных капиталов в 18 главных русских коммерческих банках по данным *Ромма* за 1914 г. В левом кругу в секторе «прочие страны» вместо «20,5» следует читать «10,5»¹.

¹ Приводим точные данные о вложениях иностранных капиталов в русские акционерные общества, на основании которых составлена диаграмма № 15:

Страны	Сумма в тысяч. руб.	%
Франция . . .	731 746,6	32,6
Англия . . .	507 497,8	22,6
Германия . . .	441 593,2	19,7
Бельгия . . .	327 602,5	14,3
Америка . . .	117 750,0	5,2
Голландия . . .	36 456,7	1,6
Швеция . . .	23 772,3	1,1

Страны	Сумма в тысяч. руб.	%
Дания . . .	14 737,7	0,7
Австрия . . .	7 550,0	0,4
Италия . . .	2 506,2	0,1
Норвегия . . .	2 300,0	0,1
Финляндия . . .	2 000,0	0,1
Итого . . .	2 242 974,1	100,0

перед войной «все хозяйство страны» находилось в руках иностранного капитала. У нас были и собственные достаточно мощные группировки финансового капитала, которые распределяли свое господство над хозяйством страны и свою политическую власть с иностранной финансовой олигархией. В частности преобладающее влияние англо-франко-бельгийских финансовых групп предопределило участие России в мировой войне на стороне Антанты.

Выше мы дали общий очерк роли кредита в процессе развития капитализма в России. Теперь нам необходимо вкратце дать специальную характеристику основных элементов русской банковской системы, как она сформировалась в XX в., а также анализ состояния банков во время войны.

II. Основные элементы банковской системы России.

§ 10. Государственный банк, учрежденный в 1860 г., в течение первых 30 лет своей деятельности очень слабо развивал учетно-ссудные операции, но зато энергично накапливал золотой фонд (что и дало возможность провести денежную реформу в 1897 г.). К 1895 г. Госбанк скопил огромный золотой запас, равный 911 млн. руб. (в 1861 г. золотой фонд был равен всего 81,7 млн. руб.); между тем задолженность по учетно-ссудным операциям банку составляла всего 362 млн. руб., а долг казначейства банку — 320 млн. руб. (в 1890 г. — 575 млн. руб., в 1885 г. — 694 млн. руб., в 1880 г. — 815 млн. руб.). За счет притока вкладов и текущих счетов и главным образом *банкнотной эмиссии* (в 1895 г. она составляла 1 млрд. руб., а после реформы сократилась в 1900 г. до 491 млн. руб.) Госбанк *финансировал казну* (см. гл. XI), *ликвидировал долги старых кредитных учреждений, а в дальнейшем и накапливал свой золотой запас*. По мере же погашения своих долгов правительство передавало банку свой золотой запас.

Между тем как мы знаем, в 90-х годах сильно выросла система частных акционерных банков, которая, в связи с слабым развитием активных операций Госбанка в условиях мощного хозяйственного подъема того периода, имела широчайшее поле для развития своих операций.

После того как денежная реформа 1897 г. была удачно проведена и прекратилось столь широко практиковавшееся раньше использование эмиссии для финансирования казны, Госбанк получил возможность развивать активные операции по кредитованию торговли и промышленности как непосредственно, так и через посредство частно-акционерного банковского аппарата. На 1 января 1900 г. по балансу Госбанка числилось задолженности по учетно-ссудным операциям 406 млн. руб., в то время как 10 лет тому назад всего 259 млн. руб. На 1 января 1914 г. эта задолженность уже превысила 1 млрд. руб. (у всех акционерных банков 3,1 млрд. руб.).

Важнейшим пассивным ресурсом, за счет которого Госбанк развивал после реформы 1897 г. свои активные операции, была не эмиссия банкнот и не депозиты частных лиц, но свободные *средства казначейства*. Так, по балансу на 1 января 1914 г. в активе мы находим

на 1 072 млн. руб. задолженности по учетно-ссудным операциям, а в пассиве — эмиссию кредитных билетов в сумме 1 665 млн. рублей, средства казны — 951 млн. руб. Таким образом эмиссия покрывалась почти полностью золотым запасом, а активные операции питались главным образом средствами казны.

Перед войной Госбанк был не только просто банком, но и «банком банков»: на 1 января 1914 г., из общей суммы вложений, в учетно-ссудные операции 1 072 млн. руб., было ссужено кредитным учреждениям 487,7 млн. руб., т. е. немногим менее половины всех средств. Между тем по балансу на 1 января 1910 г. за кредитными учреждениями числилось всего 20,7% всей задолженности, но начиная с 1910 г. роль Госбанка как «банка банков» непрерывно и весьма заметно усиливалась вплоть до мировой войны.

Как специфическую особенность русского центрального банка по сравнению с западно-европейскими, следует отметить крупную роль Госбанка в *финансировании хлебозаготовок и организации хлебоэкспорта*. Последний поддерживал активность торгового баланса, и поэтому Госбанк, в целях сохранения и накопления своих золотых и инвалютных фондов, проявлял большую заинтересованность в этой области.

Система покрытия банкнот Госбанка отличалась неэластичностью: был установлен твердый контингент непокрытых золотом банкнот в сумме 300 млн. руб., а сверх этого банкноты должны были полностью покрываться золотом. Но, как мы видели, по балансу на 1 января 1914 г. Госбанк даже не использовал и этого контингента: кредитные билеты почти полностью были покрыты золотом.

С начала войны Госбанк вступил на путь инфляции (об этом периоде см. гл. XIV). В его пассивах возрастала эмиссия, в активе — долг казначейства. По последнему балансу Госбанка перед Октябрьской революцией задолженность казначейства была равна $15\frac{1}{2}$ млрд. руб. при общей сумме задолженности в 19 млрд. руб. Госбанк целиком и полностью обслуживал потребности военного хозяйства, а кредитование торговли и промышленности в номинальном выражении возросло, но в реально-ценностном выражении — сжалось.

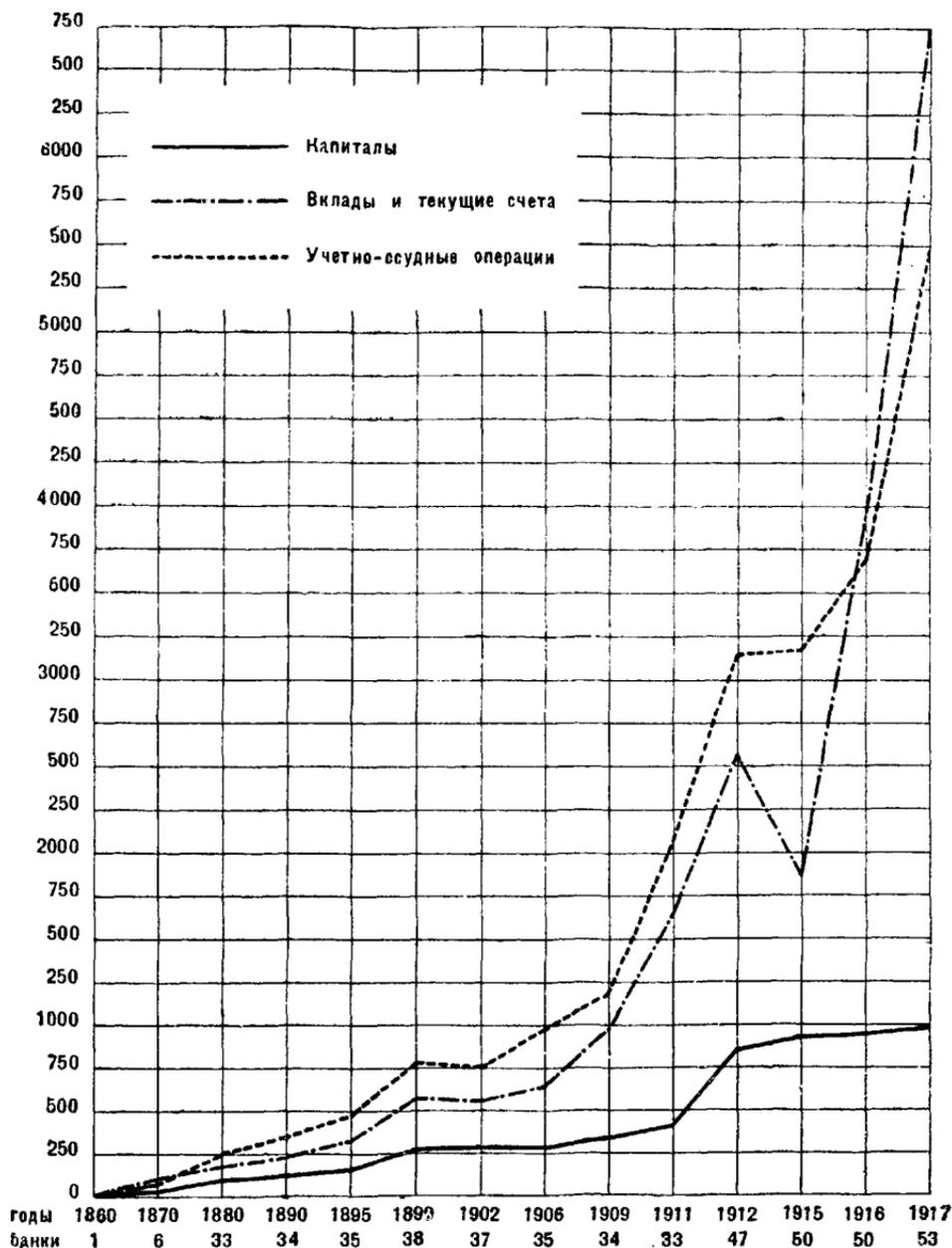
§ 11. Общий ход развития *акционерных депозитных банков* был охарактеризован нами выше; поэтому здесь мы коснемся лишь некоторых, оставшихся неосвещенными, моментов.

Приведем прежде всего кривые роста пассивных и активных операций всей системы акционерных депозитных банков с 1 января 1865 г. по 1 января 1917 г. (см. диаграмму № 16 на стр. 372).

Диаграмма свидетельствует о мощном и вместе с тем устойчивом росте активных операций. Периоды, в течение которых этот рост приостанавливался и объем операций стабилизировался или даже несколько сокращался, являются периодами хозяйственных кризисов или депрессий. Банковая система неоднократно переживала сильнеешие потрясения: нашему молодому капитализму прекрасно были известны крахи банков и паники на денежном рынке. Следует отметить, что Государственный банк неоднократно приходил на помощь крупным акционерным банкам, и если бы не эта поддержка, список банкротств

Диаграмма № 16

Развитие системы коммерческих банков России с 1860 по 1917 г.
(балансовые данные в миллионах рублей)

Война отмечена резким возрастанием кривых «вклады и текущие счета» и «учетно-ссудные операции». Этот подъем был обусловлен бумажно-денежной инфляцией. Диаграмма также рельефно отмечает предвоенный хозяйственный подъем с 1909 года, о котором была речь в тексте.

пришлось бы увеличить. Но эта поддержка была возможна потому, что положение самого Государственного банка с конца 90-х годов до 1914 г. было вполне устойчивым и эта устойчивость обеспечивалась, во-первых, колоссальным золотым фондом и, во-вторых, осторожной активной политикой.

О концентрации банков мы уже говорили. Эта концентрация была связана с непрерывным расширением филиальной сети банков: на 1 января 1914 г. 47 банков имели 743 отделения; в течение войны сеть возросла еще на несколько десятков единиц.

Для того чтобы проанализировать объем и, характер пассивных и активных операций наших депозитных банков, рассмотрим сводный баланс этих банков на 1 января 1914 г. в сравнении с 1 января 1903 года.

Актив

Пассив

СТАТЬИ	Сумма в млн. руб.		СТАТЬИ	Сумма в млн. руб.	
	На 1/1 1903 г.	На 1/1 1914 г.		На 1/1 1903 г.	На 1/1 1914 г.
Касса и текущие счета	69,1	202,5	Собственные капиталы	256,2	836,5
Учет векселей и других документов . .	555,9	1 546,5	Вклады и текущие счета	640,4	2 539,0
Ссуды под залог ценных бумаг, товаров и товарных документов	80,4	84,2	В том числе срочные вклады	—	683,3
Специальные текущие счета (on call) под залог векселей, товарных и ценных бумаг	251,7	1 531,0	В том числе бессрочные вклады в текущие счета .	—	1 855,7
В том числе под залог ценных бумаг . .	—	941,9	Корреспонденты . .	150,5	1 181,6
Корреспонденты	248,3	1 578,9	В том числе корреспонденты Logo .	267,7	726,5
В том числе под залог ценных бумаг .	—	665,6	В том числе корреспонденты Nostrо	73,2	455,1
В том числе в форме бланкового кредитования	—	204,7	Переучет и перезалог	73,3	334,7
Ценные бумаги	107,9	314,9			

Анализ баланса начнем с пассивов. Мы видим, что на первом месте стоят депозиты (в числе которых приблизительно $\frac{3}{4}$ приходится на текущие счета и бессрочные вклады), на втором — корреспондентские суммы, на третьем — собственные капиталы и на четвертом — переучет и перезалог (главным образом в Государственном банке). Корреспондентские счета как в активе, так и в пассиве лишь в незначительной своей части представляли собой собственно корреспондентские счета, т. е. остатки сумм по выполнению взаимных платежных поручений. Специалисты считают, что $\frac{1}{3}$ сумм, значившихся на этих счетах являлись балансом чисто кредитных операций, в частности на пассиве за этими счетами скрывались займы банку со стороны крупных торгово-промышленных фирм и иностранных клиентов.

Общие ресурсы банков с 1903 г. (первого послекризисного года) по 1914 г. возросли на $4\frac{1}{2}$ млрд. руб. и составили внушительную цифру — 6 млрд. руб. Такое колоссальное возрастание ресурсов дало возможность соответственного расширения объема активных операций банков. И так как к этому времени уже формировалась у нас система финансового капитализма, то и балансы банков, несмотря на всю скудность сведений, которую они вообще дают о характере операций, все же отразили этот кардинальный сдвиг в нашей банковской системе. В приведенном на странице 337 сводном балансе из групповой статьи онкольных ссуд мы выделили ссуды под ценные бумаги, а из статьи корреспондентских счетов — бланковые ссуды и счета, обеспеченные ценными бумагами.

В результате мы видим, что преваляющую роль в активных операциях банков играл не учет векселей, но операции с ценными бумагами: главная часть общего прироста активов приходится именно на эти операции. Так, в то время, как учет векселей возрос всего в 3 раза, онкольные операции в целом возросли в 6 раз (с 250 млн. руб. до $1\frac{1}{2}$ млрд. руб.), причем, как показывает выделенная нами статья онколя под ценные бумаги, основной прирост (941 млн. руб.) приходится на эти последние. Что же касается активной корреспондентской статьи («корреспонденты Лого»), то таковая возросла также в 6 раз, причем прирост по статье «корреспонденты», обеспеченной ценными бумагами, равен 665,6 млн. руб., по бланковым корреспондентским кредитам 104,7 млн. руб., всего 860 млн. руб. Между тем с полной достоверностью установлено, что по активным корреспондентским счетам проводилось, как гласит один официальный документ, «широкое участие банков в размещении фондовых и дивидендных ценностей, в предоставлении промышленным предприятиям предварительного, так сказать, промышленного кредита... и наконец в ссудах... долгосрочных, но экономически обоснованных реальными потребностями промышленного предприятия».

Суммируя все перечисленные счета и прибавляя к ним счет собственных ценных бумаг в сумме 314,9 млн. руб. и 56,1 млн. руб. срочных ссуд под залог ценных бумаг, мы получаем 2,2 млрд. руб. вложений нашей банковской системы в финансирование промышленности в форме ссудных (онкольных, корреспондентских и срочных) операций с ценными бумагами, прямого финансирования по бланковому кредиту и приобретения в собственность ценных бумаг.

Вложив свыше 2 млрд. руб. в финансирование промышленности (в составе перечисленных счетов имелись конечно и краткосрочные кредиты, но зато промышленность проводила свою задолженность и по другим счетам), крупнейшие банки России обеспечили себе влияние в крупнейших монополистических промышленных объединениях, причем, благодаря известной нам «системе участия» и «контролирования», это влияние распространялось на предприятия, основные капиталы которых во много раз превышали указанную сумму прямых и косвенных банковских вложений.

Приведенные данные говорят не только о том, что в течение последних предвоенных 10 — 11 лет колоссально вырос банковский кредит, но также и то, что кардинально изменилась его роль. *Тип русских банков, а именно как аналогичный немецкому типу (капитального кредита) стал определяться уже в конце XIX в. и окончательно сложился в течение последнего предвоенного десятилетия. К началу войны эти банки прочно входили в систему русского финансового капитализма, связанную с финансово-капиталистическими системами Запада.*

Проф. З. С. Каценеленбаум отмечает, что среди русских банков следует различать две группы банков, одна из которых избегала так называемых «иррегулярных операций» и приближалась к старо-английскому типу «чисто» депозитных банков. «Другая же» часть банков, — говорит проф. Каценеленбаум, — к которой принадлежало большинство наиболее крупных банков, и в том числе главные петербургские банки — Русский для внешней торговли, Азовско-донской, Петербургский международный и т. д., — шли в этом отношении по пути германских банков. Они широко практиковали «иррегулярные» операции, принимали активное участие в учреждении и направлении работы промышленных предприятий, широко финансировали эти предприятия, выдавая им различного рода blankовые ссуды, и вместе с тем принимали самое активное участие в выпусках акций этих предприятий... *Эта вторая группа банков была значительнее первой, и ее политика наложила свой отпечаток на общий характер старой русской банковской системы»* (курсив наш. — З. А.)

§ 12. Так называемые «Общества взаимного кредита» возникли в России одновременно с акционерными банками. Первое «Санкт-Петербургское общество взаимного кредита» возникло в 1863 г., а первый акционерный банк — «Санкт-Петербургский частный коммерческий банк» — в 1864 г. Вслед за учреждением первого петербургского О.В.К. возникли аналогичные общества и в других городах. Наши «общества взаимного кредита» были по существу теми же депозитными банками, но, во-первых, организованными на особых началах («взаимности») и, во-вторых, обслуживающими среднюю и мелкую торгово-промышленную клиентуру. Каждый член общества вносил пай и нес ответственность за дела общества в десятикратном размере; в той же пропорции он мог пользоваться кредитом общества, причем членам кредит формально был закрыт. На 1 января 1914 г. в России имелось всего 1 108 О.В.К. с 634 355 членами, 126,9 млн. руб. оборотных капиталов, 595,5 млн. руб. вкладов и 638 млн. руб. в учетно-ссудных операциях.

§ 13. В России городские общественные банки возникли в провинции (первый из них в 1809 г.) еще задолго до появления акционерных банков и О.В.К. Городские банки обычно учреждались на пожертвования и состояли в ведении городских управ. Они обслуживали в об-

щем тот же круг клиентуры, что и О.В.К., по выдавали также ссуды под городскую недвижимость. К началу 1916 г. в России всего имелось 343 городских общественных банка с капиталом 63,4 млн. руб. и 262 млн. руб. вкладов и текущих счетов. В активные операции было вложено 347,6 млн. руб., из них 105,1 млн. руб. — в учет векселей и 96,5 млн. руб. — в ссуды под городскую недвижимость.

Важную роль в нашей дореволюционной кредитной системе играли учреждения ипотечного и крестьянского кредита.

§ 14. *Акционерные земельные банки* были учреждениями долгосрочного ипотечного кредита. Эти банки привлекали средства для кредитования путем эмиссии *закладных листов*, выписанных в круглых суммах и приносивших 5⁰/₁₀₀ и 4¹/₂⁰/₁₀₀ в год. Ежегодно земельные банки обязаны были погашать часть ранее выпущенных закладных листов за счет погашения ссуд клиентами.

Эти банки выдавали долгосрочные ссуды землевладельцам и домовладельцам под залог земель на срок от 9 лет и 10 месяцев до 66 лет и 2 месяцев и под залог городской недвижимости на срок от 10 лет до 38 лет и 4 месяцев. Банки вносили со своих должников такой же процент, какой они сами уплачивали своим кредиторам по закладным листам, а за свое посредничество вносили особый процент. *Ссуды выдавались не деньгами, но закладными листами, которые уже сам заемщик продавал на бирже* (в некоторых случаях за особое вознаграждение это делал сам банк). Так как курс закладных листов на бирже был обычно ниже номинала, то это значительно удорожало цену ссудного капитала для заемщиков. Несмотря на это землевладельцы имели в акционерных земельных банках удобный для них кредитный аппарат. Средства же для финансирования землевладельцев черпались, как это вытекает из сказанного, из общих ресурсов денежного рынка.

Но акционерные земельные банки отнюдь не были «скромными» посредниками на денежном рынке: они принимали активное участие в разного рода банковских и биржевых грюндерских и финансовых комбинациях.

В результате спекулятивных операций ряд земельных банков потерпел крах, в частности во время промышленного кризиса 1900—1902 гг. лопнуло сразу 4 земельных банка. К началу 1917 г. в России было 10 акционерных земельных банков с суммой капиталов 154,8 млн. руб., 1 371,9 млн. руб. выпущенных закладных листов, 946,7 млн. руб. долгосрочных ссуд под залог земли, 357,7 млн. руб. долгосрочных ссуд под залог городских строений и 19 млн. руб. краткосрочных ссуд.

Наряду с частными земельными банками в России функционировали два государственных земельных банка — *Крестьянский и Дворянский*.

§ 15. *Крестьянский поземельный банк* был создан в 1882 г. под напором революционной деятельности народолюбцев, крестьянских волнений и вообще требований либеральных групп. Если последние надеялись созданием крестьянского поземельного банка ослабить экономическую кабалу крестьянства (в результате так называемого «ос-

вобождения крестьян» 1861 г.), то помещики и правительство имели в виду использовать Крестьянский поземельный банк для укрепления земельной собственности и существующего правопорядка вообще, а также для улучшения условий реализации землевладельцами своих земельных фондов. Кроме того, хотя официально Крестьянский поземельный банк был создан «для облегчения крестьянам всех наименований способов к покупке земли в тех случаях, когда владельцы желают продать, а крестьяне — приобрести оные» (§ 1 «Положения о Крестьянском поземельном банке»), однако политика банка с самого начала заключалась в том, чтобы оказывать предпочтенье более состоятельным крестьянам в ущерб малосостоятельным.

В течение первого периода деятельности Крестьянского поземельного банка с 1883 по 1895 г. при его посредстве было всего куплено 2,4 млн. десятин и выдано ссуд на 82,3 млн. руб., причем, начиная с 1886 г., непрерывно сокращалась площадь приобретаемой при посредстве банка земли и росли недоимки по платежам, так как земля редко приносила крестьянам такой доход, который мог бы покрыть высокий ссудный процент (7,2% — 8,2% в год). Между тем банк беспощадно взыскивал долги, следствием чего было ухудшение экономического положения крестьян. В течение этого периода при посредстве банка было приобретено крестьянами только 6,3% всех мобилизованных земельных фондов; между тем земельный голод еще более обострился и в силу этого появились настоячивые требования реформы банка, каковая и была проведена в 1895 г.

Хотя этой реформой и были внесены некоторые важные изменения в устав банка, облегчающие положение должников-крестьян в отношении сроков ссуд и размеров платежей, однако основные принципы остались без изменения. Новым «положением» было предоставлено банку право покупать земли за собственный счет и перепродавать их крестьянам: это сделало банк еще более сильным орудием в руках правительства и помещиков. В течение второго периода, т. е. с 1895—1905 гг. банком было выдано ссуд на 400 млн. руб., на которые крестьянами было куплено 5,85 млн. десятин земли стоимостью 536,7 млн. руб. и кроме того куплено банком за собственный счет 961 тыс. десятин на 68 млн. руб. (из них продано на 51,5 млн. руб.) и выдано ссуд на 7,2 млн. руб. на покупку земли, приобретаемой крестьянами помимо банка. Несмотря на столь энергичное развитие операций Крестьянским поземельным банком в этот период, земельный голод крестьянства не был ослаблен, но зато к выгоде помещиков цены на землю в сравнении с первым периодом поднялись почти втрое.

В самый разгар революционного движения, 3 ноября 1905 г. был провозглашен царский манифест, согласно которому наполовину были уменьшены выкупные платежи, а также было предписано «дать Крестьянскому поземельному банку возможность успешнее помогать малоземельным крестьянам в расширении площади их землевладения». Но манифест так и остался только манифестом: на деле же как раз малоземельные, бедняцкие слои крестьянства не получили никакой выгоды от развития операций банка. Правда с 1906 по 1917 г. деятельность банка заметно оживилась: если за первые 23 года было

приобретено всего 8,3 млн. десятин, то за последние 11 лет было выдано ссуд на 1 042 млн. руб. для покупки 9,6 млн. десятин на сумму 1 272 млн. руб. Однако спекуляция с землей и цены на нее продолжали расти в этот период еще более интенсивно: если по площади прирост покупок земли за последние 11 лет составлял 16,5%, то по денежной ценности этот прирост выражался в 88,8%. Характерная черта этого периода заключалась в том, что банк был использован как мощное орудие *стольщинской политики*: при посредстве банка энергично насаждалось личное подворное владение, разрушалась община и оказывалось всяческое содействие *наиболее зажиточным слоям крестьянства*. Несмотря на значительное усиление операций банка в течение этого периода, нужда крестьянства в земельном фонде была удовлетворена лишь в самой незначительной степени, ибо вместо минимально необходимых для крестьянства 50—70 млн. десятин было приобретено всего 9 млн. десятин.

§ 16. *Дворянский банк* оказывал долгосрочный ипотечный кредит землевладельцам за счет эмиссии закладных листов и облигаций. Сумма его эмиссии на 1 января 1914 г. составляла 894 млн. руб. Кроме того поземельный кредит оказывали городские и губернские кредитные общества. Общая сумма эмиссии закладных листов и облигаций по всей системе долгосрочного поземельного кредита составляла на 1 января 1914 г. 5 330 млн. руб. (на 1 января 1916 г. — 5 576 млн. руб.), из них 3 142 млн. руб. приходилось на акционерные банки и кредитные общества, и остальная сумма на *Дворянский* и *Крестьянский* банки. Из 5 330 млн. руб. земельным собственникам было ссужено 3 721 млн. руб. и владельцам городской недвижимости — 1 749 млн. руб.

§ 17. В России учреждения мелкого кредита состояли из *кредитных кооперативов* («кредитных товариществ»), разного рода *крестьянских общественных учреждений мелкого кредита* (сельские и волостные «банки», «мирские заемные капиталы», «вспомогательные» и «сберегательные кассы», «общественные сберегательные кассы» и пр.) и *земских касс мелкого кредита*. Самое главное значение в составе учреждений мелкого кредита имела кредитная кооперация.

Хотя кредитные кооперативы в России стали появляться еще в 60-х годах прошлого века, но до начала этого века они не получили большого развития. Так из разрешенных в 1866—1900 гг. 1 459 ссудо-сберегательных товариществ 717 закрылись или не открывали своих действий. Заметный рост кредитной кооперации, а также прочих учреждений мелкого кредита начинается с 1904 г. С 1904 по 1914 г. вся система мелкого кредита возросла с 6 тыс. учреждений до 19,2 тыс., число участников—до 12 млн., оборотные средства—до 960 млн. руб. Правительственная поддержка кредитной кооперации на 1/VII 1914 г. выражалась в 167 млн. руб. (данные *А. Финн-Енотавского*). Хотя в абсолютных цифрах, как мы видим, учреждения мелкого кредита в России представляли собою повидимому внушительную силу, но эта «сила» в сравнении с нуждой населения в мелком кредите была далеко не «внушительна». Еще менее «внушительной» силой были наши учреждения мелкого кредита в сравнении с положением этого кредита

например в Германии. Так в то время как у нас оборотные средства в кредитных кооперативах возросли с 1909 по 1912 г. с 65 руб. до 84½ руб. на одного члена, в Германии уже в 1906 г. приходилось 500 руб. на одного члена. Также и по размерам выдаваемых ссуд наша кредитная кооперация была в несколько раз слабее германской. Очень слабо в наших учреждениях мелкого кредита, ввиду недостаточности вкладов и основных капиталов, был развит *домосрочный производственный кредит*.

В заключение приведем данные о положении кредитной кооперации к 1 января 1914 г., заимствованные нами из труда *А. Финн-Енота-евского*:

Кредитные кооперативы	Количество	Число членов	Вклады и займы в млн. руб.	Ссуды в млн. руб.
Кредитные товарищества .	9 536	6 210 000	158,0	263,2
Ссудосберегательные товарищества	3 479	2 045 000	205,8	254,7

Наряду с кредитной кооперацией на 1 января 1914 года функционировало 4 724 сословных учреждений мелкого кредита и 196 земских касс. Ссуды первых составляли 100 млн. руб., ссуды вторых — около 29 млн. руб.

Кроме перечисленных учреждений мелкого кредита с 1913 г. действовала касса городского и земского кредита, каковая по 1 июля 1916 г. выдала ссуд на 60 млн. руб., из них всего 24 млн. руб. долгосрочных ссуд. На учреждения мелкого кредита, в особенности на кредитную кооперацию, в России так же как и на Западе возлагались большие надежды, которые не оправдались в силу известных уже нам причин.

§ 18. Чтобы закончить обзор дореволюционной банковской системы России, необходимо упомянуть также о *сберкассах, ломбардах и частных банкирских конторах*. Перед войной, в 1914 г., в сберкассах было вкладов на 1 685 млн. руб. Этими вкладами распоряжалось правительство, часть их ушла на пополнение оборотных средств учреждений мелкого кредита и была вложена в ценные бумаги.

Ломбарды, существовавшие в городах, оказывали не только чисто потребительский, но также и мелкопроизводственный и мелкотоорговый кредит под залог ценностей. Учреждения же мелкого кредита оказывали не только производственный, но и потребительский кредит в широких размерах: поэтому строгого разграничения по характеру ссудных операций между ломбардами и учреждениями мелкого кредита

провести нельзя. К началу 1917 г. у нас было 109 городских ломбардов, которые выдали ссуд на 13 753 тыс. руб.

§ 19. По мере концентрации банков и развития их филиальной сети, роль *частных банкиров* на денежном рынке России неуклонно падала. Но так как статистический учет операций частных банкиров не велся, то нельзя дать цифровой характеристики этого процесса. Укажем лишь, что сводный баланс обследованных частных контор на 1 июля 1914 г. составлял всего 259,8 млн. руб.; капиталы составляли 66,7 млн. руб.; вклады и текущие счета — 70,1 млн. руб.; учетно-ссудные операции — 117,4 млн. руб.; портфель собственных ценных бумаг — 69,8 млн. руб. В сравнении с миллиардными суммами активных и пассивных операций акционерных банков конечно роль частных банковских фирм на русском денежном рынке была ничтожной.

§ 20. Во время войны вся кредитная система в целом, под воздействием бумажно-денежной инфляции, раздувала объем своих операций. Рост депозитов за годы войны показан в следующей таблице (в млн. руб.):

На 1 января	Частные коммерческие банки	Государственный банк	Общества взаимного кредита	Городские общественные банки	Сберегательные кассы	Итого
1914 г.	2 568	263	595	186	1 685	5 297
1915 г.	2 917	478	511	216	1 835	5 957
1916 г.	3 968	954	557	257	2 447	8 183
1917 г.	6 763	1 379	963	377	3 769	13 251

Мы видим, что по мере развития инфляционного процесса росли и депозиты банковской системы. Перед Октябрьской революцией, в сентябре 1917 г., сумма депозитов возросла по сравнению с 1913 г. в 3 раза, сумма учетно-ссудных операций — только в 1,8 раза, а курс рубля в Лондоне упал до 31½ копеек, т. е. *более* чем в 3 раза. Таким образом не могло быть и речи о реальном росте банковского кредита во время войны. И совершенно правильно считает *проф. А. Финн-Енотавский*, что «было бы крупнейшей ошибкой по этому росту денежного капитала и росту активных операций судить о росте производительного капитала, о росте производительных сил страны». Напротив того, как раз возрастание перед Октябрьской революцией массы кредитных билетов в обращении по сравнению с довоенным временем в 10 раз и вызванный этим рост депозитов в 3 раза отражали собою не рост, но сильный упадок производительных сил как следствие войны и инфляции.

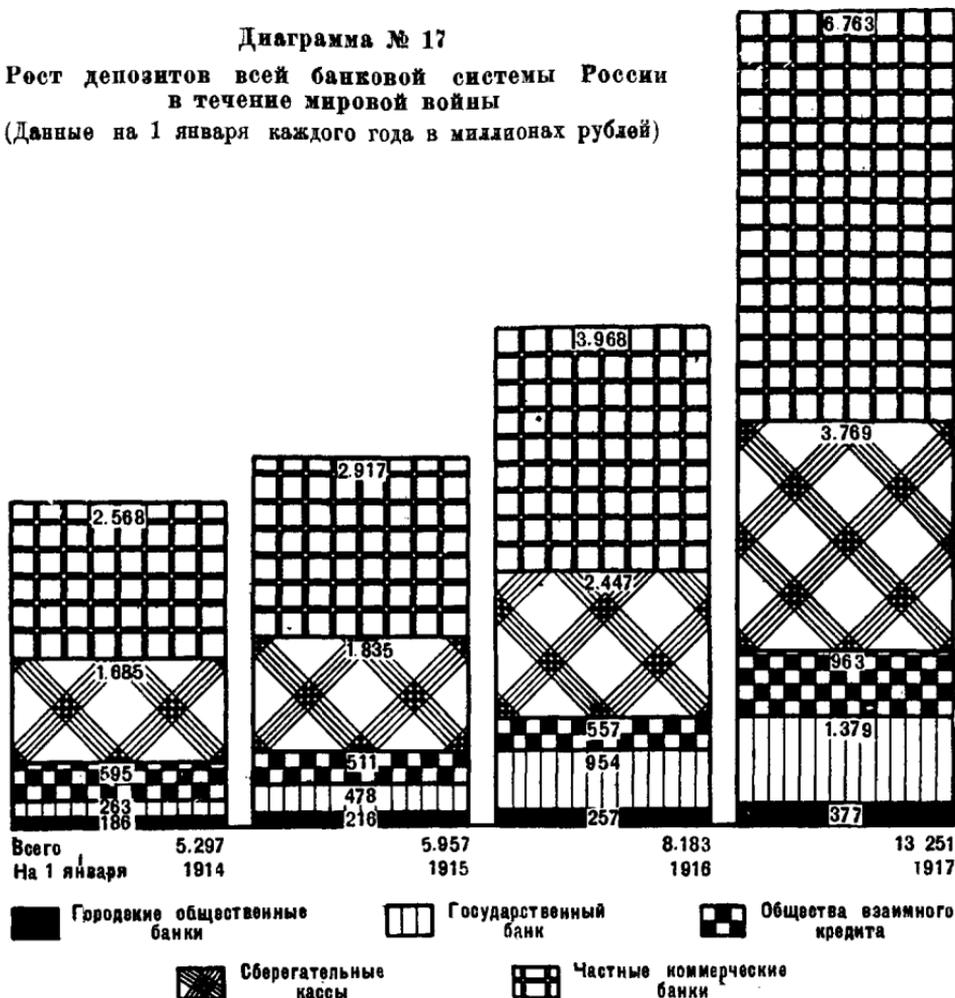
Каково было действительное положение банков перед Октябрьской революцией, установить в настоящее время невозможно, по пробные подсчеты Валютного управления Наркомфина СССР, как сообщает

проф. Юровский, показали, что положение ряда банков «вследствие обесценения их активов и пассивов и наличия заграничной задолженности было довольно критическим».

Диаграмма № 17

Рост депозитов всей банковской системы России
в течение мировой войны

(Данные на 1 января каждого года в миллионах рублей)

Возрастание депозитов за время войны в три раза было прямым следствием бумажно-денежной инфляции. Диаграмма показывает, что частные коммерческие банки имели до 1916 года 49%, а в 1917 году 51% всей массы депозитов банковской системы России, включая сберкассы и Госбанк.

Л и т е р а т у р а

- 1) А. Гурьев, Очерк развития кредитных учреждений в России, Спб. 1904.
- 2) М. Мигулин, Наша банковая политика, Харьков 1904.
- 3) В. Судейкин, Государственный банк, П. 1891.
- 4) М. В. Бернацкий, Русский государственный банк как учреждение эмиссионное, в «Известиях Спб. Политехнического института» за 1910.
- 5) И. И. Левин, Акционерные коммерческие банки в России, т. I, П. 1917.
- 6) З. С. Каценеленбаум, Коммерческие банки и их торгово-промышленные операции, М. 1912.

- 7) Его же, Учение о деньгах и кредите, ч. 2, изд. 2-е, гл. XII — XIV.
- 8) *Е. Эмштейн*, Эмиссионные и кредитные банки в новейшей эволюции народного хозяйства, Спб 1913.
- 9) *М. Я. Герценштейн*, Кредит для земств и городов, М. 1892.
- 10) *З. С. Каценеленбаум*, Мелиорации, мелиоративные товарищества и мелиоративный кредит в России, изд. 4-е, М. 1922.
- 11) *А. Н. Зак*, Крестьянский поземельный банк, М. 1911.
- 12) *Д. А. Батуринский*, Аграрная политика царского правительства и крестьянский поземельный банк, М. 1925.
- 13) *М. Хейсин*, Очерк по истории кредитной кооперации в дооктябрьской России, изд. 3-е, Л. 1925.
- 14) «*Банковская энциклопедия*», под ред. проф. Яснопольского. т. I, Киев 1914. Статьи о банках России.
- 15) *Сборник*, «Кредит и банки», изд. НКФ, 1919. Статья Л. Юровского о банках в России.
- 16) Отчеты Государственного банка и других банков.
- 17) Проф. *П. И. Лященко*, История русского народного хозяйства, М. 1927.
- 18) *А. Финн-Енотаевский*, Капитализм в России (1890 — 1917), т. I, М. 1925.
- 19) *Н. Ванга*, Финансовый капитал в России накануне мировой войны, М. 1925.
- 20) *С. Ронин*, Иностраный капитал и русские банки, М. 1926.
- 21) *Гиндин*, Банки и промышленность в России до 1917 г., М. 1927.
- 22) *Ленин*, Империализм как новейший этап капитализма, гл. II и III.

Вопросы для повторения

- 1) Какие три периода следует различать в развитии банковской системы в России?
- 2) Почему до реформы 1861 г. был слабо развит банковский кредит в России и какие операции производили существующие в тот же период кредитные учреждения?
- 3) Охарактеризуйте развитие банковской системы России в эпоху промышленного капитализма?
- 4) Когда и как сложилась система финансового капитализма в России?
- 5) Какую роль играл иностранный капитал в хозяйственной системе России? Верно ли утверждение, что эта последняя целиком находилась под властью иностранного капитала?
- 6) Охарактеризуйте развитие русского Государственного банка, в частности его пассивные ресурсы, систему покрытия и его роль как «банка банков».
- 7) Проанализируйте изменение основных статей сводного баланса русских коммерческих банков на 1 января 1903 г. и на 1 января 1914 г. Какие выводы на основании этого анализа можно сделать?
- 8) Охарактеризуйте деятельность акционерных земельных банков, Дворянского банка и Крестьянского поземельного банка и прочих элементов довоенной банковской системы России.

РАЗДЕЛ II. БАНКОВАЯ СИСТЕМА СССР

ГЛАВА XXXIV

РАЗВИТИЕ БАНКОВСКОГО КРЕДИТА В СССР

§ 1. Три периода в развитии советской банковской системы. § 2. Декрет о национализации банков. § 3. Партийная программа о роли кредита. § 4. Роль и значение банков в период нэпа. § 5. Организация Государственного банка. § 6. Трудности работы Государственного банка в первые годы нэпа. § 7. Организация специальных банков. § 8. Эмиссия банкнот. § 9. Фактические данные о развитии банковского кредита в течение восстановительного периода. § 10. Денежный рынок в течение восстановительного периода. § 11. Третий период — реконструкция народного хозяйства. § 12. Фактические данные о развитии банковской системы в течение реконструктивного периода.

§ 1. Историю банковской системы СССР можно разбить на три периода: 1) военный коммунизм, когда по мере прекращения рыночных отношений сокращалась и под конец совершенно замерла деятельность банков; 2) восстановительный период, начавшийся с момента перехода к нэпу до 1925 г., когда восстанавливалась деятельность кредитной системы, интенсивно развивались активные и пассивные операции банков, росла и крепла сеть кредитных учреждений; 3) с 1925 г. до настоящего времени, когда СССР вступил на путь реконструкции народного хозяйства. Этот период характеризуется относительным сокращением темпа аккумуляции банками денежных средств и резким изменением характера деятельности кредитных учреждений СССР.

Уже в мае 1917 г. Ленин писал: «Высокая степень развития, капитализма, уже достигнутая в банковом деле и в трестированных отраслях промышленности, с одной стороны, а с другой стороны, разруха, созданная империалистической войной и отовсюду вызывающая требование государственного и общественного контроля за производством важнейших продуктов, побуждает партию требовать национализации банков, синдикатов и т. п.». Национализация банков должна была явиться поэтому одним из шагов в борьбе за диктатуру пролетариата и первой целью ее было поэтому установление *контроля над народным хозяйством при помощи кредитной системы*. Банковский аппарат играл в дореволюционной России колоссальную роль. Этим аппаратом нужно было овладеть, его «надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо отрезать, отрубить капиталистов с их нитями влияния. Его надо подчинить пролетарскому совету, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным» (Ленин).

§ 2. Первым актом в истории советского кредита явился декрет ВЦИК о национализации банков от 14 декабря 1917 г.

Этого же числа на заседании ВЦИК Ленин сказал: «Мы хотели идти по пути соглашения с банками, мы давали им ссуды на финанси-

рование предприятий, но они затеяли саботаж небывалого размера, и практика привела нас к тому, чтобы провести контроль иными мерами».

Этот декрет подчеркивал необходимость освобождения трудящегося населения от эксплуатации банковского капитала и необходимость образования единого народного банка Российской республики. С этой целью декрет объявил государственной монополией банковое дело, объединил с Государственным банком все существовавшие тогда частные акционерные банки и банкирские конторы. В дополнение к этому декрету рядом последующих постановлений правительства была произведена полная конфискация капиталов бывших частных банков.

Национализация банков по времени значительно предшествовала национализации промышленности. Объясняется это уже отмеченным выше особым значением банковского аппарата в народном хозяйстве. При этом надо подчеркнуть, что на первых порах советская власть не думала прекращать деятельность кредитных учреждений. Еще весной 1918 г. Ленин указывал на необходимость «итти неуклонно к превращению банков в узловые пункты общественного счетоводства при социализме, а для этого необходимо прежде всего достигнуть реальных успехов в увеличении числа отделений народного банка, в привлечении вкладов, в облегчении для публики операций по внесению денег и т. д., и т. п.». Таким образом национализация банков на первых порах не имела целью ликвидировать кредитные учреждения, но стремилась лишь использовать банковский аппарат для осуществления стоящих перед государством задач. Однако экономические условия периода «военного коммунизма» заставили форсировать процесс превращения банковского аппарата в аппарат чисто счетный, т. е. по существу провести ликвидацию банковской системы.

§ 3. Уже ко времени VIII партийного съезда стало ясно, что роль банков как собирающих и перераспределяющих денежные накопления отмирает, но зато на них возлагались организационно-учетные функции, следовательно роль всеобщей бухгалтерии народного хозяйства. Партийная программа в соответствующем пункте выдвигала на первый план следующие принципы: «во-первых, монополизация банковского дела в руках Советского государства, во-вторых, радикальное изменение и упрощение банковских операций путем превращения банковского аппарата в аппарат единообразного учета и общего счетоводства в Советской республике. По мере организации планомерного общественного хозяйства это приведет к уничтожению банка и превращению его в центральную бухгалтерию коммунистического общества».

На протяжении 1919—1920 гг. правительство целым рядом законодательных актов стремилось установить такой порядок расчетов между государственными и хозяйственными предприятиями, при котором денежные знаки становились бы излишними, а банки превращались бы исключительно в расчетные учреждения. Народный банк, оставшийся единственным кредитным учреждением, постепенно превращался в расчетно-кассовое учреждение, а в дальнейшем совершенно слился с центральным бюджетно-расчетным управлением Народного комиссариата финансов.

С января 1920 г. и до середины 1921 г. в Советской России не существовало банков. Переход к новой экономической политике поставил на очередь вопрос о восстановлении денежного обращения, о расширении рыночных отношений и о создании нового банковского аппарата. Если для банков не было места в хозяйственной системе безденежной и строго централизованной в период «военного коммунизма», то с восстановлением товарного хозяйства и переводом большей части государственных предприятий на хозяйственный расчет пришлось вновь создать сеть кредитных учреждений.

§ 4. Оправдало ли себя восстановление банковского аппарата? Какую роль банковая система выполнила в период новой экономической политики? В настоящее время имеется уже достаточно фактов, которые позволяют ответить на эти вопросы. Кредитная система безусловно сыграла весьма крупную роль в развитии и восстановлении народного хозяйства. Ее значение можно свести в основном к следующему.

Во-первых, система кредитных учреждений сыграла весьма важную роль в деле восстановления денежного обращения в 1922—1924 гг. В основу новой денежной системы были положены банкноты Государственного банка и внедрение новой валюты происходило через банковый аппарат. Существование банковской сети было одной из предпосылок денежной реформы и успехи последней в немалой степени зависели от банковской системы (о денежной реформе см. гл. XVII).

Во-вторых, банковая система способствовала восстановлению хозяйственного расчета. Банки по характеру своих операций особенно приспособлены к тому, чтобы требовать точной калькуляции и своевременного исполнения предприятиями принятых на себя обязательств. В первые годы нэпа эта роль банковской системы была особенно важна и велика.

В-третьих, банковая система перераспределила очень значительные средства и направила их на кредитование важнейших отраслей народного хозяйства.

Наконец, *в-четвертых*, большая задача банковской системы в первые годы новой экономической политики заключалась в восстановлении экономической связи между различными частями территории Союза. Открытие каждого нового филиала Государственного банка в каком-либо районе означало укрепление связи этого района с общей хозяйственной жизнью страны.

§ 5. Государственный банк был основан 15 октября 1921 г. Основной капитал Государственного банка в размере 2 000 млрд. руб. был выделен ему из государственных средств. На Государственный банк была возложена задача содействовать развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота, концентрировать денежные обороты и проводить другие мероприятия, направленные к установлению правильного денежного обращения. В отличие от чисто расчетных функций Народного банка 1918/1919 гг. Государственный банк должен был выполнять чисто *кредитные функции*. Основные операции нового банка должны были, как это указывал устав Государственного банка, производиться в том случае, если они обеспечивают своевременный возврат средств заемщиками и целесообразное расходование этих средств с

народнохозяйственной точки зрения. Таким образом уже на первых порах организации банковского кредита в СССР была подчеркнута важность не только обеспечения кредита, но и *народно-хозяйственной целесообразности кредитных операций в соответствии с общей экономической политикой*. Государственному банку было поручено производство всех тех операций, которые необходимы для развития товарооборота, как-то: выдача ссуд, открытие околных кредитов с обеспечением товарами и товарными документами или векселями, учет векселей, покупка и продажа ценных бумаг, переводные операции, вкладные операции во всех обычных их формах, различные валютные операции и т. д.

§ 6. Создание банковской системы СССР происходило в условиях расстроеного денежного обращения. Госбанку для предохранения своего капитала от обесценения приходилось взимать высокий учетный процент. Проценты по ссудам несколько раз менялись и в общем были установлены в размерах от 8% (для государственных предприятий) до 12% (для частных предприятий) в месяц. Этим Госбанк страховал себя от убытков. Те 2 триллиона рублей, которые были ассигнованы в качестве основного капитала Государственного банка, равнявшиеся приблизительно 50 млн. довоенных рублей, успели за несколько недель, прошедших до момента фактического открытия операций банка, обесцениться до 15 млн. руб. Тем не менее благодаря ряду принятых мер Государственный банк сумел покрыть курсовые потери и успешно развивал свои операции.

§ 7. Сначала предполагалось, что Госбанк сможет один охватить всю сферу банковского кредита СССР. Однако скоро выяснилось, что эта задача не под силу одному кредитному учреждению. Непрерывное расширение товарооборота, по мере роста всего народного хозяйства, все расширяло и усложняло стоявшие перед банковым кредитом задачи. Вместе с тем текущие счета в течение всего восстановительного периода, т. е. вплоть до 1925 г., быстро увеличивались, свидетельствуя о реальных возможностях аккумуляции средств народного хозяйства кредитными учреждениями.

Наряду с Госбанком, который занял и сохранил до сего времени «командные высоты» всей кредитной системы СССР, с конца 1922 г. учреждаются несколько банков в акционерной форме, например *Покобанк*, т. е. Всероссийский банк потребительской кооперации (организован в феврале 1922 г.), *Украинбанк*—кредитный центр всех видов кооперации Украины (октябрь 1922 г.), *Юго-восточный банк* в Ростове на Дону

В то же время получили большое распространение *Общества взаимного кредита*. Эти объединения мелкого и среднего торгово-промышленного капитала, не получая подкреплений из бюджетных источников, взимали высокие проценты со своей клиентуры за предоставляемый кредит и на первых порах широко развивали свою деятельность.

С конца 1922 г. возникли и большие специальные банки, которым суждено было уже в ближайшие годы широко развернуть свою деятельность. «Специальные» банки учреждались для обслуживания специальных отраслей народного хозяйства. Эти банки были лишены права эмиссии банкнот и должны были работать за счет привлекае-

мых свободных средств. Так возник в декабре 1923 г. *Всероссийский торгово-промышленный банк (Промбанк)*, задачей которого явилось обслуживание кредитных нужд государственной промышленности. Почти одновременно с *Промбанком* в октябре 1922 г. был учрежден банк для кредитования внешней торговли — *Всероссийский коммерческий банк (Роскомбанк)*. Он был первоначально основан на шведский капитал в размере 10 млн. руб. золотом.

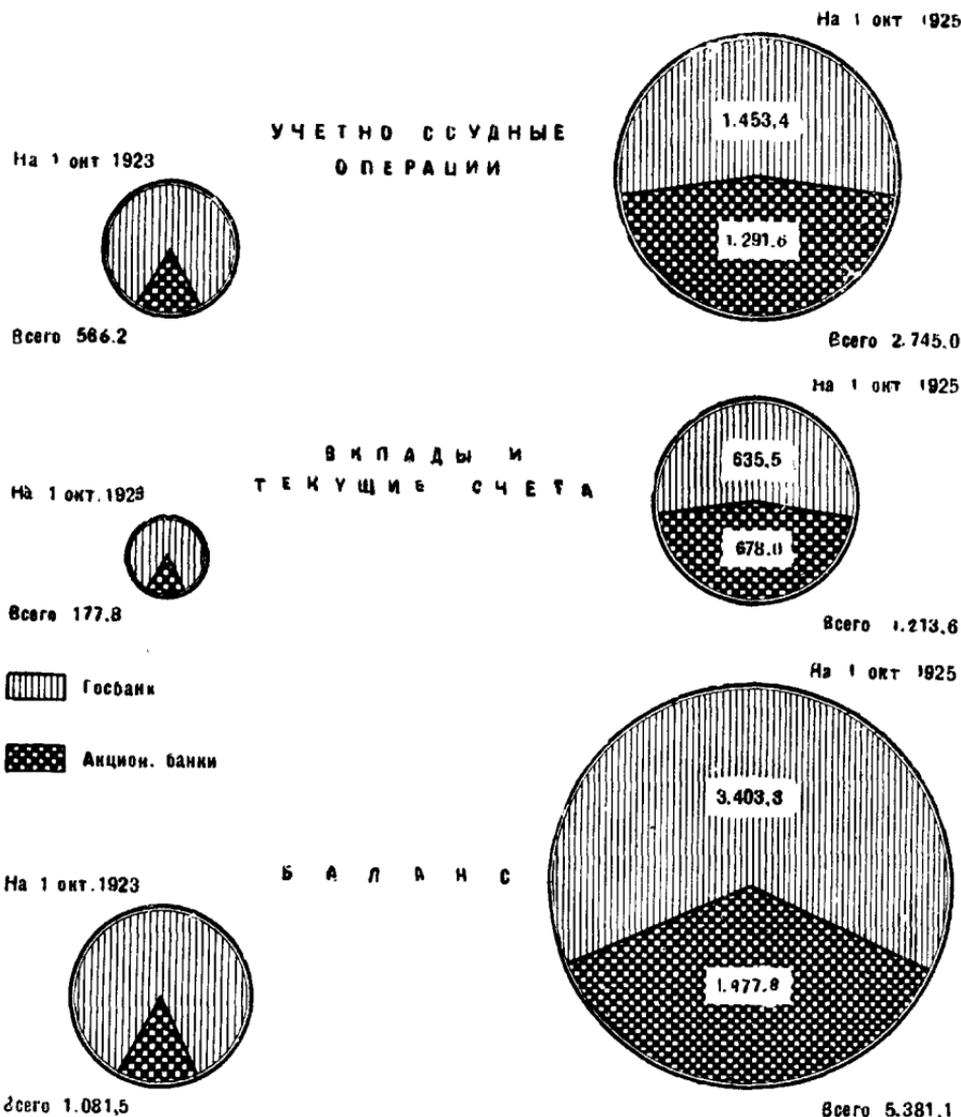
§ 8. Базой для развития деятельности банковской системы явилось оздоровление денежного обращения. Деятельность банков требовала твердой валюты. Первые шаги для оздоровления денежного обращения были сделаны тогда, когда Государственный банк получил право банкнотной эмиссии. Эмиссия банкнот Государственного банка явилась мощным ресурсом, за счет которого быстрым темпом начали развиваться активные операции банков. Билеты Государственного банка были выпущены на основе декрета СНК от 11 декабря 1921 г. Государственному банку было разрешено эмитировать билеты для различных коммерческих операций (см. гл. XVI). Билеты Государственного банка стали быстро входить в обращение: в тот период для эмиссии банкнот имелись широкие возможности. В то же время Государственный банк и другие кредитные учреждения постепенно сделались центральным аппаратом движения «капиталов» между различными отраслями советского хозяйства.

§ 9. На 1 октября 1923 г. всего имелось 516 кредитных учреждений, в том числе кредитная сеть Государственного банка состояла из 251 кредитных учреждений, акционерно-коммерческие банки — 50, коммунальный кредит — 29, кооперативные банки — 57, общества сельскохозяйственного кредита — 75 и общества взаимного кредита — 54. К 1 октября 1925 г., т. е. к тому времени, когда заканчивался уже восстановительный период, кредитная сеть возросла до 1 201 учреждений. В том числе сеть учреждений Государственного банка достигла 448, акционерно-коммерческих банков — 127, коммунального кредита — 161, кооперативных банков — 98, сельскохозяйственного кредита — 191, обществ взаимного кредита — 176. Рост операций банковской системы за этот период показан в диаграмме № 18. (См. сл. стр.)

Из этой диаграммы мы видим, что за два года, с 1 октября 1923 г. до 1 октября 1925 г., общая величина сводного баланса кредитной системы выросла почти в пять раз. Учетно-судные операции по всей кредитной системе, включая ссуды за счет НКФина, увеличились в той же пропорции, но особенно большим был рост вкладов и текущих счетов. На 1 октября 1923 г. вклады и текущие счета по Госбанку составляли 103 млн. руб., по акционерно-коммерческим банкам — 39 млн. руб. и по всей кредитной системе — 178 млн. руб. К 1 октября 1924 г. вкладная операция увеличилась до 293 млн. руб. по Госбанку, до 135 млн. руб. по акционерным банкам и до 545 млн. руб. по всей банковской системе. К 1 октября 1925 г. вкладная операция и текущие счета по Госбанку достигли 635 млн. руб., по акционерно-коммерческим банкам — 300 млн. руб., быстро увеличивались по системе коммунального кредита и кооперативных банков и в результате по всей

Диаграмма № 18

Рост операций банковской системы СССР с 1/X 1923 г. по 1/X 1925 г.
(в миллионах рублей)

При общем возрастании активных и пассивных операций всех банков в несколько раз, удельный вес Госбанка заметно уменьшился. Это был период бурного роста так называемых «спецбанков»

банковой системе выросли до 1214 млн. руб., увеличившись таким образом за два года почти в 7 раз.

§ 10. Как мы видим, значительный рост текущих счетов и вкладов в кредитной системе происходил на протяжении восстановительного периода. Все без исключения самостоятельные ветви кредитной системы

отмечали в своих балансах этот рост вкладной операции. Даже общества взаимного кредита, собиравшие свободные средства частного капитала, отмечали значительный рост вкладной операции. Здесь мы сталкиваемся с явлениями, характерными для восстановительного периода. В течение этого периода капитальное строительство производилось в незначительных размерах, государственные предприятия имели достаточные свободные резервы и были в состоянии держать их на текущих счетах в банках. В то же время существовал рынок частного капитала. Деятельность частных торговцев и предприятий в определенных пределах допускалась в те годы, а вместе с тем допускалось перераспределение средств между частными капиталистами кредитными методами. Таким образом в первые годы новой экономической политики существовало фактически *два денежных рынка*, а именно: рынок, обслуживаемый государственными кредитными учреждениями, и частный рынок. Процентные ставки на каждом из этих рынков резко отличались друг от друга. Советские кредитные учреждения держали процентную ставку на более низком уровне, чем это вызывалось реальным соответствием спроса и предложения «ссудного капитала». Правда, в это время — и это являлось одной из характерных черт работы банков в восстановительный период — процентная ставка играла еще некоторую роль в борьбе за банковскую клиентуру. Мы уже говорили раньше, как широко развилась сеть кредитных учреждений. В некоторых пунктах кредитных учреждений оказалось такое количество, что им пришлось для привлечения к себе клиентуры повышать ставки, платимые по вкладам. В течение восстановительного периода процентные ставки советских банков были значительно выше, чем в последующий период. Однако они все же резко отличались от ставок частного денежного рынка. На частный денежный рынок государственные средства почти не попадали. Между тем спрос на денежный капитал со стороны частных предпринимателей был достаточно велик. Поэтому проценты, платимые на частном денежном рынке, были очень велики и достигали 6 — 10% в месяц.

Таким образом цена, которая уплачивалась за пользование «ссудным капиталом», не являлась на советском денежном рынке единой. Частный денежный рынок был в некоторой части совсем неорганизован, а в другой части несколько упорядочен работой обществ взаимного кредита.

Среднее место между процентом государственных кредитных учреждений вольного денежного рынка занимал процент, уплачиваемый по госзаймам. В первые годы новой экономической политики, до денежной реформы, государственные займы носили главным образом натуральный характер, т. е. выплата по ним производилась натурой — хлебом, сахаром и т. д. Но затем займы стали исключительно денежными. Распространение государственных займов происходило медленно. Для восстановительного периода характерно также, что государственные займы распространялись главным образом среди частных капиталистов.

§ 11. В 1925 г. темп развития деятельности кредитных учреждений был особенно значительным. Удачно проведенная денежная реформа создала твердую базу для развития банковской системы. Текущие счета

увеличивались настолько быстро и стабильные остатки текущих счетов столь заметно росли, что казалось возможным за счет этих стабильных остатков развивать долгосрочные операции. Поэтому, когда в течение 1925 г. стала для всех очевидной необходимость капитального строительства в основных отраслях промышленности, банковая система взяла на себя задачу снабжать строительство необходимыми средствами. Однако в течение первых же кварталов следующего года обнаружилось, что переход к капитальному строительству вызвал финансовое напряжение у государственных учреждений, потребовал у них расходование всех свободных ресурсов на закупку строительных материалов и на производство строительных работ, вследствие чего резко упали текущие счета в банках.

Начиная с 1926 г. банковая система вступила в новый реконструктивный период своей деятельности. Реконструктивный период отличается от предшествовавшего целым рядом особенностей. Если государственные учреждения, не возводившие новых зданий и не покупавшие нового оборудования в течение восстановительного периода, могли вносить свободные средства на текущие счета в банки, то с началом работ по реконструкции промышленности свободные средства резко сократились. Мало того, в это время происходит расширение тех производственно-финансовых и бюджетных планов, которые дают средствам различных предприятий обязательное направление через бюджет или через систему долгосрочного кредита. Но это сузило поле деятельности для собирания свободных средств кредитными методами. Поэтому в строении массивов кредитных учреждений произошла перемена. Вместо текущих счетов основную роль стал играть *прирост бюджетных средств*.

Нужно указать также, что в течение реконструктивного периода *сократились возможности банковской эмиссии*. По окончании восстановительного периода расширение денежной массы в денежном обращении могло происходить лишь в пределах соответствующего расширения товарооборота и, следовательно, должно было быть ограниченным.

Реконструктивный период внес кардинальные изменения и в характер активных операций банков. Самые формы банковских операций, заимствованные у капиталистических банков, постепенно видоизменялись и приспособлялись к новым условиям. Все новые явления в деятельности банковского кредита мы рассмотрим в XXXVI и XXXVIII главах.

Реконструктивный период внес изменения и в строение денежного рынка. *Частный капитал был устранен с рынка*. Процессы обобществления промышленности и торговли сделали за несколько лет колоссальные успехи. В связи с свертыванием частного неорганизованного рынка, общества взаимного кредита потеряли почву под ногами и превратились в течение реконструктивного периода в учреждения, доживающие свои последние годы.

§ 12. В соответствии с только-что обрисованными особенностями развивалась деятельность кредитных учреждений Союза ССР. Для сравнения мы взяли важнейшие статьи балансов всей банковской системы (в млн. руб.) (см. таблицу на стр. 391).

Сводный баланс-нетто¹ банковской системы СССР

Статьи баланса	На 1/X 1926 г.		На 1/X 1928 г.		На 1/X 1929 г.	
	В млн. руб.	В % к балансу	В млн. руб.	В % к итогу баланса	В млн. руб.	В % к итогу баланса
Актив:						
Касса и тек. счета	211,1	4,2	176,2	2	239,4	2,1
Валютн. цен.	257,6	5,2	303,5	3,4	404,9	3,5
Ценные бумаги	271,5	5,5	455,8	5,1	584,6	5
Уч.-ссудные опер. в т. ч.						
а) краткосрочн.	2 861,7	57,6	4 190,6	47	5 106,2	43,9
б) долгосроч.	876,0	17,6	3 158,6	35,4	4 321,8	37,2
Прочие активы	490	9,9	632,0	7,1	968,3	8,3
Баланс-нетто	4 967,9	100%	8 916,7	100%	11 625,2	100%
Пассив:						
Эмиссия	1 172,7	23,6	1 707,7	20,2	2 443,4	21
Капиталы	767,8	15,4	1 145,1	12,8	1 354,8	11,6
Счет прибылей и убытк. . .	159,6	3,2	211,5	2,4	265,3	2,3
Вклады и тек. счета НКФ .	368,9	7,4	450,3	5	599,7	5,2
» » » » прочие .	1 113,1	22,4	1 467,3	16,4	2 065,2	17,8
Сторонние средства	739,2	14,9	3 054,6	34,3	3 879,8	33,4
Прочие пассивы	646,6	13,1	790,2	8,9	1 017,0	8,7
Баланс-нетто	4 967,9	100%	8 916,7	100%	11 625,2	100%

¹ «Баланс-нетто» («чистый») в отличие от «баланса-брутто» («валового») представляет собой не механическую сводку балансов отдельных кредитных учреждений, в которых одни и те же суммы фигурируют по несколько раз, фиксируя простое движение сумм внутри системы и этим увеличивая объем баланса, но такую сводку, в которой по возможности эти балансовые фикции исключены. В этих целях при составлении помещенного в тексте сводного баланса сальдированы междуконторные расчеты и результатные счета, а также исключена внутрисистемная задолженность. В сводный баланс не входят гострудсберкассы и низовая кредитная кооперация.

За истекшие три года реконструктивного периода, т. е. с 1/X 1926 г. по 1/X 1929 года баланс-нетто в целом всей банковской системы увеличился с 4,9 млрд. руб. до 11,6 млрд. руб., т. е. более чем в два раза. Это несомненно огромный рост, равному которому не было и не могло быть ни в одной капиталистической стране в нормальных условиях (быстрый рост операций банков после проведения денежных реформ, напр. в Германии с 1924 года, относится к *восстановительному периоду* денежно-банковых систем и поэтому не показателен для сравнения с ростом банковских операций в СССР в течение рассматриваемого периода).

Рост банковских балансов, в большей или меньшей мере, всегда является показателем развития народного хозяйства. *Недоступные капитализму темпы экономического роста обусловили собой и эти исключительные темпы роста банковских операций.* Так как приведенный выше сводный баланс является «балансом-нетто», т. е. очищенным от фиктивных сумм, то он тем самым дает действительную картину роста банковского кредита в СССР. При этом весьма важна *качественная сторона этого роста балансов*, которая находится в прямой связи с особенностями реконструктивного периода экономики СССР.

Анализируя строение актива сводного баланса, мы видим, что при общем росте учетно-ссудных операций с 3,73 млрд. руб. на 1/X 1926 г. до 7,24 млрд. руб. (т. е. почти в два раза), на 1/X 1929 г. *темпы роста долгосрочных кредитных операций значительно обогнали темпы роста краткосрочных операций.* Так, в то время как на 1/X 1926 г. краткосрочные учетно-ссудные операции составляли 57,6% сводного баланса, а долгосрочные только 7,6% на 1/X 1929 г., первые составляли 43,9%, а вторые 37,2%, следовательно *удельный вес* последних в балансе возрос *вдвое*. В абсолютных цифрах долгосрочные операции увеличились с 876 млн. руб. до 4,32 млрд. руб., в то время как краткосрочные с 2,86 млрд. руб. до 5,10 млрд. руб.

В пассиве этому огромному росту долгосрочных операций соответствует главным образом увеличение так называемых «сторонних средств», преимущественно специальных целевых ассигнований из бюджета на финансирование народного хозяйства¹. Эта статья увеличилась за три года в пять раз, а именно: с 739 млн. руб., или 14,9% к итогу баланса до 3,87 млрд. руб., или 34,3% к итогу баланса. В то же время удельный вес вкладов и текущих счетов (включая счета НКФ) уменьшился с 29,8% до 23%, а счет эмиссии банкнот с 23,6% до 21%.

Этот *кардинальной важности сдвиг в строении сводного баланса банковской системы СССР является прямым следствием социалистической реконструкции экономики СССР.* Быстрый рост обобщественного сектора и отсюда расширение сферы охвата госбюджетом народного хозяйства приводит к относительному уменьшению роли чисто-банковых методов аккумуляции накоплений.

Если при капитализме накопления аккумулируются *фондовыми биржами и банками* и стихийно через этот аппарат направляются на фи-

¹ Кроме государственного и местного бюджета значительные суммы по статье «сторонние средства» ассигнуются только Цустражом.

нансирование народного хозяйства, то в СССР мы видим совершенно иную картину. Основные фонды накопления, которые могут быть использованы для долгосрочного финансирования народного хозяйства, аккумулируются в СССР, главным образом, *исбюджетом*. Эти средства распределяются между отраслями народного хозяйства и отдельными предприятиями не авторитарно и стихийно отдельными банками, как при капитализме, но в соответствии с общегосударственными планами развития промышленности, сельского хозяйства и транспорта. Эти средства, правда, распределяются *через банки, но как объем, так и сроки финансирования отдельных предприятий определяются плановыми органами*, конечно, при участии представителей тех специальных банков, которые финансируют отдельные отрасли народного хозяйства. Эту самую характерную черту советской банковской системы — *общегосударственное планирование кредита* мы рассмотрим в следующей главе, в связи с более детальным анализом активных и пассивных операций советских банков по группам банковской «клиентуры».

Литература (см. главу XXXVI)

Вопросы для повторения

- 1) Когда, как и почему была осуществлена национализация банков?
 - 2) Почему были ликвидированы банки в период «военного коммунизма»?
 - 3) Охарактеризуйте развитие банковской системы СССР в течение восстановительного периода?
 - 4) Как отразился переход от восстановительного к реконструктивному периоду на банковской системе?
-

ГЛАВА XXXV

КРЕДИТНЫЙ ПЛАН

ПАССИВНЫЕ И АКТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКИХ БАНКОВ

§ 1. Единый финансовый и кредитный план. § 2. Порядок составления кредитных планов. § 3. Формы кредитных планов. § 4. Пассивные операции советских банков. § 5. Сильные колебания денежной массы и депозитов. § 6. Государственный кредит в СССР. § 7. Сберегательные кассы. § 8. Кредит и бюджет. § 9. Активные операции советских банков. § 10. Формы взаимоотношений советских банков с их клиентурой. § 11. Рационализация форм активных операций.

§ 1. Кредитный план есть план перераспределения кредитными методами ресурсов народного хозяйства. Целью его является обеспечение народного хозяйства оборотными средствами в соответствии с общими экономическими задачами. Что же касается единого финансового плана, то он представляет собой совокупность всех финансовых мероприятий, направленных на перераспределение всех ресурсов хозяйства в соответствии с общим планом. Поэтому единый финансовый план строится на основе планов основных финансовых институтов и в частности кредитного плана.

Единый финансовый план СССР должен отражать финансовую сторону всего народно-хозяйственного плана СССР в целом и, следовательно, те основные задачи экономической политики пролетарского государства, которые являются определяющими и директивными моментами для планирующих органов. Финансовый план СССР—«это ставка на плановый режим, на плановую дисциплину. Вот почему в условиях пятилетнего плана особенно необходим финансовый план, этот капиталистский мостик, откуда можно будет наблюдать и регулировать движение механизма, обращающего народно-хозяйственные ресурсы в ресурсы планового хозяйства» (*М. И. Богослов*).

Поскольку еще значительную роль в экономике СССР играет частно-хозяйственный сектор, постольку единый финансовый план пока еще не в состоянии охватить всей суммы народного дохода СССР. Однако, по мере роста обобщественного сектора расширяется объем финансового плана. Так, финансовый план 1927/28 г. составлял 9,5 млрд. руб., или 38,1% народного дохода; в 1929/30 г. объем финансового плана возрос до 17,6 млрд. руб., или 43,3% народного дохода. В 1932/33 г. согласно пятилетки финансовый план должен возрасти до 76,8 млрд. руб. (по отправному варианту), что составит почти половину всего народного дохода СССР. Нужно полагать, что фактически объем финансового плана в 1932/33 г. значительно превзойдет

указанную цифру и составит значительно больший удельный вес в сравнении с народным доходом, поскольку темпы обобществления превосходят намеченные цифры пятилетки.

Единый финплан состоит из следующих элементов: а) финансовых планов отраслей народного хозяйства (промышленности, сельского хозяйства, транспорта, коммунального хозяйства, торговли), б) финансовых планов социально-культурного строительства (народное образование, социальное обеспечение, здравоохранение и социальное страхование), в) планов отдельных финансовых институтов (государственный и местный бюджет, банковая система и сберегательные кассы, госстрах).

Оптимальный вариант пятилетнего финплана составлен в сумме 86 005 млн. руб. с превышением против отправного варианта на 9 240 млн. руб. Каким же образом будут мобилизованы эти колоссальные ресурсы для финансирования строительства социализма в СССР? Следующая табличка показывает те основные рычаги, при посредстве которых будет осуществлена мобилизация этих многомиллиардных ресурсов (данные пооптимальному варианту):

	Сумма в млн. руб.	Удельный вес в %
1. Собственные средства хозорганов	18 961	22,1
2. Бюджетная система	44 709	52,0
3. Кредитная »	6 628	7,7
4. Соцстрах	9 180	10,7
5. Прочие источники ¹	6 527	7,5
Итого	86 005	100%

Мы видим, что сравнительно небольшую роль играет кредитная система: главным рычагом, осуществляющим мобилизацию финансовых ресурсов помимо собственных средств хозорганов, является *бюджетная система*. Относительное сокращение роли кредитной системы и усиление роли бюджетной системы, как рычагов мобилизации финансовых ресурсов, вполне соответствует *социалистическим тенденциям* развития хозяйственной системы СССР — непрерывному возрастанию *обобщественного сектора*.

Мобилизуемые финпланом финансовые ресурсы распределяются следующим образом. Если взять сумму финплана отправного варианта (76,8 млрд. руб.), то 62% всех средств идет на финансирование народного хозяйства, 26% на социально-культурные расходы (просвещение, здравоохранение и социальное обеспечение) и 12% на управление и оборону. Из дополнительных ресурсов оптимального варианта (9 240 млн. руб.) 81,5% идут на финансирование народного хозяйства, 16,7% на социально-культурные расходы и только 1,8% на управление и оборону.

Кредитные планы начали составляться сперва как планы распределения выпускаемых Государственным банком сумм банковых билетов. Постепенно планы изменили свой характер и стали рассматриваться как ориентировочная на квартал вперед наметка динамики основных банковских пассивных и активных статей. В первые годы многие неправильно толковали характер кредитных планов. Так, представители

¹ В «прочие источники» входят паевые накопления кооперации, иностранные кредиты, самообложение и пр.

банковой клиентуры склонны были рассматривать кредитные планы как нечто похожее на бюджетную роспись и требовали, чтобы суммы, намеченные в плане к выдаче, действительно отпускались банками при всяких условиях. Между тем кредитный план, разумеется, не бюджетная роспись. Приток средств в банки подвергается изменениям в зависимости от ряда обстоятельств и находится в связи с общей конъюнктурой народного хозяйства. Поэтому, если кредитный план намечает рост текущих счетов и прочих пассивов, например, на 400 млн. руб. за квартал и соответственно этому намечает увеличение учетно-ссудных операций, то реально вполне возможно, что прирост пассивов даст значительно меньше, скажем, 250 млн. руб. и при этом условии настаивать на выполнении плана по активным операциям было бы разумеется неправильно.

Фактические данные о выполнении кредитных планов свидетельствуют о расхождении между планами и действительностью. В значительной мере это несоответствие плановых предположений с последующим их выполнением объясняется недостатками самих методов кредитного планирования. Кроме того всякое заранее непредвиденное изменение в деятельности предприятий различных отраслей народного хозяйства сказывается и на соответствующем изменении работы банков.

Нарком финансов Н. П. Брюханов в свое время правильно сформулировал характер кредитного планирования в следующих словах: «Конечно, кредитные планы должны носить примерный, ориентировочный характер, так как нельзя вперед учесть всех колебаний хозяйственной обстановки... Однако от этого кредитные планы не теряют своего значения. Оставляя банкам достаточную свободу маневрирования, кредитные планы служат для банков основными директивами в их работе. Вместе с тем планы увязывают кредитную работу с общим хозяйственным руководством и окончательно укрепляют за кредитной системой роль одной из основных опор планируемого хозяйства»¹.

§ 2. Постановление СНК СССР от 8 сентября 1928 г. установило определенный порядок составления и прохождения планов краткосрочного кредитования. Центральным учреждением, составляющим сводный кредитный план, является Комитет по делам банков. За пять недель до наступления квартала Союзный комитет банков должен выработать и разослать всем правлениям центральных банков и республиканским совещаниям по делам банков директивы, указывающие, на каких основах составлять кредитные планы. К 25 числу последнего месяца квартала правления центральных банков и республиканские совещания по делам банков должны представить планы центральных банков и сводные по республикам кредитные планы в Союзный комитет банков. Комитет банков на основе представленных ему кредитных предположений вырабатывает проект директив о деятельности кредитной системы в течение предстоящего квартала, включая в этот проект указания о новых вопросах кредитной работы банков, о взаимоотношениях банков между собой и бюджетом, о конкретном направлении кредита в важнейшие отрасли хозяйства и т. д. Эти директивы рассматриваются правительством, и на основе их правления центральных банков уточняют свои кредитные планы. Не позднее чем через месяц по окончании квартала правления центральных банков и республиканские совещания по делам банков должны представлять в Комитет банков отчет о выполнении кредитных планов. Таким образом

¹ По мере роста обобществления и укрепления плановости хозяйственной системы СССР, а также совершенствования самих методов кредитного планирования, это последнее будет приобретать и в настоящее время (1930 г.) действительно приобрело более твердый характер, чем это было в 1927 или 1928 гг. (сравни гл. XXVIII). Кредитная реформа 1930 г. должна осуществлять новые методы кредитования, базирующиеся на *твердом* планировании всей системы кредита.

каждый банк имеет свои оперативные планы, составляемые на основе директив правительства.

§ 3. В конце 1928 г. Комитет банков установил новые формы кредитного планирования. В приходную часть плана включаются, во-первых, предположения о росте коммерческих текущих счетов, во-вторых, предположения о росте текущих счетов НКФина, в-третьих, предположения о росте текущих счетов страховых организаций, в-четвертых, намечаемые поступления от НКФина в порядке расчетов НКФина с банками, в-пятых, рост результативных счетов банков, в-шестых, рост капиталов и, в-седьмых, эмиссия. Расходная часть планов включает в себе предположения о расходах на фондовые операции, на оплату прибылей в казну, на кредитование хлебозаготовок и на кредитование прочих отраслей народного хозяйства. При этом кредитование сырьевых заготовок обычно выделяется в особую таблицу. Кредитование народного хозяйства расшифровывается по всем важнейшим отраслям.

Переходим к рассмотрению основных особенностей пассивных и активных операций советских банков. В первую очередь остановимся на пассивных операциях.

§ 4. В главе XXXIV, § 12 мы уже отметили кардинальный сдвиг в структуре банковских пассивов, а именно: сокращение удельного веса вкладов и текущих счетов. Но общий объем вкладов и текущих счетов все же возрос в два раза. Следующая таблица показывает размеры вкладов и текущих счетов по важнейшим группам клиентуры в начале 1929/30 хоз. года по сравнению с началом 1925/26 хоз. года.

Вклады и текущие счета по всей банковской системе СССР¹

Группы клиентуры	На 1/X 1925 г.		На 1/X 1929 г.	
	В млн. руб.	В % к итогу	В млн. руб.	В % к итогу
НКФ	294,6	23,7	599,7	23,9
Госпромышленн.	320,8	25,8	549,2	21,9
Госторговля (включ. хлеб. от.)	61,7	5	75,9	3,1
Транспорт	55,6	4,4	54,8	2,2
Кооперация (вся)	63,1	5,1	248,9	9,9
Местн. бюдж., страховые, коммунальные обществ. и проф. организ. и разные госорганы	392,5	31,5	911,1	36,3
Прочие и нераспредел.	56,8	4,5	70,0	2,7
ИТОГО	1 245,1	100%	2 509,6	100%
Кредитные учрежд.	61,1		149,9	
ВСЕГО	1 306,2		2 659,5	

¹ Суммы по НКФ даны со включением срочных вкладов; «связь» включена в группу «местного бюджета, страхования и пр.», частные лица включены в группу «прочие и нераспределенные».

Вклады и текущие счета возросли по всем группам клиентуры, но темпы этого роста различны. Удельный вес госпромышленности (включая электрификацию) в общей массе депозитов уменьшился с 25,8% до 23,9%, госторговли с 5% до 3,1%, транспорта с 4,4% до 2,2%. Увеличился удельный вес «местного бюджета, страховых, общественных и т. п. организаций» с 31,5% до 36,3%, а также кооперации в целом с 5,1% до 9,9%.

Из общей массы вкладов и текущих счетов на 1/X 1929 г. в сумме 2,4 млрд. руб. торгово-промышленные предприятия (госпромышленность, госторговля, транспорт и кооперация) имели всего 37,1%, а все прочие группы клиентуры, включая ПКФ—62,9%. Таким образом около $\frac{2}{3}$ вкладов и текущих счетов привлечены банками вне торгово-промышленного сектора и направлены на кредитование этого последнего.

В главе XXIV мы показали, что эмиссия средств обращения наряду с банкнотной формой осуществляется также и в депозитно-чековой форме. Однако, на основании балансовых данных капиталистических банков нет никакой возможности статистически определить, какая часть депозитов аккумулирована и какая «создана» банками в форме коррентного кредитования. Депозиты фиксируются на балансах одной или двумя статьями—«вклады» и «текущие счета». Наша банковская статистика, в соответствии с плановым характером экономической системы СССР, дает в отличие от капиталистических банков совершенно необходимую для плановых органов *отраслевую статистику*, на основании которой составлена приведенная выше таблица. По можно ли ответить на основании данных этой статистики вполне определенно на принципиально важный вопрос об аккумулированных и «созданных» депозитах?

До кредитной реформы 1930 года (см. главу XXXVIII) на этот вопрос точного ответа нельзя было дать. Однако, все же приведенные выше данные показывают, что около $\frac{2}{3}$ *общей массы депозитов не могли быть «созданы», ибо это—вклады и текущие счета тех групп клиентуры, которые не кредитуются или мало кредитуются в банках. О «созданных» и в этом смысле фиктивных депозитах можно говорить лишь по отношению $\frac{1}{3}$ вкладов и текущих счетов, приходящихся на торгово-промышленный сектор.*

Но какая часть из этой одной трети «создана» и какая «аккумулирована»? Дореформенная банковская статистика ответа на этот вопрос дать не может. Зато после реформы 1930 года возможность фигурирования на балансах фиктивных депозитов *совершенно исключена*. В связи с переходом на единый активно-пассивный коррентный счет ни одно предприятие фактически не сможет позволить себе «роскошь» быть одновременно и должником и кредитором банка, иметь задолженность по ссудным операциям банку и «свободный» текущий счет в том же банке...

Вклады и текущие счета так же как и денежная масса подвергаются в пределах каждого хозяйственного года более или менее закономерным *сезонным колебаниям*.

§ 5. В дореволюционное время денежная масса увеличивалась в осенние месяцы и затем сокращалась на протяжении всего остального

года. В настоящее время денежная масса сокращается лишь в течение второго квартала хозяйственного года и растет на протяжении всех остальных трех кварталов. Что же касается текущих счетов и вкладов, то они обычно вырастают в течение первого полугодия. В то же время осенью происходит начисление процентов, и таким образом рост вкладной операции в некоторой части является фиктивным; в зимние месяцы происходит накопление средств на текущих счетах некоторых промышленных организаций для последующего периода летнего строительства. Рост текущих счетов в зимние месяцы в соединении с сезонным сокращением сырьевых и заготовительных кредитов обеспечивает сезонное сокращение эмиссии во втором квартале. Сокращение текущих счетов в 3-м и 4-м кварталах оказывается столь значительным, что почти целиком съедает реальный прирост по вкладной операции, имевшей место в течение первого полугодия.

Банки СССР непосредственно очень мало привлекают средств широких слоев населения. Но привлечение свободных ресурсов населения происходит и по другим каналам, в частности, с помощью *государственного* кредита. Приведем краткие сведения о развитии государственного кредита в СССР.

§ 6. На 1 октября 1928 г. государственный долг СССР составлял около 1 300 млн. руб. Темп роста государственного долга возрастает из года в год. Так, на 1 октября 1926 г. всего государственных займов было выпущено на 417 млн. руб., на 1 октября 1927 г.—на 734 млн. руб., на 1 октября 1928 г.—на 1 300 млн. руб. (заем хозяйственного восстановления не включен). К 1 апреля 1929 г. сумма государственного долга дошла уже до 1 949,4 млн. руб. Государственные займы размещаются, с одной стороны, среди государственных и кооперативных учреждений, которые обязаны часть своих резервных капиталов помещать в облигации государственных займов, по главным образом среди населения. В первые годы новой экономической политики покупателями государственных займов являлись, как мы уже указывали выше, преимущественно частные предприниматели и капиталисты. В течение реконструктивного периода главными держателями государственных займов становятся рабочие и служащие. В связи с этим изменились методы реализации займов. 1-й и 2-й займы индустриализации распространены главным образом в порядке коллективной подписки. В настоящее время около 80% профессионально-организованных рабочих и служащих являются подписчиками на облигации государственных займов. Несомненно, положительным фактом является то, что в течение 1927/28 г. удельный вес широких слоев населения в качестве держателей займов значительно вырос по сравнению с обществленным сектором. Так, на 1 октября 1926 г. обществленный сектор держал 60,4% всех облигаций, а на 1 октября 1928 г. всего 49,2%. Еще весьма незначительно вовлечение средств деревни в государственные займы. Тем не менее государственный кредит является одним из самых основных каналов и путей, приспособленных для привлечения средств широких слоев населения в кредитную систему.

Реализация госзаймов по пятилетке предположена по оптимальному варианту в сумме 4 460 млн. руб., из коих в городе среди рабочих и служащих предположено

разместить займов на 3 000 млн. руб., среди неорганизованного городского населения на 450 млн. руб., в деревне на 710 млн. руб. и среди так называемых юридических лиц (учреждения, предприятия, общественные и пр. организации) на 300 млн. руб. Однако, финансовая пятилетка намечает очень большой процент «сброса» этих займов (т. е. продажи облигаций населением или получения ссуд под облигации у кредитных учреждений), а именно: 1 343 млн. руб., таким образом чистый бюджетный доход по госзаймам составит всего 3 116 млн. руб. Нужно полагать, что в связи с проведенными правительством СССР мероприятиями по закреплению облигаций госзаймов среди населения (см. гл. XXXVIII, § 12), процент «сброски» займов будет значительно ниже предполагаемого по плану.

Резервные капиталы промышленных и торговых организаций (государственных и кооперативных) должны помещаться в госзаймах, а именно в облигациях специально для этой цели выпускаемого 8⁰/₀-ного займа. По этому займу за пятилетие госпромышленность должна дать 1 077 млн. руб., госторговля 51,5 млн. руб., госстрах 85 млн. руб., а всего вместе с купонным доходом и обменом вышедших в тираж облигаций — 1 457,5 млн. руб.

Пятилетка намечает непрерывно возрастающий удельный вес доходов от госзаймов в бюджете (с 10,3⁰/₀ в 1928/29 г. до 12,3⁰/₀ в 1932/33 г.) и в бюджетном финансировании народного хозяйства (с 29,6⁰/₀ в 1928/29 г. до 30,7⁰/₀ в 1932/33 г.). Общая же сумма государственного долга возрастет к концу пятилетки до 6,4 миллиардов рублей по оптимальному варианту.

§ 7. Наряду с государственным кредитом значительную роль в качестве аппарата, привлекающего свободные средства населения, играют *сберегательные кассы*. В настоящее время в Советском Союзе насчитывается около 16 тыс. сберкасс. Остатки вкладов в них составляли на 1 октября 1928 г. — 315 млн. руб., а к 1 мая 1929 г. превысили 430 млн. руб. За 1927/28 г. прирост вкладов дал 127 млн. руб. Основными вкладчиками сберегательных касс являются горожане, а из горожан в первую очередь рабочие и служащие. Операции наших сберегательных касс значительно меньше операций сберегательных касс довоенного времени. Государственный кредит и сберегательные кассы являются более приспособленным аппаратом для привлечения средств населения, чем аппарат банков, который главным образом приспособлен для обслуживания процессов перераспределения кредитных ресурсов внутри обобщественного сектора СССР.

Рост поступлений по сберкассам за 5 лет предположен в сумме 1 426 млн. руб. Эти средства помещаются в облигациях госзаймов. В 1933 году остаток вкладов в сберкассах по плану составит 1,6 млрд. руб.

Наряду со сберкассами по пятилетке намечен также и прирост остатков на текущих счетах банков по оптимальному варианту в сумме 1 375 млн. руб. и по оптимальному в сумме 1 700 млн. руб. Этот прирост предположен по следующим группам текущих счетов:

	Отправ. (в млн. р.)	Оптимальн. (в млн. руб.)
Бюджет (вместе с особым бюджетным резервом)	400	450
Промышленность	200	250
Торговля и кооперация	200	250
Совхозы, колхозы и т. п. учр.	50	50
Страховые учреждения	225	300
Местный бюджет	100	150
Разные организации	200	250
ИТОГО	1 375	1 700

§ 8. Так как все доходы госпредприятий проходят через госбюджет, то по мере роста обобщественного сектора народного хозяйства вполне естественно должен расти и государственный бюджет. В реконструктивный период усилилось обязательное принудительное собрание средств государственных предприятий через бюджет, и поэтому темп его роста стал обгонять темп прироста банковской системы. По отправному варианту пятилетнего плана предполагается, что прирост государственного бюджета составит за пять лет 92,5%, а увеличение размеров перераспределяемых через банковую систему средств составит всего 71% по сравнению с предшествующим пятилетием. Согласно утвержденному правительством пятилетнему плану темп роста бюджета должен быть еще более быстрым. Так финансирование народного хозяйства из бюджета за пять лет — с 1928/29 до 1932/33 г. — должно увеличиться по сравнению с предшествующим пятилетием на 393%. Правда, большая часть этих средств будет направлена на финансирование народного хозяйства через аппарат банковской системы, но по существу — это средства бюджетного происхождения. Вопрос о соотношении бюджета и кредита приобретает поэтому большое значение. В наших условиях, при отсутствии денежного рынка, организованного по капиталистическому образцу, и при отсутствии фондовой биржи — на бюджет возложена основная задача по перераспределению средств, особенно долгосрочного характера. Тем не менее для кредита остается широкое поле деятельности. Именно потому, что кредит является не принудительным, а добровольным методом аккумуляции, в кредитной форме можно собирать такие средства, которые недоступны бюджету. Но преимущества организационной формы кредита особенно сказываются в области активных операций.

§ 9. Переходя к анализу активных операций советских банков, следует отметить, что размежевание между банками функций краткосрочного кредитования, с одной стороны, и долгосрочного финансирования — с другой, уже в значительной мере было осуществлено до кредитной реформы 1930 г., а именно в 1927 и 1928 гг., о чем подробно будет речь в XXXVI главе. В конце последнего хозяйственного года до реформы 1930 года краткосрочные и долгосрочные учетно-ссудные операции распределялись между отдельными элементами банковской системы СССР следующим образом (см. таблицу на стр. 401).

Мы видим, что по краткосрочному кредитованию доминирующее положение занимал Госбанк; его операции в этой области составляли на 1/X 1929 г. 4 млрд. руб., или 79% всей суммы краткосрочных учетно-ссудных операций. Зато по долгосрочному кредитованию на Госбанк приходилось всего 2,9% общей суммы задолженности банковской клиентуры по этим операциям. У кооперативных банков краткосрочные операции в два раза превышали размер долгосрочных, но в общей сумме краткосрочных операций всей банковской системы составляли всего 5,3%. Более широко вели краткосрочные операции городские и коммунальные банки, хотя основными их операциями являлись долгосрочные. Эти последние на 1/X 1929 г. составляли 1389,7 млн. руб., в четыре раза превышая сумму краткосрочных операций. Все же коммунальные банки до последнего времени оставались главнейшими «конкурентами» Госбанка

Учетно-ссудные операции по всей банковской системе СССР на 1/X 1929 г.

Кредитные учреждения	Краткосрочные операции		Долгосрочные операции		Учетно-ссудные операции в целом	
	В млн. руб.	В % к итого	В млн. руб.	В % к итого	В млн. руб.	В % к итого
Госбанк	4 043,0	79,1	114,4	2,6	4 157,4	44,1
Акц. б-ки кратк. к-та . . .	140,2	2,7	12,0	0,3	152,2	1,6
Б. Д. К.	—	—	1 766,1	40,9	1 766,1	18,7
Кооперат. б-ки	270,7	5,3	136,9	3,2	407,6	4,3
Коммунал.	360,3	7,1	1 389,7	32,1	1 750,0	18,6
Система сел.-хоз. кр.	275,6	5,4	902,7	20,9	1 178,3	12,5
О. В. К.	16,4	0,4	—	—	16,4	0,2
ИТОГО . . .	5 106,2	100%	4 321,8	100%	9 428,0	100%

по краткосрочным ссудным операциям, размер которых на 1/X 1929 г. составлял 360,3 млн. руб., или 7,1% общей суммы краткосрочных операций. Что касается системы сельскохозяйственного кредита, то их краткосрочные операции составляли 5,4% общей суммы этих операций.

По долгосрочному кредитованию, как показывает таблица, первое место занимает Б. Д. К. (Банк долгосрочного кредитования промышленности), в руках которого целиком сосредоточилось финансирование госпромышленности и электрификации. Этому банку принадлежит 40,9% общей суммы долгосрочных операций¹. Второе место по долгосрочному кредитованию занимала система коммунального кредита (32,1%) и, наконец третье место—система сельскохозяйственного кредита (20,9%). Кооперативные банки и Госбанк играли в этой области незначительную роль, а именно: им принадлежало всего 5,8% общей задолженности.

Наконец, если суммировать краткосрочные и долгосрочные операции, то на первом месте по размеру операций окажется Госбанк (44,1%), на втором месте—Б. Д. К. (18,7%) и система коммунального кредита (18,6%) и на третьем месте—система сельскохозяйственного кредита (12,5%). Незначительную роль играли кооперативные банки (4,3%), три акционерных банка краткосрочного кредита (1,6%) и Общества взаимного кредита (0,2%).

¹ До 1/X 1929 г. сумма задолженности по Б. Д. К. была значительно выше: большие суммы задолженности промышленной клиентуры по Б. Д. К. были списаны в порядке перечисления банковской задолженности в безвозвратные бюджетные ассигнования.

Выяснив удельный вес отдельных банковых систем в долгосрочных и краткосрочных кредитных операциях, посмотрим, как в целом по всей банковской системе на 1/X 1929 года распределялись фонды кредитования между основными группами банковской клиентуры. Это показано в нижеследующей таблице¹:

Группы клиентуры	Сумма задолженности в млн. руб.	В % к общей сумме задолженн.
Госпромышленность	4 431,7	48,5
Электрификация	439,0	4,8
Госторговля	741,2	8,1
Транспорт и связь	192,9	2,1
Прочие госорганы	450,3	4,9
Кооперация:		
1) потребительская	520,8	5,7
2) куст.-пром.	246,7	2,7
3) с.-х. и кред.	1 400,7	15,3
4) жилищная	447,6	4,9
5) прочая	44,9	0,5
Частная клиентура	50,7	0,6
Прочие и нераспред.	176,2	1,9
ВСЕГО	9 142,7	100%
Кредитные учр. (вне сист.)	260,6	—
ИТОГО	9 403,3	—

¹ 1) В графу «прочие и нераспределенные» включены профессиональные и общественные организации. 2) Задолженность внутри системы исключена. 3) Общая сумма задолженности (9 403,9 млн. руб.) несколько меньше приведенной на стр. 391 суммы задолженности по всей банковской системе (9 428,0), составленной на основании балансовых данных. Это расхождение объясняется различием методов статистического и балансового учета ссудных операций. Впрочем это расхождение незначительное (всего 0,2%) и для нашего анализа не имеет значения. 4) Кредитование сельского хозяйства проходит главным образом по группе «сельскохозяйственной и кредитной кооперации», но отчасти (хотя и незначительно) также и по другим группам, как напр. по «прочим госорганам», кроме того сельское хозяйство получает также кредиты за счет средств, непосредственно аккумулированных низовой сельскохозяйственной кредитной кооперацией.

Следует прежде всего заметить, что данные банковской статистики, на основании которых составлена эта таблица, представляют большую ценность, ибо позволяют дать отраслевой анализ кредитных операций банковской системы СССР. *Этим наша статистика принципиально отличается от банковской статистики капиталистических стран.* Однако до реформы 1930 года эта отраслевая банковая статистика все же не могла служить надежным и исчерпывающим материалом, по которому можно было бы судить о распределении кредитных ресурсов между отраслями народного хозяйства и исключительно на этих данных базироваться при планировании кредита. Дело в том, что банковской статистикой учитывается задолженность тех предприятий, которые непосредственно у банков получили кредит; при наличии же *коммерческого кредита*, который одни предприятия представляли другим, происходило до некоторой степени «стихийное» перераспределение кредитных ресурсов. В результате оказывалось, что некоторые предприятия имели заемных средств больше, а другие меньше той суммы, которая непосредственно была получена у банков. Все же отраслевая банковая статистика и до кредитной реформы 1930 года давала более или менее соответствующую действительности картину распределения ресурсов кредитования по отраслям народного хозяйства. Поэтому с настоящей оговоркой мы считаем возможным при теоретическом анализе пользоваться данными отраслевой банковской статистики. Поправку следует внести лишь по отношению к госпромышленности, которая без сомнения некоторую часть своих кредитов передала торговле, главным образом кооперативной.

Приведенные в таблице данные показывают, что более половины (53,3%) общей задолженности падает на госпромышленность и электрификацию. Задолженность госторговли вместе с потребительской кооперацией составляет всего 13,8%. Кредитование сельского хозяйства проходит преимущественно по линии сельскохозяйственной и кредитной кооперации и составляет 1,4 млрд. руб., или 15,3% общей суммы задолженности (см. примечание к таблице, помещенной на стр. 102.) *Такое распределение кредитных фондов* (если даже учесть, что госпромышленность некоторую часть кредитов передала торговле) *отражает собою высокие темпы индустриализации нашей страны.* Основной поток кредитных ресурсов идет в промышленность. При этом внутри госпромышленности из года в год возрастает удельный вес задолженности *тяжелой индустрии*. Также весьма показательным, что сельскохозяйственная и кредитная кооперация получила 15,3% общих фондов кредитования, в то время как вся торговля всего 13,8%. Наконец приведенные данные показывают, что *частному капиталу* совершенно закрыт доступ к фондам кредитования. Те 0,6%, или 50 млн. руб., которые приходится на группу «частной клиентуры», представляют собой главным образом задолженность по ссудам под облигации госзаймов.

Такова общая картина распределения фондов банковского кредитования между «группами клиентуры», более или менее совпадающими с основными отраслями народного хозяйства. Не подлежит сомнению, что в *общем это распределение соответствует основным принципам экономической политики СССР и отражает собою все основные особенности социальной и экономической структуры СССР.*

Если госпромышленность и электрификация являются основной, активной клиентурой банков, то, как показывают приведенные выше данные (стр. 396) о пассивных операциях, эти же группы клиентуры являются одновременно и крупными вкладчиками банков. Поэтому для того, чтобы получить более точное представление о «чистой» задолженности основных групп клиентуры, нужно из задолженности этой клиентуры исключить сумму их вкладов и текущих счетов. С другой стороны, сравнивая

сумму их задолженности с суммой их же депозитов, мы получаем, так сказать, «коэффициенты активности», т. е. число, показывающее, во сколько раз сумма задолженности данной клиентуры превышает сумму их депозитов. Это чистое сальдо задолженности и «коэффициенты активности» основных групп торгово-промышленной клиентуры показаны в следующей таблице:

Группы клиентуры	Задолженность на 1/X 1929 г. (в млн. руб.)	Вклады и тек. счета на 1/X 1929 г. (в млн. руб.)	Коэффициент активности	Активное сальдо в абсолютных цифрах (в млн. руб.)
Промышленность и электрификация	4 870,7	, 549,2	8,9	4 320,5
Госторговля	741,2	75,9	9,8	665,3
Кооперация	2 660,7	2 18,9	10,7	2 411,8
Транспорт	192,9	54,8	3,5	138,1
Вся «клиентура» в целом, включая прочие группы .	9 142,7	2 659,5	3,4	6 483,2

При общей сумме задолженности всей клиентуры в сумме 9,1 млрд. руб. действительная задолженность, полученная за вычетом депозитов, составляет с округлением $6\frac{1}{2}$ млрд. руб.; соответственно уменьшаются и суммы чистой задолженности отдельных групп клиентуры. Эта «*нетто-задолженность*» значительно уменьшает действительную сумму переданных банковской системой торговле, промышленности и транспорту новых и аккумулированных вне этих отраслей ресурсов. Однако это ни в коей мере не нарушает сделанных выше общих выводов на основании данных отраслевой статистики по активным операциям. Удельный вес в общей массе кредитования основных групп клиентуры меняется незначительно и не вносит существенных изменений в ту картину распределения фондов кредитования, которая была дана нами выше.

«Коэффициенты активности» показывают, что отношение между депозитами и задолженностью представляет по всем группам торгово-промышленной клиентуры (за исключением транспорта) сравнительно устойчивые величины, а именно: от 8, 9 до 10, 7. Таким образом мы приходим к выводу, что *депозиты торгово-промышленной клиентуры (исключая транспорт) составляют в среднем $\frac{1}{10}$ суммы предоставленных им от банков кредитов.*

Банки получают средства для кредитования предприятий торговли и промышленности не за счет депозитов других предприятий тех же групп клиентуры, но за счет бюджетных ресурсов и депозитов нехозяйственных организаций и учреждений, а также за счет эмиссии банкнот. Депозиты всей банковской клиентуры в целом (включая нехозяйственные организации) составляют 2,65 млрд. руб., а задолженность

9,14 млрд. руб., след. общий «коэффициент активности» равен 3,4. Это значит, что депозиты банков СССР менее, чем на $\frac{1}{3}$, покрывают сумму их учетно-ссудных операций. *Депозиты же торгово-промышленной клиентуры, составляя всего $\frac{1}{10}$ ее задолженности банкам, представляют собою по преимуществу предоставленные им от банков кредиты. Это большей частью средства, необходимые для текущих платежей, но отнюдь не те действительные свободные средства, которые могли бы быть перераспределены банками.* Но некоторая часть депозитов промышленности действительно аккумулирована банками и перераспределяется внутри промышленности.

С переходом на единый контокоррентный счет (см. главу XXXVIII) фиктивная «аккумуляция» депозитов торгово-промышленной клиентуры совершенно отпадет, и данные банковской отраслевой статистики будут показывать действительную сумму средств, полученных госпромышленностью и торговлей извне.

По пятилетнему плану намечен прирост задолженности по краткосрочному кредиту в сумме 3 375 млн. руб. (оптимальный вариант) и 2 700 млн. руб. (отправной вариант). Этот прирост падает на следующие группы клиентуры:

	Отправной вариант	Оптимальный вариант
Промышленность ВСНХ	1 200	1 300
Промышленность прочая	150	200
Торговля и кооперация	850	1 300
Сельское хозяйство	350	350
Транспорт	50	75
Другие отрасли	100	150
ИТОГО	2 700	3 375

Сравнивая эти данные с помещенными на стр. 399 данными о распределении прироста вкладов и текущих счетов, можно констатировать значительное возрастание активного сальдо торговли и промышленности. Так, по оптимальному варианту текущие счета промышленности возрастают на 250 млн. руб., задолженность на 1 500 млн. руб., активное сальдо — 1 250 млн. руб.; по торговле и кооперации это сальдо равно 1 050 млн. руб.; по сельскому хоз-ву 300 млн. руб. и т. д.

Активное сальдо торгово-промышленной клиентуры банков покрывается приростом текущих счетов государственного и местного бюджета, страховых учреждений и прочих организаций. Однако, в целом по всей клиентуре общий прирост задолженности в сумме 3 375 млн. руб. покрывается приростом текущих счетов только на 1 700 млн. руб., следовательно, остается непокрытое сальдо в сумме 1 675 млн. руб.

Кроме того в активах банков предположен прирост кассы к концу пятилетия (по оптимальному варианту) в сумме 50 млн. руб., ценных бумаг в сумме 150 млн. руб.

и валютных ценностей в сумма 500 млн. руб.; таким образом непокрываемое приростом текущих счетов активное сальдо равно 2 375 млн. руб. Эти 2 375 млн. руб. покрываются предположенным по плану ростом «капиталов» и «прибылей» банков в сумме 750 млн. руб., поступлениями по расчету с бюджетом в сумме 375 млн. руб., всего 1 125 млн. руб. Таким образом окончательное сальдо, непокрываемое наличными пассивами банков, равно 1 250 млн. руб. На эту именно сумму будут «созданы» пассивы Госбанком, а именно в форме эмиссии банкнот. Вопросы о том, в какой мере эта сумма эмиссии банкнот обоснована в плане пятилетки, мы уже касались в главе XVII, § 6.

§ 10. Средства, отпускаемые кредитной системой различным отраслям народного хозяйства, играют весьма важную роль в составе основных и оборотных капиталов этих отраслей. Поэтому те формы, в которые выливаются взаимоотношения банков с их клиентурой, имеют большое народнохозяйственное значение. Поскольку подавляющую часть банковской клиентуры составляют государственные предприятия, постольку в случае неисправности предприятий в погашении банковской задолженности могут применяться лишь ограниченные мероприятия, не ставящие под угрозу развитие деятельности таких государственных предприятий. Зато значительно расширяется и должна быть расширена деловая связь банков с клиентурой. Благодаря такой связи и, в частности, методу банковского контроля кредитные учреждения могут быть в курсе дела своего клиента и во-время сигнализировать о неблагоприятно сложившемся финансовом положении. В последние годы развивалась практика таких договорных соглашений между банками и их клиентурой, которые делают связь между ними особенно тесной. Так, Государственный банк заключил договоры с целым рядом промышленных предприятий, устанавливающие передачу Государственному банку кассовых функций соответствующих предприятий. В связи с этим необходимо остановиться еще на характеристике финансовой работы синдикатов.

Синдикаты за последние годы взяли на себя обязанность почти полного снабжения входящих в синдикат промышленных предприятий необходимым сырьем и материалами и вместе с тем размещения их продукции на рынке. Еще несколько лет назад финансовые взаимоотношения внутри промышленности складывались следующим образом. Тресты получали от синдиката сырье и расплачивались векселями. Синдикат получал от треста продукцию и также выдавал вексель. И тот и другой вексель учитывались в банке. В результате получался встречный поток векселей. Вексельное обращение чрезмерно раздувалось, банки теряли возможность четкого и правильного кредитования товарооборотов. В дальнейшем это положение значительно изменилось. В большинстве синдикатов проводилась такая практика, при которой синдикат открывает трестам специальные «открытые» счета. На эти счета заносятся все встречные обязательства треста синдикату и наоборот. Значительная часть встречных обязательств взаимно погашается и лишь на сумму несальдированных обязательств происходит оплата. Таким образом синдикат брал на себя некоторые расчетные банковские функции. Когда же Государственный банк заключал договор например с Всесоюзным текстильным синдикатом о том, что организуется специальное отделение Государственного банка при

правлении ВТС, которое берет на себя выполнение расчетно-кассовых функций синдиката, то это означало, что *Государственный банк превращался в центр расчетов внутри соответствующей отрасли хозяйства*. Такая практика развивалась до 1930 года не только Государственным банком. Благодаря таким мероприятиям достигается тесная связь советских банков с их клиентурой, в результате чего банки лучше знают хозяйственное положение своей клиентуры и оказываются в состоянии более правильно производить ее кредитование.

§ 11. В соответствии с только что описанными процессами происходит рационализация форм активных операций. Особенность советских активных операций состоит в их преимущественно *целевом характере*. Деньги даются согласно установленному плану на определенную цель. Целевые кредиты занимают все более и более видное место среди активов банковской системы. Но надо сказать, что и те операции, которые по форме не являются целевыми, в действительности также производятся лишь потому, что банки считают целесообразным кредитовать соответствующую операцию. *Планово-целевой характер советского кредита делает для нас неприемлемой вексельную форму кредитования*. Поэтому уже в 1929 году стали практиковаться другие формы банковских операций: банки развивают контокоррентные операции. Формы банковской деятельности непрерывно упрощаются и рационализируются. Новые кредитные формы должны обеспечивать точность в расчетах и соответствовать целевому характеру кредитования. Весьма важным нововведением должно явиться постепенное прекращение кредитования банком продавца товара и переход к непосредственному кредитованию покупателя. Эти изменения внесут большую ясность во взаимоотношения между банковской системой и ее клиентурой. Процесс радикальной рационализации банковской деятельности и приспособления ее к условиям советской экономики на данном этапе ее развития был завершен кредитной реформой 1930 года (см. главу XXXVIII.)

Литература (см. главу XXXVI).

Вопросы для повторения

- 1) Какое значение имеют кредитные планы?
- 2) В чем причины расхождения кредитных планов с действительностью?
- 3) Каков конкретный порядок кредитного планирования?
- 4) Как изменилась структура пассивов советских банков в течение реконструктивного периода?
- 5) Какую роль играют наряду с кредитом другие финансовые институты, собирающие денежные средства?
- 6) Как распределяются по отраслям учетно-ссудные операции советских банков?
- 7) В чем состоят новые формы взаимоотношений банков с клиентурой?

ГЛАВА XXXVI.

СТРОЕНИЕ БАНКОВОЙ СИСТЕМЫ СССР НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1930 ГОДА

§ 1. Развитие сети кредитных учреждений. § 2. Взаимоотношения Госбанка с другими банками. § 3. Доводы за и против единого банка. § 4. Законодательные акты по реорганизации банковской системы. § 5. Реорганизация банковской системы СССР в 1927/28 г. § 6. Банковая система СССР после реформы 1927/28 г. § 7. Учреждения краткосрочного кредитования, кроме Государственного банка. § 8. Система сельскохозяйственного кредита. § 9. Долгосрочное кредитование промышленности. § 10. Особенности долгосрочного кредитования промышленности. § 11. Задачи банка долгосрочного кредитования промышленности.

§ 1. Когда в 1926 г. обнаружилось замедление в росте пассивов банков и одновременно стала ясна ненормальность острой конкуренции между существующими кредитными учреждениями за клиентуру, то во весь рост встала проблема рационализации кредитной системы. Первой задачей этой рационализации являлось сокращение сети кредитных учреждений. К 1 октября 1926 г. в составе кредитной сети СССР было до 1400 банковских единиц. С этого времени началось сокращение сети кредитных учреждений, несмотря на увеличение баланса и объема работы всей банковской системы в целом: в результате — сокращение расходов на банковский аппарат и удешевление кредита.

§ 2. Вопрос о взаимоотношениях Государственного банка с другими банками в течение ряда лет стоял в центре внимания и вызывал оживленные споры и полемику. Вопрос о роли Государственного банка среди других кредитных учреждений ставился так: Государственный банк должен быть или «банком банков» (по образцу Английского банка) или мощным кредитным институтом, непосредственно обслуживающим все кредитные нужды народного хозяйства. При организации Государственного банка в 1921 г. считалось, что он будет единственным кредитным институтом, обнимающим все виды и формы кредитных отношений. Под влиянием быстрого роста восстановительного процесса в народном хозяйстве происходил почти стихийный рост различных самостоятельных кредитных учреждений, обслуживающих различные отрасли народного хозяйства. Уже к концу 1923 г. «борьба» Государственного банка со специальными банками начала принимать довольно резкие формы. При этом в течение восстановительного периода, когда быстро увеличивались текущие счета в специальных банках и эти банки могли поэтому чувствовать себя в достаточной мере независимыми от Государственного банка, последний оказался в положении обороняющегося: специальные банки требовали, чтобы Государственный банк не занимался непосредственным кредитованием народного хозяйства, а производил свои операции через другие банки. С переходом к реконструктивному периоду, когда приток средств на текущие счета значительно сократился и для развития своей деятельности специальные банки оказались вынужденными обращаться за поддержкой к Государственному банку, пользовавшемуся привилегией банкнотной эмиссии, — положение резко изменилось. В то же время прои-

зошло сосредоточение всей казначейской наличности в Государственном банке, вследствие чего временно свободные средства НКФина в Государственном банке быстро возросли. Тогда был выдвинут проект превращения Государственного банка в единый центральный банк краткосрочного кредита с прекращением самостоятельного существования других специальных банков.

§ 3. Защитники того взгляда, что Государственный банк должен передавать свои средства не непосредственно народному хозяйству, а через кредитные учреждения, превращаясь в «банк банков», выдвинули целый ряд соображений, подкрепляющих эту позицию. Они соглашались с тем, что в кредитной системе СССР не существовало в то время достаточного единства и что та конкуренция между банками, которая имела место в то время, не совместима с сущностью советского государства. Однако выход они видели в усилении со стороны Государственного банка планового руководства всей банковской системой. Такой порядок работы, при котором образовались в каком-либо из специальных банков сезонные накопления свободных средств распределяются через посредство Государственного банка по всей кредитной системе, возможен был якобы только при условии, если бы Государственный банк прекратил самостоятельное обслуживание кредитом народного хозяйства и конкуренцию со специальными банками. Далее защитники разбираемого взгляда указывали, что при больших размерах обслуживаемой территории невозможно установить непосредственные связи всех клиентов с одним только банком. Трудно себе представить, чтобы все хозяйственные организации могли пользоваться всеми видами банковского кредита из одного лишь кредитного учреждения. Промышленная и торговая деятельность Советского Союза с каждым годом усиливается и дифференцируется. Отдельные отрасли хозяйства принимают грандиозные размеры. Отсюда вытекают большие требования к организации кредитования. Связь каждого специального банка с обслуживаемой им отраслью хозяйства обеспечивает приспособление к специфическим свойствам кредитных потребностей клиентов.

Доводы другой группы экономистов и практиков, которые защищали монополию Государственного банка, сводились к следующему. Прежде всего указывалось, что важнейшая задача, стоящая перед Государственным банком, а именно — сохранение устойчивости валюты банковскими методами — может быть обеспечена лишь в том случае, если Государственный банк будет непосредственно кредитовать народное хозяйство. Только в этом случае Государственный банк сможет своевременно принимать меры для регулирования денежного обращения. Далее, возражая на приведенные выше доводы сторонников специальных банков, защитники Государственного банка указывали на то, что в условиях СССР число банковских клиентов весьма невелико и их легко обслужить относительно малым количеством банковских единиц. Равным образом можно с помощью соответствующей рационализации форм и методов взаимоотношений банков с клиентурой привыкнуть к дифференцированным особенностям каждого клиента. В то же время такая рационализация даст возможность сократить банковскую сеть и тем самым достичь значительной экономии государственных средств.

§ 4. Вопрос об организационном строении банковской системы СССР был решен в соответствии с тем положением внутри банковской системы, которое сложилось к началу реконструктивного периода. Переход к реконструктивному периоду вызвал сокращение роста текущих счетов и, следовательно, привел к ослаблению тех источников, которые питали работу специальных банков. Этот процесс совершенно противоположен тому, который имел место в начале XX в. в западноевропейских странах. Там постепенно коммерческие банки, работающие при помощи все возрастающих вкладов и текущих счетов, сумели оттеснить банкнотно-эмиссионный банк с денежного рынка. *У нас же с того времени, как текущие счета стали относительно падать и стали увеличиваться роль и значение ресурсов НКФина, которые*

концентрировались только у Государственного банка, исчезла почва для дальнейшего развития самостоятельных специальных банков. Но самое существенное заключается в том, что усиление планового регулирования хозяйственных процессов повлекло за собой требование наиболее полного *единства* кредитной политики. Поэтому при выборе тех или других организационных форм банковской системы преимущество должны были получить те формы, которые в наибольшей мере обеспечивают такое единство. По этому именно пути пошло правительство СССР.

§ 5. 15 июня 1927 г. ЦИК принял постановление «о принципах построения кредитной системы». Согласно этому постановлению Комитет по делам банков, учрежденный еще в 1924 г. при правлении Государственного банка, был передан в ведение Народного комиссариата финансов. Задачей Комитета по делам банков и его республиканских и местных органов являлось согласование деятельности кредитных учреждений и, в частности, рассмотрение сводных квартальных кредитных планов. Положение устанавливало принципы размежевания клиентуры между банками, в целях прекращения конкуренции между ними. Как правило, один клиент должен кредитоваться только в одном банке.

17 февраля 1928 г. правительством было принято новое постановление, которое окончательно разрешило спорные вопросы. Краткосрочное кредитование промышленности и торговли было изъято из сферы деятельности Промбанка и Электробанка и сконцентрировано главным образом в Государственном банке. Вместе с тем организовался новый специальный *Банк долгосрочного кредитования промышленности и электрохозяйства*. Ряд последующих постановлений, относящихся к деятельности Внешторгбанка и местных коммунальных банков, постепенно сокращал роль и значение краткосрочных операций этих кредитных учреждений, передавая краткосрочное кредитование в Государственный банк.

§ 6. Банковая система СССР, построенная на основе реформы 1927/28 г., состояла из следующих основных элементов. К учреждениям, которые обслуживают исключительно краткосрочное кредитование товарного обращения, относятся: *Государственный банк*, *Внешторгбанк*, *Средазбанк* (Средне-азиатский банк), *Дальбанк* (Дальневосточный банк), *кооперативные банки и общества взаимного кредита*. Кредитными учреждениями, которые обслуживают исключительно операции долгосрочного кредита, являются: *Банк долгосрочного кредитования промышленности и электрохозяйства* (БДК) и *Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства* (Цекомбанк). Наконец к учреждениям, в которых преобладают долгосрочные операции, но краткосрочное кредитование играет также значительную роль, относятся центральные и местные учреждения сельскохозяйственного кредита и местные коммунальные банки. О размере операций различных элементов банковской системы СССР свидетельствуют приводимые ниже цифры балансов (брутто) на 1 октября 1929 года, т. е. на конец последнего года перед кредитной реформой 1930 года.

§ 7. Особенности реконструктивного периода, как и концентрация краткосрочных кредитных операций, в Государственном банке значительно сократили удельный вес и значение таких кредитных учреждений, как кооперативные банки (Всекобанк и Украинбанк) и Внешторгбанк. Особенно пострадали в течение реконструктивного периода общества взаимного кредита. За два года, с 1 октября 1926 г. по

Название кредитных учреждений	Сумма балансов-брутто	
	В млн. руб.	В % к сводному балансу
Госбанк	9 130,3	51,1
Асс. комм. банки кратк. кредита	234,9	1,3
Кооперативные банки	642,0	3,6
Банк Долгосрочн. кредита	2 008,1	11,2
Коммунальные банки	2 385,2	13,4
Система сельскохозяйственного кредита	3 428,7	19,2
Общества взаимного кредита	29,5	0,2
Итого	17 858,7	100%

1 октября 1928 г., общества взаимного кредита потеряли больше половины своего баланса. Что касается Внешторгбанка и обоих окраинных банков — Средазбанка и Дальневосточного, — то эти банки в результате реформы 1928 г. оказались в полном подчинении у Государственного банка. Их самостоятельное существование не нарушало принципа единого руководства Государственного банка. Важнейшая задача этих кредитных учреждений сводится к обслуживанию внешней торговли. Что касается кооперативных банков, то до реформы 1930 года они развивали широкую деятельность в направлении накопления паевых взносов различных ветвей кооперации, привлечения текущих счетов своей клиентуры и обслуживания расчетных операций между кооперативными организациями.

§ 8. В систему сельскохозяйственного кредита до реформы 1930 года входили: Центральный сельскохозяйственный банк, сельскохозяйственные республиканские банки, общества сельскохозяйственного кредита, союзы кредитных товариществ и инзовые кредитные товарищества. Средства, ассигнуемые из бюджета для тех или других сельскохозяйственных мероприятий, прежде чем дойти до нисовой сети, проходили через три-четыре звена. Для усиления связи между различными звеньями системы сельскохозяйственного кредита был издан ряд положений и правительственных постановлений. Так, постановление ЦИК от 13 февраля 1929 г. «о системе сельскохозяйственного кредита», подчеркивая исключительное значение системы сельскохозяйственного кредита для всего про-

цесса реконструкции сельского хозяйства, установило, что основной задачей системы сельскохозяйственного кредита является долгосрочное и краткосрочное *производственное* кредитование сельского хозяйства, а именно, в первую очередь, производственное кредитование различных *объединений* крестьянских хозяйств и также *индивидуальных* середняцких и бедняцких крестьянских хозяйств. Это кредитование должно быть направлено, во-первых, на производство сельскохозяйственных продуктов и на первичную их переработку, во-вторых, на производственные нужды промыслового и сельскохозяйственного значения и, в-третьих, на нужды переселения. Что касается финансирования операций по снабжению и сбыту, то эти операции должны постепенно передаваться Государственному банку и кооперативным банкам путем непосредственного кредитования этими банками второго звена системы сельскохозяйственного кредита. Таким образом кооперативные звенья (союзы и кооперативные товарищества) должны получать производственные кредиты у высших звеньев сельскохозяйственной системы, а торговые кредиты у Всекобанка и Государственного банка.

Сеть учреждений сельскохозяйственного кредита весьма многообразна. К началу 1928/29 г. она состояла из 9 тыс. сельскохозяйственных товариществ, 70 обществ сельскохозяйственного кредита, 58 сельскохозяйственных союзов, 6 республиканских сельскохозяйственных банков и Центрального сельскохозяйственного банка. Число членов первичной сети неуклонно растет. Равным образом ресурсы системы сельскохозяйственного кредита также увеличиваются. Однако основным недостатком системы является очень слабое привлечение средств самого крестьянского населения. Текущие счета и вклады в учреждениях сельскохозяйственного кредита играют незначительную роль. Средства на кредитование сельского хозяйства система черпает почти *исключительно у государства*. Так, на 1 октября 1928 г. средства всей системы составляли в круглых цифрах около 1 млрд. руб. и на эту сумму было привлечено средств крестьянского населения, в виде вкладов, около 10 млн. руб. и в виде паев около 50 млн. руб., т. е. средства крестьянского населения составляли всего 6%. На этот недостаток было обращено за последнее время большое внимание и задача мобилизации средств крестьянского населения поставлена как боевая задача системы сельскохозяйственного кредита. Основными очередными задачами, стоящими перед системой сельскохозяйственного кредита, являются: *поддержка и развитие производственного кооперирования бедняцкого и середняцкого населения, всемерное облегчение снабжения колхозов и совхозов сельскохозяйственными машинами с помощью особых льгот по линии кредита, всемерное увеличение фондов кредитования середняка и бедноты, организация специального текущего контроля за выполнением директив, даваемых по системе сельскохозяйственного кредита и вообще развитие всей кредитной работы системы в соответствии с решениями XV съезда партии о реконструкции деревни.*

§ 9. С переходом к реконструктивному периоду долгосрочный кредит, как уже отмечалось, начал развиваться особенно быстрым тем-

пом. Удельный вес долгосрочного кредита по сравнению с краткосрочным непрерывно увеличивался. Сопоставляя динамику краткосрочных и долгосрочных кредитов по всей банковской системе на протяжении реконструктивного периода, можно прийти к таким выводам. В течение первого года реконструктивного периода в 1925/26 г. общий прирост краткосрочных кредитов равнялся приросту долгосрочных. В 1926/27 г. прирост краткосрочных кредитов (702 млн. руб.) оказался значительно меньше, чем прирост долгосрочных (946 млн. руб.), в течение же 1927/28 г. краткосрочные кредиты выросли всего на 570 млн. руб., а долгосрочные на 1514 млн. руб., т. е. почти в три раза больше. Если на 1 октября 1925 г. по всей кредитной системе краткосрочные учетно-ссудные операции превышали долгосрочные операции в $5\frac{1}{2}$ раз, то к 1 октября 1928 г. краткосрочные операции лишь на $\frac{1}{3}$ превышали долгосрочные.

§ 10. Вопрос о том, как наилучшим способом организовать долгосрочное финансирование промышленности, приобрел в течение реконструктивного периода особенное значение. Для постройки новых фабрик, для снабжения их новым оборудованием требовался долгосрочный кредит. Накопление капиталов промышленных предприятий в значительной части производится через государственный бюджет, принудительно изымающий накопление из одной отрасли и передающий в другие. Поэтому источниками для долгосрочных операций советских банков являются в подавляющей своей части средства, получаемые от государственного казначейства. *Наши банки долгосрочного кредита тесно связаны поэтому с бюджетом.*

После реформы 1927/28 г. долгосрочное кредитование всей промышленности было сконцентрировано в БДК (Банк долгосрочного кредита).

§ 11. На БДК было возложено, во-первых, организовать финансовый контроль за расходованием клиентами средств, получаемых по долгосрочным ссудам и безвозвратным выдачам, во-вторых, установить правильные, с народнохозяйственной и банковской точки зрения, условия долгосрочного кредитования промышленных предприятий и, в-третьих, проводить долгосрочное кредитование с обеспечением достаточной маневренной способности банка (т. е. его способности мобилизации средств, когда это необходимо) и строго придерживаясь рамок плана. Таким образом центр тяжести работы банка лежит *в планово-контрольной работе.* Ему предстоит организовать оборот и возврат тех средств, которые передаются через посредство БДК на промышленное строительство. Путем включения определенных условий в договор о предоставлении кредита, БДК получает значение *регулятора накоплений*, возвращающихся в обще-государственный фонд долгосрочного кредитования. Банковский контроль играет важную роль не только для долгосрочных, но и для краткосрочных кредитных учреждений Советского Союза. Если для советских банков не является исходным и определяющим моментом—прибыльность операций, то зато для них особенно важно, *чтобы средства, отпускаемые банками, получали фактически то применение, которое установлено соответствующими финансовыми планами. Этим БДК содействует плановому промышленному строительству.*

§ 12. Основная задача системы городских и коммунальных банков—финансирование жилищного и коммунального строительства. Это финансирование осуществляется, главным образом, за счет специальных ассигнований. Так, долгосрочное кредитование по системе коммунальных банков должно дать прирост к концу пятилетки на 3½ млрд. руб., причем собственное накопление и капиталы дают прирост в сумме только 325 млн. руб., а основная сумма прироста—3175 млн. руб. падает на специальные ассигнования.

Общая же картина развития долгосрочного финансирования всего народного хозяйства в целом рисуется в следующем виде. Прирост задолженности по долгосрочному кредитованию в целом к концу пятилетки (1932/33 г.) по оптимальному варианту предложен в сумме 9 300 млн. руб., из них 3 800 млн. руб. будет распределено через БДК, 3½ млрд. руб.—через систему коммунального кредита и 2 млрд. руб.—через систему сельскохозяйственного кредита.

Общая сумма прироста по всему долгосрочному кредитованию покрывается за счет прироста следующих ресурсов: основных капиталов—40 млн. руб., накопления и запасных капиталов 550 млн. руб., специальных капиталов и ассигнований 6 275 млн. руб., долгосрочных вкладов 1 950 млн. руб. и прочих источников 125 млн. руб.

Из общего фонда долгосрочного кредитования 9 300 млн. руб. промышленность получит 3,8 млрд. руб., сельское хозяйство 2 млрд. руб., жилищное строительство 2 750 млн. руб., коммунальное хозяйство 550 млн. руб. и культурно-бытовое строительство 200 млн. руб.

Ресурсы долгосрочного кредитования при капитализме образуются за счет фондов денежного рынка: в первую очередь путем эмиссии акций, облигаций и закладных листов, во вторую очередь за счет аккумуляции вкладов банковской системой и лишь в третью очередь и в самых незначительных размерах—за счет правительственных ассигнований (преимущественно на сельское хозяйство и реже на транспорт и промышленность).

Совершенно иную картину представляет, как мы видим из приведенных данных, строение ресурсов долгосрочного кредитования социалистического строительства. Здесь самым главным источником являются специальные государственные ассигнования. Но и всеми прочими ресурсами также распоряжается пролетарское государство. Поэтому и распределение всех фондов долгосрочного кредитования между отраслями народного хозяйства целиком определяется теми задачами экономической политики, которые ходом исторического развития поставлены перед пролетарским государством.

Литература

- 1) Т. К. Лундин, Проблемы банковского кредита в СССР, Москва, Госфиниздат, 1929.
- 2) И. А. Трахтенберг, Современный кредит и его организация, часть 1, специальная глава о советском кредите.
- 3) З. С. Каценеленбаум, Соответствующие главы во 2-й части курса «Учение о деньгах и кредите».
- 4) Отчеты Государственного банка, особенно 1923/24 и 1924/25 гг.
- 5) Комплект журналов «Кредит и хозяйство» с 1/1927 г.
- 6) Серия, выпущенная финансовым издательством: Банковская библиотека, в частности брошюра «Банки СССР» Ф. Д. Лившица.
- 7) Статьи о кредите, помещенные в журнале «Вестник финансов», в частности № 10 за 1927 г., № 1 за 1929 г.
- 8) М. И. Боголепов, Финансовый план пятилетия, 2 изд., М. 1929.

Вопросы для повторения

- 1) Чем была вызвана организация специальных банков в СССР?
- 2) Почему была произведена реорганизация системы банков?
- 3) Из каких основных элементов состоит банковская система СССР?
- 4) Каковы основные недостатки системы сельскохозяйственного кредита СССР?
- 5) В чем заключается своеобразие рынка денежных капиталов СССР?
- 6) Основные задачи БДК?

ГЛАВА XXXVII

ПРИРОДА КРЕДИТА В ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ

§ 1. Кредит как рычаг переустройства общества на социалистических началах. § 2. Кредитные утопии Прудона, Сен-Симона и др. § 3. Природа кредита в СССР. § 4. Функции кредита в СССР. § 5. Основное различие между кредитом при капитализме в СССР. § 6. Кредит как орудие плановой экономической политики пролетариата. § 7. Централизация кредитного аппарата. § 8. Ленин о природе советских банков.

§ 1. Поскольку в коммунистическом обществе не будет частной собственности, поскольку не будет в нем вообще ни денег, ни товаров, ни капиталов, постольку, очевидно, не будет нужды в кредите. Кредиту в таком обществе не будет места именно потому, что в нем не будет места деньгам и денежному фетишизму, капиталу и капиталистической эксплуатации.

Мы уже знаем (ч. 2, гл. XXVIII), что кредит служил одним из мощных рычагов разрушения феодального общества и уничтожения мелкотоварного хозяйства. Еще более важную роль играет кредит при переходе от капиталистического к социалистическому обществу.

«Не подлежит никакому сомнению», говорит Маркс («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 148), «что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, — однако лишь как один из элементов в связи с другими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела в социалистическом смысле вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела, как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит как таковой не имеет уже никакого смысла. С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать как одна из его форм капитал, приносящий проценты, образуя фактически базис его кредитной системы».

Маркс говорит о кредите, как «мощном рычаге» переустройства общества на социалистических началах, но вместе с тем он предостерегает от иллюзии, будто бы *только* при посредстве одного этого рычага и при сохранении прежнего способа производства, построенного на частной собственности, можно устранить противоречия капитализма. Маркс ставил вопрос так: либо сохранение прежнего анархического, частнособственнического способа производства, но тогда кредит бессильно устранить капиталистическую эксплуатацию и может ее только усилить; либо замена этого способа производства подлинно социалистическим, но тогда «кредит как таковой уже не имеет смысла». Этого как раз не понимали и не понимают те старые и современные социалисты-утописты, которые верили и верят в «чудодейственную силу кредита». Они считают, что и при сохранении частной собственности «справедливая» общественная организация кредита может устранить противоречия капитализма и прежде всего кризисы,

безработицу, низкую заработную плату. Обычно (но не всегда) денежные утопии находятся в связи с кредитными утопиями. Таковы утопии *Прудона*, *Родбертуса*, *Гезеля* и др.

§ 2. Прудон предлагал ввести «общественный и даровой кредит» и этим дать возможность всем трудящимся пользоваться кредитом и лишить этой монополии капиталистов. Для этого он учредил в 1849 г. «Общество народного банка» и за счет эмиссии «знаков банка» (необеспеченных золотом банкнот) надеялся осуществить свой план дарового кредита. Но из этой затеи ничего не вышло: его банк закрылся ровно через три месяца после формального открытия.

Еще до *Прудона* величайший социалист-утопист *Сен-Симон* также рассматривал банковский кредит как *главнейший* фактор переустройства общества на социалистических началах. «Централизация самых главных банков и самых способных банкиров, — говорили сен-симонисты, — в один *универсальный направляющий банк*, который господствовал бы над ними всеми и мог бы правильно взвешивать потребности в кредите, испытываемые промышленностью во всех направлениях; с другой стороны, все большая специализация особых банков, так чтобы на каждый из них был возложен надзор, покровительство, руководство одной отраслью промышленности, — вот, на наш взгляд, *политические факты* самой высокой важности. Всякий акт, который будет иметь своим результатом централизацию общих банков, специализацию частных и приведение их в иерархическую связь между собой, неизбежно приведет в результате к лучшему согласованию средств *производства* и нужд *потребления*, а это предполагает и более точную *классификацию* работников и более разумное *распределение* орудий промышленности; более правильную оценку дел и более справедливое *вознаграждение труда*».

Но за организацией кредита у сен-симонистов скрывалась *организация производства и распределения*. «В высшие банки, — говорили они, — сходятся все потребности, и отсюда расходятся все усилия: главный банк открывает отдельным местностям кредиты, т. е. доставляет им орудия труда, лишь предварительно взвесив и скомбинировав различные операции. Эти кредиты распределяются затем между трудящимися при посредстве специальных банков, представляющих различные отрасли промышленности».

Таким образом сен-симонисты в общем видели, что одной организации кредита мало: *«нужно, — говорили они, — организовать производство таким образом, чтобы никогда не приходилось бояться ни в одной из его отраслей ни нехватки, ни переполнения»*. Основная ошибка сен-симонистов в том, что они предполагали, будто бы можно мирным путем через организацию централизованной банковской системы устранить анархию производства и постепенно построить социализм. Сам *Сен-Симон* возлагал надежды на *королевскую власть!* Он говорил, что «движение правдивое и мирное во всех отношениях получит в конце концов большую поддержку со стороны самой королевской власти, которая все более и более стремится избавиться от своих приближенных, чтобы тем теснее соединиться с народом».

История вполне подтвердила правильность марксовой теории и ложность учения *Сен-Симона*. В настоящее время мы имеем в капиталистических странах в высокой степени *централизованную банковскую систему*, которая, однако, как мы знаем, ни в коей мере не означает социализма: и в Англии, и в САСШ (где Федеральная резервная палата осуществляет эту централизацию кредита) все противоречия капитализма полностью сохранились и *даже еще больше усилились*. Только банковая система, вырванная насильственным путем из рук капиталистов, сможет служить делу социализма, как это имеет место в СССР.

Сен-симонистские идеи питали и питают всех утопистов кредита с их реформистскими иллюзиями. В XXXI главе 2 части мы упоминали братьев *Эммилю Исаака Перейра*, которые хотели применить на практике идеи *Сен-Симона*. Мы знаем, что из этого ровным счетом ничего не вышло. Также и современное реформистское движение в Америке, связанное с идеей рабочих банков (см. XXII главу), питается утопическими идеями *Сен-Симона*. То, что никогда не удастся достигнуть так называемой «демократизации капитала» путем тех или иных кредитных экспериментов, не подлежит никакому сомнению. Кредитные иллюзии вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм» (*Маркс*). Это относится ко всем современным кредитным утопиям. При сохранении частной собственности на средства производства кредит всегда будет

орудие эксплуатации труда. Это нам прекрасно известно из всего предыдущего. Кто же под вывеской кредитных утопий стоит за сохранение частной собственности на средства производства (это относится также и к немецкому утописту кредита прошлого века *Гильдебранду* и ко всем современным утопистам кредита типа *Деймера, Гезеля, Бэжеля* и др.), тот на деле защищает интересы буржуазии. Таким образом объективно социалистические кредитные утопии играют реакционную роль и безусловно выгодны буржуазии.

§ 3. Но какую роль играет кредит в системе переходного хозяйства, когда промышленность и банковая система обобществлены, но полный социализм еще не построен?

Общее решение вопроса о природе кредита в переходную эпоху уже дано решением вопроса о природе денег в переходную эпоху (гл. XVII). Двойственный и противоречивый характер переходной системы находит свое выражение и в кредите. Кредит как таковой находится в процессе отмирания, и чем дальше подвигается процесс обобществления народного хозяйства, тем больше банки превращаются в органы общественной бухгалтерии, а банковский кредит, как и кредит вообще, лишается своей сущности. Но процесс ликвидации специфически кредитных отношений продвигается значительно *быстрее* процесса ликвидации денег: сфера действия кредита значительно *уже*, чем сфера действия денег, и вот почему.

Мы знаем, что кредитные отношения производны от основного *капиталистического* производственного отношения. Но как раз капиталистические отношения отсутствуют в обобществленном секторе. *Кредитная форма в обобществленном секторе уже не является выражением специфических ей капиталистических производственных отношений.* Формальный же момент кредита сохраняется и здесь. Мы покупаем займы и вносим деньги в сберкассы. Превращаются ли эти деньги в действительности в капитал, т. е. в орудие эксплуатации труда? Конечно нет, ибо эти деньги попадают не в руки капиталистов, но в распоряжение обобществленного производства. Наши директора трестов простые служащие, а не капиталисты, и, получая в банке кредиты, они не превращают деньги в орудие эксплуатации, но расширяют объем плано-организованного и обобществленного производства. Следовательно у нас за кредитной формой не скрыты капиталистические отношения. *В узкой же сфере частнокапиталистического сектора у нас существуют капиталистические кредитные отношения, но преобладающую роль во всей системе играют как раз некапиталистические кредитные отношения.*

§ 4. Как мы знаем из XX главы 2 части, по Марксу роль кредита при капиталистическом способе производства сводится к четырем функциям. Рассмотрим, в какой мере кредит выполняет эти функции в хозяйственной системе СССР.

1. Первая функция заключается в уравнении нормы прибыли. Но если «равновесие» капиталистического хозяйства непосредственно регулируется уравнением нормы прибыли, то в экономике СССР средняя норма прибыли не является регулятором: наша хозяйственная система базируется в основном на все более растущем плано-регулируемом производстве. Следовательно эта функция кредита у нас *полностью отпадает*. Если при капитализме новые капиталы направляются в от-

расли производства с *высокой нормой* прибыли и отливают из отраслей с *низкой нормой* прибыли, то в СССР распределение фондов общественного накопления определяется общим народнохозяйственным планом, но отнюдь не стихийными факторами (конкуренцией и нормой прибыли).

2. В своей второй функции кредит освобождает производство от границ индивидуального накопления. При капитализме в форме создания *акционерных обществ* эта функция дает возможность «колоссального расширения размеров производства, невозможных для отдельного капиталиста» и благодаря этому «капитал... получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала ассоциированных личностей), в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям». Однако, если благодаря этой функции, как подчеркивает *Маркс*, кредит «уничтожает частный характер капитала и содержит в себе, но именно только в себе устранение самого капитала», то в экономической системе СССР эта функция целиком отпадает в связи с полным собществлением почти всей промышленности.

Почти все акционерные общества в СССР принадлежат государству, и по своей социальной сущности они не имеют ничего общего с *капиталистическими* акционерными обществами. Акции в СССР не котируются на бирже. Они являются лишь свидетельствами суммы материальных фондов, которыми располагают данные госорганы. *Поэтому функция освобождения производства от границ индивидуального накопления путем образования акционерных обществ в СССР полностью отпадает.* В СССР действительно объем производства не зависит от границ индивидуального накопления, но *не благодаря кредиту и акционерным обществам, но потому, что почти вся промышленность обобществлена.*

Когда трудящиеся предоставляют государству свои сбережения путем покупки госзаймов или вкладов в сберкассы, то по форме они осуществляют кредитные сделки. Но заемщиком является государство как представитель обобществленной промышленности. Последняя является прямой противоположностью капиталистической промышленности, а пролетарское государство противоположностью частных капиталистов-функционеров.

По сути дела мы имеем здесь не кредит, а определенный способ, мы бы сказали, внутренней мобилизации ресурсов для социалистической реконструкции хозяйства. Значит кредит и в этой функции имеет совершенно иное, противоположное капиталистическому кредиту, содержание. «Форма» остается, термин (название) сохраняется, а смысл этого термина совсем иной.

Когда же денежные средства в форме займов или вкладов привлекаются из среды *частных капиталистов* или самостоятельных *товаропроизводителей*, то и в этом случае кредит не является капиталистическим, ибо за счет этих средств в СССР расширяются *не предприятия, принадлежащие «ассоциации капиталистов», но непосредственно общественные предприятия.*

3. В своей третьей функции кредит как форма аккумуляции частных накоплений дает «абсолютное в пределах известных границ (суммы аккумулярованного накопления — З. А.) распоряжение над чужим капиталом и чужой собственностью и, вследствие этого, над чужим трудом». Это «абсолютное распоряжение», как мы знаем, в эпоху финансового капитала находится в руках кучки финансовых королей, и именно они распоряжаются чужим трудом. Конечно, в СССР эта функция кредита отпадает, так как общественным накоплением полновластно распоряжаются не частные капиталисты, но пролетарское государство. Если прибавочная стоимость, созданная трудом рабочих частных предприятий, попадает частично в распоряжение государства через кредитную систему, то опять-таки этим укрепляется *не господство отдельных капиталистов, но наоборот это господство сокращается и расширяется господство пролетарского государства над всем общественным производством.*

4. Наконец кредит при капитализме освобождает рост производства от границ наличных в обществе действительных денег (золота). Это осуществляется при посредстве *коммерческого* кредита и различных форм кредитной эмиссии средств обращения (см. гл. XX и XXIV).

Эта функция кредита *по существу* также отпадает в СССР, поскольку рост производства в СССР вообще ни в какой зависимости не находится от наличия действительных денег — золота. Ведь коммерческий кредит — это кредит, оказываемый друг другу *капиталистами*, занятыми в процессе воспроизводства. В СССР же коммерческий кредит уже не является таковым, поскольку производство в СССР не является капиталистическим и следовательно не существует *обращения капиталов*. Следовательно у нас «коммерческий кредит» является *по преимуществу* формой *организованного* движения общественной продукции, а так называемая кредитная эмиссия — формой регулирования взаимных расчетов между хозяйственными единицами в рамках обобщественного сектора. Поэтому в СССР *кредитная эмиссия* не является надстройкой над металлическим базисом, как при капитализме, и хотя выполняемые ею функции (товарная реализация) внешне аналогичны капиталистическим, но *по существу* от них отличны.

Что представляет собою процент в условиях СССР? За процентом в СССР не скрыты *общественные отношения* между капиталистами-собственниками и капиталистами-функционерами. В рамках обобщественного сектора взимание процента является лишь одним из способов хозяйственного учета расходования кредитованных средств, поскольку проценты взимаются госпредприятием (банком) с госпредприятия же (например треста).

Во взаимоотношениях обобщественного сектора с частным процент отчасти сохраняет свое прежнее значение. Но поскольку в этих случаях в качестве займодавца выступает не частный капиталист, но государство, постольку и здесь мы не имеем существа чисто капиталистического кредитного отношения.

Такого типа кредитные отношения имеют место, как мы знаем, и при капитализме, но там они являются *производными* от основного типа кредитного отношения — капиталистического. В СССР же как

раз отсутствует этот *основной тип* кредитного отношения, и все указанные кредитные отношения подчиняются не стихийно-рыночному регулированию (на денежном рынке), но сознательному, плановому регулированию, осуществляемому центральными экономическими органами, которые устанавливают как процентные ставки для различного вида ссуд и заемщиков, так и объем ссужаемых средств.

Процент есть целиком и полностью категория капиталистического хозяйства, для которого процент необходим, так как выполняет определенные общественные функции. Поскольку же уровень процента в СССР совершенно не подвержен колебаниям спроса-предложения на денежном рынке и не выполняет своих регулятивных функций (пропорционального распределения средств между заемщиками), *постольку процент уже не есть процент* в том смысле, в каком эта категория изучается марксовой политической экономией.

Однако в СССР имеются, хотя и в очень ограниченных рамках, кредитные отношения и вне обобщественного сектора. Здесь кредит большей частью носит характер *ростовщического кредита*, поскольку производительные капиталисты-заемщики почти совершенно отсутствуют.

§ 5. Резюмируя сказанное, мы приходим к следующим выводам. *Если при капитализме кредит расширяет господство капиталистического способа производства, то у нас кредит является средством расширения и укрепления социалистического способа производства и вытеснения капиталистического способа производства, рыночной стихии и товарно-денежной формы хозяйства вообще.*

Следовательно и сущность, и историческая роль кредита в наших условиях иные, чем при капитализме. Мы знаем, что различие между ростовщическим кредитом и собственно капиталистическим кредитом не вытекает из самой формы кредита (см. гл. XXIX, 2 части) и способа его существования, но только из различий в облике *заемщика*. Точно так же и различие между собственно капиталистическим кредитом и кредитом в наших условиях вытекает прежде всего из различий в «облике заемщика». У нас основным заемщиком являются *госпромшленность и кооперация*, а не частные капиталисты, и именно это определяет глубочайшие различия между кредитом при капитализме и в СССР.

Но существенно также и изменение «облика» *заимодавца*. Прежде всего у нас полностью выпадают *капиталисты-рантье* как заимодавцы. Главными заимодавцами являются сам рабочий класс и крестьянство. Но когда эти последние при капитализме через банки ссужают свои деньги, то в этом случае им *противостоит* капиталист, который пользуется этим капиталом. У нас же этого противоречия между заемщиком и заимодавцем (поскольку речь идет именно об указанных основных заемщиках) конечно нет. Также, конечно, не может быть речи о противоречии между банковым и промышленным капиталом.

§ 6. Мы установили, что в СССР кредит служит средством расширения сферы социализма. Кредит входит полностью в сферу *планового регулирования* хозяйственных процессов. Являясь одним из существенных элементов социалистического планирования, кредит в наших

условиях является мощным орудием плановой *экономической политики* пролетариата, а именно в этом вся *сила и значение кредита в наших условиях*. *Кредитная политика* является составной и необходимой частью нашей общей экономической политики. Активные и пассивные операции банков в СССР целиком подчинены кредитной политике пролетарского государства. Кредитные фонды, как аккумулируемые, так и эмитируемые, реализуются в соответствии с общими задачами экономической политики, а именно следующим образом.

Во-первых, частному капиталу целиком закрыт путь к государственным кредитным фондам.

Во-вторых, самое распределение кредитных ресурсов между отраслями народного хозяйства определяется единими плановыми задачами. На основе этих последних устанавливается, сколько нужно дать промышленности, транспорту, торговле и сельскому хозяйству, и каким именно отраслям (например тяжелой или легкой индустрии). Ясно, например, что усиленное финансирование легкой индустрии и суженное финансирование тяжелой индустрии означало бы срыв всей генеральной линии на *индустриализацию страны*.

В-третьих, распределение кредитных ресурсов в соответствии с общим народнохозяйственным планом должно обеспечивать не только осуществление общего курса на индустриализацию, но и *равновесие всего процесса общественного воспроизводства*.

Это равновесие не нужно понимать механистически как вечное и неизменное для всех стран и общественных формаций. *В СССР равновесие общественного воспроизводства устанавливается не стихийно и пассивно, но сознательно и активно с ориентацией на преодоление так называемых «узких мест»*. И кредит как раз является одним из средств плановой экономической политики, направленной на активное преодоление «узких мест» в хозяйственной системе СССР. В этом одна из труднейших задач нашей плановой кредитной политики.

Наконец, *в-четвертых*, в сфере господства мелкого товарного хозяйства (главным образом сельского хозяйства, но также и городских кустарных промыслов) кредит служит мощным орудием коллективизации, в первую очередь социалистической перестройки деревни. Ясно, что поддержка кредитом коллективных хозяйств усиливает их позиции в сравнении с индивидуальными хозяйствами, и эта поддержка в связи с общими преимуществами коллективного способа производства обеспечивает рост социалистических элементов в деревне. Но помимо прямой поддержки колхозов, а также и совхозов, кредит является мощным рычагом вовлечения частных (бедняцких и середняцких) хозяйств в сферу социалистического регулирования. Так например *контрактация посевов* большей частью связывается с *авансированием крестьян* под законтрактованный хлеб. *Индустриализация сельского хозяйства* также базируется на кредите, ибо снабжение крестьян усовершенствованными орудиями производства требует авансирования производителей.

Все сказанное далеко не исчерпывает характеристики роли кредита, как орудия экономической политики пролетарского государства, но дает все же отчетливое представление о колоссальном *экономиче-*

ском и политическом значении этого орудия. Мы видим таким образом, что кредит, сохранив свою внешнюю «форму», в наших условиях превратился в нечто совершенно противоположное капиталистическому кредиту.

§ 7. Выполнение всех описанных задач, стоящих перед кредитом в СССР, требует соответствующей организации кредитного аппарата, т. е. *банковой системы*. *Централизованное планирование невозможно без централизованной банковской системы*. Последняя не только аккумулирует денежное накопление, эмитирует средства обращения и распределяет эмитированные и аккумулированные фонды между отраслями народного хозяйства, но и *контролирует* использование этих средств в соответствии с общими планами, общей политикой и хозяйственной целесообразностью.

Кредитная дисциплина означает вместе с тем не что иное, как требование правильного, общественно-рационального хозяйствования, следовательно это есть *планово-хозяйственная дисциплина*. Без кредитной дисциплины (т. е. точного выполнения условий кредитования) невозможно вообще хозяйственное планирование: поскольку расшатывается эта дисциплина (заемщики не погашают в срок кредиты, «самостоятельно» превращая краткосрочные в долгосрочные кредиты), постольку расшатываются и устои всей плановой системы.

§ 8. Единство кредитной политики требует строжайшего единства и в организации банковской системы. Необходимость единого централизованного банковского аппарата *Ленин* предвидел еще до Октябрьской революции. В своей брошюре «Удержат ли большевики государственную власть» он писал:

«Крупный банк есть тот государственный аппарат, который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма. Причем нашей задачей является отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще всеобщее. Единый крупнейший из крупнейших — Государственный банк с отделениями в каждой волости и при каждой фабрике — это уже девять десятых социалистического аппарата. Это общегосударственное счетоводство, общий государственный учет производства и распределения продуктов. Это, так сказать, нечто вроде скелета социалистического общества».

Литература

- 1) *И. А. Трахтенберг*, Современный кредит и его организация, М. 1929. Приложение.
- 2) *Б. Раскин*, Природа кредита в переходную эпоху, «Плановое хозяйство» № 4 за 1929 г.
- 3) *К. Дунандин*, Проблемы банковского кредита в СССР. М. 1929.
- 4) *Л. Шанин*, Prolegomena к теории советского банка, «Проблемы экономики» № 6 за 1929 г.

Вопросы для повторения

- 1) Как оценивал Маркс роль кредита в переходную эпоху?
- 2) Изложите и дайте оценку кредитных утопий Прудона и Сен-Симона,

- 3) Почему процесс ликвидации специфически кредитных отношений продвигается в СССР быстрее, чем процесс отмирания денег?
- 4) Сохраняются ли в СССР функции, выполняемые кредитом при капитализме?
- 5) Сохраняет ли процент свою сущность в СССР?
- 6) В чем общее и основное различие между кредитом при капитализме и в СССР?
- 7) Охарактеризуйте роль кредита в СССР как орудия плановой экономической политики?
- 8) Почему СССР необходим строго централизованный кредитный аппарат?

Г Л А В А XXXVIII

КРЕДИТНАЯ РЕФОРМА 1930 г.

§ 1. Экономические предпосылки кредитной реформы 1930 г. § 2. Основной порок дореформенной кредитной системы. Противоречие между плановым распределением продукции и коммерческим кредитом. § 3. Противоречие между социалистическим учетом и распределением, с одной стороны, и распыленностью кредитного аппарата, с другой стороны. § 4. Противоречие между коллективизацией сельского хозяйства и дореформенной системой и методами сельскохозяйственного кредита. § 5. Новая система построения кредитного аппарата СССР. § 6. Новые формы кредитования торговли и промышленности. § 7. Конткоррент как универсальная форма взаимоотношений банков и их клиентуры. § 8. Сущность новых методов краткосрочного кредитования промышленности. § 9. Новые методы кредитования торговли и кооперации. § 10. Идеальная картина организованного продуктодвижения в социалистическом обществе. Кредитная реформа не осуществляет, но приближает хозяйство СССР к подлинному социалистическому продуктообороту. § 11. Реорганизация системы сельскохозяйственного кредита и функции низовых кредитных товариществ. § 12. Реформа госзаймов 1930 г. и ее значение

§ 1. В предыдущей главе мы отметили, что перед банковской системой СССР стоят огромной важности задачи на пути организации подлинно социалистических форм распоряжения ресурсами общества. И как раз в то время, когда печаталась наша книга (конец 1929 г. и начало 1930 г.), правительство СССР осуществило коренную реформу кредита, цель которой в основном заключалась в более или менее полном разрешении отмеченных выше задач.

1929 г. был «годом великого перелома». В течение этого года дело строительства социализма далеко подвинулось вперед: Мощный рост индустрии, широчайший размах социалистического соревнования, подъем коллективизации в деревне, перевыполнение пятилетки по всем важнейшим ее элементам,—настоятельно требовали срочной и решительной перестройки кредитной системы и изменения форм и методов кредитования. Кредитная реформа была декретирована ЦИКом и Совнаркомом СССР 30 января 1930 г.

§ 2. В чем заключались недостатки старой кредитной системы и прежних форм и методов кредитования? *Основной порок дореформенной кредитной системы СССР заключался в том, что при коренном изменении сущности и функций кредита в СССР методы кредитования и организационное построение кредитного аппарата СССР преимущественно копировали капиталистическую кредитную систему.*

Во взаимоотношениях государственных и кооперативных организа-

ций юридическая сила векселя, так называемое «право вексельного протеста», не имеет никакого значения: в наших условиях подлинный «протест векселя» и продажа с молотка имущества неисправного должника, напр. какого-либо государственного промышленного предприятия, абсолютно невозможны. В наших условиях отпуск товаров каким-либо промышленным предприятиям торговому предприятию определяется не рынком, не ценой товара, не кредитоспособностью должника и наконец отнюдь не возможностью со стороны этого предприятия учесть по рыночной норме процента «здоровые» векселя в банке. В обобществленном секторе движение продукции в основном определяется планом, и поэтому отпадает регулирующее значение для процесса товародвижения рыночной цены, векселя и кредитоспособности, а также банковской учетной политики. Все эти формы не соответствуют их содержанию в плановой системе. Понятия «кредитоспособности», «торгового векселя», «коммерческого кредита» и наконец «банковской учетной политики» лишаются своего истинного значения. Если все эти моменты присущи капитализму и абсолютно для него необходимы, то в плановой и обобществленной системе производства они являются излишними, затемняющими и осложняющими плановую работу.

Наличие широко развитых непосредственных коммерчески-кредитных отношений между государственными и кооперативными предприятиями приводило к тому, что Госбанк не мог полностью *планово контролировать* движение выдаваемых им кредитов. Дело в том, что каждое предприятие могло получать кредиты не только у Госбанка и у других банков, но также и у других промышленных и торговых предприятий. Но этого мало: каждое предприятие само в свою очередь оказывало кредит другим предприятиям. Между Госбанком и его конечным должником влинивалась целая серия кредитных посредников, что, с одной стороны, удорожало кредит, осложняло его движение, а с другой стороны, *лишало Госбанк возможности знать, кто же в конечном счете пользуется его кредитом.* Допустим, что Госбанк предоставил какой-либо отрасли промышленности 200 млн. руб. Значит ли это, что он действительно кредитовал именно эту отрасль промышленности на 200 млн. руб.? Этого нельзя было определенно сказать, так как эта отрасль могла в свою очередь кредитовать другую отрасль промышленности или торговли на 100 или даже 200 млн. руб. Так, например, по расчетам В. Шера ВТС (Всероссийский текстильный синдикат) по данным за 1928 г. весь полученный им банковский кредит фактически передал госторговле и кооперации, а от промышленности пользовался кредитом в такой сумме, в какой сам в свою очередь ее кредитовал. Обратное положение у ВМС (Всероссийский машинный синдикат), который не только удержал в своих руках весь полученный им банковский кредит в сумме 67 млн. руб., но сверх этого еще в порядке коммерческо-кредитных операций получил разницу (кредитовое сальдо) в сумме 21,7 млн. руб.

Нечего и говорить, что *при таких условиях плановость кредитования нельзя было довести до конца.* Балансовые и статистические данные Госбанка не могли отражать действительного распределения кредитов. *При наличии множества посредствующих кредитных звеньев и*

«перекладки» кредитов из одних отраслей народного хозяйства в другие, планирование кредита затруднялось.

Далее следует отметить, что нет никакой возможности при наличии абстрактно-платежной формы векселя ограничить банковский учет только подлинными товарными векселями. Так например, установлено, что так называемые «авансовые векселя» (по существу финансовые векселя), выдававшиеся предприятиями в оплату будущих товаров, или так называемые «обеспечительные векселя», которыми обеспечивались заключенные договоры, фигурировали довольно широко в нашем коммерческом обороте. Часть этих векселей в конечном счете попадала в Госбанк и следовательно служила покрытием банкнотной эмиссии. По расчетам специальной комиссии по исследованию этого вопроса, выделенной Госбанком в 1928 г., авансовые векселя в портфеле Госбанка достигали 200—260 млн. руб.

Все изложенное показывает, что постановление ЦИКа о кредитной реформе совершенно правильно исходит из того, что *«существовавшая до сих пор система отпуска товаров в кредит в обобщественном секторе, приводившая к усложнению путей прохождения кредита и затруднениям при его планировании, должна быть ликвидирована»*...

Большинство предприятий не могут по своему собственному усмотрению отпускать или получать товары в кредит: каждое предприятие выдает и получает определенную массу продукции и в определенные сроки, устанавливаемые планами. А раз так, значит совершенно должен быть ликвидирован коммерческий кредит. И так плановая система распределения отрицает коммерческий кредит. *Кредитная реформа 1930 г. разрешает это противоречие между плановым распределением и коммерческим кредитом*; каким образом это противоречие разрешено, мы скажем ниже. Ошибаются те, кто думают, что здесь дело «просто» в замене коммерческого кредитования банковским. Как мы покажем ниже, в действительности дело обстоит не так «просто».

§ 3. Второй основной дефект дореформенной кредитной системы заключался в противоречии между планово-организационными функциями кредитного аппарата и дезорганизованностью его составных элементов. Мы уже знаем, как формировался наш банковский аппарат. От единого банка мы перешли к системе самостоятельных и конкурирующих друг с другом банков. Эта система в свое время была необходимой, но в настоящее время она изжила себя. И совершенно правильно постановление ЦИКа отмечает, что *«быстрое развитие социалистических начал в народном хозяйстве Союза ССР и достигнутый уровень его планирования делают необходимой коренную реформу кредита»*.

В предыдущей главе мы отмечали, что централизованное планирование необходимо требует и централизованной банковской системы. Не только бывшая в свое время столь ожесточенной конкуренция между банками, в особенности так называемая «борьба за пассивы», но даже и параллелизм в их работе являются препятствием при планировании всей хозяйственной системы СССР в целом. По пути централизации банковской системы СССР многое уже было сделано в 1927/28 г. (см. гл. XXXVI).

Если острые и нелепые формы конкуренции между банками в основном уже были изжиты в 1928 г., то параллелизм в работе и отсут-

ствие полного единства всей системы в целом все еще сохранились. Кредитная реформа 1930 г. стремится устранить формулированное в начале этого параграфа противоречие. В какой мере это достигнуто, будет показано ниже.

§ 4. Наконец следует отметить, что методы и система сельскохозяйственного кредита оказались в противоречии с новыми социалистическими формами организации сельского хозяйства. Множественность звеньев кредитного аппарата, ставка на объединение в кредитных товариществах индивидуальных хозяйств, изолированность кредитных товариществ от производственной сельскохозяйственной кооперации; наконец множественность функций кредитных товариществ (наряду с чисто кредитными операциями производственная, сбытовая, снабженческая и торговая деятельность), приводящая к ненужному параллелизму и конкуренции, противоречащим принципам планового руководства всей хозяйственной системы СССР, — таковы основные дефекты дореформенной системы сельскохозяйственного кредита.

Новые формы организации сельского хозяйства СССР настоятельно требуют ликвидации отмеченных дефектов старой системы сельскохозяйственного кредита. Новые задачи сельскохозяйственного кредита в СССР выпукло подчеркнуты в постановлении ЦИКа о кредитной реформе: «Мощный размах коллективизации сельского хозяйства, сопровождаемой коренными изменениями техники сельскохозяйственного производства (машинизация, электрификация, первичная переработка сельскохозяйственной продукции, система агромероприятий и т. п.), требует мобилизации огромных средств. В этих условиях задача кредитования разворачивающегося подъема кооперированного сельского хозяйства и особенно задача решительного усиления производственной базы колхозов может быть успешно разрешена системой сельскохозяйственного кредита, опирающейся на материальные вложения советского государства, только на основе широчайшей мобилизации крестьянских средств, обеспечивающей подъем благосостояния многомиллионных масс крестьянства.

В то же время массовое колхозное движение создает новые возможности для такой мобилизации средств, образуя условия и уже осуществляя на практике массовое обобществление мелких индустриальных крестьянских ресурсов через колхозы.

Эти новые условия в работе системы сельскохозяйственного кредита, как и новые возможности в деле разворачивания сельскохозяйственного кредитования, требуют реорганизации сельскохозяйственной кредитной системы в сторону объединения сельскохозяйственного кредитования с работой сельскохозяйственной кооперации при одновременном усилении производственно-экономического регулирования колхозов со стороны пролетарского государства».

Сельскохозяйственный кредит должен подвести финансовую базу под широко развернувшуюся в настоящее время коллективизацию, а для этого, с одной стороны, сельскохозяйственный кредит должен составить единое целое с производственной кооперацией, а с другой стороны тесно связаться без излишних посредствующих звеньев (окружных и областных «обществ сельскохозяйственного кредита») с центральными

органами сельскохозяйственного кредита. Поскольку через эти последние осуществляется *государственное финансирование сельского хозяйства*, постольку должно быть осуществлено единство планирования и оперативного руководства всей системой сельскохозяйственного кредита в соответствии с общими планами подъема сельского хозяйства и его коллективизации. В районах *сплошной коллективизации* низовой аппарат сельскохозяйственного кредита должен стать финансово-планирующим и расчетным звеном между отдельными колхозами, а также между последними и государственными и кооперативными предприятиями. Следовательно *сельскохозяйственный кредит, оставаясь одним из рычагов коллективизации в тех районах, где эта последняя еще не завершена, должен наладить в районах сплошной коллективизации социалистический учет и распределение ресурсов в сфере сельского хозяйства так же, как Государственный банк и другие банки должны осуществить ту же задачу в области государственной промышленности и транспорта.*

Подытоживая изложенное в § 2—4, можно сказать, что задачи кредитной реформы 1930 г. заключались в такой организации форм и методов кредитования торговли, промышленности и сельского хозяйства и самого кредитного аппарата, при которой кредитная система *по существу переросла бы в систему социалистического учета и распределения. Однако более детальное ознакомление с содержанием проведенных мероприятий покажет нам, что окончательно эта задача еще не была и не могла быть разрешена кредитной реформой 1930 г.*

§ 5. Кредитная реформа 1930 г. делает большой шаг вперед по пути разрешения отмеченного в § 3 противоречия, но полностью этого противоречия не разрешает. Данная Лениным еще до революции установка *на единый банк* пока еще не реализована кредитной реформой 1930 г. Согласно постановлению ЦИКа и Совнаркома «успешные результаты реорганизации кредитной системы, проведенной в 1927 и 1928 гг., дают основания предпринять дальнейшие шаги к сосредоточению краткосрочного кредитования в Государственном банке». Эти шаги сводятся к реорганизации Всекобанка и Украинбанка таким образом, что ликвидируются их филиалы и кроме того работу этих банков признано необходимым теснее связать с Госбанком. Нужно полагать, что эта «более тесная связь» кооперативных банков, лишенных своей филиальной сети, с Госбанком фактически сведется к полному подчинению оперативной деятельности этих банков руководству Госбанка. Но даже и в этом случае не только не реализуется полностью установка *Ленина* на единый банк, но даже не осуществляется полная концентрация так называемого «краткосрочного кредитования» в Госбанке, и постановление ЦИКа совершенно справедливо определяет эту реорганизацию лишь как «дальнейший шаг» в указанном направлении.

Дело в том, что пока целиком сохраняется *система городских и коммунальных банков.*

Эти банки, конечно, преимущественно занимаются специальными долгосрочными кредитными операциями, а именно: коммунальным и жилищно-строительным кредитом, а также финансированием промышленности местного значения, *однако наряду с этими специальными опе-*

рациями они практикуют и краткосрочное кредитование товарного обращения. Так, по сводному балансу этих банков на 1 октября 1929 г. из общей задолженности их клиентуры в сумме 1 750 млн. руб. на долгосрочные операции падало 1 389,7 млн. руб. и на краткосрочные операции 360,3 млн. руб. Таким образом параллелизм в кредитовании между Госбанком и городскими банками сохраняется.

Правда, дифференциация клиентуры и согласование годовых и квартальных планов филиалов Госбанка с местными коммунальными и городскими банками дает возможность планового координирования всей сферы краткосрочного кредитования в целом. Однако все же сохраняется самостоятельность городских и коммунальных банков. Как показывает практика, междубанковское координирование кредитования не всегда обеспечивает полное плановое единство и устранение параллелизма. В силу этого нужно полагать, что в дальнейшем потребуются еще один, и на этот раз уже последний шаг на пути концентрации так называемого «краткосрочного кредитования» в Госбанке.

Кроме того наряду с Госбанком и городскими банками сохраняется самостоятельная система сельскохозяйственного кредита (связанная с сельскохозяйственной кооперацией), банк долгосрочного кредитования промышленности и наконец сеть низовых кредитных ячеек — *гострудеберкассы*. Таким образом процесс концентрации банковского аппарата, начавшийся с 1927 г., еще не завершен и пока еще не может быть завершен. Создание единого банка, подлинного «скелета социалистического общества», по выражению Ленина, остается делом будущего; судя по темпам социалистического строительства, это дело ближайшего будущего.

§ 6. Если на пути реализации идеи Ленина о едином банке реформой 1930 г. сделан лишь «дальнейший шаг» вперед, то в отношении рационализации форм кредитования товарообращения вносится полный переворот. Пункт первый постановления ЦИКа о кредитной системе гласит: «Государственным органам, кооперативным организациям и смешанным акционерным обществам без участия иностранного капитала воспрещается отпускать товары и оказывать услуги друг другу в кредит. Этот кредит заменяется исключительно банковским кредитованием».

Поскольку прекращается кредитование коммерческими предприятиями друг друга, постольку очевидно совершенно выпадают из коммерческого оборота товарные векселя. А раз выпадают векселя, значит исчезает и классическая банковская операция учета векселей. Конечно это представляет полный переворот в банковском деле. Теперь уже нет «учетно-ссудных операций», но только ссудные операции.

Нельзя сохранить банковский кредит и эмиссию средств обращения и одновременно ликвидировать коммерческий кредит. Но зато можно ликвидировать и то и другое. Ближайшее ознакомление с новыми принципами кредитования покажет нам, что сущность кредитной реформы 1930 г. не в замене коммерческого кредита банковским, но в том, что стихийный процесс рыночного обращения товаров при посредстве коммерческого и банковского кредита заменяется организованным движением продукции в рамках обобщественного сектора. Банки же выступают лишь в качестве общественных органов, контролирующая

организованное движение продукции; «мы вступаем в полосу социалистического преобразования категорий кредита» (Г. Пятаков). Дальнейшее покажет нам, что смысл реформы заключается именно в этой трансформации категорий кредита, а отнюдь не «просто» в замене коммерческого кредита банковским.

§ 7. Согласно разработанному правлением Госбанка инструкциям в развитие постановления ЦИКа, все кредитные взаимоотношения Госбанка с его клиентурой принимают форму единого контокоррентного счета. Все поступающие от клиента суммы записываются в кредит этого счета, а все выдаваемые ему суммы — в дебет; сальдо показывает сумму задолженности клиента банку или наоборот.

Ниже мы приводим некоторые имеющие принципиальное значение статьи из типового договора о контокорренте, разработанного правлением Госбанка.

1. Госбанк открывает клиенту единый контокоррентный счет, по которому проводятся все операции клиента с Госбанком (кредитование, хранение средств, платежные поручения, прием поступлений и производство выдач наличными и путем безналичных расчетов и т. д.).

5. Регулирование контокоррентов производится в соответствии с финансовым планом клиента и кредитным планом Госбанка. Исходя из этих планов, Госбанк устанавливает для клиента или максимальный лимит дебетового сальдо или минимальный — кредитового сальдо. В соответствии с финансовым планом клиента по отдельным операциям могут быть установлены особые сроки для лимитов в течение планируемого периода.

12. Клиент обязуется представлять в Госбанк в сроки следующие сведения и отчетность о выполнении им своего финансового Госбанк имеет право проверять правильность представляемых ему клиентом сведений и отчетности, для чего клиент должен представлять Госбанку возможность ознакомления со своими книгами и хранилищами.

Переход на единый контокоррентный счет является большим прогрессом: ликвидируется множественность форм активно-пассивных банковских операций и достигается предельная простота этих последних. Этого конечно нет ни в одном капиталистическом банке, где несмотря на широчайшее развитие контокоррентного кредита, все же сохраняются и другие формы кредита.

Но самый факт перехода на контокоррентное кредитование и регулирование этого последнего на основе предусмотренных планом лимитов еще не означает «полного переворота» в банковском деле. С узкобанковской точки зрения *наш контокоррент не отличается от английского «оведрафта с лимитом»* (см. гл. XXX, § 18). Правда, у нас этот «оведрафт с лимитом» становится *всеобщей и единой формой* кредитных взаимоотношений банков и их клиентуры.

Но суть дела вовсе не в том, что определенная заимствованная из новейшей практики капиталистических банков форма кредитования приобретает *универсальный всеобщий характер*. И на Западе эта форма имеет вполне отчетливую тенденцию стать всеобщей и единой формой кредитования, и нет никакого основания отрицать, что в конце концов она может стать таковой. Суть дела в тех общественных отношениях и в тех функциях, которые эта единая контокоррентная форма выполняет в СССР в отличие от капитализма.

§ 8. Эта совершенно своеобразная роль советского контокоррента с полной отчетливостью выявляется в положениях и инструкциях по кредитованию основных отраслей народного хозяйства, разработанных Госбанком в развитие постановления правительства о кредитной реформе. Пункт первый «основных положений по кредитованию промышленности» гласит:

«Взаимоотношения банка с промышленностью должны строиться, исходя из положенных в основу кредитной реформы и реорганизации управления промышленностью установок на:

а) улучшение методов плановой работы кредитной системы и усиление ее роли как фактора, внедряющего плановое начало в народное хозяйство;

б) всемерное расширение и углубление хозрасчета на производстве;

в) рационализацию краткосрочного кредитования народного хозяйства;

г) превращение Госбанка в расчетный центр всего народного хозяйства;

д) использование Госбанка в качестве сигнализатора отклонений на производстве от количественных и качественных заданий плана».

Все перечисленные здесь «установки» *ничего общего* не имеют с «установками» капиталистических банков и в том числе центральных эмиссионных банков. *Здесь «установка» взята на превращение Госбанка в расчетный и контрольный орган всей промышленности в целом.* Госбанк берет на себя контролирование производства и движения промышленной продукции внутри обобщественного сектора, причем это движение происходит преимущественно без наличных денег, путем бухгалтерских проводок (записей):

«Все расчеты промышленных объединений между собой и с хозорганами других отраслей хозяйства, а равным образом все расчеты внутри объединения между правлением объединения, его частями (снабжение, сбыт и т. п.) и предприятиями проводятся через Госбанк в порядке безналичных расчетов путем перечисления со счета на счет с приближением расчетов и документооборота к товародвижению».

Особенно важное значение имеет это «приближение расчетов и документооборота к товародвижению» (фактически это уже есть движение не товара, но *продукта*). Это достигается при помощи *планового лимитирования* (ограничения) контокоррентной задолженности:

«Система кредитования и расчетов промышленности должна быть построена таким образом, чтобы отклонение от установленного планом сальдо по контокоррентному счету предприятия, с учетом данных о выполнении им количественных заданий по производственной программе, давало банку возможность сигнализировать невыполнение предприятием качественных заданий плана (себестоимость и мобилизация внутренних ресурсов)».

В общем может быть нарисована такая картина «кредитования» промышленности. Каждое предприятие имеет свой промфинплан, утвержденный вышестоящими органами и согласованный с общим промфинпланом промышленности. В промфинплане указано, какими именно ресурсами в денежном выражении располагает данное предприятие. Лимит по контокорренту Госбанка является составной и *твердой* частью

промфинплана. В рамках этого лимита это предприятие может «покупать» «за наличные» продукцию у других предприятий. Но ведь продукция этих других предприятий и ее распределение по твердым ценам также определено планами этих предприятий. Следовательно «покупка за наличные» будет означать не что иное, как передачу одним предприятием другому выработанной последней продукции. Это движение продукции будет отмечено в книгах банка, а именно «задолженность» предприятия А («покупателя») будет увеличена, а «задолженность» предприятия В («продавца») будет на эту же сумму сокращена.

По существу же здесь произошло перемещение продукции из одного пункта в другой, а не «обращение товаров», как при капитализме. Поэтому по сути дела здесь (в обобществленном секторе) нет ни покупателей, ни продавцов ни коммерческого, ни банковского кредита, ибо все эти категории предполагают наличие независимых друг от друга товаропроизводителей.

Поскольку госпредприятия в теперешних условиях лишены той самостоятельности, которой они обладали в первые годы нэпа, поскольку связь между ними устанавливается планами, а не рынком и не коммерческим кредитом, *постольку здесь нет по существу ни коммерческого, ни банковского кредита.* Распоряжение «банковским кредитом» в рамках контокоррентного лимита означает лишь то, что данное предприятие имеет получить от общества априорно (наперед) установленную долю общественной продукции.

Но конечно возможны плановые просчеты: допустим, что налицо нет той продукции, которая нужна предприятию В. В этом случае последнее не может воспользоваться открытым ему контокоррентным кредитом; поскольку же не происходит реального продуктодвижения, постольку нет изменений и в состоянии контокоррентного счета; и наоборот, движение продукции вызывает и движение в состоянии контокоррентных счетов, с одной стороны, «покупателя», с другой—«продавца». Если вместо списывания суммы со счета на счет предприятию потребуются наличные, а именно в форме банкнот, то движению этих банкнот должно соответствовать реальное движение продукции, ибо эти банкноты выдаются для расплаты за наличные продукты по определенным ценам. Таким образом инфляция здесь исключена.

Если же налицо не будет той продукции, которая нужна данному предприятию, то его лимит остается неиспользованным. Это конечно нарушает промфинплан данного предприятия. Причины этого могут быть двоякие: либо в том, что другие предприятия не выполнили свои промфинпланы, либо в том, что сумма лимитов была запроецирована Госбанком выше того, что может реально дать промышленность согласно ее промфинплану. Плановые просчеты возможны, но эта сторона дела нас сейчас не интересует. *Для нас важно установить лишь то, что новый порядок «финансирования» по существу сводится к организованному движению продукции в рамках обобществленного сектора, и учету этого движения путем бухгалтерских записей и получения—выдачи банкнот Госбанком.* Госбанк же становится центральным регистратором (бухгалтерией) и одновременно центральным контрольным органом процесса «обмена веществ» в общественном секторе. И вполне

правильно председатель правления Госбанка т. *Пятаков* сказал по поводу проведенной реформы:

«Для банковского «произвола», правда, эта реформа ставит жесткие пределы. Банк должен вести свою работу в полном соответствии с материальным процессом оборота. Поскольку всякого рода фикции исчезнут, постольку основой для предоставления средств явятся только план и действительный процесс материального производства и распределения. Предоставление средств со стороны банка определяется совершенно ясными и точными материальными моментами. Банк не становится и не должен становиться органом, управляющим в какой бы то ни было степени нашим хозяйством или хозяйственными предприятиями. Этим делом занимаются другие органы, на коих эта задача возложена. Но, осуществляя новую систему «кредитования», Госбанк становится мощным рычагом в руках как правительства, так и органов, управляющих теми или иными отраслями хозяйства или предприятиями для осуществления и проведения всех плановых заданий».

Контрольные функции банков т. *Пятаков* характеризует следующим образом «Когда же плановые задания нарушаются, установленный для данного предприятия лимит оказывается недостаточным, банк немедленно дает сигнал о неблагополучии на данном предприятии. Когда может оказаться, что плановый кредитный лимит (предельное дебетовое сальдо по контокорренту) оказывается недостаточным? Тогда, когда, во-первых, предприятие сдало продукции меньше, чем ему было задано, во-вторых, когда фактически себестоимость оказалась выше плановой расчетной цены, в-третьих, когда фактические материальные остатки (готовые товары, топливо, полуфабрикаты и т. д.) оказались больше плановых предположений. Во всех этих случаях мы имеем дело с нарушением плана со стороны производственного предприятия. Во всех таких случаях вина за то, что предприятие не уложилось в лимит, целиком ложится на самое предприятие, и предприятие должно в самом себе найти средства исправления создавшегося положения. Разумеется, могут быть ошибки в плане. В таких случаях, когда мы имеем дело с ошибками в плане, предприятие должно доказать своему управляющему органу (объединению), что здесь была допущена ошибка, и эта ошибка должна быть исправлена. В порядке текущей работы по исполнению плана эта ошибка точно так же исправляется. В тех же случаях, когда ошибки в плановых заданиях не было, а есть вина предприятия, должны быть приняты соответствующие меры для исправления положения. В этом и заключается огромной народнохозяйственной важности автоматическая контрольная роль Госбанка».

§ 9. На аналогичных принципах построены и новые методы «кредитования» кооперации и госторговых предприятий. Подробно разработанные Госбанком инструкции в этой области имеют целью подчинить процесс «кредитования» этих организаций реальным процессам «товародвижения», и исключить пользование банковским кредитом в том случае, когда необходимой для реализации продукции нет наличко.

В отношении потребительской кооперации постановление ЦИКа вводит следующей порядком кредитования: «Кредитование товарооборота потребительской кооперации производится Госбанком на основании планов, согласованных соответственно с Центросоюзом, республиканскими и краевыми (областными) союзами потребительской кооперации. Кредиты оказываются филиалами Госбанка непосредственно союзам, ЦРК и ТПО в размерах, предусматриваемых этими планами».

Таким образом декрет, осуществляя строгую *централизацию планирования кредитования* (планы кредитования всей потребительской

кооперации в целом согласовываются с Центросоюзом, республиканскими и областными союзами), вместе с тем проводит *децентрализацию самого кредитования*, поскольку непосредственным объектом кредитования являются местные союзы, ЦРК и ТПО.

Таковым же является и новый принцип кредитования Госбанком *сырьевых заготовок сельскохозяйственной кооперацией*. Заготовительные планы разрабатываются Наркомторгом, и совместно с Госбанком устанавливается общая сумма необходимого кредита для реализации плана заготовок. Затем на основании этого плана Госбанк через свою филиальную сеть или низовые кредитные товарищества открывает кредиты непосредственно заготовителям и оплачивает наличными эти заготовки, а также ведет расчеты между заготовителями сырья и его потребителем — промышленностью.

Что касается кредитования *кустарно-промышленной кооперации*, то здесь новые принципы более или менее полно были проведены в жизнь ранее общей реформы, а именно еще с октября 1929 г.

Равным образом и осуществление новых принципов кредитования потребительской кооперации опиралось на осуществленный с августа 1929 г. опыт новой системы кредитования *харьковского ЦРК*. Украинская контора Госбанка заключила с харьковским ЦРК соглашение, согласно которому Госбанк берет на себя все расчеты наличными с поставщиками ЦРК, а ЦРК обязался прекратить выдачу товарных векселей. Этот опыт кредитования дал весьма положительные результаты по признанию самого харьковского ЦРК и местной партийной организации, которая констатировала, что «опыт новой формы кредитования себя оправдал».

Положительные стороны новой системы кредитования харьковский ЦРК видел в следующем: «Церабкооп сумел к сезону заготовок товаров совершенно свободно увеличить свои резервы и таким образом улучшить снабжение населения г. Харькова, не увеличивая своих кредитов в Госбанке. Это объясняется тем, что при новой системе Церабкооп освободился от необходимости иметь резерв в виде текущих счетов, которые всегда составляли не менее запаса двухдневной выручки (500—600 тыс. руб.).

Кроме того при расчете за наличные уменьшилось авансирование контрагентов и поставщиков, и таким образом эти непроезводительные суммы, которые раньше лежали мертвым капиталом, презрелись в товарные ценности. Помимо этого Церабкооп получил полную возможность свободного маневрирования денежными средствами в пределах месячных планов, что благополучно повлияло на покупку целого ряда товаров для обслуживания рабочего населения г. Харькова.

Месячные планы ХЦРК выполняются довольно точно с незначительными отклонениями в ту или иную сторону. Тем не менее внутри месяца бывают дни, когда выручка понижается и падает до определенного размера с тем, чтобы в дальнейшем снова повыситься. При ранее существовавшей системе были замйки в дни падения выручки, когда Церабкооп не мог покупать товаров за отсутствием на данный день соответствующих финансовых ресурсов. При новой системе разрыв между сегодняшним и завтрашним днем совершенно уничтожается, отчего выигрывает дело рабочего снабжения.

Эта система освободила руководящую верхушку финансового отдела от ежедневных^х забот по поискам средств и дала возможность устремить всю энергию в сторону улучшения работы ХЦРК. Помимо того эта новая форма кредитования внесла много рационализаторских моментов в работу финансово-счетового отдела ХЦРК, совершенно отпала необходимость в выписке векселей, разоска их по всем книгам и счедам, а главным образом расчеты между Церабкоопом и его контрагентами упрощены до максимума».

Осуществляя новые методы кредитования, Госбанк по существу берет на себя управление *финансовым оборотом* потребительской кооперации и госторговли так же, как и госпромышленности. Это дает возможность последней сосредоточить все своё внимание на производственно-технической стороне их деятельности, а первым — на технике продукто-распределительных операций. Расчетно-финансовые операции целиком сосредоточиваются в Госбанке.

Кредитная реформа кардинально меняет самую постановку вопроса об *обеспечении* кредитов.

«Вопрос об обеспечении кредитов по *конткоррентному* счету, — говорит В. Шер, — решается конечно иначе, чем до кредитной реформы. Вместо покупательского векселя с двумя подписями банк как общее правило будет иметь соло-вексель, вместо твердого товарного обеспечения — товар в обороте. Теперь центр тяжести забот банка о сохранении своих средств, вложенных в хозяйство, должен значительно передвинуться: вместо обработки реестра векселей, представленных клиентом, или вместо тщательной приемки товаров на склады банка или систематической проверки сохранных расписок, банк должен будет наблюдать за тем, насколько выполняет данное предприятие количественные и качественные показатели утвержденного плана, насколько правильно осуществляются предписанные данному предприятию темпы развития хозяйственной деятельности. *Вместо контроля формального банк переходит исключительно к контролю по существу.*»

§ 10. После того как мы познакомились с основным принципом реформы кредитования госпромышленности, госторговли и кооперации, мы можем нарисовать идеальную картину процесса «обмена веществ» в организованном обществе. Это конечно пока еще картина будущего, но именно кредитная реформа 1930 г. в связи с общим процессом социалистической реконструкции народного хозяйства СССР подготавливает полную реализацию той картины, которая ниже будет нарисована.

Допустим, что общество состоит только из одних трудящихся («рабочих» и «служащих»). Воспроизводство происходит организованно и регулируется одним центром. Движение продукции происходит, во-первых, между отдельными отраслями производства (сырье, орудия производства, вспомогательные материалы) и, во-вторых, от производителей к потребителям. Вся продукция выражена в трудорублях, т. е. «рубль» является свидетельством определенной массы затраченного труда и одновременно правом на получение определенной доли общественной продукции.

Движение продукции между отраслями производства совершается не непосредственно самими предприятиями, между производством и потреблением (личным), а через посредство распределительного аппарата («госторговля» и «кооперация»). Все движение продукции учитывается и контролируется центральным *контрольно-расчетным аппаратом* («Госбанком»).

Допустим, что вся продукция равна 1 млрд. трудорублей. Из них 600 млн. руб. идут на восстановление затраченных элементов производства, а также на его расширение. Эта продукция перераспределяется между отдельными предприятиями, причем это перераспределение отражается в бухгалтерских записях на счетах предприятий в Госбанке.

Остальная сумма продукции на 400 млн. руб. материально представляет собой средства потребления. Эта продукция должна быть рас-

пределена между «рабочими» и «служащими». Ее распределение происходит следующим образом. Госбанк выдает в «кредит» распределительному аппарату («кооперации») на 400 млн. руб. трудовые бонны, которыми «кооперация» расплачивается с промышленностью за полученную от последней продукцию. Эти 400 млн. трудорублей промышленность выплачивает «рабочим» и «служащим». Таким образом на руках у последних оказывается трудовых бонн на 400 млн. руб., а у «кооперации» продуктов на ту же сумму. Процесс распределения завершается переходом продукции в руки потребителей, а трудовых бонн в кассы «кооперации». Этими 400 млн. руб. «кооперация» погашает «долг» банку и если к этому времени у промышленности имеется новая партия продукции, процесс распределения начинается сначала.

Это и есть картина организованного продуктодвижения в социалистическом обществе. Здесь нет ни денег, ни кредита, ни товаров — движение продукции организовано и определено центральным общественным органом. Конечно распределительный аппарат социалистического общества можно называть «кооперацией» или «госторговлей», центральный учетно-контролирующий орган — «банком», трудовые бонны — «деньгами» и наконец движение этих последних — «банковским кредитованием», но все эти термины совершенно лишены того значения, которое они имеют в неорганизованном товарном обществе...

Можно ли сказать, что с проведением в 1930 г. «кредитной реформы» осуществляется полностью нарисованная выше картина? Этого нельзя сказать, потому что еще не устранено индивидуальное производство (главным образом в сельском хозяйстве, а также в сфере кустарно-ремесленных промыслов), и поэтому достигнутый уровень обобществления производства и планирования и организованного продуктооборота через посредство Госбанка не устраняют полностью для всей хозяйственной системы СССР стихийно-рыночных связей. И поэтому такие понятия, как «цена», «торговля», «банк», «деньги», еще не лишились полностью своего значения, и в этом вообще основное противоречие переходного хозяйства и противоречие категорий денег и кредита в эту эпоху (ср. гл. XVIII и XXXVII).

Кредитная реформа 1930 г., как это вытекает из всего изложенного, действительно является крупным шагом на пути подготовки к социалистической организации процесса продуктораспределения. Но необходимой предпосылкой этого перехода является социалистическая организация всего общественного производства. Но этого пока еще нет налицо, поскольку помимо массы индивидуальных крестьян-производителей, мы имеем также и в колхозах артельного типа неполное обобществление производства. Однако, если рост планирования будет идти в ногу с процессами обобществления производства, то тем самым можно ожидать уже в ближайшие годы создания всех необходимых предпосылок для перехода к всеобщему (а не только в рамках обобщественного сектора) социалистическому учету, распределению и контролю. И к этому времени должен быть создан «свой банк» как центральный учетно-контрольный орган распоряжения ресурсами социалистического общества.

§ 11. Нам остается кратко охарактеризовать конкретные мероприя-

тия по реорганизации системы сельскохозяйственного кредита, осуществленные кредитной реформой 1930 г. В § 4 мы отметили те объективные экономические факторы, которые обусловили необходимость реорганизации системы сельскохозяйственного кредита. Эта реорганизация выразилась в следующем.

Центральный сельскохозяйственный банк Союза ССР реорганизован во *Всесоюзный сельскохозяйственный кооперативно-колхозный банк*, а краевые и областные сельскохозяйственные банки превращены в филиалы Всесоюзного сельскохозяйственного кооперативно-колхозного банка. Наряду с этим ликвидированы все банковские звенья системы сельскохозяйственного кредита ниже областных и краевых и сельскохозяйственные кредитные союзы.

Всесоюзный сельскохозяйственный кооперативно-колхозный банк находится в ведении Всесоюзного совета сельскохозяйственной кооперации, а через последний подчиняется руководству Наркомзема. Единному Колхозбанку передаются активы и пассивы всех ранее существовавших банковских звеньев. Через аппарат республиканских областных и краевых контор Колхозбанк осуществляет все мероприятия по кредитованию сельского хозяйства и руководит работой низовых ячеек сельскохозяйственного кредита — *кредитных товариществ*.

Постановление ЦИКа подробно регламентирует новые методы работы сельскохозяйственных кредитных товариществ. Последние совершенно прекращают производственную, сбытовую, снабженческую и торговую работу и всю деятельность сосредоточивают на мобилизации средств населения, колхозов и других кооперативных и общественных организаций. Эти средства должны идти на кредитование:

а) коллективных хозяйств (коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли) на их собственные нужды;

б) сельскохозяйственных производственных объединений (поселковых товариществ) как на их собственные нужды, так и на производственные нужды их членов;

в) единоличных бедняцких и середняцких крестьянских хозяйств, не охваченных производственными объединениями.

Сельскохозяйственные производственные объединения (поселковые товарищества) ответственны перед сельскохозяйственными кредитными товариществами как за направление кредитов по назначению и за своевременное их погашение, так и за правильное распределение кредитов между бедняцкими и середняцкими группами крестьянства, в соответствии с директивами правительства.

Поселковые товарищества не являются звеньями в системе сельскохозяйственного кредита и передают населению кредиты на тех же условиях, на каких сами получают их от сельскохозяйственных кредитных товариществ.

Сельскохозяйственные кредитные товарищества могут кредитовать также сельские промысловые товарищества на нужды их производства».

Далее постановление ЦИКа стремится к превращению массы низовых сельскохозяйственных товариществ в органическую составную часть всей плановой системы СССР в целом: эти товарищества должны

стать низовыми ячейками, на которые опиралось бы плановое финансирование всего сельского хозяйства в целом. В этих целях, согласно § 18 постановления ЦИКа, «сельскохозяйственные кредитные товарищества осуществляют производственное кредитование на основе:

а) районного производственного и финансового плана сельского хозяйства по отдельным его отраслям, составленного на основе общегосударственного плана по сельскому хозяйству;

б) производственно-финансовых планов кредитуемых организаций;

в) договоров районных сельскохозяйственных производственных союзов с низовыми производственными объединениями.

Кредитование по общему правилу производится в соответствии с договорами контрактации, заключаемыми производственными системами сельскохозяйственной кооперации».

Весьма важно, что производственное кредитование увязывается с *контрактацией посевов* и тем самым содействует расширению этой последней. А контрактация является важнейшим рычагом вовлечения не вошедших в колхозы хозяйств в орбиту плановой системы СССР.

Наряду с производственным кредитованием сельскохозяйственные кредитные товарищества кредитуют заготовки сельскохозяйственных продуктов первичной сельскохозяйственной кооперации и ее районных звеньев. Кредитование заготовок производится на основании договоров местных филиалов Госбанка с сельскохозяйственными товариществами и в соответствии с генеральными соглашениями Госбанка СССР и *Всесоюзным колхозбанком*.

Сельскохозяйственные кредитные товарищества должны тщательно контролировать финансовое состояние своих клиентов, а также следить за правильным социальным распределением кредитов. Для этого постановление ЦИКа предоставляет право сельскохозяйственным кредитным товариществам обследовать хозяйство своих клиентов, а также требовать от них представления финансовой отчетности.

Круг членов сельскохозяйственных кредитных товариществ значительно расширен. В их состав входят местные колхозы и все первичные сельскохозяйственные производственные объединения, сельскохозяйственные производственные союзы и другие кооперативные организации, комитеты крестьянской взаимопомощи и наконец не вошедшие в состав первичных производственных товариществ *бедняцкие* и *средняцкие* слои крестьянства.

Наконец следует отметить, что постановление ЦИКа возлагает на сельскохозяйственные кредитные товарищества *функции низового расчетного центра*, которые регулируются особым законом.

Таково содержание основных мероприятий по реорганизации системы сельскохозяйственного кредита. Оценивая значение этих мероприятий, можно сказать, что они в целом вполне соответствуют тем требованиям, которые были поставлены всем ходом экономического развития СССР перед системой сельскохозяйственного кредита (см. § 4 настоящей главы).

Этими мероприятиями подготавливается превращение системы сельскохозяйственного кредита в *контрольно-учетный аппарат* распоряжения ресурсами сельского хозяйства в социалистическом обществе.

§ 12. Наряду с коренной реформой системы и методов кредитования товарооборота и сельского хозяйства и самого кредитного аппарата в начале 1930 г. была также проведена и *реформа госзаймов СССР*.

До 1930 г. правительством СССР был выпущен ряд долгосрочных займов, цель которых заключалась в мобилизации накоплений трудящихся масс для индустриализации страны. Помимо ряда займов, выпущенных до 1928 г., среди широких слоев трудящегося населения СССР было размещено четыре массовых займа: три займа индустриализации и один «займ укрепления сельского хозяйства». Однако эта множественность займов значительно удорожает издержки страны по госкредиту и кроме того затрудняет обслуживание держателей облигаций.

Наряду с этим, благодаря множественности займов и отсутствию ограничений при их реализации, была создана почва для злостной спекуляции займами, практиковавшаяся преимущественно буржуазией, вытесненной из сферы производства и товарной торговли, а также некоторой частью трудящихся, главным образом, как показывали факты, наиболее обеспеченными слоями последних. Тиражи займов происходили очень часто, и эти тиражи использовались для спекулятивной игры таким образом, что перед каждым тиражом облигации покупались, а после тиража — снова продавались. Право неограниченного получения ссуд под облигации займов еще более усиливало возможности спекуляции за счет средств Госбанка.

Но правительство СССР выпускает займы не для спекуляции. Ведь эти займы являются *долгосрочными*, и если заем реализован, то правительство только в том случае может вложить эти деньги в индустриализацию страны, если будут известные гарантии в том, что облигации займов не будут «сброшены», т. е. проданы кредитным учреждениям. «Сброска» займов и та спекуляция, о которой выше была речь, являлись ударом по финансам страны, вносили осложнения в госбюджет, вредили делу индустриализации и следовательно в конечном счете шли вразрез с интересами трудящихся. Ограничивая свой потребительский бюджет, одалживая своему правительству деньги на 5 или 10 лет, трудящиеся конечно могут в случаях крайней нужды получить эти средства обратно и ранее срока погашения облигации. Это право и впредь сохраняется за трудящимися страны, но зато проведенными в феврале 1930 г. мероприятиями совершенно исключена возможность спекуляции госзаймами и их досрочной продажи без действительной в этом нужды. Эти мероприятия заключаются в следующем.

Во-первых, постановлением ЦИКа и Совнаркома СССР от 21 февраля 1930 г. выпускается новый единый заем финансирования социального строительства под названием «*Пятилетка в четыре года*». Все облигации 1, 2, 3 займов индустриализации и государственного выигрышного займа укрепления крестьянского хозяйства обмениваются до 1 января 1931 г. на облигации нового займа «Пятилетка в четыре года», который должен быть выпущен не позднее 1 августа 1930 г. Этим постановлением достигается та *унификация* госзаймов, необходимость которой выше была отмечена.

Во-вторых, постановлением ЦИКа и Совнаркома СССР от 22 февраля 1930 г. в связи с выпуском нового займа все подлежащие обмену

облигации займов *сняты с котировки*. Однако «в целях предоставления трудящимся возможности в случае нужды закладывать и продавать облигации этих займов и учитывая проявленную широкими рабочими массами инициативу в деле общественного контроля над распоряжением облигациями займов, размещенных среди трудящихся», ЦИК и Совнарком СССР постановили:

«1. Обязать Народный комиссариат финансов Союза ССР обеспечить покупку у трудящихся кредитными учреждениями и государственными трудовыми сберегательными кассами облигаций займов, подлежащих обмену, и выдачу им ссуд под залог этих облигаций, когда на это имеется разрешение соответствующих комиссий содействия государственному кредиту и сберегательному делу.

2. Возложить на комиссию содействия государственному кредиту и сберегательному делу выдачу в случаях действительной нужды разрешений трудящимся на продажу или залог принадлежащих им облигаций займов, подлежащих обмену».

Таким образом этим вторым постановлением совершенно исключена возможность спекуляции и злостной сброски займов.

Проведенная реформа госзаймов возлагает большую ответственность на *комиссии содействия госкредиту и сберегательному делу*, которые уже к моменту реформы были организованы во всех крупных предприятиях и учреждениях, а также при местных советах. Деятельность низовых комиссий содействия координируется *центральной комиссией содействия госкредиту и сберегательному делу при ЦИКе СССР*.

Комиссии содействия являются целиком и полностью пролетарскими общественными организациями. И именно такие организации с наибольшим успехом могут обеспечить размещение госзаймов среди широких масс населения, развитие сберегательного дела и следовательно укрепление финансов Союза ССР.

Литература.

- 1) *Сборник положений и инструкций по кредитной реформе*. Изд. правления Госбанка. М. 1930 г.
- 2) *В. Шер*. Кредитная реформа. М. 1930 г. Изд. правления Госбанка.
- 3) *Соболев*. Основные вопросы реорганизации кредитной системы Союза ССР, М. 1929.
- 4) *Сборник «Реформа кредита»*. Изд. правления Госбанка. М. 1930 г.

Вопросы для повторения.

- 1) В чем дефекты дореформенной системы и методов кредитования товарооборота и сельского хозяйства?
- 2) В чем заключалась проведенная реформой 1930 г. реорганизация кредитного аппарата, и можно ли считать эту реорганизацию завершенной?
- 3) Верно ли, что суть кредитной реформы в области кредитования товарооборота сводится просто к замене коммерческого кредита банковским, и может ли вообще банковский кредит устранить или заменить коммерческий кредит?
- 4) Какая банковская операция становится единственной формой кредитных взаимоотношений банков и их клиентов?
- 5) В чем сущность новых методов кредитования «товарооборота».
- 6) Осуществляет ли кредитная реформа полный переход к подлинно-социалистическим формам продуктооборота?
- 7) В чем заключается реформа сельскохозяйственного кредита?
- 8) Как и почему была проведена реформа госзаймов в 1930 г.?

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Амальгамации банковские** 318
Акцепт банковский 243, 245, 246
Аваль банковский 243
Акции 211, 235, 261-263, 264, 357
— эмиссия акций 415
Акционеры 264-267
Акционерное общество, предприятие 80, 151, 211, 212, 261, 263, 265, 267, 268-361, 363, 366, 369, 419
Английская расчетная палата 323
Ассигнаты 120, 128-130
- Баланс** 51, 68, 69, 126, 269
— банковский 269
— расчетный и платежный 59, 66, 67, 68, 70, 78
— торговый 67
Банки 39, 55, 205, 212, 216, 232-241, 242-249, 249-259, 260, 267, 268, 269, 271, 289, 290, 291, 296, 298
— концентрация банков 337, 380
— функции банков 234
Банк Австрийский 126
Банки акционерные 70, 215, 230, 231, 311, 370, 371, 376, 377, 387, 402
— американские 340-359
Банк Амстердамский 306
— Английский 133, 156, 157, 158, 159, 306, 308-323, 328
— ассигнационный государственный 360
Банки «Биг-Файв» 316, 318, 319, 321, 350
Банк Венецианский 306
— Гамбургский 305
Банки и банковская система Германии 320, 324-333
— городские и коммунальные 277, 376, 412, 428, 429
— государственные 153, 155, 184, 201, 353, 360, 362, 370, 371, 373, 385, 386, 387, 388, 395, 401, 402, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 425, 426, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435
— депозитные или коммерческие 248, 306, 309, 311, 320, 321, 326, 328, 330, 331, 335, 343, 371
Банк заемный государственный 360, 362, 370, 371, 373
Банки земельные 354, 377
— инвестиционные 231
— ипотечные 334
— кооперативные 279, 402
— крестьянские поземельные 279, 377, 378
— меновые 194
Банк народный 383
Банки национальные САСШ 346, 349, 350
— общественные 376
— рабочие 279, 354, 355, 356
— Рейхсбанк 163, 325, 328, 329, 330
— кредитная политика Рейхсбанка 162
— банкноты Рейхсбанка 160, 161, 165, 204, 326
Банк рентный 163, 327-329
Банки и банковская система России 359-383, 385
— и банковская система САСШ 341, 342, 343, 344, 345, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 356, 357
— сберегательные 346, 347, 349
— и банковская система СССР 383-441
Банк сельскохозяйственный СССР 412
Банки специальные 277-284, 411
— торгово-промышленные 248
— фондовые 231
— и банковская система Франции 131, 165, 166, 167, 334-339
— эмиссионные 56, 69, 117, 160, 204, 230, 231, 248, 287, 308, 324, 326, 336, 410
Банкиры 113, 216, 232
— древние 302
— аргентарии 303
— нумуллярии 303
— евреи 303, 304
— ломбарды 304
— средне-вековые 303, 304
Банковое законодательство 309, 340, 341
Банковский контроль 259, 379, 407, 414, 433
Банковский кредит см. кредит
Банковское кредитование см. кредитование
Банковские объединения международные 352
— операции 234, 248, 249, 250, 251, 252, 255, 258, 269, 286, 291, 301, 307, 374
Банковые операции СССР 390, 392, 408
Банковская политика 232

- Банковские поручения 250, 252
 — резервы 240
 Банковые ресурсы 374
 Банковские сейфы 238
 Банковое серебро 153
 Банковская система 308
 — федеральная резервная система 342, 343, 345, 353, 356
 Банковские средства обращения 242
 Банковская статистика 398, 404
 Банковские фонды 248
 Банковская фюзия 332
 Банковые чеки 156
 Банковская эмиссия 103, 242, 247, 248, 258, 287, 310
 Банкноты 48, 55, 56, 57, 60, 73, 86, 100, 102, 103, 110, 113, 123, 126, 131, 133, 135, 146, 156, 158, 159, 160, 184, 188, 212, 215, 216, 220, 243, 244, 245, 247, 253, 254, 287, 288, 289, 315, 316, 335, 354
 Банкноты неразменные в Англии 127
 Банкнотная эмиссия 56, 123, 156, 157, 162, 165, 166, 248, 254, 287, 310, 324, 340, 343, 369
 Безработица и кредит 81, 84, 195, 253, 283, 292
 Биржа 257, 263
 — Лондонская 64
 — фондовая 230, 392
 Биржевая практика 255
 Биржевые сделки 255, 256
 Биржевая спекуляция 356
 Бюджет 145
 — государственный 18, 74, 81, 83, 158, 337, 414
 Бюджетный дефицит 126, 183, 185, 188, 189
 Бюджетные резервы 145
 — средства СССР 390
- Валюта** 78, 139, 158, 189
 — стабилизация валюты 136, 139, 168, 179
 — австрийская 125
 — бумажная 150
 — германская 150, 151
 — золотая 121, 122, 140, 149, 156, 167, 182, 341
 — иностранная 64, 65, 151, 155, 250
 — металлическая 139, 141
 — нотальная 116, 125, 168
 — серебряная 60
 — субстанциональная 116
 — твердая 182
 Валютные деньги 70
 Валютный демпинг 150, 151, 162
 Валютные отношения 71
 Валютный паритет 70
 Валютная политика 42, 100, 155, 156
 — инвалютарная политика 66; 68, 70, 126, 158, 167, 189, 198
- Валютные резервы 136, 192
 — система стабилизации валюты Витте 136
 — система стабилизации валюты Линдсея 136
 — система стабилизации валюты Торнквиста 136
 Валютная подкомиссия НКФ 174
 — интервалютарный курс 65, 66, 67, 69, 77, 122, 126, 157, 158
 — интервалютарная политика 92
 Векселя 425
 — дружеские 252
 — соло 229
 — товарные 55-57, 66, 135, 216, 228, 243, 244, 246, 258, 322, 426, 429
 — финансовые 229
 Вексельный курс 59, 64, 65, 71, 78
 — мораторий 156
 Вексельные маклера 312, 328
 Вексельное обращение 361
 Вексельные операции 249, 251
 Войны и финансы 106, 145
 — империалистические 78, 80, 81, 122, 126, 132, 144, 168, 167, 197, 266, 277, 323, 337, 383
 Война франко-прусская 131
 — Англии с Наполеоном 133
 — России с Турцией 134
 — крымская 135
 — наполеоновская 135
 — гражданская 93, 170, 173, 197
 Временное правительство и денежное обращение 155, 156, 170
- Генуэзская конференция и валютная проблема** 149, 150
 Германские репарации 165
 Государственный бюджет 74, 81, 83, 158, 187, 337, 414
 Государственные долги 399
 — доходы см. доходы
 — займы 72, 128, 160, 276, 389, 399
 — облигации 128
 Госпредприятия и банки 72, 182, 189, 401, 407, 425
 Государственные расходы 72, 128, 161
 Гринбеки 133
 Грюндерство 265
 Грюндеры 257
 Государственное снабжение и денежное обращение 190
- Девизы** 66, 67, 70
 Девизная политика 59, 69, 70, 126, 135
 Деноминация 183
Деньги:
 — платежная сила денег 36
 — покупательная сила денег 47
 — абсолютные 140
 — аксессуары 93

- Деньги бумажные 20, 29, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 47, 48, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 71, 72, 73, 74, 75, 81, 82, 86, 92, 93, 94, 96, 101, 110, 113, 118, 123, 125, 127, 128, 131, 133, 139, 141, 146, 152, 177, 178, 215, 289
 — валютные 78, 93, 117, 121, 124, 126, 188
 — весовые 110, 112
 — золотые 34, 38, 39, 45, 57, 58, 121, 122
 — квадратные 112
 — континентальные 131
 — кредитные 36, 48, 54, 55, 56, 102, 110, 113, 141, 215, 216, 247, 324
 — металлические 33, 36, 55, 82, 87, 92, 93, 101, 112, 117, 118, 122, 128, 141
 — металлочеканные 110, 112, 137
 — мировые 59, 60, 61, 95, 116, 125, 126, 136, 145, 200
 — наличные 49, 51, 81, 93, 105
 — неполноценные 138
 — неразменные 92
 — нотальные 93
 — облигаторные 93
 — отмирание денег 170
 — серебряные 71
 — счетные 37
 — теория денег 7-85
 — теория денег Гольфериха 96
 — государственная теория денег 7, 8, 53, 90, 93, 94, 95, 131, 137, 139, 140
 — теория денег Кнаппа 85, 91, 93, 94, 96
 — качественная теория денег 38, 41, 42, 43, 44, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 107, 108
 — купеческая теория денег 141
 — металлистическая теория денег 7, 8, 29, 85, 86, 87, 89, 90
 — механическая теория денег 107
 — теория денег Монтестье 103
 — номиналистическая теория денег 8, 22, 60, 85, 86, 90, 95, 96
 — теория денег Рикардо 97, 100, 101, 103, 106
 — теория денег Джемса Стюарта 97
 — товарная теория денег 97
 — теория денег Тука 97
 — фетишистская теория денег 288
 — теория денег Фишера 97, 105, 106
 — функциональная теория денег 85, 95, 140, 141
 — теория денег Юма 97, 99, 100, 101, 103, 106, 107
 — юридическая теория денег 137, 139
 — критика денежных теорий 85-108
 — и товар 35, 36, 42, 81, 83, 309
 — факультативные 93
 — функции денег 19
 — чеканка денег см. чеканка
 — эволюция денег 113
 Денежные займы 156
 Денежные знаки 29, 35, 52, 53, 54, 57, 58, 72, 73, 76, 81, 83, 84, 87, 89, 90, 92, 93, 106, 110, 113, 115, 117, 120, 124, 125, 145, 184, 185, 190, 205, 210, 258, 291
 — дефляция денежных знаков 83
 — девальвация денежных знаков 84, 135
 — нуллификация денежных знаков 83, 84
 — реставрация денежных знаков 3, 84
 — стабилизация денежных знаков 83
 Денежный кредит 70
 — кризис 145, 364
 Денежная масса 53, 73, 75, 105, 128, 154, 155, 160, 161, 164, 172, 190
 Денежный материал 44
 — обмен 30
 — нормы обращения денег 35, 36
 — орудие обращения денег 35, 36, 37, 58
 Денежное обращение Англии 312, 315
 Денежное обращение САСШ 342, 344
 — бумажно-денежное обращение в России 127
 — бумажно-денежное обращение в САСШ 127
 — бумажно-денежное обращение во Франции 127
 Денежная политика 134, 136, 140, 191, 193, 310
 Денежные резервы 225, 240
 Денежная реформа 71, 80, 83, 163, 164, 180, 185, 187, 188, 191, 193, 148, 370
 — реформа 1924 г. 197
 — реформа Витте 135, 145
 Денежные реформы после мировой войны 152, 159
 Денежный рынок 65, 145, 149, 211, 218, 219, 222, 223, 225, 227, 228, 312, 364, 380, 389
 — советский 389
 — частный в СССР 389
 Денежная система 58, 63, 71, 84, 115, 116, 117, 118, 124, 127, 144, 171, 183, 193, 385
 — австрийская 126
 — английская 158
 — блокированной чеканки 118, 125, 126
 — бумажно-денежная 37, 118, 123, 125, 126, 127, 130, 133, 146
 — биметаллистическая 118, 119, 121
 — монометаллистическая 118, 119, 123
 — регламентированная 116
 — нерегламентированная 116
 Денежные теории буржуазные 85-108
 Денежный товар 28, 46
 — фетишизм 17, 18, 89, 234
 Денежные фонды 212
 — формы стоимости и деньги 11-18
 Денежная форма 18, 20, 32, 99, 111
 — эмиссия 57, 72, 81, 82, 83, 145, 154, 168, 173, 183, 186, 189, 190, 310
 Депозиты 236, 240, 241, 253, 287, 380, 405, 406

- Депозиты: стабилизация депозитов 239
 Депозиты фиктивные 398
 Депозитная эмиссия 257, 310
 Дивиденды 80
 Долги международные 151
 Долговые обязательства 49, 53, 54
 — расписки 54
 Доллар 78, 132, 158, 162, 165
 Доходы 7, 23, 68, 71, 72, 73, 74, 134, 138, 264
 — государственные 276
 — денежные 154
 — неналоговые 72, 187
 — национальные 23
 — номинальные 72, 79, 117
 Доход рантье́рский 227
 Доходы реальные 71, 72, 79, 80, 82, 83, 186, 191, 293
 — эмиссионные 81, 186
- М**ироворот банковский 236, 245, 311, 323, 344
- З**аконодательство банковское см. банк. законод.
- Законодательства и постановления о деньгах и банках:
- Закон в России 1914 г. 153
 Декрет СНК от 23/I 1919 г. 173
 » » » 25/VII 1920 г. 173
 » » » 5/XI 1921 г. 184
 » » » 11/X 1922 г. 184
 Пост. ВЦИК от 18/VI 1920 г. 173
 » » » 15/VI 1927 г. 410
 » » » 17/II 1928 г. 410
 Пост. ЦИК и СНК от 5/VI 1924 г. 187
 » » » » 30/I 1930 г. 424
 » » » » 21/II 1930 г. 438
 « » » » 22/II 1930 г. 438
- Заборная книжка и деньги в СССР 200
- Займы военные 145
 — выигранные 277
 — городские 278
 — долгосрочные 439
 — коммунальные 278
 — принудительные 277
 — срочные 277
 — краткосрочные 228
 — бессрочные 277
- Закладные 230
- Знаки бумажные 73, 89, 116, 124
 — государственные 53
 — номинальные 115
- Золото САСШ 346
 — добыча золота 26, 147
 — свобода чеканки золота 119, 120
 — монетное 42
 — слитковое 42
- Золотые запасы 102, 148, 149, 160, 345, 341
 — знаки 120
 — кредиты 155
- Золотой паритет 131
 Золотые резервы 43, 157, 335, 343
 Золотой рубль 184
 — фетишизм 85
 Золотые фонды 102, 201
 Золотопрмышленность и монометаллизм 123
- И**мпериализм 144, 260
 — САСШ 346
 Имперналы 136
 — полумперналы 136
 Импортная пошлина 78
 Инвестиция американская 346, 349, 350
 Инвестиционные операции 350
 — тресты 321, 328
 Индекс рантье́рский 27, 28, 128, 184
 Индекс английский 157
 — бюджетный 28
 — розничный 189
 — статистики труда 183, 186
 — товарный 160
 Интервенция валютная 187, 188, 198
 — товарная 187, 188, 198
 Инфляция бумажно-денежная (теория) 71-85
 — во время и после мировой войны 144-152, 152-169, 170-187
 — чековая 323
 Инфляционный валог 161, 163
 — процесс 71, 73, 75, 150, 153, 156
 Инфляционная система 84, 146, 156
- К**азначейские билеты 156, 158, 159, 197
 Казначейский рубль 189
 Концентрация капитала 212, 262
 — миграция капитала 123
 — стабилизация капитализма 167, 275
 — централизация капиталов 338
 Капитал акционерный 80, 261, 262, 265
 — американский 351
 — денежный 175, 206, 210, 216, 225, 265
 — иностранный 362, 368, 369
 — оборотный 239, 258
 — основной 225, 239, 254, 258, 261
 — производительный 201, 206, 242
 — промышленный 200, 206, 221, 225, 268, 305, 322, 338, 420
 — рантье́рский 227
 — резервный 80, 355
 — ростовщический 301, 304, 305, 307
 — свободный 354
 — ссудный 208, 209, 213, 216, 219, 220, 221, 222, 223, 228, 230, 232, 235, 237, 238, 240, 242, 301, 306
 — товарный 206, 215
 — торговый 216, 225
 — фиктивный 240, 241, 262
 — теория финансового капитала 259-275
 — функционирующий 226, 247, 285
 — государственный 196
- Капитализм монополистический 270, 271, 359

- Капитализм плановый 259, 339
 — финансовый 123, 331, 376
 Капиталообразование 212, 213, 297
 Капиталораспределение 212, 213
 Капиталисты пассивные 79
 — производительные 237
 — промышленные 78, 79, 80, 215, 224, 225, 227, 260, 270
 — — рантие 226, 227
 — торговые 79, 218, 225, 227
 — собственники 207, 209, 420
 — финансовые 267
 — функционеры 207, 209, 224, 226, 227, 237, 420
 Коллективизация 180, 421
 Коммунизм военный 170, 171, 172, 175, 179, 182, 382, 384
 Конткоррент 430
 — советский 431
 Конткоррентный счет 430
 Кооперативы кредитные 378
 Котировка 64, 65
 Кредит:
 — теория кредита 203-284
 — буржуазные теории кредита 284-298
 — классическая теория кредита 286
 — натуралистическая теория кредита 203, 204, 285, 286, 288, 297
 — эксансивистическая теория кредита 289, 296, 297
 Кредит акцентный 242
 — акционерно-облигационный 218, 262
 — банковский 213, 215, 216, 240, 244, 266, 306, 386, 417, 423
 — государственный 216, 276, 280, 399
 — денежный 213, 215, 216, 217, 242, 253, 257
 — ипотечный 276, 279, 280, 327, 377
 — капитальный 254, 257
 — коммерческий 54, 55, 56, 213, 221, 222, 243, 244, 245, 296, 361, 429
 — коммунальный 276, 277, 402
 — конткоррентный 322
 Кредиты краткосрочные 376, 414
 Кредит крестьянский поземельный 276, 279, 281
 — ломбардный 253
 — меллоративный 280
 — мелкий 228
 — потребительский 210, 218, 276, 281, 282, 289, 354, 355
 Кредиты производственные 412
 Кредит промышленный 374
 — публичный 276
 — ростовщический 305, 306, 359, 421
 — сельскохозяйственный 280, 402, 413, 415, 427
 Кредиты стабилизационные 136
 Кредит ссудный 217, 253, 254, 257, 387
 — товарный 213, 253, 282
 — торговый 51, 54, 55, 412
 — торговопромышленный 276
 Кредитный баланс 48, 50, 51, 52, 53, 56, 62, 76, 82, 153, 215
 Кредитные билеты 154
 — документы 228, 230
 Кредитный контроль 274
 Кредитная кооперация 278, 279, 281
 Кредитный оборот 82
 Кредитные операции 386, 403, 404
 Кредитное планирование 274, 396
 Кредитная политика 191, 274, 296, 310, 345, 422, 423
 Кредитные реформы 360, 408, 427, 435, 436
 Кредитное посредничество 231-232
 — сальдо 62
 Кредитные сделки 154
 — товарищества 278, 279, 379, 412, 427, 437, 438
 — учреждения СССР 383
 Кредитная экспансия 293, 294, 295, 296
 — эмиссия 245, 288, 295, 297, 420
 Кредитование взаимное 215
 — долгосрочное 257, 402, 411, 413, 414
 — инфляционное 258
 — конткоррентное 398
 — кооперации 433, 434, 435
 — производственное 438
 — промышленности 431, 435
 — госторговли 433, 435
 Кредиторы 79, 255, 264
 Кризисы 32, 48, 52, 84, 105, 220, 223, 244
 — теория кризисов 29
 — денежные 145
 — САСШ 358
 Лига наций 158
 Марка германская 159, 160, 163
 — рейхсмарка германская 163
 Марксова теория денег см. теория денег
 Марксова теория кредита см. теория кредита
 Медный бунт 134
 Меллоративные фонды 281
 Монометаллизм 117, 119, 122, 124, 128
 — аутометаллизм 91
 — биметаллизм 116, 117, 120, 121
 — медный 116, 119
 — золотой 116, 119, 121, 122, 123, 135, 136
 — серебряный 116, 119, 125, 135
 Металлы благородные 111, 142
 Металл валютный 117
 Металлисты 16, 85, 86, 87, 88, 89, 92
 Металлическое обращение 130
 Металлический паритет 126
 Механисты 12, 13
 Монеты 33, 34, 40, 41, 112, 113
 — чеканка монет 137
 — бильонные 36, 38, 46, 73, 75, 93, 117, 119, 136

- Монеты золотые 41, 42, 44, 45, 58, 65, 75, 126, 154
 — медные 92, 134
 — металлические 34, 47, 75, 113, 128
 Монета мировая 60
 Монеты из никеля 92
 — разменные 36, 46, 60
 — серебряные 75, 122, 134
 Монетная конвенция 121
 Монетный паритет 77
 Монетная регалия 110, 112, 114
 Монетный резерв 39
 — устав 136
- Налог учредительный** 264
 НКФ 185
 Номинализм 141, 142
 Номиналисты 86, 90, 94, 95, 96, 98
- Облигации** 230, 261, 277
 — государственные 254
 — процесс обмена 29
 — средства обмена 30, 86
 — формула уравнения обмена 105
Обмен непосредственный 31, 32
 — простой 87
 — рыночный 11, 195
 — справедливый 195
Обращение 32, 33, 35, 39, 42, 48, 53, 213
 — издержки обращения 212
 — процесс обращения 33, 34
 — скорость обращения 107
Обращение металлическое 57
 — средства обращения 28, 29, 30, 34, 37, 38, 40, 44, 48, 49, 54, 55, 57, 60, 63, 76, 89, 90, 95, 101, 113, 115, 117, 122, 177, 183, 184, 192, 198, 199, 200, 210, 212, 243, 247, 291
 — средства обращения банковские см. банки
 — факторы обращения 53, 107
Обращение денежное см. деньги
 — международное 59, 61, 62
 — товарное 213, 222, 243, 247
Обязательства краткосрочные 228
- Паек** 172
Платеж 177
Платежи репарационные 68
Платежные знаки 92
Платежная сила 7, 90, 95, 96
Платежные средства 49, 51, 52, 54, 55, 57, 59, 61, 63, 72, 87, 89, 90, 91, 92, 94, 95, 115, 117, 118, 119, 122, 201, 290, 294
 — хартальные 91, 92, 94
Покупательная сила 7, 27, 57, 76, 90, 94, 101, 104, 105, 107, 124, 128
Потребительная стоимость 209
Предприятия акционерные 261, 262
Прибавочная стоимость 144, 205, 206, 226, 262, 273
- Продуктообмен** 201
Плановый продуктообмен 200
Прибыль учредительская 263
 — концентрация производства 260, 363, 364
 — национализация промышленности 174, 261
 — финансирование промышленности 257
Промышленная монополия 365
Процент 72, 208, 210, 219, 237, 307, 420
 — уровень процента 222, 223, 420
- Рабочая сила** 175, 205, 203, 209, 239
Рантье 281
Расходы реальные 83
Революция Октябрьская 128, 359, 380
 — французская 127, 128, 130
Резервный фонд 39, 61
Рубль царский 155
 — покупательная сила рубля 192, 193
Рынок 70, 175, 194
 — валютный 188
 — мировой 59, 60, 61, 89, 146, 199
 — подземный 182, 175, 177
Рынки дефективные 176
Рыночный товарообмен 171, 172
 — товарооборот 172, 175
Рыночные формы 18, 21
- Сальдо торговокредитное** 67
Сальдирование 53, 66
Сберегательное дело 440
Сбережения 292
Сберкасс 379, 400
Сделки торгово-кредитные 54
Сейфы банковские 238
Серебро банковое 153
Свобода чеканки серебра 119, 120, 121, 122, 125
Серебряная валюта см. валюта
Сокровище 40, 45, 49, 57, 58, 73, 95, 104, 111, 115, 121, 155, 201, 241, 243
Социал-утописты 194, 195, 416
Спекуляция 77, 79, 129, 150, 258, 357
 — товарная 253
Спекулянты 80, 256, 257
Стоимость:
 — мерло стоимости 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 29, 30, 35, 37, 38, 42, 46, 49, 58, 59, 60, 88, 89, 94, 95, 104, 115, 123, 124, 177, 179, 195, 198, 199, 200
 — субстанция стоимости 11
 — теория стоимости 99
 — закон трудовой стоимости 28, 101
 — трудовая теория стоимости 42, 43
 — форма стоимости 7, 11, 12, 13, 14, 16, 20, 25, 28, 176, 197
 — форма стоимости меновая 7, 10, 11, 15, 16, 25, 34, 37, 101, 111
 — форма стоимости относительная 13, 14, 27, 41, 43, 146

- Стоимость: стоимость потребительская 7, 10, 12, 13, 16, 29, 33, 87, 88, 96
 — форма стоимости товарная 20, 25, 33, 37, 59, 95, 122, 159
 Ссуды банковые 257
 — беззалоговые 257
 — онкольные 255
 — срочные 255
 Ссудные кассы 160
- Талоны распределительные** 201
 Теоретики-металлисты 32
 Товары дефицитные 200
 Товарная пошлина 151
 Товарные рубли 184
 Товарный фетишизм 12, 18
 — эквивалентность товаров 147
 Товарообмен 170, 180
 — натуральный 179, 180, 181, 182
 Товарооборот 37, 52, 77
 — государственное регулирование торговли 182
 Треды 174
 Труд абстрактный 11, 12, 13, 16, 88, 96, 220
 — конкретный 11, 12, 16, 17, 87, 88, 220
 — необходимый 13, 175
 — общественный 11, 16, 17, 18, 21, 24, 28, 30, 31, 88, 96, 199, 200, 220, 244
 — социально-равенный 11
 — частный 17, 21, 88, 96, 199, 200, 220, 244
 Трудовые боны 194, 201
 — деньги 193, 194
 — затраты 211
 — сбережения 226
 — эксплуатация трудящихся и кредит 281, 282, 283
- Факторы психические и стоимость денег** 107
 Федеральная резервная система 275, 341, 342, 343, 345
 Физюократы 141
 Фонды 296
 — аккумулярованные 267
 Фондовые маклера 312
 Форма монетная 115
 — натуральная 115
 Франк 165, 167
 Фузия банковская 332
 Фунт английский 157, 158, 159
- Хозяйство натуральное** 9, 10, 14, 110, 301
 — переходная система хозяйства 201, 218, 436
 Хозяйство плановое 305, 306, 394
 — товарно-денежная форма хозяйства 301
 Хозяйственный учет 174
- Цена** 7, 19, 21, 22, 23, 25, 26, 28, 35, 44, 45, 49, 81, 82, 98, 102, 103, 107, 115, 191, 195
 — знаки цены 89
 — революция цен 26
 — таксировка цен 126
 — уровень цен 293
 Цены золотые 119, 120
 — оптовые 28
 Цена монетная 44
 — слитковая 43
 Ценности дивидендные 374
 Ценность материализованная 87
 Ценности потребительские 116
 — ценность реальная 164, 172, 183, 295
 — трудовая 174, 175, 194
 Ценности фондовые 374
 Ценность функциональная 96
 Ценные бумаги 257, 344, 374
- Чеканка денег** 35, 36, 45, 46, 47, 74, 90, 116, 117, 134
 Чеки 66, 216, 230, 236, 245, 246, 253, 287
 — банковые 156
 Чековая эмиссия 257
 Червонцы 184, 185, 188, 189, 197, 292
- Школа банковская** 102, 103
 — денежная 102
 — металлистическая 32
 — товарная 103
 — экспансивистическая 204
 — номиналистическая см. номинализм
- Эквивалент** 13, 14, 15, 16, 17, 20, 25, 23, 31, 88, 138, 180, 181
 — всеобщий 15, 16, 19, 20, 27, 28, 29, 30, 38, 89, 110, 176, 177, 197, 220
 — денежный 176
 — местный 170, 177, 178
 — товарный 110, 175
 Эквивалентная комиссия 180
 Эквивалентные формы 181
 Эквивалентная норма 12, 15, 87
 Эмиссия 55, 56, 71, 72, 74, 76, 82, 113, 123, 159, 187, 189, 192, 257, 258, 291, 293
 — банкнотная 56, 123, 156, 157, 162, 165, 166, 248, 254, 287, 310, 324, 340, 343, 369
 — бумажная 75, 83, 131, 154, 168, 173, 185
 — избыточная 76, 190, 191
 — централизованная 56, 171
 Эмиссионный барьер 263
 — доход 186
 — налог 72, 73, 77, 83, 156, 185
 — совет 184
 Эмитенты 55, 293
 Экспансивисты 289, 290
 Эксплуатация 208, 209
 Экспортная премия 78, 79, 80
 Эффекты 230

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**ргентариус 71
- Барбон** 138, 139
 Батуринский 382
 Бекерат 223, 232
 Беллерби 345
 Бендиксен 86, 96
 Берджес 275
 Берковский 18, 29, 38, 48, 108
 Вернацкий 381
 Бессонов 12
 Блок Герберт 18, 29, 38, 48, 58
 Богданов 12
 Боголепов М. И. 85, 394
 Бозанкет 101
 Брегель 218
 Брей 194
 Брюханов 395
 Бухарин Н. И. 13, 275
 Бухвальд 241
 Бэкель Ричард 356
 Бэбсон Роджерс 356
 Бэкхауз 147
 Бэрджес 358
 Бюхер Карл 307
- В**айсберг 178, 186
 Ванаг 366, 382
 Вашингтон 132
 Вебер 241, 269, 323, 339
 Вейцман 241
 Визер 269
 Витте 136, 140
 Витгерс 223
 Вольф Отто 80
 Выгодский 210, 218, 275, 298
- Г**ан Альберт 264, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298
 Гесель Сильвио 193, 195, 416
 Геллинг 269
 Гельферих Карл 95, 97, 115, 140, 223
 Герценштейн 284
 Гешен 71
 Гельфердинг 48, 58, 259, 260, 263, 268, 272, 278
 Гобсон Дж. 260, 264, 268, 278
 Голованов 173
 Гольденвейзер 307, 359
 Гурн 297
- Грей 194
 Грешам 76
 Гувер 357, 358
- Д**ашковский 12
 Дауэс 149, 163, 165, 329
 Дволайцкий 151, 161, 168
 Диль 8, 9, 38, 48, 58, 85, 86, 87, 88, 97, 274, 286, 297
- Е**взли 143
- З**омбард 296, 298, 307
- К**оможинский 203
 Камени Георг 71, 85
 Камерер 358
 Канкрин 135
 Кантльон 97
 Карамзин 139, 140
 Капелюш 168
 Кассель 108, 147, 168
 Кауфман 143, 339
 Каценеленбаум 71, 85, 108, 115, 143, 168, 178, 186, 193, 223, 232, 241, 259, 284, 297, 307, 323, 339, 358, 381, 382, 415
 Кенлиф 156
 Кинлей Мак 122
 Клар Джорж 71
 Кнапп Георгий 8, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 132, 140
 Козлов 202
 Кон 12, 115, 278
 Косинский 284, 297
 Котошихин 134
 Краснощеков 358
 Креве 174
 Креммовд Элгард 144
 Крицман 172, 178
 Кудшпер 307
- Л**аманский 143
 Лаундес 139
 Левин 381
 Левинсон 168
 Лейкин 218
 Лексис 88, 121, 297
 Ленин 170, 179, 180, 181, 182, 195, 196, 260, 267, 289, 273, 278, 304, 382, 384, 423, 428, 429

Леонтьев и Хмельницкая 202
 Линдсей 125, 136
 Лифман Роберт 22, 96
 Ло Джон 204, 285, 289, 290, 324
 Ловстон 357
 Лоевецкий 86, 92, 96
 Локк 97
 Лупандин 415, 423
 Лясбург 86
 Лященко 148, 362, 366, 382

Мануйлов 297

Мануильский 274, 298
 Маркс Карл 11, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22,
 25, 27, 29, 30, 34, 37, 38, 39, 41, 43, 44,
 46, 47, 48, 49, 54, 56, 58, 60, 61, 71, 85,
 87, 89, 98, 99, 100, 101, 102, 108, 110,
 111, 120, 139, 175, 177, 208, 209, 210,
 211, 215, 218, 219, 220, 221, 222, 223,
 243, 262, 301, 304, 305, 307, 416, 417, 418

Маршалл 297

Маклеод 204, 290, 297

Мен 138

Менгер 115

Мигулян 381

Мизес 140

Миклашевский 143

Милль А. Стюарт 88

Милль Джеймс Стюарт 88, 203, 286, 297

Митчел 345

Михалевский 115, 284

Моультон и Льюис 168

Нахимсон 168

Никольский 143

Нсрс 138

Нусбаум 143

Оль 368

Орезмий Николай 76

Оутри 296

Оуэн Роберт 175, 193, 194

Павлович М. 144, 159, 168

Пиль Роберт 102, 133, 159, 309

Посошков Иван 8, 138

Преображенский Е. А. 82, 168, 178, 202

Прудон 104, 417

Пятаков 433

Рамэль 130

Раскин 202, 423

Ратенау 151

Рикард 32, 98, 99, 100, 101, 102, 105,
 126, 158, 203, 285

Реннер 223, 241

Робертсон 345

Родбертус 280, 417

Романовский 168

Ронин 369, 382

Ротшильд 324

Рубин 11, 12

Святловский 111, 115

Сидин 323, 339

Смит А. 203

Смирнов 142

Сноуден 318

Соболев 297, 440

Сокольников 168, 186, 193

Солдатов 168

Спейер 324

Стиннес 80, 270

Стронг 345

Судейкин В. 381

Султан Залэ 267, 268, 269, 270, 271

Стюарт Джеймс 99, 103

Сэй 32

Тальман 324

Твердохлебов 232, 284

Термтин Ф. 176

Торнквист 136

Трахтенберг 18, 29, 48, 58, 85, 108, 115,
 168, 186, 193, 210, 218, 223, 232, 241,
 278, 298, 350, 358, 415, 423

Туган-Барановский 85, 108, 237

Тук 102

Тьер 142

Фалькнер 85, 128, 142, 178

Фин-Енотаевский 148, 267, 268, 270, 271,
 278, 368, 382

Фиск 168

Фишер Ирвинг 98, 103, 104, 105, 106, 107,
 108

Фоксуэль 316

Форх 270, 357

Фрей Л. 193

Цвиденек 81

Цыпин 241

Чайльд 138**Шабс 12**

Шанин 38, 48, 58, 423

Шер В. 425, 440

Шефер Карл 136, 143

Шредер 324

Шумпетер Иосиф 223, 289, 290, 292, 293,
 294, 295, 296

Шульце Э. 78, 150, 168

Шульце Геверниц 232, 241

Званс Лэмминг-Уортингтон 149, 150

Эйдельмант 97, 143

Эльстер 96

Эйдельс 269

Эпштейн 143, 241, 339

Юм 98, 99, 105, 107, 108, 140

Юровский 168, 178, 183, 186, 193, 382

Яснопольский 323, 382

Яффе 320, 321

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	Стр. 3
Часть I. Деньги.	
Отдел I. Теория денег.	
Глава I. СУЩНОСТЬ ДЕНЕГ	7
§ 1. Первое поверхностное определение денег. § 2. Государственная теория денег. § 3. Второе поверхностное определение денег, противоречащее первому. § 4. Металлистическая теория денег. § 5. Как следует подходить к определению сущности денег. § 6. Роль цены в товарном обществе. § 7. Потребительская и меновая стоимость товара. § 8. Простая форма стоимости и ее два полюса. § 9. Полная или развернутая форма стоимости. § 10. Превращение развернутой формы стоимости во всеобщую форму стоимости. § 11. Денежная форма стоимости. § 12. Три особенности эквивалентной формы стоимости. § 13. Определение денег. § 14. Денежный фетишизм	
Глава II. ДЕНЬГИ КАК МЕРИЛО СТОИМОСТИ И МАСШТАБ ЦЕН	19
§ 1. Функции денег. § 2. Цена. § 3. Мерило стоимости должно само обладать стоимостью. § 4. Мерило стоимости — есть мерило общественного труда. § 5. Теория «идеальной единицы денежной меры». § 6. Масштаб цен. § 7. Причины изменения товарных цен. § 8. Повышение товарных цен перед мировой войной. § 9. Революция цен. § 10. Деньги имеют стоимость, но не имеют цены. § 11. Идеи о цене. § 12. Стоимость денег.	
Глава III. ФУНКЦИЯ СРЕДСТВА ОБРАЩЕНИЯ И БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ	29
§ 1. Процесс обмена. § 2. Необходимость денег для товарного хозяйства. § 3. Связь между мерилом стоимости и средством обращения. § 4. Деньги как средство обращения или денежное обращение. § 5. Отличие непосредственного обмена продуктами от товарного обращения. § 6. Основные ошибки металлистической теории. § 7. Ошибка экономистов в теории кризисов в связи с ложной трактовкой товарного обращения. § 8. Особенности функции средства обращения. § 9. Монета — знак стоимости. Превращение денег в знаки стоимости. § 10. Определение денег и деньги-знаки. § 11. Бумажные деньги не имеют	

стоимости. § 12. Ошибка Гильфординга в теории денег. § 13. Виды денег и денежных знаков. § 14. Выводы: противоположность функций мерил стоимости и средства обращения.

Глава IV. ФУНКЦИЯ СОКРОВИЩА И МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛИЧЕСТВА ДЕНЕГ В ОБРАЩЕНИИ

38

§ 1. Деньги как сокровище. § 2. Регулирование количества денег в обращении. § 3. Ошибка количественной теории денег. § 4. Три фактора, определяющие количество денег в обращении. § 5. Регулирование количества денег в обращении при «закрытой чеканке». § 6. Билонная монета. § 7. Австрийский и индийский опыты денежного обращения. § 8. Покупательская сила бумажных денег.

Глава V. ФУНКЦИЯ ПЛАТЕЖНОГО СРЕДСТВА. КРЕДИТНЫЙ БАЛАНС ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ. КРЕДИТНЫЕ ДЕНЬГИ

48

§ 1. Продажа товаров в кредит. § 2. Кредитный баланс денежного обращения. § 3. Зачет взаимных обязательств. § 4. Кредитный баланс при кризисах. § 5. Полная формула количества денег в обращении. § 6. Можно ли точно учесть количество необходимых для обращения денег. § 7. Кредитные деньги. § 8. Различие банкнот и бумажных денег. § 9. Регулирование количества денег в обращении. § 10. Выводы из глав III — V.

Глава VI. МИРОВЫЕ ДЕНЬГИ И ИНТЕРВАЛЮТАРНЫЙ КУРС

59

§ 1. Международный обмен и мировые деньги. § 2. Связь внутренних средств обращения с мировыми деньгами. § 3. Особенности функции денег как мировых денег. § 4. Количество мировых денег, необходимых для международного обращения. § 5. Интервалютарный или вексельный курс. § 6. Монетный паритет. § 7. Техника курсовых котировок. § 8. «Золотые точки». § 9. Расчетный баланс и его сальдо. § 10. Международный валютный арбитраж. § 11. Схема расчетного баланса. § 12. Девизная политика. § 13. Дисконтная политика. § 14. Интервалютарный курс между странами различных валют.

Глава VII. БУМАЖНО-ДЕНЕЖНАЯ ИНФЛЯЦИЯ

71

§ 1. Причины инфляции. § 2. Инфляция как налог на доход и капитал. § 3. Характеристика типичного инфляционного процесса. § 4. Коллание покупательной силы бумажных и серебряных денег в связи с изменением их количества при прекращении свободного размена бумажек на золото. § 5. Влияние инфляции на народное хозяйство. § 6. Вексельный курс и товарные цены. § 7. Инфляция и классы. Капиталисты. Земледельцы. Рабочие. § 8. Расхождение в темпах эмиссии и обесценения. § 9. Надевание реального дохода от эмиссии. § 10. Методы проведения денежной реформы. § 11. Бумажно-денежная инфляция — необходимый спутник капитализма.

Глава VIII. КРИТИКА ТЕОРИЙ ДЕНЕГ. ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ДЕНЕГ

85

§ 1. Основное различие в постановке проблемы сущности денег у Маркса и буржуазных теоретиков. § 2. Два основных направления

денежных теорий. § 3. Принципы металлистической теории денег. § 4. Критика металлистической теории денег. § 5. Недооценка роли денег металлистами. § 6. непонимание металлистами особых форм проявления денег как средств обращения. § 7. Золотой фетишизм металлистов. § 8. Помпанистическая теория денег. Ее объективное основание. § 9. Теория денег Клаппа. § 10. Критика теории Клаппа. § 11. Функциональная теория денег. § 12. Учение Гильдфориха о ценности денег.

Глава IX. КРИТИКА ТЕОРИЙ ДЕНЕГ. ПРОБЛЕМА СТОИМОСТИ И КОЛИЧЕСТВА ДЕНЕГ

97

§ 1. Постановка проблемы. Количественная и товарная теория стоимости денег. § 2. Теория Юма и ее критика. § 3. Товарная теория Джемса Стюарта. § 4. Теория Рикардо. § 5. Влияние теории Рикардо на направление валютной политики. § 6. Товарная теория Тука. § 7. Теория И. Фишера. § 8. Отличие теории Фишера от теории Юма. § 9. Критика теории Фишера.

Отдел II. Денежные системы

Раздел I. Денежные системы капитализма.

Глава X. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДЕНЕГ

110

§ 1. Основные исторические типы денег. § 2. Примитивные товарные эквиваленты. § 3. «Весовые деньги». § 4. Металлочеканные деньги. § 5. Мошная регалия и «порча монет». § 6. Бумажные деньги и банкноты. § 7. Деньги-товары — основа денег знаков.

Глава XI. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ДЕНЕЖНЫХ СИСТЕМ

116

§ 1. Определение денежной системы. § 2. Регламентированные и свободные денежные системы. § 3. Принцип классификации денежных систем. § 4. Основное разграничение денежных систем. § 5. Системы материальных (субстанциональных) валют. § 6. Медный и серебряный монометаллизм. § 7. Биметаллизм. § 8. Биметаллизм без фиксированного валютного паритета двух металлов. § 9. Биметаллизм с фиксированным валютным паритетом. § 10. Золотой монометаллизм. § 11. Блокированная чеканка. § 12. Система бумажных знаков, связанных с мировыми деньгами. § 13. Система бумажных знаков без фиксированной связи с мировыми деньгами.

Глава XII. ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ИЗ ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ И ДЕНЕЖНЫХ ТЕОРИЙ

127

§ 1. Бумажные деньги в эпоху Великой французской революции. История ассигнатов. Таксировка цен. «Королевские» и «республиканские» ассигнаты. «Земельные мандаты». Ликвидация ассигнатов и их историческая роль. § 2. Бумажно-денежное обращение во Франции в 1848 г. и в 1870—1872 гг. § 3. Бумажно-денежное обращение в САСШ. Континентальные деньги. Бумажные «гринбеки» САСШ 1861 г. § 4. Неразменные банкноты в Англии. § 5. История денежного обращения России. Порча монет как источник государственного дохода. «Медный бунт» при Алексее Михайловиче. История ассигна-

дионного обращения. § 6. Реформа Канкрина 1839—1843 гг. Новая полоса бумажно денежной инфляции. Реформа Витте 1897 г. § 7. Классические случаи стабилизации валют. § 8. Связь денежных теорий с практикой организации денежных систем. § 9. Порча монет и юридическая (государственная) теория денег. § 10. Борьба классовых интересов в связи с практикой денежного обращения. § 11. Развитие денежных теорий в связи с развитием капитализма. § 12. Политические мотивы номиналистических выступлений.

Глава XIII. КРИЗИС ДЕНЕЖНЫХ СИСТЕМ И МИРОВАЯ ДЕНЕЖНАЯ ПРОБЛЕМА ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

144

§ 1. Мировая денежная проблема. § 2. Стоимость мировой войны. § 3. Мобилизация материальных ресурсов посредством финансового аппарата. «Чрезвычайные» доходные источники. Бумажно-денежная инфляция — основа «чрезвычайных доходов». Концентрация золота правительствами воюющих стран. § 4. Развал мирового хозяйства. Рост спроса на товары на мировом рынке — рост товарных цен. Падение покупательской силы золота. Сокращение производства золота. § 5. Рост покупательской силы золота после войны. Ошибки Касселя. § 6. Перераспределение мировых запасов золота. САСШ — мировой банкир. § 7. Послевоенная бумажно-денежная инфляция. Валютный демпинг.

Глава XIV. КРИЗИС ДЕНЕЖНЫХ СИСТЕМ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ РЕФОРМЫ В ГЛАВНЕЙШИХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ

152

§ 1. Денежная инфляция в России. Значение закона 27 июля 1914 г. Темп эмиссии и темп обесценения бумажных денег. Разрыв между покупательской силой и интервалютарным курсом рубля. Инфляция после Февральской революции. § 2. Переход Англии от золотого монометаллизма к инфляционной бумажно-денежной системе. Особенность инфляционного процесса в Англии. Разрыв между покупательской силой и интервалютарным курсом. Мероприятия по поддержанию интервалютарного курса. Оздоровление бюджета и подготовка денежной реформы. Восстановление размера банкнот на золоте в 1925 г. Завершение денежной реформы в 1928 г. Отмена милевского акта. § 3. Расходы Германии на финансирование войны. Развитие инфляционного процесса в Германии во время войны. Послевоенная инфляция. Валютный «демпинг». Крах марки. Рентная марка. Денежная реформа 1924 г. Связь новой марки с золотом. § 4. Развитие инфляционного процесса во Франции. Послевоенная инфляция. Оздоровление бюджета за счет трудящихся и мелкой буржуазии. Денежная реформа 1928 г. § 5. Значение рассмотренного периода для истории денежного обращения.

Раздел II. Денежная система СССР.

Глава XV. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ПЕРИОД ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

170

§ 1. «Военный коммунизм» и ломка денежной системы. § 2. Распад денежной системы и разрыв цен. § 3. Патурализация хозяйства. Курс на ликвидацию денег. § 4. Теория и практика отмирания денег.

Проблема хозяйственного учета при социализме. Проекты безденежного хозяйственного учета. § 5. Развитие товарообмена и появление местных эквивалентов. Развернутая форма стоимости. Всеобщая форма стоимости. § 6. Совзнаки как заместители местных товаров-денег. § 7. Причины «живучести» совзнака.

Глава XVI. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ ДО ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ 1924 г. 179

§ 1. Попытки стабилизировать валюту осенью 1921 г. § 2. Натуральный товарообмен. § 3. Курс на восстановление нормального денежного обращения. § 4. Деволюция § 5. Продолжение инфляции. § 6. Продуктивность эмиссионного напряжения. § 7. Восстановление золота в качестве меры стоимости. § 8. Период двойного обращения.

Глава XVII. ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1924 г. И ПОРЕФОРМЕННАЯ ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА 187

§ 1. Подготовка денежной реформы. § 2. Основные законодательные акты денежной реформы 1924 г. § 3. Товарная и валютная интервенции. § 4. Разменный кризис.

Глава XVIII. ПРИРОДА ДЕНЕГ В ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ 193

§ 1. Утопия «трудовых денег». § 2. Опыт справедливого обмена Роберта Оуэна. § 3. Организация обмена невозможна без организации производства. § 4. Реакционная утопия Сильвио Гезелля. § 5. Роль денег в СССР. § 6. Единство и противоречия хозяйственной системы переходного периода. § 7. Переходная эпоха — процесс отмирания денег. § 8. Необходимость денег для развертывания товарных отношений в начале нава. § 9. Принципиальное значение товарной интервенции в связи с денежной реформой 1924 г. § 10. Регулирование цен — ограничение денежных функций. § 11. Выполняют ли деньги в СССР функцию меры стоимости? § 12. В какой мере сохраняется значение функций денег как средства обращения? § 13. Принципиальное значение системы «заборных книжек». § 14. Утрачивают ли наши денежные знаки всякую связь с золотом? § 15. Функции сокровища и мировых денег. § 16. Функция платежного средства. § 17. Противоречия денег в переходной экономике как отражение присущего этой последней противоречия плава и стихии.

Часть II. Кредит

Отдел I. Теория кредита

Глава XIX. СУЩНОСТЬ КРЕДИТА 203

§ 1. Первое поверхностное определение кредита. § 2. Натуралистическая теория кредита. § 3. Второе поверхностное определение кредита. § 4. Экспансивистическая теория кредита. § 5. Определение капитала. § 6. Кругооборот промышленного капитала и его формы. § 7. Распадение прибыли на процент и предпринимательский доход. § 8. Противоположность интересов заемщиков и владельцев. § 9. Ссудный капитал и капитал, приносящий проценты. § 10. Ссудный капитал как товар. Процент. § 11. Определение кредита.

Глава XX. ФУНКЦИИ И ФОРМЫ КРЕДИТА

§ 1. Роль кредита в капиталистическом производстве. § 2. Необходимость кредита. § 3. Коммерческий кредит. § 4. Банкирский кредит. § 5. Ссуда денег и ссуда капитала. § 6. Внебанковский денежно-капитальный кредит. § 7. Специальные виды кредита.

Глава XXI. ДЕНЕЖНЫЙ РЫНОК, ПРОЦЕНТ И КОНЪЮКТУРА 219

§ 1. Определение денежного рынка. § 2. Процент. § 3. Противоположность движения ссудного и промышленного капитала. § 4. Количество денег и размер процента.

Глава XXII. СТРОЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО РЫНКА. 223

§ 1. Схема денежного рынка. § 2. Банковская эмиссия. § 3. Предложение ссудного капитала функционирующими капиталистами. § 4. Некапиталистическая группа заемщиков. § 5. Спрос на ссудный капитал функционирующих капиталистов. § 6. Спрос на ссудный капитал некапиталистической группы заемщиков. § 7. Кредитные документы. § 8. Кредитная система.

Глава XXIII. ПАССИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ БАНКОВ 232

§ 1. Определение банка. § 2. Баланс банка. § 3. Техника бухгалтерской записи. § 4. Фетишизм банковского баланса. § 5. Пассивные и активные операции. § 6. Два основных фонда банковского кредитования. § 7. Образование акционерного капитала. § 8. Депозиты и жирооборот. § 9. Расчетные палаты. § 10. Депозиты и денежный рынок. § 11. Основной принцип банковской политики. § 12. Стабильность депозитов и активы. § 13. Депозиты—фиктивные деньги и фиктивный капитал.

Глава XXIV. ПАССИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ БАНКОВ. ЭМИТИРОВАННЫЙ ФОНД БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ 242

§ 1. Формы банковской эмиссии средств обращения. § 2. Акцепт—аваль. § 3. Банковская эмиссия. § 4. Кредит и кризисы. § 5. Депозитно-чековая эмиссия. § 6. Взаимозависимость между активными и пассивными операциями. § 7. Какие банки являются эмиссионными?

Глава XXV. АКТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ БАНКОВ. 249

§ 1. Классификация активных операций. § 2. Торговые операции. § 3. Комиссионные операции. § 4. Вексельные операции. § 5. Учет книжных записей. § 6. «Классическое создание денег» по Бендиксему. § 7. Подтоварные ссуды. § 8. Операции с ценными бумагами. § 9. Биржевые спекулятивные операции. § 10. Финансирование биржевой спекуляции. § 11. Бланковый корреспондентский кредит. § 12. Границы банковского кредита.

Глава XXVI. КРЕДИТ В ЭПОХУ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА 259

§ 1. Сращивание банковского капитала с промышленным и образованием финансового капитала. § 2. Пять характерных признаков империализма по Ленину. § 3. Кредит и конкуренция промышленных капиталистов. § 4. Развитие акционерной формы предприятий в Англии, Северо-американских соединенных штатах, Германии и России. § 5. Сущность акционерно-облигационной формы кредита. § 6. Цена акций—номинальная и курсовая. § 7. Учредительская прибыль. § 8. Дутое

учредительство. § 9. Контрольный пакет акций. § 10. «Демократизация капитала» нанзаянку. § 11. «Система участия». § 12. Баржовая спекуляция. § 13. Банки и финансирование промышленности. § 14. Критика критиков теории финансового капитала. § 15. Роль банков в эпоху империализма. § 16. Критика теории «организованного капитализма». § 17. Буржуазные иллюзии кредитного планирования капитализма.

Глава XXVII. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ КРЕДИТА 276

§ 1. Государственный кредит. § 2. Коммунальный кредит. § 3. Мелкий торгово-промышленный и сельскохозяйственный кредит (кредитная кооперация). § 4. Ипотечный кредит. § 5. Крестьянский поземельный кредит. § 6. Потребительский кредит. § 7. Кредит как орудие эксплуатации.

Глава XXVIII. КРИТИКА ТЕОРИЙ КРЕДИТА 284

§ 1. Два основных направления в теории кредита. § 2. Пеходные принципы натуралистической теории кредита. § 3. Взгляды на кредит Д. Рикардо. § 4. Функции кредита по Дилю. § 5. Критика натуралистической теории. § 6. Общие принципы экспансивистической теории. § 7. Учение Джона Ло. § 8. Учение Маклеода. § 9. Новейшая экспансивистическая теория. § 10. Учение Гана. § 11. Учение Шумпетера. § 12. Критика экспансивистической теории. § 13. О так называемом создании капитала банками.

Отдел II. Банковые системы

Раздел I. Банковые системы капитализма

Глава XXIX. ВОЗНИКНОВЕНИЕ БАНКОВ И РОСТОВЩИЧЕСКИЙ КРЕДИТ 301

§ 1. Ростовщический капитал. § 2. Зачатки банкового дела в Вавилоне, Греции, Египте и Риме. § 3. Банковое дело в средние века. § 4. Формы ростовщического кредита и его историческая роль. § 5. Кредитные ассоциации в Италии. § 6. Образование «жиро-банков». § 7. Учреждение Английского банка. § 8. Различие между ростовщическим и современным капиталистическим кредитом.

Глава XXX. БАНКОВАЯ СИСТЕМА АНГЛИИ 308

§ 1. Развитие английской банковской системы. § 2. Реформы 1833 и 1844 гг. § 3. Процесс концентрации английских банков. § 4. «Безрезервная система» английских банков. § 5. Дисконтная политика Английского банка. § 6. Вексельные маклера и дисконтные формы. § 7. «Купцы-банкиры», сберегательные кассы, иностранные банки. § 8. Сводный баланс банков Великобритании с 1900 по 1929 г. § 9. «Жиро-инфляция» во время войны. § 10. Реформа 1928 г. § 11. Баланс Английского банка. § 12. Ликвидность банковской системы Великобритании. § 13. Биг-Файв. § 14. Перспектива образования единого «денежного треста» в Англии. § 15. Так называемое «разделение труда» в английской кредитной системе. § 16. Финансирующие тресты. § 17. Финансовый капитал в Англии. § 18. Формы кредитования § 19. Обороты расчетных палат.

Глава XXXI. БАНКОВЫЕ СИСТЕМЫ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ . . .

I. Банковая система Германии.

§ 1. Развитие германской банковской системы. § 2. Борьба за централизованную систему банкнотной эмиссии. § 3. Учреждение Рейхсбанка. § 4. Банковская анкета 1908 г. и закон 1909 г. § 5. Местные государственные и коммунальные банки. § 6. Сберегательные банки. § 7. Жиро-централы. § 8. Ипотечные банки. § 9. Инвестиционные тресты и нексельные маклера. § 10. Накопление золотого запаса и дисконтная политика Рейхсбанка. § 11. Рейхсбанк во время войны. § 12. Реформа Рейхсбанка 1924 г. § 13. Частные нотные банки. § 14. Кредитные банки. § 15. Новейшая «фузия» двух крупнейших немецких банков. § 16. «Сверхбанк» по плану Юнга.

II. Банковая система Франции.

§ 17. Эксперимент Джона Ло. § 18. Развитие французской банковской системы. § 19. ПослеревOLUTIONНАЯ банковая система Франции. «Кредит Мобилье». § 20. Образование современных крупнейших депозитных банков. § 21. Стрoение современной кредитной системы Франции. § 22. Влияние правительства на кредитную систему. § 23. Французский банк. § 24. Новый принцип банкнотной эмиссии 1928 г. § 25. Депозитные банки. § 26. Финансовый капитал во Франции. § 27. Подчинение банков промышленности после войны.

Глава XXXII. БАНКОВАЯ СИСТЕМА СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

340

§ 1. Развитие банковской системы. § 2. Федеральная резервная система (закон 1913 г.). § 3. Функции Ф. Р. банков. § 4. Принцип твердого покрытия депозитов наличностью. § 5. Баланс Ф. Р. банков. § 6. Общественный характер Ф. Р. банков. § 7. Иллюзии американских экономистов в связи с Ф. Р. С. § 8. Золотое ожирение САСШ. § 9. Американский империализм. § 10. Стрoение банковской системы САСШ. § 11. Национальные и штатные банки. § 12. Трест-компания. § 13. Сберегательные банки и частные банкиры. § 14. Удельный вес основных групп банков в банковской системе САСШ. § 15. Концентрация банковского капитала. § 16. Новейшие «фузии» банков САСШ в 1929 г. § 17. Обороты расчетных палат. § 18. Международные банковые объединения на службе у американского империализма. § 19. Сельскохозяйственный кредит в САСШ. § 20. Финансирование потребительского спроса. § 21. Рабочие банки. § 22. Американский биржевой крах 1929 г.

Глава XXXIII. БАНКОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ

359

§ 1. Три периода в развитии банковской системы России. § 2. Первый период. Зачатки банковского дела в России. § 3. Реформы кредитных учреждений (1786 и 1817 гг.). § 4. Операции государственных кредитных учреждений до 1860 г. § 5. Второй период после реформы 1861 г. § 6. Кризис 1899—1902 гг. и крах банков. § 7. Третий период — эпоха финансового капитала. § 8. Хозяйственный подъем с 1909 г. до мировой войны. § 9. Роль иностранного капитала в си-

стеме финансового капитализма России. § 10. Государственный банк. § 11. Развитие активных и пассивных операций акционерных коммерческих банков. § 12. Общества взаимного кредита. § 13. Городские общественные банки. § 14. Акционерные земельные банки. § 15. Крестьянский поземельный банк. § 16. Прочие учреждения поземельного долгосрочного кредита. § 17. Учреждения мелкого кредита. § 18. Сберегательные кассы и ломбарды. § 19. Частные банковские фирмы. § 20. Влияние инфляции на кредитную систему в целом.

Раздел II. Банковская система СССР.

Глава XXXIV. РАЗВИТИЕ БАНКОВСКОГО КРЕДИТА В СССР . . . 383

§ 1. Три периода в развитии советской банковской системы. § 2. Декрет о национализации банков. § 3. Партийная программа о роли кредита. § 4. Роль и значение банков в период нэпа. § 5. Организация Государственного банка. § 6. Трудности работы Государственного банка в первые годы нэпа. § 7. Организация специальных банков. § 8. Эмиссия банкнот. § 9. Фактические данные о развитии банковского кредита в течение восстановительного периода. § 10. Денежный рынок в течение восстановительного периода. § 11. Третий период—реконструкция народного хозяйства. § 12. Фактические данные о развитии банковской системы в течение реконструктивного периода.

Глава XXXV. КРЕДИТНЫЙ ПЛАН. ПАССИВНЫЕ И АКТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКИХ БАНКОВ 394

§ 1. Единый финансовый и кредитный план. § 2. Порядок составления кредитных планов. § 3. Формы кредитных планов. § 4. Пассивные операции советских банков. § 5. Сезонные колебания денежной массы и депозитов. § 6. Государственный кредит в СССР. § 7. Сберегательные кассы. § 8. Кредит и бюджет. § 9. Активные операции советских банков. § 10. Формы взаимоотношений советских банков с их клиентурой. § 11. Рационализация форм активных операций.

Глава XXXVI. СТРОЕНИЕ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ СССР ДО РЕФОРМЫ 1930 ГОДА 409

§ 1. Развитие сети кредитных учреждений. § 2. Взаимоотношения Госбанка с другими банками. § 3. Доводы за и против единого банка. § 4. Законодательные акты по реорганизации банковской системы. § 5. Реорганизация банковской системы СССР в 1927—1928 гг. § 6. Банковская система СССР после реформы 1927—1928 гг. § 7. Учреждения краткосрочного кредитования, кроме Государственного банка. § 8. Система сельскохозяйственного кредита. § 9. Долгосрочное кредитование промышленности. § 10. Особенности долгосрочного кредитования промышленности. § 11. Задачи банка долгосрочного кредитования промышленности.

Глава XXXVII. ПРИРОДА КРЕДИТА В ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ . . . 416

§ 1. Кредит как рычаг переустройства общества на социалистических началах. § 2. Кредитные утопии Прудона, Сен-Симона и др. § 3. Природа кредита в СССР. § 4. Функции кредита в СССР. § 5. Основное различие между кредитом при капитализме и в СССР.

§ 6. Кредит как орудие плановой экономической политики пролетариата. § 7. Централизация кредитного аппарата. § 8. Ленин о природе советских банков.

Глава XXXVIII. КРЕДИТНАЯ РЕФОРМА 1930 г. 424

§ 1. Экономические предпосылки кредитной реформы 1930 г.
 § 2. Основной порок дореформенной кредитной системы. Противоречие между плановым распределением продукции и коммерческим кредитом.
 § 3. Противоречие между социалистическим учетом и распределением, с одной стороны, и распыленностью кредитного аппарата, с другой стороны. § 4. Противоречие между коллективизацией сельского хозяйства и дореформенной системой и методами сельскохозяйственного кредита. § 5. Новая система построения кредитного аппарата СССР. § 6. Новые формы кредитования торговли и промышленности. § 7. Контокоррент как универсальная форма взаимоотношений банков и их клиентуры. § 8. Сущность новых методов краткосрочного кредитования промышленности. § 9. Новые методы кредитования госторговли и кооперации. § 10. Идеальная картина организованного продуктодвижения в социалистическом обществе. Кредитная реформа не осуществляет, но приближает хозяйство СССР к подлинному социалистическому продуктообороту. § 11. Реорганизация системы сельскохозяйственного кредита и функции низовых кредитных товариществ. § 12. Реформа госзаймов 1930 г. и ее значение.

Предметный указатель 441

Именной указатель 448

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ НАРОДНОГО И МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

БУРЖУАЗНЫЕ УЧЕНЫЕ О ЗАКАТЕ КАПИТАЛИЗМА. Перев. с нем. под ред. составителей сборника М. Ф. Иоэльдсона и М. И. Баха. Предисл. Г. Я. Сокольниковца. (Экономическая мысль капиталистических стран). Стр. 174. Ц. 1 р.

БУКШПАН, Я. М., проф. Военнохозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914—1918 гг. Стр. 541. Ц. 5 р. 25 к.

ВЕБЕР, А. проф. Депозитные и спекулятивные банки. Перевод с немецк. и с послеслов. автора к русскому изданию под ред. и предисл. А. Е. Аксельрода. Дополнения и примечания Б. Жуховецкого. Стр. 306. Ц. 2 р. 50 к.

ВАРГА, Е. Экономика капитализма в период заката после стабилизации. Стр. 134. Ц. 1 р. 30 к.

ПРОКОПОВИЧ, С. Н. Народный доход Западно-европейских стран. С предисл. С. Г. Струмилина. Стр. 196. Ц. 1 р. 80 к.

КОЗЕРЕНКО, Н. Жилищный кризис и борьба с ним. Стр. 265. Ц. 2 р.

ЛАРИН, Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии (1914—1918 гг.). Стр. 293. Ц. 2 р. 50 к.

ЛЯЩЕНКО, П. И. проф. История русского народного хозяйства. Стр. 518. Ц. в пер. 4 р. 40 к.

МИЛЮТИН, В. П. История экономического развития СССР (1917—1927 гг.). Изд. 2-е. Стр. 428. Ц. 3 р. 50 к.

СОЛОВЕЙ, Г. Государственные бюджеты. Англия, Франция, Германия, Италия, С. шт. С. Америки и СССР. Под редакцией и с предисловием проф. М. И. Боголепова. Стр. 176. Ц. 2 р.

СПЕКТАТОР, М. (Нахимсон, М.) Введение в изучение мирового хозяйства. Опыт построения теории мирового хозяйства. Стр. 319. Ц. 3 р.

ЛИФМАН, Р. Фондовый капитализм. Общества для участия и финансирования. Перев. с последн. немецк. издания Л. И. Кунина. Под ред. и с предисл. А. Б. Штерна. Стр. LX + 424. Ц. 4 р. 50 к.

СТРУМИЛИН, С. Г. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. Стр. 498. Ц. 5 р. (Готовится к печати 2-е издание.)

БАРАНСКИЙ, Н. Н., БЕРНШТЕЙН-КОГАН, С. В. Всемирная экономическая география в 12 томах. Вышел том I — Германия и Польша. Стр. VII + 315. Ц. 3 р. 50 к.; т. X. Южная Америка. Стр. 506. Ц. 4 р.

